

1972

ИЗВѢСТІЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО
ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ ХХІІІ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Отчетъ о состояніи Института за 1905—1906 учебный годъ.
2. Памяти М. И. Соколова Препод. *В. Ръзанова.*
3. Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинскій). Проф. *М. Сперанскаго.*
4. Изъ слободской-украинской старины Проф. *В. Саввы.*
5. Филологическіе этюды и замѣтки (продолженіе) Проф. *И. Турцевича.*
6. Панегирикъ Риму Элія-Аристіда. Изд. Проф. *И. Турцевича* (вып. I).
7. Лукіанъ. Какъ надо писать исторію? перев. Препод. *А. Мартовъ.*
8. Памятники драматической литературы. Школьные дѣйства XVII—XVIII в.в. изд. Препод. *В. Ръзановъ.* (часть I-я).

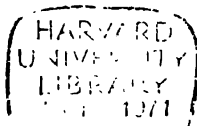
НѢЖИНЪ

Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.

1907.

^Δ
P Slav 484.25 (23)
✓

Печатано по постановленію Конференції Историко-Филологического Института
Князя Безбородко. Директоръ Института Ф. Гельбке.

Ukr. St.

ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НЪЖИНЪ

за 1905—6 учебный годъ.

НЪЖИНЪ.

Типо-Литографія насл. В. К. Меленевскаго.

1907.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Историко-филологическаго Института Князя
Безбородко въ Нѣжинѣ за 190⁶ учебный годъ.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующія
измѣненія:

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству
отъ 21 января 1906 г. ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій*
назначенъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казан-
скаго Университета по кафедрѣ всеобщей исторіи.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству
отъ 24 марта 1906 г., экстраординарный профессоръ *К. О. Рад-
ченко* назначенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ церков-
но-славянскаго и русскаго языковъ и славянскихъ нарѣчій.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству
отъ 29 іюля 1906 г., исправляющій должность экстраординарнаго
профессора *И. И. Семеновъ* утвержденъ въ должности экстра-
ординарнаго профессора по кафедрѣ римской словесности.

Предложеніемъ Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣ-
щенія отъ 10 ноября 1905 г. преподаватель русскаго языка
и словесности Одесской Маріинской женской гимназіи *И. В.
Марковъ* утвержденъ въ должности наставника-руководителя
по русскому языку.

Членами библиотечной комиссіи въ отчетномъ году состо-
яли проф. *М. Н. Сперанскій*, *И. И. Семеновъ* и *Б. Ф. Бурзи*.

Въ члены Правленія избранъ былъ Конференціей 2 февраля 1906 г. на мѣсто проф. И. Г. Турцевича—и. д. э.-о. проф. *И. И. Семеновъ*.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ награждены орденомъ св. Анны 3-й степени экстраординарный профессоръ *К. Θ. Радченко*, орденомъ св. Станислава 3-й степени наставникъ студентовъ *А. А. Мартовъ*, и орденомъ св. Владиміра 4-й степени наставникъ-руководитель *Г. В. Добіаишъ*.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени за службу по учрежденіямъ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ экстраординарный профессоръ *В. И. Савва*.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 3 марта 1906 г., ординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* утвержденъ въ чинѣ статскаго совѣтника со старшинствомъ съ 27 июня 1905 г.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 1 января 1906 г. преподаватель *М. П. Лилеевъ* произведенъ за отличіе въ статскіе совѣтники.

Къ началу 1905/6 учебнаго года состояло въ Институтѣ 100 студентовъ, которые слѣдующимъ образомъ распредѣлялись по курсамъ:

На I курсъ—29 студентовъ, поступившихъ въ Институтъ осенью 1905 г.

На II курсъ— 5 студентовъ, выдержавшихъ переводныя испытанія въ маѣ и іюнѣ 1905 г.

На IV курсъ—10 студентовъ, не приступившихъ къ выпускнымъ испытаніямъ въ маѣ и іюнѣ 1905 г.

Остальнымъ 55 студентамъ предложено было, примѣнительно къ **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнію отъ 21 мая 1906 г., перейти условно на соответствующіе высшіе курсы, съ тѣмъ чтобы въ декабрѣ мѣсяцѣ с. г. подвергнуться испытаніямъ, коихъ они не сдавали весною, и, по выдержаніи экзаменовъ, окончательно быть зачисленными на эти курсы.

Въ теченіе 1905—1906 академическаго года уволены были, согласно прошенію, 3 студента, условно зачисленныхъ на IV курсъ, и 2 студента, условно зачисленныхъ на II курсъ.

Въ теченіе отчетнаго года умерли 1 студентъ, переведенный условно на II курсъ, и 1 студентъ, переведенный условно на IV курсъ.

Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1905—1906 академическаго года производились выпускныя испытанія, на особыхъ, выработанныхъ Конференціей и утвержденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія условіяхъ, студентамъ IV курса, не приступившимъ къ означеннымъ экзаменамъ въ маѣ и юнѣ 1905 г. Удостоены были званія учителя гимназій всѣ 11 студентовъ, въ томъ числѣ 6 словесниковъ и 5 историковъ.

Къ началу 1906—1907 учебнаго года заявило о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 68 человекъ, въ томъ числѣ 54 воспитанника гимназій и 14 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Изъ нихъ принято въ I курсъ по аттестату зрѣлости 14.

Одинъ студентъ, выбывшій изъ I курса Института въ декабрѣ 1904 г., одинъ студентъ, выбывшій изъ II курса въ августѣ 1906 г., и одинъ студентъ, выбывшій изъ III курса въ 1902 г., обратно приняты были на тѣ-же курсы, согласно ихъ прошеніямъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время состоитъ въ Институтѣ 93 человекъ.

11 студентовъ, окончившихъ курсъ въ маѣ мѣсяцѣ отчетнаго года, получили слѣдующія назначенія: *Абрамовичъ*—въ Бакинскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Александровъ*—въ Севастопольскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго и латинскаго языковъ и географіи. *Лвановъ*—въ Кубанское реальное училище преподавателемъ русскаго языка. *Мандрыко*—въ Мозырскую мужскую прогимназію преподавателемъ русскаго языка. *Пятковский*—въ Симферопольское реальное училище преподавателемъ русскаго языка и словесности. *Якимовъ*—въ Елисаветградскую мужскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Компанецъ*—въ Тифлисскую мужскую прогимназію преподавателемъ русскаго и латинскаго языковъ.

Мартинсонъ—въ Кутаисское реальное училище преподавателемъ исторіи. *Плышевскій*—въ Херсонскую I-ую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка. *Пожарскій*—въ Новочеркасскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и словесности. *Торкветовъ*—въ Борисоглѣбскую женскую гимназію преподавателемъ русскаго языка и исторіи.

Въ виду того, что большинство студентовъ переведено было условно на соотвѣтствующіе высшіе курсы, Конференція внесла въ расписаніе лекцій на 1905 - 1906 учебный годъ въ первомъ полугодіи дополнительные необязательные курсы лекцій по тѣмъ предметамъ, по коимъ курсъ не былъ законченъ въ весеннемъ полугодіи 1904 - 1905 учебного года, съ цѣлю облегчить студентамъ усвоеніе знаній для предполагаемыхъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1905 г. экзаменовъ. По плану, выработанному Конференціей и утвержденному Г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа, преподаваніе въ Институтѣ въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, было предположено распределить слѣдующимъ образомъ:

По *Закону Божію* —законоучитель священникъ *А. В. Лобачевскій*: на I курсѣ (при 1 часѣ въ недѣлю): апологетическое Богословіе; на II курсѣ (при 1 часѣ въ недѣлю): догматико-апологетическое Богословіе; на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) окончаніе курса догматико-апологетическаго Богословія и общій курсъ нравственнаго Богословія. *Необязательный дополнительный курсъ* для студентовъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю—окончаніе общаго курса Христіанскаго нравоученія.

По *философiи* —и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскій*: на I курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю): систематическій курсъ формальной логики; на II курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю): систематическій курсъ опытной психологiи; на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю): исторія древней и новой философiи. *Необязательные дополнительные курсы*: для студентовъ I

курса, условно переведенныхъ на II курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю)—логика; для студентовъ II курса, условно переведенныхъ на III курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю)—психологія; для студентовъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю)—исторія философіи.

По *педагогикѣ*—преподаватель *М. И. Лилеевъ*: на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) гимназическая педагогика; на IV курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) исторія педагогики. *Необязательный дополнительный курсъ* для студентовъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, (при 1 часѣ въ недѣлю) гимназическая педагогика.

По *греческой и римской словесности*—а) на I курсѣ: переводы съ русскаго на греческій языкъ (при 3 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *Г. В. Добіашъ*; переводы съ русскаго на латинскій языкъ (при 3 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *И. И. Семеновъ*;—на II курсѣ: практическія упражненія въ переводахъ съ русскаго на греческій языкъ—(при 2 часахъ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи*; переводы съ русскаго на латинскій языкъ (при 3 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *И. И. Семеновъ*; в) на I и II курсахъ (сводно): толкованіе греческаго автора (при 3 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *Г. В. Добіашъ*; толкованіе латинскаго автора (при 3 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *А. Θ. Абрамовъ*;—г) на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно): исторія греческой литературы (при 3 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ*; греческій семинарій (при 2 часахъ въ недѣлю) и переводы съ латинскаго на греческій языкъ (при 1 часѣ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи*; переводы съ русскаго на латинскій языкъ (при 1 часѣ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ*; исторія римской литературы (при 2 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *И. И. Семеновъ*;—д) на всѣхъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ (сводно): толкованіе греческаго автора (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ*; толкованіе латинскаго

автора (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ*.—*Необязательные дополнительные курсы*: для студентовъ I курса, условно переведенныхъ на II курсъ, переводы съ русскаго языка на греческій (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* и переводы съ русскаго языка на латинскій (при 2 часахъ въ недѣлю)—*Директоръ Института*;—для студентовъ II курса, условно переведенныхъ на III курсъ, переводы съ русскаго языка на греческій (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. И. Мандесъ*, и переводы съ русскаго языка на латинскій (при 2 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *А. А. Мартовъ*; для студентовъ—классиковъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ: римскія древности (при 2 часахъ въ недѣлю) и римскій семинарій (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *И. Г. Турцевичъ*; греческія древности (при 2 часахъ въ недѣлю) и метрика (при 1 часѣ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *В. Ф. Бурзи*.

По *русской словесности и славяновѣдѣнію*—а) на I курсѣ церковнославянскій языкъ (при 3 часахъ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *К. Θ. Радченко*;—б) на II курсѣ русскій языкъ (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же;—в) на I и II курсахъ (сводно) исторія русской словесности (при 2 часахъ въ недѣлю)—ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій*;—г) на словесномъ отдѣленіи III курса семинарій по русской словесности (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же;—д) на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) исторія легенды и апокрифа въ древней русской словесности (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же; очерки фонетики и морфологіи сербо-хорватскаго и болгарскаго языковъ съ семинаріемъ по славянскимъ нарѣчіямъ (при 2 часахъ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *К. Θ. Радченко*; специальный курсъ по русской народной словесности (при 2 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *В. И. Ръзановъ*.—*Необязательные дополнительные курсы*: для студентовъ I курса, условно переведенныхъ на II курсъ, церковнославянскій языкъ (при 1 часѣ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ

К. О. Радченко; для студентов I курса, условно переведенных на II курс, и для студентов II курса, условно переведенных на III курс, (сводно) история русской литературы (при 1 часѣ въ недѣлю)—ординарный профессор *М. Н. Сперанскій*; для студентов - словесников III курса, условно переведенных на IV курс, специальный курс о славянскихъ отношеніяхъ въ русской литературѣ XIX столѣтія (при 1 часѣ въ недѣлю)—онъ-же, и специальный курс: А. С. Пушкинъ въ связи съ современной ему литературой (при 1 часѣ въ недѣлю)—преподаватель *В. И. Ръзановъ*.

По предмету *теоріи словесности*—преподаватель *В. И. Ръзановъ* на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) курсъ эпической и лирической поэзіи (при 2 часахъ въ недѣлю). *Необязательный дополнительный курсъ*: для студентов-словесников III курса, условно переведенных на IV курсъ, окончаніе курса о драматической поэзіи (при 1 часѣ въ недѣлю).

По *всеобщей исторіи*—а) на I курсѣ греческая исторія (при 3 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій*;—б) на II курсѣ исторія Рима (при 3 часахъ въ недѣлю)—онъ-же;—в) на историческомъ отдѣленіи III курса специальный курсъ по римской исторіи (при 2 часахъ въ недѣлю)—преподаватель *Е. А. Черноусовъ*; г) на историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно)—специальный курсъ по средней исторіи (при 2 часахъ въ недѣлю); ординарный профессор *В. К. Пискорскій*: специальный курсъ по новой исторіи (при 2 часахъ въ недѣлю) и практическія занятія по средней исторіи (при 2 часахъ въ недѣлю). *Необязательные дополнительные курсы*: для студентов I курса, условно переведенных на II курсъ, греческая исторія (при 2 часахъ въ недѣлю)—и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій*; для студентов II курса, условно переведенных на III курсъ, исторія Рима (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же, и исторія среднихъ вѣковъ (при 1 часѣ въ недѣлю)—ординарный профессор *В. К. Пискорскій*; для студентов—историков III курса, условно пере-

веденныхъ на IV курсъ, новая исторія (при 1 часѣ въ недѣлю)—онъ-же.

По *русской исторіи*—а) на I курсѣ обзоръ исторіи Кіевскаго періода (при 2 часахъ въ недѣлю)—экстраординарный профессоръ *В. И. Савва*;—б) на II курсѣ исторія Московскаго періода (при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же;—в) на историческомъ отдѣленіи III курса специальный курсъ по русской исторіи—(при 2 часахъ въ недѣлю)—онъ-же; г) на историческомъ отдѣленіи IV курса специальный курсъ по русской исторіографіи (при 2 часахъ въ недѣлю) и практическія занятія по русской исторіи (при 1 часѣ въ недѣлю)—преподаватель *М. И. Лилеевъ*.

По *географіи*—преподаватель *Е. И. Кашипровскій*: на историческомъ отдѣленіи III курса антропология (при 2 часахъ въ недѣлю); на историческомъ отдѣленіи IV курса физическая географія (при 2 часахъ въ недѣлю) и специальный курсъ по исторической географіи Россіи (при 1 часѣ въ недѣлю).—*Необязательный дополнительный курсъ* для студентовъ—историковъ III курса, условно переведенныхъ на IV курсъ, антропология (при 1 часѣ въ недѣлю).

По *французскому языку*—преподаватель *Л. Н. Мишель*: на I курсѣ переводы съ французскаго языка на русскій (при 2 часахъ въ недѣлю) и на II курсѣ чтеніе и переводы французскихъ статей на русскій языкъ (при 2 часахъ въ недѣлю).

По *нѣмецкому языку*—преподаватель *А. А. Мартовъ*: на I курсѣ упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій (при 2 часахъ въ недѣлю) и на II курсѣ чтеніе и переводы нѣмецкихъ статей на русскій языкъ (при 2 часахъ въ недѣлю).

Оставленіе службы до начала учебнаго года профессорами *А. И. Покровскимъ* и *Г. В. Малеванскимъ* поставило Конференцію въ необходимость внести въ расписаніе лекцій нѣкоторыя измѣненія сообразно съ измѣнившимся составомъ преподавательскаго персонала.

Руководство домашнимъ чтеніемъ по древнимъ авторамъ поручено было: а) на I курсѣ по греческому языку препода-

вателю *Г. В. Добіашу* и по латинскому языку *Директору Института*; б) на II курсѣ по греческому языку профессору *Б. Ф. Бурзи* и по латинскому языку профессору *И. И. Семенову*; в) на III и IV курсахъ по обоимъ древнимъ языкамъ профессорамъ *М. И. Мандесу*, *И. Г. Турцевичу*, *Б. Ф. Бурзи* и *И. И. Семенову*.

Вышеизложенныя задачи, намѣченныя Конференціей для 1905—1906 учебнаго года, не могли быть выполнены вслѣдствіе событій, имѣвшихъ мѣсто въ городѣ Нѣжинѣ съ 18 по 24 октября и приведшихъ къ временному закрытію Института.

Желая предоставить студентамъ IV курса, находящимся уже пятый годъ въ Институтѣ и второй годъ на томъ же самомъ курсѣ, возможность окончить курсъ ученія и, по выдержаніи выпускныхъ экзаменовъ, получить званіе учителя, Конференція исходатайствовала передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшеніе, не открывая интерната допустить къ выпускнымъ испытаніямъ студентовъ старшаго курса.

Предварительно означенные студенты представили преподавателю *Лилееву* сочиненія по педагогикѣ.

Тѣ-же студенты писали слѣдующія кандидатскія сочиненія: профессору *Сперанскому* представлены были диссертациі студентовъ: *Пятковскаго* „Житія новгородскихъ святыхъ съ точки зрѣнія отраженія въ нихъ современной жизни“; *Якимова* „Грибоѣдовъ и современность“; *Мандрыка* „Тургеневъ — драматургъ“; *Абрамовича* „И. В. Кирѣевскій и его роль въ исторіи русскаго славянофильства“; профессору *Радченку* представили сочиненія студенты: *Александровъ* на тему „Св. Петка и Св. Недѣля въ старинной болгарской и сербской письменности и въ народной поэзіи“ и *Ивановъ* на тему „Корнелій Усйскій, польскій поэтъ (1823—1897)“; профессору *Пискорскому* студентъ *Мартинзонъ* представилъ кандидатское сочиненіе на тему „Баронъ Штейнъ и его аграрныя реформы“. Преподавателю *Кашпровскому* представлены были диссертациі студентовъ: *Компанца* „Происхожденіе казачества“; *Плышевскаго* „Очерки изъ исторіи законодательства о помѣщичьихъ крестьянахъ въ XVIII ст.“:

Пожарскаго „Разборъ законодательства о дворовыхъ (по обѣимъ редакціямъ П. С. С. Р. З.)“; *Торкветова* „Тяглый поземельный надѣлъ въ царствованіе Екатерины II“.

Конференція Института имѣла въ отчетномъ году 27 засѣданій, на которыхъ, помимо текущихъ дѣлъ, обсуждались вопросы, связанные съ временнымъ закрытіемъ Института, касающіеся желаемыхъ измѣненій въ нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ Института. Предположенія Конференціи вызванныя послѣдними вопросами, представлены были черезъ Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа на усмотрѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Фундаментальная бібліотека Института, состоявшая въ началѣ отчетнаго года изъ 24382 названій въ 62390 томахъ, пополнялась покупкою книгъ по предложенію профессоровъ и преподавателей и присылкой изданій русскихъ и иностранныхъ учреждений и обществъ и учебныхъ заведеній, преимущественно въ обмѣнъ на „Извѣстія Института“. Въ настоящее время въ фундаментальной бібліотекѣ имѣется: 24875 названій въ 64513 томахъ.

Въ студенческой бібліотекѣ до начала отчетнаго года было 1198 названій въ 7716 томахъ, нынѣ въ ней имѣется 1200 названій въ 7776 томахъ.

Въ теченіе отчетнаго года вышелъ въ свѣтъ XXII томъ, *Извѣстій Института*, въ составъ котораго вошли, кромѣ отчета о состояніи Института за 1903—1904 и 1904—1905 учебные годы, слѣдующія статьи:

Профессора *М. Н. Сперанскаго*: Описание рукописей бібліотеки (Приобрѣтенія 1904—1905 гг.)

Профессора *Б. Ф. Бурзи*: „Неизданные штемпеля на ручкахъ греческихъ амфоръ.“

Профессора *И. И. Семенова*: „Отличительныя черты классическаго міровоззрѣнія“ (Вступительная лекція).

Профессора *А. И. Покровскаго*: „Къ вопросу объ основномъ характерѣ древнеэллинскаго государства“ (Приложеніе къ рѣчи о краснорѣчїи у древнихъ Эллиновъ).

Преподавателя *А. А. Мартова*: „О почетныхъ должностяхъ римскихъ императоровъ въ городахъ въ первые три вѣка имперїи.“

Проф. *И. Г. Турцевича*: „Филологическіе этюды и замѣтки.“

Внѣ Извѣстій Института профессора и преподаватели Института напечатали слѣдующіе труды:

Проф. *М. Н. Сперанскій*: „Славянская Метафрастовская Минея-Четья“ (въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. т. IX. 1904) Спб. 1905.

„Мостарское (Манойлово) Боснійское Евангеліе. Отрывки.“ (въ Русск. Филолог. Вѣстникъ за 1905 и 1906 гг.) Варш. 1906.

„Одинъ изъ сербскихъ источниковъ русской исторїи.“ (въ Чтен. Общества Нестора—Лѣтописца за 1906 г.)

„Рецензія на книгу И. Е. Евсѣева: „Описаніе рукописей, хранящихся въ Орловскихъ древлехранилищахъ.“ (въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. т. XI 1906)

„Рецензія на книгу Н. Попова: „Рукописи Московской Синодальной (Патріаршей) бібліотеки: вып. I.“ (въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. т. XI. 1906)

Проф. К. О. Радченко: „Апокрифическое житіе Самарянки по прологамъ Бѣлградской Народной Библиотеки“ (въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. Т. XI, 4)

Проф. В. И. Савва: „Обрядъ омовенія ногъ въ Византіи и на Руси“. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. XV).

Препод. В. И. Рязановъ: „Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. Спб. 1906.“ (Оттискъ изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія).

Въ состоящемъ при Институтѣ Историко-филологическомъ Обществѣ въ отчетномъ году числилось 2 почетныхъ и 26 дѣйствительныхъ членовъ. Предсѣдателемъ Общества состоялъ Ф. Ф. Гельбке, Товарищемъ предсѣдателя—А. О. Абрамовъ, Секретаремъ—М. И. Лилеевъ, его товарищемъ—Е. А. Черноусовъ, Помощникомъ Казначая—Б. Ф. Бурзи, Библиотекаремъ—Е. И. Кашпровскій, его Товарищемъ—Е. А. Черноусовъ.

Въ библиотекѣ Общества къ началу отчетнаго года было 375 названій въ 1032 книгахъ; въ теченіе 1905—1906 академическаго года поступило а) старыхъ—названій 26 въ 26 книгахъ и б) новыхъ—названій 9 въ 11 книгахъ. Нынѣ въ ней имѣется 384 названія въ 1069 книгахъ.

В. Рѣзановъ.

ПАМЯТИ

Матвѣя Ивановича

СОКОЛОВА.

(† 17 юня 1906 г.)

НѢЖИНЪ

Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.

1907.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельке*.

Профессоръ М. И. Соколовъ—одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній юности, годовъ студенчества пишущаго эти строки. Матвѣй Ивановичъ занималъ кафедру русской словесности въ И.-Ф. Институтѣ кн. Безбородко съ 1 июня 1881 г. по 8 сентября 1889 г.; мои воспоминанія относятся къ послѣднимъ тремъ годамъ Нѣжинской дѣятельности покойнаго.

Человѣкъ серьезнаго научнаго труда, сосредоточенный въ себѣ, чуждый стремленія къ вышнему блеску, но уже на студенческой скамьѣ заявившій себя солидною ученой работой („Изъ древней исторіи Болгаръ“ Спб. 1879. Золотая медаль отъ Спб. Университета), и потому быстро достигшій профессорской кафедры, М. И. Соколовъ былъ въ то же время личностью въ высокой степени симпатичною. Нѣжинскіе студенты любили его и цѣнили его лекціи; не ораторскіе эффекты лектора влекли насъ въ его аудиторію, но серьезно-сосредоточенная, глубоко-продуманная, мягкая рѣчь—результатъ предварительнаго интенсивнаго изученія предлагаемаго предмета.

Примѣръ профессора заражалъ слушателей: лекціи записывались почти слово въ слово, а затѣмъ при ихъ перепискѣ привлекалась и пересматривалась по возможности едва не вся печатная ученая литература вопроса, которую М. И. Соколовъ всегда тщательно отмѣчалъ въ своемъ изложеніи; удобство имѣть библіотеку въ томъ же зданіи, гдѣ живешь, исчерпывалось въ полной мѣрѣ. И я храню какъ драгоценность свой рукописный экземпляръ этихъ лекцій.

М. И. Соколовъ сталъ профессоромъ всего черезъ три года по окончаніи университетскаго курса въ Петербургѣ. Нѣжинскій періодъ его дѣятельности—время напряженнаго труда надъ выработкой своихъ курсовъ. Къ 1886 году, когда я сдѣлался его слушателемъ, эти курсы уже въ значительной степени установились, и очень многое изъ того, что читалось потомъ Матвѣемъ Ивановичемъ въ Московскомъ университетѣ, было прослушано его нѣжинскими студентами.

Проф. Е. Ѳ. Карскій, слушатель Матвѣя Ивановича въ 1881—1885

годахъ, далъ характеристику его курсовъ за свое время.*) Усердный ученикъ его въ 1886—1889 годахъ, я попытаюсь возстановить образъ любимаго профессора наканунѣ переселенія его въ Москву.

По хранящимся въ архивѣ Института „Отчетамъ о состояніи и дѣятельности Института кн. Безбородко“, въ 188^{6/7} учебномъ году и. д. экстр. проф. Соколовъ преподавалъ студентамъ IV курса грамматику церковно-славянскаго и русскаго языковъ, 4 часа во вторую половину учебнаго года**); студентамъ III и IV курса—исторію новой русской литературы, XV III в. 2 часа; студентамъ II и III курсовъ—исторію русской литературы XVI в., и первой половины XVII в., 2 часа; студентамъ I курса—народную русскую словесность, 1 часъ въ недѣлю.

Спеціальные курсы М. И-чъ читалъ рѣдко; онъ предпочиталъ прочесть своимъ слушателямъ возможно обстоятельнѣе, сопровождая библиографическими указаніями (что было важно при отсутствіи такого пособія, какое теперь студенты имѣютъ въ книгѣ А. Н. Пыпина „Исторія русской литературы“), обширный общій курсъ по исторіи русской словесности, который раздѣлялъ онъ на четыре года. Курсъ этотъ онъ начиналъ народною словесностью. Въ 188^{6/7} г. народная словесность излагалась имъ по такой программѣ***):

Начало научнаго изслѣдованія народной словесности (Монтань, Вико, Руссо, Гердеръ, братья Гриммы). Отношеніе къ народной словесности въ Россіи въ XVIII в. Записываніе произведеній русской народной словесности (Чулковъ, Прачъ, сборникъ Кирши Данилова, Сахаровъ, Снегиревъ, Терещенко; кружокъ славянофиловъ; Кирѣевскіе, Рыбниковъ, Безсоновъ, Барсовъ, Гильфердингъ, Даль).

Затѣмъ шель вопросъ о задачахъ и методахъ изученія народнаго творчества, подвергались анализу теоріи для объясненія причинъ сходства произведеній народнаго творчества у разныхъ народовъ—миѳологическая и теорія заимствованія; давалось понятіе о сравнительной миѳологіи, вкратцѣ излагались солярная и метеорологическая теоріи происхожденія миѳа и взглядъ М. Мюллера на роль языка въ образованіи миѳовъ.

Послѣ такого введенія, профессоръ обращался къ обзорнѣю видовъ произведеній народно-поэтическаго творчества. Шла рѣчь о заговорахъ, о праздничныхъ обрядахъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, о похоронныхъ

*) Очеркъ десятилѣтней научной дѣятельности славянской комиссіи Московскаго Археологическаго Общества. Москва 1902, 40—42.

***) За отсутствіемъ профессора-слависта.

***) См. Протоколы Конференціи Института кн. Безбородко, хранящіеся въ архивѣ Института, за 1887 годъ, и принадлежащій мнѣ рукописный экземпляръ лекцій.

причитаніяхъ, о свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ, о загадкахъ. Эту часть курса М. И-чъ излагалъ бѣгло и сжато. Зато на былевомъ эпосѣ онъ останавливался, и слушатели могли основательно ориентироваться въ вопросѣ. Программа этой части курса была такая:

Эпосъ. Содержаніе его. Два вида народнаго эпоса: сказка и былина; разница между ними и отношеніе къ нимъ народа. Объясненіе сходства сказокъ у разныхъ народовъ: теоріи Гримма (Буслаевъ, Котляревскій, Потебня, Ор. Миллеръ) и Бенфея (Радловъ, Шифнеръ, Стасовъ); мнѣніе А. Н. Веселовскаго о книжной и устной передачѣ сказокъ черезъ Византію.

Оставляя въ сторонѣ эпосъ сказокъ, М. И-чъ обращается къ былинамъ; рассматривая вопросъ о происхожденіи былевого эпоса, какъ этотъ вопросъ стоялъ тогда въ наукѣ, М. И-чъ анализируетъ мнѣнія Буслаева и О. Миллера, Стасова и А. Н. Веселовскаго; самъ онъ высказывалъ такой взглядъ: „Мы видимъ, что былъ горячій споръ о томъ, самостоятеленъ ли русскій эпосъ или нѣтъ, заимствованъ ли или нѣтъ; одни изслѣдователи стоятъ за полную его оригинальность, другіе—за безусловное его заимствованіе. Но такъ рѣзко ставить вопросъ нельзя: невозможно отрицать заимствованія нѣкоторыхъ сюжетовъ; источникомъ для заимствованія служили книги, а не туранскіе пересказы, хотя, быть можетъ, кое-что проникло и этимъ путемъ.... Народъ „не аки аспидъ глухъ и затыкай уши свои, иже не услышатъ гласа обавающихъ“: онъ не остается глухимъ къ тому, что пишется въ книгахъ; онъ не только хранитъ старый запасъ эпическихъ сказаній отдаленныхъ временъ, но и наслаждается „словесное“ добро. Заимствованіе доказываетъ только умѣніе народа пользоваться подходящимъ матеріаломъ“.

М. И-чъ взялъ былины о Святогорѣ-Самсонѣ. Положивъ въ основу своего изложенія книгу И. Н. Жданова „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“ (Кіевъ 1881) и рецензію на нее А. Н. Веселовскаго (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1884 г., февраль), профессоръ воочію, шагъ за шагомъ пересматривая и освѣщая матеріалъ, на практикѣ, показалъ, какъ долженъ быть примѣняемъ сравнительный методъ къ изслѣдованію памятниковъ народнаго творчества. Въ методологическомъ отношеніи такой курсъ былъ въ высокой степени важенъ для слушателей.

Курсъ по народной словесности былъ читанъ М. И-чемъ еще разъ въ 1888⁹/₉ году, по 2 часа въ недѣлю.*) Въ основу курса были положены тѣ же начала; но располагая вдвое большимъ количествомъ

*) Протоколы Конференціи Института кн. Безбородко за 1889 г. и принадлежащій мнѣ рукописный экземпляръ лекцій, мною записанныхъ.

времени, профессор привлекъ и подвергъ анализу большее количество матеріала. Болѣе подробно были разсмотрѣны сборники произведеній народной поэзіи; характеризованы главныя особенности произведеній народной словесности сравнительно съ произведеніями личнаго творчества; говоря о существовавшихъ объясненіяхъ причинъ сходства произведеній народнаго творчества у разныхъ народовъ, М. И-чъ обстоятельно разобралъ теорію мнѳологическую, теорію заимствованія и теорію самозарожденія или общихъ психическихъ основъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ родовъ и видовъ произведеній народнаго творчества, М. И-чъ указывалъ объясненія, какія даетъ теорія мнѳологическая, подвергалъ ихъ критикѣ и выработывалъ объясненія съ другихъ точекъ зрѣнія. Поднявъ вопросъ о характерѣ народнаго творчества въ первоначальномъ его развитіи, М. И-чъ говорилъ о синкретическомъ характерѣ примитивныхъ произведеній этого творчества и о постепенномъ выдѣленіи разныхъ родовъ поэзіи,—точка зрѣнія, усвоенная, видимо, отъ А. Н. Веселовскаго.

Послѣдующія лекціи были построены по такому плану:

Заговоры. Объясненіе заговоровъ по теоріи мнѳологической и возраженія противъ него. Составныя части русской схемы заговоровъ, ихъ содержаніе и сравнительное значеніе. Предметы заговоровъ. Заговоры отъ трясовиць. Малорусскіе заговоры. Примѣры сходства заговоровъ у разныхъ народовъ и объясненіе его. Знахарство; отношеніе къ нему народа и церкви; западная демонологія и отраженіе ея у насъ. Библиографія.

Загадки. Ихъ древность. Мнѳологическія толкованія загадокъ; крайности этихъ толкованій. Загадки, какъ выраженіе разнаго рода знаній и упражненіе въ остроуміи. Время происхожденія загадокъ. Взглядъ Аванасьева на загадки; критика этого взгляда.

Поэзія обрядовая. Остатки язычества въ обрядовой поэзіи; объясненія по теоріямъ мнѳологической, психологической и заимствованія; примѣненіе Веселовскимъ теоріи заимствованія къ объясненію обрядовъ и пѣсенъ святочныхъ. Работы Потебни.

Поэзія быта семейнаго. а) Поэзія свадебная. Отраженіе въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ различныхъ формъ брака. Объясненіе мрачнаго характера свадебныхъ пѣсенъ. б) Похоронная поэзія: причитанія. Взгляды мнѳологовъ на происхожденіе причитаній. Значеніе нѣкоторыхъ апокрифовъ въ образованіи взглядовъ на загробный міръ. Интересъ изученія плачей. Ихъ лирической и эпической характеръ. Сборникъ Барсова.

Эпосъ.—Сказки. Взглядъ на происхожденіе сказокъ Гримма и Бенфея; теорія самозарожденія. Животный эпосъ. Русскія изслѣдованія о сказкахъ.

Былины. Сказка и былина. Богатырство и слово „богатырь“. Главныя направленія и труды по изученію былинь. Вопросы 1) о времени происхожденія былинь, 2) о циклизациі, 3) о мѣстѣ появленія былинь.

Слѣдоваль анализъ и объясненіе сравнительно-историческимъ методомъ группъ былинь: Илья-сидень, первая поѣздка Ильи Муромца, Калинь-царь, поѣздка Ильи къ тремъ заставамъ, Илья Муромецъ и Идолище погапое, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, Дюкъ Степановичъ.

Курсъ о древней русской литературѣ М. И-чъ располагаль по слѣдующему плану:*)

Введеніе. Опреѣленіе и разъясненіе понятій: „литература“,**) „исторія литературы“***). Содержаніе исторіи литературы. Словесность устная и письменная.

Условія возникновенія русской книжной словесности. Черты византійской образованности въ IX—X вв. Возникновеніе славянской письменности. Вопросъ о славянской азбукѣ и славянскомъ языкѣ. Оригинальные и переводные труды свв. Кирилла и Меѳодія. Болгарскій періодъ славянской письменности. Труды еп. Климента, свящ. Константина, Іоанна Экзарха. Переводы и сборники времени царя Симеона. Козма пресвитерь.

Ученикъ В. И. Ламанскаго, М. И. Соколовъ въ этомъ отчетливомъ и обстоятельномъ введеніи широко ставиль вопросъ о древне-русской литературѣ на почву сравнительнаго изученія въ связи съ письменностью юго-славянскою.

Далѣе слѣдовало обзорніе русской книжной словесности въ до-татарское время:

Вопросъ о письменности на Руси до крещенія св. Владиміра. Первые памятники русской письменности, упоминаемые въ лѣтописи. Извѣстія о распространеніи грамотности и просвѣщенія на Руси при князьяхъ Владимірѣ и Ярославѣ. Направленіе древне-русской письменности.

*) Протоколы Конференціи Института кн. Безбородко за 1887 и 1888 годы; принадлежащій мнѣ рукописный экземпляръ лекцій по „Исторіи книжной словесности съ древнѣйшихъ временъ до XVI в. включительно“, читанныхъ въ 1887/8 году.

**) „Подъ литературой мы понимаемъ всю совокупность словесныхъ произведеній, въ которыхъ выражаются умственные, нравственные и общественные интересы человѣка и народа“...

***) „Цѣль исторіи литературы—прослѣдить по памятникамъ письменности, какъ въ нихъ въ разное время выражались духовные интересы, умственная, нравственная и общественная жизнь народа.“

Виды литературныхъ памятниковъ XI вѣка: *Поученія*; первые русскіе проповѣдники—Лука Жидята, митр. Иларіонъ, Θεодосій Печерскій. *Посланія*: черноризца Іакова, Θεодосія Печерскаго, митр. Іоанна II. *Жизнеописанія*: св. князя Владиміра, написанное черн. Іаковомъ сравнительно съ словомъ Иларіона; сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ черн. Іакова и „чтеніе“ о немъ же Нестора; житіе преп. Θεодосія Печерскаго, написанное Несторомъ.

Писатели изъ грековъ: митр. Іоаннъ II, митр. Никифоръ.

Поученіе Владиміра Мономаха. Характеристика автора и изображаемаго имъ идеала. Литературные образцы и источники поученія.

„Шовѣсть временныхъ лѣтъ“; важнѣйшіе списки. Вопросъ объ авторѣ и составленіи свода. Источники лѣтописи—иностранные и домашніе. Характеръ народныхъ преданій, занесенныхъ въ лѣтопись. Литературныя достоинства лѣтописи, какъ свода, принадлежащаго одному лицу.

Св. Кириллъ еп. Туровскій. Свѣдѣнія о его жизни и сочиненіяхъ. Характеръ его проповѣдей.

Слово о полку Игоревѣ. Литературная исторія памятника. Вопросъ о книжномъ или устномъ его сочиненіи, о стихотворной или прозаической формѣ. М. И-чъ считалъ „Слово“ произведеніемъ книжнымъ, оригинальнымъ, прозаическимъ по формѣ. Сопоставляя его съ лѣтописными рассказами о походахъ 1103 г., 1111 г., 1170 г., 1184 г., 1185 г., онъ устанавливалъ постепенную выработку приемовъ описанія походовъ. Затѣмъ подвергались анализу народно-поэтическіе элементы въ „Словѣ“, и выводъ былъ тотъ, что „пѣвецъ слова стоялъ очень близко къ народу, жилъ его жизнью, его фантазія развивалась не по чуждымъ книжнымъ образцамъ, а согласно съ народной фантазіей, проявлявшейся въ произведеніяхъ народа.“ Въ заключеніе разсматривалась мифологія Слова о Полку Игоревѣ.

Далѣе излагалось:

Слово Данила Заточника. Изданія и редакціи. Данныя о личности автора; характеръ и источники мудрости автора Слова.

Путешествіе иг. Данила въ св. Землю. Цѣль и время путешествія. Предметы описанія. Археологическое и литературное значеніе памятника. Путешествіе въ Царьградъ новгород. архіеп. Антонія. Сказаніе о взятіи Царьграда латинами. Выяснялось значеніе паломничества въ развитіи устной и книжной словесности.

Обращаясь затѣмъ къ посланіямъ Симона и Поликарпа, къ Печерскому Патерику, М. И-чъ объяснялъ литературное значеніе этихъ памятниковъ, какъ рисующихъ идеаль религіозно-аскетической жизни XII—XIII в.

Заговоривъ о русской словесности въ періодъ татарскаго ига, о губительномъ вліяніи татарщины на судьбу литературы и образованности, когда „грамотность остано­вилась и какъ бы замерла, и лишь въ монастыряхъ, куда часто укрывался отъ міра сего русскій чело­вѣкъ, велась скорбная лѣтопись скорбныхъ событій“,—М. И-чъ отмѣчалъ, что въ это время русское просвѣщеніе нашло себѣ поддержку въ южномъ славянствѣ: хотя сношенія Руси съ Балканскимъ полуостровомъ и были затруднены татарами, однако сношенія эти все же продолжали существо­вать, и благопріятныя условія въ исторической жизни Болгаріи, Сербіи, достигшихъ въ это время высшаго политическаго развитія и могу­щества, какое когда-либо они имѣли,—и Босніи „поддержали въ XIII и XIV вѣкахъ наше славянское восточное просвѣщеніе“. Послѣ сдѣ­ланнаго по этому поводу экскурса въ область балканскаго славянства, М. И-чъ переходилъ къ разсмотрѣнію памятниковъ русской литературы, стоящихъ въ непосредственной связи съ татарскимъ завоеваніемъ. Подвергались анализу повѣсти о нашествіяхъ татаръ, о взятіи русскихъ городовъ, о путешествіяхъ русскихъ князей въ Орду и проч.: сказаніе о битвѣ на Калкѣ; сказанія о разореніи городовъ Рязани и Владимира; сказанія о путешествіи въ Орду Данила Галичскаго, объ убіеніи Ми­хаила Черниговскаго; повѣсти объ Александрѣ Невскомѣ, о тверскихъ князьяхъ Михаилѣ Ярославичѣ и Александрѣ Михайловичѣ; былина о Щелканѣ Дудетьевичѣ. Выяснялась роль церкви въ татарскую эпоху, характеризовалась дѣятельность еп. Кирилла II, Серапіона еп. Влади­мирскаго. Отмѣчалось отраженіе въ литературѣ и мирныхъ сношеній русскихъ съ татарами: Сказаніе о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ. Обсто­ятельно разбирались сочиненія, вызванныя Куликовскою битвою: По­боище Дмитрія Ивановича, Повѣданіе и сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, Задонщина; выяснялся ихъ характеръ, взаимныя отношенія, отношеніе къ Слову о полку Игоревѣ и позднѣйшія передѣлки.

М. И-чъ отмѣчалъ, что во время до-татарское главнымъ центромъ литературнымъ служилъ столичный городъ Кіевъ, но и въ другихъ мѣстахъ русской земли началась литературная дѣятельность: имѣются памятники черниговскіе, туровскіе, новгородскіе, волынскіе; литература началась и въ суздальской землѣ. Татарское нашествіе ослабило литературную производительность, понизило ее; оказалась огромная убыль въ лицахъ, которыя интересовались литературой и поддерживали интересъ къ ней, и въ читателяхъ и въ писателяхъ... XIV вѣкъ былъ еще тяжелымъ вѣкомъ въ нашей исторіи, татарское иго было во всей силѣ; однако есть факты, свидѣтельствующіе о томъ, что въ этомъ вѣкѣ болѣе, чѣмъ въ концѣ XIII в., народъ жилъ духовной жизнью и предавался инте­ресамъ не только матеріальнаго обезпеченія и внѣшней безопасности,

но и интересамъ характера отвлеченнаго. Впередѣ другихъ городовъ и мѣстностей, естественно, сталъ въ это время Новгородъ, потому что Новгородская область, такъ же какъ и Псковская, татарское иго испытывала только косвеннымъ образомъ, большею частью своего пространства разорена не была. М. И-чъ останавливался на любопытномъ посланіи архіеп. новгородскаго Василя къ еп. Тверскому Феодору о земномъ раѣ, анализировалъ его содержаніе, указывалъ его книжные и устные источники; останавливался на „Рукописаніи Магнуса короля Свѣйскаго.“

Далѣе М. И-чъ обращался къ Москвѣ, говорилъ о событіяхъ и лицахъ, содѣйствовавшихъ возвышенію власти московскихъ государей, о митрополитахъ Петрѣ, Алексіи, Кипріянѣ, объ отраженіи движенія, возникшаго въ Болгаріи при патріархѣ Евфиміи, о внесеніи произведеній юго-славянской литературы въ русскія книги (какъ и наоборотъ—о распространеніи памятниковъ русской литературы среди славянъ; „общеніе въ этомъ случаѣ было полное“, замѣчалъ М. И-чъ), о литературной дѣятельности Григорія Цамвлака и митр. Фотія, особенно о его посланіяхъ, посвященныхъ сектѣ стригольниковъ; М. И-чъ вслѣдъ за Тихомировымъ и Веселовскимъ признавалъ еще въ это время связь стригольниковъ съ западными еретиками,—вглядъ намѣненный имъ впоследствии.*)

Затѣмъ шла рѣчь о литературныхъ произведеніяхъ, связанныхъ съ именами великихъ подвижниковъ монашества въ Московской Руси, о значеніи монашескаго подвижничества въ XIV—XVI вв.; отмѣтивъ особенное богатство духовной жизни, какимъ отличалась въ XIV в. область Ростовская, М. И-чъ говорилъ о Епифаніи Премудромъ, авторѣ житій свв. Сергія Радонежскаго и Стефана Пермскаго, о Св. Кириллѣ Бѣлоозерскомъ и его посланіяхъ, о библиотекѣ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря.

Послѣдующее изложеніе имѣло своимъ предметомъ памятники, вызванныя флорентійскою униєю: путешествіе Исидора, Повѣсть объ осьмомъ соборѣ, Слово объ осьмомъ соборѣ и поставленіи русскаго митрополита Іоны; далѣе—о дѣятельности Пахомія Серба, митрополитовъ Московскихъ Іоны, Θεодосія, Филиппа I.

„XV вѣкъ, говоритъ М. И-чъ, въ исторіи нашего просвѣщенія и въ исторіи литературы интересенъ главнымъ образомъ потому, что въ это время нарождались въ русской жизни такіе вопросы, которые требовали для своего разрѣшенія значительнаго умственнаго развитія, зна-

*) Срв. Очеркъ десятилѣтней научной дѣятельности Славянской комиссіи, стр. 48.

чительнаго усилія литературы. Самое парожденіе этихъ вопросовъ свидѣтельствуеть объ этомъ умственномъ движеніи въ нашемъ обществѣ. Сюда относится прежде всего появленіе ересей, шедшихъ рѣшительно вразрѣзъ съ ученіемъ православной церкви. Далѣе, сюда относятся возрѣнія на формы аскетической жизни, возрѣнія, влекшія за собою послѣдствія соціальнаго характера. Нарождался вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. По поводу этихъ вопросовъ обнаружилась коренная разница возрѣній на задачи подвижничества; возникло два направленія: представителями ихъ были Нилъ Сорскій и Іосифъ Волоцкій.“

М. И. говорилъ о Нилѣ Сорскомъ, о характерѣ его подвижничества по его посланіямъ и монастырскому уставу; отмѣчалось вліяніе афонскаго созерцательнаго подвижничества. Отмѣчено было и то, что „элементъ критицизма, присущій направленію Нила, послужилъ къ тому, что немало лицъ изъ послѣдователей Нила впали въ еретичество.“ Обратившись къ Іосифу Волоцкому, М. И. изображалъ его аскетическій идеаль, на основаніи его монастырскаго устава, анализировалъ его „Просвѣтитель“ въ связи съ исторіею ереси жидовствующихъ, начало которой указывалось въ еврейской пропагандѣ, и посланіями и дѣятельностью архіеп. Геннадія,—говорилъ объ отношеніяхъ его къ заволжскимъ старцамъ.

Затѣмъ М. И. переходилъ къ Максиму Греку, говорилъ о его переводахъ, объ исправленіи книгъ, разсматривалъ сочиненія догматико-полемическія и правоучительныя. На образованіе характера и направленія Максима отмѣчалось большое вліяніе Савонароллы. Дѣятельность Максима Грека ставилась въ связь съ тѣмъ церковнымъ и умственнымъ движеніемъ, какое появилось у насъ подъ вліяніемъ ереси жидовствующихъ, выяснялись заслуги Максима какъ пропагандиста образованія (знанія грамматики), вліяніе его сочиненій на возбужденіе вопросовъ, поднятыхъ на Стоглавомъ соборѣ; объяснялось, почему Максимъ Грекъ сдѣлался авторитетомъ и у православныхъ и у раскольниковъ въ XVII вѣкѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи М. И. останавливался главнѣйшимъ образомъ на тѣхъ лицахъ, „которыя писали сочиненія болѣе важныя для исторіи умственнаго развитія Руси.“ Такъ охарактеризована была литературная дѣятельность митр. Даниіла, въ словахъ и посланіяхъ котораго нашло себѣ мѣсто яркое изображеніе и обличеніе отрицательныхъ сторонъ тогдашней жизни.

„Въ XV—XVI вв., говорилъ М. И., историческая жизнь Руси представляла много задачъ, которыя русскимъ нужно было рѣшить самостоятельно, своимъ умомъ. Прежде и въ административномъ смыслѣ и въ умственно-нравственномъ Русь могла ссылаться на Византію,

какъ на авторитетъ; но съ XV в. Русь сдѣлалась независимой отъ цареградскаго патріарха, приобрѣтя себѣ право имѣть собственнаго патріарха. Въ XV в. Греція потеряла свою самостоятельность; а у православныхъ составилось убѣжденіе, что православная церковь нуждается въ свѣтскомъ покровителѣ—въ православномъ царѣ: имперія и церковь срастаются въ понятіи православныхъ. Въ это время возникаетъ вопросъ: гдѣ теперь средоточіе православія? Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ уже XV в. начинается складываться убѣжденіе, что всѣ прерогативы, возлагавшіяся прежде на Византію, послѣ ея паденія переходятъ на Русь, какъ единственное православное могущественное государство. Но съ XV в. на Руси начинаютъ появляться ереси; ей грозитъ то же, отчего, думали, погибъ Римъ и Византія: Римъ—отъ Аполлинаріевой ереси, Византія—за нечестивую жизнь; та же опасность погибнуть вслѣдствіе ересей и пороковъ грозитъ и Россіи. Отсюда—въ нашей литературѣ появляется масса горячо написанныхъ сочиненій, въ которыхъ авторы стараются убѣдить русскихъ въ необходимости твердо держаться православія. Главный мотивъ этой необходимости заключается въ томъ, что Руси принадлежитъ главная роль среди православныхъ государствъ, какъ единственно свободному православному царству.“

И М. И. обращался къ посланіямъ старца Филовея, какъ сочиненіямъ, въ которыхъ эти воззрѣнія выступаютъ всего ярче. Тѣ же идеи отмѣчались имъ въ сказаніяхъ о флорентійскомъ соборѣ, о ваятіи Царяграда турками, о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ, о переходѣ на Русь царскихъ регалій и др.

„Цѣлый рядъ литературныхъ памятниковъ XV, XVI и XVII вв. развиваетъ идею о преемствѣ русскаго царства по отношенію къ Риму и Византіи, говорилъ М. И-чъ. Существуетъ одна вѣчная имперія, одно вѣчное православіе, хранящееся у того народа, который остается вѣрнымъ чистотѣ вѣры; если же то или другое государство живетъ порочно, то лишается этой благодати. По пророчествамъ, должны быть три Рима: два пали, третій долженъ существовать до конца, какъ хранитель истинной вѣры. Если же русскіе не выдержатъ своей высокой роли, то будутъ терпѣть разныя бѣдствія. Въ этой идеѣ русскіе писатели находятъ мотивъ убѣждать современниковъ къ усовершенствованію и церковной и гражданской жизни; эта идея является одушевляющею въ XVI и XVII вв., когда православнымъ приходилось отстаивать свою самостоятельность противъ мусульманъ и западныхъ иновѣрныхъ христіанъ. Эта идея имѣла очень большое вліяніе и на развитіе русскаго самосознанія. Въ виду проповѣди о такой высокой роли Руси, естествен-но лицамъ, стоявшимъ во главѣ государства и церкви, должна была

притти мысль о томъ, чтобы хорошенько опредѣлить самихъ себя, опредѣлить, что есть хорошаго и дурнаго въ нашей жизни, чтобы затѣмъ развивать хорошее и уничтожать дурное. Въ XVI в. и видно стремленіе подвести итоги жизни въ разныхъ сферахъ—государственной, церковной, литературной.“ Съ такой точки зрѣнія освѣщаль М. И-чъ въ дальнѣйшемъ своемъ курсѣ дѣло собранія Великихъ Миней-Четьихъ, дѣятельность соборовъ 1547 и 1549 гг. о новыхъ чудотворцахъ, собора 1550 года, на которомъ былъ редактированъ Судебникъ и Уставная Грамота Іоанна Грознаго, и церковно-земскаго „Стоглаваго“ собора 1551 года.

М. И-чъ характеризовалъ дѣятельность митр. Макарія стремившагося собрать во едино „всѣ чтомыя книги“, существовавшія на Руси, и давалъ обзорѣніе Великихъ Четьихъ-Миней; обращался къ литературѣ житій въ связи съ собираніемъ Четьихъ-Миней, говорилъ о В. М. Тучковѣ, о пресвитерѣ Василии; разбиралъ житія муромскихъ святыхъ: кн. Константина и дѣтей его, еп. Василия, Петра и Февроніи (это послѣднее житіе изучалось сравнительно съ другими памятниками, привлеченными Буслаевымъ и Веселовскимъ); рассматривалъ Стоглавъ, опредѣлялъ значеніе его для литературы, характеризовалъ постановленія собора касательно просвѣщенія, церковныхъ обычаевъ, богослуженія, разнаго рода пороковъ и народныхъ увеселеній.

Далѣе отмѣчалось проявленіе неправославныхъ мнѣній, рассматривались дѣла Висковатаго, Башкина, Феодосія Косого, и въ связи съ ними давалось обзорѣніе литературно-полемиической дѣятельности Зиновія Отенскаго.

Затѣмъ шла рѣчь о литературной дѣятельности протопопа Сильвестра, о Домостроѣ (сравнительно съ сочиненіями въ этомъ родѣ въ другихъ литературахъ); о кн. А. М. Курбскомъ, его перепискѣ съ І. Грознымъ, о его „Исторіи в. кн. Московскаго“.

Прежде чѣмъ приступить къ литературѣ XVII вѣка, М. И. дѣлалъ обширный обзоръ литературы западно-русской до конца XVI—нач. XVII вѣка. Давался очеркъ исторіи Литвы и Польши, распространенія въ Польшѣ протестантизма, борьбы съ нимъ іезуитовъ; характеризовалось положеніе русской народности и православія въ Польско-Литовскомъ государствѣ, разбирались литературные памятники, направленные къ защитѣ русской народности и православія въ Литвѣ московскими выходцами, рассматривалась дѣятельность старца Артемія и князя Курбскаго въ этомъ направленіи. Излагалась исторія возникновенія церковныхъ братствъ и братскихъ школъ (сравнительно съ исторіей школъ западно-европейскихъ). Характеризовался литературный языкъ, образовавшійся въ Польско-Литовской Руси. Разбиралась Эпистолиа

митр. Мисаила къ папѣ Сиксту IV отъ 14 марта 1476 г., повѣсть о битвѣ подъ Оршей и похвальное слово кн. К. И. Острожкому (по Су-прасльскои рукописи). Далѣе говорилось о началѣ книгопечатанія, о дѣятельности Шв. Фволя и Фр. Скоринны, печатниковъ Ив. Ѳедорова и П. Мстиславца, объ изданіи Острожской библии. Характеризовалась дѣятельность Петра Скарги и полемика противъ него („Зачапка“ Христофора, „Краткословесный отвѣтъ“ Феодула), дѣятельность Антонія Посевина, князя К. Острожскаго (его „Окружное посланіе“), Стефана Зпзанія, клирика Василя („Книжица о единой вѣрѣ православной“), Ипатія Потѣя, въ связи съ вопросомъ объ уніи. Анализировалась исторія Брестскаго собора, изложенная съ православной точки зрѣнія въ книгѣ „Апокрисисъ“ Христофора Филалета, значеніе котораго оцѣнивалось такимъ образомъ: „Апокрисисъ имѣлъ большое значеніе въ западно-русской литературѣ. Онъ не только разбиваетъ на всѣхъ пунктахъ изложеніе хода Брестскаго собора Скарги, но и отвѣчаетъ на вопросы Скарги въ его сочиненіи о Единой Вѣрѣ. Послѣ появленія Апокрисиса для всѣхъ стало ясно, что хотя уніаты съ формальной стороны и одержали верхъ, тѣмъ не менѣе со стороны нравственной были правы противники уніи. За духовными лицами, устроившими унію, пошло меньшинство, притомъ своекорыстныхъ людей; лучшіе же люди остались вѣрны православію“.

Далѣе излагалась полемика по вопросу объ уніи: „Перестрога“ львовскаго священника Андрея, „Антиррисисъ“, посланія патр. александрийскаго Мелетія, посланіе къ кн. Острожкому Ип. Потѣя и отвѣтъ на него, „Исторія о листрійскомъ феррарскомъ или флоренскомъ синодѣ“, „Оборона Св. Синоду флоренскаго“, „Гармонія или согласіе восточной и римской церкви“, „Ѳриносъ или плачь восточной церкви“ Мелетія Смотрицкаго, и др.; характеризовалась дѣятельность Іоанна Вишенскаго, Мелетія Смотрицкаго, Захарія Копыстенскаго (особенно его Палинодія въ связи съ обороной уніи Льва Кривзы).

Затѣмъ М. И. обращался къ вопросу о школахъ юго-западной Руси XVII вѣка, обрисовывалъ заслуги митр. Петра Могилы, характеризовалъ особенности учебнаго курса въ Кіевской академіи, останавливаясь въ особенности на вопросѣ о стихотворствѣ.

Далѣе шла рѣчь объ І. Голытовскомъ, Л. Барановичѣ, Кириллѣ Транквилионѣ („Зерцало Богословія“), І. Гизелѣ („Синописисъ“), грамматикѣ Мел. Смотрицкаго и словарь Памвы Беринды.

Обзоръ литературы XVII вѣка Московской Руси М. И. начиналъ анализомъ сказаній о смутномъ времени; въ основу этой части курса полагалась извѣстная книга проф. Платонова.

Далѣ выступалъ вопросъ о московскихъ училищахъ XVII вѣка; шла рѣчь о заботахъ о просвѣщеніи, выяснялась связь литературы съ вопросомъ о школьномъ образованіи въ XVII вѣкѣ; разбирались извѣстія объ открытыхъ или только предполагавшихся школахъ: Андреевской (Ѡ. М. Ртищева), Чудовской (патріаршей), Богословской (при церкви І. Богослова), школѣ славяно-латинской для подъячихъ, Богоявленской (Лихудовъ), Типографской и Спасской (Славяно-Греко-Латинская Академія).

Затѣмъ слѣдовалъ очеркъ книгопечатнаго дѣла въ Москвѣ въ XVI и XVII в. и вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ: первый типографіи, исправленіе служебника 1617—1618 г., посланіе старца Арсенія Глухого протопопу Ивану Лукьяновичу; Антоній Подольскій и Иванъ Насѣдка; полемика съ латинянами, протестантами и греками; Арсеній Сухановъ; патріархъ Никонъ; литература вызванная его дѣятельностью; первые расколоучители; начало раскольничьей литературы.

Обозрѣніе литературы Петровской эпохи М. И-чъ предварялъ изложеніемъ переводной литературы предшествующаго времени. Это былъ какъ бы отдѣльный, специальный курсъ, располагавшійся по такой программѣ:*)

Книги духовнаго содержанія: Библія и апокрифы.

Историческія книги: хроники Малалы, Амартола, Манассіи, Зонары, Метафраста (Логовета), патр. Никифора. Русскія компіляціи—хронографы; Эллінскій и Римскій лѣтописецъ, собственно хронографы, ихъ составъ и редакціи.

Повѣсть о Троянской войнѣ; *Повѣсть* объ Александрѣ Македонскомъ; происхождение и переработки ихъ.

Источники свѣдѣній о природѣ въ до-петровскую эпоху: Физиологъ, шестодневы, Епифаній Кипрскій, Георгій Писида, Косма Индикопловъ, Іоаннъ Дамаскинъ, нѣкоторые апокрифы („Книга о тайнахъ Епоховыхъ“ и др).

Византійскіе романы и повѣсти и ихъ переработки. Первоначальный христіанскій романъ: Клементины, сказаніе о дѣянїяхъ Павла и Ѡеклы, житіе Ксенофонта и Маріи; собственно византійскій романъ; поэма о Дигенисѣ; сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ.

Сказанія восточныя, перешедшія черезъ Византію: о Синагриппѣ; о Соломонѣ и Китоврасѣ; Стефанитѣ и Ихнилать. Варлаамъ и Іоасафъ. О кунцѣ Басаргѣ. Сны царя Шаханши; сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ. Шемякинъ Судъ.

*) См. Протоколы Конференціи за 1888 годъ и принадлежащій мнѣ рукописный курсъ.

Повѣсти западнаго происхожденія. Сборники: Римскія Дѣянія, Великое Зерцало, О семи мудрецахъ. Повѣсти о Брунцвикѣ, Васильѣ Златовласомъ, о Бовѣ Королевичѣ; о Мелюзинѣ, Тристанѣ и Изольдѣ, о Петрѣ и Магелонѣ.

Демонологическія повѣсти: о происхожденіи табака, о происхожденіи виннаго питія; о Саввѣ Грудцынѣ, о Горѣ-Злосчастіи.

Смѣхотворныя повѣсти. Западные ихъ прототипы. Повѣсть о Оумѣ и Еремѣ; о бражникѣ; о Ершѣ Ершовичѣ.

Историческія, географическія и космографическія сочиненія западнаго происхожденія. Хроника Бѣльскаго, Лѣтописи церковныя Баронія; сочиненія К. Ликостена, Герарда Меркатора, Иннокентія Ш-го; Луцидарій. Азбуковники. Шестодневъ Аѳанасія.

Изложеніе исторіи новой литературы носило у М. И-ча характеръ болѣе отрывочный. Для студентовъ-словесниковъ III и IV курса въ 188^{8/7} г. читался курсъ по слѣдующей программѣ*):

Очеркъ исторіи русскаго стихосложенія и стихотворства въ XVII и XVIII вѣкѣ.

Отсутствіе стихотворства въ древнерусской литературѣ; причины этой явленія.

Попытка Мелетія Смотрицкаго создать метрическое стихосложеніе.

Первые опыты силлабическихъ стиховъ въ литературѣ юго-западной Руси подъ вліяніемъ польскимъ. Стихи при первопечатныхъ книгахъ. Опыты цѣльныхъ сочиненій въ стихахъ: „Вѣзерункъ цнотъ“ и проч., Елисея Плетенецкаго (1618 г.), „Вѣршѣ на жалостный погребъ“ и проч. Сагайдачнаго (1622 г.) и др.

Первые опыты силлабическихъ стиховъ въ литературѣ Московской Руси; вирши кн. Хворостинина и Шаховскаго въ началѣ XVII в.

Симеонъ Полоцкій. Біографическія свѣдѣнія. Стихотворные опыты въ Полоцкѣ; ихъ языкъ. Переселеніе въ Москву; изученіе литературнаго языка Московской Руси. Полоцкій какъ придворный поэтъ; его стихотворныя „книжицы.“ Полоцкій—учитель царскихъ дѣтей. Сборники проповѣдей Полоцкаго. Отношеніе Полоцкаго къ московскимъ и южно-русскимъ ученымъ. Педагогическіе взгляды Полоцкаго и изданія книгъ. Стихотворческая дѣятельность Полоцкаго. Сборникъ его стихотвореній. Переводъ Псалтыри. Духовныя драмы. Начало театра въ Москвѣ. Школьная драма. „Рождественская драма“ Св. Димитрія Ростовскаго. Комедія „Ужасная измѣна.“ Общій характеръ сочиненій Симеона Полоцкаго и ихъ значеніе.

*) Протоколы конференціи за 1887 годъ.

А. Д. Кантемиръ. Характеръ образованія Кантемира. Введеніе въ русскую литературу сатиры, какъ особой литературной формы. Обзоръніе содержанія сатиръ Кантемира. Черты подражанія и оригинальности. Черты русскихъ нравовъ. Идеаль Кантемира. Иныя сочиненія и переводы Кантемира. Разсужденіе о стихосложеніи.

В. К. Тредіаковскій. Біографія. Первые литературные опыты. Теорія стихосложенія. Полемика по поводу новой теоріи стихосложенія. Теоретическія сочиненія о разныхъ видахъ стихотворства. Отношеніе къ Тредіаковскому современныхъ ему писателей.

М. В. Ломоносовъ. Біографическія свѣдѣнія: Дѣтство и первоначальное образованіе; дальнѣйшее образованіе въ Москвѣ и за-границей. Первые опыты въ стихахъ. Письмо о стихотворствѣ. Ломоносовъ какъ представитель ложноклассическаго направленія. Оды и др. сочиненія Ломоносова въ стихахъ. Значеніе Ломоносова въ русской литературѣ.

Г. Р. Державинъ. Біографія: воспитаніе; служба въ полку; литературныя занятія; самообразованіе. Служба въ приволжскомъ краю. Первый періодъ литературной дѣятельности (до 1779 г.). Читалагаѣтскія оды. Второй періодъ; вліяніе литературныхъ друзей. Важнѣйшія оды до появленія „Фелицы.“ Участіе Державина въ „Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова“. Оды: „Благодарность Фелицъ“, „Видѣніе мурзы“, „Богъ.“ Возвышеніе Державина по службѣ; отставка. Отношеніе Державина къ вельможамъ и оды въ честь ихъ. „Водопадъ.“ Служба Державина при императрицѣ. Литературная дѣятельность за это время. Стихотворенія Державина о собственной судьбѣ и славѣ. Новые элементы въ поэзіи Державина. Вліяніе оссіановской поэзіи. Анакреонтическія стихотворенія. Басни. Драматическія произведенія. Державинъ какъ членъ Россійской Академіи.

Вторая половина программы лекцій, читанныхъ для III курса въ 188^{7/8} году была такая: *)

Литература Петровской эпохи. Значеніе Петровской реформы въ развитіи русской литературы. Состояніе русскаго образованія при Петрѣ. Духовный Регламентъ.

Переводная литература Петровскаго времени. Сочиненія историческія и географическія.

Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ. Посошковъ.

Татищева Духовная и Разговоръ о пользѣ наукъ.

*) Протоколы конференціи за 1888 годъ.

Состояніе литературы при Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ. Проповѣдь при Елизаветѣ Петровнѣ. Изданіе книгъ духовнаго содержанія. Путешествіе Барскаго.

Обзоръ періодической печати отъ Петра до Екатерины II.

Судьба русскаго театра до Сумарокова. Сумароковъ и его сочиненія. Фонвизинъ.

Для студентовъ IV курса въ 1887/8 году былъ прочитанъ курсъ по слѣдующей программѣ: *)

Вліяніе западныхъ идей въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка.

Пути западнаго вліянія. Главныя теченія въ области мысли въ русскомъ обществѣ подъ вліяніемъ запада: энциклопедизмъ и мистицизмъ.

Вліяніе энциклопедистовъ на литературу.

В. Майковъ.

Богдановичъ. Происхожденіе и значеніе его „Душеньки.“

Отношенія къ энциклопедистамъ Екатерины II.—Педагогическія идеи въ Екатерининское время.

Масонство. Происхожденіе, сущность и организація масонства; разные виды его.

Новиковъ. Его воспитаніе. Изданіе журналовъ. Изданія по русской исторіи. Знакомство съ Шварцемъ. Дружеское ученое Общество въ Москвѣ; его издательская дѣятельность.

Шварцъ, его просвѣтительная дѣятельность.

Лопухинъ. его сочиненія и изданія; И. П. Тургеневъ.

Книги мистическаго характера, переведенныя на русскій языкъ.

Херасковъ. Біографическія свѣдѣнія. Отношенія къ масонству. Поэмы: „Россиада“ и „Владиміръ.“

Св. Тихонъ Задонскій и М. Платонъ.

Вліяніе западной литературы на развитіе русской по родамъ поэзи.

Драма. Происхожденіе и характеръ мѣщанской драмы; ея представители въ литературѣ англійской, французской и нѣмецкой; русскіе переводы.

Эпосъ. Переводные романы въ Россіи въ XVIII в. Романы 1) рыцарскіе, 2) пастушескіе, 3) плутовскіе; ихъ происхожденіе и характеръ. Романы Хераскова и другихъ. Семейный романъ Ричардсона. Русскіе переводы и подражанія.

Карамзинскій періодъ.

Карамзинъ. Біографическія свѣдѣнія. Жизнь въ Москвѣ, связь съ кружкомъ Новикова. Путешествіе за-границу. Изданіе „Москов-

*) Тамъ же.

скаго Журнала,“ сборниковъ и „Вѣстника Европы.“ Карамзинъ какъ представитель сентиментальнаго направленія. Письма русскаго Путешественника. Повѣсти Карамзина; его оптимизмъ. Слогъ Карамзина. Споръ о старомъ и новомъ слогѣ. Дѣятельность Шишкова и его противниковъ. Бесѣда Любителей русскаго слова. Рѣчь Карамзина въ Россійской Академіи. Значеніе спора о старомъ и новомъ слогѣ; связь его съ вопросомъ о просвѣщеніи.

И. И. Дмитріевъ. Его стихотворный слогъ. Сатиры и другія сочиненія Дмитріева. Значеніе его въ русской литературѣ.

К. Н. Батюшковъ. Біографическія свѣдѣнія. Знакомство съ литературой иностранной. Характеръ поэтическаго творчества Батюшкова. Значеніе Батюшкова въ развитіи русской поэзіи.

И. А. Крыловъ. Формы его сатирическихъ произведеній. Предметы осмѣянія. Взгляды на происхожденіе басни. Особенности басенъ Крылова. Значеніе Крылова въ исторіи нашей словесности.

Взглядъ на развитіе русской поэзіи до Жуковскаго.

В. А. Жуковскій. Отношеніе его литературной дѣятельности къ таковой же Батюшкова, Дмитріева и Карамзина. Романтизмъ; его опредѣленія. Біографія Жуковскаго и связь съ личной жизнью его лирическихъ произведеній. Романтическая грусть, какъ господствующее настроеніе Жуковскаго, и ея причины. Заслуги Жуковскаго какъ переводчика иностранныхъ поэтовъ. Второй періодъ его жизни и дѣятельности (послѣ женитьбы). Значеніе Жуковскаго въ русской литературѣ.

Пушкинъ. Его домашнее и лицейское воспитаніе. Лицейскія стихотворенія; ихъ разнообразіе по содержанію и вліяніямъ, подъ которыми находился Пушкинъ.

Жизнь по выходѣ изъ лицея; вопросъ о служебномъ поприщѣ и поэзіи. Русланъ и Людмила; вліянія на выборъ сюжета и обработку.

Жизнь на югѣ и вызванныя ею лирическія произведенія Пушкина.

Байронизмъ. Сходство и различіе характеровъ поэзіи Байрона и Пушкина.

Поэмы Пушкина: Кавказскій пльщикъ, Братья-разбойники, Бахчисарайскій фонтанъ, Цыганы; черты сходныя съ произведеніями Байрона и оригинальныя.

Евгеній Онѣгинъ. Отношеніе героя романа къ типамъ пушкинскихъ поэмъ (взглядъ Достоевскаго); отношеніе къ героямъ Байроновскихъ произведеній. Черты самого Пушкина въ Евгеніи Онѣгинѣ. Процессъ созданія типа Онѣгина въ связи съ другими произведеніями. Онѣгинъ какъ первый художественно созданный типъ русскаго чело-

вѣка извѣстной среды; черты этого типа. Типъ Татьяны. Типъ Ленскаго. Реализмъ Пушкина въ изображеніи русской жизни. Критическіе отзывы о романѣ.

Жизнь Пушкина въ Михайловскомъ; ея значеніе для самообразованія и поэтической дѣятельности. Спятіе съ Пушкина опалы. Жизнь въ Москвѣ и Петербургѣ; женитьба; путешествія. Поэтическая и писательская дѣятельность Пушкина въ связи съ жизнью и движеніемъ русской литературы.

Періодовъ позднѣйшихъ М. И-чу не пришлось коснуться въ своихъ лекціяхъ.

1886—89 года для нѣжинскаго Института далеко не свѣтлая пора. Словесниками очень чувствовалось это. Въ то время, какъ всѣ студенты III и IV курсовъ, безъ различія отдѣленій, обязаны были писать рефераты (разумеется, на латинскомъ языкѣ), комментируя Горация, а затѣмъ въ аудиторіи защищать эти рефераты (пользуясь латинскою же рѣчью, на которой велось преподаваніе) противъ оппонентовъ—невольныхъ (по назначенію профессора) и добровольцевъ,—практическихъ занятій по русской словесности вовсе не было введено въ распisanіе лекцій. Съ чувствомъ сѣмой горячей благодарности храню въ своей памяти, что М. И. Соколовъ рѣшился не лишать своихъ слушателей такого существеннаго элемента—семинарской работы: онъ организовалъ наши практическія занятія во время внѣ-лекціонное, и тщательно руководилъ ими; мы писали рефераты, представляли ихъ профессору, а затѣмъ по воскресеньямъ эти рефераты читались, обсуждались и притомъ не въ тѣсномъ кружкѣ словесниковъ-специалистовъ, однокурсниковъ, а въ присутствіи многихъ студентовъ другихъ отдѣленій и курсовъ; къ этимъ рефератамъ-диспутамъ приходилось готовиться очень серьезно, т. к. смотрѣли на нихъ совершенно серьезно, и вопросъ шелъ не только объ исполненіи обязанности студента-словесника, но затрогивалось ученое (*sit venia verbo*) самолюбіе докладчика, самымъ серьезнымъ образомъ стремившагося сдѣлать свои положенія и выводы возможно твердо и прочно обоснованными; предметъ реферата изучался возможно детальнѣе, продумывался возможно глубже. Диспуты, руководимые Матвѣемъ Ивановичемъ, длились часа по три. Темы брались изъ области народной словесности и древнерусской литературы.

Въ официальномъ отчетѣ за 188⁸/₉ уч. годъ М. И-чъ такъ скромно характеризовалъ эти занятія: указавъ прочитанные отдѣлы по исторіи литературы на каждомъ изъ курсовъ, онъ прибавилъ: „Сверхъ того студенты III-го курса занимались разборомъ литературныхъ памятниковъ по указанной имъ программѣ и пособіямъ и представляли рефе-

раты, которые прочитывались и разбирались въ собраніяхъ по праздничнымъ днямъ въ одной изъ аудиторій.“**)

Малое количество институтскихъ студентовъ обусловило возможность тѣмъ болѣе сильнаго вліянія профессора; уѣзжая на лѣтнее вакаціонное время, мы запасались указаніями Матвѣя Ивановича, забирали подъ его поручительство необходимыя книги изъ институтской бібліотеки, а по возвращеніи—письменно, въ видѣ реферата, или въ устной бесѣдѣ на дому, давали отчетъ въ томъ, какъ удалось разобратся въ выбранномъ вопросѣ.

Горько было провозжать любимаго наставника, уѣзжавшаго въ Москву. Студенты всѣхъ курсовъ въ полномъ составѣ явились на вокзалъ желѣзной дороги и на рукахъ внесли профессора въ вагонъ. Мало кому изъ насъ пришлось его увидѣть послѣ.

По смерти М. И-ча появился рядъ статей о немъ.***) Нѣжинскій періодъ его профессорской дѣятельности остался однако слишкомъ мало освѣщеннымъ. Да послужать хотя нѣкоторымъ восполненіемъ этого пробѣла настоящія строки.

*) Протоколы конференціи за 1889 годъ

***) Ж. М. Н. Пр. 1906 г. сентябрь; Русс. Филол. Вѣст. 1906 г.; Этнографич. Обзоръ 1906 г. № 3/4 и др.

М. Сперанскій.

ОДИНЪ ИЗЪ УЧИТЕЛЕЙ
Н. В. ГОГОЛЯ

(И. Г. Жулжинскій).

Н Ъ Ж И Н Ъ.
Типо-литографія наслѣдн. В. К. Меленевскаго.
1 9 0 6.

Печатано по постановленію Конференції Историко-Филологического Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке*.

Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинскій).

Вліяніе среды на созданіе или, по крайней мѣрѣ, на развитіе міросозерцанія человѣка вообще, писателя въ частности, какъ извѣстно, сомнѣнію не подлежитъ. Особенно существенную роль вліяніе это играетъ въ раннюю пору жизни человѣка. Поэтому-то выясненіе характера, идейнаго содержанія среды, окружающей, въ эту пору жизни, будущаго дѣятеля общественнаго и литературнаго, справедливо становится задачей изслѣдователя дѣятельности того или другого интересующаго насъ лица; поэтому-то біографъ съ особеннымъ вниманіемъ присматривается къ той обстановкѣ, къ тѣмъ лицамъ, которыя окружаютъ писателя въ юности, надѣясь здѣсь найти разгадку, объясненіе тѣхъ чертъ нравственной и умственной фізіогноміи писателя, которыя, какъ уже опредѣлившіяся, выступаютъ у этого писателя въ зрѣломъ возрастѣ. Но въ тоже время, за небольшими счастливыми исключеніями, бываетъ обыкновенно, что какъ разъ этотъ юношескій періодъ жизни писателя наименѣе поддается учету. Это понятно, въ силу обычныхъ причинъ въ области историческаго изслѣдованія: историческія данныя, сохраняемые памятью, письменными документами, создающіяся подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ факта, прикрѣпляются къ личности съ особенной ясностью и подробностью лишь тогда, когда дѣятель (въ данномъ случаѣ литературный) занялъ уже болѣе или менѣе опредѣленное положеніе въ обществѣ, когда общество это уже отвело ему это мѣсто въ своей средѣ, стало имъ интересоваться, болѣе или менѣе считаться съ нимъ, съ его дѣятельностью. А бываетъ это уже тогда, когда міросозерцаніе дѣятеля уже прошло или почти прошло первый періодъ своего развитія, эпоху своего сложенія и само становится уже болѣе или менѣе опредѣленнымъ, законченнымъ. Современники же юности писателя, еще не ставшаго замѣтнымъ писателемъ, обыкновенно самые плохіе цѣнители будущаго дѣятеля. Такъ и бывало съ большинствомъ писателей. За примѣрами ходить далеко не приходится: дѣтство, юность Гоголя

ясно подтверждают это положение: искренний, въ значительномъ большинствѣ случаевъ правдивый въ своихъ воспоминаніяхъ учитель Гоголя, самъ писатель, послѣ смерти своего ставшаго славнымъ ученика, такъ отзывался о немъ: „отъ Гоголя менѣе всѣхъ можно было ожидать такой извѣстности, какою онъ пользуется въ нашей литературѣ. Это была terra rudis et inculta“¹⁾. А между тѣмъ, даже немногія данныя, содержащіяся въ письмахъ, отрывкахъ рукописей Гоголя школьнаго періода, воспоминаніяхъ товарищей его, говорятъ, по крайней мѣрѣ, намекають на то, что процессъ выработки міросозерцанія Гоголя за время пребыванія его въ Нѣжинѣ сдѣлалъ уже такой шагъ впередъ, что имъ въ значительной степени обусловлено было выступленіе его именно въ роли писателя и при томъ писателя-реалиста и сатирика²⁾. Такое положеніе непосредственныхъ источниковъ, естественно, выдвигаетъ на видное мѣсто побочные; а въ ряду ихъ изученіе среды, ея дѣятелей въ интересахъ освѣщенія, сложенія міросозерцанія писателя приобрѣтаетъ особенное значеніе³⁾.

Одному изъ дѣятелей въ этой школьной средѣ нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ времени Гоголя, учителю латинскаго языка и дѣятелю въ русской литературѣ, Ивану Григорьевичу *Кулжинскому* и посвящено вниманіе въ настоящей статьѣ. Остановиться именно на немъ, прежде, нежели на другихъ нѣжинцахъ-современникахъ Гоголя заставляетъ, во первыхъ, то, что на Кулжинскаго до сихъ поръ обращалось сравнительно съ другими⁴⁾ меньше вниманія, а во вторыхъ, то, что личность Кулжинскаго представляетъ и сама по себѣ нѣкоторый интересъ. Не говоря уже о томъ, что въ жизни самого Гоголя Кулжинскій сыгралъ нѣкоторую роль, его приходится считать, какъ писателя, однимъ изъ немногихъ свѣтлыхъ въ идейномъ отношеніи членовъ убогой коллегіи нѣжинской гимназіи двадцатыхъ годовъ; наконецъ, какъ провинціальный писатель, К-ій даетъ представленіе о томъ, какъ и какія теченія мысли, зарождавшіяся въ культурныхъ центрахъ нашей жизни, отражались въ глуши провинціи. Взятый самъ по себѣ, представляетъ К-ій и общій интересъ: провинціальный писатель—онъ является посильнымъ работникомъ въ опредѣленныхъ теченіяхъ русской публицистики въ теченіе почти 50 лѣтъ: первыя его произведенія напечатаны въ 1825 году, послѣднія, вышедшія при его жизни, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Конечно, самая цѣль настоящей статьи—внести еще нѣкоторое освѣщеніе въ ранній періодъ жизни Гоголя—устраняетъ въ данномъ случаѣ необходимость разработки всей долгой литературной жизни Кулжинскаго, обязывая насъ сосредоточиться на начальной порѣ этой дѣятельности, какъ наиболѣе для насъ интересной, т. е.

выдѣлить эту эпоху изъ всей прочей жизни И. Г. Кулжинскаго. Но такое выдѣленіе и съ точки зрѣнія самой этой дѣятельности имѣетъ свои основанія: сохраняя основной тонъ своего міросозерцанія неизмѣннымъ, дѣятельность Кулжинскаго носить во второмъ періодѣ, обнимающемъ собою время отъ 30-хъ годовъ до конца его жизни, на себѣ такія специфическія черты, которыя, будучи едва замѣтны въ первомъ періодѣ, не позволяютъ уже развиваться свободно и послѣдовательно характернымъ чертамъ ранняго періода: интересъ къ народности, патриотическое настроеніе, религіозная настроенность, замѣтныя и въ раннихъ произведеніяхъ Кулжинскаго, во второмъ періодѣ принимаютъ настолько рѣзкія черты тенденціознаго характера, настолько односторонне начинаютъ преобладать въ немъ, достигая крайности, что въ 1859 году заставляють Кулжинскаго, чуть не подобно Гоголю, такъ отозваться о своей прежней дѣятельности: „писаль и печаталь я много въ разныхъ журналахъ; но какъ черновыхъ я у себя не оставляль, то теперь не помню не только содержанія, даже и названія большей части моихъ сочиненій—по всему видно, что не стоитъ памяти, и я говорю это не по чувству смиренія и униженія, но просто потому, что оно такъ и есть“⁵). И въ своей автобіографіи онъ отказывается дать перечень своихъ сочиненій, и въ воспоминаніяхъ, писанныхъ не много ранѣе, избѣгаетъ называть одно изъ своихъ первыхъ сочиненій, хотя оно и доставило ему литературныя связи, которыми, видимо, онъ самъ дорожилъ⁶). И это говорилъ писатель, до старости лѣтъ сохранившій замѣчательно ясную память, никогда не перестававшій съ живостью слѣдить и своеобразно отзываться на окружающее⁷). И съ своей позднѣйшей точки зрѣнія, онъ былъ правъ, относясь такъ отрицательно къ прежней своей дѣятельности: настроенія ранней эпохи дѣятельности Кулжинскаго довольно рѣзко отличались отъ тѣхъ настроеній, которыми сопровождалась его послѣдующая жизнь, и на которыя, какъ и на первыя, онъ откликался въ своихъ произведеніяхъ: время молодости К-аго въ русскомъ обществѣ было временемъ увлеченій идиллическими представленіями о народности, временемъ первыхъ этнографическихъ изученій малорусской народности, временемъ сентиментальныхъ увлеченій, эпохой вопросовъ о классицизмѣ и романтизмѣ въ литературѣ; вторая половина—эпоха развитія такъ называемой „оффиціальной народности“ со всѣми печальными послѣдствіями этого односторонняго направленія въ отдѣльныхъ проявленіяхъ русской жизни и литературы. Эта разница оказалась и на внѣшней обстановкѣ дѣятельности Кулжинскаго: въ первомъ періодѣ главными органами, гдѣ работаетъ К-ий, являются: „Украинскій журналъ“ А. В. Склабовскаго, „Дамскій журналъ“

кн. П. И. Шаликова и „Московскій Вѣстникъ“; во второмъ: „Маякъ“ Бурачка, „Москвитянинъ“ Погодина, „Вѣстникъ югозападной и западной Россіи“ Говорскаго и т. п. И въ самой жизни Кулжинскаго, на границѣ этихъ двухъ его литературныхъ эпохъ, происходятъ такіа измѣненія, которыя, если и не вполне обусловили, то во всякомъ случаѣ сильно повліяли на отклоненіе его міросозерцанія въ иномъ направленіи: изъ лица подчиненнаго, исполнителя чужихъ программъ (каково его учительство въ Нѣжинѣ, Харьковѣ), изъ маленькаго человѣчка, превращается онъ въ началѣ 30-хъ годовъ въ отвѣтственнаго самостоятельнаго, облеченнаго уже властію правительственнаго агента, сперва въ Луцкѣ, затѣмъ въ Тифлисѣ, гдѣ выполняетъ опредѣленную задачу—русскаго дѣятеля въ ополяченномъ полурусскомъ и нерусскомъ краяхъ. А дѣятельности этой отдается онъ, какъ и всегда, съ увлеченіемъ, почти страстностью свой цѣльной прямолинейной природы⁸). Все это, взятое вмѣстѣ, позволяетъ намъ разсматривать раннюю дѣятельность К-аго, какъ нѣчто болѣе или менѣе законченное сравнительно со вторымъ періодомъ.

Матеріаловъ для изученія литературной и общественной дѣятельности Кулжинскаго вообще, равно какъ и для установленія внѣшнихъ біографическихъ данныхъ, у насъ достаточно. Самъ И. Г. Кулжинскій до извѣстной степени позаботился объ этомъ, оставивъ намъ въ разныхъ изданіяхъ свои правдивыя воспоминанія и о своей школьной порѣ, и о зрѣлой порѣ своей жизни, даже дважды напечатанную автобіографію, охватывающую все время его служебной дѣятельности⁹). Въ своихъ сочиненіяхъ онъ не разъ настойчиво повторяетъ свои любимыя мысли, достаточно отчетливо характеризующія его, какъ писателя и общественнаго дѣятеля; нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій, считаемыя имъ заслуживающими вниманія, онъ собираетъ, перепечатываетъ, даже мало внося измѣненій¹⁰). Оставилъ И. Г. Кулжинскій, помимо печатныхъ своихъ работъ, слѣдъ, хотя и не особенно замѣтный, также въ литературѣ, въ видѣ критическихъ замѣтокъ, отзывовъ объ его сочиненіяхъ¹¹). Наконецъ для провѣрки и дополненій автобіографическаго матеріала, касающагося И. Г. К-аго, имѣемъ рядъ документовъ въ архивѣ бывшей Гимназіи высшихъ наукъ, въ настоящее время архивѣ Института въ Нѣжинѣ¹²).

На основаніи этихъ данныхъ представляется возможнымъ набросать довольно полный очеркъ дѣятельности Кулжинскаго, что мы и сдѣлаемъ, сосредоточивъ вниманіе на первой половинѣ ея, на періодѣ „гоголевскомъ“¹³).

I.

Внѣшнія данныя біографіи И. Г. Кулжинскаго очень не сложны. По происхожденію онъ „малороссіянинъ“, какъ отмѣчено въ его послужномъ спискѣ, и какимъ признаетъ себя онъ самъ въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ полемическихъ статей противъ украинофильства¹⁴), сынъ „священнической“, родился въ г. Глуховѣ 14 апр. 1803 года, дѣтство провелъ въ мѣстечкѣ Воронежѣ, Глуховскаго повѣта Черниговской губ.¹⁵). Здѣсь, выучившись самоучкой разбирать грамоту, онъ на шестомъ году былъ отданъ въ школу при церкви, гдѣ и обучился чтенію и письму, такъ что на 8-мъ году уже могъ читать біблію¹⁶), послѣ чего его стали готовить въ семинарію: у сосѣдняго священника онъ обучился чтенію полатыни и четыремъ правиламъ ариѳметики¹⁷). Въ 1811 году К-ій поступилъ въ черниговскую семинарію, гдѣ и обучался въ теченіи 12 лѣтъ¹⁸), переживъ такимъ образомъ и періодъ преобразования семинарій (въ 1817 году): преобразование застигло К-аго, когда онъ кончилъ курсъ пѣтики. Кромѣ ученія въ семинаріи, млодой К-ій по настоянію отца на ваканціяхъ долженъ былъ заниматься подъ руководствомъ ученаго сосѣда-протоіерея Андрея Нарановича, о которомъ онъ и вспоминаетъ съ глубокой благодарностью и руководство котораго ставитъ выше ученія семинарскаго¹⁹). Судя по аттестату, выданному К-ому, семинарію кончилъ онъ по первому разряду, что давало ему право перейти для продолженія образованія въ академію; но онъ отказался отъ поступленія въ нее, а предпочелъ въ 1823 году поступить учителемъ въ уѣздное духовное училище въ Черниговѣ же; здѣсь ему пришлось преподавать пространнй катехизисъ, греческій языкъ, русскую и славянскую этимологию²⁰); а черезъ годъ (съ сентября 1824 г.) К-ій получаетъ уроки по словесности и въ семинаріи. Дѣло преподаванія, по словамъ автобіографіи, пошло хорошо: повидимому, К-ій становился извѣстнымъ, какъ хорошій учитель. Въ этомъ году онъ женился и сталъ „задумываться объ избраніи для себя опредѣленнаго и постоянного званія и состоянія“ (принимать духовный санъ онъ не рѣшался). Вдругъ (такъ разсказывается въ автобіографіи) онъ былъ совершенно неожиданно вызванъ въ Нѣжинъ, чтобы познакомиться съ директоромъ Гимназіи высшихъ наукъ И. С. Орлаемъ²¹). Результатомъ этого знакомства съ Орлаемъ была отставка Кулжинскаго изъ духовнаго вѣдомства и семинаріи (12 іюня 1825 г.) и назначеніе его учителемъ латинскаго языка въ нѣжинской гимназіи²²).

Ближайшимъ поводомъ къ перемѣщенію Кулжинскаго на службу въ Нѣжинъ послужило дальнѣйшее постепенное развитіе Гимназіи

высшихъ наукъ подѣ руководствомъ энергичнаго И. С. Орлая: „Въ гимназіи съ будущаго августа (1825 г.), говорится въ опредѣленіи конференціи²³), для преподаванія языковъ имѣеть открыться 6-е отдѣленіе, почему для профессора латинской словесности²⁴) слишкомъ затруднительно было бы преподаваніе латинскаго языка во всѣхъ шести отдѣленіяхъ, тѣмъ болѣе, что Высочайше подтвержденнымъ въ 14-й день августа 1824 года журналомъ Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ Виленскаго университета, между прочимъ положено умножить число уроковъ для преподаванія языка латинскаго“. Поэтому конференція рѣшила ходатайствовать объ опредѣленіи Кулжинскаго, подавшаго о томъ просьбу еще 16 мая, учителемъ латинскаго языка въ трехъ низшихъ отдѣленіяхъ, т. е. „въ начальномъ, грамматическомъ и синтаксическомъ“²⁵). Очевидно, предложеніе было сдѣлано въ конференціи И. С. Орлаемъ, не только успѣвшимъ познакомиться съ Кулжинскимъ, но даже устроить ему своеобразный предварительный экзаменъ по латинскому языку²⁶).

Получивъ званіе учителя, пробылъ Кулжинскій на этотъ разъ въ Нѣжинѣ четыре года²⁷). Въ это время у него учился латинскому языку и Гоголь, что совершенно правильно и отмѣтилъ въ автобіографіи и „Воспоминаніяхъ“ Кулжинскій²⁸). Дѣло преподавательское, не смотря на усердіе и преданность, у Кулжинскаго въ Нѣжинѣ не спорилось: по крайней мѣрѣ, самъ онъ вспоминаетъ, что четыре года службы, проведенные здѣсь, оставили въ немъ о себѣ грустное воспоминаніе²⁹). Причину этого Кулжинскій видѣлъ въ плохихъ порядкахъ гимназіи; причину же этихъ порядковъ въ свою очередь видѣлъ позднѣе въ коллегіальномъ устройствѣ управленія, не допускавшемъ контроля директора надъ преподавателями. Можно, однако, найти другія, болѣе существенныя причины неудовлетворительности постановки учебнаго дѣла, и считать то одностороннее объясненіе, которое приводитъ И. Г. Кулжинскій, не убѣдительнымъ, какъ объясненіе, явившееся результатомъ позднѣйшаго уже склада мыслей К-аго (когда онъ писалъ свою автобіографію); безусловную объективность этого объясненія допустить мѣшаетъ и тотъ примѣръ „порядка“, который имъ приведенъ въ доказательство своей мысли: онъ самъ былъ обиженъ указываемымъ поступкомъ коллегъ³⁰).

Понятно, что Кулжинскій, не довольный мѣстомъ въ Нѣжинѣ, искалъ новаго мѣста и, будучи здѣсь, повидимому, не переставалъ хлопотать о перемѣщеніи, что ему и удалось: въ августѣ 1829 г. мы видимъ его учителемъ латинскаго языка въ Харьковѣ въ Украинско-Слободской гимназіи, а затѣмъ, кромѣ того, преподавателемъ въ женскомъ институтѣ и частныхъ пансіонахъ, наконецъ преподавателемъ

словесности и въ университетѣ (съ 1831 года)³¹). Харьковской своей службой Кулжинскій былъ гораздо болѣе удовлетворенъ, такъ что даже называетъ три года, проведенные здѣсь, лучшими годами своей службы³²: она, несмотря на сильное напряженіе (до 42-хъ часовъ въ недѣлю уроковъ), удовлетворяла его и съ матеріальной стороны, и съ нравственной: его охватывала живая литературная обстановка тогдашняго Харькова, школа у него шла хорошо, университетская аудиторія была полна³³). Но съ Харьковомъ и кончилась учительская карьера Кулжинскаго: онъ сталъ администраторомъ, самъ сталъ начальствомъ: въ августѣ 1832 года попечителемъ округа Филатьевымъ онъ назначенъ на постъ директора гимназій въ Луцкѣ³⁴). Самый характеръ занятій, программа дѣятельности, мѣстные условія этой дѣятельности наложили яркую печать на Кулжинскаго: въ тяжелую, смутную эпоху края, послѣ повстанія, онъ долженъ былъ явиться піонеромъ русскаго просвѣщенія въ краѣ, гдѣ русскими были только крестьяне, а все мало мальски образованное—польское или по національности или по духу. Прямолинейный П. Г. Кулжинскій сталъ искреннимъ представителемъ идей официальной народности (1833) и остался имъ до конца своихъ дней³⁵). Проработавъ семь лѣтъ на Волыни въ Луцкѣ, онъ переходитъ въ 1839 году въ Немировскую гимназію³⁶), оттуда переселяется опять въ Нѣжинъ, гдѣ обзаводится домомъ, становится (1841) инспекторомъ юридическаго Лицея, смѣнившаго физикоматематическій факультетъ (въ свою очередь создавшійся на развалинахъ Гимназій в. н. въ 1832 г.). Но осѣдлая жизнь П. Г-ча продолжается не долго: въ августѣ 1843 года онъ уже ѣдетъ директоромъ кавказскихъ училищъ въ Тифлисъ, назначенный туда своимъ „благодѣтелемъ“ кн. Ширнскимъ-Шихматовымъ, бывшимъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія³⁷). Наконецъ, черезъ четыре почти года болѣзнь заставляеть его прекратить служебныя занятія, и въ маѣ 1847 года онъ возвращается пенсіонеромъ въ Нѣжинъ, гдѣ, принимая участіе въ консервативной литературѣ, и доживаетъ свои долгіе годы. Умеръ онъ 23 марта 1884 года, проживъ почти 81 годъ.

II.

Такова біографія П. Г. Кулжинскаго: это—біографія преимущественно учителя и чиновника; такъ, повидимому, въ значительной степени на себя смотрѣлъ и онъ самъ, говоря не охотно или не желая даже вовсе говорить о своей литературной дѣятельности (см. выше). А между тѣмъ стремленія литературнаго характера, писательство приходять красной нитью черезъ всю его долгую жизнь, начиная съ ранней молодости и чуть не до гробовой доски, и особенно сильны они,

какъ разъ, во второй періодъ его жизни, когда онъ, повидимому, ощущалъ особенную потребность въ письменномъ словѣ, такъ какъ отъ непосредственной практической дѣятельности онъ уже отстранился³⁸). Все это даетъ право смотрѣть на Кулжинскаго и какъ на писателя, какъ на него смотрѣли уже давно и его современники³⁹), и попытаться опредѣлить роль его въ нашей литературѣ. Какъ было замѣчено уже, насъ интересуеетъ главнымъ образомъ первый періодъ его дѣятельности, до того окончательнаго поворота въ міросозерцаніи, который обнаружился въ немъ въ Луцкѣ, и который сказался ясно совершенно въ первомъ же произведеніи, писанномъ подъ вліяніемъ обозначившагося уже иного настроенія. Достаточно привести небольшой отрывокъ изъ „Эмерита“ (1836) для доказательства нашей мысли: „Эмеритъ, дрожа отъ восторга, указалъ мнѣ (т. е. автору) мѣсто въ журналѣ, гдѣ изображено желаніе правительства, чтобы народное образованіе совершалось въ соединенномъ духѣ Православія, Самодержавія и Народности. — Въ этихъ немногихъ словахъ—продолжалъ профессоръ—Россія въ первый разъ сказала сама себѣ, и сказала громко, величественно, достойнымъ себя образомъ. О, эти слова запишетъ исторія; отзвучіе этихъ словъ прогремитъ въ отдаленныхъ вѣкахъ!...“ Давно пора приняться намъ за свое родное, отвѣчалъ я“ и т. д. въ этомъ же родѣ⁴⁰).

Въ первый періодъ своего писательства значительную дань уплатилъ Кулжинскій сотрудничеству въ довольно типичныхъ журналахъ того времени: „Украинскомъ журналѣ“, выходившемъ въ Харьковѣ подъ редакціей А. В. Склабовскаго, и въ „Дамскомъ журналѣ“ кн. Шаликова; въ послѣднемъ писалъ онъ преимущественно стихи и мелкіе рассказы. Кромѣ того, въ это время вышелъ и первый отдѣльный сборничекъ его произведеній „Малороссійская деревня“ (1827). Закончился этотъ періодъ рѣчью о классической и романтической поэзіи (1830) и „украинскимъ романомъ“ „Федюша Мотовильскій“⁴¹).

Первые печатные труды Кулжинскаго появились въ 1825 г. въ „Украинскомъ журналѣ“, съ 1824 г. издававшемся при Харьковскомъ университетѣ, какъ мы сказали, А. В. Склабовскимъ⁴²). Этотъ журналъ, и какъ одинъ изъ немногихъ провинціальныхъ журналовъ того времени, и какъ довольно наглядно отразившій литературные вкусы и условія того времени, представляетъ несомнѣнный интересъ вообще и для характеристики раннихъ произведеній Кулжинскаго въ частности.

Цѣли и направленіе У. Ж., опредѣлившія составъ и содержаніе книжекъ его, довольно отчетливо высказаны А. В. Склабовскимъ въ первомъ же номерѣ У. Ж., отчасти повторены и распространены въ другихъ статьяxъ-обращеніяхъ редактора къ публикѣ. Вотъ что гово-

рять А. В. С-ий, начиная издание: „Конечно для русскаго все русское пріятно; но еще пріятнѣе то, что ближе къ намъ по мѣсту, характеру и самому названію. Такъ, напр., для жителя Украины, какъ ни занимательны русскіе журналы, но онъ безъ сомнѣнія съ большею охотою и любопытствомъ читалъ бы такіе, которые принадлежали бы собственно Украинѣ..... Главная цѣль У. Ж. есть: съ распространеніемъ правильныхъ и ясныхъ понятій о благочестіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ, вмѣстѣ способствовать и распространенію вкуса къ отечественной словесности... имѣя въ виду и другія части наукъ и искусствъ.... Въ У. Ж. особенное вниманіе будетъ обращено на критическій разборъ лучшихъ произведеній отечественной поэзіи, при руководствѣ самаго строгаго безпристрастія.... краткія статьи нравственныя.... также все, что касается до историческихъ извѣстій, земледѣлія, торговли, промышленности и другихъ достопамятностей южной Россіи и собственно такъ называемой Украины—преимущественно въ немъ будетъ помѣщаемо⁴³⁾“. Черезъ 4—5 мѣсяцевъ Склабовскій опять возвращается къ своей темѣ: (редакторъ много получилъ всякихъ статей) „но не могу при семъ не заявить, обращается онъ къ публикѣ и сотрудникамъ, сожалѣнія, что, разсматривая упомянутыя піесы, я не нашелъ ни одной, которая содержала бы въ себѣ какія нибудь извѣстія объ Украинѣ или вообще объ южной Россіи. Между толкиамъ числомъ мѣсть, Харьковскому округу подвѣдомыхъ, безъ сомнѣнія во многихъ находятся люди, столько любящіе страну родную, что все къ ней относящееся, какъ-то извѣстія историческія, топографическія и другого рода описанія, изображеніе характеровъ, нравовъ, обыкновеній, привычекъ, занятій увеселеній, даже собраніе пѣсень малороссійскихъ и объясненій на оныя и т. п.—все это, говорю, почитаютъ близкимъ къ сердцу и достойнымъ того, чтобы предпочесть стишкамъ или прозѣ о предметахъ, въ тысячѣ книгъ уже изложенныхъ и ясно и пріятно....“⁴⁴⁾. Защищая свой журналъ отъ упрека въ цестротѣ содержанія, отъ одностороннихъ требованій, чтобы „Украинскій“ журналъ наполненъ былъ извѣстіями только объ Украинѣ, Склабовскій указываетъ на приведенную выше программу журнала, но не можетъ не подчеркнуть *мѣстнаго* характера журнала и правъ его на мѣстный интересъ извѣстій: „Не упоминаемъ о маломъ числѣ такихъ читателей, которые—имѣя въ виду одно только названіе *Украинскаго Ж.*—хотѣли, чтобы всѣ книжки онаго были наполнены только *извѣстіями* объ Украинѣ: этого, въ строгомъ смыслѣ не было нами обѣщано..... Къ сему прибавимъ, что всѣ пьесы (исключая двухъ или трехъ), до сего времени напечатанныя въ У. Ж., суть произведеніе Украины, и наибольшею частію—собственно Харькова, т. е.

сочинены и переведены здѣшними любителями просвѣщенія, особенно студентами сего университета и ихъ наставниками: а сего, кажется, уже довольно, чтобы выходящій въ *Украинѣ* журналъ назывался *Украинскимъ*"⁴⁵).

Приведенныхъ выписокъ достаточно, чтобы судить о характерѣ и направленіи журнала Склабовскаго: онъ былъ выраженіемъ пробудившихся мѣстныхъ интересовъ къ народности, однимъ изъ раннихъ проявленій того направленія, которое начало пробиваться во второмъ десятилѣтіи прошлаго вѣка въ русской литературѣ и съ особенной силой сказалось въ 20-хъ годахъ особенно въ Украинѣ, подъ вліяніемъ котораго, какъ извѣстно, воспитался и Гоголь въ Нѣжинѣ⁴⁶): это направленіе сказалось въ любовномъ отношеніи къ мѣстной старинѣ, народности, отношеніи уже сознательномъ, выразившемся въ стремленіи собирать, объяснять данныя этнографическаго характера въ предѣлахъ своей народности⁴⁷). И дѣйствительно, рядомъ со статьями, служащими къ „распространенію правильныхъ и ясныхъ понятій о благочестіи“⁴⁸), статьями по „другимъ частямъ наукъ“⁴⁹), мы видимъ рядъ статей самого редактора (онъ съ подписью А. С.) этнографическаго характера каковы: „Иванъ Купало“ (1824 г. № 12), „Троицынъ день“ (№ 11): въ первой описывается польскій обычай купальскій⁵⁰), во второй—личныя наблюденія автора надъ народнымъ обычаемъ съ кое-какими историческими справками и даже пѣснями, „коихъ авторъ слышалъ множество“, живя въ 1821 году въ деревнѣ⁵¹). Отношеніе автора къ народному обычаю характеризуется ярко слѣдующей тирадой: „Сердечно жалѣю объ ежегодномъ истребленіи многихъ милліоновъ лучшихъ деревьевъ (на Троицынъ день срубаемыхъ)...; но съ другой стороны мнѣ пріятно видѣть обычай предковъ, черезъ столько столѣтій сохраняемые позднѣйшимъ ихъ потомствомъ...“ (стр. 250). Удѣляетъ вниманіе Склабовскій и мѣстной малорусской старинѣ, то сообщая о кievскомъ кладѣ, то помѣщая старинные малороссійскіе документы⁵²).

Ясно, эта мѣстная этнографическая струя, окрашенная при томъ романтическо-идиллическимъ любовнымъ отношеніемъ къ своей народности и старинѣ, коснулась и молодого черниговскаго учителя И. Г. Кулжинскаго⁵³): онъ посылаетъ въ журналъ „Нѣкоторые замѣчанія касательно исторіи и характера малороссійской поэзіи“, „Пѣсню“⁵⁴). Обѣ эти статьи съ нѣкоторой обработкой входятъ въ его „Малороссійскую деревню“ (1827 г.). Эти интересы этнографическаго свойства, отзвуки этого теченія не прекращаются у Кулжинскаго за все время пребыванія его въ Нѣжинѣ (съ авг. 1825 г. по авг. 1829): перейдя сотрудникомъ въ „Дамскій Журналъ“ кн. Шаликова, помѣщая тамъ свои произведенія въ духѣ этого журнала⁵⁵), онъ однако не разъ возвра-

щается къ мѣстнымъ народнымъ темамъ: „Казацкая пѣсня“, „Казацкія шапки“, „Терешко“—навѣяны, несомнѣнно, этими интересами, поддерживаемыми и мѣстными условіями⁵⁶). Къ группѣ такихъ же произведеній до нѣкоторой степени можно отнести и послѣдній изъ романовъ первой эпохи писательства Кулжинскаго „Федюшу Мотовильскаго“⁵⁷).

Эта группа представляетъ для насъ не малый интересъ, рисуя не только К-аго вообще, но и писателя—представителя характернаго литературно-общественнаго теченія въ 20-хъ годахъ нашей провинціи и давая т. о. самому Кулжинскому довольно опредѣленное мѣсто среди мѣстныхъ этнографовъ-поэтовъ и изслѣдователей, а слѣдовательно дѣлая возможнымъ и вопросъ о степени его вліянія и участія въ выработкѣ особенностей міросозерцанія Гоголя и другихъ. Это опредѣленіе роли и значенія Кулжинскаго-этнографа-поэта является тѣмъ болѣе возможнымъ, что онъ непосредственно излагаетъ свои теоретическія воззрѣнія на вопросы, интересовавшіе его и его современниковъ и земляковъ. Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ его „Малороссійская деревня“, какъ собраніе специально этнографическаго матеріала, своеобразно обработаннаго авторомъ⁵⁸).

Уголъ зрѣнія на деревню и въ частности на малороссійскую деревню, да и вообще на народный бытъ опредѣляется у Кулжинскаго, какъ эпиграфомъ къ „М. д.“, взятымъ изъ Горачія (Sat. II, VI, v. 1—3):

„Noc erat in votis: modus agri non ita magnus,
Hortus ubi et tecto vicinus jugis aquae fons
Et paulum silvae super his foret....“⁵⁹,

такъ и такого рода мыслими: „Подъ кроткимъ небомъ Малороссіи всякая деревня есть сокращенный *эдэмъ*,—заявляетъ намъ авторъ—гдѣ иногда не достаетъ только добродѣтели и чувствительности сердца, чтобы людямъ быть совершенно блаженными“... Старина автору рисуется идеально-идиллической: „Почему я живу не въ то благословенное время, когда еще въ Малороссіи зло и пороки были извѣстны только по отдаленному слуху—и прекрасныя дѣвушки Малороссійскія не боялись въ жаркое время выходить на улицу въ однихъ чистыхъ рубашкахъ, подпоясавшись красною лентою?... Тогда и сосѣди не знали еще пагубнаго искусства враждовать между собою; а ежели случалось одному обижать другаго, то или сейчасъ же забывали обиды, или, впрягши своихъ воловъ въ одну телѣгу, вмѣстѣ—какъ добрые братья—отправлялись къ святилищамъ правосудія некая примиренія...“ (VI—VII).

И вотъ, „хотя и Малороссіяне по общему закону измѣняемости много удалились отъ характера своихъ предковъ, но и теперь еще въ

нравственной физиономіи ихъ можно прочесть ту древнюю истину, что народный характеръ есть *нѣчто неизмѣнное*. (VIII—IX).

Ясно, что настроенный на идиллическій ладъ, любовно относящійся къ своей мѣстной народности, Кулжинскій изъ современнаго быта будетъ выбирать тѣ черты, которыя допускаютъ подобную идеализацію, дають удовлетвореніе его мѣстно-патріотическому, восторженному чувству. Стало быть, односторонность будетъ въ подборѣ фактовъ, въ ихъ освѣщеніи, но не въ самыхъ фактахъ: въ нихъ можетъ и не быть искаженія. И дѣйствительно, и самъ Кулжинскій сознавая характеръ своей работы—этнографическій,—понимаетъ необходимость сообщать факты, не искажая ихъ умышленно, а лишь излагая такъ, какъ онъ ихъ понималъ. Поэтому онъ и кончаетъ свое предисловіе словами: „Не объщая моимъ читателямъ глубокихъ и тонкихъ замѣчаній о народномъ характерѣ Малороссіянъ, я нужнымъ почитаю признаться, что собирать разбросанныя черты *національности*, и изъ многихъ отдѣльныхъ частей составить одно цѣлое, полную картину нравовъ—трудное, очень трудное дѣло! Я не смѣлъ восходить къ философическимъ *началамъ* нравственныхъ дѣйствій, а писалъ просто—какъ встрѣчалось моему взору...“ (IX).

Эта восторженность, склонность къ идеализаціи, культъ чувства, направленного на мѣстную народность, именно малорусскую—все это вполнѣ объясняется у Кулжинскаго тѣми вѣяніями литературными, которыя мы отмѣтили у Склабовскаго, которыя, какъ разъ по отношенію къ Малороссіи, были не только въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ не чужды и обще-русской литературѣ, но и ранѣе. Идиллическое отношеніе къ быту—также черта, характерная для литературы этого времени, постепенно и лишь не давно ставшей обращаться къ окружающей дѣйствительности, къ народности⁶⁰). Но несомнѣнно, что Кулжинскій, не смотря на восторженность, на ту литературную моду, которая придала тотъ риторически-лирическій тонъ его „М. д.“, за который, повидимому, Гоголь и обозвалъ ее „литературнымъ уродомъ“⁶¹), не смотря на это, Кулжинскій обладалъ и наблюдательностью и создалъ цѣнность данныхъ народнаго быта малороссовъ, мало въ его время извѣстнаго въ русской литературѣ. Отсюда у него постоянное вниманіе къ мелочамъ быта, обычая, къ мѣстному языку, стремленіе не только прельстить читателя „сокращеннымъ эдемомъ“, но и сообщить свѣдѣнія, дать понятіе объ этомъ „эдемѣ“, каковъ онъ есть въ его время.

Это придаетъ извѣстную цѣнность въ глазахъ историка народности труду Кулжинскаго; несомнѣнно, цѣнилось это и современниками⁶²); несомнѣнно, и суровый отзывъ Гоголя выражалъ его мнѣніе

лишь объ одной отрицательной сторонѣ работы Кулжинскаго: это видно будетъ ниже изъ сопоставленія взглядовъ Гоголя и Кулжинскаго по отношенію къ отдѣльнымъ пунктамъ этнографическихъ представленій.

„Малороссійская деревня“ содержитъ пять статей: „Весна въ Малороссіи“, „Обжинки“ („праздникъ жатвы“) (41), „Вечерницы“ („гулянье по вечерамъ“) (53), „Малороссійская свадьба“ (61) „О Малороссійской поэзіи“ (72; сюда же относится послѣдняя статья—„Малороссійскія пѣсни“, 118—136). Въ концѣ книжки—„Изъясненіе малороссійскихъ словъ, находящихся въ сей книгѣ“—словарчикъ. Начиная съ первой статьи, очень бѣдной этнографическими данными, но богатой лирическими изліяніями и авторскими „медитаціями“ общаго характера („по поводу“), каждая слѣдующая—все богаче и богаче этнографическимъ элементомъ—будто авторъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ своимъ матеріаломъ.

Но и въ первой уже статьѣ у К-аго есть желаніе сообщить не только свои чувства по поводу „весны вообще“, добродѣтели и т. п.: онъ пробуетъ указать основную черту малорусскаго типа, охарактеризовать его не только своими разсужденіями, но и картинками изъ быта, дѣлая это, впрочемъ, очень идилично, уснащая сладковатой манерой изложенія⁶³). Главной основной чертой малоросса К-ий счелъ особенную лѣнь, стремленіе къ спокойствію: „Безпечный любитель сладостной нѣги—Малороссіянинъ черезъ цѣлую зиму заключалъ себя въ объятіяхъ теплой печи, и никакія явленія природы его не возмущали...“(12) Зимой его изъ хаты можетъ выманить или нужда, „или—вѣроятнѣе—собственная охота проходиться въ ближайшую винокурню“ (ibid.). Съ наступленіемъ весны, „не имѣя силъ противиться пробужденіямъ времени, рѣшается онъ наконецъ выѣхать на лугъ за лозою! Сколько подвига для доброй, спокойной души, привыкшей дремать въ беззаботной лѣни... прошло то драгоцѣнное время, въ которое всѣ его труды ограничивались походкою на винокурню....“ (14—15)⁶⁴) и т. д. Всѣ эти характеристики К-ий пробуетъ приправить легкимъ юморомъ, что ему также не особенно удается. Но уже въ этой статьѣ, не смотря на всю ея изысканность и фальшь, находимъ пару веснянокъ (правда въ литературномъ, довольно напыщенномъ переводѣ) съ поясненіями, не лишенными правдивости, значенія барвенка и руты, играющихъ видную роль въ пѣсняхъ и обрядахъ (25—26); тутъ же нѣсколько замѣчаній о „громадѣ“ и выборѣ ея общественнаго пастуха (31—32), о „коворотѣ“ и „коворотномъ“ (36—37).—Въ „Обжинкахъ“, дающихъ автору поводъ пройти главн. обр. на счетъ преимущества сельской жизни передъ культурно-барской, все-

таки находимъ указаніе на пѣсню: „Ой паноньку нашъ! обжиночекъ часть“, справку о знаменитой и у Гоголя „варенухъ“⁶⁵). Въ „Вечерницахъ“ (53—60), не смотря на попытку объяснить смыслъ этого „сельскаго малороссійскаго клуба“—греческимъ: ἀπὸ τοῦ βραὺν γίνεται τὸ ἑβραὺν, авторъ даетъ правдивое описаніе этихъ вечерницъ, повторяетъ хотячье воззрѣніе о нравственномъ отношеніи между полами, хотя тутъ же долженъ сознаться, что эти вечерницы иногда имѣють слѣдствіемъ и обманъ дѣвушки парубкомъ; по этому поводу сообщается о томъ участіи, какое принимаетъ сельская „громада“ въ этихъ случаяхъ, или заставляя провинившагося жениться, или же, за его отсутствіемъ, наряжая виновную въ женскій уборъ и зачисляя ее т. о. въ „молодицы“. Слѣдующая статья—„Малороссійская свадьба“ (61—71)—даетъ краткое описаніе свадьбы, разбавленное риторикой автора, въ общемъ, всетаки, показывающее наблюдательность его⁶⁶). Наибольшій интересъ представляетъ конецъ книжки—„О малороссійской поэзи“ и „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ (72—136), не только потому, что здѣсь издано нѣсколько пѣсенъ въ подлинникъ, но и по взглядамъ автора на малороссійскую народную поэзію, особенно если мы взгляды эти сопоставимъ съ тѣмъ, что высказывалось по этому поводу въ тогдашней ранней и поздней литературѣ.

Если признать, что „Малороссійскія пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ“ въ 1827 г. начали собою новую, вторую, ступень въ малорусской этнографіи⁶⁷), то за книжкой К-аго, въ частности за упомянутыми статьями, слѣдуетъ признать значеніе одной изъ подготовительныхъ работъ въ этомъ развитіи малорусской этнографіи вмѣстѣ съ печатными трудами перваго малорусскаго этнографа кн. Н. А. Церпилева⁶⁸). Поэтому сопоставленіе взглядовъ К-аго (разумѣется, очищенныхъ отъ риторическаго балласта) со взглядами на тотъ же предметъ его предшественника, Цертелева, и современниковъ, Максимовича и Гоголя (его „О малороссійскихъ пѣсняхъ“ V, 287 и сл.), представить извѣстный интересъ и для уясненія роли К-аго, какъ этнографа.

Наибольшій интересъ въ числѣ предшественниковъ И. Г. К-аго представляетъ, разумѣется, первый изъ малорусскихъ этнографовъ—кн. Н. А. Цертелевъ⁶⁹). Онъ открываетъ собою рядъ малорусскихъ этнографовъ, проникнутыхъ уже отзвуками романтическаго движенія и примкнувшихъ уже къ сознательно выработывавшейся программѣ народности; онъ уже руководится мѣстнымъ патріотизмомъ и м. б. не совсѣмъ яснымъ сознаніемъ о научной важности изученія народности, поэтическихъ памятниковъ слова для уразумѣнія народности, для развитія русской литературы въ народномъ самостоятельномъ

направленіи. Несомнѣнно, Цертелевъ въ своемъ романтическомъ увлеченіи народностью, своимъ призывомъ писателямъ и дѣятелямъ къ изученію ея, является однимъ изъ видныхъ создателей того этнографическаго направленія въ научной и художественной литературѣ, которое съ опредѣленностью начинаетъ заявлять о себѣ въ концѣ 20-хъ и 30-хъ годахъ въ средѣ писателей, главнымъ образомъ уроженцевъ русскаго юга⁷⁰). Это послѣднее обстоятельство находитъ себѣ объясненіе прежде всего въ особенностяхъ склада жизни нашего юга сравнительно съ сѣверомъ, а также въ томъ, что начавшееся въ сосѣдней польской народности національное возрожденіе, проникавшее все болѣе и болѣе отзвуками славянскаго возрожденія, находило отзвуки и у насъ, способствуя тѣмъ на югѣ болѣе быстрому развитію интереса къ народности и у себя. Цертелевъ былъ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ этнографическаго мѣстнаго увлеченія и, какъ южанинъ, однимъ изъ первыхъ возвысившихъ свой голосъ въ пользу изученія южно-русской народно-поэтической старины въ общерусской тогдашней литературѣ⁷¹). Еще въ 1814 г. кн. Цертелевъ заинтересовался народной поэзіей, услышавши двухъ слѣпыхъ бандуристовъ, пѣвшихъ думы; думы эти, счетомъ шесть, онъ тогда же записалъ; за тѣмъ продолжалъ собраніе и старался дать себѣ посильный отчетъ въ народной поэзи, съ которой только что началъ знакомство⁷²). Результатомъ этого труда и былъ рядъ небольшихъ замѣтокъ по народной словесности, помѣщенныхъ въ тогдашнихъ журналахъ⁷³) и „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“ (Спб. 1819), съ „Разсужденіемъ о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ“ вмѣсто предисловія, небольшой грамматикой малороссійской рѣчи и малорусско-русскимъ словаремъ къ пѣснямъ⁷⁴). Въ этомъ „Разсужденіи“ ясно сказались симпатіи къ мѣстной устной поэзи, какъ къ народной и старинной,—ваглядъ, остававшійся господствующимъ въ послѣдующее время у Цертелева и другихъ этнографовъ и у писателей-художниковъ. Онъ держится его твердо, не смотря на недоумѣніе, какъ примирить то, что заставляло его видѣть въ пѣснѣ, чувство привязанности къ своей малорусской народности, съ тѣмъ, что онъ впиталъ въ себя изъ тогдашней и болѣе ранней литературы, еще не оторвавшейся отъ псевдо-классическихъ теорій, привычныхъ правилъ. Непосредственное чувство вывело его въ концѣ концовъ на правильный путь⁷⁵), и онъ, сгруппировавъ большую часть того, что высказывалось до него по отношенію къ народной словесности (см. пр. 71), изложилъ свои воззрѣнія, ставшія, какъ я сказалъ, до извѣстной степени, исходнымъ пунктомъ для послѣдующихъ писателей, въ томъ числѣ и И. Г. Кулжинскаго, М. А. Максимовича, Н. В. Гоголя и др. Вотъ нѣсколько

такихъ его мыслей⁷⁶⁾: „Памятники древности тѣмъ занимательнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяютъ нашему любопытству касательно протекшаго. Не смѣю въ отношеніи семъ цѣнить собранныхъ мною пѣсенъ; но если стихиотворенія сіи не могутъ служить объясненіемъ исторіи малороссійской, по крайней мѣрѣ въ нихъ виденъ пѣтическій геній народа, духъ его, обычаи описываемаго времени и наконецъ та чистая нравственность, которою всегда отличались малороссіяне, и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ, ихъ окружавшихъ.... Намѣреніе мое—обратить вниманіе читателей не на слоги, но на силу чувствованій и красоту изображеній пѣвцовъ Малороссіи, наученныхъ природою... (3). Справедливость требуетъ отмѣтить, что нарѣчіе малороссійское, бывшее нѣкогда, такъ сказать, языкомъ *отдѣльнымъ*, и непосредствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи... (4). Сіи памятники народнаго генія, сохраняясь столь долгое время въ изустныхъ преданіяхъ, много испорчены; впрочемъ, судя по нѣкоторымъ стихамъ, убѣжавшимъ отъ искаженія, можно думать, что они заключали въ себѣ и силу выраженій и прелесть гармоніи. Это—безобразныя развалины свидѣтельствующія о красотѣ разрушеннаго зданія... (5). Вообще въ пѣсняхъ малороссійскихъ все просто и благородно. Казакъ, рассказывая происшествіе или открывая чувства свои, не отыскивалъ сравненій и подобій въ мѣстахъ отдаленныхъ, но заимствовалъ оныя изъ предметовъ, его окружавшихъ... (6)⁷⁷⁾. Малороссійская поэзія чувствами исполнена. Вообще проглядываетъ въ оной тихое уныніе, повсюду сопутствующее поэту. Можетъ быть, причиною сему бѣдствія, непрерывно болѣе трехъ вѣковъ отягчавшія Малороссію и бросившія, такъ сказать, на самый характеръ народа какую-то тонкую тѣнь печали. Обыкновенно изображается въ малороссійской пѣснѣ смерть какого нибудь казака, неожиданный походъ, набѣги Татаръ, несчастная любовь и тому подобное... (12). Наконецъ, во многихъ пѣсняхъ малороссійскихъ, какъ я упомянулъ выше, изображены обычаи и характеръ народа...“ (16).

Если, забѣжавши немного впередъ, мы ознакомимся съ нѣкоторыми мыслями кн. Цертелева въ его письмѣ „О народныхъ стихотвореніяхъ“, 1827)⁷⁸⁾, то мы получимъ довольно полное представленіе о немъ, какъ этнографѣ. Заявивъ своему корреспонденту (М. А. Максимовичу), что, какъ любитель отечественной старины, часто и пріятно его занимающей, онъ желаетъ съ нимъ побесѣдовать о народныхъ русскихъ и малороссійскихъ стихотвореніяхъ, Цертелевъ пишетъ: „Кто хочетъ дать, если такъ можно выразиться, народный колоритъ

своимъ произведеніямъ, тотъ не долженъ считать бездѣлкою отечественныя преданія и пѣсни, но обязанъ вслушиваться въ нихъ, сколько возможно болѣе, ибо сіи бѣдные памятники нравовъ и обычаевъ, мыслей и чувствованій предковъ нашихъ, обезображенные временемъ, но не искаженные подражаніемъ иноземцамъ, сохраняютъ еще многія черты той оригинальности, которая отличаетъ поэзію одного народа отъ поэзіи другого....(272). Кто изъ жившихъ въ Украинѣ не знаетъ ихъ (т. е. малоруссовъ) веснянокъ, щедровокъ, колядокъ и проч.? Кто не слыхалъ ихъ серенадъ, извѣстныхъ подъ названіемъ улицъ? Они имѣютъ даже своихъ рапсодовъ, большею частію, несчастныхъ лишенныхъ зрѣнія....(275). Малороссійскія, равно и русскія народныя стихотворенія⁷⁹⁾ исполнены живыхъ, рѣзкихъ выраженій, не высканныхъ подобій (ср. выше прим. 77) и сравненій, которыми весьма часто онѣ начинаются; тѣ и другія передаютъ духъ своей націи; но между ними, какъ мнѣ кажется, есть то различіе, что русскія исполнены болѣе смѣлыхъ картинъ, малороссійскія—чувствъ сильныхъ. Первые часто отзываются грубостію и дикостію нравовъ; въ послѣднихъ всегда отражается желаніе славы, любви и свободы. Въ первыхъ встрѣчаемъ разсказъ сочинителя, въ послѣднихъ часто находимъ драматическое изложеніе предмета. По моему мнѣнію, поэзія описательная превосходитъ въ пѣсняхъ русскихъ, лирическая въ пѣсняхъ малороссійскихъ....⁸⁰⁾ (276). Въ концѣ концовъ слѣдуетъ добавить, что, не смотря на мѣстный, малорусскій патриотизмъ, Цертелевъ чуждъ одно-сторонности: любовь къ народности въ литературѣ стоитъ у него выше мѣстныхъ узкихъ интересовъ: несмотря на заявленіе (въ томъ же письмѣ), что „самая мѣстность, даже языкъ и особенности его сильно дѣйствуютъ на душу читателя“, онъ заканчиваетъ свое письмо къ Максимовичу словами: „съ нетерпѣніемъ буду ждать появленія въ свѣтъ собираемыхъ вами малороссійскихъ стихотвореній, а самъ между тѣмъ общаю издать составленное мною собраніе старинныхъ русскихъ, искренно сожалѣя, что никто изъ людей, болѣе свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ, не предупредилъ меня“ (277).

Изъ наложеннаго о князѣ Цертелевѣ, кромѣ его личной характеристики, легко замѣтитъ, что въ его трудахъ даны уже цѣлая система и программа для уясненія отношенія писателя 20-хъ годовъ къ постепенно развивающейся идеѣ народности; ими опредѣлялось не только это отношеніе, но и подсказывались тѣ положенія, которыя должны были развиваться, расширяться путемъ новыхъ изысканій и собираній. При всей новизнѣ своей въ основѣ идеи эти однако, даже у самого Цертелева, не могли сразу порвать съ тѣмъ старымъ литературнымъ строемъ, который умирая все еще былъ и привычнымъ и готовой

формой выраженія. Отсюда попытки Цертелева опредѣлять новое по сравненію со старымъ (классическія теоріи, оссіановщина, интересъ къ формѣ—стиху—сравнительно съ современнымъ), нѣкоторая робость въ оцѣнкѣ новаго матеріала, желаніе какъ бы оправдать свой интересъ тѣмъ, что и въ новомъ народномъ матеріалѣ есть тѣ качества, которыя цѣнятся въ „принятой“ литературѣ (напр., усиленное повтореніе указаній на чувство въ пѣснѣ, на ея простоту, естественность). Наконецъ, не надо забывать, что романтическое теченіе, окрашенное отзвуками славянскаго возрожденія, постепенно превращавшееся въ народное, еще слабо заявляло свои права во второмъ десятилѣтіи прошлаго вѣка, по неволѣ должно было пользоваться и старой формой, влагая въ нее новое содержаніе. Но за этимъ теченіемъ, въ особенности на югѣ Россіи, было будущее. Это видно изъ того, что мы знаемъ о зарожденіи національной малорусской литературы, о созданіи духовнаго, умственнаго мѣстнаго центра въ Харьковѣ, о кружкѣ, группировавшемся около „кибенецкаго царька“ Д. П. Трошинскаго, которому посвящаютъ не только Цертелевъ свой „Опытъ“, а еще раньше Якубовичъ первое изданіе русскихъ былинъ и т. д.⁸¹⁾

Вращаясь въ такой атмосферѣ, и Кулжинскій не могъ, естественно, остаться въ сторонѣ: тѣ мысли, какія мы находимъ у Цертелева, становятся типичными частію и для Кулжинскаго (что, конечно, не исключаетъ оригинальныхъ воззрѣній). Часть ихъ приведена выше. Теперь приведемъ, зная уже воззрѣнія Цертелева, мысли К-аго о народной малорусской поэзіи и о вопросахъ, связанныхъ съ нею.

Подобно Цертелеву, и Кулжинскій считаетъ своимъ долгомъ, говоря о малороссійской поэзіи, коснуться и высказаться о самомъ малороссійскомъ языкѣ, бросивши взглядъ на его прошлое въ связи съ настоящимъ; но серьезное, болѣе или мѣнѣе научное, путается у Кулжинскаго-этнографа съ воззрѣніями Кулжинскаго-поэта; такъ: причисляя малороссіянь къ славянамъ, самое имя послѣднихъ онъ, на подобіе давнишнихъ, еще XVII в., „медитацій“, производитъ отъ „славы“ и разсуждаетъ: „происхожденіе славянъ одному Богу извѣстно! Можетъ быть, съ нѣкоторыми лѣтописцами, они присутствовали еще при строеніи Вавилонской башни: это для насъ тайна. Но мы знаемъ, что въ самыя отдаленныя времена всѣ поколѣнія славянскаго племени почитали одно и то же божество, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ⁸²⁾. Частныя имена Полянъ, Сѣверянъ, Кривичей, Радимичей и проч. произошли въ послѣдствіи времени отъ мѣстныхъ положеній и не дѣлали большой разности между славянами. Однакожь съ различіемъ имени можно позарѣвать небольшое различіе во нравахъ, а слѣдовательно—и въ языкѣ. Несторъ именно отличаетъ Полянъ по

ихъ добродушію и правотѣ отъ всѣхъ прочихъ поколѣній⁸³). Что же мѣшаетъ намъ думать, что и самый языкъ славянскій, раздѣленный на многія поколѣнія, имѣлъ въ самомъ еще началѣ своемъ многія нарѣчія?... Такимъ образомъ—хотя это будетъ не по исторически, но съ великою достовѣрностію можно заключить, что малороссійскій языкъ есть древне *особенное нарѣчіе языка славянскаго, принадлежавшее Полянамъ, Сѣверянамъ и, можетъ быть, еще другимъ сосѣднимъ поколѣніямъ...*“(72—74). Т. о. взгляды К-аго представляетъ до извѣстной степени обоснованіе взгляда Цертелева на этотъ предметъ (ср. выше, стр. 18). Но К-ій идетъ и дальше: на основаніи этого генезиса малорусскаго нарѣчія, „малороссіяне смѣло могутъ называть пѣвца Игорева—своимъ стихотворцемъ... *Въщїе* пѣвцы, коихъ струны, подобно грому, *рокотали* славу Владимі а⁸⁴), конечно были Поляне или Сѣверяне—слѣдовательно, предки нашихъ малороссіянъ.... Кто знаетъ? Можетъ быть, самый *Баянъ* имѣетъ теперь своихъ потомковъ между нами—въ окрестностяхъ Кіева, Любеча или Чернигова“(75). Онъ склоненъ видѣть въ теперешнемъ бандуристѣ потомка того пѣвца, который, по былинамъ, съ „арфой“ сидѣлъ за столомъ ласковаго князя Владимира; отсюда его глубокое уваженіе къ одному знакомому слѣпцу—бандуристу, портретъ коего онъ набрасываетъ и пѣніе котораго онъ описываетъ: „картина, которая для любителей всего *оссіановскаго* имѣетъ великія прелести. Не будетъ смѣяться надъ Бардами націи! продолжаетъ авторъ: представляя собою предметъ забавы и смѣха, они вмѣстѣ суть драгоцѣнный *памятникъ* малороссійскихъ пѣсенъ; и ежели гдѣ—то прежде всего у нихъ должно спрашивать о томъ, что составляетъ эстетическую прелесть *народнаго*“(76)⁸⁵).

Подобно Цертелеву, полагавшему, что языкъ „малороссійскихъ пѣсенъ далеко отошелъ отъ языка народнаго и еще болѣе отъ языка россійскаго“, и К-ій пробуетъ по своему объяснить отклоненія этого языка отъ древняго, полагая, что произошло огрубѣніе, искаженіе стараго языка подъ вліяніемъ татарщины и затѣмъ польщизны: „еще и до сего, памятнаго своими бѣдствіями времени (т. е. покоренія поляками юга Россіи) языкъ малороссійскій примѣтно началъ отдаляться отъ общаго смысла россійскаго. Монголы, какъ грозная туча, гонимая бурнымъ дыханіемъ вѣтра на жатву грѣшниковъ, устремились на Россію и, лишивъ ее спокойствія политическаго, положили на самомъ языкѣ ея тяжелую печать своего владычества“(78). Слѣды эти замѣтнѣе остались на югѣ, нежели на сѣверѣ: „можетъ быть, причина сего несчастія заключалась въ той мягкости характера и *добродушной лѣни*, которою всегда отличались предки нынѣшнихъ малороссіянъ“(79). „Какъ бы то ни было, но слѣды татарскаго владычества и теперь еще

примѣтны на языкѣ малороссійскомъ. Кромѣ довольнаго количества варварскихъ словъ, самый духъ языка отъзывается какою-то грубостію и дикостію“(80)⁸⁶). Вторымъ еще большимъ бѣдствіемъ для „генія языка“ малорусскаго была „вѣроломная Литва“, т. е. Польша, подъ вліяніемъ коей „языкъ малороссійскій почти непримѣтно терялъ природныя качества языка славянскаго и привыкалъ къ *лясцивнымъ* напѣвамъ Ляховъ“(92). Но это имѣло и свою хорошую сторону, какъ вліяніе болѣе культурнаго и развитого въ эстетическомъ направленіи народа: „ярмо сіе притерло нѣсколько его природную грубость... благодаря судьбѣ, малороссіане умѣли перенять у поляковъ всѣ, въ то время возможныя прелести людкости и—не переняли ничего болѣе. Языкъ малороссійскій много обязанъ полякамъ за свою нѣжность и музыкальность; какъ равно и нравственный характеръ малороссіанъ не останется неблагодарнымъ передъ поляками за искусство наслаждаться и за какую-то плѣнительную, лукавую затѣйливость въ наслажденіи“(93—95). Такъ, увлекающійся К-ій мѣшаетъ вмѣстѣ противорѣчивые минутные свои взгляды съ нелишенными пытливости и тонкости наблюденіями. Эту эстетическую сторону малорусской поэзіи („нѣжность въ чувствахъ, а слѣдовательно и нѣжность въ выраженіи чувствъ“, 97) пробуетъ К-ій охарактеризовать своими разсужденіями о прекрасномъ, примѣрами изъ пѣсенъ; но находитъ это труднымъ: „говоря о нѣжности малороссійскаго языка, надлежало бы, въ угодность строгимъ критикамъ, доказать, что сія нѣжность скрывается въ самыхъ первоначальныхъ *элементахъ* слова; но доказательства такого рода лучше можно чувствовать слухомъ и сердцемъ, нежели выводить изъ утопченныхъ теорій“ (104). Продолжая развивать свой „историческій“ взглядъ на малороссійскую поэзію, К-ій „золотымъ вѣкомъ малороссійскихъ пѣсенъ“ считаетъ „то незабвенное въ лѣтописяхъ время, когда казаки, основавъ изъ себя народъ независимый и гордый, долго оставались предметомъ соблазна для честолюбія и спокойствія своихъ сосѣдей“ (105). Поэтому пробуетъ авторъ въ общихъ чертахъ характеризовать козачество, обрисовать типъ козака запорожца; у него козачество характеризуется такъ: „Шайка молодыхъ людей, недовольныхъ собою и, можетъ быть, собственнымъ сердцемъ, удалилась отъ взоровъ людей въ обширныя степи, и основавши тамъ свое общество, страшными воинскими криками дала знать людямъ о своемъ существованіи“ (105); далѣе:

Мини съ жинкой не возитъся;

А тютюнь да люлька

Козаку въ дорози знадобится...

„Казакъ забываетъ, что человѣчество не состоитъ изъ однихъ всадниковъ...“—вотъ „сокращеніе господствующаго чувствованія, которое управляетъ всѣми сердечными движеніями запорожца...“ (108). Затѣмъ наступаетъ смягченіе нравовъ: „Запорожцы стали заглядываться на украинскихъ дѣвушекъ—сердце ихъ мало по малу начало чувствовать цѣль своего бытія...“ (113): казаки переходятъ къ мирной сельской жизни. Тутъ началась и поэзія: въ числѣ поэтовъ называетъ Кулжинскій Семена Климовскаго⁸⁷), генія—Сковороду и автора „прекрасной пародіи“, которой суждено „дойти до позднѣйшаго потомства“, И. П. Котляревскаго (116).

Переходя непосредственно къ пѣснямъ, Кулжинскій характеризуетъ ихъ подобно Цертелеву: „Имѣйте охоту прислушаться къ малороссійскимъ пѣснямъ: какая величественная простота въ выраженіи и въ самыхъ чувствахъ! Какое близкое и живое изображеніе природы! Кажется, сочинители сихъ пѣсенъ пѣли оныя не устами, а сердцемъ. Всѣ препоны, каковыми иногда упрямый языкъ искушаетъ вдохновеннаго страстью поэта, побѣждены непримѣтно, и всѣ важнѣйшія черты глубокаго чувства блестятъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ живѣйшими красками!“ (77). Обзорѣвая содержаніе пѣсенъ, какъ историческаго источника, К-ій сожалѣетъ, что „время и память человѣческая не оставили намъ пѣсней, близкихъ къ тому несчастному времени, когда Россія страдала подъ игомъ татарскимъ. Всѣ необычайныя происшествія отечества обыкновенно сохраняются въ народныхъ пѣсняхъ, но имена Батя, Тамерлана и другихъ варваровъ по сію пору не слышны ни въ одной“, хотя „вся нынѣшняя Малороссія есть не что иное, какъ обширное кладбище, сохраняющее въ себѣ остатки древнихъ сыновъ брани, положившихъ свой животъ за отечество“ (81—82)⁸⁸). Не надѣясь найти историческихъ отзвуконъ въ пѣсняхъ, К-ій, заявивъ, что „одно все допускающее *можетъ быть* остается удѣломъ изыскивающаго историка“, обращаетъ главное вниманіе свое на чувство, разлитое въ пѣсняхъ, главн. обр. на любовь, и развиваетъ свое общее представленіе о пѣснѣ въ этомъ направленіи: „Судя по различнымъ страстямъ и чувствованіямъ человѣческаго сердца, и раздѣленіе пѣсенъ должно быть многообразно. Но у насъ вообще привыкли раздѣлять оныя на *военныя, любовныя и пошустескія*. Оставляя другому заняться симъ пріятнымъ предметомъ, я обращаюсь къ пѣснямъ малороссійскимъ“ (119). И К-ій сообщаетъ нѣсколько пѣсенъ, анализируя ихъ гл. обр. со стороны настроенія, но роня также и замѣтки, показывающія его непосредственное знакомство съ народной пѣсней и наблюдательность; такъ, наткнувшись на отказъ дѣвушекъ пропѣть пѣсню о Сагайдачномъ, авторъ узнаетъ, что „див-

чатамъ не пристало спивати ни казацкихъ ни паробыцкихъ“ пѣсенъ, а продолжая свои наблюденія, онъ убѣждается въ существованіи дѣленія пѣсенъ у народа „по пѣламъ“ (120). Отсюда онъ переходитъ къ уясненію народнаго взгляда на пѣсню, какъ на средство удовлетворенія духовной серіозной потребности, а не для забавы, щегольства и т. д. По поводу пѣсни „Ой по горамъ по долинамъ“ находимъ нѣсколько замѣчаній о роли сизаго голубя, какъ символа любви. Сюда же относится не лишняя значенія догадка о польскомъ происхожденіи бандуры (93). Въ концѣ—девять пѣсенъ, „которыя ближе къ моей памяти и сердцу“, записанныя по памяти, вѣроятно, самимъ авторомъ⁸⁹).

Сводя вмѣстѣ все извлеченное нами изъ „Малороссійской деревни“, какъ труда этнографическаго, мы, ясно, должны представить себѣ эту сторону дѣятельности И. Г. Кулжинскаго, какъ одно изъ звеньевъ той цѣпи, которая соединяетъ кн. Цертелева и его современниковъ съ послѣдующей эпохой этнографіи—Максимовича, Гоголя и др.: если мы не имѣемъ фактическихъ указаній на непосредственное вліяніе Цертелева и его мыслей на К-аго (хотя нѣтъ данныхъ и отрицать его), мы видимъ, что К-ий, своеобразно (а почему почему это вышло, постараюсь разъяснить ниже), все же повторялъ и развивалъ по своему тѣ общіе взгляды, какіе были въ литературѣ относительно народной поэзіи, крупнымъ выразителемъ коихъ и былъ кн. Цертелевъ: то же любовное отношеніе къ своей мѣстной поэзіи и народности (этого слова не сказалъ Цертелевъ, его сказалъ уже Кулжинскій), тотъ же взглядъ на народную поэзію, какъ на памятникъ временъ прошедшихъ, тоже вниманіе къ лиризму малорусской пѣсни, тѣ же попытки представленія о малорусскомъ языкѣ, какъ языкѣ отдѣльномъ, но тоже отсутствіе противоположенія, яснаго отграниченія его отъ „россійскаго“, „русскаго“; наконецъ тѣже традиціонные приемы „оссіановщины“ и увлеченія „Словомъ о полку Игоревѣ“ и т. д. Порой мысли К-аго кажутся прямо развитіемъ, конечно, своеобразнымъ, мысли, намекъ, брошенныхъ Цертелевымъ. Во всякомъ случаѣ, тѣсная даже мѣстная связь Цертелева и К-аго съ южнымъ Харьковско-кибенецкимъ кружкомъ этнографовъ не подлежитъ сомнѣнію. Не даромъ книжка К-аго, вмѣстѣ съ „Бурсакомъ“ Нарѣжнаго и „Монастыркой“ Погорѣльскаго, оказалась любимымъ чтеніемъ неприхотливой въ художественномъ отношеніи провинціальной тогдашней малорусской публики⁹⁰).

Такой взглядъ на Кулжинскаго находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ его произведеніяхъ этого періода: любовь къ мѣстной жизни, мѣстной старинѣ, стремленіе идеализировать ее рядомъ съ

этнографическими интересами сквозятъ въ его „Терешкѣ“, „Казацкихъ шапкахъ“, „Казацкой пѣснѣ“—произведеніяхъ того же нѣжинскаго періода дѣятельности К-аго⁹¹). „Казацкая пѣсня“, написанная въ тогдашнемъ складѣ т. н. народныхъ пѣсенъ (съ рифмой), не смотря на явное подражаніе великорусскимъ народнымъ пѣснямъ, несетъ на себѣ черты южнорусскаго фольклора (не отдѣляемаго, какъ мы видѣли, отъ великорусскаго въ сознаніи автора). Мѣстный колоритъ, интересъ къ нему, помимо выбора темы (запорожскій походъ), сквозитъ ясно въ изображеніи самаго типа казака, напоминающемъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ то, что авторъ далъ намъ въ „Мал. дер.“:

Атаманъ кошевой скакалъ
 На ворономъ конѣ игривомъ;
 И въ безпорядкѣ нерадивомъ
 Тянулась вся ватага вслѣдъ:
 Иной коня въ рукахъ ведетъ,
 Другой, склонясь коню на гриву,
 Тихонько ѣхалъ и дремалъ;
 Иной стучалъ въ потьмахъ огнивомъ
 И огонь на трубку высѣкалъ...

Немного выше:

Не страшны намъ ляхи, мы съ ними видались,
 И часто поили ихъ краснымъ виномъ;
 Мось-паны скорѣе всегда упивались
 И падали съ сѣделъ на землю челомъ...

.

. Кто умреть въ бою,
 Мы выроемъ яму въ пустынь песчаной
 И курганъ высокій насыплемъ тому!
 И вранъ надъ могилой уныло закрываетъ:
 То нѣснь гробовая! то смерти привѣтъ!
 Пускай тогда матеръ рыдаетъ и плачетъ,
 Узнавши, что сына давно ея нѣтъ!⁹²

Повѣсть „Казацкія шапки“ рассказываетъ мѣстное преданіе, какъ нѣжинскія казачки, не смотря на рѣшеніе „громады“, остались въ городѣ, на который двигались Шведы, надѣли казацкія шапки, стали на валахъ Нѣжина и кричали: „Самъ Петръ защищаетъ городъ!“. Шведы, смущенные многолюдствомъ казаковъ и крикомъ, отступили; за этотъ подвигъ Петръ I позволилъ казачкамъ нѣжинскимъ носить мужскія шапки: „и теперь даже, куда вы ни пойдете въ Нѣжинѣ, на каждой улицѣ можете повстрѣчаться съ казачкою, гордо выступающею въ своемъ амазонскомъ костюмѣ“.

Болѣе замѣтенъ этнографическій элементъ въ „Терешкѣ“: въ этой „чувствительной“ повѣсти мѣстомъ дѣйствія взята деревня съ головой („вѣчный ему покой“, вспоминаетъ авторъ), громадой, съ деревенскими развлечениями: вечерницами, „церковнымъ медомъ“⁹³), катаньемъ яицъ на пасхѣ, играми-пѣснями: горлица, журавль, метелица⁹⁴) и т. д. Благодаря этому, повѣсть, дѣйствительно, принимаетъ малороссійскій колоритъ⁹⁵). Но Кулжинскій былъ не только и не столько этнографъ по направленію, сколько поэтъ, писатель, культивировавшій тогдашнюю художественную литературу: эта склонность въ его глазахъ, пожалуй, играла даже болѣе видную роль; подобно ученикамъ своимъ Гоголю и Гребенкѣ, онъ глазами поэта смотрѣлъ на свой этнографическій запасъ, видя въ немъ прежде всего матеріалъ для своихъ поэтическихъ работъ. Оттого онъ такъ охотно дѣлаетъ постоянныя отступленія, разъ рѣчь заходитъ о „вкусѣ“, „любви“ и т. д., даже въ статьяхъ болѣе или менѣе этнографическаго характера. Несомнѣнно, это настроеніе и направленіе К-аго важно для надлежащей оцѣнки его, какъ этнографа: оно, несомнѣнно, понижаетъ его значеніе въ этомъ смыслѣ. Но нельзя упускать изъ вида, что, какъ писатель-художникъ и въ тоже время этнографъ отчасти, онъ долженъ быть цѣнимъ и какъ популяризаторъ этнографическихъ изученій.

Болѣе внимательное изученіе дѣятельности К-аго, какъ представителя современной ему художественной литературы, поможетъ выяснитъ его значеніе вообще и точнѣе опредѣлитъ роль его, какъ этнографа. Литературное направленіе К-аго въ значительной степени характеризуется тѣми двумя журналами, въ которыхъ онъ впервые выступилъ въ печати: какъ для этнографическихъ увлеченій К-аго характерно было (какъ это мы видѣли уже) участіе его въ „Украинскомъ Журналѣ“, такъ дѣятельность его въ „Дамскомъ Журналѣ“ кн. Шаликова, типичномъ органѣ выраждавшагося уже чувствительнаго направленія, заставляеть насъ относить К-аго въ значительной степени къ этой школѣ⁹⁶).

Усердный латинистъ, поклонникъ Горація, увлеченный мѣстный патриотъ, Кулжинскій прежде всего является поклонникомъ чувства, чувствительности, сердечнаго; въ тоже время приходится ему выступить въ литературѣ, какъ разъ въ то время, когда у насъ начинается яснѣе обозначаться т. н. романтическое направленіе съ его результатами для народности въ литературѣ; въ это же время старый псевдоклассицизмъ все еще заявляетъ о своемъ бывшемъ когда-то существованіи въ видѣ привычной, восходящей къ XVIII в., стилистики въ области литературной формы, живъ еще т. н. классицизмъ во вкусѣ Мералякова, а рядомъ начинается эпоха дѣятельности Пушкина...

Конечно, въ такую переходную эпоху и болѣе сильныя и широкіе по взглядамъ люди, нежели К-ій, чувствовали себя на распутьи; Кулжинскій же, міросозерцаніе котораго слагалось не только раньше, нежели эта смѣна направленій стала проявляться, но и въ провинціи, довольно отдаленной отъ умственныхъ центровъ, онъ естественно сразу стать передовымъ дѣятелемъ не могъ, не смотря на то, что его умъ, подвижной, живой не могъ оставаться въ покоѣ по отношенію къ тому, что совершалось кругомъ: и онъ, усвоивъ себѣ болѣе доступное и еще не износившееся для провинціи направленіе⁹⁷⁾, пробуетъ однако вложить въ него содержаніе, почерпнутое изъ мѣстнаго передового теченія, изъ борющагося за преобладаніе „классицизма“, не можетъ удержаться отъ счетовъ и съ нарождающимся „романтизмомъ“ и идеей народности. Отраженіе всѣхъ этихъ впечатлѣній и найдемъ въ произведеніяхъ перваго періода дѣятельности К-аго.

Какъ „чувствительника“ по преимуществу поняли Кулжинскаго современники, хотя м. б. и слишкомъ отодвинули назадъ его по степени выраженія этого направленія: рецензентъ „Малороссійской деревни“, человекъ, охваченный уже новымъ этнографическимъ теченіемъ, повидимому, и самъ малороссъ, Н. Пецъ-Галуховскій, относитъ книгу къ одному изъ видовъ сентиментальныхъ путешествій „ибо автору потребна *чувствительность* и читатели, которые въ состояніи бы были ему *сочувствовать*; сего рода сочиненія намъ тогда нравятся, когда благородное и доброе чувство усилено быстрымъ умомъ“. Съ этой точки зрѣнія онъ и желаетъ посмотреть на книгу Кулжинскаго: „что въ ней есть сердечнаго, и что можно извлечь изъ нея для свѣдѣній“? Въ послѣднемъ отношеніи рецензентъ книги находитъ, что въ ней, „хотя нѣтъ глубокихъ изысканій, но есть хорошія догадки и мысли“, жалѣетъ, что описанія образа жизни, повѣрій, хотя и любопытны, но черезъ чуръ кратки и поверхностны. Въ отношеніи же „сердечнаго“, книжка удовлетворила рецензента менѣе: „вообще кажется, что авторъ не столько хочетъ сообщать свѣдѣнія о своемъ предметѣ, сколько *показать свои* при семь случаяхъ *чувствованія*; или онъ и желалъ, можетъ быть исполнить первое, но непрерывно увлекался сильною любовью къ своей родинѣ и весь предавался мечтанію...“⁹⁸⁾. Отзывъ въ значительной степени справедливый, но только въ значительной степени: если склонность къ чувствительности, „показать свои чувствованія“, и роднитъ К-аго съ Шаликовымъ, авторомъ двухъ путешествій въ Малороссію“ (1803—1804) или съ В. Измайловымъ, оставившимъ „Путешествіе въ полуденную Россію“ (М. 1800)⁹⁹⁾, то К-ій даетъ и кое-что еще, м. б., въ силу своего темперамента и нѣсколько уже иного рода впечатлѣній окружающаго: онъ шире своихъ предшествен-

никовъ, не такъ узко эгоистиченъ и себялюбивъ, какъ эти утрирующіе до нельзя „чувствительники“; у него есть уже и настоящее, искреннее увлеченіе, теплое чувство къ описываемому, какъ къ родному, есть чувство реализма, желаніе не только познакомить съ чувствомъ, но и дать свѣдѣнія, какъ это мы видѣли уже. Но въ общемъ рецензентъ былъ правъ: Кулжинскій самъ опредѣляетъ свои наклонности и интересы. Вотъ выписка изъ „Обжинковъ“: „Въ моемъ кабинетѣ нѣтъ васъ, мнимые наставники человѣческаго рода,—вы, которые, забывши о человѣческомъ сердцѣ, разбираете по частямъ небеса, измѣряете вѣчность, и по своему толкуете совѣты Предвѣчнаго! Нѣтъ и васъ у меня, издатели *эфемерныхъ* произведеній, которыхъ все достоинство состоитъ въ цвѣтной обложкѣ! Я давно уже пересталъ любопытствовать, что происходитъ *новаго* въ надменномъ умѣ и холодномъ сердцѣ. —Изъ древнихъ Virgilій, Гораций, изъ новыхъ Геснеръ и Карамзинъ и творенія нашихъ лучшихъ поэтовъ (какихъ, къ сожалѣнію не указано): вотъ все украшеніе моего сельскаго кабинета!¹⁰⁰) Иногда увлеченный порывомъ свѣтлыхъ думъ, я и самъ пишу, что диктуетъ мнѣ мое сердце; но это бываетъ рѣдко: я твердо помню прекрасные стихи Пушкина и не ищу авторской славы!

Что слава? Яркая заплата
 На ветхомъ рубищѣ пѣвца!
 Намъ нужно злата, злата, злата!...
 Копите злато безъ конца!—

Какое жъ лучшее и благороднѣйшее средство составить себѣ пропитаніе, какъ не плоды, лѣсовъ и огородовъ? Прихоти большого свѣта породили много нужды и, слѣдовательно, много бѣдности; но удалясь подъ мирныя сѣни деревни, человѣкъ всегда можетъ быть богатымъ. Нѣсколько десятинъ поля, сѣнокосъ и нѣсколько ульевъ пчель: болѣе, кажется, ничего не нужно къ довольной и счастливой жизни!“ (45—47).

Описавъ идиллически „обжинки“, авторъ заканчиваетъ: „такъ бы я жилъ въ моей тихой деревнѣ, и такіе бы я праздники давалъ моимъ друзьямъ поселянамъ!... Но мечта и будетъ мечтою, а весь наличный капиталъ мой—въ надеждѣ!“ (52).

Нѣсколько выписокъ изъ стихотвореній К-го дорисуютъ его господствующее настроеніе:

„Прости и садъ, и ручейкъ!
 Простите рѣзвыя забавы,
 И въ кубкахъ бьющій алыи сокъ;
 И вы простите, о дубравы,

Гдѣ мы зефира подѣ шумокъ,
Лѣнливо лежа, засыпали“.

(Е. И. Бажанову, 1825).

И не просилъ себѣ у Неба
Ни алата, ни честей!...
Кусокъ трудомъ добытый хлѣба,
Смиранный кровъ, при ономъ садѣ,
И лугъ съ блеяньемъ пестрыхъ стадъ
Казались мнѣ всего дороже...

Мой мирный садъ, мой тихій лугъ,
Смиранныя лира, вѣрный другъ:
Вотъ все, чего поэтъ желаетъ.

(Безсонница, 1829)¹⁰¹).

Это идиллическое тяготѣніе къ деревнѣ, этому „сокращенному эдему“, по выраженію автора („Мал. дер.“, V), составляетъ исходную точку идеализаціи и быта, наблюдаемаго авторомъ; это даетъ ему и вдохновеніе и поводъ высказать свои чувства—восторгъ передъ простотой, непосредственностью и высотой чувства, сохраняемаго народомъ, этимъ „одушевленнымъ изящнымъ“. Въ числѣ тѣхъ чувствъ, которыя съ такою нѣжностью, чистотой наблюдаются въ деревнѣ, находится, конечно, и любовь, но для Кулжинскаго, любовь эта не есть что либо отвлеченное, а любовь реальная, и даже, довольно ясно, чувственная: здоровое чувство, непосредственное не позволило К-ому устоять на томъ отвлеченно безформенномъ фальшивомъ представленіи, которое заставляло лить слезы „чувствительника“ старшаго поколѣнія; это видно, напр., изъ разсужденія его о вечерницахъ (54, 57), мѣста въ „Обжинкахъ“ о новобрачныхъ (51) и т. д. Отсюда у К-аго тѣ двусмысленныя мѣста, на которыя указывалъ, какъ на несоблюденіе, невыдержанность тона, Пецъ-Галуховскій; приведу для образца: „Рожденіе молодыхъ животныхъ есть семейный праздникъ.... на сихъ праздникахъ сельскія дѣвушки учатся прелестному чувству любви....“(47); не безъ риска читаются и такія слова: „Satis pro nobis, о Муза! дай мнѣ свою руку, обнимемся съ тобою и ляжемъ въ постелю...“(20) и т. д.

Эта не чувствительная, а скорѣе чувственная нотка звучитъ и въ стихотвореніяхъ нашего автора (напр. въ „Безсонницѣ“) и даже въ передѣлкѣ изъ Ливіа (Рѣчь Ромула къ Сабинянкамъ). Но это не мѣшаетъ К-ому дать и другіе образчики типичнаго для сентиментальнаго мечтателя моднаго „уныніа“.

Если въ эпитафіи Г. П. Глбскому (Д. Ж. 1825, № 19) можно счесть общимъ ходячимъ мѣстомъ слова:

Родители! друзья! не плачьте обо мнѣ!
 Теперь блаженствую я въ лучшей сторонѣ...
 то другія мѣста изъ стихотвореній прямо говорятъ о литератур-
 ной манерѣ „унылаго сентименталиста“:

О сладкая пора тоскливыхъ размышленій!
 Какъ мило все тогда! Какихъ сладчайшихъ грезъ
 Исполнена душа, предавшаяся мечтанью!
 Сижу задумчиво—смотрю на свѣтлый сводъ...
 Все въ думахъ сумрачныхъ мечтателю мелкаетъ!
 Созданья милая! ахъ! сколько, сколько разъ
 Любилъ и, горестный, разлюбивалъ я васъ...
 Не вѣрь спокойствію! то тишина морская!
 Наружность тихая, но зло лежитъ на днѣ...¹⁰²⁾
 („Геній“ 1825).

Тебѣ ужъ не о чемъ вздохнуть
 Въ семь мірѣ горестномъ, уныломъ,
 Гдѣ жизнь для насъ—мгновенный часъ.

Смерть—ужасъ юности живой,
 А старику она отрада...
 Почто горячими слезами,
 На урну милую склоняясь,
 Тревожить будетъ прахъ священный,
 Когда и разумъ просвѣщенный
 И самъ Творецъ гласитъ съ небесъ,
 Что мы въ юдоли бѣдъ и слезъ
 Влачимся лишь для испытанья,
 А тамъ—до общаго свиданья
 Опять въ отечество небесъ
 Направимъ нашъ полетъ орлиный.
 („Бажанову“).

Здѣсь уже сильно отзывается все типичной поэзіей Жуковского¹⁰³⁾.

Эта связь съ сентиментальной настроенностью, какъ идиллическаго, такъ и „романтическаго“ пошиба, какъ видимъ, ясна. Этому настроенію соотвѣтствуютъ и характерныя особенности стиля Кулжинскаго, и любимыя его темы: добродѣтель, природа, миръ душевный, покой; *свѣтлыя* рѣчки, мирныя наслажденія невиннаго сердца и т. д.

Какъ и у многихъ современниковъ, старое преданіе стиля XVIII—XIX в. оставило свой видный слѣдъ и у Кулжинскаго, что и напоминаетъ намъ тѣ сентиментальныя произведенія, которыя воспитали К-аго: и у него, какъ и Шаликова (напр. XXXV гл., 180 стр.)

деревенскія дѣвушки превращаются въ „прелестныхъ Нимфъ“ (23—28), вѣтерокъ—въ дыханіе Зефира, варенуха—въ напитокъ любви и т. д. Въ стихотвореніяхъ пестрятъ Лилеты въ вѣнкахъ изъ розъ и васильковъ и туберозъ и т. п.

Такимъ образомъ Кулжинскому, при всѣхъ задаткахъ здороваго реализма, шедшаго по направленію къ народности, пришлось быть представителемъ отживающаго направленія¹⁰⁴). Мѣстныя условія толкали его къ реальному изображенію окружающаго быта, реальной жизни, любовь къ своему племени подсказывала тоже; а онъ, воспитавшись на старыхъ теоріяхъ, стремился соединить традиціонное понятіе о литературѣ и „изящномъ“ съ тѣмъ, что вносило въ жизнь литературы новое вѣяніе: этой фальши не замѣчалъ ни самъ онъ, ни его рядовые читатели, современники: но хорошо и сразу её отмѣтило молодое поколѣніе, уже менѣе связанное съ прошлымъ и уже воспитывавшееся подъ вліяніемъ освобождавшагося отъ старыхъ путъ литературнаго теченія во главѣ съ Пушкинымъ. Въ этомъ поколѣніи мы видимъ и Гоголя, школьника старшаго класса нѣжинской гимназіи.

А Кулжинскій, не смотря на свою впечатлительность, отзывчивость и глубокой интересъ къ литературѣ, догнать молодое поколѣніе и молодую литературу уже не могъ, такъ и остался онъ литературнымъ старовѣромъ, хотя и пытался стать въ уровень съ новымъ движеніемъ. Симпатіи его къ Пушкину и его школѣ, признаніе заслугъ его ученика Гоголя не нуждаются въ доказательствѣ; но въ этомъ признаніи новой для него литературы не было живущаго начала: онъ въ своихъ привычныхъ взглядахъ всетаки остался позади, и то, что у него могло двинуться впередъ, исчерпывалось для него тѣми элементами, которые сами по себѣ прогрессивнаго начала не заключали: это религіозное настроеніе и патриотическое, отлившееся въ „официальную народность“.

Такого рода складъ убѣжденій К-аго виденъ у него уже къ концу перваго періода его дѣятельности, именно въ его взглядѣ на отношенія между т. н. называемымъ „классицизмомъ“ и т. н. „романтизмомъ“, по поводу которыхъ онъ, одновременно съ Надеждинымъ, рѣшилъ высказаться въ латинской рѣчи въ Харьковской гимназіи¹⁰⁵). Ознакомленіемъ съ этимъ любопытнымъ трудомъ К-аго мы и закончимъ обзоръ его дѣятельности перваго періода.

Сложный вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ, какъ направленія литературы вообще и значеніи ихъ для современной, Кулжинскій значительно упрощаетъ, очевидно, стѣсненный объемомъ актовой рѣчи, ограничиваясь лишь немногими положеніями, излагаемыми почти вездѣ догматически. Вотъ содержаніе его небольшой рѣчи, изложенное преимущественно его же словами¹⁰⁶).

Прежде, чѣмъ обратиться къ своей темѣ непосредственно, ораторъ предлагаетъ общепринятія въ его время опредѣленія классической и романтической поэзіи: „Именемъ поэтовъ классическихъ обычно называются писатели древніе, именно греческіе и римскіе, творенія коихъ уже давно приобрѣли права гражданства въ школь. Блестящій порядокъ (*lucidus ordo*), гармонія между идеей и формой и все прекрасное (*omne Pulchrum*), чѣмъ восторгается наша одухотворенная природа, суть преимущественныя черты, которыми эта поэзія древнихъ обычно отличается отъ романтизма. Романтическая же поэзія, пренебрегши прежними формами, всегда, какъ говорятъ, стремится къ какой-то высшей красотѣ (*quoddam altius Pulchrum*), соответствующаго которой ничего нельзя найти въ видимой природѣ, и по этой то причинѣ этой поэзіи всегда не достаетъ ясности и порядка. Такъ въ наше время о той и другой поэзіи разсуждаютъ нѣкоторые литераторы“ (9). Для того чтобы поближе присмотрѣться къ различію того и другого рода поэзіи, авторъ желаетъ исходить изъ понятія о поэзіи вообще, и здѣсь желаетъ найти точку опоры, обративъ вниманіе на отношеніе поэзіи къ природѣ: онъ поправляетъ устарѣлое аристотелевское опредѣленіе, будто поэзія есть подражательница природы¹⁰⁷): если такъ, то откуда эта разница между романтической и классической поэзіей: природа всегда одинакова. Онъ склоняется къ пониманію поэзіи у Цицерона, Горація, по которымъ „подражаніе природѣ есть только нѣкоторое предостереженіе, предшествующее работѣ поэта и сопровождающее ее, а вовсе не существенный и положительный законъ, которому обязанъ подчиняться въ своемъ творествѣ поэтъ“ (11). Поэтому К-ий даетъ такое опредѣленіе поэзіи: „поэзія есть искусство, которое, имѣя свои особенныя средства, обнаруживаетъ и какъ бы осуществляетъ идею прекраснаго“¹⁰⁸). Это опредѣленіе позволяетъ оратору уже углубиться въ анализъ, исходя изъ пониманія идеи прекраснаго: идея прекраснаго, вмѣстѣ съ идеями добра и истинны сводится къ одной—идеѣ Бога; эти идеи прирождены человѣку, но онѣ затемняются недостатками нашей чувственной природы; отсюда разнообразное пониманіе высшаго блага, т. е. идеи Бога. Результатомъ такого потемнѣнія было самое представленіе о Божествѣ, искажившееся у древнихъ, дошедшее до того, что не знаешь, кто хуже: богъ или человѣкъ? Не исправили дѣла и философы, дошедшіе до представленія объ единомъ Богѣ, какъ духѣ и творцѣ вселенной: они не узнали истинныхъ отношеній человѣка къ Богу; идея безконечнаго Бытія (*Entis*) давила ихъ; древніе обращались всетаки къ чувственной природѣ, здѣсь искали и высшей красоты, вездѣ проявляя—материализмъ (14). Такого рода настроеніе и направленіе мыслей имѣло

послѣдствіемъ особенную заботу о соотвѣтствіи между идеей (взятой отъ матеріи) и формой (также матеріалистичной); отсюда та точность, тщательность въ порядкѣ, опредѣленность, правильность, которыя отличаютъ поэзію древнихъ (15). Все это смѣнилось съ появленіемъ христіанства: все, что прекрасно и благо, человѣкъ находитъ не въ этой видимой природѣ, но въ отечествѣ небесномъ, гдѣ вѣчный источникъ красоты. Красота и благо въ природѣ не могутъ насытить душу человѣка, а лишь возбуждаютъ къ исканію высшей красоты, высшаго блага. „Эго-то стремленіе, или духовная склонность къ чему то прекрасному, соотвѣтствіи которому нельзя найти во всей природѣ, и есть общая характерная черта, которою, то болѣе—то менѣе, то прямо—то косвенно, отличаются всѣ романтическія произведенія“ (16)¹⁰⁹. Изъ такого не-матеріальнаго идеала выходитъ и несоотвѣтствіе въ содержаніи и формѣ: отсюда—отсутствіе порядка, точности, пѣкій священный мракъ и т. д., которыя часто считаются въ числѣ недостатковъ у романтиковъ. „Но мы надѣмся, заканчиваетъ эту часть рѣчи авторъ, что не всегда будетъ страдать этимъ недостаткомъ поэзія романтическая, ибо и формы человѣческой рѣчи впоследствии стануть совершеннѣе и тоньше и, если до сихъ поръ замѣчается разногласіе между формой и идеей, содержаніе, конечно, всегда важнѣе формы“ (18).

Что касается исторіи романтической поэзіи, то ораторъ принужденъ сказать о ней лишь нѣсколько словъ, стѣсненный предѣлами рѣчи. При его пониманіи происхожденія романтики въ связи съ христіанствомъ, ясно, что поэзія эта одновременна съ обновленіемъ человѣчества новой вѣрой, хотя свое современное названіе получила она только позднѣе: зачатки этой поэзіи Вильменъ, знаменитый парижскій профессоръ (см. выше, пр. 106), находитъ уже у Григорія Назіанзена. Въ собственномъ же смыслѣ романтическая поэзія ведетъ свое начало отъ трубадуровъ, которые впервые стали писать свои произведенія на языкѣ *романскомъ* (*romanica*)¹¹⁰. Съ эпохой возрожденія, романтическая школа, особенно во Франціи, не могла выставить ни одного борца, который бы потягался съ неоклассическими. „Наконецъ, какъ звѣзды нѣкія въ литературномъ мірѣ, появляются въ наше время Гете, Шиллеръ, Байронъ, Мицкевичъ и мн. др.; и теперь дѣло идетъ уже о самомъ существованіи ново-классической поэзіи“ (20).

„Въ отечествѣ нашемъ, заканчиваетъ свои разсужденія К-ій, первый провозвѣстилъ романтическую поэзію Жуковскій, а многочисленные его послѣдователи, какъ кажется, принесли болѣе ущерба, нежели пользы, этой поэзіи, такъ какъ они страдаютъ только отсутствіемъ порядка и ясности, а высшей изъ идей даже не коснулись, Послѣ знаменитѣйшаго Жуковскаго наибольшей похвалы на поприщѣ

романтической поэзии заслуживают Федоръ Глинка и слѣпецъ Козловъ, первый превосходными переложениями псалмовъ, второй своими стихотворениями и лирическими отрывками. Оставляя всѣхъ ихъ за собою, теперь въ отечествѣ нашемъ жадно читается Пушкинъ младшій¹¹¹), который однако только внѣшней стороною своихъ произведенийъ принадлежитъ къ романтической школѣ, въ душѣ же—горячій поклонникъ классицизма. Тяжело, но справедливость требуетъ сознаться, поэтъ этотъ общалъ намъ больше и, къ сожалѣнію, ожиданий нашихъ не оправдалъ до сихъ поръ...“(21)¹¹²).

Рѣчь Кулжинскаго даетъ возможность, не смотря на весьма возможную его зависимость отъ Надеждина, видѣть въ немъ представителя еще той стадіи борьбы между классицизмомъ и романтизмомъ, когда считалось еще возможнымъ примиреніе этихъ двухъ теченій, при чемъ, ясно, онъ находилъ возможнымъ это примиреніе на почвѣ основной, христіанской, идеи романтизма и развитія нашей литературной рѣчи, которая современемъ добьется соответствія между формой и содержаніемъ, хотя бы и не столь полного, какъ это было въ классической поэзии. Т. о. онъ по типу представляется въ этомъ отношеніи старше Надеждина, объективнѣе его¹¹³). Въ связи съ этимъ объясняется его отношеніе къ новой школѣ—пушкинской—отношеніе миролюбивое, но не вполне ясное: Пушкинъ, Козловъ, Дельвигъ (см. прим. 97) стоятъ рядомъ не только съ Жуковскимъ, но и съ Федоромъ Глинкой. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и той односторонности во взглядѣ на романтизмъ у К-аго, что онъ, самъ до известной степени этнографъ и во всякомъ случаѣ почитатель народности, совершенно не счелъ нужнымъ связать вопросъ о новой поэзии съ вопросомъ о народности, хотя бы отраженіи ея въ видѣ „отпечатка мѣстности“, въ литературѣ, какъ это дѣлали наши теоретики романтизма того времени¹¹⁴). Причина такой „отсталости“ скорѣе всего лежитъ въ общемъ литературномъ развитіи К-аго, сложившагося, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ старой поэзии „чувствительности“, въ свою очередь еще пропитанной отзвуками временъ XVIII вѣка; поэтому то, можно думать, современныя ему новыя теченія, хотя и обращали на себя вниманіе живого и чуткаго К-аго, все же не могли сломить давно уже сложившихся воззрѣній; т. е., мы видимъ то же и въ данномъ случаѣ, что видѣли по отношенію къ его этнографическимъ и народническимъ воззрѣніямъ¹¹⁵). И чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было ему догонять жизнь, все болѣе и болѣе шедшую впередъ ускореннымъ темпомъ: Кулжинскій становится все болѣе и болѣе консерваторомъ въ литературѣ, какимъ его дѣлала и самая его жизнь.

III.

Закончивши очеркъ дѣятельности Кулжинскаго въ первый періодъ ея, мы подчеркнули въ ней его стремленія и взгляды, намѣтили въ общихъ чертахъ связь его съ современной и предшествующей литературой. Въ общемъ получился выводъ, что, какъ представитель этнографическо-народнаго теченія русскаго юга, какъ дѣятель въ глухой провинціи, въ частности въ Нѣжинѣ, былъ онъ лицомъ замѣтнымъ, даже популярнымъ. Естественно заключить очеркъ вопросомъ о роли К-аго, какъ представителя той среды, гдѣ воспитывался Гоголь, въ интересахъ котораго и предпринято было изученіе дѣятельности К-аго: сыгралъ ли К-ій какую-либо роль въ развитіи и дѣятельности Н. В. Гоголя, и если—да, то какова эта роль была? Личныя отношенія К-аго къ Гоголю, на сколько намъ они извѣстны изъ воспоминаній перваго и писемъ втораго, не представляли ничего иного, кромѣ отношеній усерднаго учителя къ ученику, не любившему латыни и лѣнтяю въ глазахъ учителя, т. е., были чисто оффиціальными, а потому и не объщающими ничего такого, о чемъ можно было говорить, какъ о вліяніи личности или взаимныхъ отношеніяхъ на этой почвѣ: самыя воспоминанія, хотя и позднѣйшія, ясно говорятъ, что К-ій былъ къ Гоголю совершенно равнодушенъ, его не замѣчалъ въ средѣ другихъ школьничковъ, съ которыми онъ изучалъ Кошанскаго, воевалъ за нехождение на уроки¹¹⁶).

Другое дѣло—Кулжинскій-писатель, лучшій періодъ дѣятельности котораго падаетъ, какъ мы выдѣли, какъ разъ на нѣжинскій періодъ Гоголя. Среди убогой, чуждой мѣстнымъ и „краевымъ“ интересамъ преподавательской коллегіи гимназій Безбородка, И. Г. К-ій былъ, несомнѣнно, личностью замѣтной: онъ былъ не только представителемъ литературы, интересъ къ которой, какъ мы знаемъ изъ біографіи Гоголя, всегда былъ живымъ въ стѣнахъ, если не классовъ, то „музеевъ“ гимназій Безбородка: онъ былъ писателемъ, стоявшимъ въ связи не только со столицей, гдѣ принималъ участіе въ журналахъ, состоялъ членомъ Общества любителей россійской словесности, печаталъ свои произведенія и отдѣльно (см. прим. 31), но также тѣсно связанъ былъ и съ Харьковскимъ кружкомъ этнографовъ-народниковъ. А это послѣднее теченіе, несомнѣнно, и тогда уже было далеко не чуждо Гоголю, находившемуся въ близкихъ отношеніяхъ къ одному изъ центровъ этого кружка—Трощинскому, что видно также и наглядно изъ не разъ уже упомянутой его „Книги всякой всячины“ (1826 г.).

Все это говоритъ за то, что дѣятельность К-аго, какъ писателя, не могла ускользнуть отъ Гоголя: онъ за нею слѣдилъ. Это общее

положеніе, дѣйствительно, находитъ себѣ подтвержденіе и фактически: письмо Гоголя къ Г. И. Высоцкому (19 марта 1827 г.) ясно доказываетъ, какое впечатлѣніе и шумъ вызвало появленіе въ Нѣжинѣ только что вышедшей „Малороссійской деревни“. Вотъ отрывокъ изъ этого письма сюда относящійся: „Теперь у насъ происходятъ забавныя исторіи и анекдоты съ *И. Г. Кулжинскимъ*“, пишетъ Гоголь. „Онъ теперь напечаталъ свое сочиненіе подъ названіемъ „*Малороссійская деревня*“. Этотъ литературный *уродъ* причиною всѣхъ его бѣдствій: когда онъ только проходитъ черезъ классъ, тотчасъ ему читаютъ отрывки изъ „Малороссійской деревни“, и почтенный князь бѣсится, сколько есть духу; когда онъ бываетъ въ театрѣ, то кто нибудь изъ нашихъ объявляетъ громогласно о представленіи новой пьесы; ея заглавіе: „*Малороссійская деревня или законъ дуракамъ не писанъ*“, комедія-водевиль. Нѣсколько разъ прибѣгая къ покровительству и защитѣ конференціи и, наконецъ видя, что его жалобы худо чувствуютъ, рѣшился униженно и смиренно просить нашей милости не рушить *стихотворное* его спокойствіе и не срамить печатный его бредъ, а особливо не запираить его въ канцеляріи съ майоромъ Шишкинымъ, какъ это до сего дѣлалн“¹¹⁷).

Ясно, что Гоголь, какъ уже тогда намѣчавшійся писатель „натуральной школы“, уже воспитывавшійся на новой литературѣ съ именами Пушкина, Марлинскаго, Языкова съ одной стороны, Цертелева, Котляревскаго—съ другой, не могъ высоко оцѣнить книжку писателя, пытавшагося соединить новыя этнографическія стремленія, народность и устарѣлую, отжившую чувствительность сентименталиста, что, какъ мы видѣли, отразилось не только на содержаніи, но и на самомъ стилѣ К-аго. Это то несоотвѣтствіе, ясно чувствуемое Гоголемъ, все болѣе и болѣе отрѣшавшимся уже отъ реторики стиля и содержанія и шедшимъ на встрѣчу реальной художественности Пушкина, и повело къ тому, что онъ обозвалъ книжку „уродомъ“ (употребивши такое рѣзкое выраженіе въ интимной товарищеской перепискѣ, конечно, утрированно передающее настоящую оцѣнку; а авторомъ книги былъ къ тому же не популярный „латынскій“ учитель). Дѣйствительно, фальшь, которая, какъ грѣхъ прародительскій, сквозитъ въ книжкѣ, К-аго отмѣтилъ какъ разъ въ стилѣ ея (въ широкомъ смыслѣ слова) и не одинъ Гоголь, а также и рецензентъ „Моск. Телеграфа“¹¹⁸).

Но изъ подобнаго отзыва о книгѣ К-аго нельзя не видѣть, что онъ могъ выражать оцѣнку лишь одной стороны ея: въ ней, какъ мы видѣли, была и другая сторона—любовь къ своей народности, наблюдательность этнографа, новый матеріалъ для ознакомленія съ бытомъ

Малороссіи, въ частности характеристика народной поэзіи, въ общемъ —отзвукъ тогдашняго передоваго теченія, которому, несомнѣнно, сочувствовалъ и Гоголь. Произнося сгоряча свой судъ не толь о надъ книгой, но и ея авторомъ, Гоголь не высказался объ этой сторонѣ ея, но не заинтересоваться ею не могъ, тѣмъ болѣе, что книжка Кулжинскаго очень скоро приобрѣла популярность, какъ мы знаемъ, и заслужила серьезные и симпатичные отзывы (именно ея указанная сторона) вліятельнаго журнала и уважаемаго Гоголемъ и мѣстными этнографами Цертелева¹¹⁹⁾.

Поэтому, не рѣшаясь утверждать о непосредственномъ вліяніи на Гоголя этнографическихъ воззрѣній Кулжинскаго и его матеріала, мы, однако, можемъ подмѣтить рядъ мыслей у Гоголя, которыя напомнятъ намъ мысли и Кулжинскаго. Эти точки соприкосновенія нуждаются въ освѣщеніи. Мы ихъ найдемъ въ черновыхъ матеріалахъ въ родѣ „Всякой всячины“, въ письмахъ Гоголя, наконецъ въ статьяхъ: „О малороссійскихъ пѣсняхъ“, „Взглядъ на составленіе Малороссіи“¹²⁰⁾ Наибольшій интересъ представляетъ для насъ статья „О малороссійскихъ пѣсняхъ“, какъ трактующая о томъ же, о чемъ 6—8 лѣтъ передъ тѣмъ говорилъ и К-ій. Трудность установить взаимоотношеніе между этими статьями Гоголя и Кулжинскаго заключается въ томъ, что между ними стоитъ изданіе „Малороссійскихъ пѣсень“ М. А. Максимовича (1827 г.). несомнѣнно, извѣстное и высоко цѣнимое Гоголемъ, уже въ 1832 году близко сошедшимся съ самимъ „землякомъ“¹²¹⁾. Съ другой стороны, на сборникѣ Максимовича, на предисловіи къ нему въ частности, вліянія книжки К-аго мы не замѣчаемъ, хотя Максимовичъ внимательно воспользовался всей небольшой тогда литературой о пѣсняхъ, въ особенности трудами кн. Цертелева¹²²⁾. Это даетъ возможность выдѣлить во взглядахъ Гоголя то, что создано у него въ связи съ воззрѣніями Максимовича¹²³⁾ и его источниковъ. Допуская же, что, кромѣ Максимовича, Гоголь знакомъ былъ съ трудами Цертелева (см. выше, пр. 74) и др., можно попытаться сопоставить оригинальныя мысли Кулжинскаго съ Гоголевскими, и при аналогіи между ними можно предположить, что у Гоголя эти мысли, если не взяты, то навѣяны были чтеніемъ (м. б. много раньше) книжки К-аго.

Можетъ быть, гоголевская характеристика настроенія въ пѣсняхъ, ихъ колорита, нѣсколько отличная отъ приводимой Максимовичемъ и Цертелевымъ, сближаетъ нѣсколько Гоголя и К-аго: „Вездѣ новыя краски (вар „новыя черты, новыя краски“), вездѣ простота и не выразимая нѣжностью чувства (V, 290—291, 603)... Его (Бога) изображеніе у нихъ (въ пѣсняхъ) становится величественнымъ въ самой простотѣ

своей (291).... Онѣ (пѣсни)—надгробный *памятникъ* былого.... Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи все: и поэзія, и исторія и отцовская могила. ..“ (287) ¹²⁴⁾

Можетъ быть, также прочтенному когда то у Кулжинскаго и затѣмъ пришедшему на память слѣдуетъ приписать у Гоголя противуположеніе между деревенскимъ развлеченіемъ, народнымъ и развлеченіями болѣе культурной части нашего общества, при чемъ оба автора сопоставляютъ деревенское, простонародное препровожденіе времени съ нашими балами, оба не скрываютъ своихъ симпатій къ первому и своего нерасположенія ко вторымъ. Я имѣю въ виду извѣстное предисловіе (о вечерницахъ) къ „Вечерамъ на хуторѣ“ и предисловіе къ „Обжинкамъ“ у Кулжинскаго¹²⁵⁾:

У Кулжинскаго: „Что же это за праздникъ у сосѣда? Весь домъ его горитъ въ огняхъ,—у подъѣзда вся улица загромождена богатыми экипажами, и отъ гремящей музыки трясутся мои окна.... Ай, посмотрите, посмотрите! размалеванныя фигурки бѣгаютъ по залѣ туда и сюда: то кружатся какъ вихорь, то съ гордою важностью медленно выступаютъ одна противъ другой... Одна толпа бѣгаетъ и вертится безъ толку, а другая сидитъ зѣвая и дремлетъ.... Не такъ, совсѣмъ не такъ гуляютъ въ нашей деревнѣ!...“

У Гоголя: „Онѣ (вечерницы) похожи на ваши балы, только нельзя сказать, чтобы совсѣмъ. На балы если вы ѣдете, то именно для того, чтобы повертѣть ногами и позѣвать въ руку; а у насъ соберется въ одну хату толпа дѣвушекъ совсѣмъ не для балу, съ веретенкомъ, съ гребнями. И сначала будто и дѣломъ займутся: веретена шумятъ, льются пѣсни, и каждая не подыметъ и глазъ въ сторону; но только нагрянуть въ хату парубки съ скрипачемъ—подымется крикъ, затѣется шаль, пойдутъ танцы и заведутся такія шутки, что и рассказать нельзя....“¹²⁶⁾

Если припомнимъ, и у Гоголя и у К-аго одинаковый „поэтический“ приѣмъ для характеристики настроенія казацкихъ пѣсень—обрисовать типъ неукротимаго, буйнаго воина, пренебрегающаго до времени семейнымъ бытомъ, чувствомъ къ женщинѣ (ср. V, 288 у Гоголя и у насъ выше); самый типъ, его основная черта, одна и таже, что и понятно при общности источника—пѣсень.

Припомнимъ, наконецъ, ту классическую лѣнь и особенно нѣгу, о которыхъ распространяется Кулжинскій: эти черты, особенно вторую находимъ не только въ характеристикѣ Солопія, какъ черту общенародную (ср. выше, пр. 64), но и во „Взглядѣ не сост. Малороссіи“: (въ малороссѣ соединяются двѣ разнохарактерныя стихіи) „европейская осторожность и азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣятельность и величайшая лѣнь и *нѣга*....“ (V, 206)¹²⁷⁾.

Общій взглядъ на малорусскую пѣсню у Гоголя и Кулжинскаго (я конечно не говорю о глубинѣ, степени трезвости этого взгляда) представляется въ *общемъ* довольно сходнымъ: какъ тотъ, такъ и другой смотрѣли на нее глазами поэта, видѣли въ ней прежде всего источникъ для поэтическаго творчества: одинъ—художника-реалиста и романтика, другой—художника-чувствительника; одного интересовало возсозданіе духа народа, быта его (V, 288), для другого—пѣсни составляютъ „эстетическую прелесть народнаго“ (76). Какъ ни различны были фактическіе и литературные результаты этого интереса и любви къ быту и пѣснѣ народнымъ, мы не можемъ отрицать извѣстной связи между ними, хотя бы на общей почвѣ—начавшагося интереса къ народности.

Всѣ эти сопоставленія и соображенія, конечно, не могутъ служить доказательствомъ непосредственнаго вліянія Кулжинскаго-поэта на Гоголя, но, кажется, позволяютъ отвести мѣсто и Кулжинскому въ томъ теченіи литературномъ, начавшемся раньше Гоголя, къ которому примкнулъ Гоголь, и которое онъ гениально повелъ за собой. Если же и рискнуть говорить о болѣе непосредственной связи старшаго Кулжинскаго и младшаго Гоголя, то дѣло можно представить себѣ приблизительно такъ: Гоголь ознакомился съ „Малороссійской деревней“ и м. б. другими твореніями И. Г. Кулжинскаго, оцѣнили ихъ преимущественно отрицательно, еще отрицательнѣе отзывался о нихъ въ товарищескомъ письмѣ; но, не смотря на это, кое-что положительнаго, нѣсколько симпатичныхъ ему мыслей, образъ остались у него въ памяти, и онъ, уже забывши про ихъ источникъ, безсознательно, на равнѣ со своими собственными, воспользовался ими позднѣе. И это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ въ первую эпоху своей литературной дѣятельности еще не отошелъ далеко отъ старой этнографическо-литературной школы съ ея нѣсколько приподнятымъ стилемъ; а кромѣ того онъ, какъ видно изъ его переписки, весь былъ погруженъ въ этнографическій матеріалъ возлюбленной своей Украины, вращаясь, естественно, въ томъ же кругѣ интересовъ, которые не были чужды и Кулжинскому.

Т. о. въ такомъ случаѣ за И. Г. Кулжинскимъ нельзя отрицать извѣстной, м. б. очень небольшой и косвенной, роли—члена литературнаго кружка—въ развитіи этой стороны міросозерцанія его знаменитаго ученика.

Можетъ быть, въ заключеніе, не будетъ лишнимъ привести взгляды Кулжинскаго на Гоголя, какъ взглядъ этотъ сложился у него уже давно и вылился въ окончательной формѣ не задолго до смерти¹²⁸). Признавая въ Гоголѣ необыкновенный талантъ, К-ій находить, однако, что Гоголь не понялъ назначенія своего таланта и обязанностей, налагаемыхъ имъ на человѣка. Ошибка эта заключалась въ томъ, что Гоголь счелъ своей обязанностью *смѣяться*; смѣхъ же не есть начало созидающее, а лишь разрушающее; ибо въ смѣхѣ (равно какъ въ отрицаніи и глумленіи) нѣтъ любви. Характеризуя Гоголя, К-ій одной изъ чертъ его считаетъ—сознаніе собственной силы, увѣренность въ себѣ (это, по мнѣнію автора, то, чѣмъ характеризуется русское „авось“), которая и вывели его на дорогу, а его великій художественный талантъ поставилъ его въ рядъ первостепенныхъ писателей въ глазахъ современныхъ литературныхъ дѣятелей и ученыхъ. Но въ Гоголѣ постепенно совершается поворотъ; онъ отъ смѣха, смѣхотворства переходитъ къ „горькому смѣху сквозъ слезы“... Гоголь постепенно обновляется духомъ и становится авторомъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Съ этого времени К-ій беретъ подъ свою защиту Гоголя, защищая его, „задумавшаго исправиться морально и литературно“, отъ нападковъ враговъ. Въ концѣ концовъ К-ій не находитъ возможнымъ считать Гоголя въ рядахъ несимпатичныхъ ему, Кулжинскому, „прогрессистовъ“: „онъ не былъ и не думалъ быть прогрессистомъ. Писалъ онъ, *потому что писалось*, смѣшился потому, что такая у него была натура. Но когда онъ на это свойство своей падшей природы посмотрѣлъ съ края могилы, то съ этой *точки зрѣнія* и жизнь и искусство показали ему совершенно въ другомъ видѣ, нежели прежде: онъ пересталъ смѣяться и—началъ плакать. Наши прогрессисты прежде разсчитывали на него, какъ на *могучаго художника*, который, если бы захотѣлъ свое оружіе насмѣшки обратить противъ враждебныхъ имъ предметовъ, то они почти не сомнѣвались бы въ торжество своемъ. И вдругъ... Этотъ гений насмѣшки замолкъ, заплакавъ, сжегъ произведеніе своей смѣхотворности! Можно вообразить себѣ: съ какимъ „всхлипываніемъ“ и съ какою „одышкою“ сердился Бѣлинскій на Гоголя за такую перемену: „Измѣнникъ Гоголь! Измѣнникъ искусству (т. е. нашему дѣлу), а мы—то какъ надѣялись на него...!“¹²⁹). Въ поясненіяхъ взглядъ К-аго не нуждается: инымъ онъ и не могъ быть у него во вторую половину его жизни.

Примѣчанія.

¹⁾ Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко, изд. 1881 г. (Спб.), стр. 271 (автобіографія Кулжинскаго). Ср. отзывъ о немъ же *Н. Ю. Артынова* (годомъ старше Гоголя по г. в. н.) въ „Рус. Арх.“ 1877 г. III, 191—192: „вообще Гоголь былъ самая обыкновенная посредственность“. Кстати замѣтимъ, что въ спискахъ учениковъ, современниковъ Гоголя, *Н. Ю. Артынова* не оказалось (См. Гоголевскій (нѣжинскій) сборникъ 1902 г., стр. 315—317).

²⁾ Ср. „Памяти Гоголя—Чествованіе памяти Г. въ учебн. зав. Кіевск. уч. окр.“ (Кіевъ. 1902), стр. 65, 80. Ср. также „Словарь профессоровъ Московск. унив.“ (М. 1855), II, 379 (біографія П. Г. Рѣдкина).

³⁾ См. тамъ же, стр. 62.

⁴⁾ См., напр., Извѣстія Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, III (1879), стр. 165 и сл.

⁵⁾ Лицей кн. Безбородко (Спб. 1859), стр. 116 (автобіографія).

⁶⁾ Воспоминанія учителя—Москвитянинъ, 1854 г. № 21, отд. V; стр. 11.

⁷⁾ См. Воспоминанія стариннаго Черниговскаго семинариста—Черниг. епархіальн. извѣстія, 1877 г. № 7—8.

⁸⁾ См. Воспоминанія о Волыни—Вѣстн. югоз. и зап. Россіи 186⁵/₆ гг. кн. 1, отд. 4, стр. 1—12; кн. II, отд. 4, стр. 125—138; кн. VI, стр. 256—265.

⁹⁾ Воспоминанія семинариста, Воспоминанія учителя, Воспоминанія о Волыни: автобіографія—Лицей кн. Безбородко (Спб. 1859), Гимн. высш. наукъ и Лицей кн. Безбор. (Спб. 1881).

¹⁰⁾ „Прямѣтнѣйшія мои сочиненія литературныя были напечатаны въ „Москвитянинѣ“ и „Маякѣ“, говоритъ К-ій въ своей автобіографіи (Лицей кн. Безб., 116). Статьи именно изъ этихъ двухъ журналовъ составили первую (единственную) часть собранія его сочиненій, изданную въ 1850 году.

¹¹⁾ См. ниже прим. 13.

¹²⁾ Сюда слѣдуетъ присоединить богатый подобными данными архивнаго свойства „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“ (проф. Д. И. Багалъя), главн. обр. II т. (печ. въ Зап. у-а, съ 1900 года, и отдѣльно: Харьковъ 1904).

¹³⁾ Для большей наглядности и удобства прилагаю отдѣльно списокъ сочиненій Кулжинскаго—болѣе полный и исправный, нежели оба, составленные *Н. В. Гербедемъ* и напечатанные при автобіографіи Кулжинскаго (въ Лицеѣ кн. Безб. и Гимн. высш. наукъ и Лицеѣ), и позднѣйшій, составленный *Д. Д. Изыковымъ* (Обзоръ жизни и трудовъ

умерших писателей, IV, 49). Списокъ нашъ едва-ли безусловно полонъ и теперь, такъ какъ составленіе его сопряжено съ большими трудностями: Кулжинскій печаталъ преимущественно въ малодоступныхъ теперь провинціальныхъ изданіяхъ и газетахъ и столичныхъ журналахъ, большого распространенія не имѣвшихъ: поэтому, его сочиненія не попадали даже въ наиболее обстоятельныя бібліографіи, каковы: Межова, Мезьеръ, при чемъ часто, если и отмѣчались, то ошибочно смѣшиваясь съ сочиненіями его сына Григорія Ивановича, писавшаго въ духѣ отца и частью въ тѣхъ же журналахъ (напр. Вѣстникъ ю. з. и зап. Россіи 60-хъ годовъ). Самая фамилія Кулжинскаго часто искажалась (Кульжинскій—обычно у Мезьеръ). Значительное затрудненіе представляло и то, что Кулжинскій часто подъ своими сочиненіями выставлялъ лишь инициалы или псевдонимъ („Землякъ“), или оставлялъ ихъ вовсе безъ подписи. Хорошимъ подспорьемъ при опредѣленіи принадлежности той или другой статьи служили отдѣльные оттиски этихъ статей съ автографами автора, очень усердно имъ дарившіеся въ бібліотеку Лицея въ Нѣжинѣ и перешедшіе теперь въ бібліотеку Института. Въ списокѣ сочиненій К-аго, гдѣ оказалось возможнымъ, приводятся и указанія на критическія статьи и отзывы. Литература о Кулжинскомъ, очень не большая, приводится въ примѣчаніяхъ къ статьѣ и сгруппирована въ концѣ списка его сочиненій.

¹⁴⁾ Архивъ Института, связка 1825 г. „о чиновникахъ“ № 1 (по описи 1879 г.), л. 46. Ср. „Новый взглядъ на хохломанію“ (1864 г.), стр. 2 отд. отт.

¹⁵⁾ Въ послужномъ списокѣ (л. 48) небольшая неточность: мѣстомъ рожденія названо мѣстечко Воронежъ. Въ своей автобіографіи (Гимн. высш. наукъ и Лицей, 269; Лицей кн. Безб., 111) К-ій исправляетъ эту неточность: „Родился я.... въ Глуховѣ гдѣ отецъ мой когда былъ дьякономъ.... черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего рожденія, отецъ былъ рукоположенъ въ священники.... въ мѣстечко Воронежъ, 36 верстъ за Глуховомъ, по дорогѣ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Здѣсь я выросъ, и потому привыкъ почитать мѣстечко Воронежъ моею родиною“. Какъ извѣстно, м. Воронежъ—родина и П. А. Кулиша. Въ брошюрѣ *И. Абрамова „Черниг. малороссы“* (Сиб. 1905, изъ „Живой Старины“), специально посвященной м. Воронежу въ этногр. отношеніи, есть свѣдѣнія и объ отцѣ И. Г. К-аго.

¹⁶⁾ Школа, въ которой обучался К-ій, по его воспоминаніямъ, была типичной для этого времени; держалъ ее дьячокъ при церкви, обучалъ по традиціи: сперва часослову, затѣмъ псалтири, письму—сначала бѣлилами на деревянной доскѣ, затѣмъ чернилами на бумагѣ (Лицей, 111).

¹⁷⁾ Въ „Воспоминаніяхъ семинариста“ учитель этотъ названъ „философомъ“ (т. е. изъ философскаго класса семинаріи), звали его Вас. Ив. Илличемъ.

¹⁸⁾ Автобіографія, Воспоминанія семинариста.—Въ аттестатѣ (указ. связка архива, л. 169) однако отмѣчено: „вступилъ въ семинарію 1812 года сентября 29-го“, а въ справкѣ по поводу увольненія К-аго изъ духовнаго званія и отъ учительства въ семинаріи (тамъ же): „обучался въ Черниговской семинаріи съ 1810 года іюня 5-го дня...“ Дата автобіографіи (сентябрь 1811 г.), повидному, должна быть признана правильной: въ октябрѣ 1812 г., когда авторъ воспоминаній съ опозданіемъ

прѣхалъ съ канкуль опять въ семинарію, онъ вспоминаетъ, что семинарія была занята лазаретомъ, и школа помѣщалась въ частныхъ домахъ; въ 12 году К-ій, уже въ семинаріи, жалѣетъ, что по маловозрастности не можетъ пойти въ комплектуемые по случаю войны казачьи малороссійскіе полки, куда шли его болѣе взрослые товарищи. Подсчетъ лѣтъ (по свидѣтельству аттестата, К-ому при окончаніи семинаріи было 22 года) также говоритъ въ пользу 1811 года, какъ года поступленія, разъ онъ кончилъ ее въ 1823 году; съ этимъ совпадаетъ и возрастъ (8¹/₂ лѣтъ) поступленія въ семинарію.

19) Нѣсколько подробностей о тогдашней школѣ Кулжинскій сообщаетъ въ автобіографіи и Воспоминаніяхъ семинариста. До преобразованія учителями его были: Мелхиседекъ Костенецкій, игумень и префектъ дореформенной семинаріи, Евгеній Прозоровъ (инфима), Логинъ Семеновичъ Бойковъ (грамматика и синтаксима), Захарій Матвѣичъ Рожановскій (пѣнника). Реформа, коснувшаяся въ 1817 г. семинаріи (по уставамъ 1808 г.), должна была усилить въ семинаріи предметы общеобразовательные, ослабить схоластическо-формальное направленіе школьной науки; въ виду этого поднято было преподаваніе философіи, введено было болѣе обстоятельное преподаваніе исторіи, введены вновь математика и физика, греческій и новые языки (изъ нихъ одинъ по выбору). Главные предметы—риторика, философія и богословіе—по прежнему преподавались на латинскомъ языкѣ (Ср. Малицкій, Исторія Владимірской семинаріи (М. 1902), II, 7). Въ этой обновленной школѣ риторику преподавалъ К-ому Алекс. Корн. Огіевскій, философію—іером. Евлогій, греческій яз.—Ив. Яковл. Образцовъ (впоследствии Іоанникій, еп. Кавказскій). Руководствомъ по риторикѣ былъ учебникъ Бургія, философія—Баумейстеръ. Изъ латинскихъ авторовъ читался Овидій (дома, по своей охотѣ, К-ій читалъ Горація, который и остался его любимымъ поэтомъ—Москвит. 1854, № 91, стр. 11). Успѣлъ К-ій познакомиться и съ новыми языками. Интересно, что подобно Гоголю, Кулжинскій также былъ не доволенъ впоследствии своей школой: здѣсь онъ, по его словамъ, ничему не научился „такъ, какъ бы слѣдовало и какъ бы можно было при другихъ обстоятельствахъ“ (Лицей, 112); онъ находилъ, что семинаристы стараго пошиба были слишкомъ слабо подготовлены для воспріятія новой науки, щедро преподаваемой молодыми профессорами, явившимися изъ духовныхъ академій; мѣшало, по мнѣнію К-аго, дѣлу и то, что профессора, занимая рядомъ съ кафедрой постороннія административныя мѣста, мало могли удѣлять времени преподаванію своей спеціальности. Жалоба, м. б. не лишняя основанія, но несомнѣнно черезъ чуръ категоричная, какъ и у Гоголя: послѣдующая дѣятельность К-аго это ясно подтверждаетъ. Въ „Восп. учит.“ онъ о николѣ говоритъ мягче: „благодаря мѣсту моего воспитанія, ежели я и ничего не знаю, то всетаки умѣлъ говорить по латыни; тогда это не было рѣдкостью“ (Москвит. 1854 г. № 21 стр. 4).

20) Судя по аттестату, К-ій слабѣе другихъ предметовъ познакомился съ математикой („довольно“), немного лучше съ философіей („презрядно“), лучше всего со словесностью и греческимъ языкомъ („отлично“). Кромѣ того, въ аттестатѣ отмѣчено, что занимался онъ языками еврейскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ (этому послѣднему,

по автобіографіи, онъ выучился самоучкой). Отзыва о его занятіяхъ латынью въ аттестатѣ нѣтъ; объясненіе этому надо искать, скорѣе всего, въ томъ, что латынь или входила въ рубрику „словесности“, или же не отмѣчалась, такъ какъ на этомъ языкѣ шло преподаваніе нѣкоторыхъ и при томъ важныхъ предметовъ семинарской науки (см. предъид. прим.). Отсутствие отмѣтки по латыни, м. б., и вызвало тотъ экзамень, который произвелъ Орлай К-ому, о чемъ ниже.

²¹⁾ Это было, по словамъ К-аго, въ маѣ 1825 года. Что именно заставило Орлая остановиться на Кулжинскомъ, сказать трудно: Орлай искалъ преподавателя латинскаго языка, а Кулжинскій, какъ таковой, извѣстенъ не былъ, если онъ и приобрьлъ уже (что весьма возможно) славу хорошаго учителя. Ясно, что его могли (м. б. не безъ просьбы его самого, такъ какъ онъ на свое мѣсто въ Черниговѣ не смотрѣлъ какъ на опредѣленное (см. выше), и искалъ иного) рекомендовать только съ этой стороны. М. б., не будетъ ошибкой указать предположительно и на лицо, которое могло быть посредникомъ между К-имъ и Орлаемъ: такимъ могъ оказаться Е. И. Бажановъ, служившій губернскимъ прокуроромъ въ Черниговѣ. Онъ былъ не только лицомъ виднымъ по своему положенію и пользовавшимся уваженіемъ (ему, между прочимъ, посвящаютъ одно изъ своихъ стихотвореній Д. Дунинъ-Барковский, усердный сотрудникъ „Украинскаго Журнала“; см. 1824 г. № 6, стр. 283), но имѣлъ отношеніе и къ Гимназіи высшихъ наукъ: благодаря ему, какъ извѣстно, сюда попалъ и Гоголь (Шенрокъ, Мат. для біогр. Гоголя, I, 72). Съ этимъ же Бажановымъ, несомнѣнно, знакомъ былъ и Кулжинскій и при томъ довольно близко, какъ можно заключить по стихотворенію, посвященному Е. И. Бажанову (Дамскій журн. 1826 г., ч. 15, стр. 58), гдѣ онъ, утѣшая его по поводу смерти отца, называетъ его даже кумомъ. Отъ Е. И. Бажанова могъ и Орлай не только узнать про К-аго, но и получить просьбу устроить его (см. прим. 31). Въ „Воспоминаніяхъ учителя“ (Москвит. 1854, № 21) К-ій прямо говоритъ, что онъ явится къ Орлаю съ просьбой о назначеніи его учителемъ въ Гимн. высш. наукъ (стр. 2).

²²⁾ Съ 7 августа (текуція бумага конференціи Г. в. н. 1825 г. св. № 6, л. 123 об.); черезъ мѣсяць составленъ послужной списокъ К-аго.

²³⁾ Протоколы 1825 г., засѣданіе 23 мая, § II.

²⁴⁾ Имъ былъ съ 1822 г. проф. С. Андрущенко (Изв. Инст., III, 165, 172).

²⁵⁾ Прошеніе (связка 1825 г. „о чиновникахъ“ № 1, л. 45 въ архивѣ Инст.) помѣчено Кулжинскимъ, „учителемъ греческаго языка и лекторомъ словесности“, 16-мъ мая и принято Орлаемъ въ тотъ же день (помѣта: „Получ. 1825. V/16“); ясно, что подано оно было лично И. Г., вызваннымъ въ Нѣжинъ, и вѣроятно, тотчасъ послѣ „экзамена“, произведеннаго ему Орлаемъ.

²⁶⁾ По разсказу Кулжинскаго (автобіографія, Лицей, 113, Воспомин. учителя, 3), Орлай пригласилъ къ себѣ его обѣдать и во время обѣда заставилъ его говорить съ собой и съ своимъ пансіонеромъ В. Игн. Любичемъ-Романовичемъ (онъ зналъ полатыни, такъ какъ раньше учился въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ) по латыни. Послѣ обѣда приказалъ ему подать прошеніе объ опредѣленіи. О томъ же

экзаменѣ, немного иначе, говорится въ официальныхъ документахъ, бумагѣ къ почетному попечителю (архивъ Инст. „исходящ. бум. 1825 г.“, № 8, л. 15): „Изъ аттестата г-на К-аго явствуетъ, что.... онъ окончилъ съ превосходствомъ курсъ семинарскихъ наукъ, которыя большею частію преподаются на латинскомъ языкѣ (ср. выше, прим. 20). А по испытаніи, которое въ присутствіи моемъ производилъ ему профессоръ латинской словесности, онъ оказался весьма способнымъ быть учителемъ латинскаго языка и съ пользою можетъ служить для Гимназіи“. Тоже почти въ бумагѣ (тамъ же, л. 21 об.) къ попечителю округа.

27) Ему было дано жалованья 400 рублей, казенная квартира, отопленіе и освѣщеніе. (см. архивъ Инст. „о чиновникахъ“ 1825 г. № 1, л. 167; „текущ. бум.“ 1825 г. № 6, и 123 об.). Въ Черниговѣ онъ имѣлъ 450 р. асс. (Лицей, 113).

28) Лицей, 114; „Москвитянинъ“ 1854 г. № 21. По отношенію къ этому факту заподозрѣна была подлинность показанія Кулжинскаго: исходя изъ воспоминаній А. С. Данилевскаго, товарища и пріятеля Гоголя, сообщенныхъ уже въ старости, В. И. Шенрокъ („Письма Гоголя“, изд. Маркса, I, 65, примѣч.) полагалъ, что ни Данилевскій, ни Гоголь у Кулжинскаго не учились. Но правдивый и отчетливо помнившій прошлое И. Г. Кулжинскій не ошибся, назвавъ точно Гоголя; перечисливъ талантливыхъ учениковъ Гимн. в. н.—Кукольника, Рѣдкина, Гоголя и Гребенку, онъ говоритъ: „два послѣдніе были моими учениками, а послѣдній сверхъ того и любимцемъ моимъ“. Самая категоричность сообщенія не допускаетъ сомнѣнія въ правдивости его; но кромѣ того оно подтверждается и документально, напр., „Вѣдомостью о поведеніи и успѣхахъ въ лат. яз. учениковъ Г. в. н. за мартъ—іюнь 1826 г.“; вѣдомость писана Кулжинскимъ собственноручно и подана по обычаю въ конференцію Гимназіи; въ ней находимъ о Гоголѣ:

Отдѣленіе 3-е. Яновскій Николай.

Повед.

Усп.

Ясно, что въ данномъ случаѣ память измѣнилась А. С. Данилевскому. Ясно также, что, при подобномъ отношеніи Гоголя къ дѣлу, доволенъ имъ быть К-ій не могъ и по своему былъ правъ, назвавъ его <i>terga rudis et inculta</i> . Да и Гоголь едва-ли, при такомъ поведеніи и отношеніи къ дѣлу могъ близко сойтись и проникнуться уваженіемъ къ учителю, что мы и видимъ изъ его письма къ Высоцкому (Письма, ред. Шенрока, I, 65).	не былъ	—Мартъ
	З	1—Апрѣль
	не былъ	—Май
	не былъ цѣлый мѣсяцъ и на экзаменѣ	—іюнь
	не былъ	

29) Лицей, 113.

30) К-ій считаетъ Орлая представителемъ порядка, остальныхъ огульно обвиняетъ въ небрежности, своеволи; въ примѣрѣ послѣдняго приводитъ случай, когда конференція воспротивилась выдачѣ награды ему, Кулжинскому, не смотря на представленіе директора и утвержденіе почетнаго попечителя. Кулжинскій, повидимому, не различаетъ частныхъ дразгъ въ коллегіи отъ коллегіальнаго веденія дѣла. М. б. здѣсь играли роль и личные счеты Кулжинскаго, покровительствуемаго Орлаемъ, съ коллегами. Неудовлетворительность хода учебныхъ занятій, которую справедливо отмѣчаетъ Кул-

жинскій, находить себѣ болѣе правильное объясненіе въ общемъ не нормальномъ положеніи Гимназій, никакъ не могшей сформироваться (что въ „Воспоминаніяхъ учителя“ (Москв. 1854, № 21, стр. 5) признавалъ и самъ Кулжинскій), въ частой смѣнѣ директоровъ (въ 1826 г. Орлай уже ушелъ, былъ старый и ужъ совсѣмъ негодный къ дѣлу Ясновскій). При тогдашнемъ порядкѣ министерскихъ дѣлъ и тогдашнемъ настроеніи правительства ожидать успѣшнаго развитія Гимназій было и трудно. Какъ примѣръ, можно привести случай изъ практики и самого Кулжинскаго. Изъ вѣдомостей, подававшихся въ конференцію, видно, что единственнымъ пособіемъ для учениковъ въ латинскомъ языкѣ была хрестоматія Кошанскаго, изъ которой дѣлались устные и письменные переводы, а грамматикъ вовсе не было и достать нельзя (на что и жалуется К-ій); дѣло шло туго, тратилось много времени на повторенія, такъ что въ 1826 г. въ 3-мъ отдѣленіи отъ января до іюня былъ пройденъ синтаксисъ латинскаго языка, при чемъ цѣлый мартъ пришлось потратить на повтореніе этимологій, а на повтореніе пройденнаго и приготовленіе къ экзамену цѣликомъ ушли также май и іюнь. Ясно, что коллегіальность или неколлегалность устройства гимназій здѣсь не при чемъ. Слабость и даже фактическое отсутствіе инспекціи, на которыя жалуется Кулжинскій, также не стоятъ въ зависимости отъ коллегіальности учрежденія, а отъ ненормальности положенія самой должности инспектора, какъ видно изъ словъ самого же Кулжинскаго. Что же касается контроля надъ занятіями, то, вопреки мнѣнію Кулжинскаго, онъ былъ въ видѣ подробныхъ отчетовъ по преподаванію (вѣдомостей), которыми полны бумаги конференціи. Бумажное производство, поклонникомъ коего былъ формалистъ Орлай, не достигало цѣли на практикѣ. Нельзя не принять во вниманіе, что и лично К-ій, повидимому, не пользовался симпатіей школьниковъ, какъ видно изъ эпизода съ „Малороссійской деревней“ (о чемъ ниже). Все это даетъ объясненіе пристрастнаго, сердитаго отзыва К-аго о его пребываніи въ Гимн. высшихъ наукъ. Ср. также „Гимн. высш. наукъ и Лицей“ (Спб. 1831), стр. 48—49, гдѣ говорится о противоположномъ мнѣнію Кулжинскаго.

в¹) Съ Харьковомъ онъ давно уже завязалъ сношенія, повидимому, еще будучи въ Черниговѣ. Относительно того, какъ К-ій попалъ въ преподаватели университета, у насъ есть документъ, не лишенный значенія и для освѣщенія взглядовъ на Кулжинскаго. Извѣстный А. А. Перовскій (Антонъ Погорѣльскій), бывшій попечителемъ округа и кураторомъ университета (1825—1830), какъ извѣстно, фактически уничтожилъ выборное начало, замѣщая профессорскія и преподавательскія мѣста въ университетѣ по произволу, руководясь болѣе благонадежностью (въ тогдашнемъ реакціонномъ смыслѣ), нежели научнымъ цензомъ кандидатовъ. Его преемникъ Филатьевъ, продолжая практику своего предшественника, постарался о замѣщеніи цѣлаго ряда кафедръ, запустовавшихъ со времени реакціи. И вотъ по поводу кафедры русской словесности въ 1831 году (10 іюля) онъ пишетъ министру: „По большому количеству студентовъ, и такъ какъ Россійская словесность необходима и кромѣ словеснаго для всякаго факультета и въ особенности для этико-политическаго, я совмѣстно съ совѣтомъ у-а признаю не только нужнымъ, но и полезнымъ имѣть еще другого преподавателя ея

для политическаго факультета, и таковымъ признали мы учителя здѣшной Харьковской гимназіи *Кулжинскаго*, человѣка, имѣющаго весьма основательныя знанія въ російскомъ языкѣ и словесности (нѣкоторыя изъ его сочиненій напечатаны), и онъ вполне достоинъ быть преподавателемъ въ у—ѣ, въ гимназіи же есть двое преподавателей сего предмета. Кулжинскій еще въ 1825 году подавалъ просьбу въ у—ѣ о назначеніи его адъюнктомъ по кафедрѣ російской словесности и признанъ достойнымъ кафедры наравнѣ съ кандидатомъ Якимовымъ, а потому положено: имѣть его въ виду. Совѣтъ преподаваніе російской словесности предоставилъ Якимову болѣе потому, что онъ не имѣлъ еще назначенія, а Кулжинскій имѣлъ и имѣеть мѣсто старшаго учителя въ здѣшной гимназіи“ (Зап. Харьк. Ун. 1900, III, 26—27; Д. И. Багалъй, Опытъ ист. Харьк. Унив. (Харьк. 1904), II, 202). Эта оцѣнка К-аго, создавшаяся благодаря его литературнымъ трудамъ (до 1829 года имъ напечатано отъ 15—20 лѣсъ, частью въ Москвѣ, частью въ Харьковѣ), подтверждается его воспоминаніями (Восп. учит., 12—13): онъ удивленъ, что при появленіи его въ Харьковѣ его трактуютъ какъ какого-то литератора, предлагаютъ ему уроки русской словесности и частныя, и въ учебныхъ заведеніяхъ. Хотя онъ и говоритъ, что, желая поддержать славу своего „латинскаго происхожденія“, онъ читалъ въ 30-мъ году рѣчь на актѣ полатыни, но тема рѣчи—о разницѣ между классической и романтической поэзіей—ясно указываетъ, что онъ не прочь былъ поддержать и свое званіе литератора, члена Общества любителей Російской словесности въ Москвѣ (а членомъ онъ сталъ послѣ изданія „Малоросійской Деревни“—1827 г.; 15 марта 1829 г. имъ здѣсь произнесена рѣчь—о славянскомъ языкѣ, напечатанная имъ позднѣе въ его собраніи рѣчей (стр. 64, изд. 1837 г. Москва); см. списокъ сочиненій К-аго № 25).

³²⁾ Лицей, 114; Воспом. учит., 14.

³³⁾ Онъ былъ, по собственному заявленію, единственнымъ словесникомъ въ университетѣ, такъ какъ „всѣ преподаватели словесности выбыли изъ у—а, иные вышли въ отставку, другіе разѣхались на неопредѣленное время“ (Восп. уч., 15). Этимъ объясняется и невзыскательность слушателей: у К-аго, по собственному его признанію, не было даже времени готовиться къ лекціямъ; поэтому „онъ рѣшился положиться на память, да за справками заглядывалъ только въ исторію литературы Греча и—читалъ“ (тамъ же).

³⁴⁾ Луцкъ тогда подвѣдомственъ былъ Харьковскому попечителю (послѣ упраздненія Виленскаго университета и Кременецкаго лицея).

³⁵⁾ Не надо забывать, что какъ разъ въ это время С. С. Уваровымъ объявленъ знаменитый принципъ воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ: православіе, самодержавіе и народность. Въ духѣ этихъ началъ, рассказываетъ одинъ изъ современниковъ—кіевлянинъ, должна была строиться новая система образованія въ западномъ русскомъ краѣ, началъ, совершенно противоположныхъ прежней системѣ, основанной на католицизмѣ, конституціи и польской народности. Трудно было вводить направленіе, такъ рѣзко противорѣчившее прошлому. Надо было дѣйствовать исподволь, опасаясь не задѣть неугаснувшія антипатіи. Тутъ много зависѣло отъ способностей второстепенныхъ

исполнителей—а гдѣ было Брадке (попечителю вновь учрежденнаго Кіевскаго округа) взять ихъ?... Встрѣчается въ старыхъ дѣлахъ и такой, напр., случай, что начальникъ заведенія требуетъ отъ католическаго священника, чтобы онъ читалъ ученикамъ священную исторію не по избранной имъ книгѣ *Historia starego i nowego testamentu*, а по изданной святѣйшимъ синодомъ для православныхъ „Краткой священной исторіи“ (*В. Шульгинъ*, Исторія унив. св. Владимира, Кіевъ 1860, стр. 35—36). Последній случай, взятый изъ дѣла объ открытіи гимназій по округу въ 1832 и 33 г. г., имѣетъ въ виду нашего Кулжинскаго, какъ онъ призналъ это самъ (Воспоминанія о Воляни—Вѣстн. югозап. и зап. Россіи 1869 в, I, отд. 4, стр. 9); но случай этотъ рассказываетъ И. Г. нѣсколько иначе, хотя суть и остается таже, именно: онъ заставилъ ксендза переводить и диктовать ученикамъ по русски учебникъ священной исторіи и катехизисъ, имѣя на это предписаніе попечителя. Но „ляхи обнесли его, какъ фанатика“, и достигли того, что онъ черезъ два мѣсяца получилъ предписаніе о преподаваніи закона Божія на польскомъ языкѣ. Какъ бы то ни было, всѣ воспоминанія К-аго о своей дѣятельности на Воляни, его послѣдующая литературная дѣятельность рѣзко подчеркиваютъ принадлежность его къ лагерю представителей этой официальной народности со всѣми ея послѣдствіями. До переѣзда въ Луцкъ въ К-омъ такой опредѣленности мы не видимъ въ этомъ направленіи.

³⁶⁾ О мотивахъ перехода его сюда намъ ничего не извѣстно.

³⁷⁾ Плат. Алекс. Ширинскій-Шихматовъ, какъ извѣстно, по направленію своей политики былъ реакціонеромъ, въ литературномъ направленіи—послѣдователемъ взглядовъ Шишкова.

³⁸⁾ Хронологически (если судить по нашему списку произведеній К-аго, вѣроятно, не безусловно полному) его сочиненія распадаются на группы: первую—23 печатныхъ труда—составляютъ раннія произведенія, преимущественно литературнаго (отчасти учебнаго) характера, вторую—15 трудовъ—историческаго, публицическаго, изрѣдка литературно-художественнаго, но уже тенденціознаго характера; эта группа замыкается 1846 годомъ, послѣднимъ годомъ службы; въ третью войдутъ остальные труды—около 40, кончая приблизительно 80 годомъ; характеръ политико-тенденціозный проходитъ уже ярко даже въ басняхъ. См. списокъ.

³⁹⁾ См. выше, прим. 31.

⁴⁰⁾ Собраніе сочиненій (Спб. 1850) I, 357.

⁴¹⁾ Вышелъ отдѣльно въ 1833 г., но еще въ 1830 началъ печататься въ „Московскомъ Вѣстникѣ“. Сверхъ того въ это время напечаталъ онъ статейку о латинскомъ языкѣ (въ Укр. Журн. 1825), таблицы по латинской грамматикѣ (1831), русскую грамматику (1832); ихъ оставляемъ въ сторонѣ.

⁴²⁾ Объ А. В. Склабовскомъ, одномъ изъ выдающихся профессоровъ словесности 20-хъ годовъ, человѣкѣ, несомнѣнно, одаренномъ и энергіей и талантомъ, чуткомъ (къ сожалѣнію черезъ чуръ) къ господствовавшимъ теченіямъ, есть нѣсколько словъ во II т. „Опыта исторіи Харьк. ун.“, въ словарѣ Брокгауза (LIX, 206), а болѣе обстоятельныя свѣдѣнія въ статьѣ Н. О. Сумцова „А. В. Склабовскій, какъ поэтъ и

ученый“ (Харьк. 1904: статья представляет оттискъ изъ январскихъ фельетоновъ газеты „Южный Край“).

⁴³⁾ Укр. Журн. 1824 г. № 1, стр. 1 и 9 („Отъ редактора“).

⁴⁴⁾ Тамъ же № 9, стр. 151—152 („Отъ редактора“); далѣе слѣдуетъ просьба о присылкѣ подобныхъ матеріаловъ.

⁴⁵⁾ Тамъ же № 18, стр. 322 („Объ изданіи У. Ж. на 1825 годъ“).

⁴⁶⁾ См. хотя бы сборникъ „Памяти Гоголя“ (Кіевъ 1902), 81, 82; Отчетъ о XXIX прис. награды гр. Уварова (Спб. 1888), стр. 83, 84, 103 и сл., 108, 115, 138, 140, 168—169. Ср. указ. брошюру-фельетонъ Н. Θ. Сумцова, стр. 19 отд. отт. Въ частности въ Харьковѣ это движеніе выразилось въ видѣ изданій съ типичными заглавіями: Украинскій Вѣстн. (1816—19), Харьковскій Демокритъ (1816), Украинскій домоводъ (1817) и др. См. Лисовскій, „Рус. пер. печать“ (Спб. 1895), I, № 237, 238, 247, 248.

⁴⁷⁾ Ср. дѣятельность кн. Н. А. Цертелева (о его „Опытѣ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“), Павловскаго и др.: Пыпинъ, Ист. этногр., III, 12—15 и Отчетъ о XXIX прис. нагр. Увар., стр. 116 и сл.

⁴⁸⁾ Появленіе ихъ въ У. Ж. понятно въ виду того реакціонно-мистическаго духа, который виѣдрялъ или, по крайней мѣрѣ, старался виѣдрять знаменитый попечитель З. Каряѣвъ и его племянникъ Е. Каряѣвъ. Не надо забывать и того, что А. В. Склабовскій съ 1821 года состоялъ директоромъ студенческаго библейскаго общества, созданнаго тѣмъ же Зах. Каряѣвымъ, и былъ наканунѣ своего перемѣщенія, какъ личность угодная начальству, изъ профессоровъ на болѣе выгодное мѣсто „старшаго письмоводителя“ канцеляріи всемогущаго тогда попечителя. (Ср. Зап. Харьк. Ун. 1900, II, 48, и Сумцова, ук. ст., стр. 3). Дѣйствительно, статей мистически-благочестиваго характера (чуть не проповѣдей), писанныхъ большею частью ханжествовавшими, м. б., несознательно студентами, въ журналѣ достаточно; см. № 1 (стр. 42—46), № 2 (92—98), № 4 (186—189, 189—193) № 6 (251—260) и т. д.; есть и стихи въ родѣ: „Чаяніе души христіанской 25 декабря“ (П. Гулака-Артемовскаго, № 4), „Молодому воину при подаркѣ ему псалтири“ (тамъ же), „Чувства христіанна въ день Христова воскресенія“ (№ 9).

⁴⁹⁾ Напр.: „До какой степени можетъ простираться вліяніе училищъ на образованіе народнаго духа“ (№ 4), „Нѣкоторыя замѣчанія относительно дѣланія чая“ (№ 6), „Замѣчанія о Крымскихъ Татарахъ“ (№ 8), „О золотомъ пескѣ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ“, „Титъ Ливій“ (№ 11), „Воловій глазъ“ (№ 12); попадаетъ довольно много переводовъ изъ классиковъ, статей о нихъ; есть статьи по критикѣ и эстетикѣ; напр., съ перваго же № начинается подробный разборъ „Оды Ломоносова, выбранной изъ Іова“ и т. д.

⁵⁰⁾ О польскомъ вліяніи, знакомствѣ съ польской современной литературой и языкомъ въ харьковскихъ интеллигентныхъ кружкахъ см. Н. И. Петрова „Очерки исторіи украинской лит.“ (Кіевъ 1884), стр. 15, 16.

⁵¹⁾ Приведены цѣликомъ по великорусски двѣ пѣсни весеннія, одна съ упоми-

наніемъ Лада, другая о коноплѣ (стр. 259, 261) съ разъясненіемъ.

⁵²⁾ № 12, стр. 332 и сл. Въ №№ 19—21—копіи съ гетманскихъ грамотъ, въ № 5 есть даже стихотвореніе (Дм. Дунина-Барковского), воспѣвающее славный Лиственъ (мѣстечко Черниг. губ., извѣстное по битвѣ въ 1024 году). Въ 1825 г. въ № 11—12 (389—400) есть статья И. Сбитнева „Воспоминанія о Черноморіи, содержащая историч. и этногр. замѣтки о казакахъ и Запорожьѣ“.

⁵³⁾ Онъ могъ и непосредственно заинтересоваться журналомъ Склабовскаго: „Укр. Ж.“ выписывался (какъ видно изъ списка подписчиковъ, прилагавшагося въ концѣ каждой книжки) и въ Черниговской семинаріи за 1824 г. (см. № 4); такимъ образомъ, статьи К-аго могли быть прямымъ отвѣтомъ на просьбу редактора (въ № 9; см. выше прим. 44).

⁵⁴⁾ Укр. Ж. 1825 г. № 1—3, 5.

⁵⁵⁾ Первое стихотвореніе К-аго, писанное еще въ Черниговѣ 18 іюня 1825 г. (т. е. уже тогда, когда переходъ въ Нѣжинъ былъ рѣшенъ), помѣщено въ № 19 (октябрь) этого года „Д. Ж.“

⁵⁶⁾ См. „Дамскій Журналъ“ 1826 г. ч. 18 (стр. 222—223), 1829 г. ч. 27 (№ 32, стр. 81), № 34, 35 (стр. 119 и 129); писаны всѣ эти произведенія въ Нѣжинѣ.

⁵⁷⁾ См. выше прим. 41. По всей вѣроятности, и этотъ романъ, если не написанъ, во всякомъ случаѣ писался также въ Нѣжинѣ.

⁵⁸⁾ На такое значеніе „Мал. дер.“ указалъ уже въ свое время Н. П. Дашкевичъ, назвавши ее (повидному, лишь на основаніи рецензіи на книгу Пецъ-Галуховскаго и отзыва кн. Цертелева) „виднымъ явленіемъ въ малорусской этнографіи“. Иная оцѣнка, съ иной точки зрѣнія, принадлежитъ П. В. Владимірову: онъ назвалъ ее полу-сентиментальнымъ, полу-реторическимъ сочиненіемъ о народныхъ обычаяхъ Малороссіи, напоминающимъ „Путешествія въ Малороссію“ кн. П. И. Шаликова, „о которыхъ еще въ свое время писали, что подобныя чувствительныя путешествія можно сочинять, и никогда не бывавши въ Малороссіи“. См. списокъ соч. Кулжинскаго, примѣч. къ № 12.

⁵⁹⁾ Повидному, эти строки Горація, любимаго латинскаго поэта К-аго (см. пр. 19), особенно понравились ему: ими въ вольномъ переводѣ кончается онъ своего „Федюшу Мотовильскаго“:

Хотѣлось мнѣ имѣть землицы уголокъ,
И садикъ, и вблизи журчащій ручеекъ.
Послали небеса мнѣ это все, и болѣ;
Доводенъ я судьбой, мнѣ хорошо въ сей долѣ;
И больше ни о чемъ не докучаю имъ,—
Лишь это бы всегда осталось моимъ!... (стр. 134—135)

Эти же стихи Горація цитируетъ онъ и по дорогѣ во время путешествія въ Грузію (1843); см. „Маякъ“ 1844, т. XV, 120 и сл.—Сочиненія I, 214; наконецъ, ясно, этой же пьесой Горація навѣяно одно изъ раннихъ стихотвореній К-аго:

Блаженъ, кто садъ имѣетъ свой,

Въ саду—цвѣты, деревья тѣни,
И въ часъ полуденныя лѣни
Спокойно дремлетъ надъ водой!....
Завиденъ жребій вашъ, друзья,
Жильцы полей и селъ спокойныхъ!
Среди садовъ и водъ привольныхъ

Щастливы сердцемъ вы.... (Дамск. Жур. 1826, № 12, стр. 237)

Я нарочно привожу эти выписки: въ сопоставленіи ихъ съ отрывками изъ предисловія къ „М. д.“ ясна та идиллическая, чувствительная окраска, въ значительной мѣрѣ связанная къ литературной манерой, которая усвоена К-имъ (и не имъ однимъ) въ 20-хъ годахъ.

⁶⁰⁾ Ср. Шаликова, напр., два „Путешествія въ Малороссію“ (М. 1803 и 1804), Вл. Измайлова „Путешествіе въ полуденную Россію“ (М. 1800; послѣдующія изданія: 1802, 1805). Этнографическаго въ нихъ очень мало; но этотъ элементъ постепенно начинаетъ наростать, напр., у Павловскаго, Цертелева, Маркевича, Пассека и др. (см. у Н. П. Дашкевича, въ Отчетѣ о XXIX прис. прем. гр. Уварова, стр. 48, прим. 2). Идиллизмъ въ описаніяхъ быта—въ духѣ журналистики 20-хъ годовъ; см., напр., Сѣв. Арх. 1822 г. ч. I, стр. 48—69 (описаніе Сарептской колоніи). Ср. *Веселье С.* Очерки исторіи журналистики (Спб. 1881), стр. 175, 182 (о проникновеніи народнаго элемента).

⁶¹⁾ Письма, ред. В. И. Шеврока, I, 65; Ср. П. В. Владимірова „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“ (Кіевъ 1890), стр. 19.

⁶²⁾ Рецензентъ книжки Кулжинскаго (въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 г. ч. XIII, стр. 230—236; № 4 библиографіи) Н. Пецъ-Галуховскій ставитъ въ заслугу Кулжинскому, что онъ вслѣдъ за Цертелевымъ и Ходаковскимъ издалъ нѣсколько пѣсенъ, серьезно оцѣниваетъ эти пѣсни, сожалѣя, что нѣтъ вариантовъ, которые помогли бы возстановить пѣсню въ ея настоящемъ видѣ, „ибо нѣкоторые стихи бывають перемѣшаны и часто начало одной пѣсни сдѣлано продолженіемъ совсѣмъ другой.“ Статью „О малороссійской поэзіи“ (стр. 72 и сл.) онъ считаетъ интересной, самой лучшей во всей книгѣ (что и справедливо): „хотя въ ней нѣтъ глубокихъ изысканій, но есть весьма хорошія догадки“. Въ описаніяхъ быта малороссовъ, „совершенно неизвѣстнаго у насъ письменно“, также отмѣчены у К-аго „нѣкоторыя любопытныя подробности“. Наконецъ, рецензентъ жалѣеть, что К-ій привелъ двѣ веснянки въ переводѣ (и неудачномъ), а не въ подлинникѣ. Какъ видимъ, книжкѣ удѣлено серьезное вниманіе. Кн. Цертелевъ (Вѣсти. Евр. 1827 г. № 12) также серьезно взглянулъ, вслѣдъ за Галуховскимъ, на значеніе матеріаловъ собранныхъ К-имъ. Ср. выше, замѣтку Н. П. Дашкевича (прим. 58). Коснулся „М. Д.“ и А. Я. Стороженко въ своемъ разборѣ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ (въ „Сынѣ Отечества“ 1832 г., т. CXLVII, стр. 41—49, 100—115 и т. д. и отдѣльно „Мысли Малороссіанина“), при чемъ, какъ современникъ, сообщаетъ любопытныя данныя объ этой книгѣ К-аго: въ это время (20-ые и 30-ые годы) литература ограничивалась

незначительнымъ числомъ романовъ, особенно привлекала вниманіе писателей Украина, поэтическая по своей природѣ и по своему прошлому; но и тутъ, какъ онъ говоритъ, выходило по пословицѣ: „поймать не поймать, а погнаться можно“, и хотя Украина приманивала въ архивъ преданій своихъ и въ юдоль настоящаго житья-бытья многихъ современныхъ поэтовъ и прозаиковъ, но попытка ихъ въ описательной поэзіи и въ изображеніи народности не совсѣмъ удалась (стр. 9). Въ то время въ ходу были три беллетристическихъ произведенія, сюжеты коихъ взяты изъ украинской жизни; это: „Малороссійская деревня“ И. Г. К-аго, „Бурсакъ“ В. Т. Нарѣжнаго, и „Монастырка“ А. Погорѣльскаго. „Мал. деревню“ критикъ ставитъ ниже обоихъ остальныхъ, упрекая автора въ неточности изображенія быта народа и ошибкахъ въ языкѣ; въ качествѣ примѣра онъ приводитъ смѣшеніе винокурни съ шинкомъ, куда беззаботный малороссецъ идетъ охотно, не смотря на морозъ и стужу („М. Д.“ стр. 12). Ср. Кіевск. Старину 1886, VIII, 643—644.

⁶³⁾ Надъ этимъ и подтруниваетъ рецензентъ „Московск. Телеграфа“ (см. предыд. прим.), см. стр. 234—235; ср. у П. В. Владимірова, ук. соч., стр. 23 и сл.

⁶⁴⁾ Ниже (стр. 79) характеристика въ томъ же духѣ: добродушная лѣньность, которой отличались предки нынѣшнихъ малоруссовъ. Припомнимъ, что и Гоголь, рисуя своихъ малоруссовъ народомъ далеко не подвижнымъ, не прочь иногда характеризовать своихъ героев въ родѣ Солопія Черевика, такъ же, какъ К-ій: лежа въ сараѣ у кума, Черевикъ, „кажется, вовсе не имѣлъ желанія разстаться съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ убѣжище лѣни—благословенная печь его хаты, или шинокъ дальней родички, находившіяся не далѣе десяти шаговъ отъ его порога“ („Сорочинская ярмарка“, гл. 10). Ср. также „Письма“ (ред. Шенрока) I, 240: „я вывезъ изъ дому всю роскошь лѣни“.

⁶⁵⁾ Стр. 47, 49. Кстати: Гоголь въ словарикѣ къ „Вечерамъ“ (I, 499 слѣд., по изд. 10-му) „варенуху“ объясняетъ: „варенная водка съ пряностями и плодами“; К-ій въ своемъ словарикѣ: „малороссійскій пуншъ (I)“. Но на дѣлѣ объясненіе К-аго ближе къ гоголевскому; на стр. 49 въ примѣчаніи онъ подробнѣе говоритъ о ней: „Варенуха есть національный малороссійскій пуншъ, которой разные люди составляютъ разнымъ образомъ. Но самого лучшею почитается та варенуха, въ составъ которой входитъ *сливянка*, или *вишневка*, сахаръ и *пряныя* коренья....“

⁶⁶⁾ Рецензентъ „Моск. Тел.“ (см. пр. 62), справедливо признавая многое изъ передаваемого К-имъ любопытнымъ, также справедливо упрекаетъ автора, что онъ поспешилъ привести побольше пѣсенъ, описывая обряды (стр. 233); особенно это замѣчаніе справедливо по отношенію къ описанію свадьбы, гдѣ, какъ разъ, мы ждали бы пѣсенъ, а ихъ то ни одной К-ій не приводитъ.

⁶⁷⁾ А. Н. Пыпинъ, Ист. этногр. III, 15—16.

⁶⁸⁾ Тамъ же, стр. 12. Статьи К-аго о малорусской пѣснѣ, какъ извѣстно, появились за два слишкомъ года до книжки М. А. Максимовича—въ первыхъ номерахъ Укр. Журн. 1825 г.; сама же „Малороссійская деревня“, если и вышла лишь въ 1827 г., была готова однако еще въ томъ же 1825 году: 12 окт. этого

года подписана она цензоромъ М. Каченовскимъ; къ этому времени статья о малорусской поэзіи была уже исправлена для отдѣльнаго изданія (см. стр. 72, примѣчаніе).

⁶⁹⁾ Говоря о кн. Цертелевѣ, основываюсь на указаніяхъ А. Н. Пыпина (въ его Исторіи этнографіи, III) и особенно обстоятельныхъ Н. П. Дашкевича (въ Отчетѣ о XXIX прис. Увар. пр., 118—122), а также непосредственно на трудахъ кн. Цертелева: Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, Спб. 1819 (особенно важно для насъ предисловіе къ нимъ), О произведеніяхъ древней русской поэзіи (Спб. 1820), Взглядъ на русскія сказки (Спб. 1820), О народныхъ стихотвореніяхъ (письмо къ г-ну Максимовичу въ Вѣстн. Евр. 1827 г. № 12 (июнь), 270—278) и др. При этомъ останавливаюсь, въ отличіе отъ А. Н. Пыпина и Н. П. Дашкевича, естественно, на томъ, что поможетъ выяснить взгляды И. Г. Кулжнскаго. Такъ какъ 1827 годъ оказался особенно обильнымъ для этнографич. литературы (въ этотъ годъ вышли: письмо Цертелева къ Максимовичу, переводъ изъ Зубрицкаго—„Простонародныя пѣсни“—В. Е. 1827 г. № 11, книжка Кулжинскаго, пѣсни Максимовича и др.), то извѣстный интересъ представляетъ вопросъ о хронологической послѣдовательности этихъ изданій, весьма возможно, вліявшихъ (какъ это несомнѣнно для Максимовича) другъ на друга. На основаніи ихъ содержанія, цензурныхъ помѣтъ, хронологическая послѣдовательность представляется въ такомъ видѣ: старшимъ по времени написанія и, вѣроятно, выхода будетъ книжка И. Г. Кулжинскаго (см. прим. 68), за нею идетъ рецензія Пецъ-Галуховскаго въ кн. З. Моск. Телегр. (февраль 1827 г.), затѣмъ—письмо кн. Цертелева (В. Е. 1827 г., № 12—июнь; здѣсь въ концѣ—о рецензіи Галуховскаго, стр. 298.; письмо датируется: „Тамбовъ, марта 16 дня, 1827 года“, о собраніи пѣсенъ Максимовича говорится, какъ лишь объ ожидаемомъ), наконецъ книжка Максимовича (цензурное разрѣшеніе—27 апр. 1827 г.; здѣсь, стр. V—VI, почти буквальная выписка изъ Галуховскаго или письма Цертелева).

⁷⁰⁾ Ср. Н. П. Дашкевичъ, у. е. 118—119, 122; А. Н. Пыпинъ, Ист. этн. III, 12, 13.

⁷¹⁾ Любопытны въ этомъ отношеніи нѣкоторыя данныя русской литературы предшествовавшаго времени. Самая мысль о значеніи народнопоэтическаго преданія, интересъ къ этому преданію зародились (не безъ вліянія западно-европейскихъ зачатковъ романтики, проникавшихъ въ нашу литературу) еще раньше: припомнимъ хотя бы интересъ къ Слову о полку Игоревѣ (1800) съ характернымъ введеніемъ издателей, изданіе Кирши Данилова (Якубовича, 1804), Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ Прача (2-е изд. 1806 г.) и др., отзывы интереса къ трудамъ Вука Караджича, чешской Краледворской рукописи и т. д. (Ср. Пыпинъ, ук. соч. 14). Но интересъ этотъ въ началѣ столѣтія скорѣе походилъ на любопытство по отношенію къ новинкѣ, далекъ былъ по характеру отъ того, какой мы замѣчаемъ у Цертелева и въ ближайшее къ нему время (второго десятилѣтія XIX в.). М.—Пушкинъ и его сотрудники видятъ въ Словѣ о. п. И. духъ *Ossianовъ*, указаніе на существованіе и у насъ своихъ *Бардовъ* (VI стр. изд. 1800 г.), ограничиваются напоминаніемъ о былинахъ про князя Владимира по поводу Бояна (2); Якубовичъ считаетъ стихотворенія Кирши Данилова „славенской музы простымъ гласомъ“, на свое изданіе смотритъ, какъ на случай

„принести общее удовольствіе, услужить русской литературѣ, любителямъ древностей и вообще читателямъ всякаго состоянія“. Прачь, издавая свое собраніе пѣсенъ „съ голосами“, уже подробнѣе желаетъ выяснить значеніе и интересъ этого собранія, дать общій взглядъ; вотъ нѣсколько выписокъ изъ его предисловія: „въ Россіи сочинители народныхъ пѣсенъ совсѣмъ неизвѣстны, и слѣдовательно оныя принадлежать всему народу“(X).... „Можетъ быть, не бесполезно будетъ сіе Собраніе и для самой философіи, которая изъ народнаго пѣнія старается заключать о народномъ характерѣ. По мнорнымъ тонамъ большей части протяжныхъ пѣсенъ; которыя составляютъ характеристичное русское пѣніе, философія усмотритъ конечно чувствительность русскаго народа и то расположеніе души къ меланхоліи, которое производитъ великихъ людей во всѣхъ родахъ.... Нынѣшніе философы увидятъ изъ содержанія народныхъ пѣсенъ любовь россиянъ къ славѣ, рѣшимость ихъ на отважные подвиги, прославленіе храбрости и воинскихъ доблестей, вездѣ священное подобострастіе къ государямъ, привязанность и почтеніе къ родигелямъ, тѣсный союзъ родства между братьями и сестрами, неугѣшную горестъ любовницы о потерѣ милаго друга....“ (XIV). Введя въ свое собраніе нѣсколько и малороссійскихъ пѣсенъ (по 8 въ концѣ каждаго изъ двухъ томовъ); Прачь пробуетъ характеризовать и ихъ сравнительно съ великорусскими: „свойство малороссійскихъ пѣсенъ... и напѣвъ ихъ совсѣмъ отъ русскаго отличенъ. Въ нихъ болѣе мелодіи, нежели въ нашихъ плясовыхъ, но не видно ни одной армонической малороссійской пѣсни, которая бы равнялась съ нашими протяжными....“ (XIII). Не глубоко и отзывается старинными теоріями взглядъ *Н. Грамматина* на народную поэзію, хотя уже здѣсь видимъ и начало болѣе серьезнаго поздняго на нее воззрѣнія (имѣю въ виду его диссертацию на степень магистра: „Разсужденіе о древней русской словесности“, М. 1809): онъ, имѣя въ виду главн. обр. Слово о п. И., относится очень скептически къ „Древнимъ россійскимъ стихотвореніямъ“ (изд. Якубовича): они, по его мнѣнію, „суть ничто иное, какъ простонародныя русскія сказки, и наполнены самими нелѣпыми вымыслами.... И такъ, я думаю, что древность сихъ „древнихъ“ стихотвореній никто защищать не станетъ. Время, около котораго онѣ писаны, можно опредѣлить съ довольною точностью (онѣ не старше 1606 года, года смерти Григорья Отрепьева, о которомъ у Кириши есть пѣсня) (19)....“ Его, какъ и другихъ воспитанниковъ старинной теоріи, интересуетъ лишь форма: въ народной поэзіи „лишь одно заслуживаетъ вниманія критики и любителей поэзіи: это — большое разнообразіе въ стопосложеніи“ (22). „Есть у насъ еще много простонародныхъ пѣсенъ, продолжаетъ Гр.: древность ихъ также не далеко простирается: кромѣ нѣкоторыхъ выраженій и оборотовъ рѣчи, въ языкѣ ихъ нѣтъ ничего древняго, однако жъ онѣ имѣютъ свое достоинство. Сверхъ разнообразія, которое находится въ ихъ стопосложеніи, въ нихъ виденъ, по крайней мѣрѣ, духъ народной поэзіи; и во многихъ довольно нѣжности, чувства и простоты. Вообще содержаніе ихъ печальное; сей духъ унынія, можетъ быть, есть плодъ порабощенія Россіи татарами....“ (30). Высоко цѣня красоты древняго народнаго языка, находимыя въ Словѣ о п. И., Грамматича кончаетъ: „Если мы будемъ заимствовать ихъ и обогащать нашъ русской языкъ

словами и выражениями, осторожно взятыми изъ него, то послѣдній не уступитъ ни одному изъ новѣйшихъ языковъ, и сей богатый запасъ для него никогда не истощится“ (32). Т. о. Грамматинъ, если и далекъ отъ увлеченія народной поэзій, отдавая предпочтеніе древнему русскому народному языку письменности, все же признаетъ нѣкоторое значеніе за ней въ области формы и содержанія. Черезъ 9 лѣтъ, видимо, воззрѣніе на народную поэзію уже сильно измѣнилось къ лучшему; объ этомъ можно судить по статьѣ, напр., *А. Глаголева* „О характерѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ“ (Труды общ. люб. рос. слов., ч. XI (1818), стр. 38—51). Сторона настроенія, передаваемая пѣсней, выдвигается (м. б. подъ влияніемъ сентиментальнаго теченія въ нашей литературѣ) на видное мѣсто, значеніе пѣсенъ въ національномъ отношеніи (опять таки подъ влияніемъ общаго теченія въ сторону народности) устанавливается все прочнѣе, подчеркивается ихъ простота, близость къ природѣ. Вотъ нѣсколько выписокъ изъ статьи Глаголева: „Народная пѣсня есть простое изліаніе сердца, потрясеннаго пріятнымъ или непріятнымъ или сильными чувствами. Сочинители сего рода стихотвореній руководствуются по большей части одною природою. Склонность къ пѣнію, врожденная всѣмъ людямъ, учить измѣнять голосъ; склонность къ ладу, пріятная во всѣхъ движеніяхъ, производитъ мѣру въ словахъ (33). Разные народы одарены разными степенями чувствительности и воображенія; отъ сего и пѣсни ихъ имѣютъ разные характеры..... русскія—томны.... Народныя пѣсни должны быть для насъ драгоценны, сколько для археолога древніе памятники, ибо въ нихъ узнаемъ духъ своихъ предковъ, ихъ нравы, понятія и чувства (35).... Русскія голосовыя пѣсни по содержанію своему могутъ раздѣлиться на историческія, семейственныя, любовныя и другія. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются преимущественно томностію, нныя нѣжностію, всѣ вообще простотою и чувствами (41).... Достоинство пѣсни состоитъ безъ сомнѣнія не въ игрѣ словъ и воображенія, но въ чувствахъ, въ движеніяхъ, въ природѣ—и вотъ торжество Музы прежнихъ временъ! (ссылка на „Разговоры о словесности“ *А. С. Шишкова*).... Надобно желать, чтобы и стихотворцы обратили особенное вниманіе на сія родныя намъ творенія, особливо въ нынѣшнее время, когда композиторы плѣняютъ насъ русскими голосами, когда красавицы восхищаются насъ пѣніемъ русскихъ пѣсенъ, и когда русскіе начинаютъ любить русское“ (51). Взглядъ, проникнутый уже научнымъ воззрѣніемъ на народную пѣсию, взгляды *К. Θ. Калайдовича* (Древнія російскія стихотворенія, изд. 2-ое, М. 1818, предисловіе) подтверждаетъ высказанное по поводу Глаголева. Съ такой подготовкой, какъ разъ въ это время, выступаетъ и Цертелевъ.

⁷²⁾ Объ этомъ сообщаетъ онъ самъ въ предисловіи къ своему „Опыту“ (стр. 1) и вспоминаетъ поздне въ письмѣ къ Максимовичу (В. Е. 1827 г. № 12, стр. 275).

⁷³⁾ Сюда относятся его замѣчанія на первую грамматику малорусскаго языка Павловскаго (1818); см. Дашкевичъ, ук. соч. 120.

⁷⁴⁾ Это „Разсужденіе“ вышло предварительно въ „Сынѣ Отечества“ 1818 г. (ч. 45). Словарчикъ интересенъ для насъ также и потому, что имъ пользовался и Н. В. Гоголь, составляя свой словарь въ „Книгѣ всякой всячины“ (VII, 885),

наравнѣ съ словарчикомъ, приложеннымъ къ изданію „Энеиды“ Котляревскаго.

⁷⁵⁾ Ср. А. Н. Пыпина, Ист. Этн. III, 12.

⁷⁶⁾ Дополнить ихъ можно выписками, сдѣланными А. Н. Пыпинымъ и Н. П. Дашкевичемъ въ упомянутыхъ трудахъ.

⁷⁷⁾ Въ видѣ поясненія Ц. далѣ приводитъ примѣры этой непосредственности, указывая на думу о погребеніи Хмельницкаго, разбирая значеніе кукушки, какъ символа горести малороссіянь: „поеть она надъ головою казака однозвучную унылую пѣсню свою, какъ сестра оплакиваетъ брата или мать сына. Разбирая извѣстнаго автора, замѣтилъ бы я въ подобномъ случаѣ искусный переходъ отъ ужаса къ нѣжности; рассматривая же пѣсню простого казака, я удивляюсь вѣрности, съ каковою выразилъ онъ движенія своего сердца“ (стр. 8—9). По поводу начала думы о бурѣ на Черномъ морѣ (Алексій Поповичъ) Цертелевъ замѣчаетъ: „прекрасныя *оссіяновы* описанія бури едва-ли заключаютъ въ себѣ болѣе живости и вѣрности“ (стр. 10).

⁷⁸⁾ Изъ статей Цертелева въ этотъ промежутокъ времени обращаютъ на себя вниманіе: „0 произведеніяхъ древней русской поэзіи“ (Спб. 1820), „Взглядъ на русскія сказки и пѣсни“ (Спб. 1820), рецензія на изданіе Челаковскаго „Slovanské národné písně“ (Прага 1823)—въ Сѣв. Архивѣ 1824 г. № 2 (смѣсь, стр. 102 и сл.), „0 народныхъ малороссійскихъ стихотвореніяхъ“—въ „Благонамѣренномъ“ 1825 г. № 20, стр. 216—227. Въ первой видимъ повтореніе въ болѣе увѣренномъ уже тонѣ зысказаннаго въ „Опытѣ“: „Многіе считаютъ даже неприличнымъ помѣщать произведенія прежней безыскусственной поэзіи съ произведеніями нынѣшней систематической. Но сколь часто полевой цвѣтокъ бываетъ украшеніемъ букета!.... Народныя русскія пѣсни можно назвать отголоскомъ сердца и ума предковъ нашихъ; въ нихъ хранятся нѣкоторыя историческія подробности, многіе обычаи, особенная гармонія, духъ языка и народа....“ (21—22) Почти тоже повторено во второй брошюрѣ (см. стр. 16). Въ рецензій на книгу Челаковскаго, Цертелевъ удивляется, что въ нее вошло такъ мало малорусскихъ пѣсень, тогда какъ по части пѣсень малороссы самый богатый изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, заканчиваетъ характернымъ приглашеніемъ обратить вниманіе на свою народную поэзію: „намъ русскимъ, старшимъ потомкамъ, стыдно уступить въ любви къ народной славѣ Сербамъ (имѣется въ виду В. Караджичъ) и Воевцамъ, стыдно не заботиться о памятникахъ слова дѣдовъ нашихъ и, имѣя еще возможность передать внукамъ и правнукамъ своимъ духъ народной поэзіи, съ каждымъ днемъ болѣе умирающей, совершенно нерадѣть о томъ“ (цит. по Н. П. Дашкевичу, ук. соч. 121). Письмо Максимовичу, цитируемое далѣе, написано, какъ ясно изъ его содержанія, въ отвѣтъ на просьбу Максимовича прислать ему, какъ готовящему изданіе малорусскихъ пѣсень, матеріала; при письмѣ Ц. и посылаетъ 32 *объщанныя* малор. пѣсни.

⁷⁹⁾ Сюда присоединено любопытное примѣчаніе: „Многіе думаютъ, что всѣ сіи стихотворенія сложены простымъ народомъ, но сіе не справедливо. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ, очевидно, высшему сословію“.

⁸⁰⁾ Въ доказательство этой мысли авторъ письма ссылается на напечатанные

имъ образцы русских и малорусскихъ пѣсенъ, первая—въ „Соревнователѣ просвѣщенія“ на 1823 г. № 4, вторая—въ „Благонамѣренномъ“ 1825 г. № 20. Въ „Благонамѣренномъ“ же Цертелевымъ дана почти таже характеристика малорусскихъ пѣсенъ, что и приведенная: „Малороссійскія стихотворенія весьма разнообразны, краски ихъ всегда вѣрны, сравненія близкія, выраженія точныя. Иногда видны въ нихъ порывы необузданной страсти, иногда тихое, но глубокое чувство и вездѣ все оживляющее, юное воображеніе.... (222). Скажите, многіе ли романсы наши могутъ равняться съ сею простою сильною поэзіею?“ (227). Въ началѣ письма повторена мысль, высказанная по поводу книги Челаковского: „пора и намъ обратить вниманіе на произведенія народной нашей поэзіи: одни мы изъ просвѣщенныхъ европейцевъ остаемся равнодушны къ сему предмету“ (270—271). Другія выписки изъ письма см. у Дашкевича, ук. соч., 121—122.

⁸¹⁾ О Троицкомъ см. Рус. Стар. 1882 г. VI, 641—682; много о немъ и его значеніи говорится въ биографіи Гоголя (Шенрокъ, Матеріалы, указ. s. v.); ср. также Петрова, Очерки укр. лит., указатель s. v., наконецъ въ моей рѣчи о нѣжинскомъ періодѣ Гоголя (см. прим. 2). О Харьковскомъ кружкѣ, къ которому временно принадлежалъ и Кулжинскій, см. выше—о Склабовскомъ. Оживленіе этнографич. интереса въ литературѣ, конечно, не ограничивалось упомянутыми фактами. Нагляднѣе всего это видно изъ тогдашнихъ журналовъ, гдѣ оригинальныя статьи, какъ и переводныя, начинаютъ пестрить ихъ страницы. Указаніе этихъ статей завело бы насъ далеко отъ ближайшей задачи. Ограничусь примѣрами: въ Вѣстн. Евр. 1826 г. переводится статья Бродзинскаго о народныхъ пѣсняхъ славянъ (№ 13), въ 1827 г. того же журнала опять переводная съ польскаго статья Зубрицкаго о пѣсняхъ русинскихъ (№ 11, стр. 191—201), гдѣ даже приводятся три малорусскихъ пѣсни, начало четвертой, дается опредѣленіе „вечерницъ“ и т. д. См. также В. Д. Гринченко „Литер. украинск. фольклора“ (Черниг. 1901), № 15, 16, 22, 23.

⁸²⁾ Не рѣшаясь точнѣе опредѣлить источникъ подобныхъ воззрѣній, за неимѣніемъ подъ рукой подлежащаго матеріала, а нахожу не лишнимъ напомнить, что въ рукахъ у К-аго могли быть уже изданія лѣтописей (на что онъ намекаетъ и самъ, что видно и изъ нижеслѣдующаго): ко времени работы К-аго уже были изданы Никоновская (1767—92), Кенигсбергская (1767), Новгородскія обѣ (1781, 1786), Софійская (1795) и даже часть Лаврентьевской (1824); могли быть ему извѣстны и Татищевъ и др. историки, наконецъ даже одно изъ многочисленныхъ изданій Синописа Гизеля, гдѣ какъ разъ есть и тоже объясненіе имени Славянъ: „такжеде и языкъ Славенскій.... отъ славы имени Славяномъ Славенскъ наречеса“ (стр. 5 по изд. Спб. 1810).

⁸³⁾ Повидимому, имѣются въ виду слова начальной лѣтописи: „отъ тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ..... бяху же мужи мудри и смыслени, нарицахуса Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне.... Поляне бо своихъ отецъ обычай имуть кротокъ и тихъ.....“ (см. изд. Лавр. лѣт. Тимковскаго (М. 1824), стр. 3, 5, 7—8).

⁸⁴⁾ Изъ Сл. о п. И.: „они же (струны) сами княземъ славу рокотаху“. Подъ Владиміромъ К-ій подразумѣваетъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, „ясное русское солнышко“, т. е. былиннаго Владиміра (75). Это смѣшеніе великорусской (когда то южно-русской, какъ выходитъ изъ словъ К-аго) съ современной малорусской поэзіей видно и далѣе: бандуристъ поеть о *богатыряхъ* древняго времени.

⁸⁵⁾ Ср. выше прим. 77; ср. въ предисловіи къ изд. 1800 г. Сл. о п. И.: „любители російской словесности согласятся, что въ семь оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненій видѣнъ духъ *Оссіановъ*, слѣдовательно и наши древніе герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъ имъ хвалу“ (стр. VI). Объ Оссіанѣ и его вліаніи на литературу русскую и ея стиль нѣсколько фактовъ сгруппировано въ книгѣ И. Замотина „Романтизмъ 20-хъ годовъ“ (Варш. 1903), 37—50.

⁸⁶⁾ Слѣдуетъ неудачный примѣръ этой грубости: „ой якъ ты уродлива“— обращеніе къ милой, т. е., смѣшеніе малорусскаго „уродливый“ (красивый, пригожій) и великорусскаго „уродливый“. Объясненіе огрубѣнія нравовъ подѣ вліаніемъ татарщины и въ частности въ примѣненіи къ поэзіи у К-аго также едва ли оригинально: это мнѣніе въ общемъ—ходячее, въ частности знакомо намъ еще изъ Грамматина (прим. 71)

⁸⁷⁾ Ср. выше, прим. 76.

⁸⁸⁾ Охваченный этими воспоминаніями, авторъ въ сильно приподнятомъ тонѣ приводитъ мѣстную (вѣроятно, имъ самимъ слышанную) черниговскую легенду о княжѣ Цернѣ, перенося ее во время разоренія Чернигова Батыемъ; легенда извлечена якобы изъ полусгнившей рукописи, попавшей въ руки автора и содержавшей одинъ древній лѣтописецъ (82—87): „Но и эту славную княжню не воспѣлъ ни одинъ Бардъ, ни одинъ Бардъ не вызвалъ ее изъ области тѣней“. Объ этомъ преданіи кое-что см. Труды XII арх. съѣзда (М. 1905), III, 173—174. Ближайшій источникъ К-аго мнѣ остался неизвѣстенъ. Ср. Моск. Тел. 1827 г. № 3, стр. 233; Периодич. соч. объ успѣхахъ просв. ХІ, (1816), 269; Древняя и Новая Россія 1875 г. № 3, стр. 264; Черниг. губ. вѣд. 1852 г. № 44, стр. 489 (неофф. отд.).

⁸⁹⁾ П. В. Владиміровымъ („Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“, Кіевъ, 1890, стр. 19) высказано предположеніе, что пѣсни эти заимствованы быть могли К-нмъ изъ „Новѣйшаго всеобщаго и полнаго пѣсенника.... П. Ш.“ (1819 г.), гдѣ во II ч. отд. 2 есть „Пѣсни малороссійскія“, отчасти изъ „Опыта“ Цертелева (1819), Указаніе на „Пѣсенникъ“ взято изъ Ист. этн. А. Н. Пыпина (III, 11—Вѣстн. Евр. 1885, VIII, 754). Ссылка на „Опытъ“—не можетъ быть принята, такъ какъ тамъ нѣтъ пѣсенъ, приводимыхъ у К-аго (у Цертелева только думы и эпич. пѣсни, 21—58). Не могъ К-ій заимствовать и изъ „Пѣсенника“ 1819 г.: ни въ немъ, ни въ рядѣ другихъ (мною просмотрѣно болѣе 20 пѣсенниковъ съ малорусскими пѣснями, кромѣ этого, изъ времени 1790—1827 г.) въ числѣ малорусскихъ пѣсенъ ни одной, одинаковой съ изданными у К-аго: К-ій, несомнѣнно, самъ могъ слышать и запомнить пѣсни, проведя молодость въ м. Воронежѣ и будучи, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, человѣкомъ не только любовно и съ увлеченіемъ относившимся къ народной жизни, но и наблюдательнымъ; это предположеніе еще болѣе подтверждается случайно:

въ „Живой старинѣ“ 1905 г. (т. XIV, 3—4, стр. 513 и сл.) есть этнографич. описаніе какъ разъ родного села Кулжинскаго—Воронежа, гдѣ описаны „обжинки“, „свадьба“ и т. д.; по первому описанію убѣждаемся, что, несмотря на риторическую мишуру, К-ій точно описалъ обычай „обжинокъ“: даже пѣсня „Ой панночку нашу“, на которую указываетъ К-ій, до сихъ поръ уцѣлѣла и записана И. Абрамовымъ (11 стр. отт.). Также точность, при тѣхъ же „украшеніяхъ“ рѣчи, видна и въ описаніи свадьбы; ср. о *предковскомъ мечѣ*, увитомъ барвенкомъ и рутой (68), о *короваѣ* (70) съ описаніемъ у Абрамова (16, 23). Если принять во вниманіе біографич. данныя К-аго приблизительно до 1825 года (когда написана „М. Д.“), думаю, не будетъ большой смѣлостью предположеніе, что, излагая свои наблюденія надъ обычаями и поэзіей, К-ій имѣлъ въ виду прежде всего свое село Воронежъ, гдѣ онъ выросъ; другими мѣстами его пребыванія были только Черниговъ и Нѣжинъ, гдѣ, разумѣется, кругъ наблюденій его не былъ широкъ въ этомъ отношеніи, и про которыя онъ не могъ говорить, выставляя свой выше приведенный эпитафъ изъ Горація (см. пр. 59). Что касается догадки Кулжинскаго о польскомъ происхожденіи бандуры, то она не нова. Старѣйшее изъ извѣстныхъ мѣтъ извѣстій такого рода относится къ 1771 году въ *Essai sur la littérature russe* И. А. Дмитриевскаго, гдѣ послѣ перечня русскихъ писателей (см. П. А. Ефремова „Мат. для исторіи русской литературы“, Спб. 1867, стр. XI и 145 и сл.—перепечатка) слѣдуетъ une *histoire abrégée de la musique en Russie* (оставшаяся не перепечатанной до сихъ поръ). Соотвѣтствующій отрывокъ, не безынтересный и вообще для характеристики взглядовъ на Малороссію въ XVIII в., привожу по изданію 1774 года (16° Livourne): On connoît aussi dans ce pays depuis un temps immémoriale la *Pandore* et le *Gusli*, mais l'un et l'autre de ces instruments sont moins en usage parmi le peuple de la campagne que dans les villes. La *Pandore* est une espèce de luth. Elle est originaire de la Pologne, ou plutôt de l'Ukraine; cette dernière contrée fournit les plus habiles joueurs de cet instrument. L'Ukraine est à la Russie ce, que le Languedoc et la Provence sont à la France. La situation méridionale de cette province, l'extrême fertilité de son sol, l'abondance dont les effets naturels sont l'aisance de la vie et l'attrait du plaisir, tout porte les habitants de cette contrée à une vie voluptueuse. Ils aiment tous la musique et la danse et ne paroissent pas avoir d'occupation plus importante que celle de se divertir. Ils excellent singulièrement sur la *Pandore* dont ils accompagnent des chansons ou tendres ou badines, qu'ils ont en grand nombre. Beaucoup de ces habitants se rendent à Moscou ou à Petersbourg et se mettent au service des grands en qualité de musiciens: leur nombre a cependant sensiblement diminué en Russie depuis que le goût de la musique italienne y est devenu plus général (стр. 45—46).

⁹⁰⁾ См. прим. 62. Здѣсь нельзя не добавить, что описанія быта, обстановки обычаевъ не были часты въ тогдашней литературѣ, особенно по отношенію къ Малороссіи, и К-ому принадлежитъ хронологически одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи. Ср. Моск. Тел. 1827, III, 233.

⁹¹⁾ См. прим. 56. „Казацкія шапки“, кстати здѣсь указать, подверглись позднѣе

даже драматической обработкѣ; см. *А. В. Тупаловъ* „Геройскій подвигъ Нѣжинскихъ казачекъ“. Спб. 1873, 16°.

⁹²⁾ Ср. вліяніе думъ на К. Θ. Рылѣва, отмѣчаемое Н. П. Дашкевичемъ, ук. соч., 173 примѣч. Можно думать, что и у К-аго кое-что навѣяно народными казацкими пѣснями и прямо думами; напр., мысль о скорби матери по сынѣ, образъ атамана на игривомъ конѣ; ср. думу о Морозенкѣ:

Попереду Морозенко сивимъ конемъ выграваетъ,

Та схиливъ же голівонку сиву коню ажъ на гриву и т. д.

⁹³⁾ Этотъ терминъ К-ій поясняетъ: „Въ Малороссіи при многихъ сельскихъ церквахъ есть пчелы. Церковный староста къ извѣстнымъ праздникамъ варитъ медъ, и деньги, вырученныя за оный, вноситъ въ церковную кассу. Отсюда техническое выраженіе малороссіянъ: „ходимо въ медъ“.

⁹⁴⁾ Ср. Максимовичъ „Малорос. пѣсни“ (1827), предисловіе, стр. XI. К-ій самыхъ пѣсень и игръ не приводитъ, ограничиваясь лишь указаніемъ, вѣроятно, по памяти (ср. также стр. 50), на гопакъ, присядку, дробушечки. Припомнимъ, что и Гоголь интересовался играми, очевидно, желая имѣть характерный бытовой матеріалъ для своихъ повѣстей, почему въ „Книгѣ всякой всячины“ (VII, 878—79) у него записано: „Игры. Увеселенія малороссіянъ“; въ числѣ ихъ: Улавы, Пахвиля, Пашокъ—карточныя игры; Хрещикъ, Журавль, Воронъ, Крагли—хороводныя (ср. Письма, ред. Шенрока, I, 122—123).

⁹⁵⁾ Содержаніе ея типичное „чувствительное“: Терешко—пріемный сынъ головы деревенскаго, Вася—родной сынъ; оба идеальные друзья, становятся соперниками въ любви къ Марусѣ; Вася не устоялъ, враждуетъ, подводитъ подъ рекрутчину Терешку, но находится охотникъ за него; Терешко Марусю и живутъ до глубокой старости благословляя судьбу и нѣжно любя другъ друга. Влюбленная по уши Маруся, въ родѣ гоголевской Оксаны, не можетъ всю ночь сомкнуть глазъ („тихіе ангелы не имѣли надобности охранять сонъ Маруси: она не могла сомкнуть глазъ черезъ цѣлую ночь“); дѣло кончается свиданіемъ на кладбищѣ, гдѣ ей Терешко рисуется мертвецомъ, ходящимъ по могиламъ, и т. п. Что касается послѣдняго „украинскаго“ романа „Федюши Мотовильскаго“, то въ немъ К-ій, оставаясь тѣмъ же поклонникомъ чувствительнаго, идилличнаго, пробуетъ очертить бытъ малороссійскаго мелкаго помѣщика, не прочь заявить свои симпатіи доброму старому времени, когда „наши отцы не учились нынѣшнимъ философіямъ, да были умны и счастливы“ (53), пробуетъ иронически описывать бурсаковъ (45) и т. д.

⁹⁶⁾ Напомню, что „Дамскій журналъ“ началъ выходить въ Москвѣ съ 1823 года (ч. I, кн. I носить цензурную помѣтку этого года—26 февр.) два раза въ мѣсяцъ, а съ 1829 года еженедѣльно. Съ 1825 г. постояннымъ, усерднымъ сотрудникомъ становится М. Н. Макаровъ, въ 1823—4 гг. особенно много помѣщалъ въ немъ стихотвореній А. Иванчинъ-Писаревъ. Первое время (до 1826 г.) журналъ пользовался несомнѣнно симпатій лучшей части литературныхъ людей; въ немъ принимали участіе такія лица, какъ кн. Вяземскій (Изъ Байрона—I, 1, стр. 29), В. Л. Пушкинъ

(Совѣтъ огорченному I, 1, 34; Куплеты I, 3, 110; Подражаніе Петраркѣ II, 7, 23), даже А. С. Пушкинѣ (Черкесская пѣсня I, 1, 41) и др. О взглядахъ Пушкина на Шаликова ср. VII (лит. фонда), 111 (1825 г.), 129, 152; ср. 223 (1830). Характеристика Шаликова въ „Домѣ сумасшедшихъ“ А. Ѳ. Воейкова—общезвѣстна. Превосходную характеристику его же далъ А. Н. Веселовскій („Жуковскій“, Спб. 1904, стр. 42—44), у него же (40—50)—общая характеристика теченія чувствительности въ литературѣ.

⁹⁷⁾ Это направленіе еще въ большемъ ходу, напр., въ Нѣжинѣ въ годы ученія Гоголя и дѣятельности К-аго, какъ писателя; см. мою рѣчь „Гимн. высш. наукъ и нѣжинскій періодъ жизни Гоголя“ (Кіевъ, 1902), стр. 19—20. О программахъ по русской литературѣ въ Гимн. высшихъ наукъ см. тамъ же, 18. Интересенъ отзывъ (правда позднѣйшій) К-аго о своемъ сослуживцѣ П. Никольскомъ, учителѣ Гоголя по словесности: „Парфеній Никольскій устарѣлъ, остановился на Херасковѣ, Державинѣ и Карамзинѣ... а на Пушкина, Козлова и Дельвига и вообще на всю эту молодежь смотрѣлъ съ видомъ негодованія и сожалѣнія, которое доказывалъ тѣмъ, что вовсе не читалъ ихъ“ (Воспоминанія учителя (пис. 1854), 12). Иначе нѣсколько смотрѣлъ на тѣхъ же писателей самъ К-ій въ 20-хъ годахъ, какъ увидимъ сейчасъ.

⁹⁸⁾ Моск. Телегр. 1827 г. № 3, стр. 230, 231, 233, 234.

⁹⁹⁾ Къ нимъ присоединяетъ П.—Галуховскій (ibid, 236) и „Мал. дер.“. О путешествіи Измайлова есть любопытная статейка В. Горленка „Кіевъ въ 1799 г.“ (въ его „Южнорусскихъ очеркахъ и портретахъ“ (Кіевъ 1898), стр. 75 и сл.; то же—въ Кіев. Стар. 1885, III, 581—592). По наблюденію автора статьи, у Измайлова реального мало, преобладаетъ стремленіе передать возможно больше ощущеній, обличающихъ чувствительность души.

¹⁰⁰⁾ Любопытно для сравнительной характеристики учителя и ученика сопоставить это мѣсто съ извѣстнымъ мѣстомъ въ „Мертвыхъ душахъ“, имѣющимъ также автобіографич. значеніе: „онъ (писатель) не имѣетъ обыкновенія смотрѣть по сторонамъ, когда пишетъ; если же и подыметъ глаза, то развѣ только на висячіе передъ нимъ на стѣнѣ портреты: Шекспира, Аріоста, Фильдинга, Сервантеса, Пушкина, отразившихъ природу таковою, какъ она была, а не таковою, какъ угодно было кому нибудь, чтобы она была“ (VII, 140).

¹⁰¹⁾ Сюда присоединить надо выписки—выше въ прим. 59.

¹⁰²⁾ Послѣдніе стихи, ясно, взяты К-имъ или изъ стихотворенія К. Н. Батюшкова „Счастливецъ“:

Сердце наше—кладезь мрачной:
Тихъ, покоенъ сверху видъ,
Но спустись на дно... Ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ....

(Изд. Л. Н. Майкова (Спб. 1887), I, 124 и 345), или же изъ „Дома сумасшедшихъ“ А. Ѳ. Воейкова (изд. А. Ефремова въ Русск. Стар. 1874, III, 592), гдѣ пародируются эти стихи Батюшкова въ его каррикатурной характеристикѣ. Первое

предположеніе вѣроятнѣе, и въ силу настроенія К-аго, и въ виду того, что „Домъ сумасшедшихъ“ въ то время напечатанъ еще не былъ (впервые онъ издавъ въ „Современникѣ“ 1854 г. № 1, отд. III, 18—19) и ходилъ въ рукописяхъ. Для уясненія отношеній К-аго, какъ чувствительника, къ Шаликову, напомнимъ (опуская карикатуру Воейкова въ томъ же „Домѣ сумасшедшихъ“) поэтическую шутивную характеристику его у Батюшкова:

„Кто ты?“—Увы, я пастушокъ,
Вдыхатель, всегда готовый;
Вотъ мой баранъ и посошокъ,
Вотъ мой букетъ цвѣтовъ тафтяныхъ,
Вотъ списокъ всѣхъ красотъ упрямыхъ,
Которыми дышалъ и жилъ.
Вотъ мой Амуръ, моя Аглая.—
Сказалъ и, тигостно зѣвая,
Съ просонью въ Лету поскользнулъ. (ук. изд., I, 81)

¹⁰³⁾ Ср. А. Н. Веселовскій, у. с., стр. 45—46.

¹⁰⁴⁾ „Старовѣрскіе“ взгляды К-аго на литературу, при его симпатіяхъ къ нарождающейся народности, освѣщаются отчасти его рѣчью о славянскомъ языкѣ произнесенной въ 1829 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности въ Москвѣ (см. выше, прим. 31): говоря о роли славянскаго языка для современнаго русскаго литературнаго, онъ, хотя и много умѣреннѣе, но все же приближается ко взглядамъ Шашковцевъ, также проникнутъ патриотизмомъ этой литературной школы. Ср. выше, прим. 71, взглядъ А. Глаголева (въ концѣ). Въ этомъ отношеніи нѣкоторый интересъ для освѣщенія Кулжинскаго, какъ представителя литературы, можетъ служить сопоставленіе его еще съ однимъ передовымъ дѣятелемъ поколѣнія, нѣсколько старшаго, именно съ А. А. Палицынымъ (+1811), также южаниномъ, но не дожившимъ до возрожденія мѣстныхъ литературныхъ и этнографическихъ интересовъ. Его такъ характеризуетъ биографъ: онъ былъ сторонникомъ новаго направленія, сентиментальнаго, съ примѣсю романтизма, направленія, основаннаго на восхищеніи природой и подражаніи ей. Онъ былъ переводчикомъ „Новой Элоизы“, „Садовъ“ Делиля, перелагалъ „Слово о полку Игоревѣ“, наконецъ былъ авторомъ любопытнаго въ историколитературномъ отношеніи „Посланія къ Привѣтѣ, или воспоминанія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени“. Живое чувство патриотизма, выражающееся въ преданности русскому языку и русской литературѣ, пробивается на каждой страницѣ его посланія. (Н. Ѳ. Сумцовъ „Изъ украинской старины“. Харьк. 1905, стр. 40, 43).

¹⁰⁵⁾ Вотъ что записалъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ учителя“; „Чтобы поддержать славу своего „латынскаго“ происхожденія (онъ былъ учителемъ латынскаго языка), я дождался перваго торжественнаго акта гимназіи и произнесъ на немъ латынскую рѣчь De differentia classicam inter et sic dictam romanticam poësin... Вопросъ о романтической поэзіи былъ тогда (1830 г.) животрепещущею современностью. Надеждинъ въ Москвѣ защищалъ докторскую диссертацию по этому предмету. Мо-

сковскій Телеграфъ цѣлыми горстями сыпалъ на публику все то, что находилъ объ этомъ въ иностранныхъ журналахъ: вся образованная Россія была раздѣлена на *классиковъ* и *романтиковъ*, хотя—правду сказать—многіе не совсѣмъ отчетливо понимали, что такое классицизмъ и романтизмъ“ (Москвит. 1854 г. № 21, смѣсь, стр. 13). Изъ приведенныхъ словъ ясно, что „латынское происхождение“ здѣсь ни при чемъ: литературный интересъ былъ толчкомъ, а „латынское происхожденіе“ лишь развѣ при томъ, что рѣчь была написана по латыни. Она явилась какъ будто независимо отъ диссертациі Н. И. Надеждина, о которой К-ій узналъ во время печатанія своей рѣчи (см. приписку въ концѣ рѣчи, стр. 21). Но кое-что о взглядахъ Надеждина знать онъ могъ и до того времени: въ Вѣстн. Евр. 1830 г. № 1 появился отрывокъ изъ диссертациі (по словамъ ред. М. Т. Каченовскаго, заключеніе ея) подъ заглавіемъ „О настоящемъ злоупотребленіи и искаженіи романтической поэзіи“ (онъ перепечатанъ въ „Полномъ собраніи сочиненій В. Г. Бѣлинскаго“, подъ ред. С. Венгерова, I (Спб. 1900), 499—524). Примѣчаніе Каченовскаго, что цѣлю „Опыта“ (диссертациі) Надеждина было „преимущественно показать, что споръ между классицизмомъ и романтизмомъ возникъ единственно отъ недоразумѣнія обѣихъ сторонъ“, и могло служить для Кулжинскаго побужденіемъ взять темой для рѣчи этотъ модный вопросъ; ср. выше цитату изъ его „Воспоминаній учителя“. Вопросъ о романтизмѣ, видимо, и послѣ интересовалъ Кулжинскаго, какъ можно заключать по тому, что въ 1846 г. (Москвитанинъ, ч. IV, № 7, стр. 51—64) онъ вернулся къ нему, а въ 1850 году счелъ не лишнимъ перепечатать сказанное въ 1846 г. (см. Сочиненія К-аго, I (Спб. 1850), 179 и сл.).

¹⁰⁶⁾ Излагаю содержаніе этой рѣчи довольно подробно потому, что книжка К-аго, какъ изданіе провинціальное, а потому довольно рѣдкое, остается до сихъ поръ не замѣченной излѣдователями исторіи романтизма у насъ: о ней нѣтъ упоминанія ни у Н. К. Козмина (Очерки изъ исторіи романтизма, Спб. 1903, см. гл. „Сужденія о классической и романтической литературахъ“ (315—465), гдѣ ожидалось бы это упоминаніе), ни у И. И. Замотина (Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол., 321—377); нѣтъ упоминанія и о книжкѣ Вильмена—*Nouveaux mélanges historiques et littéraires* (1827), одномъ изъ главныхъ источниковъ Кулжинскаго (ср. у Замотина, у. с., стр. 243—244).

¹⁰⁷⁾ Также отрицательно отнесся къ Аристотелю въ этомъ случаѣ и Д. В. Веневитиновъ (Сынъ Отечества, 1825, ч. 100, № 8; цитата по Козьмину, у. с. 319).

¹⁰⁸⁾ Вотъ слова К-аго: „*Poesin esse non nisi artem, quae, sibi propriis mediis, exerit et quasi enucleat ideam Pulchri*“ (12).

¹⁰⁹⁾ Далѣе—примѣры изъ Жуковскаго, Ѳ. Глинка. Нѣчто въ этомъ родѣ высказывалъ и Надеждинъ въ „Атеней“ 1830 г. (№ 1, ст. „Различіе между классическою и романтическою поэзію, объясняемое изъ ихъ происхожденія“): греческій геній отмѣчается опредѣленнымъ единствомъ идей и формъ; у грековъ же „первообразъ изящества составляла для нихъ вѣшняя, матеріальная сторона бытія, чувственная гармонія физической природы“; чѣмъ самобытнѣе, чище было творчество грековъ, тѣмъ „ощутительнѣе выражалось въ немъ торжество матеріи подъ духомъ, формъ

надъ идеями“. Таже у Надеждина и роль христіанства, явившагося на развалинахъ античнаго міра: „Христіанство, проповѣдуя безусловное торжество внутренняго, безплотнаго челоуѣка надъ тѣлеснымъ и внѣшнимъ, должно было сосредоточить всѣ движенія обновленной имъ жизни за предѣлами чувственнаго міра въ незримой безднѣ духовнаго бытія“. „Итакъ, заключаетъ Н-ъ, нѣтъ сомнѣнія, что направленіе новаго европейскаго искусства заключается въ стремленіи къ одухотворенію вещественной жизни, къ просвѣтлѣнію внѣшней красоты формъ незримымъ, идеальнымъ изяществомъ“ (по книгѣ Н. К. Козьмина, стр. 441, 442, 443). И эту статью могъ, какъ и въ Вѣстн. Евр. (см. пр. 105.), имѣть уже К-ій; ср. еще совпаденія относительно „Безконечнаго, какъ сущности изящнаго“ у Надеждина и К-аго (*Idea infiniti Entis*, р. 13)—у Козьмина, у. с., 447.

¹¹⁰⁾ Эту же роль приписываетъ трубадурамъ и Н. И. Надеждинъ; см. Вѣстн. Евр. 1830 г. № 1 (по перепеч. у Венгерова—Вѣлинскій, I, 502).

¹¹¹⁾ Имѣется въ виду въ качествѣ „старшаго“, конечно, В. Л. Пушкинъ.

¹¹²⁾ Полагаю не лишнимъ привести въ подлинникѣ отзывъ о Пушкинѣ, до сихъ поръ, кажется, не отмѣченный въ *Puskiniana*'хъ: „*Omnibus tamen his posthabitis, nunc in patria nostra avidè legitur Puschkin junior, qui tamen ad romanticam scholam quoad externam modo partem suorum poëmatum pertinet—intime avidus cultor classicismi. Durum est, attamen veritas jubet fateri, hunc poëtam nobis majora pollicitum esse, et, proh dolor, expectationibus nostris hucusque minus satisfecisse....*“

¹¹³⁾ Не излагая подробно взглядовъ Н. И. Надеждина на романтизмъ и его будущее, ограничусь приведеніемъ лишь тезисовъ диссертаціи его, напечатанныхъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (1830 г., № 8, стр. 401—402): I. Гдѣ жизнь, тамъ поэзія; II. Поэзія, сама въ себѣ единая (ср. Кулжинскаго, выше), разнообразна въ своихъ видоизмѣненіяхъ; III. Видоизмѣненія поэзіи опредѣляются духомъ возраста рода челоуѣческаго, въ коемъ она существуетъ; IV. Три видоизмѣненія принимала доселѣ поэзія, являвшіеся: *первобытною, классическою и романтическою*; V. Романтическая поэзія существовала и уже не существуетъ; VI. Періодъ романтической поэзіи ограничивается пространствомъ временъ, именуемыхъ *средними*; VII. Для поэзіи романтической высочайшій первообразъ составляетъ внутренняя челоуѣческая природа; VIII. Духъ романтической поэзіи былъ развитіе духа временъ среднихъ; IX. Міръ, въ которомъ живемъ мы, отъ временъ среднихъ существенно отличается; X. Романтической поэзіи возстановленіе въ наши времена не возможно; XI. Поэзія, слывающая нынѣ романтическою, представляетъ только живой ея призракъ; XII. Суетныя подражанія романтической поэзіи для нашихъ временъ постыдны и вредны; XIII. Къ предотвращенію порчи, коею живой призракъ романтической поэзіи угрожаетъ иозитическому духу, изученіе *классической* поэзіи представляетъ надежнѣйшее и спасительнѣйшее средство. XIV. Наше отечество преимущественно должно вооружаться изученіемъ классической древности противъ пагубныхъ вторженій лживаго классицизма.—Ср. возраженія Надеждину И. Камашева у Козьмина, у. с. 336—337.

¹¹⁴⁾ Каковы В. Т. Плаксинъ, кн. П. А. Вяземскій; см. Козьминъ, у. с. 323—4,

368 (выписки), 373—4.

¹¹⁵⁾ Кстати отмѣтить, для полноты представленія о К-омъ, какъ теоретикѣ литературы, его позднѣйшее воззрѣніе на классицизмъ: оно уже перестало быть объективнымъ, стало патристическимъ; въ 1846 г. (см. пр. 105) онъ уже пишетъ: „между классицизмомъ и романтизмомъ находится такое же отношеніе, какое между католицизмомъ и протестантизмомъ. Мы не принадлежимъ ни къ тому ни къ другому; слѣдовательно, подражательность наша въ семь случаевъ должна быть, и рѣшительно была, неудачна“ (стр. 185). Заявивъ, что ни католицизмъ, „а слѣдовательно и классицизмъ“, не сообразны съ нашимъ религіозноисторическимъ достоинствомъ, а также и протестантизмъ (это—„ангелъ тьмы, преобразившійся въ Ангела свѣта“) и романтизмъ, авторъ заявляетъ: „Нѣтъ, христіанская религія готова отказаться отъ этой поэзіи, равно какъ и отъ классической.... Не этой литературы требуетъ и наша русская православная природа!“ (193) и т. п. Истинные творцы русской литературы для К-аго, это—Грибоѣдовъ, Скобелевъ, Луганскій (Даль), Загоскинъ, Вапуцкій и комп. (196).

¹¹⁶⁾ Ср. выше, прим. 28, выше также отзывъ его о Гоголѣ. Для сравненія можно взять отношенія К-аго къ младшему товарищу Гоголя, „любимцу“ учителя, Е. П. Гребенкѣ; о послѣднемъ К-ій вспоминаетъ тепло, рассказываетъ, какъ тотъ у него бывалъ, какъ онъ снабжалъ его даже книжками литературнаго содержанія (альманахами). И позднѣе К-ій всегда съ любовью о немъ вспоминаетъ: ѣдучи на Кавказъ, въ Пирятинѣ онъ разыскиваетъ Е. П. Гребенку, не скрываетъ своего предпочтенія его Гоголю, находя, что Гребенка мастерски описываетъ малороссійскіе типы, „ежели только захочетъ писать самъ по себѣ и не старается, безъ всякой надобности, подражать Гоголю“ (Маякъ 1844, XV=Соч. I, 205). Если бы у него отношенія личныя къ Гоголю были иными, то словоохотливый К-ій нашелъ бы, что вспомнить, а не ограничился бы описаніемъ лишь внѣшности эголя, франтящаго послѣ выпуска въ сюртукѣ на клѣтчатою подкладкѣ (Восп. учителя, 5, 6), да нѣкоторыми отзывами далеко не лестнаго, въ лучшемъ случаѣ, безразличнаго характера (ср. Гимн. высш. наукъ и Лицей (Спб. 1881), 271): „я писалъ ему нули да единицы...“ (что, какъ мы теперь можемъ видѣть изъ вѣдомостей самого К-аго, преувеличеніе со стороны мамуариста); или: „Вудучи лѣнивцемъ, Гоголь въ тоже время былъ самымъ благонаправленнымъ юношей и велъ себя благородно (перваго сказать такъ опредѣленно не могъ бы К-ій, учитель, если бы вспомнилъ, напр., случившееся въ бытность его въ Нѣжинѣ; ср. Гоголевскій сборникъ (нѣжинскій), 366—369; ср. Зап. о жизни Гоголя (Кулиша), II, 274—75)... единицы и даже нуль (!) въ ученіи и пять (4? въ гимназій была тогда 4-хъ бальная система) въ поведеніи“ (Воспом. учителя 5, 6). Наконецъ, какъ то нехотѣ признается К-ій, что то, что Гоголь былъ terra rudis et inculta, не зналъ спряженія глаголовъ ни на одномъ языкѣ, не помѣшало ему сдѣлаться первокласснымъ писателемъ-художникомъ (Гим. и Лиц., 271). Если мы и не въ правѣ утверждать, что учитель К-ій относился отрицательно къ своему ученику Гоголю, то, несомнѣнно, въ правѣ заключать, что въ Нѣжинѣ они были лично другъ другу чужды.

117) Письма Н. В. Гоголя, ред. В. И. Шенрока, I, 65. Для ясности понимания этого письма—нѣсколько справокъ: о томъ, что К-ій прибѣгалъ къ покровительству и защитѣ конференціи гимназій, въ документахъ архива Гимн. высшихъ наукъ слѣда не сохранилось; что конференція его не защитила, если онъ и обращался къ ней, вещь—весьма возможная: опиравшійся на Орлая К-ій не былъ симпатиченъ ей, при томъ чуждой всякой литературы, какъ можно заключать изъ отзыва самого К-аго (см. выше, ср. прим. 30); подъ „стихотворнымъ“ спокойствіемъ надо видѣть намекъ на то, что и, помню „Мал. дер.“, Гоголю и товарищамъ были извѣстны его стихотворенія, помѣщавшіяся въ „Дамскомъ журналѣ“ (о чемъ выше); запираніе К-аго въ канцеляріи, практиковавшееся школярами, объясняется тѣмъ, что К-ій въ это время былъ секретаремъ хозяйственнаго управленія Гимназій и имѣлъ дѣла постоянно съ экзекуторомъ, а имъ въ то время былъ майоръ С. И. Шишкинъ; театр—разумѣется театр въ Гимназій: другого въ городѣ не было. Наконецъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе упоминаемая Гоголемъ комедія-водевиль: „Малороссійская деревня, или Законъ дуракамъ не писанъ“. Была ли сочинена въ Гимназій такая пьеса, или это только выдумка учениковъ, желавшихъ подразнить „почтеннаго князя“? Съ другой стороны, мы знаемъ изъ воспоминаній Г. И. Высоцкаго (корреспондента Гоголя), что Гоголь написалъ (когда? когда еще Высоцкій былъ въ Гимназій, откуда онъ вышелъ въ 1826 г.?) сатиру на жителей г. Нѣжина подъ заглавіемъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или Дуракамъ законъ не писанъ“, знаемъ даже кое-что объ ея содержаніи или составѣ; наконецъ, тотъ же Высоцкій имѣлъ даже рукопись этой сатиры, впоследствии уничтоженную Гоголемъ (П. А. Кулишъ, Записки о жизни Н. В. Гоголя, I, 24—25, отсюда В. И. Шенрокъ, Матеріалы, I, 87; ср. Сочин. Гоголя, VII, 951). Въ какомъ отношеніи находятся между собой эти два сообщенія: Гоголя и Высоцкаго? Если сатира Гоголя появилась еще тогда, когда Высоцкій былъ въ Гимназій, то Гоголь бы, навѣрное, тѣмъ нибудь отмѣтилъ это въ письмѣ къ Высоцкому, разъ сопоставили „Мал. дер.“ и сатиру, уже ходившую по рукамъ въ 1826 году; въ такомъ случаѣ ничего общаго по содержанію съ „Малор. дер.“ она не имѣла, что похоже на правду, если вспомнимъ главы этой сатиры, какъ ихъ передалъ Высоцкій (Освященіе церкви на Греческомъ кладбищѣ, Выборъ въ греческой магистратъ, Всеѣдная ярмарка, Обѣдъ у предводителя П., Роспускъ и сѣздъ студентовъ). При сочетаніи же „Мал. дер.“ и „Законъ дуракомъ не писанъ“ (по письму Гоголя) выходитъ, что это была сатира (м. б. пародія въ драматич. формѣ—водевила) на „Мал. дер.“, и если и была такая комедія-водевиль сочинена школьниками, она не имѣла отношенія къ болѣе ранней пьесѣ Гоголя, извѣстной Высоцкому въ рукописи. Допустить путаницу въ воспоминаніяхъ Высоцкаго трудно: ужъ очень точно и опредѣленно передается фактъ. Откуда это совпаденіе? Можетъ быть, Высоцкому позднѣе (когда онъ былъ уже въ Петербургѣ) стала извѣстна пьеса Гоголя и онъ комедію-водевиль назвалъ сатирой? И это едва-ли возможно: самъ Высоцкій сообщаетъ, что Гоголь, находясь еще въ Гимназій (стало быть, до мая 1829 г.), выписалъ ее отъ него и не воротилъ назадъ. Составъ пьесы, приводимый Высоцкимъ, говоритъ будто бы за то, что Высоцкій не ошибся

назвавъ ее сатирой, а не комедіей-водевилемъ. Также мало вѣроятно и предположеніе, что Гоголь уже въ отсутствіе Высоцкаго сочинилъ (стало быть въ 1827 г.) пародію на „Мал. дер.“ и послалъ ее Высоцкому: содержаніе пьесы опять таки не подойдетъ къ содержанію „Мал. дер.“, пародируемой Гоголемъ и намъ извѣстной. Какъ бы мы ни рѣшали эту загадку, остается однако яснымъ, что книжка К-аго, уже извѣстнаго школьникамъ и раньше въ качествѣ писателя, обратила на себя вниманіе и Гоголя, который поспѣшилъ обозвать ее литературнымъ уродомъ, перенеся, м. б., отчасти свое чувство къ не уважаемому учителю латыни и на книгу писателя-этнографа и чувствительника.

¹¹⁸⁾ Моск. Тел. 1827 г. февр. (начало) могъ прочесть уже и Гоголь до письма Высоцкому, получая всѣ литературныя новости (а въ томъ числѣ и М. Т.) изъ Кибинцевъ или Яресекъ (Ср. Письма, ред. Шенрока, I, 19, 21.). Сюда слѣдуетъ присоединить выписки „уродствъ“ „Мал. дер.“, сдѣланныя (примѣнительно къ указанному нами возрѣнію Гоголя) у П. В. Владимірова: „Изъ ученич. лѣтъ Гоголя“ (Кіевъ 1890), стр. 23—24.

¹¹⁹⁾ Моск. Телегр. ук. кн., Вѣстн. Евр. 1827 г. № 12, гдѣ въ концѣ письма Цертелева къ Максимовичу (стр. 278) есть его отзывъ о рецензій Галуховскаго по поводу „Мал. дер.“. „Опытомъ“ Цертелева Гоголь, какъ извѣстно, пользовался въ своей, „Книгѣ всякой всячины“ (см. прим. 74).

¹²⁰⁾ „Книга всякой всячины“, начатая въ 1826 г. и продолжавшая пополняться приблизительно до 1835 г., въ выдержкахъ напечатана—Соч. Гог. VII, 873—891; въ письмахъ сюда болѣе или менѣе относится (по изд. подъ ред. Шенрока): I, 119, 122, 123, 144, 190, 238, 263, 269, 272, 279, 286, 299 (за періодъ 1829—1834 г.) и др.; ср. „О Малороссійскихъ пѣсняхъ“—V, 287, „Взглядъ на составленіе Малороссіи“—V, 197; первая статья 1833 г., вторая 1832-го.

¹²¹⁾ Первое письмо къ Максимовичу помѣчено декабремъ этого года, но по содержанію показываетъ, что сближеніе началось уже раньше (I, 230—231); ср. Сочиненія, VII, 877 (слова на ж, з), 880 (слова на м)—заимствованія изъ Максимовича въ „Книгѣ всякой всячины“.

¹²²⁾ Хотя въ нашу задачу и не входитъ изученіе источниковъ Максимовича, всетаки не будетъ лишнимъ указать хотя бы на нѣкоторые: начало предисловія (о національномъ значеніи народной поэзіи) взято изъ письма Цертелева (272); сближеніе малорусскихъ пѣсней съ новогреческими сдѣлано имъ не безъ вліянія съ одной стороны статьи *Бродзинскаго* „О народныхъ пѣсняхъ славянъ“ (В. Е. 1826, № 13), съ другой—*Гнѣдича* „Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ“ (Спб. 1825) (гдѣ южанинъ Гнѣдичъ съ большой любовью говоритъ о малорусскихъ пѣсняхъ, вспоминаетъ о видѣнномъ имъ бандуристѣ, 30—31); общая характеристика малорусскихъ пѣсней сравнительно съ русскими построена опять на статьяхъ *Цертелева* (письмо, Опытъ (1819)), а также *Глаголева*, о которыхъ мы упоминали выше. Изъ письма Цертелева идетъ и о трехъ элементахъ, вошедшихъ въ характеръ малороссовъ (стр. V): наѣздническомъ, пастушескомъ и земледѣльческомъ; а Цертелевымъ эта мысль была высказана по поводу рецензій *Пеуъ-Галуховскаго* (Моск. Тел. 1827) на книгу Кул-

жинскаго. Составляя словарь къ книжкѣ, Максимовичъ перечисляетъ словарчики, прилагавшіеся къ русско-малорусскимъ книгамъ (Котляревскій (Энеида), Павловскій (Грамматика), Цертелевъ (Опытъ), Войцеховичъ), но о Кулжинскомъ не упоминаетъ. Кажется, книга *Кулжинскаго* стала извѣстна Максимовичу, когда его предисловіе (оно подписано: 1827 г. 20 апр.) и собраніе были уже почти кончены; въ его собраніи есть пѣсни, помѣщенные также у Кулжинскаго (цѣликомъ и въ отрывкахъ; ср. стр. 47, 96, 115, 126, 128, 131, у Макс. стр. 167 (№ 10), № XLIX, XLVIII, LXXV, LXXXVIII, LXXXVII); но всѣ онѣ, за исключеніемъ одного отрывка (у Максимовича цѣликомъ) представляютъ *варианты* сравнительно съ тѣми, что у К-аго; пѣсня „И шумѣ и гудѣ“, которая цѣликомъ у К-аго (122), у Макс. упомянута (XI стр.), какъ общеизвѣстная, и въ собраніе не вошла; объясненіе барвенка и руты (Кулж., 25), которыхъ касается и Макс. (XVII стр.), у него совершенно иное; только въ концѣ книжки, въ примѣчаніяхъ (221), по поводу „обжинокъ“ Макс. ссылается на книжку Кулжинскаго, не указывая даже страницы, но и тутъ приводитъ *свое* описаніе „обжинокъ“.

¹²³⁾ Напр., въ его „Взглядъ на составл. Малороссіи“ (V, 206) о вліяніи азіатчины на типъ малоросса (у Макс., стр. IV—V).

¹²⁴⁾ Ср. выше выписки изъ Кулжинскаго (Мал. дер., 76, 77); также 82: „Вся нынѣшняя Малороссія есть не что иное, какъ обширное кладбище, сохраняющее въ себѣ остатки древнихъ сыновъ брани.... Ахъ, кому не любопытно узнать исторію Черны“.... (рѣчь идетъ объ отзвукахъ старинныхъ преданій).

¹²⁵⁾ Соч. Гоголя, изд. XII (1894), II, 6 и „Малоросс. дер.“, стр. 41.

¹²⁶⁾ Кстати замѣтить, что въ общемъ описаны вечерницы у Кулжинскаго очень правильно; поэтому замѣчается у него и сходство съ такимъ же описаніемъ у Гоголя. Вотъ описаніе Кулжинскаго: „Сперва на вечерницы собираются одѣ красныя дѣвушки — каждая съ пряслицей, или съ другимъ какимъ рукодѣліемъ; садятся въ кружокъ, и затанувши заунывную пѣсню, принимаются за дѣло. Соскучившись пѣть, рассказываютъ по очереди страшныя и веселыя сказки, смѣются одна изъ другой, выдумываютъ новыя шутки, и—опять поютъ пѣсни.... Вдругъ съ радостнымъ шумомъ отворяется дверь, и деревенскіе парни въ сопровожденіи музыкантовъ являются на вечерницы! Веретена и пряслицы полетѣли подъ лавку, и праздникъ любви начинается шумною пляскою!...“ (Малор. дер., стр. 55—56). Конечно, у Гоголя, какъ сильнаго художника, тотъ же матеріалъ далъ болѣе рельефную, выпуклую, живую картину, нежели у чувствительно настроеннаго Кулжинскаго.

¹²⁷⁾ О „нѣгѣ“ не говорятъ ни Цертелевъ, ни Максимовичъ.

¹²⁸⁾ „Наши прогрессисты“, статья К-аго въ „Благовѣстѣ“ 1883 г., № 19—20.

¹²⁹⁾ Тѣ же буквально мысли, даже буквально тѣми же словами, и въ газетѣ „Русскій“ 1868 г. № 127; здѣсь, кромѣ того, есть и личное воспоминаніе о Гоголѣ: „Достойно замѣчанія, что какъ будто нарочно и Гоголь очень плохо учился, хотя кончилъ курсъ Нѣжинской гимназій, но въ ней ничему, даже правописанію русскому, не хотѣлъ научиться; не зналъ языковъ, и такъ выступилъ на поприще русской лите-

ратуры.... Въ Гоголѣ, еще съ отроческихъ лѣтъ, было уже замѣтно расположеніе къ авторству, извѣстная школьная болѣзнь, *pruritus scribendi*. Какъ теперь, вижу этого бѣлокураго, кудряваго мальчика, въ сѣромъ гимназическомъ сертучкѣ, пробирающагося въ латинскомъ классѣ на отдаленную, заднюю скамейку, чтобы тамъ подъ шумъ и говоръ переводовъ изъ латинской хрестоматіи, свободно читать какой-нибудь литературный журналъ или альманахъ, или же строчить какую-нибудь карриатуру“. Эта замѣтка даетъ съ одной стороны знакомый взглядъ К-аго на плохого ученика Гоголя (ср. выше, прим. 28), съ другой стороны, можетъ быть, косвенно намекаетъ на изложенную выше исторію съ „Малороссійской деревней“: я имѣю въ виду конецъ замѣтки о томъ, что Гоголь не только увлекался чтеніемъ (фактъ, хорошо извѣстный и изъ другихъ источниковъ), но на урокахъ „строчилъ“ и карриатуры, конечно, прежде всего на учителя, въ данномъ случаѣ автора „Малор. деревни“ на его урокахъ латинской грамматики (ср. также выше, прим. 30).

Сочиненія И. Г. Кулжинскаго.

1) Нѣкоторыя замѣчанія касательно исторіи и характера малоросійской поэзіи.—„Украинскій Журналъ“ 1825 г., № 1, стр. 43—54; № 2, стр. 89—100; № 3, стр. 178—187.

2) Нѣкоторыя черты о воспитаніи.—Тамъ же, 1825 г., № 4, стр. 235.

3) Пѣсня.—Тамъ же, 1825 г. № 5, стр. 305.

4) О латинскомъ языкѣ.—Тамъ же, 1825 г., № 23—24, стр. 323.

5) Эпитафія. Семилѣтнему юношѣ Г. П. Глбскму.—„Дамскій Журналъ“, 1825 г., № 19 (окт.), стр. 19.

Не 10-я стр., какъ указано въ „Лицеѣ кн. Безбородко“ (1859).

Стихотвореніе помѣчено: „Черниговъ. 18 іюня 1825 г.“. Г. П. Глбскій, вѣроятно,—Г. П. Глбзовскій, на сестрѣ коего Еленѣ Пантелеймоновѣ въ этомъ году женился И. Г. Кулжинскій.

6) Рѣчь Ромула къ похищеннымъ Сабинянкамъ (изъ Тита Ливія, кн. I).—Тамъ же, 1825 г. № 20 (окт.), стр. 65—66.

Помѣта: „Нѣжинъ“; писано, стало быть, не ранѣ августа этого года.

7) Мой геній (стихотв.).—Тамъ же, 1826 г., № 4, стр. 159—161.

Помѣта: „Нѣжинъ 1825“.

8) Эпитафія Е. Ф. Мску.—Тамъ же, 1826 г., № 10, стр. 150.

9) „Блаженъ, кто садъ имѣетъ свой“ (стихотв.).—Тамъ же, 1826 г., № 12, стр. 237.

Помѣта: „Нѣжинъ“; подпись: И. К.. Стихотвореніе безъ заглавія, въ „Лицеѣ кн. Безбородко“ озаглавлено: „Блаженство“.

10) Бажанову Е. И. (стихотв.).—Тамъ же, 1826 г., ч. 15, стр. 58—60.

Стихотвореніе помѣчено 1825-мъ годомъ и снабжено припиской редактора (кн. Шаликова): „Издатель позволяетъ себѣ просить любезнаго поэта нѣсколько болѣе заботиться о приемахъ, которыя въ прекрасныхъ его стихахъ не всѣ богаты“.

11) Казацкая пѣсня (стихотв.).—Тамъ же, 1826 г., ч. 18, стр. 222—223.

Помѣта: „Нѣжинъ“.

12) Малороссійская деревня. Москва, 1827 г., 16°, IX+136+4
нумер.

Въ типографіи Имп. Моск. театра у содержателя А. Похорскаго. Цѣна 2 р. с. Цензурное разрѣшеніе 1825 г. окт. 12 дня. Составъ сборника: „Вмѣсто предисловія“ (V—IX), Весна въ Малороссіи (1—40), Обжинки (41—52), Вечерницы (53—71), О малороссійской поэзіи (72—117; примѣчаніе: „Сія піеса была уже напечатана въ Украинскомъ Журналѣ (см. наст. списокъ № 1—3); но здѣсь она представляется съ большею исправностью“), Малороссійскія пѣсни (118—136), Изъясненіе малороссійскихъ словъ, находящихся въ сей книгѣ (1—4 нум.). Отзвы объ этой книгѣ: „Дамскій Журналъ“ 1827 г., ч. 17, стр. 209—210; „Московск. Телеграфъ“ 1827 г., ч. 13, стр. 230—236 (№ 4, отд. библиографіи, статья Н. Пецъ-Галуховскаго), „Вѣстн. Европы“ 1827 г. № 12, стр. 277 (замѣтка кн. Цертелева); письмо Н. В. Гоголя къ Высоцкому („Письма“, ред. В. Шенрока, I, 65). Ср. Н. К. Козьминъ „Очерки изъ исторіи русскаго романтизма“ (Спб. 1903), стр. 55; Отчетъ о XXIX присужденіи Уваровскихъ премій (Спб. 1888), стр. 48, прим. 2 (статья Н. П. Дашкевича); П. В. Владиміровъ „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя“ (Кіевъ 1890), стр. 18—24.

13) Безсонница (стихотв.).—„Дамскій Журн.“ 1829 г., № 24 (ч. 26, іюнь), стр. 167—8.

Подпись: „Нѣжинъ.—И. К.“

41) Казацкія шапки.—Тамъ же, 1829 г., № 32 (ч. 27, авг.), стр. 81.

Примѣчаніе: „Сія повѣсть составлена изъ преданія, которое ходитъ въ Малороссіи“. Ср. драматическую обработку этой повѣсти: „Геройскій подвигъ нѣжинскихъ казачекъ.... въ 1709 г.“ А. В. Тупалова, Спб. 1873.

15) Знакомство съ меценатомъ (повѣсть).—Тамъ же, 1827 г., № 33, стр. 97.

16) Терешко—малороссійская повѣсть.—Тамъ же, 1829 г., № 34, стр. 113—119; № 35, стр. 129—136.

Къ конечнымъ словамъ повѣсти („благословляю моихъ читателей (si dantur) за ихъ терпѣніе“) примѣчаніе издателя журнала: „Ручаюсь—по крайней мѣрѣ за *читательницы*—что онѣ.... благодарятъ любезнаго автора за милую повѣсть, разсказанную съ такимъ живымъ чувствомъ, съ такимъ необыкновеннымъ мастерствомъ“.

17) Три сестры—аллегорическая повѣсть.—Тамъ же, 1829 г., № 36 (ч. 27, авг.), стр. 145—153.

Послѣднія четыре повѣсти съ прибавленіемъ еще одной (Исторія женитбы) должны были выйти также отдѣльнымъ изданіемъ, но, сколько мнѣ извѣстно, изданіе это не состоялось. Въ „Дамскомъ Журналѣ“ 1828 г. (ч. 22, стр. 214) находимъ такую замѣтку и объявленіе: „На

сихъ дняхъ вышла изъ цензуры и поступаетъ въ печать новая книга подъ названіемъ: „Повѣсти И. Кулжинскаго“, съ эпиграфомъ изъ Карамзина: „Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе русскихъ“. Повѣсти, составляющія сію книгу, суть слѣдующія: Газацкія шапки— Знакомство съ меценатомъ—Терешко, малорос. повѣсть—Исторія женитбы—Три сестры. На полученіе сей книги открылась подписка. Подписная цѣна за одинъ экземпляръ на хорошей бумагѣ 5 рублей ассигнаціями и съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи. Имена г-дъ Субscribersовъ будутъ пропечатаны при самой книгѣ. Съ требованіями благоволятъ относиться къ самому сочинителю, надписывая на пакетѣ такъ: *Его Благородію, Ивану Григорьевичу Кулжинскому, въ Нѣжинѣ*“. Изданіе въ свѣтъ такъ и не вышло: еще въ 1829-мъ году перечисленныя повѣсти по одиночкѣ появляются на страницахъ „Дамскаго Журнала“ (см. наст. списокъ № 14—17); по библиографическимъ указателямъ такой книжки Кулжинскаго также не оказывается; нѣтъ ея и въ перечняхъ сочиненій Кулжинскаго у Н. В. Гербеля („Гимн. высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко“ (Спб. 1881), стр. 273).

18) Эпитафія матери.—Тамъ же, 1829 г., № 37, стр. 168—169.

19) Рѣчь о различіи между классическою и романтической поэзіей, произнесенная въ торжественномъ собраніи Слободско-Украинской гимназіи 29 іюня 1830 года старшимъ учителемъ Иваномъ Кулжинскимъ. Харьковъ, 1830, 8^о, 22 стр. (на латинскомъ языкѣ).

Рѣчь посвящена попечителю Харьковскаго округа В. И. Филатьеву. Въ концѣ ея примѣчаніе: „Сейчасъ только досталъ и прочиталъ я превосходную диссертацію г. *Надеждина*, De origine, natura et fatis poëseos quae romantica audit ect. Mosquae 1830. Чувствую, что моя рѣчь послѣ этого дѣлается лишнею для нашей публки; но... случай, время и мѣсто, назначенныя мнѣ для произнесенія Рѣчи, пусть будутъ моимъ оправданіемъ. К. 3 іюля 1830“. Позднѣе перепечатана, см. № 25.

20) Таблица латинской этимологіи, для облегченія учащихся въ повтореніи. Харьковъ, 1831, листъ.

Этой таблицы въ библіотекахъ, бывшихъ мнѣ доступными, мною найдено не было. Д. Д. Языковъ („Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ писателей“, IV, 39) знаетъ лишь второе изданіе (Кіевъ, 1839). См. примѣчаніе къ слѣдующему номеру.

21) Таблица латинскаго синтаксиса, для облегченія учащихся въ повтореніи. Харьковъ, 1831, листъ.

Объ этихъ двухъ таблицахъ упоминаетъ К-ій въ автобіографіи: „полезнѣйшимъ сочиненіемъ моимъ я считаю изданныя мною таблицы латинской этимологіи и синтаксиса, которыя два раза были печатаемы,

въ Харьковѣ и въ Кіевѣ“ (Гимн. высшихъ наукъ и Лицей кн. Безб. (Спб. 1881), стр. 293). Таблица синтаксиса (экземпляръ ея есть въ библиот. Главн. архива Мин. Иностр. дѣлъ, въ Москвѣ) представляетъ листъ, развернутый и разграфленный кѣтками, въ которыхъ напечатаны правила; цензурная помѣта: 21 февр. 1831 г., Москва, И. Снегиревъ. Кіевское изданіе (1839 г., по Языкову, у. с.) мнѣ не встрѣтилось. Ср. Опытъ исторіи Харьковск. университета (Зап. универс. 1904 г., II, 66).

22) Краткая грамматика русскаго языка для благородныхъ воспитанницъ Харьковскаго Института. Харьковъ, 1832, 8^о, III+103 стр.

Университетская типографія. Предисловіе помѣчено 4-мъ окт. 1831 г. Отрывки изъ этой грамматики печатались раньше, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1830 г. Отзывъ о книгѣ: „Московск. Телеграфъ“, ч. 46, стр. 242—246. Ср. Межовъ „Каталогъ Вазунова“ (Спб. 1869), № 9363, также ср. „Опытъ исторіи Харьк. унив.“ (Зап. у-а, 1904 г., II, 66).

23) Оедюша Мотовильскій—украинскій романъ. Москва, 1833, 16^о, 135 стр.

Университетская типографія. Цензурное разрѣшеніе 9 дек. 1832 г.

Раньше романъ печатался въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ (1830, IV, стр. 9).

24) Эмеритъ—литературные очерки. Москва, 1836, 12^о, 105 стр.

Отзывъ: „Молва“ 1841 г., ч. 17—18, гл. 8, стр. 9—25; ср. Межовъ „Каталогъ Вазунова“ № 10344. Цензурное разрѣшеніе 22 марта 1836 г., типографія А. Семена. На книжкѣ эпиграфъ: *Nisi utile est, quod fecimus, stulta est gloria.*

25) Рѣчи, произнесенныя въ разныя времена директоромъ Клеванской гимназіи Иваномъ Кулжинскимъ. Москва, 1837, 16^о, 76 стр.

Университетская типографія. Цензурное разрѣшеніе 2 мая 1837 г. (М. Каченовскій). Здѣсь помѣщены рѣчи: при открытіи педагогическаго совѣта Луцкой гимназіи 22 ноября 1832 г. (стр. 5), при торжественномъ открытіи Луцкой гимназіи 6 дек. 1832 г. (9), при первомъ выпускѣ воспитанниковъ Луцкой гимназіи 29 іюня 1834 г. (16), на торжественномъ актѣ Клеванской (прежде бывшей Луцкой) гимназіи 29 іюня 1836 г. (21), при торжественномъ открытіи Клеванскаго уѣзднаго училища 15 марта 1833 г. (35), при погребеніи В. Θ. Ольденборгера, учителя Харьковской гимназіи, 8 окт. 1829 г. (41), въ торжественномъ собраніи Харьковской гимназіи (45; см. выше № 19), о славянскомъ языкѣ (читано въ экстраординарномъ собраніи Московскаго Общества Любителей Россійской словесности 15 марта 1829 года, 64).

26) О значеніи Россіи въ семействѣ европейскихъ народовъ. Москва, 1840, 8^о, 27 стр.

Университетская типографія.

27) Утренняя свѣтлаго воскресенія.—„Маякъ“ 1840 г., № 5.

- 28) Вечерня.—Тамъ же, 1840 г., № 10.
- 29) Русская книга для грамотныхъ людей. Спб., 1841, 8^о, II+54 стр.
Типографія Имп. Акад. Наукъ. Цѣна книжки назначена 7 коп. сер.
Подпись: „Сочиненіе И. К.“. Отзывъ: „Маякъ“ 1842 г., т. III, кн. 5,
гл. 4, стр. 1—65 (ср. Межовъ „Кат. Базунова“ № 9324).
- 30) Кочубей, драма въ трехъ дѣйствіяхъ.—„Русская Бесѣда“,
собраніе сочиненій русскихъ литераторовъ въ пользу А. Смирдина,
т. I (Спб. 1841), стр. 1—40.
- 31) Современные вопросы.—„Маякъ“, 1842 г.
Примѣчаніе автора: „Писано въ 1842 г.“; второе заглавіе:
„Письмо къ редакторамъ Маяка“.
- 32) Уѣздный судья.—„Маякъ“, 1842 г., № 5, стр. 45; № 7,
стр. 6; № 9, стр. 25.
- 33) Юродивый, драма въ 4-хъ д.—Тамъ же, 1842 г., № 7, стр. 31.
- 34) Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь.—Тамъ же, 1843 г.,
№ 14, стр. 109—120.
- 35) Очная ставка русскимъ обычаямъ: православнымъ и замор-
скимъ, старымъ и новымъ.—Тамъ же, 1843 г., № 21, стр. 1—51.
Въ X главу (Живопись) этой главы вошли двѣ, ранѣ напечатанныя
въ томъ же журналѣ (у насъ № 27 и 28).
- 36) Утреннія молитвы.—Тамъ же, 1843 г., № 24.
- 37) О настоящемъ состояніи и о будущихъ надеждахъ народнаго
просвѣщенія въ Закавказскомъ краѣ—Рѣчь директора Закавказскихъ
училищъ надворнаго совѣтника Ивана Кулжинскаго.—Торжественный
актъ Тифлисской гимназіи 24 окт. 1843 года, стр. 7—18, 16^о.
Тифлисъ, 1843. Типогр. Я. и Д. Арзановыхъ.
- 38) Поѣздка въ Грузію.—„Маякъ“, 1844 г., т. XV, стр. 120.
- 39) Задача человѣческой жизни. Спб., 1846 г. 8^о, 82 стр.
Цѣна книгъ назначена 40 коп. сер. Это—№ 5 части II „Библиоте-
ки назидательнаго чтенія“, серіи, издавшейся В. А. Васильевымъ.
- 40) Могила Грибоѣдова.—„Москвитянинъ“ 1846 г., ч. IV, № 7,
стр. 51—64.
- 41) Сочиненія, часть первая. Спб., 1850 г., 8^о, 456 стр.
Морская типографія. Изданіе В. А. Васильева. Болѣе напечатано не
было. Въ составъ этого сборника вошли большею частію, статьи, напечатанныя
ранѣе, преимущественно въ „Маякъ“, а также и отдѣльно: О значеніи
Россіи (1840), Уѣздный лѣкарь, Юродивый (1842), Могила Грибоѣдова
(1846), Поѣздка въ Грузію (1844), Современные вопросы (1842),
Утреннія молитвы (1843), Опытъ о современной образованности (1843,
изъ „Очной ставки“), Утренняя свѣтлага воскресенія, Проводы (оттуда же),
Отставной профессоръ (1836, иначе: „Эмерить“), Задача человѣческой

жизни (1846), Выдержки из записной книжки (афоризмы), Увы, друзья, на свѣтъ нѣтъ друзей (стихотв.), Обращеніе къ свят. Митрофану (стихотв.). Ср. въ наст. спискѣ №№ 26, 32, 33, 40, 38, 31, 36, 35, 24, 39. О мытарствахъ въ цензурѣ при печатаніи этой книги см. „Истор. Вѣстн.“ 1887 г., XII, 664—679; авторъ этой статьи (В. А. Васильевъ) увѣряетъ, что книга такъ и осталась не вышедшей въ свѣтъ (674). Попавшіе на рынокъ экземпляры—вѣроятно, изъ тѣхъ (десятка полтора), которые издатель „прихватилъ изъ типографіи для себя и для автора на память“ (666). Послѣ смерти И. Г. Кулжинскаго, редакторъ „Благовѣста“ открылъ подписку на полное собраніе сочиненій своего отца, и въ качествѣ перваго тома была намѣчена къ перепечаткѣ эта первая часть, но, кажется, и это изданіе не состоялось (см. „Благовѣстъ“ 1884 г., № 8, стр. 16).

42) Послѣдній день Помпеи.—„Москвитянинъ“, 1851 г. № 24, стр. 529.

43) Семенъ Середа, куренный атаманъ Запорожскаго войска.— Тамъ же, 1852 г., т. IV, стр. 16 и 25.

44) Разсказы изъ русской исторіи для простонароднаго чтенія. Спб., 1853, 8^о, 242 стр.

Типографія Имп. Акад. Наукъ. На книжкѣ цѣна—63 коп. Слѣдующее изданіе въ 1863 г. Рецензія: „Учитель“ 1863 г., № 13—14, т. III, стр. 67 (Е. Кемница).

45) Воспоминанія учителя.—„Москвитянинъ“, 1854 г. № 21, отд. V (Смѣсь), стр. 1—16.

Подписано: И. К.

46) Русскій человѣкъ (стихотв.).—Тамъ же, 1856 г., ч. IV.

47) Современныя идеи православны-ли? Спб., 1858 г., 8^о, 32 стр.

Двѣ статьи подъ этимъ заглавіемъ: первая (писана въ Нѣжинѣ) —Кулжинскаго, носящая второе заглавіе: „О преобразованіяхъ и улучшеніяхъ въ духѣ святаго православія“, вторая—Н. Баркова (35 стр.)

48) Курсъ всеобщей исторіи. Три тома. Спб., 1859, 8^о. 245 + 293 + 229 стр.

Цѣна книги 3 рубля. Отзывы: „Московск. Вѣд.“ 1861 г. № 176 (С. В. Ешевскаго), Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 г. № 4 (ч. 138), стр. 289.

У Межова („Кат. Вазунова“, № 4693) ошибочно приписана Н. Кулжинскому.

49) Автобіографія.—„Лицей кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“ Спб. 1859, 4^о, стр. 111—117.

50) Д. Е. Ясновскій (біографія).—Тамъ же, стр. 81—83.

51) О. О. Шульговскій (біографія).—Тамъ же, стр. 143—144.

Всѣ три статьи, 49—51, (первая съ небольшими измѣненіями) перепечатаны въ „Гимназіи высшихъ наукъ и Лицеѣ кн. Безбородко“, изд. Н. В. Гербея (Спб. 1881), стр. 206, 269, 319. Къ автобіографіи

приложенъ списокъ (крайне не полный) сочиненій И. Г. К-аго, перепечатанъ съ дополненіями (но также съ пропусками) и во второмъ изданіи.

52) Русская правда, литературный альманахъ на 1860 годъ. Кіевъ, 1860, 16^о, 6+332 стр.

Типографія А. Давиденко. Цѣна книги 2 р. с. Имени Кулжинскаго на книгѣ нѣтъ, ни одна статья не подписана. И. Г. Кулжинскому книга приписана въ „Гимн. высш. наукъ и Лиц. кн. Везб.“ (Спб. 1881), стр. 273. По составу самостоятельныхъ статей, писанныхъ (какъ и заявлено въ предисловіи) въ духѣ идей „русскаго православія, самодержавія и народности“, сборникъ легко могъ выйти изъ подъ пера И. Г. Кулжинскаго. Вторая половина альманаха—литературная: письма А. С. Пушкина, преосв. Иннокентія, И. И. Дмитриева, гр. М. М. Сперанскаго, В. Ганки, гр. Раstopчина, Евг. Болховитинова, кн. А. И. Голицына, В. А. Жуковскаго. Г. Р. Державина, Шада, повѣсти, драматич. произв. „Столѣтіе въ лицахъ“ (стр. 109), составленное изъ дѣйствующихъ лицъ изъ „Бригадира“, „Недоросля“, „Горя отъ ума“ и „Ревизора“ и кончающееся гимномъ: „Боже, царя храни“.

53) Двѣ могилы: св. Игоря, князя—схимника (1147) и кіевскаго митрополита Константина, въ черниговской Спасопреображенской церкви, въ Красномъ теремѣ Мстислава Удалого.—„Черниговскій Листокъ“ 1861 г., № 11.

54) Александръ Герценъ, онъ же Искандеръ.—„Вѣстникъ югозападной и западной Россіи“, т. I (Кіевъ, 1862), № 6 (декабрь), стр. 226—232.

Подпись: И. К.; принадлежность статьи И. Кулжинскому удостоверяется отдѣльнымъ оттискомъ ея, съ автографомъ, въ библиотекѣ Института въ Нѣжинѣ. Этой статьей воспользовался въ значительной ея части И. Г. Кулжинскій въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ (см. наст. списокъ № 92).

55) О зарождающейся такъ называемой малорусской литературѣ. Кіевъ, 1863, 8^о, 32 стр.

Типогр. А. и И. Давиденко; цензурное разрѣшеніе: Кіевъ, 21 дек. 1862 г. Три статьи вмѣстѣ: I. Южнорусскій элементъ, какъ предметъ торговли, II. О малороссійскомъ нарѣчій, III. Дневникъ Т. Г. Шевченко.

56) Святая Русь.—„Вѣстн. ю.-з. и з. Россіи“ 1863 г. кн. 1, стр. 1—11; кн. II, стр. 117—123.

57) Письмо къ издателю львовскаго журнала „Мета“ г. Ксен. Климовичу.—Тамъ же, т. II, кн. 5.

58) Интеллигенція края. Ослы. Домашнія совѣщанія (басни).—Тамъ же, 1863 г., кн. 1, стр. 40—44.

Подпись: И. К.. Басни перепечатаны позднѣе въ отдѣльномъ сборникѣ „Современныя басни“ (Кіевъ, 1864), 21—25 стр. (см. ниже № 72).

59) Нѣскольکو словъ о хохломаніи.—Тамъ же, 1863 г., кн. 2, стр. 31—39 (отд. 3).

Подпись: „Землякъ“; принадлежность Кулжинскому удостовѣряется отд. отт. съ автографомъ въ библ. Института въ Нѣжинѣ.

60) Пастухи и Овцы. Осель и Муравей (басни).—Тамъ же, 1863 г., кн. 2, стр. 140 (отд. 4).

Подпись: И. К.; перепечатано въ „Соврем. басняхъ“ (см. № 72).

61) Опытъ дипломатической записки безъ лукавства и многословія.—Тамъ же, 1863 г., кн. 3, стр. 240—247 (отд. 4).

Подпись И. К.; принадлежность И. К-ому основывается на отд. отт. съ автографомъ въ библ. Института въ Нѣжинѣ.

62) Осель—путешественникъ. Зеркало. Собаки (басни).—Тамъ же, 1863 г. кн. 3, стр. 247—250 (отд. 4).

Подпись: И. К.; переп. въ „Совр. басняхъ“ (см. № 72).

63) Современникамъ (стихотв.).—Тамъ же, 1863 г., кн. 3, стр. 325 (отд. 4).

Подпись: И. К.

64) Конгрессъ. Осель педагогъ (басни).—Тамъ же, 1863 г., кн. 4, стр. 79 (отд. 4).

Подпись: И. К.; перепеч. въ „Совр. басняхъ“ (см. № 72).

65) Дѣвушка—невѣста (стихотв.).—Тамъ же, 1863 г., кн. 5, стр. 185 (отд. 4).

Подпись: И. К.

66) Послѣднее пятидесятилѣтіе Польши.—Тамъ же, 1863 г., кн. 7, отд. 4, 22 страницы (отд. отт.).

67) Письмо къ Филликсу Фелинскому.—Тамъ же, 1863 г., кн. 10, отд. 4, стр. 66.

68) Исторія Польши. Кіевъ, 1864, 8⁰, 195 стр.

Изданіе Вредихина. Цѣна 1 р. Отзывъ: „Отеч. Зап.“ 1865 г., XII (іюнь, кн. 2). У Межова („Кат. Вазунова“, № 5036) фамилія автора искажена: Кульжинскій.

69) Народная руская исторія. Кіевъ, 1864, 8⁰, 258 стр.

70) Новый взглядъ на хохломанство (физиологическій опытъ). Кіевъ, 1864, 8⁰, 11 стр.

Судя по фармату и печати, повидимому, изъ „Вѣстн. ю.-з. и з. Россіи“. Подпись: „Землякъ“ (ср. выше, № 59). Отд. отт. съ автографомъ К-аго въ библ. Института въ Нѣжинѣ.

71) Сорокалѣтіе Европы, съ 1815 по 1855 годъ. Кіевъ, 1864, 16⁰, 133 стр.

Подпись: И. К. Оттискъ (въ библ. Института съ автографомъ) изъ „Кіевскаго Телеграфа“ 1864 года.

72) Современныя басни. Кіевъ, 1864, 8^о, 34 стр.

Подпись: И. К.; экземпляръ съ автографомъ въ библиот. Института. Кромѣ напечатанныхъ раньше (см. наст. списокъ №№ 58, 60, 62, 64), сюда вошли басни: Медвѣди-туристы, Кошки и Обезьяны, Двѣ сестры, Сторожъ, Прудъ и Море, Ноты, Улей, Цивилизація, Тюлени и Крысы, Пѣтухъ Орлы и Вороны, Змѣи и Караси, Теоретикъ, Литературная штука, Эпилогъ къ баснямъ—всего 23 пьесы.

73) Современный вопросъ (стихотв.).—„Вѣстн. ю.-зап. и зап. Россіи“ 1864 г., кн. 6, отд. 4, стр. 326.

74) Тройка (стихотв.).—Тамъ же, 1864 г., кн. 7, отд. 4, стр. 56.

Подъ обоими стихотвореніями, 73—74, подпись: И. К.

75) Воспоминанія о Волыни.—Тамъ же, 186⁵/₆ г., кн. 1, отд. 4, стр. 1—12; кн. 2, отд. 4, стр. 125—138.

76) Еще воспоминанія о Волыни.—Тамъ же, 186⁵/₆ г., кн. 6, отд. 4, стр. 256—265.

Подъ первой статьёй подпись полная, подъ второй: И. К.

77) По вопросу о народныхъ школахъ.—Тамъ же, 186⁵/₆ г., кн. 10, стр. 59—63.

Подпись: И. К.

78) Сепаратисты (басня).—Тамъ же, 186⁵/₆ г., кн. 10, стр. 66—67.

Посвящается „Учителю“, автору статьи: „Педагогическое значеніе малороссійскаго языка“ въ № 93 „С.-Петербург. Вѣдомостей“.

79) Н. А. Полевой и В. Г. Бѣлипскій (изъ рукописи: „Литературныя воспоминанія“).—Газета „Русскій“ 1868 г., № 114—116.

80) Замѣтка о Гоголѣ и Шевченкѣ. (Второй отрывокъ изъ рукописи: „Литературныя воспоминанія“).—Тамъ же, 1868 г., № 127 и 135.

Обѣ статьи, 79—80, послужили матеріаломъ для одной изъ послѣднихъ работъ автора (см. наст. списокъ № 92).

81) Отвѣтъ „Русскому“, корреспонденту газеты „Вѣсть“.—„Вѣстникъ западн. Россіи“, 1868 г., № 13—19.

Подпись: И. К.; ср. Межовъ, „Ист. рус. слов. 1855—1870“ (Спб. 1872) №№ 2553—2555.

82) Фаддѣй Чацкій, какъ писатель.—Тамъ же, 1870 г., № 7, т. III, стр. 1—12.

83) Стихи и привѣтствіе на юбилей М. П. Погодина.—Пятидесятилѣтіе гражданской и ученой службы М. П. Погодина. М. 1872, стр. 87—88, 94.

Здѣсь воспоминаніе и о Гоголѣ (стр. 87):

„Я Гоголя давно когда-то
Латинской азбукѣ училъ
И память о порѣ той свято
Досель въ смиреніи хранилъ“.

84) Воспоминанія стариннаго черниговскаго семинариста.—„Черниговск. Епархіальн. Извѣстія“ 1877 г. № 7—8.

85) Разборъ сочиненія прот. А. Θ. Хойнацкаго „Очерки изъ исторіи православной церкви и благочестія на Волыни“.—„Волынскія Епарх. Вѣдом.“ 1878 г., № 13, стр. 536—541.

86) Изъ исторіи церковно-приходскихъ школъ въ Россіи. Письма и замѣтки по этому поводу (1872—1881). Кіевъ, 1895.

Издана уже по смерти И. Г. Кулжинскаго по случаю перваго десятилѣтія со времени утвержденія положенія о церковно-приходскихъ школахъ (1884—1894). Брошюра содержитъ письма К-аго: къ митр. Исидору, Арсенію, еписк. А., кн. Ширинскому-Шихматову, гр. А. Д. Блудову, Н. В. Елагину и др. Въ предисловіи, кромѣ краткихъ біографич. данныхъ объ авторѣ, отмѣчено неизвѣстное изъ другихъ источниковъ произведеніе его: „Волѣзні, вздохи и молитвы“ (стихотв.?).

87) Подражаніе 19-му псалму.—„Благовѣсть“ 1883 г. № 2, стр. 11.

88) Подражаніе 3-му псалму.—Тамъ же, 1883 г., № 3, стр. 7.

89) Молитвенное обращеніе къ святителю Николаю.—Тамъ же, 1883 г., № 4, стр. 12.

Включено въ статью Гр. И. Кулжинскаго: „Свѣдѣнія о мѣстности-момъ образѣ св. Николая въ Харьковскомъ соборѣ“.

90) Душе моя, что спиши? (стихотв.).—Тамъ же, 1883 г., № 6, стр. 2.

91) Пасхальная пѣснь.—Тамъ же, 1883 г., № 9, стр. 1.

92) Наши прогрессисты (опытъ литературно-житейскаго изслѣдованія).—Тамъ же, 1883 г., № 17—21.

Содержаніе этой полемической статьи заимствовано въ значительной степени изъ болѣе раннихъ статей автора; ср. наст. списокъ №№ 54, 79, 80.

93) Поѣздка въ Москву и Петербургъ.—Тамъ же, 1884 г. № 8, стр. 6.

Напечатано уже по смерти автора. Содержаніе—встрѣча съ мало-россійскимъ поэтомъ В. Н. Забѣлю, двѣ пѣсни коего и приведены цѣликомъ

Можетъ быть, И. Г. Кулжинскому принадлежит и замѣтка о скверѣ въ Нѣжинѣ и музыкѣ въ немъ, мѣшающей богослуженію въ монастырѣ, находящемся около сквера („Благовѣсть“ 1884 г. № 7, стр. 8): она подписана: И. К-ій. Въ экземплярѣ „Историч. Вѣстн.“ 1887 г., XII, принадлежащемъ бібліотекѣ Института въ Нѣжинѣ, въ статьѣ Д. Д. Языкова объ умершихъ писателяхъ, на стр. 50 (здѣсь списокъ сочиненій Кулжинскаго), рукой А. Θ. Хойнацкаго (законучителя Института и Гимназіи), челоуѣка близкаго И. Г. Кулжинскому, добавлены слѣдующія сочиненія И. Г. Кулжинскаго, оставшіяся мною не разысканными: 1) Надежды, вздохи и молитвы (ср. выше № 86), 2) Акаѣистъ Виленскимъ мученикамъ: Антонію, Іоанну и Евстафію,

3) Воскресеніе и вознесеніе Господа нашего Иисуса Христа (Воскр. Чтеніе), 4) О загробной жизни, 5) Прощальное слово стараго литератора, 6) Правила земледѣлія, 7) Самый главный современный вопросъ, 8) Современныя безобразія, 9) Благодатная святыня Почаевской горы (реценз.), 10) Отголоски (стихотв.), 11) Враждебное чувство, 12) О гимназическомъ воспитаніи и обученіи.

Матеріалы для біографіи и очерка діяльности И. Г. Кулжинскаго.

1) Воспоминанія учителя (Москвитянинъ, 1854 г., № 21, смѣсь, стр. 1—16)—автобіографич. характера.

2) Автобіографія (Лицей кн. Безбородко, Спб. 1859, 4^о, стр. 111—117). Перепечатано съ небольшими измѣненіями въ „Гимназіи высшихъ наукъ и Лицеѣ кн. Безбородко“ (Спб. 1881), стр. 269—274.

3) Воспоминанія о Воляни (Вѣстн. югозап. и зап. Россіи, 1865 г., кн. 1, отд. 4, стр. 1—12; кн. 2, отд. 4, стр. 125—138)—автобіограф. характера.

4) Еще воспоминанія о Воляни (тамъ же, кн. 6, стр. 256—265)—того же характера.

5) Воспоминанія стариннаго черниговскаго семинариста (Черниг. Епарх. Изв., 1877 г. № 7—8)—того же характера.

6) Поѣздка въ Москву и Петербургъ („Благовѣсть“, 1884 г. № 8)—того же характера.

7) *И. Г. Кулжинскій*. Изъ исторіи церковно-приходскихъ школъ въ Россіи. Кіевъ, 1895.—Въ предисловіи издателя краткія біографич. свѣдѣнія.

8) *Д. Д. Языковъ*. Обзоръ жизни и трудовъ умершихъ писателей, IV, стр. 49.—Краткая біографія и списокъ трудовъ, но не полный, съ ошибкой: вм. „Украинскаго Журнала“ цитируется „Украинскій Вѣстникъ“, въ которомъ К-ій не участвовалъ.

9) „Русскій біографич. словарь“, изд. Имп. Рус. Ист. Общ. подъ ред. А. А. Половцова, томъ „Кнаппе-Кюхельбекеръ“ (Спб. 1903), стр. 539.—Краткая поверхностная біографія, перечень нѣкоторыхъ сочиненій, общая краткая характеристика, нѣсколько странная.

10) *Брокгаузъ-Эфронъ*, Энциклоп. словарь, т. XVII (полут. 33), стр. 2. —Замѣтка очень поверхностная.

11) Объявленіе о смерти И. Г. Кулжинскаго („Благовѣсть“, 1884 г., № 7).

12) Некрологъ И. Г. Кулжинскаго, пис. *Людмилой Игорской* (тамъ же, 1884 г., № 8).—Послѣдніе часы жизни и кончина К-аго.

13) Письма С. О. Бурачка къ И. Г. Кулжинскому (1841—52 г.г.) (тамъ же, 1883 г., № 6, 7, 9).

14) *Д. И. Багалъй*. Опыт исторіи Харьковскаго университета, II (Зап. Харьк. ун. 1900 г., III, 26—27).— О назначеніи К-аго преподавателемъ у—а.

15) *В. А. Васильевъ*. Приключенія одной книги („Истор. Вѣстн.“ 1887, XII, стр. 664—679).—О мытарствахъ по поводу изданія „Сочиненій Кулжинскаго“ въ 1850 году.

16) Бумаги архива бывшей Гимназіи высшихъ наукъ, нынѣ архива Института въ Нѣжинѣ.—Оффиціальныя данныя о службѣ К-аго.

17) *Марковъ*. Повѣсть о русской народности („Маякъ“, 1843 г., № 16, стр. 106).—Отзывъ о дѣятельности и направленіи К-аго.

18) *Ап. Григорьевъ*. Оппозиція застою и черты изъ исторіи мракобѣсія („Время“, 1861 г., № 5, или: Сочиненія Ап. Гр., изд. Страхова (Спб. 1876) I, стр. 602).—К-й упоминается въ одной группѣ съ Бурачкомъ и Аскоченскимъ.

19) *А. Н. Пытинъ*. Исторія русской этнографіи, I, 360.—О „Маякѣ“ и участіи въ немъ К-аго.

20) *Шенрокъ В. И.* Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя, I, 86, 103, 120, 143.—О дѣятельности К-аго въ Гимн. высшихъ наукъ.

21) *П. В. Владиміровъ*. Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя (Кіевъ, Унив. Изв. 1890 г., 18—24).—О „Малороссійской деревнѣ“, письмо Гоголя къ Высоцкому о ней же. Раньше это письмо издано въ „Русскомъ Курьерѣ“ 1888 г., № 126, позднѣе: Письма Гоголя, ред. Шенрока, I, 65.

22) *М. Н. Сперанскій*. Гимназія высшихъ наукъ и нѣжинскій періодъ въ жизни Гоголя („Памяти Гоголя“, сборн., изданный Кіевскимъ учебн. округомъ, Кіевъ, 1902, стр. 65, 80).—Объ отношеніи К-аго къ литературному теченію 20-хъ годовъ.

23) Гоголевскій (нѣжинскій) сборникъ (Кіевъ, 1902, стр. 247).—Портретъ Кулжинскаго и замѣтка о немъ.

24) *В. В. Кулжинскій*. Матеріалы къ исторіи рода Кулжинскихъ. (Спб. 1904 г., 186^о, 52 стр.). Авторъ—внукъ И. Г. Кулжинскаго. Попытка—возвести родъ Кулжинскихъ къ Кулженко и даже къ князьямъ Пересопницкимъ—неудачная.

25) *Чалый*. Воспоминанія. (Кіевск. Стар. 1894 г., V, 283).—О И. Г. Кулжинскомъ и Е. Я. Зимовскомъ въ 1841 году.

26) *С. Стрибульскій*. Историческая записка о Немировской гимназіи 1888—1888 г. Немировъ, 1888 стр. 49 (замѣчанія К-аго о необходимости усиленія преподаванія русскаго языка) 51 (выговоръ учителю за недочеты въ преподаваніи латинскаго языка), 70 (назначеніе К-аго) и стр. 11—12 приложеній (краткая біографія К-аго).

В. Савва

ИЗЪ

Слободской-украинской старины

конца XVIII в.

(ЗАМѢТКИ и МАТЕРІАЛЫ)

Нѣжинъ, Типо-Лит. насл. В. К. Меленевскаго.

1906.

Печатано по постановленію Конференції Историко-Филологического Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельке*.

8 октября 1905 г. исполнилось двадцатипятилѣтіе ученой и педагогической дѣятельности проф. Харьковскаго Университета Д. И. Багалѣя. Среди учениковъ и почитателей его возникла мысль издать къ этому дню посвященный юбилею сборникъ статей. Мысль эта не была осуществлена по обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ учениковъ и почитателей юбилея.

Предлагаемые очерки должны были войти въ сборникъ, посвященный проф. Д. И. Багалѣю. Составлены они по матеріаламъ, относящимся къ исторіи Слободской Украины, которая, по выраженію проф. В. Б. Антоновича, оставалась въ тѣни до появленія капитальныхъ трудовъ Д. И. Багалѣя („Проф. Д. И. Багалѣй. Къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности“, стр. 21. Харьковъ. 1906 г.).

Благодаря любезности Е. М. Иванова, архивариуса Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, я имѣлъ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми дѣлами о духоборцахъ, которыя перешли въ архивъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества изъ архива Харьковскаго Губернскаго Правленія.

Данныя, извлеченныя мною изъ архивныхъ матеріаловъ, нѣсколько пополняютъ свѣдѣнія о духоборцахъ въ Слободской Украинѣ, которую считаютъ родиною дохоборцевъ (О. Новицкій „Духоборцы“, стр. 21, изд. 2. Проф. А. С. Лебедевъ „Духоборцы въ Слободской Украинѣ“, стр. 1).

Среди дѣлъ того же архива нашлось нѣсколько документовъ, относящихся къ исторіи Харьковскихъ Казеннаго и Народныхъ училищъ. Такъ какъ документы эти представляютъ не только мѣстный интересъ, но имѣютъ нѣкоторое значеніе для исторіи русской школы, я рѣшился извлечь ихъ изъ архива.

Нъ исторіи духоборцевъ.

I.

Дѣло о духоборцѣ Романѣ Скрипниченковѣ и женѣ его Евдокіи открывається рапортомъ Харьковскаго городничего Слободскому-украинскому губернатору П. Ф. Сабурову.

Городничій 27 іюля 1799 г. „по секрету“ доносилъ губернатору о слѣд.: когда я былъ въ острогѣ при заклепаніи въ кандалы духоборцевъ, пришла въ острогъ жена солдата драгунскаго генерала Глазенапа полка Евдокія Скрипниченкова съ тремя ея малолѣтними дѣтьми и, на вопросъ о причинѣ ея прихода, „объявила себя токовоежъ содержащею духоборческую ересь, а посему я учинилъ ей допросъ, присемъ къ разсмотрѣнію В. П-ва честь имѣю представить, и притомъ донести, что помянутая солдатка Скрипниченкова съ ея дѣтьми содержится въ острогѣ подъ особымъ секретнымъ и крѣпкимъ присмотромъ“.

Что побудило Евдокію Скрипниченкову добровольно объявить себя принадлежащею къ духоборчеству, открываесть снятый съ нея допросъ: она, проживая въ Харьковѣ, ѣздила къ духоборцамъ въ село Проходы, по заключеніи же этихъ духоборцевъ въ Харьковскій острогъ, носила имъ милостыню; когда ее не пустили къ ея, какъ выразилась она при допросѣ, „братьямъ“, она назвалась духоборкою, полагая, что ее въ такомъ случаѣ пустять къ заключеннымъ духоборцамъ.

О себѣ Евдокія показала слѣд.: отъ роду мнѣ 27 лѣтъ, гдѣ родилась—не знаю, выросла въ г. Сумахъ, состою во второмъ замужествѣ, читать умѣю, но писать не знаю, сначала

содержала вѣру своихъ родителей—грекороссійскую; вскорѣ послѣ перваго замужества переѣхала съ матерью и всею семьей на жительство къ братьямъ своимъ въ слободу помѣщика кн. Прозорова Прусовку, Новороссійской губ. Павлоградскаго уѣзда, гдѣ, по наученію духоборцевъ, приняла ихъ ученіе тайно отъ мужа; по смерти его переѣхала въ слободу того же помѣщика кн. Прозорова Троицкую и тамъ вышла вторично замужъ за подданнаго кн. Прозорова—духоборца Романа Скрипниченкова, съ которымъ вѣнчана была въ церкви священникомъ. Исповѣдуя духоборческое ученіе, она и мужъ ея бывали ежегодно у исповѣди и причастія, но не по желанію своему, а по принужденію отъ жителей, содержащихъ грекороссійскую вѣру. Мужъ ея, по настоянію священника Троицкой слободы, за исповѣданіе духоборческаго ученія отданъ былъ въ 1798 г. помѣщикомъ въ рекруты въ г. Павлоградъ, откуда отправленъ былъ въ драгунскій полкъ въ Харьковъ; сюда преѣхала и она, поселившись здѣсь на квартирѣ. Изъ Харькова Евдокія ѣздила къ духоборцамъ въ село Проходы.

На вопросы, почему она посѣщала Харьковскій острогъ, гдѣ содержались духоборцы, и почему объявила себя принадлежащею къ духоборчеству, отвѣтила, что „при острогѣ имѣла малой торгъ въ продаже съестныхъ припасовъ и часто духоборцамъ носила милостыню, а когда меня одинажды въ острогъ не пустили, то я, объявивши, чтобы меня къ братьямъ моимъ, то есть духоборцамъ, пропустили въ острогъ, потому что я духоборка, въ такомъ случаѣ и взята за сіе подъ карауль“.

На вопросъ, находятся ли духоборцы въ г. Сумахъ и въ селеніяхъ Новороссійской губ. Прусовкѣ и Троицкомъ, гдѣ проживала Евдокія, послѣдняя отвѣтила, что ей неизвѣстно, имѣются ли духоборцы въ г. Сумахъ и въ окрестностяхъ его, въ Новороссійской же губерніи духоборцы проживаютъ: въ слободахъ Богдановкѣ и Микольской, гдѣ болѣе пятидесяти духоборческихъ дворовъ, нѣсколько въ слободѣ Прусовкѣ, въ с. Александровкѣ двора три и въ с. Токмацѣ двора два.

Послѣ допроса Евдокія Скрипниченкова, вмѣстѣ съ допросомъ, съ нея снятымъ, была отправлена 28 іюля того же 1799 г. къ генераль-маіору Глазенапу, въ полку котораго служилъ ея мужъ.

Изъ документовъ не видно, на какія средства проживала въ г. Харьковѣ Евдокія съ тремя своими малолѣтними дѣтьми. Нѣтъ данныхъ предполагать, что мужъ Евдокіи—солдатъ—давалъ ей средства къ жизни или, что родные ея, проживавшіе въ Новороссіи, помогали ей. Возможно, что Евдокія добывала средства къ пропитанію себя и дѣтей своихъ тѣмъ „малымъ торгомъ въ продаже съестныхъ припасовъ“, который она имѣла при острогѣ, и изъ этихъ средствъ умудрялась удѣлять милостыню „братьямъ“ своимъ, какъ называла она духоборцевъ, заключенныхъ въ Харьковскомъ острогѣ.

Мужъ Евдокіи, Романъ Скрипниченковъ, при допросѣ показалъ слѣд.: „отъ роду имѣю 37 лѣтъ, а отколѣ уроженецъ—не помню, кромѣ только того, что я былъ въ малолѣтствѣ еще лѣтъ девяти оставшимся отъ отца и матери; извѣстенъ понаслышкамъ, что родомъ Курской губ. Курочинской округи изъ села Гущина, и завезенъ неизвѣстно мнѣ какимто купцомъ в ныне называемую Новороссійскую губернію, гдѣ проживалъ болѣе двадцати семи лѣтъ по разнымъ Новороссійской губерніи мѣстамъ, до самаго взятія меня в рекруты къ опредѣленію в службу сего 799 года въ драгунской Глазенапа полкъ, грамотѣ никакой читать и писать не знаю, *кромѣ разныхъ божественныхъ молитвъ и псалмовъ по псалтырю, изученныхъ мною отъ жены моей Евдокіи*, со мною въ полку находящеюся; у исповѣди и святого причастія бывалъ ежегодно у священниковъ грекороссійскихъ по своей охотѣ, но не принужденія, а нынешняго 799 года по отдачѣ меня в рекруты не былъ единственно что не имѣлъ къ тому желанія“.

Евдокія Скрипниченкова показала, что она и ея мужъ бывали у исповѣди и причастія по принужденію, а мужъ ея далъ показаніе, что дѣлалъ это по своей охотѣ, только потерялъ ее послѣ отдачи его въ солдаты. Не потому ли онъ потерялъ

ее, что по настоянію священника сданъ былъ въ рекруты за исповѣданіе духоборческаго ученія?

На вопросъ: „какъ ты разумѣешь всевышняго и истиннаго Господа Бога, и Его святыхъ угодниковъ, такожъ и іконы и изображеніе креста Господня“, Романъ отвѣтилъ: „всевышняго Бога я разумѣю, что есть Богъ и Ему поклоняюсь, а на святыхъ угодниковъ не уверяюсь, и ихъ иконъ и изображенія креста вовсе не почитаю“. На вопросы: „давно ли ты основалъ себя быть въ такомъ положеніи о вѣре вредной грекороссійскому исповѣданію“ и „икону пресвятыя Богородицы какъ ты разумѣешь“, Романъ далъ показаніе: „такое произростеніе вѣры въ которой я утверждень съ юности самъ собою отъ чтенія мнѣ разными людьми божественныхъ книгъ; икону пресвятыя Богородицы я не почитаю, а разумѣю толко существо ея менѣе Бога“.

Допросъ, снятый съ Романа, заканчивается показаніями его на вопросы: вѣренъ ли онъ въ службѣ государю и не знаетъ ли духоборцевъ въ полку, въ которомъ служилъ. На второй вопросъ Романъ отвѣтилъ отрицательно, замѣтивъ, что въ Новороссійской губ. духоборцевъ „довольно есть въ въ разныхъ селеніяхъ, особливо въ Богдановкѣ и Микольской“, а на первый показалъ: „о вѣрности къ службѣ хотя я присягалъ, крестъ и евангеліе целовалъ не веруя тому истинны, и полагаю ктому себя принужденнымъ, а притомъ и службу мою не съ усердіемъ несу и охоты не имѣю, но с приказанія, от намеренія жъ к побегу удаленъ“.

По снятіи допроса съ Романа Скрипниченкова (допросъ помѣченъ іюлемъ 1799 г., безъ обозначенія числа), генераль-маіоръ Глазенапъ сообщилъ губернатору Новороссійской губ., въ какихъ мѣстахъ ея, по показанію Скрипниченковыхъ, проживали духоборцы, послалъ донесеніе о Скрипниченковыхъ генераль-фельдмаршалу графу Салтыкову и предложилъ Харьковскому губернатору содержать Скрипниченковыхъ въ острогѣ. Здѣсь они были заключены отдѣльно отъ другихъ колодниковъ.

Судьба Скрипниченковыхъ была скоро рѣшена. Графъ Салтыковъ послалъ донесеніе о нихъ императору Павлу I, отъ котораго получилъ изъ Гатчины повелѣніе, помѣченное 22 августа 1799 г.: „драгуна Скрипниченко и жену его Евдокію, за признаніе ими самими, что содержатъ духоборческую ересь, повелѣваю ихъ наказать кнутомъ и вырвавъ ноздри сослать на каторгу въ Екатеринбургъ“.

Во исполненіе такого высочайшаго повелѣнія гр. Салтыковъ предписалъ генералу Глазенапу отослать супруговъ Скрипниченковыхъ къ губернатору Слободскому-украинскому, губернатору же препроводилъ копію съ высочайшаго повелѣнія для исполненія.

Губернаторъ предложилъ Губернскому Правленію привести въ исполненіе приговоръ: дать Роману Скрипниченкову 50 ударовъ кнутомъ, женѣ его 20, вырѣзать имъ ноздри и сослать на каторгу въ Екатеринбургъ¹⁾.

II.

Въ дѣлѣ о духоборцахъ 1798 г. изъ архива Харьковскаго Губернскаго Правленія находятся документы, относящіеся къ судьбѣ двухъ Харьковскихъ духоборцевъ: Алексѣя Головина и Степана Голищева, изложенной проф. А. С. Лебедевымъ въ трудѣ его: „Духоборцы въ Слободской Украинѣ“²⁾.

Алексѣй Головинъ, житель села Тернового Харьковскаго округа, предсталъ впервые предъ судомъ въ 1793 г. еще несовершеннолѣтнимъ, обвиненный въ неправовѣрїи. Тогда Харьковскій Совѣстный судъ, принявъ во вниманіе несовершеннолѣтіе подсудимаго, опредѣлилъ его къ отдачѣ въ Харьковское Казенное училище въ надеждѣ, что Головинъ, обучаемый и наставляемый въ Казенномъ училищѣ, откажется

¹⁾ Объ отношеніи русскаго правительства къ духоборцамъ въ девяностыхъ годахъ XVIII в. см. „Духоборцы“ О. Новицкаго, 50 и слѣд., изд. 2.

²⁾ Стр. 6 и слѣд.

отъ неправовѣрія. Но Головинъ, по выраженію проф. А. С. Лебедева, надеждъ Совѣстнаго суда на обращеніе его путемъ ученія къ правовѣрію не оправдалъ¹⁾. Въ 1798 г. онъ былъ уличенъ, какъ видно изъ отношенія епископа Бѣлгородскаго Θεоктиста къ Слободскому-украинскому губернатору Теплову, не только въ неправовѣрії, но и въ распространеніи его. Епископъ 27 февраля 1798 г. писалъ губернатору въ своемъ къ нему отношеніи: „Харьковской округи сель Салтовскаго Тернового и Большихъ Проходовъ между однодворцами открывшаяся ересь духоборническая въ минувшемъ 1797 г. прекратилась было, а нынѣ села Тернового однодворцы Алексѣй Головинъ и Степанъ Голищевъ, пришедъ въ Бѣлгородъ, разсѣвали оную духоборческую ересь, а именно: о изображеніи на себѣ честнаго креста говорятъ, что ручное крещеніе не истовая молитва; о честномъ крестѣ толкуютъ, что крестъ живой внутри насъ сіяющій; о иконахъ твердятъ, что икона есть та, которой сынъ Назорей говорилъ о Богѣ, и прочія о догматахъ и обрядахъ православныя церкви свои несообразности между народомъ разсѣваютъ; таковой же ихъ дерзскій поступокъ тѣмъ опаснѣе, что одинъ изъ нихъ Алексѣй Головинъ обучался въ Харьковскихъ классахъ математикѣ и другимъ наукамъ по его показанію; увѣщевалъ я обоихъ келейно, увѣщевалъ и въ присутствіи консисторскомъ о оставленіи нелѣпаго ихъ заблужденія; но они на всѣ мои увѣщанія не склонились, и по выходѣ изъ консисторіи болѣе ко мнѣ не являлись, и гдѣ нынѣ находятся, неизвѣстно; указомъ же изъ святѣйшаго правительствующаго Синода отъ 2 марта 1773 года велѣно: заблудшихъ и къ православію по увѣщаніи не обращающихся отсылать въ свѣтскія команды для надлежащаго объ нихъ разсмотрѣнія: того ради о предохраненіи простолудиновъ отъ духоборническаго помянутыхъ однодворцовъ Головина и Голищева заблужденія на разсмотрѣніе в-му пр-ву сообщаю“. Далѣе архіерей доводитъ до свѣдѣнія губер-

¹⁾ Тамъ же, 7.

натора, что приходскій священникъ не допустилъ къ причастію Головина и Голицева „по ихъ въ еретическомъ заблужденіи нераскаянію“, на что они принесли жалобу; сообщаетъ, что имъ предписано Харьковскому протопопу Андрею Прокоповичу наставить на путь истины Головина и Голицева и просить губернатора, въ случаѣ, если Головинъ и Голицевъ „покаются и къ правовѣрію обратятся, приказать обязать ихъ подпискою, чтобъ они впредь отъ правовѣрія никогда не отставали и нынѣшняго своего заблужденія никому бы не внушали“.

Епископъ надѣялся, что протоіерей успѣетъ въ томъ, въ чемъ онъ потерпѣлъ неудачу¹⁾. Протоіерей успѣлъ, но онъ увѣщевалъ заблудшихъ послѣ того, какъ ихъ полѣчили въ домѣ умалишенныхъ.

Губернаторъ, получивъ отношеніе архіерея, 2 марта предписалъ по секрету Харьковскому Нижнему Земскому суду выслать къ нему въ непродолжительномъ времени однодворцевъ села Тернового Головина и Голицева, а епископу, на его отношеніе, отвѣтилъ, что Головинъ и Голицевъ имѣютъ быть высланы въ Харьковъ и представлены протоіерею Прокоповичу; если представленные, писалъ губернаторъ, послѣ увѣщанія останутся въ заблужденіи, будутъ предприняты мѣры „къ прекращенію чинимыхъ ими таковыхъ неистовствъ“. 10 марта Харьковскій Нижній Земскій судъ рапортовалъ губернатору, что Головинъ и Голицевъ препровождаются къ нему „по касающейся до нихъ надобности“. 10-же марта губернаторомъ было изготовлено предложеніе протоіерею Прокоповичу „наставить на путь истинный“ посылаемыхъ къ нему Головина и Голицева и въ случаѣ, если они „отъ заблужденія обратятся къ правовѣрію, и о своемъ заблужденіи достоодолжное покаяніе принесутъ“, отправить ихъ обратно.

¹⁾ Предложеніе архіерея протоіерею Прокоповичу объ увѣщаніи Головина и Голицева въ вышеназванномъ трудѣ проф. А. С. Лебедева, 7—8. Проф. А. С. Лебедевъ обращаетъ вниманіе на признаніе архіереемъ Головина опаснымъ потому, что онъ обучался въ Харьковскомъ Казенномъ училищѣ „математикѣ и другимъ наукамъ“.

Были ли Головинъ и Голицевъ отправлены 10 марта къ протоіерею Прокоповичу, изъ дѣла о нихъ не видно, но, какъ видно изъ рапорта губернатора къ генераль-прокурору, ниже помѣщаемаго, Головинъ и Голицевъ побывали въ Духовномъ Правленіи, которое, „слыша отъ сихъ двухъ человѣкъ правила противныя установленію церкви, немало затрудняемо было“. Узнавъ объ этомъ затрудненіи Духовнаго Правленія, губернаторъ, по словамъ его, подалъ совѣтъ „назвать ихъ потерявшими умъ и разсудокъ“, послѣ чего распорядился посадить Головина и Голицева въ домъ умалишенныхъ. Пребываніе заблудшихъ въ этомъ домѣ продолжалось до двадцатыхъ чиселъ іюня—всего мѣсяца три. 23 іюня завѣдывавшій домомъ умалишенныхъ докторъ Кепненъ рапортовалъ губернатору, что Головинъ и Голицевъ „находились по сумошествію въ домѣ сумошедшихъ, кои по мнѣнію моему нынѣ пришли въ выздоровленіе“. Губернаторъ, получивъ такой отзывъ доктора о состояніи Головина и его товарища, обратился къ протоіерею Прокоповичу съ предложеніемъ дать Головину и Голицеву нужное наставленіе, „буде онѣ дѣйствительно окажутся в здравомъ разсудкѣ“, и отпустить ихъ домой, предписавъ священнику села Терноваго, „дабы онъ за показанными однодворцами Голицевымъ и Головинымъ имѣлъ наблюденіе по возложенной на него должности“.

Въ этотъ разъ увѣщаніе не было безплодно. 9 іюля протоіерей Прокоповичъ рапортовалъ губернатору: „препровожденные отъ в. П-ва ко мнѣ для увѣщанія села Терноваго однодворцы Стефанъ Голицевъ и Алексѣй Головинъ мною въ Духовномъ Правленіи въ сходство предписанія даннаго мнѣ о семъ отъ Преосвященнаго Θεоктиста Епископа Бѣлоградскаго и Курскаго были увѣщеваемы, которые при увѣщаніи дали обѣщаніе оставить свое заблужденіе и исполнять все то, что святою церковію опредѣлено, по сему они по силѣ 722 года іюля 16 дня Указа обязаны подпискою и по предписанію в. П-ва отпущены въ дома ихъ, и о семъ Его Преосвя-

щенству дано отъ меня знать, о чемъ и в-му II-ву почтеннѣйше репортую“¹⁾.

Вслѣдствіе этого рапорта губернаторъ предложилъ Харьковскому Нижнему Земскому суду водворить Головина и Голицева на мѣсто ихъ жительства.

Какова была дальнѣйшая судьба Головина и Голицева, изъ дѣла о нихъ не видно. Изъ донесенія губернатора къ генералъ-прокурору, сохранившагося въ черновикѣ и датированнаго 8 января 1799 г. видно, что губернаторъ не вѣрилъ въ искренность раскаянія Головина и Голицева, и что въ теченіе 1798 года обнаружилось въ Слободской-украинской губ. не малое число духоборцевъ. „Извѣстно уже Тайной Экспедиціи все то, рапортовалъ губернаторъ генералъ-прокурору, что до 1797 г. происходило по дѣламъ касающимся до раскольниковъ, называемыхъ духоборцами, проживающихъ во многихъ деревняхъ по здѣшной губерніи. Въ теченіи 1797 года по открывшимся случаямъ долженъ я былъ доносить рапортами моими отъ 20 октября и 10 ноября того года, съ приложеніемъ записки о правилахъ ими наблюдаемыхъ все то, что по долгу моему безъ упущенія слѣдовало. По симъ двумъ моимъ рапортамъ, каковыя по секрету получены два отношенія отъ предмѣтника Вашего Высокопревосходительства Его С-ва князь Алексѣя Борисовича Куракина, со оныхъ точныя копіи В-му В-ву при семъ честь имѣю доставить. Въ теченіи истекшаго 1798 г. въ Курскую губ. по сосѣдству забрѣли изъ здѣшной села Терноваго однодворцы Голицевъ и Головинъ, кои представлены будучи въ Бѣлагородскую духовную консисторію, препровождены изъ оной въ здѣшнее духовное правленіе, которое не мало затрудняемо было, слыша отъ сихъ двухъ человѣкъ правила противныя установленію Церкви; но я узнавъ о семъ подаль совѣтъ назвать ихъ, каковыми они и кажутся, потерявшими умъ и разсудокъ. Послѣ чего, сколь скоро оныхъ изъ духов-

¹⁾ Наав. тр. проф. А. С. Лебедева, 9.

наго правленія ко мнѣ препроводили, то я ихъ приказалъ¹⁾ отдать въ сумашедшій домъ, гдѣ пробывъ до трехъ мѣсяцовъ, хотя, какъ думаю, притворно пришли въ раскаяніе, но отвѣчавъ по отсылкѣ въ духовное правленіе сходно требованіямъ, поступая сообразно Высокомонаршей воли мнѣ объявленной въ предписаніи, были они отправлены на покой въ свои жилища“. Въ дальнѣйшемъ губернаторъ испрашиваетъ указаній генералъ-прокурора на веденіе возникшаго въ Харьковскомъ Уѣздномъ судѣ дѣла, которое, по мнѣнію губернатора, „возымѣло начало по неосновательности учиненнаго деревенскимъ священникомъ²⁾ призывомъ въ большомъ количествѣ изъ числа сихъ раскольниковъ въ церковь, требуя отъ оныхъ согласія на тѣ пункты, о коихъ онъ могъ прежде быть увѣренъ, что они противиться упорно будутъ, не бывъ по одиначкѣ и келейно поученіями³⁾ приуготовлены“. Въ заключеніе губернаторъ жалуется на нерадѣніе губернскаго прокурора и Уѣзднаго суда по дѣлу о духоборцахъ, которыхъ „не малое количество“ содержалось въ острогѣ.

Въ этомъ своемъ донесеніи губернаторъ упоминаетъ о двухъ своихъ рапортахъ, представленныхъ въ 1797 г. (отъ 20 октября и 10 ноября) генералъ-прокурору кн. А. Б. Куракину. Черновикъ одного изъ этихъ рапортовъ, датированный 1797 г., сохранился въ дѣлѣ о духоборцахъ. Въ виду интереса, представляемаго этимъ рапортомъ, привожу его, какъ сохранился онъ (Приложенія, № 1).

III.

Какъ видно изъ рапортовъ Изюмскаго и Ахтырскаго земскихъ исправниковъ губернатору Слободской-украинской губ.

1) Добавлено, повидимому, рукою губернатора: освидѣтельствовавъ доктору.

2) Добавлено тою же рукою: каковой ныне другимъ перемѣненъ.

3) Добавлено тою же рукою: до должнаго познанія доведѣны и къ требованіямъ священникомъ чинимымъ.

А. Г. Теплову, ими, во исполненіе секретнаго губернаторскаго ордера отъ 4 ноября 1797 г.: „сколь возможно посекретнѣе извѣдать по селеніямъ, особливо чрезъ сельскихъ священниковъ, вѣтли изъ жителей заблудшихъ въ расколахъ такъ называемыхъ духоборцовъ“, произведены были розыски.

Къ сожалѣнію, въ архивѣ не оказалось рапортовъ другихъ исправниковъ Слободской-украинской губ.; сохранились только рапорты исправниковъ Изюмскаго и Ахтырскаго. Рапортуя о произведенныхъ розыскахъ духоборцевъ, оба исправника представили губернатору результаты этихъ поисковъ въ ввѣренныхъ имъ уѣздахъ.

Изюмскій исправникъ Фесенко 7 января 1798 г. доносилъ, что духоборцы найдены въ селеніяхъ Шандриголовой и Новокраснянскомъ, причемъ представилъ списокъ духоборцевъ „съ объясненіемъ узнанихъ священниками таковому ихъ заблужденію дѣяній“. Въ этомъ списокѣ указано было, что на хуторѣ Кузьминскомъ, въ разстояніи 1½ версты отъ слободы Шандриголовой Изюмскаго уѣзда, у помѣщика поручика Василия Филиппева находилось „раскольнической секти скопище“, состоявшее изъ „ересеучительницы родной онаго Филиппева тіотки дѣвки Мавры Кузьминичны, помощника ея въ ересеучительствѣ Василия Прокофиева“, по слухамъ бѣглаго солдата, проживавшаго недалеко отъ двора помѣщика, на пасѣкѣ его. Къ сектѣ принадлежалъ племянникъ Мавры Кузьминичны, проживавшій съ своимъ семействомъ на хуторѣ Кузьминскомъ и еще нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ названа вдова, переселившихся на хуторъ изъ г. Чугуева.

Къ сектантамъ, по донесенію исправника, приходило и пріѣзжало „для отправленія и обученія ереси“ 13 однодворцевъ (судя по фамиліямъ—великоруссы), изъ нихъ большинство съ семействами, и 2 женщины (одна изъ нихъ—вдова, имѣвшая дѣтей) съ хуторовъ Дерилловскаго, Виползова, Колодязей и Овсяниковаго. По донесенію исправника сектанты „церкви чуждаются, у исповѣди и причастія святыхъ таинъ не бьвають, хоронятъ сами собою; кромѣ сего слухъ носится, что

младенцовъ родящихся подсилаютъ къ священникамъ крестить, а послѣ сами перекрещиваютъ недовольно младенцовъ, но и самихъ тѣхъ стариковъ и старухъ, кои въ ихъ секту поступаютъ“.

Въ селеніи Новокраснянскомъ оказалось, по донесенію исправника, уклонившихся отъ православной церкви 8 мужчинъ (большинство семейныхъ), 6 вдовъ, 2 замужнія женщины и одна дѣвица. Исправникъ о нихъ доносилъ слѣд.: „оныя чрезъ четыре года въ исповѣди и святаго причастія не были, и когда священникъ по должности своей въ ихъ дома приходитъ с крестомъ и молитвою, то оныя не толко честному и животворящему кресту должнаго почтенія не дѣлаютъ, но и отнего священника укриваются, а при томъ многіе жители увѣрили, что всѣ вышеписанные собираются в разные времена в домъ того села жителя Ивана Петрова сына Ролдугина, и совершаютъ какіе то моленія, кои сосѣдъ ево Ролдугина Бахмутскій мѣщанинъ Никита Ивановъ сынъ Суранцовъ совершаетъ имъ, изчего и заключать можно онымъ быть раскольниками или духоборцами, и главнымъ тому поставляетъ означеннаго Ивана Ролдугина, которой еще секты той показать можетъ, болиежь сего объяснить ихъ дѣяній невозможно, поелику весьма производятъ секретно“.

Ахтырскій земскій исправникъ, капитанъ Боярскій, доносилъ 16 апрѣля 1798 г. губернатору, что имъ, во исполненіе губернаторскаго приказа, „во всѣхъ Ахтырскаго уѣзда селеніяхъ чрезъ приходскихъ священниковъ секретное излѣдованіе учинено; и что у ихъ приходахъ заблудшихъ в расколахъ людей не имѣется, подписки отнихъ взяты“. Только изъ деревни Дерновой поступило донесеніе священника, что подполковникъ Р. С. Ефимьевъ въ церковь не ходитъ, „во святую четырьдесятницу не исповѣдывается и святымъ тайнамъ не сообщается, и протчево таинства церкви не принимаетъ, а какого точно онъ закона, за необявленіемъ отнего ему священнику ево, знать не можетъ“. Исправникъ

доносили губернатору, что Ефимьевъ не далъ ему ни устнаго, ни письменнаго объясненія причинъ непосѣщенія имъ церкви.

Чѣмъ окончилось дѣло это, неизвѣстно.

IV.

Въ дѣлѣ о духоборцахъ, хранившемся въ архивѣ Харьковскаго Губернскаго Правленія, находится „Опись хозяйственному состоянію духоборцовъ, возвращенныхъ по Высочайшему повелѣніи во свояси въ 1801 г. въ Слободскую Украинскую губернію, въ уѣзды Харьковской, Изюмской и Зміевской“.

Эта опись, подписанная Слободскимъ-украинскимъ губернаторомъ Зильбергарнишомъ, была составлена по повелѣнію Александра I; о такомъ своемъ повелѣніи Слободскому-украинскому губернатору Александръ I писалъ 27 ноября 1801 г. въ рескриптѣ своемъ сенаторамъ Лопухину и Нелединскому-Мелецкому, ревизовавшимъ въ то время Слободскую-украинскую губернію: „я предписываю ему (Слободскому-украинскому губернатору), войдя въ ихъ (духоборцевъ, возвращенныхъ изъ ссылки) состояніе и описавъ ихъ нужды, представить мнѣ, имѣютъ ли они дома, и есть-ли не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе“¹⁾.

По полученіи донесенія губернатора о нуждахъ духоборцевъ—„Описи хозяйственному состоянію духоборцовъ“, Александръ I повелѣлъ 13 февраля 1802 г. Слободскому-украинскому губернатору Артакову, преемнику Зильбергарниша: „по донесенію предмѣстника вашего о нуждахъ духоборцовъ въ губерніи, вамъ ввѣренной обитающихъ и бывшею

¹⁾ Записки Лопухина въ Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р., 1860 г., III, 104. Указъ Александра I отъ 27 ноября 1801 г. Слободскому-украинскому губернатору (сдѣлать представленіе о нуждахъ духоборцевъ для выдачи имъ пособій) приведенъ въ изслѣдованіи О. Новицкаго „Духоборцы“, 60—61, изд. 2.

ссылкою раззоренныхъ, приказалъ я отпустить къ вамъ изъ кабинета тысячу пять сотъ пятьдесятъ рублей, которые поручаю вамъ роздать по прилагаемому при семъ списку, такъ, чтобъ деньги сіи со всею вѣрностію дошли до рукъ cadaго. При семъ внушитѣ имъ, что помощь сія дѣлается имъ безъ возврата и не въ счетъ тѣхъ разположеній, кои предназначены для нихъ въ указѣ моемъ отъ 25 числа минувшаго Генваря мѣсяца, вамъ данномъ на случай ихъ переселенія“. При этомъ повелѣніи приложена копія „Описи хозяйственному состоянію духоборцовъ“, представленной губернаторомъ Зильбергарнишомъ Александру I.

Раззоренные ссылкой, многіе духоборцы, по возвращеніи на прежнія мѣста жительства, какъ значится въ описи, „ничего не имѣли“. Прибывъ на мѣста своего прежняго жительства около середины лѣта, когда время посѣва миновало, въ большинствѣ не имѣя скота, духоборцы должны были прежде всего озаботиться устройствомъ для себя жилищъ. Возвратившіеся духоборцы снискивали себѣ пропитаніе, по выраженію описи, „рукодѣліями и работами“, но нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось выдать заимообразно хлѣбъ изъ общественныхъ сельскихъ магазиновъ.

„Опись хозяйственному состоянію духоборцовъ“, рисующую ихъ матеріальное положеніе по возвращеніи изъ ссылки, представляю въ полномъ видѣ (Приложенія, № 2).

Къ исторіи Харьковскихъ Училищъ.

Казенное училище въ г. Харьковѣ было открыто, сначала подъ названіемъ Прибавочныхъ или Вспомогательныхъ классовъ, при Коллегіумѣ въ 1768 г., по инициативѣ свѣтской власти, собственно для дворянскихъ дѣтей, и состояло въ вѣдомствѣ Губернскаго Правленія¹⁾. Училище это сыграло видную роль въ умственной жизни г. Харькова²⁾. Просуществовало оно до 1798 г., когда слилось съ основаннымъ въ 1789 г. въ г. Харьковѣ Главнымъ Народнымъ училищемъ³⁾.

Въ дѣлѣ изъ архива Харьковскаго Губернскаго Правленія, озаглавленномъ: „Дѣло относящееся до Народныхъ Училищъ 1790 г.“, нашлись два документа, относящіеся къ исторіи Казеннаго училища въ г. Харьковѣ. Одинъ—„Стать Харьковскихъ Казенныхъ училищъ, сочиненный декабря 21 дня 1782 г.“, другой—„Вѣдомость о Харьковскомъ казенномъ училищѣ, какимъ языкамъ и наукамъ во ономъ учениковъ обучаютъ, колико для каждой науки и языка учителей, ихъ имена съ означеніемъ, какимъ наукамъ каждой обучаетъ по сколько въ неделю часовъ, и сколько за все то получаетъ въ годъ жалованья“. Вѣдомость эта датирована 1790 г.

„Стать“ опредѣляетъ предметы преподаванія, число учителей, количество даваемыхъ ими уроковъ и жалованье, ими получаемое. Должны были преподаваться: законъ Божій, языки: русскій, французскій и нѣмецкій, ариѳметика, геометрія, фортификація, геодезія, артиллерія, исторія, географія, рисованіе и живопись, танцы, игра на клавикордахъ и вокально-инструментальная музыка⁴⁾. Для преподаванія закона Божьяго

1) „Харьковскій Коллегіумъ“ проф. А. С. Лебедева въ Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р., 1886 г., кн. 1, стр. 10 и слѣд. „Исторія города Харькова“ проф. Д. И. Багалъя и Д. П. Миллера, I, стр. 403 и слѣд. Положеніе о Прибавочныхъ классахъ при Харьковскомъ Коллегіумѣ см. въ Приложеніяхъ къ 12 гл. „Исторіи г. Харькова“, стр. 551.

2) „Исторія г. Харькова“, стр. 424.

3) Тамъ же, стр. 427.

4) По Уставу Народныхъ училищъ 5 авг. 1785 г. полагалось преподавать въ главныхъ училищахъ: законъ Божій, русскую грамматику, ариѳметику, латинскій

назначались 3 часа въ недѣлю; къ преподаванію этого предмета допускался одинъ изъ учителей училища или „по ученіи способный“ студентъ Харьковскаго Коллегіума¹⁾). Для преподаванія французскаго и нѣмецкаго языковъ назначалось 6 учителей, по 3 на каждый языкъ, при 20 урокахъ въ недѣлю на оба языка. Учитель русской грамоты полагался одинъ, при 24 урокахъ въ недѣлю. Для преподаванія фортификаціи, артиллеріи, геометріи, ариѳметики, геодезіи, рисованія и живописи опредѣлялось 16 уроковъ въ недѣлю, столько же недѣльныхъ уроковъ назначалось для преподаванія исторіи и географіи. Обученію танцамъ и игрѣ на клавикордахъ посвящалось 6 часовъ въ недѣлю, а вокально-инструментальной музыкѣ— 24 часа.

Послѣ росписанія занятій учениковъ „Статъ“ подробно исчисляетъ все, полагавшееся на содержаніе 75 учениковъ. Ученики носили косы, и каждому ученику полагалась лента для косы и пудра. Изъ „Примѣчанія“, приложеннаго директоромъ Харьк. Каз. уч. къ „Стату“ видно, что нѣкоторые предметы не были введены за неимѣніемъ учителей. Директоръ предлагалъ, если бы нашлись средства, выписать изъ Кенигсбергскаго университета „достоянныхъ профессоровъ“ для преподаванія наукъ въ Казенномъ училищѣ, „съ опредѣленіемъ жалованья по 400 р. въ годъ и другихъ выгодъ“ („Статъ“ Харьк. Каз. уч. въ Приложеніяхъ, № 3).

Для исторіи Харьковскаго Казеннаго училища, среди дѣлъ изъ архива Харьковскаго Губернскаго Правленія, нашелся, какъ отмѣчено выше, еще одинъ документъ: отчетъ директора о состояніи училища за 1790 г. Отчетъ этотъ, излагая подробно, какимъ предметамъ и какими учителями обучались ученики, и изъ какихъ лицъ состоялъ служебный персоналъ училища, перечисляетъ музыкантовъ и пѣвчихъ, получавшихъ жалованье, расходы на содержаніе казеннокошныхъ учениковъ и суммы, получавшіяся

языкъ и сосѣдственный, географію, исторію гражданскую и естественную, геометрію, архитектуру, механику, физикѣ и рисованіе (П. С. З. т. XXII № 16,421).

¹⁾ О причинѣ преподаванія закона Божьяго въ школахъ не священниками, а свѣтскими учителями у гр. Д. Толстого: „Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II“, стр. 102.

за содержаніе пансіонеровъ и ученіе волонтеровъ—приходящихъ учениковъ. Изъ этого отчета видно, что въ 1790 г. въ Казенномъ училищѣ изъ предметовъ, опредѣленныхъ „Статомъ“ 1782 г., не преподавались: исторія, живопись и игра на клавинодахъ, но за то воспитанники изучали: физику, механику и архитектуру (Приложенія, № 4).

Въ этомъ же „Дѣлѣ относящемся до Народныхъ Училищъ 1790 г.“ находится нѣсколько документовъ для начальной исторіи Народныхъ училищъ Слободской-украинской губ. Документы эти—рапорты Харьковскаго директора Народныхъ училищъ о состояніи Главнаго и Малаго Народныхъ училищъ въ г. Харьковѣ и Малыхъ Народныхъ училищъ въ г.г. Изюмѣ, Сумахъ и Ахтыркѣ¹⁾.

Главное Народное училище открыто было въ г. Харьковѣ 3 ноября 1788 г., открытіе же Малыхъ Народныхъ училищъ въ г. Харьковѣ и въ трехъ уѣздныхъ городахъ: Ахтыркѣ, Изюмѣ и Сумахъ было приготовлено Приказомъ общественнаго Призрѣнія въ теченіе 1790 г.²⁾ Для помѣщенія Малаго Народнаго училища въ г. Харьковѣ Харьковскій намѣстникъ обратился въ Казенную Палату съ предложеніемъ передать въ вѣдомство Приказа общественнаго Призрѣнія „оставшіяся безъ употребленія казенный дворъ съ обветшалымъ деревяннымъ строеніемъ“, въ которомъ прежде жилъ Харьковскій вице-губернаторъ, а потомъ помѣщался Губернскій Магистратъ. Для открывавшагося въ г. Ахтыркѣ Малаго Народнаго училища, смотрителемъ котораго назначенъ былъ прапорщикъ Криницкій, отведены были два флигеля: первый, при казенной квартирѣ городничего, остававшійся незанятымъ и имѣвшій 3 покоя, и второй, находившійся подлѣ перваго, имѣвшій 2 покоя и занятый полиціей. Эти два флигеля, для помѣщенія въ нихъ училища, должна была отремонтировать городская Дума.

¹⁾ Основаніе и исторія Главнаго Народнаго училища въ г. Харьковѣ изложены въ трудѣ проф. Д. И. Багалъя и Д. П. Миллера „Исторія города Харькова“, I, 427 и слѣд.

²⁾ Срв. „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“ Кеплева, № III, стр. 59.

По рапорту директора Народныхъ училищъ, представленному 18 мая 1790 г. правителю Харьковскаго Намѣстничества, въ Главномъ Харьковскомъ Народномъ училищѣ, во второй годъ существованія его, было 5 преподавателей: математическихъ наукъ, исторіи, учитель II кл., учитель I кл., преподававшій также рисованіе, и учитель нѣмецкаго яз.; семинаристовъ, приготовленныхъ къ преподаванію въ Малыхъ Народныхъ училищахъ, было 2; учениковъ находилось: въ I кл. 55, въ числѣ ихъ 12 ученицъ; во II кл. 29, въ III кл. 30. Въ Маломъ Народномъ училищѣ было учениковъ: въ I кл. 37, во II кл. 15, при двухъ учителяхъ. Въ Главномъ Народномъ училищѣ имѣлись слѣдующія книги и учебныя пособія: книгъ разнаго содержанія—217; географическихъ чертежей—12; архитектурныхъ чертежей—43; геометрическихъ тѣлъ—15; 1 камеръ—обскура; глобусовъ земныхъ—2; небесныхъ—2; готовалень съ математическими инструментами—2; 1 модель дорического ордена для построенія церквей; ландшафтовъ для рисовальнаго класса—6; 1 барометръ; 1 термометръ; 1 гигрометръ. Въ Изюмскомъ Народномъ училищѣ въ 1790 г. должность смотрителя занималъ изюмскій гражданинъ, состоявшій въ гильдіи; учителей было 2; учениковъ находилось: во II кл. 17, въ I кл. 23. Въ списокѣ учениковъ, приложенномъ къ рапорту о состояніи Изюмскаго училища, названы въ числѣ 23 учениковъ I кл. 3 ученицы. Въ Сумскомъ училищѣ смотрителемъ былъ изюмскій гражданинъ; учителей было 2; учениковъ находилось: въ I кл. 26, въ II кл. 13. Въ Ахтырскомъ училищѣ, при смотрителѣ прапорщикѣ и 2 учителяхъ, учениковъ было: въ I кл. 45, во II кл. 15.

Въ „Дѣлѣ относящемся до Народныхъ Училищъ 1790 г.“ находится Вѣдомость о Главн. Нар. Училищѣ за 1790 г., составленная по образцу, опредѣленному для представленія отчетовъ о состояніи Народныхъ училищъ¹⁾.

¹⁾ Образецъ въ П. С. З. т. XXII № 16,421 (№ 7).

ПРИЛОЖЕНІЯ

№ 1.

„Извѣстно мнѣ было, что въ двухъ сѣлахъ губерніи мнѣ вверенной Харьковскаго уѣзда: въ селѣ Салтовой Терновой и Проходахъ находятся несколько семействъ раскольниковъ особаго рода заблужденія, подъ именемъ духоборцовъ, какъ и то, что еще въ правленіе здѣшней губерніею Князя Григорія Александровича Потемкина были тогда чинимы разныя изслѣдованія, кои доходили до разбирательства по тайной експедиціи, куда возимы были нѣкоторые старшіи и болѣе спадшіе съ пути истиннаго, изъ коихъ даже два человѣка отосланы и находятся неизвѣстно гдѣ, многіе въ солдаты отданы, а прочіе отпущены по многимъ увѣщаніямъ духовенства въ дома свои и донесено, что они обратились паки къ истиннѣ.

Приказано было мною стар(ш)инамъ въ сихъ немалыхъ селеніяхъ наблюдать за сими уже отявленными прежде людьми; нѣсколькихъ дней тому назадъ, какъ явился староста съ другими начальниками сѣла Салтовскаго Терноваго, объявляя, что будто нѣкоторые изъ называемыхъ духоборцовъ, паки сходбищи имѣя, вѣновь другихъ крѣстьянъ въ свои дома приглашаютъ, что имъ подозрительно показавшись, они, по приказу имъ данному, долгомъ поставляютъ начальству объявить; Губернской прокуроръ также меня о семъ извѣстилъ. Въ следствіи сего отрядилъ я, давъ предложеніе секретное Харьковскому Земскому Суду, изъ онаго Капитана Исправника и засѣдателя развѣдать, сколь можно непримѣтно, истинну и подробно подать списки о числѣ душъ обоего пола, какъ и о томъ, что приглашаютъ ли сѣи раскольники въ свои праздничныя бесѣды вѣновь кого изъ поселянъ и стараются ли они таковыхъ подговаривать мыслить по ихъ правиламъ, каковыя они однакожъ тайною хранятъ; также чтобы развѣдано было, нетъ ли отшедшихъ въ Курскую губернію селеній и поблизу, кои бы имѣли людей сего названія и сего рода, и по наружности

раскола. Земской Харьковской Судъ меня рапортомъ подь № 2524-мъ сего октября 13-го дня увѣдомилъ, что по предписанію моему всевозможные изысканія въ селахъ Салтовскомъ Терновомъ и Проходахъ чинены, но тамошніе жители и священники объявили единогласно, что таковыми называются у нихъ духоборцами тѣ, кои прежде сего такъ названы были, но что самые тѣ ходятъ ныне въ церковь и сего года въ великой постъ были у исповѣди и причастія святыхъ таинъ, а чтобъ они теперъ противно верѣ христіанской явно поступали, въ томъ ясныхъ доказательствъ нетъ; о наблюденіяхъ за ихъ поступками какъ прежде, такъ и ныне Земскимъ Судомъ строжайше тамошнимъ выборнымъ подтверждено, коимъ тогда подозрительны некоторые изъ крестьянъ показались, но ихъ нашли разговаривающихъ съ называемыми духоборцами. Въ другихъ же селеніяхъ, какъ и по Курской губерніи прикосновенныхъ къ Харьковской, чтобъ духоборцы были, ни отъ кого по округѣ не объявлено. Имѣя по долгу моему наблюденіе неослабое по всему тому, что по губерніи здешней чинится, почелъ нужнымъ какъ о случившемся донести Вашему Сіятельству, приложу копію съ списка мнѣ поданного Харьковскимъ Капитаномъ Исправникомъ при рапортѣ отъ Земского Суда о числѣ и названіяхъ людей, какъ въ двухъ селеніяхъ числящихся подь именемъ духоборцовъ, такъ при томъ доложить и то, что бывшая Екатеринославская, а ныне Новороссійская губернія наполнена сего раскола людей, о чемъ тамошнимъ начальникамъ должно было извѣстно, кои, какъ сказываютъ, отъ Донскихъ нѣкоторыхъ станицъ заразились, а здѣшніе селенія отъ одного наказаннаго колодника, коего вѣли на каторгу, и которой по болѣзни сутки пролѣжалъ въ селѣ Проходахъ. Съ тѣми духоборцами, кои въ тюрьмахъ изъ числа прежнихъ сидѣли, съ 4-мя человекѣми я наединѣ, призвавъ ихъ по разнымъ другимъ надобностямъ къ себѣ, говорилъ и разпрашивалъ называемыхъ духоборцовъ; замѣтилъ я по ихъ наружности въ нихъ много склонности къ миролюбивому и добропорядочному общежитію, строгое наблюденіе за хозяйствомъ и домашнимъ семействомъ, какъ и своими поступками, отвращеніе къ забавамъ, а паче пьянству и къ обхожденію съ прочими жителями; извѣстно мнѣ также, что они подати плотятъ исправно, начальства явно не ослушаются, но, кажется, въ большемъ количествѣ весьма склонны къ возмущенію и къ безпредѣльному выполненію своихъ тайныхъ правилъ, о коихъ при семъ, развѣдавъ обстоятельно, прилагаю для усмотрѣнія замѣчанія. Мнѣніе

мое, что въ числѣ сихъ людей, какъ во всѣхъ сектахъ тайно производимыхъ, обыкновенно находятся обманщики и обманутые; первые бываютъ умны, а послѣдніе или неарѣлыхъ лѣтъ или глупы. Но въ числѣ духоборцовъ вышесказанныхъ двухъ селеній Проходовъ и Салтовой Терновой нѣкоторыя, кои повидимому поддерживаютъ въ своихъ семействахъ сію пакостную секту въ праздные отъ работъ часы, суть люди ограниченнаго ума, затвердившіе нѣкоторое количество, какъ видно, вопросовъ и отвѣтовъ, и, умѣя нѣсколько грамоты, читаютъ тайно своимъ семействамъ множество словъ, коихъ изъ нихъ никто не разумѣютъ, но не имѣя никакого закона и твердыхъ правилъ, упорно привыкли тому только вѣрить, о чемъ на память выуча мыслятъ, понимая не существо смысла, но звукъ единый словъ. Какъ бы то ни было, но сіи люди въ обществѣ безполѣбаны могутъ быть и при возмутителѣ и большемъ количествомъ крайне вредны. Семѣйства же ихъ и малолѣтныя дѣти во всякомъ случае достойны сожалѣнія и невинны. Хорошіе и просвященные священники, коихъ у нихъ нѣтъ, повидимому, могутъ конечно обманутыхъ и малолѣтнихъ возвратить на истинной путь; при маломъ же подозрѣніи обманщиковъ и начинщиковъ нужно непременно удалить, но какъ ихъ весьма много по Новороссійской губерніи, а паче по сей губерніи, кои о чемъ здешняя вся извѣстна, то донеся симъ Вашему Сіятельству, сколь по сему дѣлу мнѣ обнаружилось, ожидать буду наставлѣнія, какъ съ сего рода людьми по Высочайшему повелѣнію поступать и что въ какомъ случаѣ чинить мнѣ приказано будетъ, а паче буди и еще гдѣ таковыя по отшедшимъ частямъ Воронежской и Новороссійской губерніи причисленныхъ во мнѣ вѣренную, откроются. Въ Харьковѣ находится одинъ капраль отставной, бывшей прежде изъ числа главныхъ духоборцовъ, обратившейся тому нѣсколько лѣтъ; не приказано ли будетъ [его доставить въ Петербургъ, ныне онъ, будучи уже человекъ въ лѣтахъ, находится большею частью по церквамъ и ведетъ родъ жизни смѣренной]¹⁾. Обстоятельнѣйшей²⁾ слѣдствія и изысканія о духоборцахъ должны быть по Тайной Экспедиціи извѣстны. О сихъ людяхъ мною здѣсь никакихъ дѣлъ не найдено, и мнѣ не зданы.

Слободская Украинская и, сколь мнѣ извѣстно, Новороссійская губерніи таперя наполнены людьми разнаго званія безъ мѣсть, поль-

1) Заключение въ скобкахъ зачеркнуто.

2) Вѣроятно, описка, вмѣсто: обстоятельнѣйшія.

зуюсь по чину правомъ дворянскимъ. Сіи люди безъ имѣній всячески стараются пользоваться недоразумѣніями крѣстьянъ и нерѣдко попадаютъ по дѣламъ, называясь повѣренными; опаснѣйшихъ и замѣчательныхъ сего рода возмутителями нужно бы непременно ссылатъ, дабы отъ нихъ вреда, а паче начальствуя духоборцами, произойти не могло. Не приказано ли будетъ сихъ чиновниковъ праздношатающихся, построже наблюдая, смирять при случаяхъ.

№ 2.

Опись хозяйственному состоянію духоборцовъ, возвращенныхъ по Высочайшему повелѣнію во свояси въ 1801 году въ Слободскую Украинскую Губернію, въ уѣзды Харьковской, Изюмской и Зміевской.

Харьковскаго Уѣзда

въ Слободѣ Терновой:

Федоръ Щекинъ съ братомъ Прокофіемъ. Семейство состоитъ изъ женска полу, живутъ въ домѣ у родной бабки, лошадей и рогатаго скота не имѣютъ; на покупку оныхъ и на другіе хозяйственные надобности полагается 60 руб.

Федоръ Посниковъ съ невѣсткою и малолѣтнимъ племянникомъ Захаромъ. Семейство состоитъ изъ женска полу, имѣетъ избу и одну лошадь; на вспоможеніе полагается 30 руб.

Андрей Посниковъ. Семейство въ двухъ душахъ мужеска полу, имущества никакого не имѣетъ, живетъ у вышеписаннаго Федора Посникова; на заведеніе двора и на покупку лошади и скота полагается 60 руб.

Ларіонъ Голенищевъ. Безъ семейной, живетъ при отцѣ, которой держится православія и къ духоборцамъ не принадлежитъ; на вспоможеніе полагается 15 руб.

Фома Гремякинъ, такъ же водворенъ при отцѣ, а нынѣ нанялся въ городовые работники въ городѣ Харьковѣ; на вспоможеніе полагается 15 руб.

Матвѣй Позняковъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ 3 душахъ, живетъ въ ветхой избѣ, лошадей и другаго скота не имеетъ; на покупку онаго полагается 40 руб.

Тимофей Малаховъ. Семейство состоитъ мужеска полу, кромѣ женска, въ 4 душахъ, живетъ въ ветхой избѣ, лошадей и другаго скота не имѣеть; на покупку лошадей и скота полагается . . . 50 руб.

Иванъ Рѣпинъ съ братьями Даниломъ и Игнатъемъ. Семейство состоитъ мужеска полу, кромѣ женска, въ 6-ти душахъ, имѣютъ дворъ съ постройкою и одну лошадь; на вспоможеніе и на покупку лошадей и скота полагается 60 руб.

Яковъ Лукьяновъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ трехъ душахъ, дворъ имѣеть обстроенный, но лошадей и другаго ни какого скота не имѣеть; на покупку онаго и на вспоможеніе полагается 50 руб.

Ермоль Лежибовъ. Безъ семейной, отецъ его держится православія, изъ сей слободы помалости земли переселяется въ изюмскій уѣздъ и оставляетъ сыну дворъ и избу, но скота никакого; на вспоможеніе ему полагается 25 руб.

Павель Махонинъ съ братомъ Емельяномъ. Первой живетъ при отцѣ, которой держится православія, а другой живетъ въ городѣ Харьковѣ, въ найму въ работникахъ; имъ полагается . . . 50 руб.

Иванъ Власовъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ 2 душахъ кромѣ женска, имѣеть дворъ, избу и одну лошадь; на вспоможеніе полагается ему 25 руб.

Василій Власовъ. Семейство состоитъ мужеска пола въ двухъ душахъ, имѣеть дворъ и избу, скота никакого; на вспоможеніе ему полагается 40 руб.

Логинъ Голицевъ. Семейство состоитъ въ двухъ душахъ мужеска пола, имѣеть дворъ и избу, лошади и другаго скота ни какого не имѣеть; на покупку онаго полагается 40 руб.

Степанъ Голицевъ. Семейство состоитъ мужска полу въ трехъ душахъ, кромѣ женска; ничего не имѣеть, живетъ у товарищей; на обзаведеніе двора и домашняго скота полагается 60 руб.

Ефимъ Гритчинъ. Живетъ при отцѣ, которой держится православія; на вспоможеніе полагается 15 руб.

Федоръ Гритчинъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ двухъ душахъ, имѣеть дворъ, избу и одну лошадь, а болѣе ничего; на вспоможеніе ему полагается 25 руб.

Петръ Кузнецовъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ двухъ душахъ, имѣеть дворъ, избу и лошадь; на вспоможеніе полагается 25 руб.

Трофимъ Голицевъ съ женою, имѣеть дворъ и избу, больше ничего; на вспоможеніе полагается 30 руб.

Максимъ Уласовъ, Павелъ Махонинъ и Алексѣй Головинъ, безъ семейные, ничего не имѣютъ и живутъ у товарищей; на обзаведеніе имъ полагается каждому по 25 рублей 75 руб.

въ Слободѣ Большихъ Проходахъ:

Иванъ Гончаровъ съ сестрами и невѣсткою, имѣетъ дворъ, избу и одну лошадь; на вспоможеніе полагается 25 руб.

Григорій Гончаровъ. Семейство состоитъ изъ женска пола, имѣетъ дворъ, избу и двѣ лошади; на вспоможеніе полагается 15 руб.

Платонъ Гончаровъ. Семейство состоитъ въ пяти душахъ мужеска пола, имѣетъ дворъ, избу и двѣ лошади; на вспоможеніе полагается 20 руб.

Сергѣй Сухаревъ съ невѣсткою. Семейство состоитъ изъ женска пола, двора и имущества не имѣетъ никакого, живетъ у выпечисанныхъ Гончаровыхъ; на заведеніе двора и на покупку лошади и скота полагается 60 руб.

Аврамъ Пенцовъ. Имѣетъ сына, которой держится православія, имѣетъ дворъ, избу, три лошади и одну корову; на вспоможеніе полагается 10 руб.

Василій Сухаревъ, Мина Кусковъ, Григорій Блудовъ и Степанъ Сухаревъ, безъ семейные, ничего не имѣютъ, живутъ у своихъ товарищей; на обзаведеніе полагается каждому по 25 рублей . . 100 руб.

Въ сихъ слободахъ всѣ жители землями владѣютъ по выписямъ, крѣпостямъ и по другимъ адѣлкамъ изъ давна, а потому и означенные духоборцы, по возвращеніи своемъ, принадлежащія имъ земли во владѣніе приняли, но за прошествіемъ уже половины лѣта, такъ же по недостатку, и обратясь на приведеніе въ устройство жилищъ, въ хлѣбопашество еще не вступили, а пропитаніе имѣютъ отъ руководѣлій и работъ, а нѣкоторымъ выданъ хлѣбъ заимообразно изъ общественныхъ сельскихъ магазѣиновъ.

Изюмскаго уѣзда

въ Слободѣ Петровской:

Сергѣй Поповъ. Семейство его состоитъ мужеска полу, кромѣ женска, въ четырехъ душахъ, имѣетъ дворъ, двѣ избы и нужные крестьянскіе строенія, лошади, рогатой и другой домашней скотъ, равно пахатная земля и сѣнокосы во владѣніи его состоятъ, ибо

семейство его оставалось на мѣстѣ въ сей слободѣ и сохранило всѣ хозяйственныя заведенія, а потому и не нуждается въ вспоможеніи.

Яковъ Перегудовъ. Семейство его состоитъ мужеска полу въ двухъ душахъ, имѣеть одну только обвѣтшалую избу, другихъ же строеній, скота и прочихъ крестьянскихъ потребностей не имѣеть; на вспоможеніе ему полагается 40 руб.

Иванъ Сукрутовъ. Ничего у себя не имѣеть, живѣтъ въ избѣ съ вышеписаннымъ Яковомъ Перегудовымъ; на обзаведеніе дворомъ и нужнымъ скотомъ полагается 60 руб.

Зміевскаго Уѣзда

въ Слободѣ Охочей:

Федоръ Кухтинъ. Семейство состоитъ мужеска полу, кромѣ женска, въ двухъ душахъ, имѣеть дворъ и избу, изъ домашняго скота имѣеть только одну лошадь; на вспоможеніе ему для покупки скота и на другія обзаведенія полагается 25 руб.,

да живущимъ съ нимъ въ одной избѣ родственникамъ его Ивану и Прокофію Кухтинымъ на покупку лошадей по 25 рублей 50 руб.

Анисимъ Кухтинъ съ братомъ Андрѣемъ. Семейство состоитъ въ трехъ душахъ мужеска пола, кромѣ женска, живутъ въ одной плетневой избѣ, лошадь имѣютъ только одну и болѣе ничего; на покупку другой лошади, домашняго скота и на другія заведенія полагается 60 руб.

въ Слободѣ Верховой Берекѣ

Сергѣй Строевъ. Семейство состоитъ мужеска пола въ двухъ душахъ, имѣеть дворъ, избу и довольное строеніе, изъ домашняго скота только одну лошадь; на вспоможеніе полагается 20 руб.,

да живущему съ нимъ въ одной избѣ брату его Михайлу на постройку избы и на покупку скота и прочаго 60 руб.

Исай Збитневъ и Трофимъ Боевъ съ братьями Иваномъ и Ефимомъ. Безъ семѣйныя, никакого имущества не имѣютъ, а проживаютъ у товарищей своихъ въ работахъ; на обзаведеніе имъ полагается каждому по 25 руб. 100 руб.

Архипъ Баевъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ трехъ душахъ, дворъ и строеніе имѣеть довольное, изъ домашняго скота только одну лошадь; на вспоможеніе полагается 20 руб.

Иванъ Барбинъ. Живеть во дворѣ у отца своего, который держится православія и не принадлежитъ къ духоборцамъ; на вспоможеніе полагается 15 руб.

Федоръ Сидоровъ. Семейство состоитъ мужеска пола въ двухъ душахъ, двора и имущества никакого не имѣть, а проживаетъ у товарищей; на заведеніе строенія и хозяйства полагается . 60 руб.

Федоръ Збитневъ. Семейство состоитъ мужеска полу въ двухъ душахъ, дворъ имѣть довольно обстроенный, изъ домашняго скота только одна лошадь; на вспоможеніе полагается 20 руб.

а всего въ три уѣзда . . 1550 руб.

Вышеписанные слободы Изюмскаго уѣзда Петровская и Зміевская Охочая и Верховая Берека прежде состояли въ Новороссійской губерніи, и къ нимъ земли обмежеваны по числу душъ, а потому въ каждомъ селеніи чрезъ нѣсколько времени жители уравниваютъ между собою земли по семѣйствамъ, противу прибыли и убыли душъ, при каковомъ уравненіи въ наступающую весну и духоборцы получаютъ свои участки противу пропорціи душъ; а по возвращеніи ихъ хотя и отводимы были части земли, оставшіеся не засѣянными, но въ разсужденіе позадаго летняго времени, а другіе по недостатку и упражнясь въ устроеніи жилищъ, въ хлѣбопашество не вступили, пропитаніе жъ нынѣ имѣютъ отъ руководѣлій и работъ, и сверхъ того приказано нуждающимся отпустить въ заимообразъ хлѣба изъ общественныхъ сельскихъ магазейновъ.

Сумма, исчисленная въ сей описи на вспоможеніе имъ, 1550 рублей, расположена по мѣстнымъ цѣнамъ и по нуждамъ каждой семьи, въ разсужденіи достатка, числа работниковъ и другихъ одной предъ другою выгодъ.

На подлинной подписалъ: Гражданскій Губернаторъ Зильбергарнишъ

Съ подлиннымъ свѣрять: Коллежскій Совѣтникъ Михайловъ

№ 3.

Стать Харьковскихъ Казенныхъ училищъ, сочиненный декабря 21 дня 1782 г.

Учителю закона Божія 50 руб. Обучать въ недѣлю 3 часа, именно въ субботу отъ 8 до 11 ч., къ чему опредѣлить изъ учителей

сихъ училищъ или Харьковскаго Коллегіума изъ студентовъ, кто по ученіи его способенъ.

Французскому яз. обучать тремъ учителямъ: за обученіе синтаксису—275 р., за обученіе грамматикъ—180 р., за обученіе чтенію и письму—100 р. Нѣмецкому языку обучать тремъ учителямъ: за обученіе синтаксису—275 р., за обученіе грамматикъ—180 р., за обученіе чтенію и письму—100 р. На оба предмета: обучать до полудня въ недѣлю 20 ч.

Россійской грамотѣ учить: читать, писать и правописанію—1 учитель; ему жалованья—100; обучать въ недѣлю 24 ч.

Жалованья учителямъ: фортификаціи и артиллеріи—200 р., геометріи—150 р., ариѳметики—100 р., геодезіи—100 р., рисованія и живописи—200 р.; на обученіе всѣмъ этимъ предметамъ—16 ч. въ недѣлю послѣ полудня.

Жалованья: учителю танцевъ—200 р., учителю игры на клави-кордахъ—60 р.; обоимъ на обученіе—6 ч. въ недѣлю.

Учителю исторіи и географіи—120 р. жалованья; на обученіе—16 ч. въ недѣлю.

Учителю вокально-инструментальной музыки—300 р. жалованья; на обученія—24 ч. въ недѣлю.

Годового жалованья: директору—300 р., интенданту—120 р., сержанту—12 р., ротному квартирмейстеру—9 р., каптенармусу—9 р., тремъ капрамамъ—по 6 р.

Учениковъ—75; имъ на пищу и на столовые приборы, на содержаніе посуды, столовъ и скамей—по 12 р. на каждыяго, а всего—900 р.

Въ счетъ этой суммы изготовлялись особые кафтаны пѣвчимъ и музыкантамъ, халаты, туфли и колпаки для больныхъ учениковъ, а также производилась починка музыкальныхъ инструментовъ.

На чернила, перья, бумагу, краски, книги, дрова, свѣчи расходовались суммы, собираемыя за право ученія съ дѣтей дворянъ и разночинцевъ.

Росписаніе, какое состоящихъ при Харьковскихъ училищахъ ученикамъ полагается одѣяніе, въ какіе именно сроки и въ какую сумму

Въ одинъ годъ:

Рубахъ три, въ каждую по 5 аршинъ холста, а аршинъ по 8 к.—всего 1 р. 20 к.

За шитье оныхъ за каждую по 10 к.—всего 30 к.

Манишекъ съ рукавами двѣ, въ каждую по два съ половиною аршина, итого 5 аршинъ по 10 к.—всего 50 к.

Манжетъ кисейныхъ или батметовыхъ, которыя дѣлать не болѣе вершка—60 к.

ЧулOCKъ шерстяныхъ двѣ пари по 15 к.—итого 30 к.

ЧулOCKъ нѣтныхъ двѣ пари по 30 к.—итого 60 к.

Башмаковъ одна пара—30 к.

Сапоговъ три пари по 50 к.—1 р. 50 к.

На подметки и на починку—25 к.

Ленты шерстяной на косу 4 арш., по 4 к. аршинъ,—16 к.

Пудри одинъ фунтъ—6 к.

Мыла шесть фунтовъ—6 к.

Итого на одного ученика—6 р. 1 к., а на 75—450 р. 75 к.

Въ два года:

На сертукъ и одни шаровары сѣрого не крашеннаго фабричнаго сукна четыре аршина по 40 к.—всего 1 р. 60 к.

Холста на подкладку 10 аршинъ, а аршинъ по 5 к.,—всего 50 к.

На полукафтанье, однѣ шаровары и на вершокъ шапки желтого фабричнаго сукна три аршина, а аршинъ по 60 к.,—всего 1 р. 80 к.

Юфты къ двоимъ шароварамъ, на всякое по 35 к.,—всего 70 к.

Холста на подкладку 7 аршинъ, а аршинъ по 5 к.,—всего 35 к.

Крючковъ къ полукафтану три палочки, каждая по 3 к.,—9 к.

На два кушака стамету красного одинъ аршинъ съ половиною, а аршинъ по 50 к.,—всего 75 к.

Къ кушкамъ въ средину подъ каждой холста хрящу по три четверти-одинъ аршинъ съ половиною, а аршинъ по 4 к.,—всего 6 к.

На опушку шапки бѣлой смушокъ—20 к.

Клеюнку подъ оную полъ аршина, а аршинъ по 6 к.,—3 к.

Галстукъ черной—6 к.

Гребенка роговая—6 к.

На шитье мундировъ, шапки, шароваровъ, шенелей, тожь и на нитки—1 р. 20 к.

Сукна синего фабричнаго на шенель 4 аршина, а аршинъ по 55 к.,—всего 2 р. 20 к.

На обшлагъ и воротникъ фабричнаго же бѣлаго сукна четверть аршина—12 к.

На подкладку красной корзины четыре аршина съ половиною—66 к.

На подкладку въ спину и въ рукава холста хрящу три аршина, а аршинъ по 4 к.,—12 к.

Итого на одного ученика въ 2 года—10 р. 51 к. (на одинъ годъ на одного ученика—5 р. 25¹/₂ к.), а на всѣхъ 75 учениковъ въ 2 года—788 р. 25 к. (на одинъ годъ на всѣхъ учениковъ—394 р. 12¹/₄ к.).

Въ шесть лѣтъ:

Пряжка къ галстуху мѣдная—6 к.

Пуговиць мѣльныхъ къ сертуку восемнадцать, каждая по одной копейки,—18 к.

Кровать переплетенная веревками—60 к.

Тюфякъ обшитой тикомъ, набитой шерстью—90 к.

Простинь двѣ, полагая на каждую по 6 ар. холста, а аршинъ по 6 к.,—всего 72 к.

Тиковую жъ наголовную подушку, набитую шерстью—36 к.

Наволочокъ холстяныхъ три, полагая на каждую по три аршина, а аршинъ по 7 к.,—21 к.

На одѣяло бѣлаго фабричного сукна одинъ аршинъ десять вершковъ съ половиною—90 к.

Щетка сапожная—6 к.

Щетка кафтанная одна—12 к.

Пряжки башмачныя—30 к.

Итого на одного ученика—4 р. 41 к. (на одинъ годъ 73¹/₂ к.), а на 75 учениковъ—330 р. 72 к. (на одинъ годъ—55 р. 12¹/₂ к.).

Итого на платье и обувь, постелю и прочее, разчитывая на годъ, приходитъ на каждого по двенадцати рублей, а на 75 учениковъ—900 р., а всей суммы на жалованье и содержаніе учениковъ пять тысячъ восемьсотъ руб.

На подлинномъ подписано тако:

Дмитрій Норовъ (Харьковскій губернаторъ).

Къ сему штату сдѣлано въ 1780 г. Примѣчаніе:

Въ данномъ Харьковскому Казенному Училищу Учрежденіи въ 3-мъ пунктѣ написано: кромѣ отпускаемыхъ изъ Казенной Палаты

4000 р. отпускать на содержаніе сего училища изъ процентовъ собираемыхъ за отдаваемую капиталную классическую сумму по 1000 р. въ годъ, да изъ Приказа Приарѣнія изъ процентныхъ же по восьми сотъ рублей, всего, кромѣ собираемыхъ экономическихъ денегъ, въ годъ по 5800 р. Сія сумма съ начала отпускаема не была отчасти потому, что въ то время экономическими нужные и опредѣленные расходы выполнять можно было, а отпускалось по случаю вновь построенныхъ связей, сколько по смѣтѣ къ надобности требовалось. Экономическіе деньги, собираемые по всегодно въ томъ учрежденіи, предписано употреблять на содержаніе библіотеки, на починку, отопливаніе и освѣщеніе классического дома; а какъ цѣны нынѣ во всѣхъ вещахъ и съестныхъ припасахъ гораздо возвысились, то и мундиръ на казенныхъ питомцевъ перемѣненъ, и дѣлается такой, какъ нынѣ состоитъ, уже нѣсколько лѣтъ.

Нѣкоторые науки, кромѣ написанныхъ въ семь Штатѣ въведены, а другіе, какъ то обученіе на клавикордахъ, за неимѣніемъ учителя, необучается; въ мѣсто же положенныхъ для обученія языковъ шести учителей, обучаютъ только три, одинъ французскаго, а два нѣмецкаго, за неимѣніемъ суммы выписать изъ Университета и содержать иностранныхъ, совершенно знающихъ языки и другія науки, людей, а естли сумма найдется можетъ, то изъ Кенигсбергскаго Университета достойныхъ профессоровъ, съ опредѣленіемъ жалованья по 400 рублей въ годъ и другихъ выгодъ, въ непродолжительномъ времени выписать не трудно будетъ.

Въ должности директора

Примеръ-маіоръ Густавъ фонъ-Буксгевденъ.

№ 4.

Вѣдомость 1790 г. о Харьковскомъ Казенномъ Училищѣ, какимъ языкамъ и наукамъ во ономъ учениковъ обучаютъ, колико для каждой науки и языка учителей, ихъ имена съ означеніемъ, какимъ наукамъ каждой обучаетъ по сколько въ неделю часовъ, и сколько за все то получаетъ въ годъ жалованья:

Учителя языковъ:

Россійскаго:

1. Синтаксису, Риторики и Логики, онъ же и Закона Божія—Федоръ Кудрицкій—8 ч. въ недѣлю—250 руб. жалованья.

2. Грамматики, онъ же и катихизиса и первой части Арифметики—Иванъ Матиновскій—18 ч. въ нед.—75 руб. жал. За смотрѣніе же за пенсионерами и питомцами пользуется классическою квартирою и пищею.

3. Граммотъ, читать и писать, онъ же и танцованью—Иванъ Якубовскій—44 г. въ нед.—100 р. жал.

Нѣмецкаго:

1. Синтаксису и Грамматики, онъ же и географіи—Федоръ Олденбергеръ—22 ч. въ нед.—200 р. жал.

2. Граммотъ читать и писать—Иванъ Розе—22 ч. въ нед.—100 р. жал., онъ же и надзиратель, за что пользуется квартирою и пищею.

Французскаго:

1. Синтаксису, Грамматикъ и Граммотъ—Григорій Дмитріевъ—22 ч. въ нед.—300 р. жал.

Учители Наукъ:

1. Фортификаціи и Артиллеріи—Иванъ Николаевъ—16 ч. въ нед.—250 р. жал.

1. Геометріи, Физикъ и Механикъ—Гаврило Каринѣевъ—24 ч. въ нед.—250 р. жал.

1. 1-й части Арифметики и Геодезіи—Павель Тертичниковъ—20 ч. въ нед.—100 р. жал.

1. Архитектуръ—Максимъ Калиновскій—8 ч. въ нед.—100 р. жал.

1. Рисованію—Семень Маяцкій—16 ч. въ нед.—250 р. жал.

11 учителей

Итого на учителей 1975 р.

Сверхъ оныхъ учителей при семъ Училищѣ состоятъ чины:

При конторѣ:

1. За Директора Примерь-майоръ Густавъ фонъ-Буксгевденъ—300 р. жал.

1. Экономъ прапорщикъ Василей Сидоренковъ, сверхъ казенной пищи, квартиры, дровъ, свѣчей и услугъ—80 р.

1. Для письменныхъ дѣлъ Регистраторъ Иванъ Золотаревъ—100 р.

При больницѣ:

1. Лѣкаръ Иванъ Романовскій—50 р.

2. Подлѣкаръ Григорій Койленковъ—50 р.

Вѣдомость о вокальной и инструментальной музыки:

1. Учитель вокальной и инструментальной музыки—Максимъ Канцевичъ—300 р.

Музыканты на жалованьи:

1. Петръ Виноградскій—50 р.

2. Антонъ Списаревскій—50 р. За смотрѣніе малыхъ пѣвчихъ полагается квартирою и пищею.

3. Климъ Гриневъ—50 р.

4. Тимофѣй Макаренковъ—50 р.

5. Павелъ Харченковъ—50 р.

6. Григорій Друголюбскій—50 р.

7. Илья Поповъ, сверхъ квартиры и пищи,—30 р.

Пѣвчіе на жалованьи:

Басисты:

1. Федоръ Дмитревичъ—50 р.

2. Егоръ Ивановъ—50 р.

3. Ефимъ Дмитревскій—50 р.

4. Леонтіій Хламовъ тенористъ—40 р.

Итого на музыкальный классъ, кромѣ малыхъ пѣвчихъ,—820 р.

А всего всѣмъ вышеозначеннымъ чинамъ и учителямъ жалованья—3375 р.

За вышеписаннымъ расходомъ остается изъ отпускаемыхъ на содержаніе сего Училища 4000 р.—625 р., кои въ расходъ употребляются, а именно:

На ноты, струны и починку инструментовъ—60 р.

Портному за шитье по договору казеннымъ ученикамъ платья—60 р., а за починку старого пользуется квартирою и дровами на одну пѣчь.

Сапожнику за шитье на казенныхъ учениковъ 50 человекъ изъ своего товара сапоговъ отъ каждаго за весь годъ, тожь и за починку, по 3 р.,—150 р.

Да малымъ пѣвчимъ 12 человекъ отъ каждаго по 4 р.—48 р.

Портомойкѣ за мытье ученическаго и столоваго бѣлья въ годъ—60 р.

Нужно имѣть восьми сторожей, каждому по 15 р.,—120 р.

Да трехъ кухарокъ—36 р.

На починку печей и протчаго примѣрно полагается—81 р.

Итого 4000 р.

Отъ находящихся въ семъ Училищѣ пенсіонеровъ за содержаніе пищею и квартирою, тожь и за ученіе, въ семъ 1790 г. собрано 325 р., да еще надежно въ семъ же году получить 335 р., всего 660 р. Оныя деньги на содержаніе ихъ и трехъ надзирателей, да на отопленіе, освѣщеніе и починку той связи, въ коей пребываніе оны имѣютъ, исходятъ.

Отъ волонтеровъ дворянскихъ дѣтей, приходящихъ изъ квартиръ, въ семъ году собрано отъ каждаго по 12 и по 6 рублей—726 р.; надежно получить въ семъ же году 222 р.,—всего 948 р.

Изъ оныхъ полученныхъ денегъ въ расходъ употреблено: для питомцовъ рубашечного, скатертного и подкладочного холста за 94 р. 84 к.; сукно на платье 130 аршинъ по 80 коп.—104 р. 40 к.; дровъ куплено въ семъ году за 124 р. 40 к.; на пищу, медикаменты, книги и бумагу июня по 1 число—370 р. 46 к.; куплено шляпъ за 17 р. 50 к.; заплачено за пошитье 120 рубахъ—14 р. 40 к. Итого—726 р.

Сверхъ вышеписанныхъ суммъ представлено Намѣстническому Правленію объ отпускѣ изъ процентовъ классической капиталной суммы 447 р. на нужную пристройку; да взаимнъ выданныхъ изъ

вступившей въ семь году экономической суммы учителямъ за сентябрьскую проплату 789 г. треть—153 р.—всего 600 р.; въ которое число принято толко 300 р., а если и остальные 300 р. отпущены будутъ, то надежно, что съ имѣющими вступить экономическими денгами, классы и казенныхъ учениковъ на нынѣшнемъ положеніи содержать можно, но другаго платья и новыхъ постелей постронть будетъ не изъ чего.

Примерь-маіоръ Густавъ фонъ-Буксгевденъ.

Ив. Турцевичъ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

И ЗАМѢТКИ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

НѢЖИНЪ

Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.

1907.

Печатано по постановленію Конференції Историко-Филологического Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке*.

IV.

Optimus maximus и optimus maximusque¹⁾.

Верховный богъ-покровитель Рима, Юпитеръ Капитолійскій назывался официально всегда *optimus maximus*. Эти эпитеты его мы встрѣчаемъ много разъ въ разнаго рода памятникахъ Римской письменности, между прочимъ въ весьма многихъ надписяхъ. Иногда находимъ эти эпитеты присвоенными и другимъ Юпитерамъ или Зевсамъ, напр. Юпитеру Латинскому, Пеннинскому, Зевсу Геліопольскому, Долихинскому, Дамасскому²⁾, Зевсу-Балмаркodu (*κρηφ γενναίφ*).

Казалось-бы, что эти важные, часто встрѣчающіеся эпитеты Юпитера объясняются въ комментаріяхъ къ древнимъ авторамъ или въ другихъ филологическихъ пособияхъ; но на самомъ дѣлѣ они часто оставляются совсѣмъ безъ разъясненія, а вполне обстоятельнаго объясненія ихъ намъ встрѣчать не приходилось; едва-ли филологи, въ частности переводчики Латинскихъ авторовъ, всегда даютъ себѣ точный отчетъ въ значеніи этихъ словъ. По крайней мѣрѣ переводятъ ихъ разно. У Нѣмецкихъ авторовъ слова *optimus maximus*, какъ эпитеты Юпитера, передаются чаще всего, кажется, черезъ *der beste und grösste*; такой переводъ ихъ мы находимъ напр. у Т. Моммзена и у Преллера. Онъ, кажется, страдаетъ

¹⁾ Этотъ этюдъ былъ читанъ въ засѣданіи Историко-Филолог. Общества при Институтѣ Кн. Безбородко.

²⁾ См. Preller, *Röm. Mythologie*. Фирмикъ-Матеріи Mathes. I. I, 14 (Skutch) лишаетъ Юпитера Капитолійскаго эпитетовъ *optimus maximus* и придаетъ ихъ Солнцу (*Sol optime maxime, qui mediam caeli possides partem, mens mundi atque temperies, dux omnium atque princeps* и пр.), но въ его гороскопѣ эти слова играютъ роль именно какъ эпитеты Юпитера (см. ниже). *Ceres optima maxima*—въ надписи Orelli-Henzen, Coll., № 5717.

нѣкоторою неясностью, но, можетъ быть, въ данномъ случаѣ это—достоинство. Другіе ученые Нѣмцы переводятъ иначе: напр. ч. *der höchste gütigste* (Фридендеръ *Sittengesch. Roms*, III⁵, стр. 549); Штовассеръ, въ своемъ словарѣ (*s. v. bonus*), указавъ для *bonus* значенія *gnädig, freigebig*, прибавляетъ: *Daher der Beinamen Bona dea... und des Jupiter...* и приводитъ слова Цицерона *pro domo*. 57; иного пониманія этого слова онъ не указываетъ. У насъ проф. Θ. Ф. Зѣлинскій называетъ Юпитера Капитолійскаго „всеблагимъ и всевышнимъ“ (см. *Вѣстн. Евр.*, 1893, Янв., стр. 28); проф. В. И. Модестовъ *sedem Iovis optimi maximi* у Тацита, *Hist.* III, 72 перевелъ такъ: „сѣдалище верховнаго Юпитера“. Къ этому переводу онъ далъ слѣдующее поясненіе: „Эти прилагательныя составляютъ обыкновенныя эпитеты Юпитера (слѣдовало прибавить: Капитолійскаго), которые не имѣютъ себѣ вполне соответствующихъ въ русскомъ языкѣ; тѣ же эпитеты подобнаго рода (напр. всеблагій), которые мы прилагаемъ къ христіанскому божеству, не годятся для языческаго“. Мы не думаемъ, чтобы это объясненіе могло кого-либо удовлетворить. Вопросъ здѣсь вѣдь не въ томъ, годится-ли или не годится эпитетъ „всеблагій“ для Юпитера,—мы увидимъ, что, по мнѣнію Цицерона, онъ вполне для него годился,—а въ томъ, значило-ли *optimus* въ этомъ сочетаніи „всеблагій“. Почему это, въ самомъ дѣлѣ, язычникъ не могъ называть своего бога всеблагимъ или благимъ? Вѣдь и христіанскій богъ также между прочимъ караетъ, наказуетъ, и все таки онъ благъ. Почему Юпитера въ частности не могли называть всеблагимъ, когда его называли *almus, salutaris*? Если эпитеты *optimus maximus* дѣйствительно не имѣютъ себѣ вполне соответствующихъ въ Русскомъ языкѣ, то слѣдовало сказать, что они собственно значатъ (вѣдь по крайней мѣрѣ это можно же было выразить по-Русски). Приходится думать, что значеніе словъ *optimus maximus*, по мнѣнію проф. Модестова, передаетъ переводъ „верховнаго“; но тогда зачѣмъ было говорить о „всеблагомъ“ и о непригодности этого эпитета для Юпитера?

Мы не знаемъ навѣрное, когда именно Юпитеру Капитолійскому присвоенъ былъ эпитетъ *optimus maximus*, а должны довольствоваться предположеніями.

Такъ какъ культъ Капитолійской триады въ Римѣ былъ сравнительно новымъ и, какъ обыкновенно полагаютъ, возникъ подъ Греческимъ вліяніемъ¹⁾, то можно думать, что и *optimus maximus* тоже соотвѣтствовало Греческому прототипу. У Грековъ Зевсъ нерѣдко назывался βασιλεύς, у Римлянъ же Юнона называлась *regina*, а Юпитеръ—*optimus maximus*. Невольно является предположеніе, что *optimus maximus* замѣнилъ собою титулъ *rex*—по политическимъ причинамъ. Моммзенъ *R. Staatsrecht*, II³, стр. 15, прямо утверждаетъ, что съ установленіемъ республики Юпитеръ *nicht mehr „Iupiter König“, sondern Iupiter der beste grösste genannt ward.*

Нѣкоторые ученые, напр. Преллеръ, полагаютъ, что эпитетомъ *optimus maximus* Юпитеръ обозначался, какъ первый, величайшій изъ всѣхъ боговъ, по мнѣнію другихъ, онъ выдѣлялъ Юпитера Капитолійскаго изъ ряда всѣхъ Юпитеровъ въ Римѣ и внѣ его²⁾.

Главное впрочемъ затрудненіе при толкованіи *optimus maximus* представляетъ слово *optimus*.

Слово *bonus*, подобно нашему „добрый“, употреблялось въ разныхъ значеніяхъ, между прочимъ и въ значеніи „благій“, милосердный³⁾. *Melior* и *optimus* соотвѣтствовали ему, какъ срав-

¹⁾ Wissowa, *Religion u. Kultus d. Römer*, 110: Als Tempelgenossinnen neben ihm (говорится о Юпитерѣ Капитолійскомъ) Iuno Regina und Minerva verehrt, so dass ein göttlicher Dreiverein entsteht, der ziemlich sicher auf griechischen Ursprung zurückgeführt werden kann, nach Rom aber wahrscheinlich über Etrurien gelangt ist.

²⁾ Wissowa, *Religion etc.* 110: die Beinamen (*optimus maximus*) bezeichnen den Gott nicht sowohl, als den besten und grössten der Götter, als vielmehr als den ersten und hervorragendsten aller in und ausserhalb Roms verehrten *Ioves*.

³⁾ Сенека *De clem.* II, 4: *Pertinet hoc loco quaerere, quid sit misericordia. Plerique enim ut virtutem eam laudant et bonum hominem*

нительная и превосходная степень вообще, но едва-ли во всѣхъ отгѣнкахъ значенія. *Optimus* употребляется очень часто но, кажется, крайне рѣдко въ значенія „добрѣйшій“.

Сохранившись до конца республики въ своемъ древнемъ видѣ и произношеніи *optumus maximus*¹⁾, этотъ эпитетъ Юпитера могъ давно потерять свое первоначальное значеніе.

Мы не можемъ сейчасъ указать, въ какомъ Латинскомъ текстѣ *optimus maximus* встрѣчается впервые; вопросъ этотъ впрочемъ не представляетъ важности, такъ какъ, какъ извѣстно, сколько-нибудь значительныхъ Латинскихъ текстовъ отъ древнѣйшаго времени у насъ нѣтъ.

Въ комедіяхъ Плавта, представляющихъ изъ себя перелѣлки Греческихъ оригиналовъ, находимъ иногда черты совсѣмъ Римскія, между прочимъ и специально Римскіе термины; но, по весьма понятной причинѣ, всего менѣе они могли относиться къ области Римской религіи. Въ одной комедіи Плавта Юпитеръ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, но это—совсѣмъ Греческій Зевсъ; соотвѣтственно этому и эпитеты Юпитера у Плавта вообще Греческіе, а Римскаго *optimus maximus* нѣтъ. Разъ только, въ „Амфитруонѣ“, Юпитеръ названъ *optimus*—можетъ быть съ намекомъ на эпитетъ Юпитера Капитолійскаго; во всякомъ случаѣ *optimus* не употреблено здѣсь въ значеніи „всеблагій“²⁾. Находимъ у

vocant misericordem. Срв. его-же Epist. 34, 3: scis, quem bonum dicam? perfectum, absolutum, quem malum facere nulla vis, nulla necessitas possit.

¹⁾ Квинтилианъ Instit. I, 7, 21: Etiam *optimus maximus*, ut mediam litteram quae veteribus U fuerat, acciperent, C. primum Caesaris inscriptione traditur factum. Это свидѣтельство пропущено у А. А. Брока, Quaest. gramm. capita duo.—*Optimus* находимъ С. I. L. I, 32 и 1016.

²⁾ *Amphitruo*, 273:

Perge, nox, ut occipisti, gere patri morem meo:

Optumo optume optumam operam das, datam pulcre locas.

Такъ какъ Плавтъ, какъ извѣстно, особенно любилъ подобныя ассонанціи, то, по всей вѣроятности, въ *optumo* и пр. имѣемъ его собственныя слова, а не воспроизведеніе оригинала.

Плавта и *optimi maximi*, но не какъ эпитеты Юпитера, а въ значеніи „аристократы“, и, вѣроятно, слово *max.* явилось результатомъ позднѣйшей вставки (Ричль Rhein. Mus., VIII, стр. 306 устранялъ совсѣмъ слово *maximi*, а Leo читаетъ *maxime*)¹⁾.

Цицеронъ прямо разъ говоритъ, что *optimus* по отношенію къ Юпитеру указываетъ на его благодѣянія. Такъ De deor. nat. онъ говоритъ: *Sed ipse Iupiter, id est iuvans pater, quem conversis casibus appellamus a iuvando Iovem, ... a maioribus nostris optimus maximus et quidem ante optimus, id est beneficentissimus, quam maximus, quia maius est certeque gratius prodesse omnibus, quam opes magnas habere.* Срв. De deor. nat. III, 36, 87. or. pro domo, 57, 144, De rep. I, 33, 50, De finibus III, 66.

Философъ Сенека, естественно, былъ склоненъ понимать *optimus maximus* по отношенію къ Юпитеру, какъ понималъ его Цицеронъ. Онъ говоритъ De clem. I, 19 (Haase): *Quid autem? non proximum illis (именно diis) locum tenet is, qui se ex deorum natura gerit beneficus ac largus et in melius potens? Hoc adfectare, hoc imitari decet, maximum ita haberi, ut optimus simul habere.* Срв. его же Epist. 95, 50: *primus est deorum cultus deos credere, deinde reddere illis maiestatem suam, reddere bonitatem, sine qua nulla maiestas est.* Несомнѣнно, Сенека имѣлъ въ виду эпитеты Юпитера *optimus maximus*, примѣняя ихъ ко всѣмъ богамъ вообще²⁾.

Фирмикъ-Матернъ Mathes. I, 22 говоритъ: *Si Saturnus facit cautos tardos avaros ac tacitos, Iuppiter maturos bonos*

1) Men., 571: *Ut hoc utimur maxime more moro molestoque multum, atque uti quique sunt optimi, maxime morem habent hunc: clientis sibi omnes volunt esse multos: bonine an mali sint, id haud quaeritant.*

2) Срв. также De vita beata, 26: *Sic vestras hallucinationes fero, quemadmodum Iupiter optimus maximus ineptias poetarum.*

benignos ac modestos, Mars credeles, perfidos ac feroces и пр. и I, 10, 14 о Юпитерѣ: et tu, Iuppiter, Tarpeiae rupis habitator, qui mundum ac terras salutari semper ac benigna maiestate laetificas¹). Пояснять эти мѣста, кажется, нѣтъ надобности.

То, что Цицеронъ считалъ нужнымъ пояснить эпитетъ Юпитера *optimus*, несомнѣнно, показываетъ, что значеніе его не было достаточно яснымъ, что не всѣ современники его такъ, какъ онъ, понимали его, а ниже мы увидимъ, что и въ болѣе позднее время нѣкоторые понимали его иначе.

Что *optimus*, какъ эпитетъ Юпитера, означало собственно „высочайшій, верховный“ или что таково было по крайней мѣрѣ древнѣйшее, первоначальное значеніе этого эпитета, это представляется вообще весьма вѣроятнымъ, это мнѣніе не разъ уже высказывалось, но обстоятельнаго обоснованія его намъ встрѣчать не приходилось.

Преллеръ *Röm. Myth.*, I³, 205 говоритъ, что, хотя въ болѣе позднее время обыкновенно охотно эпитетъ *optimus* толковали, какъ обозначеніе величайшей нравственной доброты, однако онъ собственно обозначалъ „изъ всѣхъ боговъ выдающійся, высшій по могуществу и чести“. Срв. Usener, *Götternamen*, стр. 343: Während früher Zeus als der „grosse Gott, der grösste, der höchste“ verehrt wurde, wie Iuppiter als *optimus maximus*.

Кромѣ прямого свидѣтельства древнихъ въ пользу такого пониманія этого слова можно привести еще нѣкоторые, болѣе или менѣе вѣроятные, доводы.

Во-первыхъ, первоначальное значеніе этого слова, по общему правилу, должно было быть конкретнымъ²).

¹) Срв. *Math.* III, 31, 1 и IV, 29.

²) Производить *optimus* обыкновенно отъ *op-s*, нѣкоторые отъ *ob*. Зоммеръ (*Handbuch d. lat. Laut—u. Formenlehre*, стр. 486 и сл.) сопоставляя *optimus* съ *finitimus* и *maritimus*, переводитъ такъ: „in engster Beziehung zur Hülfe stehend, am besten zur Hülfe. Едвали кто-либо найдеть этотъ переводъ удачнымъ.

Во-вторыхъ, уже то, что *optimus* стоитъ на первомъ мѣстѣ, кажется, говоритъ въ пользу предположенія, что оно не значитъ или первоначально не значило „всеблагій“, а нѣчто иное.

Въ-третьихъ, храмы Юпитера Капитолійскаго находились всегда или по возможности на возвышеніяхъ; это былъ богъ высокій (*altus Iupiter*)—конечно, это соотвѣтствовало вообще представленію о немъ, какъ о богѣ неба и т. п.; естественно, кажется, чтобы и въ его эпитетахъ было указаніе на это¹⁾.

Въ-четвертыхъ, асиндетъ *optimus maximus* есть, кажется, копулятивный, такой-же, какъ *purus putus, pollens potens, faustus felix* и т. п., т. е., что второе слово въ немъ приблизительно синонимично первому. Юпитеръ имѣлъ у Римлянъ еще, между прочимъ, слѣдующіе эпитеты: *summus excellentissimus* и *summus exsuperantissimus*. По-видимому, они образованы совсѣмъ по образцу *optimus maximus*, вполне ему соотвѣтствовали, представляя только варіаціи стариннаго *optimus maximus*. Если же такъ, то *summus* указывало бы на первоначальное значеніе слова *optimus*.

У Грековъ Зевсъ тоже имѣлъ эпитеты *χρῖστος μέγιστος* и *ὑψίστος καὶ μέγιστος*; какъ по внѣшней формѣ, такъ, кажется, и по смыслу они напоминаютъ *optimus maximus*. Нѣчто также, по-видимому, довольно точно соотвѣтствовавшее Латинскому *optimus maximus* находимъ у Грековъ въ *ἄριστος καὶ μέγιστος*. Въ *Hymn. Nomer. XXIII (Eὐς Δία)* читаемъ:

Zḗρα θεῶν τὸν ἄριστον ἀείσομεν ἢδὲ μέγιστον.

Какъ бы ни понимать эпитеты Юпитера Капитолійскаго, для передачи ихъ у Грековъ были соотвѣтствующіе эпитеты ихъ Зевса; однако въ Греческихъ текстахъ, въ которыхъ упоминается Юпитеръ Капитолійскій, онъ называется только

¹⁾ Намъ случалось неразъ въ Бѣлоруссіи изъ устъ крестьянъ слышать восклицаніе: „Боже великій, высокій“!

Капитолійскимъ¹⁾ и почему-то нѣтъ нигдѣ или почти нигдѣ его знаменитыхъ эпитетовъ въ Греческомъ переводѣ.

У Плутарха (Flamin., 16) находимъ начало гимна въ честь Фламинина: Μέλπετε κοῦραι Ζῆνα μέγαν Ῥώμαν θ' ἅμα Ῥωμαίων τε πίστιν. Надо полагать, здѣсь разумѣлся Iupiter maximus Рима. Въ надписи С. I. Gr., 3074: Διὸς Καπετωλίου Ῥώμης ἀγαθοῦ δαίμονος послѣднія слова, по-видимому, должны указывать на эпитетъ Юпитера Капитолійскаго. Греческую передачу обоихъ его эпитетовъ вмѣстѣ мы могли констатировать только въ одномъ мѣстѣ.

Въ приведенномъ нами выше (стр. 30) рескриптѣ имп. Максимины-Дазы, представляющемъ переводъ съ Латинскаго, Зевсъ ὕψιστος καὶ μέγιστος оказывается покровителемъ (προκαθήμενος—praeses) города Тира. Такъ какъ намъ ничего неизвѣстно о какомъ-либо выдающемся исконно Тирійскомъ культѣ Зевса—исконнымъ богомъ-покровителемъ Тира былъ Гераклъ²⁾, изображенія котораго находимъ на монетахъ этого города—и такъ какъ этотъ Зевсъ въ рескриптѣ противопоставляется исконнымъ отечественнымъ богамъ Тирійцевъ, то приходится предположить, что здѣсь разумѣлся Римскій Iupiter optimus maximus, культъ котораго введенъ въ Тиръ, конечно, тогда, когда послѣдній былъ сдѣланъ Римскою колонією. Этотъ рескриптъ Максимины остался неизвѣстнымъ Кугфельдту и другимъ ученымъ, писавшимъ о Капитоліяхъ городовъ Римскаго государства.

Намъ извѣстенъ Греческій переводъ слова optimus, какъ эпитета императора, и нѣтъ основанія думать, чтобы optimus

¹⁾ См., напр., у Діон. Галикарн., Antiqu., VI, 77: „εἴη μὲν οὖν, ὡς Καπετώλιε Ζεῦ καὶ θεοὶ πόλεως ἐπίσκοποι τῆς ἡμετέρας καλῆ καὶ συμφέρουσα πασιν ἢ... κάθοδος и пр.

²⁾ Элій-Аристидъ, когда Тиръ еще не былъ колонією, говорилъ (XL (5) Keil § 10): Ἰσμεν Αἰγυπτίους ἔσον τινὰ ἀγούσιν θεὸν Ἡρακλέα καὶ Τυρίους ὅτι πρῶτον σέβουσι θεῶν.

по отношенію къ императору употреблялось въ иномъ значеніи, чѣмъ по отношенію къ Юпитеру¹⁾.

Нерѣдко какъ у писателей, такъ и въ надписяхъ встрѣчается *princeps optimus* или *optimus princeps*, а одному императору прозвище *optimus* было присвоено официально сенатомъ, какъ почетное *cognomen*. Оно дано было именно Траяну, который, конечно, былъ выдающимся правителемъ и полководцемъ, но такую особою добротою, какъ Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій, не отличался²⁾.

Какъ понималъ сенатъ и какъ, слѣдовательно, должны были понимать Римляне вообще это *cognomen* Траяна, это объясняетъ обстоятельно Плиній въ своемъ панегирикѣ этому императору, гл. 88. Изъ этого разъясненія выходитъ, во-первыхъ, что словомъ *optimus* въ этомъ случаѣ обозначали совокупность разныхъ добродѣтелей (*nec magis distincte defini-teque designat qui Traianum, quam qui optimum appellat, ut olim frugalitate Pisones, sapientia Laelii, pietate Metelli monstrabantur, quae simul omnia uno isto nomine continentur*)³⁾ и,

1) У Юліана *Conviv.* Траянъ говоритъ, что онъ былъ самымъ кроткимъ изъ всѣхъ императоровъ до него; какъ бы то ни было. эпитетъ *optimus* этого не обозначалъ. Срв. *Triginta tyranni*, V, 6: „*Victorino... neminem aestimo praeferendum, non in virtute Traianum, non Antoninum in clementia*“. Эвтропій *Brev.* VIII, 5 говоритъ: *Huius (Траяна) tantum memoriae delatum est, ut usque ad nostram aetatem non aliter in senatu principibus acclametur nisi „Felicior Augusto, melior Traiano!*“ Отъ школьнаго времени у меня остался въ памяти такой переводъ послѣднихъ словъ: „Будь счастливъ какъ Августъ и добръ какъ Траянъ!“

2) Иреллеръ, *Röm. Mythologie*, I³, 206: *Selbst die spätere Uebersetzung des Titels Optimus Maximus auf die Person des Kaisers ist nur insofern ein Frevel, als er dem höchsten Gott entlehnt war. Seiner ältesten und eigentlichen Bedeutung nach passte er ebenso gut auf den Kaiser als auf den Jupiter.*

3) Во время второй Пунической войны Римскій сенатъ призналъ Сципіона-Назику за *vir optimus*. Ливій (XXIX, 14) поясняетъ это такъ: *id quibus virtutibus inducti ita iudicarint, sicut traditum a proximis memoriae temporum illorum scriptoribus libens posteris traderem, ita*

во-вторыхъ, что *optimus* по отношенію къ Юпитеру Плиній понималъ тоже въ этомъ широкомъ значеніи слова, а не какъ Цицеронъ и нѣкоторые другіе (*minus est enim imperatorem... quam omnibus imperatoribus esse meliorem. ideoque ille parens hominum deorumque optimi prius, deinde maximi nomine colitur. quo praeclarior laus tua, quem non minus constat optimum esse, quam maximum*)¹⁾.

Въ официальныхъ документахъ на Греческомъ языкѣ cognomen Траяна *optimus* передавалось словомъ Ἄριστος; Діонъ-Кассій перевелъ его тоже черезъ ἄριστος²⁾.

Калигула, по свидѣтельству Светонія, принялъ самъ прозвище *optimus maximus*, именно писался *optimus maximus Caesar*³⁾. Извѣстно, что онъ страдалъ маніей величія и всемогущества и хотѣлъ въ этомъ равняться съ Юпитеромъ, на особую доброту онъ не претендовалъ.

Другіе императоры послѣ него не употребляли сами въ своей титулатурѣ *optimus maximus*, но допускали называть себя такъ (чаще, кажется, *optimus maximusque princeps*). Такъ напр. C. I. L. II, 2010: Traiano... *optimo maxsimoque principi*; тоже C. I. L., II, 2054, CIL. X, 7852: *optimi maximi que principis* и друг.

Iupiter optimus maximus и *optimus maximus(que) princeps* могли попадаться въ одномъ и томъ-же текстѣ, иногда почти рядомъ; см. напр., Henzen, *Acta fratrum Arvalium*, стр. 103.

Эти знаменитыя слова *optimus* и *maximus* употреблялись

meas opiniones coniectando rem vetustate obrutam non interponam. Срв. о томъ-же у Діодора и у Діона-Кассія.

¹⁾ Срв. у него-же *Epist. VII, 10* (о Вергиніѣ-Руфѣ): *ipse mihi locus optimi illius et maximi viri desiderium non sine dolore renovavit.*

²⁾ Діонъ-Кассій, LXVIII, 23: *τά τε ἄλλα ἐψηφίζετο αὐτῷ (имп. Траяну) πολλὰ ἢ βουλὴ καὶ σπιμον, εἴτ' οὖν ἄριστον ἐπωνόμασεν.*

³⁾ *Calig. 22: Compluribus cognominibus adsumptis (nam et pius et castrorum filius et pater exercituum et optimus maximus Caesar vocabatur).....*

нерѣдко также вмѣстѣ, какъ *terminus technicus* Римскаго права, но всегда соединенныя союзомъ *que*¹⁾.

Хорошо извѣстны выраженія *optimo iure*, *optima lege*. Dig. XLV, 1, 75 находимъ такое опредѣленіе понятія *optimus* для гражданскаго права: *cum optimum quis stipulatur, id stipulari intelligitur, cuius bonitas principalem gradum bonitatis habet*. Еще обстоятельнѣе обозначалось то-же самое словами *optimus maximusque*. *Optimus* и *maximus* вмѣстѣ, какъ терминъ права, находимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1) C. I. L., V, 1000: *Kaput ex testamento. || Hoc amplius rei p(ublicae) Petelinorum dari volo | HS X n(ummum) item vineam Caedicianam cum partem fundi Pompeiani ita uti optima maxima(ue) sunt* и пр. Эта надпись—времена имперіи.

2) *Siculus Flaccus, De condicion. agr. (Gromat. vet. ex rec. Lachm., I, 146): ad omnes autem agros semper iter liberum est. nam aliquando deficientibus vicinalibus viis per agros alienos iter praestatur. quidam etiam conveniunt specialiter uti servitute praestent his agris ad quos necesse habent transmittere per suum. nam et his verbis conpraehenditur, ita ut optimus maximusque est.*

3) Въ Дигестахъ, именно XXI, 2, 48, XXI, 2, 75, XXXII, 92 и 93. XXXIII, 7, 22 и L, 16, 90 и 163. Здѣсь приведемъ только второе изъ этихъ мѣстъ: *Venuleius libro sexto decimo stipulationum. Quod ad servitutes praediorum attinet, si tacite secutae sunt et vindicentur ab alio, Quintus Mucius et Sabinus existimant venditorem ob evictionem teneri non posse: nec enim evictionis nomine quemquam teneri in eo iure, quod tacite soleat accedere: nisi ut optimus maximusque esset traditus fuerit fundus: tunc enim liberum ab omni servitute praestandum* и проч. Изъ этого мѣста видно, м. пр., что этотъ юридическій терминъ существовалъ уже при республикѣ.

¹⁾ Dig. L, 16, 90 можно смѣло вмѣсто *optimae* читать *optimaeque*.

V.

О Латинской oratio obliqua.

Deecke въ своихъ Erläuterungen zur Lateinischen Schulgrammatik, стр. 385 говоритъ о Латинской oratio obliqua: „doch ist nicht zu leugnen, dass dergleichen Bravourstücke schwerfällig und oft unklar werden, zumal die lateinische Sprache bei weitem nicht die Leichtigkeit, Gewandtheit und Freiheit der griechischen besitzt; selbst die deutsche ist darin der römischen überlegen. Allzuviele Uebungen in der or. obliqua haben daher im Latein keinen Zweck mehr, da diejenigen, welche in die Lage kommen, lateinisch zu sprechen oder zu schreiben, sie möglichst meiden werden. Auch Cicero schon meidet eine längere or. obliqua, besonders wo sie irgendwie zweideutig werden könnte.

Эти, совершенно ненаучныя и невѣрныя, сужденія пристали развѣ какому-нибудь школьнику, немного знакомому съ oratio obliqua и тяготящемуся ея правилами, или вообще профану, имѣющему претензію судить о томъ, чего не знаетъ, а не ученому латинисту.

Oratio obliqua теперь намъ можетъ казаться очень неясною, трудною и для нашихъ практическихъ цѣлей ненужною; но совѣмъ иной вопросъ, была-ли, казалась-ли она такою древнимъ Римлянамъ. На этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ; напротивъ, у Римскихъ писателей она попадаетъ довольно часто, при томъ у писателей, которыхъ сами древніе выставляютъ образцовыми стилистами, нѣкоторыхъ—образцовыми и по ясности изложенія. Значить, для древнихъ Римлянъ oratio obliqua не казалась ни тяжелою, ни неясною; значить, языкъ ихъ обладалъ достаточными средствами для такого способа передачи мыслей; онъ имѣлъ кое-что такое, чего нѣтъ въ Греческомъ языкѣ. Мы имѣемъ объ orationes obliquae въ историческихъ сочиненіяхъ свидѣтельство одного древняго историка золотого вѣка Римской литературы—оно, конечно, осталось Deecke неизвѣст-

нымъ; по нашему мнѣнію, это мѣсто должно быть въ комментарий къ каждому Латинскому историческому сочиненію. Юстинъ въ своемъ сокращеніи Исторіи Помпея-Трога, XXXVIII, 3 приводитъ дословно изъ Трога длинную *oratio obliqua* Митридата и предпосылаетъ ей слѣдующія слова: *Tunc ad contionem milites vocat eosque variis exhortationibus ad Romana bella sive Asiana incitat. Quam orationem dignam duxi, cuius exemplum brevitati huius operis insererem; quam obliquam Pompeius Trogus exposuit, quoniam in Livio et in Sallustio reprehendit, quod contiones directas pro sua oratione operi suo inserendo historiae modum excesserint.* Итакъ, выходитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ древнихъ стилистовъ—конечно, не одинъ Трогъ держался такого мнѣнія—въ историческихъ сочиненіяхъ косвенныя рѣчи были какъ разъ умѣстнѣе, чѣмъ прямыя,—конечно, не мѣшая ясности и легкости изложенія¹).

Само собою разумѣется, не во всякаго рода произведеній и стилей удобны были и умѣстны были длинныя *orationes obliquae*. Но, что Цицеронъ вообще избѣгалъ длинныхъ *orationes obliquae*, это совершенно невѣрно²).

Еще одно невѣрное утвержденіе объ *oratio obliqua* находимъ у Deeske, тамъ-же, стр. 388, именно, будто въ дошедшихъ до насъ Латинскихъ текстахъ нѣтъ примѣра передачи въ *oratio obliqua* ирреального имперфекта (*Für das irreale Imperfekt fehlt ein Beispiel: es ist aber dem Plusquamperfekt ganz analog, z. B. si sciret... moleste se id laturum esse oder fore ut gravaretur: aber: se non abire posse*).

1) См. о рѣчахъ Саллюстія также мѣста Сенеки ритора и Гранія Лициніана, приведенныя у Бернгарди *Grundr. d. R. Litt.*⁵, стр. 707.

2) *Latein. Gramm. von Stolz und Schmalz*, 3 Aufl.: стр. 298: *Selbstverständlich gehört die or. obliq. wesentlich den Historikern an und findet sich sonst nur vereinzelt. Unter den Historikern ist es ganz besonders Caesar, welcher die Oratio obliqua ausgiebig verwendet, nur die Rede des Critognatus b. G. 7, 77 ist im b. Gall. direkt wiedergegeben, alle andern, darunter auch sehr lange, stehen in Oratio obliqua.* У Цицерона очень длинную *or. obl.* находимъ напр. *Brutus*, гл. 22.

Это утверждение представляется невѣроятнымъ уже a priori; съ другой стороны уже до выхода Латинской грамматики Deeske и Erläuterungen къ ней довольно много примѣровъ ирреальнаго имперфекта въ косвенной рѣчи указано было Сп. Вассисомъ въ *Revue de philologie* XI (1887), стр. 42 и сл., затѣмъ Риманомъ въ томъ-же журналѣ, XV, стр. 34. Риманъ въ своей *Syntaxe latine* (3-е изд.) выставляетъ правило, что ирреальное *scriberem* въ косвенной рѣчи передавалось черезъ *scripturum fuisse*, но не считаетъ этого вопроса окончательно рѣшеннымъ; *la question, говоритъ онъ, n'est pas encore absolument tranchée, à cause du petit nombre d'exemples.*

Мы приводимъ здѣсь нѣкоторые примѣры ирреальнаго имперфекта въ косвенной рѣчи, на которые не указано ни у Вассиса, ни у Римана.

1) Квинтиліанъ, *Instit.* X, 1, 99: *In comoedia maxime claudicamus, licet Varro Musas Plautino dicat sermone locuturas fuisse, si Latine loqui vellent.*

2) Ливій, II, 2: *invitum se dicere hominis causa, nec dicturum fuisse, ni caritas rei publicae vinceret.*

3) Ливій, XXXII, 36: *Quinctius verum id futurum fuisse dicere, si aestas et tempus rerum gerendarum esset. nunc hieme instante nihil admitti dato spatio ad legatos mittendos.*

4) Ливій, XXVI, 26: *quibus tantum abesse ut per se non liceat palam Romae crimina edita ficta ab inimicis vulgare, ut, nisi simularent aliquem sibi timorem absente collega dicendi de consule esse, ipse eis extemplo daturus senatum fuerit, ubi quidem collega venisset, non passurum quidquam prius agi, quam ut Siculi in senatum introducantur.*

5) Ливій, XXVI, 31: *„non adeo maiestatis... populi Romani imperiique huius oblitus sum, ut, si de meo crimine ambigeretur, consul dicturus causam accusantibus Graecis fuerim. sed non quid ego fecerim, in disquisitionem venit,... sed quid isti pati debuerint“.*

6) Ливій, XXXIV, 4: *„cur paupertas aliarum sub hac legis specie latet, ut quod habere non possunt, habiturae, si liceret, fuisse videantur?“*

7) Сенека, De Superst. (Haase III p. 425): Si cui intueri vacet, quae faciunt quaeque patiuntur, inveniet tam indecora honestis, tam indigna liberis...., ut nemo fuerit dubitaturus furere eos, si cum paucioribus furerent. nunc sanitatis patrocini-um insanientium turba est.

8) Курциј-Руфъ, VII, 10 (39): Illi, si ab alio occiderentur, tristes morituros fuisse responderunt: nunc a tanto rege, victore omnium gentium, maioribus suis redditos honestam mortem, quam fortes viri voto quoque expeterent, carminibus sui moris laetiti-ae celebrare.

9) Курциј-Руфъ, VIII, 1 (4): „Philippi milites spernis oblitus, nisi hic Atharrias senex iuniores pugnam detrectantes revocasset, adhuc nos circa Halicarnassum haesuros fuisse“.

10) Курциј-Руфъ, IV, 14 (52): Haec se fortibus viris dicere. Si qui dissimiles eorum essent, illa fuisse dicturum и пр.

11) Плиний, N. h. VII, 110: Aeschines summus orator, cum accusationem qua fuerat usus, Rhodiis legisset, legit et defen-sionem Demosthenis, qua in illud pulsus fuerat exilium, miran-tibusque tum magis fuisse miraturos dicit, si ipsum orantem audivissent. Срв. Цицер. De orat. III, 213: Aeschines... rogatus Rhodiis legisse fertur orationem illam egregiam, quam in Ctesi-phontem contra Demosthenem dixerat. qua perlecta petium ab eo est, postridie ut legeret illam etiam, quae erat ab Demosthene pro Ctesiphonte dicta: quam cum suavissima et maxima voce legisset, mirantibus omnibus, „Quanto“, inquit, magis miraremini, si audissetis ipsum“! Срв. Плутархъ, X or. vitae, VI (объ Эс-хинѣ): ἀλέγω τε τοῖς Ῥοδίοις τὸν κατὰ Κτησιφῶντος λόγον ἐπιδεικνύμενος· θαυμάζόντων δὲ πάντων, εἰ ταῦτ' εἰπὼν ἠττήθη „οὐκ ἂν“ ἔφη „ἐθαυμάζετε. Ῥόδιοι, εἰ πρὸς ταῦτα Δημοσθένους λέγοντος ἰχούσατε“.

12) Плиний, Epist. IV, 22: De huius nequitia (Катулла) sententiis in commune omnes super cenam loquebantur, cum imperator „quid putamus passurum fuisse, si viveret“? et Mauricus „nobis-cum cenaret“. Срв. Аврелиј-Викт. Epit., 12: Qui convivio famu-liari adhibitus, cum Veientonem consulari honore functum apud Domitianum, tamen multos occultis criminationibus persecutum

adesse vidisset, inter colloquia mentione Catulli facta callumnia-
toris praecipui dicente Nerva, quid nunc faceret, si Domitiano
supervixisset, „Nobiscum, inquit Mauricus, caenaret“.

13) Геллій, Noctes Atticae, XII., 5. 6: Sed ut tibi a me mos
geratur, dicam ego „indoctius“, ut aiunt, „et opertius, quae
fuisse dicturum puto sinuosius atque sollertius, si quis nunc
adesset Stoicorum“.

14) Геллій, N. A., XIII, 28, 2: eandemque credis futuram
fuisse multitudinis demonstrationem, si „cum multis hominibus“,
ac non „cum multis mortalibus“ diceret.

15) Плиний, N. h. I, praef. 16: profiteor mirari T. Livium...
quodam volumine sic orsum, satis sibi iam gloriae quaesitum, et
potuisse se desiderare, ni animus inquires pasceretur opere.

16) Ливій, VI, 6: senatus diis agere gratias, quod Camillus
in magistratu esset: dictatorem quippe dicendum eum fuisse, si
privatus esset.

17) Светоній, Aug. 65: cum sub idem tempus una ex consciis
(дочери его) liberta Phoebe suspensio vitam finisset, *maluisse se*
ait *Phoebes patrem fuisse*.

18) Августинъ, De doctr. Christ. II, 20: Cato, cum esset
consultus a quodam, qui sibi erosas a soricibus caligas diceret,
respondit: non esse illud monstrum, sed vere monstrum habendum
fuisse, si sorices a caligis roderentur.

VI.

Eine Kaiserrede¹⁾.

Im Jahre 1898 erschien eine neue Ausgabe des Aelius Aristides, zunächst vol. II., besorgt von B. Keil. Da ich mich schon früher mit diesem Autor beschäftigt hatte²⁾, so griff ich gleich nach Eintreffen des Buches neugierig zu dem neuen Text.

Keil hatte in seiner Ausgabe u. A. die Rede Εἰς βασιλέα dem Aristides abgesprochen; wer aber der darin gefeierte Kaiser sei, konnte er nicht bestimmen. Indem ich, was den ersten Punkt betrifft, Keil vollkommen beistimmte, beschloss ich zugleich den betreffenden Kaiser herauszufinden. Das gelang mir recht bald.

Da ich mich früher mit den Rescripten der römischen Kaiser beschäftigt hatte³⁾, so war mir frisch im Gedächtnis die jedem Juristen wohlbekannte Stelle aus der Vita Macrini über die

1) Эта статья назначалась первоначально для одного изъ Нѣмецкихъ филологическихъ журналовъ; но потомъ мы рѣшили, что приличнѣе ей появиться на родинѣ, въ „Извѣстiяхъ“ нашего Института, хотя бы и на Нѣмецкомъ языкѣ. Нѣмецкiй языкъ мы оставили, желая, чтобы эта статья, въ которой мы отнимаемъ у проф. Кейля первенство по рѣшенiю научнаго вопроса, была легко и вполнѣ доступна ему и другимъ Нѣмецкимъ филологамъ.

2) Im Jahre 1895 las ich in der hiesigen historisch--philologischen Gesellschaft meine russische Uebersetzung der Aristides-Lobrede auf Rom. Zur Zeit befindet sich diese Uebersetzung im Druck. Der Kommentar zu dieser Rede ist in Vorbereitung.

3) Im J. 1901 erschien meine Sammlung der Kaiserbriefe an Provinciallandtage, Städte u. dgl..

ungewöhnlichen Rechtskenntnisse dieses Kaisers und sein Verhältnis zu den Rescripten seiner Vorgänger. Beim Lesen § 17 der Rede *Εἰς βασιλέα* wurde ich gleich an jene Stelle erinnert. Das Vergleichen ferner der betreffenden Partien bei Dio Cassius und Herodian mit dieser Rede führte mich bald zu der Ueberzeugung, dass die fragliche Rede eine Lobrede auf den Kaiser Macrinus sei.

Zu diesem Ergebnis gelangte ich etwa vor 7 Jahren und theilte es dann gelegentlich meinen Kollegen hier, Herrn M. Speransky, B. Bursy, A. Martow u. A. mit; auch schrieb ich darüber etwa vor zwei Jahren Herrn Professor Julian Kulakowsky in Kiew. Einen Vortrag in der hiesigen historisch—philologischen Gesellschaft darüber zu halten fand ich nicht rathsam, weil es an genügender Zahl der Exemplare dieser Rede fehlte. Mit dem Druck wollte es auch nicht glücken.

Nachdem ich zu dem besagten Resultat gekommen war, fasste ich einmal den Plan den Text dieser Rede mit den entsprechenden Prolegomena herauszugeben oder gar eine Monographie über die Regierung des Kaisers Macrinus zu schreiben. Nun ist bekanntlich das Beste ein Feind des Guten:—die geplante Arbeit forderte noch Zeit, und manche andere Arbeit, die schon längst bei mir druckreif in der Mappe lag, forderte auch ihr Recht, und so wurde denn der Druck einer derselben begonnen, aber bald wieder unterbrochen—infolge meiner Krankheit und sonstiger tempora dura... Von August 1905 bis April dieses Jahres befand ich mich in der Krim, wo ich zwar, soweit es möglich war, meinen philologischen Studien oblag, aber beinahe keine Nachrichten über philologische Neuigkeiten hatte. Erst im Sommer dieses Jahres nach Nieschin zurückgekehrt, erfuhr ich von der Abhandlung B. Keils „Eine Kaiserrede“, erschienen in den Nachrichten von d. K. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen, ph.-h. Cl., 1905, Heft 4, S. 381—428, worin dieser Gelehrte ausführlich darthut, dass die Rede *Εἰς βασιλέα* dem Aristides abzusprechen und als eine Lobrede auf den Kaiser Macrinus zu betrachten sei, also etwas, was bei uns schon längst bekannt war.

Bevor ich nun die obenerwähnte Abhandlung Keil's zu Gesicht bekam, glaubte ich, dass durch dieselbe meine Arbeit über das gleichlautende Thema und meine Argumentation völlig nutzlos und überflüssig gemacht worden sei: jetzt aber sehe ich, dass ich auch nach Keil's langer und fleissiger Abhandlung über die darin behandelte Frage etwas Neues sagen, bez. das von ihm Gesagte berichtigen kann.

In meiner Abhandlung bin ich den möglichst kürzesten Weg zur Lösung der Frage gegangen, den Keil übersehen hat; darum ist meine Abhandlung weit kürzer, als die seinige, ausgefallen.

Keil hält auf etwa 40 Seiten — man möchte fast sagen — eine förmliche Kaiserschau, indem er, etwa wie Julian in seinem Symposion, alle römischen Kaiser von den Juliern-Claudiern bis auf Diocletian der Reihe nach auftreten und Revue passieren lässt. Das ist zwar eine nützliche Repetirung der römischen Kaisergeschichte und für einen Philologen, der sich mit der griechischen Litteraturgeschichte der Kaiserzeit beschäftigt, wie ich es aus eigener Erfahrung weiss, von Nutzen; sed nunc non erat hic locus. in diesem Fall war sie eigentlich ganz unnöthig.

§ 13 unserer Rede heisst es: ὁ δὲ (der gefeierte Kaiser) οὕτω καθωσίωτο τῇ βασιλείᾳ — nämlich πρὸ τοῦ βασιλεύειν — ὥστε τὴν πρώτην τεταγμένος ἔπως ἔτυχε ταχθεῖς. ἀδήλου ὄντος τοῦ μέλλοντος, ὁρῶν πολλά τῆς βασιλείας οὐ καλῶς οὐδὲ ὀσπίως διοικούμενα, ἀλλὰ πολλὴν ἀνθάδειαν καὶ ὕβριν καὶ ἀκολασίαν ἐγγενομένην. οὐκ εἶα αὐξῆσθαι οὐδὲ περαιτέρω χωρεῖν, ἀλλ' ὥσπερ μεγάλου σώματος καὶ οὐχ ὑγιαίνοντος ἰώμενος τὰ ὑπουλα καὶ νενοσηκότα αὐτοῦ, ἢ καθάπερ ἵππου χαλεποῦ καὶ βιαίου κατέχων τὸ ἄγριον καὶ ἀπειθές, ἐκφερόμενος μὲν ὑπ' αὐτοῦ, πολλὰκις δὲ κατέχων καὶ ἀνακόπτων τὰς συνεχεῖς καὶ ἀλόγους καὶ βιαίους ὁρμάς, ἔπραττεν αὐτῷ καὶ προεώρα τὰ συμφέροντα. Keil glaubte in den Worten τὴν πρώτην τεταγμένος etc. eine Bezeichnung *des niedrigsten Amtes*, das der gefeierte Kaiser vor seiner Kaiserwürde bekleidet hat, zu haben¹⁾.

¹⁾ S., z. B., S. 421, Anm. 1: „Macrinus hatte als Jurist von der Pike auf gedient und . . . als advocatus fisci begonnen, also mit einem nicht eben hohen Amte: auch daher 13 τὴν πρώτην τεταγμένος ἔπως ἔτυχε ταχθεῖς“ (sic!).

Diese Annahme ist wohl ganz verfehlt¹⁾. Wie konnte ein niedriger Beamter, z. B. ein *advocatus fisci*, dem Kaiser Rath ertheilen und überhaupt ihn wesentlich beeinflussen?! Das konnte nur einer, der, bevor er Kaiser wurde, *das höchste Amt* nach der Kaiserwürde, d. h. die *praefectura praetorii*, bekleidete, und gerade dieses Amt ist m. E. mit den angeführten Worten bezeichnet. Diese Praefectur aber galt als das erste Amt nach der Kaiserwürde bekanntlich erst seit Hadrians und noch mehr seit Severus' Regierung.

Ist dem aber so, ist unsere Erklärung der angeführten Worte richtig, so hätte Keil von vielen Kaisern ganz absehen und sein Augenmerk nur auf diejenigen von ihnen richten sollen, die früher *praefecti praetorio* und zwar seit Hadrians Zeit gewesen sind. So würde er sofort, ohne sogar z. B. über Pertinax ein Wort zu verlieren²⁾, gerade zu Macrinus gelangt sein³⁾. Da, wie Keil richtig bemerkt, von den christlichen Kaisern hier abgesehen werden muss, so kamen nach Macrinus nur in Betracht: Philippus, Florianus, Ballista und Carus. Aber Florianus *post fratrem arripuit imperium... quasi hereditarium esset imperium* (*Vita Flor.*, 1) und hat nur zwei Monate geherrscht etc; Ballistas Herrschaft, wenn er überhaupt eine solche erlangt hat, war ebenfalls ephemer (s. *Vita*); Carus hatte zwei Söhne

¹⁾ Themistius or. V., Dind. p. 79 sagt von dem Kaiser Iovian (bekanntlich auch einem *αυτοκράτωρ εξ ιδιώτου*): *μεταστάς γάρ εκ τάξεως ού λλαν πρώτης εις την άπασών ύψηλοτάτην*. Vgl. bei Julian or. 1: *ής (nämlich 'Ρώμης) τó δεύτερον τετάχθαι*.

²⁾ Mit geringerem Grund konnte die *praefectura urbis* als das erste Amt bezeichnet werden. Vgl. Vollmer zu Statius *Silvae* I, 4, 6.

³⁾ Bei Herodian V, 1, 2 (ed. Bekker) sagt Macrinus (in einem Schreiben an den Senat in Rom) „έν είδόσι μέν ύμίν τού τε βίου μου την έξ άρχής προαίρεσιν τού τε τρόπου τó πρός, χρηστότητα έπιρρεπές και τó πρᾶον της διοικηθείσης πρότερον πράξεως, (vielmehr τάξεως?) ού πολύ τι έξουσίας και δυνάμεως βασιλικής άποδεούσης... Ιστε γάρ με και οίς εκείνος (*Caracalla*) έπραττεν ούκ άρεσκόμενον, και προκινδυνεύσαντα ύμών, έν οίς πολλάκις ταίς τυχούσαις διαβολαίς πιστεύων άφειδώς ύμίν προσεφέρετο etc.

und ist während des Perserkrieges gestorben. So bleiben nur Macrinus und Philippus,

S. 40 seiner Abhandlung sagt Keil: „So bleiben allein Macrinus und Philippus. Nur kurze Zeit schwankt man“. Ja, gewiss. Nur hätte er auch in Betreff der übrigen zahlreichen Kaiser nicht so lange schwanken und rathen, sondern auf einer der ersten Seiten seiner Abhandlung das sagen sollen, was er auf S. 40 sagt, und somit seinem Leser einige Stunden Lesens ersparen sollen....

§ 14 unserer Rede heisst es von dem Kriege, während dessen der gefeierte Kaiser die höchste Gewalt erhielt: „ἀπάντων μὲν κεκνημένων καὶ μεδισταμένων ὡς ἔπος εἰπεῖν εἰς ἑτέραν γῆν, σαλευούσης δὲ τῆς ἀρχῆς ὡς ἐν μεγάλῳ χειμῶνι ἢ σεισμῶ, κατὰ ὡσπερ νεῶς καταδύεσθαι μελλούσης, ἀποφερομένης πρὸς ἔσχατα γῆς, οὗ καὶ πρότερον ἀπεπλανήθησαν τινες τῶν ἐν ἀρχαῖς καὶ βασιλείαις γενομένων κάπειτα ὡσπερ ἐν λαβυρίνῳ πολλαῖς καὶ χαλεπαῖς ἀπορίαις ἐντυχόντες τελευτῶντες αὐτοὺς ἀπέπικον, ἀποκλεισθέντες τῆς ὀπίσω ὁδοῦ, ἐπανελθεῖν μὴ δυναθέντες etc. Zu dieser Stelle bemerkt Keil: „Unter der anderen Erde“ und den „Enden der Erde“ ist der Orient gemeint. In ἐν ἀρχαῖς, welche sich selbst aufgaben, ist ohne weiteres Cassius (wohl ein Schreibfehler—statt Crassus) freiwilliger Tod im Partherkriege zu erkennen. Mit Königen, welche in ähnliche Lage kamen, wird an die Seleukiden, besonders an Antiochus III, den Grossen, auch an Antiochus IV Epiphanes und Antiochus VII Euergetes, vielleicht auch an Antiochus X Eusebes, erinnert“,

Zu Crassus ist wohl noch Antonius hinzuzufügen; unter den οἱ ἐν βασιλείαις γενομένοι aber verstehe ich römische Kaiser und zwar aus folgenden Gründen: 1) Wollte der Redner ausländische Herrscher bezeichnen, so würde er gewiss ein entsprechendes Beiwort hinzugefügt oder das auf irgend welche Weise des näheren ausgeführt haben. 2) Warum sollte er hier, in einer Kaiserrede, nach einem heimischen ausländische Beispiele angeführt haben? warum nach einem Römer gerade der Seleukiden gedacht haben? 3) Warum weist er diesen Königen, die dazu vor Crassus gelebt haben, nur die zweite Stelle an? 4) Das ἀπεπλανήθησαν passt gut

nur für den Standpunkt von Rom; denn $\sigma\zeta$ bezeichnet nicht einfach Parthien, sondern Parthien als $\xi\sigma\chi\alpha\tau\alpha$ γῆς; als solches aber konnte Parthien heissen nur für Rom, nicht für das nahe Antiochien, die Residenz der Seleukiden. 5) Es gab römische Kaiser¹⁾, die im Parther- oder Perserreich oder überhaupt im fernen Orient in ähnlicher Lage gewesen sind. Ihrer sind in unserer Stelle wenigstens zwei gemeint. Es wären also Trajan und Septimius Severus, da L. Verus persönlich das Partherreich nie betreten hat.

So zeigt denn m. E. auch diese Stelle unserer Rede, dass dieselbe erst nach Septimius Severus verfasst worden ist.

S. 403 sagt Keil: „Schliesslich ist, da hier Aristides in Frage ist, das Fehlen eines Teiles über die $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\alpha$ hervorzuheben. Diese wird anscheinend in jener $\pi\rho\acute{o}\theta\epsilon\iota\varsigma$ (15) angekündigt, aber mit einem $\xi\rho\zeta\alpha\tau\omicron$ μὲν γάρ, ὡσπερ προσήκει. ἀπὸ $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\alpha\varsigma$, διεξῆλθεν δὲ καὶ διὰ τῶν ἄλλων μερῶν τῆς ἀρετῆς (15) ist sie für die ganze Rede abgetan. Nur in der Scheinrekapitulation—denn sie enthält zur Hälfte Nichtbewiesenes—fällt der Begriff noch einmal (§ 37). Der Verfasser will die $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\alpha$ wol in Teil I bewiesen haben mit δ $\theta\pi\omega\varsigma$ $\acute{o}\sigma\iota\omega\varsigma$ καὶ $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\omega\varsigma$ ἐπιστήσεται und α ... τῆς δικαιοσύνης... καὶ τῆς ἄλλης $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\alpha\varsigma$ τούτῳ διαφυλάξας, und vielleicht soll jenes $\xi\rho\zeta\alpha\tau\omicron$... ἀπὸ $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\alpha\varsigma$ eben auf die Zeit vor der Regierung hindeuten: an sich sehr schwächlich; dazu fragt man im besonderen, ob bei einem Aristides der Teil über $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\alpha$ sich so hätte verkrümmeln können“.

Keil hat offenbar die betreffenden Stellen der Rede missverstanden. Das Wort $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\iota\alpha$ bedeutet bei unserem Redner nicht „Frömmigkeit“, wie bei Aristides, sondern „Milde, Barmherzig-

¹⁾ Der Redner tadelt eine solche Orientpolitik der römischen Kaiser seiner Zeit und der Vergangenheit. Vgl. Dio Cassius LXXV, 3: δ δὲ Σευηρος ἀξίωμα τῇ Νισίβει δούς ἱππεὶ ἐπέτρεψεν, ἐλεγέ τε μεγάλην τέ τινα χώραν προσκεκτήσθαι καὶ πρόβολον αὐτὴν τῆς Συρίας πεποιήσθαι. ἐλέγχεται δὲ ἐξ αὐτοῦ τοῦ ἔργου καὶ πολέμων ἡμῶν συνεχῶν, ὡς καὶ δαπανημάτων πολλῶν αἰτία οὖσα etc.

keit“, und eben von einer solchen εὐσέβεια spricht der Redner § 9: der Kaiser soll gerade mit der εὐσέβεια begonnen haben, er soll auch solche, die eines Attentates auf ihn überführt worden waren, nicht haben hinrichten oder verbannen lassen, sondern alle verschont haben. Das Wort εὐσέβεια (wie das entsprechende lateinische pietas) mit der Bedeutung „Barmherzigkeit“ kommt häufiger im IV' und V' Jahrh. n. Chr., manchmal wohl auch im III Jahrh., aber schwerlich im II Jahrh. vor¹). Von Justins Apologien und dem Eusebius Hist. eccles IV', 26, 10 wollen wir hier lieber absehen. CIL. III, 1000 heisst es (in einer Bittschrift an den Kaiser Philippus und seinen Sohn): πάντων ἐν τοῖς μακαριωτάτοις ἡμῶν καιροῖς, εὐσεβέστατοι καὶ ἀλυπότατοι τῶν πώποτε βασιλέων, ἤρεμον καὶ γαληνὸν τὸν βίον διαγόντων.... In der Epitome des Dio Cassius LXXI, 30 heisst es von M. Aurel: οὕτω τι καθαρὸς διὰ πάντων καὶ χρηστὸς καὶ εὐσεβὴς ἐγένετο, καὶ οὐδὲν αὐτὸν ἐξεβιάσατο ἕξω τι τῶν ἑαυτοῦ ἡθῶν πρᾶξαι, οὐχ ἡ ἀνοσιουργία τῶν τετολημμένων, οὐχ ἡ προσδοκία τῶν ὀροίων ἐκ τῆς πρὸς ἐκείνους συγγνώμης etc²). Hier ist nur von der

¹) Bei Themistius or. XIX, Dind. p. 279 heisst Gott φιλόανθρωπος καὶ εὐσεβής (vgl. bei späteren lateinischen Schriftstellern deus piissimus, pietas dei u. dgl.); und or. VII, Dind. p. 105 wird das Wort εὐσεβής (vielmehr pius) im Kaisertitel so erklärt: παραλαβοῦσα ἡ Ῥωμαίων φωνὴ καὶ ὁ θεσμὸς τῆς πολιτείας τὴν ἑκατέρῳ (nämlich einem Krieger und einem Kaiser) πρέπουσαν ἀρετὴν ταῖς ἐπικλήσεσιν ἐνεδείξατο ὑμᾶς μὲν (die Kaiser) εὐσεβεῖς καὶ φιλανθρώπους προσαγορεύσας etc. Vgl. im Thesaurus glossarum emendatarum: εὐσεβής, humanus, pius. Ueber diese Bedeutung des W. εὐσέβεια hat kürzlich A. Martow „Ueber die Ehrenämter der röm. Kaiser etc.“ (russisch) S. 86 fg., gehandelt.

²) Ganz dasselbe finden wir bei Dio Cassius—ebenfalls in der Epitome—von Antoninus Pius erzählt und als εὐσέβεια bezeichnet. Nämlich LXXX, 1, nachdem erzählt worden ist, wie Antoninus die Apotheose seines Vaters Hadrian beim Senate durchgesetzt hat, heisst es weiter: Ταῦτα μόνον περὶ τοῦ Ἀντωνίνου ἐν τῷ Δίῳι σώζεται, καὶ ὅτι Αὐγουστον αὐτὸν καὶ Εὐσεβῆ διὰ τοιαύτην αἰτίαν ἐπωνόμασεν ἢ βουλή. ἐπειδὴ ἐν τῇ ἀρχῇ τῆς αὐτοκρατορίας αὐτοῦ πολλῶν αἰτιαθέντων καὶ τινῶν καὶ ὀνομαστὶ ἐξαιτηθέντων ἕμῳ οὐδένα ἐκόλασεν, εἰπὼν ἔτι οὐ δεῖ με ἀπὸ τοιούτων ἔργων τῆς προστασίας ἡμῶν ἀρξασθαι. Dio Cassius mag wohl εὐσέβεια in der Bedeutung

Barmherzigkeit des Kaisers die Rede; vgl. ibidem, unten, 34: οὕτω θεοσεβῆς ἦν ὁ Μάρκος, ὥστε καὶ ἐν ταῖς ἀποφράσι οἱκοι θύειν.

So weist auch die Bedeutung des Wortes εὐσεβεία in unserer Rede wohl auf eine bedeutend spätere Zeit als die des Aristides.

S. 418 schreibt Keil: „Gegen Pertinax spricht auch die folgende Beachtung, welche ich brieflicher Mittheilung O. Hirschfelds verdanke: „Der Kaiser wird 38 angeredet als ὁ πάντα βασιλέας παρεληλυθώς, σοφία μὲν τοὺς σοφοὺς, ἀνδρεία δὲ τοὺς ἀνδρείους, εὐσεβεία δὲ τοὺς ἐπὶ ταύτῃ διαφέροντας, εὐτυχία δὲ τοὺς εὐτυχεστάτους. Diese ausdrückliche Höherstellung über alle früheren Kaiser findet sich zuerst bei Caracalla; vgl. Dessau 452 super omnes principes fortissimo felicissimoque; CIL VI ind. p. 1047 f. mehrere Inschriften. Seitdem findet sie sich bisweilen auch bei anderen Kaisern des. 3. Jh“. Nein, eine solche Höherstellung über alle übrigen Kaiser und zwar eine der in unserer Rede vorkommenden sehr ähnliche findet sich schon bei Fronto—von Antoninus Pius—Naber p. 226: „Iam vero pater vester divinus ille vir prudentia, pudicitia, frugalitate, innocentia, pietate, sanctimonia omnes omnium principum virtutes supergressus.

Wichtiger sind in der eben angeführten Stelle die Worte: εὐσεβεία δὲ...., εὐτυχία δὲ..... Εὐσεβεία und εὐτυχία in dieser Ordnung wurden wohl mit Bezug auf den Kaisertitel gesprochen und weisen somit wohl auf Severus' Zeit oder eine noch spätere. Denn εὐσεβῆς εὐτυχῆς sind bekanntlich in der Kaisertitulatur zuerst unter

„Barmherzigkeit“ gebraucht haben, aber unmöglich konnte er diesen Ehrentitel des Antoninus anders erklären als ihn die Zeitgenossen desselben Kaisers auffassten (Pausanias VIII, 43) u. erklärten. So wären m. E. die Worte ταῦτα μόνα bis ἐπειδὴ zum Vorhergehenden zu schlagen, so dass τοιαύτην auf das Vorhergehende hinwies, und was folgt, wäre als eine spätere und gewiss unrichtige Erklärung zu betrachten. Da man die rechte Beziehung des τοιαύτην nicht verstand und eine Erklärung des Titels vermisste, glaubte man eine solche nachtragen zu müssen, die aber die spätere Zeit verräth. Diese Erklärung konnte man leicht auch aus der Rede Εἰς βασιλέα, indem man sie für eine Lobrede auf Antoninus Pius hielt, herauslesen.

Commodus aufgekommen und haben sich seitdem darin immer behauptet (Felix heisst Commodus erst seit 185).

So zeigt wohl auch diese Stelle wieder, dass unsere Rede nicht vor Septimius Severus zu setzen sei.

S. 409 behauptet Keil, dass Macrinus offiziell nie *felix* geheissen habe „Macrinus hat diesen Namen, wie Inschriften und Münzen zeigen, nie geführt“ und in der Anmerkung dazu heisst es: *Prosopographia Rom. II 734 n. 70 etc.* Ein sonderbares Versehen! Bei Dessau, *Inscr. Lat. Sil. vol. I.* stehen № 463, 464 und 465 Inschriften, wo Macrinus *constant pius felix* genannt ist.

S. 417 sagt Keil: „Allerdings von einer Forderung des Griechentums seinerseits (nämlich von Seiten des Macrinus) wissen wir nichts“ Wie so nichts? Keil selbst führt S. 432—im anderen Zusammenhange—diese Stelle der *Vita* (13, 4) an: *adhibuit convivio litteratos—* doch wohl, wenn nicht ausschliesslich, so wenigstens hauptsächlich Griechen—und *Herodian's V, 24* von Macrinus: *ὀργηστῶν τε θείαις καὶ πάσης μούσης κινήσεως τε εὐρύθμου ὑποκριταῖς σχολάζων.* Lässt das auf eine Förderung des Griechentums nicht schliessen? als ein Beweis für den Luxus des Kaisers lässt Keil diese Worte nicht gelten.

§ 35 unserer Rede heisst es: *ἔπου γὰρ Κελτοὶ μὲν οἱ μέγιστοι καὶ φρονικώτατοι τῶν ὑπὸ ἡλίῳ πολλὰ δὴ καὶ παντοῖα τολμήσαντες νῦν προσκυνῶσι τὸν δεσπότην, γινόντες τὸ τὴν ἡσυχίαν ἄγειν ὡς ἀμεινον ἦν καὶ ποιεῖν τὸ προσταττόμενον τοῦ πολεμεῖν. . . . τούτο τὸ ὄνομα λείπεται μόνον τοῦ γένους.* S. 413 sagt Keil von dieser Stelle: 9) Glücklicher Keltenkrieg. Unter Pertinax hört man nichts davon, ebensowenig unter Macrinus und Philippus etc. Indess in seiner *Aristidesausgabe* in der Anm. z. d. St. versteht er unter den *Κελτοί* die Germanen—ohne Zweifel richtig. Wir glauben, diese Stelle unserer Rede findet ihre Erklärung bei *Dio Cassius LXXVIII, 27, 4*: *οἱ τε Δάκοι λυμηνάμενοι τινα τῆς Δακίας καὶ πολεμησεύοντες, ἐπεὶ πλεῖον ἀνέσχον, τοὺς ἡμέρους, οὗς ὁ Καρακάλλος ἐν συμμαχίας λόγῳ, παρ' αὐτῶν εἰλήφει, κομισάμενοι.*

Die wenigen Worte über ein angeblich vertilgtes Volk sind, weil lückenhaft, am schwersten zu deuten. Aber wir müssen

jedenfalls dabei eine Stelle in der Vita Macrini (c. 12) nicht ausser Betracht lassen, woselbst u. A. auch von einem glücklichen Kriege des Macrinus gegen die Araber die Rede ist (pugnavit tamen et contra Parthos et contra Armenios et contra Arabas, quos Eudemones vocant, non minus fortiter quam feliciter).

Die Rede *Εἰς βασιλέα* wurde an einer *ἑορτῇ καὶ ἱερομηνίᾳ* gehalten; § 37 gedenkt der Redner des *Δήμητρος πῦρ*. Keil vermuthet daher, diese Rede sei in oder bei Antiochien an einem Demeterfest gehalten. Das könnte man mit mehr Nachdruck behaupten — in Hinsicht auf folgende Stelle des Libanius, or. XI, (*Ἀντιοχικός*) Förster p. 443: *Δημήτηρ δὲ οὕτω δὴ τι τὴν ἡμετέραν ἠγάπησε μᾶλλον τῆ Σεκελίαν, ὥστε Ἥφαιστος μὲν ἐπὶ τῆς ἀσπίδος χρυσῆν ἀρουραν ἐποίησεν, ἡ δὲ μοῖραν ἡμῖν τῆς γῆς οὐ μικρὰν χρυσῶ προσόμοιον ἐποίησεν, καὶ τὸ δῶρον ξανθῆς ὄντως θεᾶς; ibidem, c. 125* wird ein Demetertempel in Antiochien erwähnt; aus derselben Rede des Libanius (c. 58 u. 163) ersehen wir auch, dass ein Theil der Antiochener athenischer Abstammung war. Macrinus, ein Afrikaner von Geburt, mochte Demeter-Ceres als seine Landes- und Schutzgöttin besonders verehren¹⁾.

Keil hat u. A. auch die Sprache und den Stil unserer Rede analysirt. S. 398 sagt er von der Geschmacklosigkeit des Redners: „Die folgende Blütenlese wird für sich sprechen: „*ἔπαυσεν τῆς ἐκεῖσε ὀρμῆς, ἔπειτα κατέστησεν εἰς ὄρμον ἄγων καὶ νῦν ἡ μὲν ἐν ἀσφαλεστάτῳ ὀρμεῖ (14, 15); ὅση δύναμις... ὅσον δυνατόν (p. 254, 1, 3); κατέχων—κατέχων (256, 14, 15); ἡμελημένης... οὐκ ἐμέλησεν (258, 10, 12)*“ und S. 299, Anm. 2: „Ich halte es nicht für ausgeschlossen, dass dies Wort (nämlich *κατήκοος*) eines geschmacklosen Wortspiels

¹⁾ In Afrika war der Kult der Ceres in der Kaiserzeit weit verbreitet. Von der Ceres Africana spricht Tertullian *De exhort. castit.*, 13: *Novimus et continentes viros, et quidem tauri illius Aegyptii antistites: feminas vero Cereri Africanæ, cui etiam sponte abdicato matrimomo assenescent, aversantes exinde contactum masculorum usque ad oscula filiorum...* vgl. *De uxore*, I, 6. Die Münzen *Ἀντιοχέων νεωκόρων* mit den Bildnissen des Pescennius Niger und der Demeter s. Eckheil., VII, 5. 158.

wegen (wie ὄρμη—ὄρμος) gewählt wurde: κατεπτηχὸς ἅπαν τὸ ὑπήκοον... πολλῶν τῶν κατηχῶν. Keil hätte dies entschiedener behaupten sollen, statt es nur als eine Vermuthung aufzustellen. Denn jenes „geschmacklose Wortspiel“ gehört gerade mit zur Manier unseres Redners, dasselbe kommt ausser den von Keil besprochenen Stellen noch häufig vor, so § 5: δεηθεῖς. δεηθέντων... δεηθεῖσι. § 7: ἐκεῖνοι μὲν γὰρ μετὰ πολέμων καὶ φόρων πολλῶν εἰσῆλθον εἰς τὰ πράγματα. πολλοὺς μὲν τῶν ἐν τάξει ἀπολέσαντες. πολλοῖς δὲ ἀνηκέστων συμφορῶν αἴτιοι γεννηθέντες. ὥστε πολλὰς μὲν ἐρημωθῆναι πόλεις..... τοῖς πράγμασι... πραγμάτων... ἐπράχθη. § 12: τὴν παιδείαν... παιδευθεῖς... ἀπὸ παιδείας. § 13: ἐπειδὴν δὲ εἰσέλιθωσιν εἰς τὴν ἀρχὴν (— βασιλείαν). τηρικαῦτα ἐπιμελεῖσθαι αὐτῆς ἄργονται... τεταγμένος ὕπως ἔτυχε ταχθεῖς. § 16: τῆς γὰρ συντάξεως ὑπερβαλλούσης τῆς εἰς διοίκησιν συνεταγμένης καὶ φόρων ἐπιταχθέντων. § 17: ὥστε δικαιοσύνην τὴν ἀκριβεστάτην ταῦτόν δυνασθαι φιλανθρωπία τῆ καθαρωτάτη. § 27: εἴ τις ἔσπιν ἐγκράτεια κατ' ἀνθρώπους ἡμιουμένη. ταύτην περὶ τούτου μόνου λεγομένην πιστὴν εἶναι δοκεῖν. § 28: ἴττημένος μὲν Χρυσίδος. ἐρῶν δὲ Βρισίδος... ἔκλαεν ὄρων „ἐσὶ οἴνοπα πόντον“ καλῶν τὴν μητέρα, ὥσπερ παιδάριον πεπονθὸς τοῦτο ὑπὸ ὁμοίου ἐτέρου. § 32: τοὺς πολεμίους... ἐν τοῖς πολέμοις... πολεμικούς. § 37: χάρις δὲ πάντα ἐπέζει πεδία, πᾶς δὲ διὰ πάντων λέλυται φόβος. § 33: ἱκανῶς ἐνὸς ἀνδρός, § 39: γενναῖε γενναίων.

Dieser Stil erinnert lebhaft an Apuleius und Africa¹⁾. Denn, wie man über den Ursprung des sogenannten afrikanischen Stils auch denken mag, unbestritten ist es, dass er zur Kaiserzeit besonders in Afrika verbreitet war, wobei die dortigen Redner vielfach des Lateinischen und des Griechischen gleich mächtig waren²⁾. Daher wird hoffentlich die Vermuthung nicht allzu kühn erscheinen, ob nicht der Verfasser unserer Rede, wie der von ihm gefeierte Kaiser, ein Afrikaner war. Einige ausgezeichnete afrikanische Redner waren gewiss als Gesandte der Städte

¹⁾ Norden, Die Kunstprosa, I.

²⁾ Nach Apuleius Apol., 98 war in manchen Gegenden Africas das Griechische verbreiteter als das Lateinische.

zum neuen Kaiser nach Antiochien gekommen, mancher wird wohl bei ihm zurückgeblieben sein.

Meine obigen Ausführungen würden, glaube ich, meine Priorität in der richtigen Deutung dieser Kaiserrede auch dann sehr wahrscheinlich erscheinen lassen, wenn dieselbe sonst als Thatsache nicht direkt bezeugt werden könnte.

Als die vorigen Seiten theils schon gedruckt, theils im Drucke waren, da kam mir Philologus, Band LXV, Heft 3. zu, woselbst A. v. Domaszewski (Beiträge zur Kaisergeschichte, II. Die Rede des Aristides εἰς βασιλέα) zu beweisen sucht, dass die Rede Εἰς βασιλέα ein προσφωνητικὸς Γαλιηνῶ (s. Suidas s. v. Καλλίνικος) gewesen sei, gehalten vom Sophisten Callinicus im Herbst des Jahres 260 bei dem grossen Feste der Demeter in Eleusis.

Die Beweisführung Domaszewski scheint uns nicht überzeugend und wir bleiben bei unserer Deutung. Der gelehrte Verfasser hat wohl diese Frage nicht mit seiner gewohnten Akribie behandelt. Hier wollen wir von seinen Aufstellungen nur Einiges besprechen.

Aus der Rede Εἰς βασιλέα erhellt u. A.—und wir betonen besonders diese Punkte,—dass der gefeierte Kaiser kein Kaisersohn gewesen, dass er vor der Thronbesteigung ein praefectus praetorio und überhaupt ein eminenter Rechtskenner gewesen, einen grossen von seinem Vorgänger angefangenen Krieg im Orient beigelegt, die Freiheit zurückgegeben, die Steuern gemindert, die Zucht im Heere wiederhergestellt, nach einem dem hellenischen Wesen unholden Vorgänger dasselbe begünstigt, einen Sohn gehabt, nach Septimius Severus gelebt.

Domaszewski nennt Macrinus einen unbedeutenden Fürsten. Die wahre Bedeutung des Macrinus als Kaiser ist für uns jetzt gleichgültig; genug, dass er für eine mässige Lobrede Stoff geliefert hat. Nun sagt von ihm Herodian V, 2, 2: ἐν ἀδείᾳ πολλῇ καὶ εἰκόνι ἐλευθερίας ἐβίωσαν ἐκείνου τοῦ ἔτους οὗ μόνου ὁ Μακρίνος ἐβασίλευσε... und Dio Cassius LXXVIII, 40 nennt ihn καὶ ἐμπειρία πραγμάτων προφέρων ἀρετὴν τε ὑποδεικνύων... nur, leder, hat er, ein Ritter, statt die Kaiserwürde einem Senator zu bieten, es vorgezogen, selbst Kaiser zu werden.

Gallien hat einige Jahre mit seinem Vater regiert und der in unserer Rede gepriesene Kaiser ist von Anfang an alleiniger Herrscher gewesen.

Gallien war von edler Herkunft und hatte die Cäsar- und Augustuswürde als Kaisersohn erhalten; der Kaiser unserer Rede war von niedriger Herkunft.

Dass Gallien die Cäsarwürde vom Senat erhielt, ist für uns ohne Bedeutung; denn hätte er diese Würde zuerst vom Vater erhalten, so hätte dieselbe vom Senat bestätigt werden müssen, wie auch seine Augustuswürde, ihm vom Vater verliehen, gewiss nahher vom Senat bestätigt wurde.

§ 14 unserer Rede (s. oben, S. 53) findet Domaszewski eine „Verzweiflung der Herrscher selbst an der Herrschaft“ angedeutet. M. E. ist darin etwas anderes gemeint (s. oben).

S. 244 sagt Domaszewski: „unsere ebenso ausführliche als zuverlässige Ueberlieferung bei Cassius Dio und Herodian weiss nicht das geringste von Kämpfen des Macrinus gegen die Germanen“. Aber die Rede Εἰς βασιλέα weiss eigentlich auch nichts von den *Kämpfen* gegen dieselben unter diesem βασιλεύς (s. oben, S. 57).

Auf derselben S. heisst es weiter: „Nun gar Septimius Severus und seinen Sohn Caracalla für Verächter derjenigen, die damals für Hellenen galten, zu erklären, schlägt der ganzen Ueberlieferung ins Gesicht. Soll man erst daran erinnern, an wen Philostratus das Leben des Apollonius gerichtet hat und wer der Lehrer Caracallas war?“. Von Septimius Severus und Julia Domna hatte der Redner keine Veranlassung zu reden; ihm genügte zur Vergleichung der nächste Vorgänger seines Kaisers, d. h. Caracalla. Dieser aber hat zwar ausgezeichnete Lehrer gehabt, aber hat auch, nachdem er Alleinherrscher geworden, jede wissenschaftliche Bildung gänzlich verachtet; Dio Cassius LXXVII, 7 sagt von ihm: καὶ δὴ καὶ τοὺς φιλοσόφους τοὺς Ἀριστοτελείους ὀνομασμένους τὰ τε ἄλλα δεινῶς ἐμίσει, ὥστε καὶ τὰ βιβλία αὐτοῦ κατακαῦσαι ἐθελήσαι, τὰς τε λοιπὰς ὠφελείας ὅσας ἐκαρποῦντο, ἀφείλετο... und c. 11: ὁ δὲ ἐκ μὲν τούτων τρόπον τινὰ ἐρρώσθη, τῆς δὲ παι-

δεύσεως ὡς οὐδὲ τοῦνομα αὐτῆς πώποτε ἀκηχῶς ἐπελάθετο¹⁾). Philostratus hat das Leben des Apollonius an Niemanden gerichtet (d. h. dedicirt), geschrieben aber auf Wunsch der Julia Domna; diese interessirte sich für die Philosophie und dgl., aber nicht ihr Stiefsohn Caracalla.

Aber zugegeben, Caracalla sei wirklich ein Gönner der Griechen und ihrer παιδεία gewesen,—welche Verächter des Hellenischen glaubt Domaszewski in unserer Rede angedeutet? S. 354 sagt er: „Die Periode der Missachtung des Hellenischen ist die der früheren Kaiser von Philippus bis Aemilianus, die als Grenzbarbaren weder durch Herkunft noch durch Bildung den Hellenen freundlich gesinnt sein konnten“. Eigentlich haben wir keinen Grund z. B. dem Philippus und Decius eine Missachtung des Hellenischen zuzuschreiben. Philippus stamnte aus dem hellenisirten Orient; Griechisch war wahrscheinlich seine Muttersprache und was wir sonst von ihm wissen, spricht vielmehr für seine griechische Sympathien. Von Decius sagt ein Grieche (Zosimus), dass er καὶ γένει προέχων καὶ ἀξιώματι, προσέτι δὲ καὶ πάσαις διαπρέπων ταῖς ἀρεταῖς. war, und nichts von seiner Missachtung der Griechen.

S. 356, Anm. 45 sagt Domaszewski: „Der Volksname, dessen Ausfall Keil erkannt hat (§ 35), ist der der Alemannen, die auf dem Boden Italiens 300000 Mann stark vernichtet wurden. Vgl. oben 150“. S. 150 ist Zonaras Stelle 12, 24 angeführt, wo aber von einer *Vernichtung* der Alemannen kein Wort steht.

¹⁾ § 20 unserer Rede heisst es: οὕτω γὰρ σφόδρα φιλέλλην ἔστιν ὁ βασιλεὺς καὶ τοσοῦτον αὐτῷ περίεστι τούτου τοῦ καλοῦ ὥστε ἡμελημένης τῆς τῶν Ἑλλήνων παιδείας καὶ καταπεφρονημένης, ἀνηρημένων δὲ τῶν ἐπ' αὐτῇ τιμῶν, παρεωσμένου δὲ καὶ ἐν οὐδενὸς ἔντος μέρει παντὸς τοῦ Ἑλληνικοῦ, οὐκ ἐμέλλησεν ὁ βασιλεὺς, ἀλλὰ πρὸς ταῖς ὑπαρχούσαις τιμαῖς καὶ ἄλλας προσέθηκεν. Wenn Caracalla die Athletik begünstigte, so war das—besonders in den Augen eines Rhetors—noch kein Merkmal der höheren Ἑλλήνων παιδεία. Ein Syrer hat dem Caracalla—bezeichnend genug—Κυνηγετικά gewidmet. Ἀλιευτικά Oppians waren—ich hoffe es bald zu beweisen—dem Antoninus Pius und M. Aurel gewidmet.

Die Erwähnung des Demeterfeuers kann man als eine bildliche Bezeichnung des Friedens auffassen, wobei freilich auch eine specielle, personelle oder lokale, Beziehung nicht ausgeschlossen ist. Aber auf Eleusis weist in unserer Rede nichts hin. Der Kaiser war in Athen und Eleusis angekommen, um in die Mysterien eingeweiht zu werden, und da in einer bei dieser Gelegenheit gehaltenen Rede kein Wort von Athen, von Eleusis und seinen berühmten Mysterien, kein Wort von des Kaisers εὐσέβεια εἰς θεούς! Vgl. Himerius or. III (Εἰς Βασίλειον. Παναθηναίους. ἀρχομένον τοῦ ἔαρος), u. A. c. 12: Βούλομαι δέ σοι τι καὶ διήγημα. τῆς τε πόλειος ἐπιχώριον καὶ πανηγύρεως ἐφ' ἣν ἦκεις. διηγήσασθαι. Πάντως ἦδὲ καὶ ἀξιόλαστον οὐ θεᾶσθαι μόνον Παναθήναια. ἀλλὰ καὶ λέγειν τι περὶ αὐτῶν ἐν τοῖς Ἑλλησι. ὅταν ἐν τῇ πανηγύρει τὴν ἱεράν Ἀθηναῖοι τρίτη τῇ θεῷ πέμπωσιν etc. Himerius erwähnt c. 4 auch die Eleusinien: Νῦν πλοῦσια μὲν Πισσοῦ καὶ διαφανῆ τὰ νόματα καὶ τάχα Δηοῦς μαντεύεται πάλιν ὁ ποταμὸς μυστήρια. Vgl. auch Menander II. ἐπιδ. Walz, p. 255.

S. 356 heisst es: „Der Ort und die Zeit der Rede (sie sind eigentlich von D. nicht genügend bestimmt) lassen auch den Redner selbst erkennen. Es ist die Rede keine andere als die hochberühmte, die Suidas nennt als das Werk des athenischen Sophisten Callinicus von Petra, der προσφωνητικὸς Γαλιηνῶ. Und in der Anm. dazu: „Dieselbe Rede bei Menander Walz p. 217 ὡς Καλλίνικος ἐποίησεν ἐν τῷ μεγάλῳ Βασιλιῶ“. Unsere Rede ist kein προσφωνητικὸς gewesen: sie wurde an einer ἐορτῇ gehalten und der gefeierte Kaiser ist in ihr nicht angedredet¹⁾, dem Umfang nach ist sie ziemlich klein und dem litterarischen Werthe nach keineswegs eine Musterrede. Callinicus muss besser geschrieben haben. Von dem Stil dieses berühmten Rhetors haben wir ein Beispiel—leider sehr kleines—in dem Fragment: Εἰς τὰ πάτρια Ῥώμης. Somit müssen der προσφωνητικὸς Γαλιηνῶ und ὁ μέγας βασιλικὸς verschiedene Reden gewesen sein—Callinicus soll mehrere ἐγκώμια καὶ λόγους

¹⁾ Eine Apostrophe an den Kaiser und seinen Sohn am Ende der Rede setzt die Anwesenheit des Kaisers nicht voraus. Vgl. z. B. den Προσφωνητικὸς Ἰουλιανοῦ des Libanius.

geschrieben haben (Suidas). Dasselbe folgt auch aus Menanders Stelle (Walz p. 217), deren einige Worte bei Domaszewski angeführt sind; dort heisst es nämlich: θεωρήσεις δὲ, πότερον ἔνδοξον αὐτοῦ τὸ γένος ἢ οὐ· κἄν μὲν ἔνδοξον ᾗ, ἐξεργάση τὰ περὶ τούτου· ἐάν δὲ ἄδοξον ᾗ εὐτελές, μεθείς καὶ τοῦτο ἀπ' αὐτοῦ τοῦ βασιλέως τὴν ἀρχὴν ποιήσῃ, ὡς καὶ Καλλίνικος ἐποίησεν ἐν τῷ μεγάλῳ Βασιλικῷ. Also hat Callinicus in seinem μέγας βασιλικός einen Kaiser von niedriger Herkunft gepriesen, somit nicht Gallien. Es mag dies eine Lobrede auf den Kaiser Philippus—von ritterlicher Herkunft—gewesen sein; es scheint uns nicht unwahrscheinlich, dass Callinicus damit Philippus, seinen Landsmann,—beide waren aus der Provinz Arabien gebürtig—in Athen—während der Reise des Kaisers nach Rom oder später—verherrlicht hat¹⁾.

Nach Domaszewski (S. 354) sind nur Hadrian und Gallien Archonten in Athen gewesen. Es hat aber auch Domitian dies Ehrenamt daselbst bekleidet und Constantin d. Gr. ist daselbst Strateg gewesen. Das Ehrenamt Galliens in Trajanopolis glaubt Domaszewski dadurch erklären zu dürfen, dass diese Stadt vermuthlich seine Vaterstadt gewesen. Aber diese Thatsache konnte auch durch den längeren Aufenthalt Galliens in Thracien veranlasst werden.

Anhang: Zwei Prokonsulreden u. A.

Wir lassen hier noch einen kleinen Beitrag zur Textkritik und Erklärung des Aristides folgen.

¹⁾ Unter den Schriften des Callinicus nennt Suidas eine mit dem Titel περὶ ἀνανεώσεως Ῥωμαίων. Bernhardt war der Sinn dieser Ῥωμαίων undeutlich. M. E. sind gemeint τὰ Ῥωμαία. Vielleicht standen diese Schrift des Callinicus und seine Lobrede auf Rom—ein Bruchstück derselben besitzen wir—in irgend einem Zusammenhange mit der unter Philippus veranstalteten Feier des tausendjährigen Bestehens Roms.

1. Or. XVII (15), § 6. Keil heisst es: δείγμα δὲ (nämlich τοῦ Σμυρναικοῦ τρόπου) ἐν ἐξαρξέσει, οὗ καὶ ὑπόμνημα ὄφει—καλοῦσι γάρ σε ἦρος ὄραι πρῶται—Διονυσίους τριήρης ἰερά τῶ Διονυσίῳ φέρεται κύκλῳ δι' ἀγορᾶς. Zu dieser Stelle bemerkt Keil: ὄραι πρῶται scripsi: ὄρα πρώτη O; καλοῦσι ad Smyrnaeos relatum sensu cassum; cfr. ad. p. 12, 15; Διονυσίους <οῖς> Schwarz Wiener Stud. 1886, 78.

Wir lesen:—καλοῦσι (ein Futurum!) γάρ σε—ἦρος ὄρα πρώτη Διονυσίους τριήρης ἰερά etc.

Die Richtigkeit dieser Lesart wird erst dann einleuchten, wenn wir richtig bestimmen, an wen diese Rede gerichtet war.

Diese Rede und die XXI (22) gehören zusammen: in der zweiten wird auf die erste Bezug genommen, die erste ist an den Vater, die zweite an seinen Sohn gerichtet. Man nimmt an, dass beide, Vater und Sohn, römische Kaiser waren, darin stimmen wohl alle überein. Keil in einer Anmerkung zur Ἐπιστολῇ περὶ Σμύρνης πρὸς βασιλέας sagt: or, XVII non habita est imperatoribus urbem intransibibus (neque enim Commodi ulla mentio), sed missa per legatos ad Marcum Aurelium, ut imperatorem, qui iter per Asiam faciendum iam instituerat, salutarent proficiscentem... und von diesen beiden Reden heisst es bei ihm S. 23: Duo cum Σμυρναῖοι in delectum orationum nostrum recepti essent, prioris titulo (or. XVII) πολιτικός, alterius προσφωνητικός additum, ut distinguerentur; at ut utrique orationi aequae apte πολιτικός (cfr. Diog. L. III 86), ita προσφωνητικός aequae inepte (neutra enim est) inscribi potuit. Vgl. S. 338, Anm.

Wir, im Gegentheil, halten diese Reden gerade für προσφωνητικοί, Begrüßungsreden, aber nicht an Kaiser gerichtet, sondern an Prokonsuln¹⁾; der zweite Prokonsul war Sohn des ersten und

¹⁾ Ueber diese Begrüßungsreden an die Provincialstatthalter s. bei Dionysius Rhetorica, c. 11, Menander, Περὶ ἐπιδεικτ., II, c. 3, und 10 und Dig. I, 16. Wir haben schon längst eine Abhandlung über die Begrüßungs- und andere Reden an röm. Provincialstatthalter ausgearbeitet; sie, sowie eine Sammlung der kaiserlichen Mandata, sollen—hoffentlich in der nächsten Zukunft—als Exkurse zu Ulpian's De officio proconsulis

hatte früher in derselben Provinz als Legat seines Vaters gedient—dieser Fall ist zur Kaiserzeit bekanntlich nicht selten vorgekommen; mehrere Beispiele der Art sind bezeugt—aus den Provinzen Asia und Africa.

Für diese meine Annahme sprechen wohl folgende Stellen dieser Reden: or. XVII, § 23: *περὶ γὰρ τοῦ δήμου τί δεῖ λέγειν; αὐτὸς γὰρ κρινεῖς καὶ ἔτι βελτίω ποιήσεις ἐξηγούμενος πρὸς τὸ κάλλιστον* (doch wohl als ein τοῦ ἔθνους ἡγεμών). or. XXI, § 1: *ὦ θαυμάσιε* (so einen Kaiser anzureden war schwerlich zulässig¹), vielmehr wäre es *θαυμάσιον* im üblen Sinne gewesen), § 2: *ἐμνήσθη πρὸς τοὺς πάντα ἀρίστους βασιλέας*—M. Aurel und Commodus—vgl. § 9 und 12 (keine Anspielung darauf, dass die Rede vor einem Kaiser gehalten oder auch nur brieflich an einen solchen gerichtet werde, vielmehr schliessen diese Stellen eine solche Vermuthung gänzlich aus), § 3: *Τὰ μὲν οὖν παλαιὰ μέμνησαι κατὰ τὴν πρώτην ἀκούσας ἀρχῆν, ἦν τῷ πατρὶ συνῆρχες²*. § 7: *Λέγω δὲ οὐχὶ τὴν μέχρι*

erscheinen. Am Anfang der or. XVII (15) sagt Aristides: *ἀνάγκη δὲ ἀφοσιώσασθαι πρὸς τὸν νόμον, ἐπειδὴ καὶ οἶδε κελεύουσι* und bei Dionysius Rhetorica, V, 1 heisst es: *τὸ πρᾶγμα ἤδη ἐπιχωριάζει ἐπὶ πᾶσι, καὶ καθάπερ τις οὗτος νόμος καὶ θεσμὸς διελήλυθεν διὰ πάντων, ὡς εὐθύς ἄμα τε πρώτῃ τῶν πυλῶν ὡς ἂν εἴποι τις, εἰσόδῳ προσφωνεῖν τούτους* (die Provincialstatthalter) *δημοσίᾳ τὰς πόλεις ὑφ' ἑνὸς ἔθους οὖν τῶν ἀρίστων κατὰ τὴν παιδείαν ὅσπερ δημοσίᾳ τινὶ φωνῇ καὶ κοινῷ προσαγορεύματι προσαγορεύοντος*. Dieser Brauch muss schon zur Zeit des Aristides geherrscht haben. Vgl. Tacitus Agric. 18: *clarus et magnus haberi Agricola, quippe cui ingredienti provinciam, quod tempus alii per ostentationem et officiorum ambitum transigunt, labor et periculum placuisset*.

¹) *ὦ θαυμάσιοι* (von den Griechen) bei Aristides XXII, (19), § 13 und XXIII, § 75.

²) Der Legat wurde manchmal im Verhältniss zu dem betreffenden Magistrate oder Promagistrate als *ὑπάρχων* und dgl. bezeichnet; in einer Ansprache an den gewesenen Legat konnte leicht dies Verhältniss als eine *συναρχία* bezeichnet werden. Bei Dio Cassius heisst M. Aurel als *τῷ πρὶν Ἀντωνίνῳ ὑπάρξας*, Melito aber in seiner Apologie, an M. Aurel gerichtet, sagt: *ὁ δὲ πατήρ σου, καὶ σοῦ τὰ σύμπαντα διοικοῦντος αὐτῷ* (vielmehr *σοῦ τὰ πάντα συνδιοικοῦντος*)—etc. (Eusebius, Hist. eccles. IV, 26, 10).

Μαιάνδρου πηγῶν (nämlich Ἀσίαν), οὐδ' ἔστιν ὁ τῶν ἡγεμόνων ὑμῶν¹⁾ κλῆρος ὀρίζεται... Am Ende dieser Rede hat der Redner ein paar Worte vom Flusse Meles gesagt und, da er von ihm in der ersten Rede gesprochen, sagt er in Bezug darauf: ἔδει δὲ ἴσως καὶ τοῖς παισὶ ὡςπερ ἄλλην τινὰ μοῖραν τοῦ λόγου σωθῆναι. Dann fährt er fort: Τιθεῖη δ' ἂν τις καὶ τοῦτ' εἰς ἀγαθὸν σύμβολον σέ τε ἡμῖν ἐπὶ τὰς πόλεις ἔχειν καὶ περίοδον οὕτω συμβαίνειν. ὥστε σέ τὴν πατρῶαν ἀρχὴν ἀκριβῶς ἀνανεώσασθαι ταῖς περὶ Σμύρναν διατριβαῖς. Die erste Hälfte dieser Stelle erklärt Keil so: „iuvenes imperatori obviam ibant, quorum e numero unus προσφωνητικὸν dixit; huius orationi (cfr. v. 4) addit Aristides sese fortasse quae de Melete subiunxit reservare debuisse..... pro τοῖς παισὶν ci. τοῖς ἔπεσιν Jacobs Lect. Stob. p. 104“. Diese Erklärung ist allzu künstlich und überhaupt unhaltbar. Aristides hatte seine Rede nach Smyrna übersandt; war ihm der Inhalt der zu haltenden Rede eines Jünglings—warum gerade eines Jünglings?—genau bekannt? Sollte Aristides dieser Rede wissentlich unklug vorgegriffen haben?! Nein, er sagte etwas anderes: „Es war vielleicht eine gute Fügung, dass ein Theil des Lobes auf Meles vor dem Vater vorgetragen, der andere dem Sohne²⁾ vorbehalten geblieben“. Der Sinn der zweiten Hälfte dieser Stelle—Keil lässt ihn unerklärt—ist wohl folgender: „Auch dies dürfte man für eine gute Fügung halten, dass du zu uns als ein Prokonsul kommst, wo dein Vater diese Würde bekleidet hat, und dieser wiederkehrende Fall mit jenem früheren auch das gemein hat, dass du, gerade wie dein Vater, zuerst

¹⁾ In der Uebersetzung Canters ist ὑμῶν nicht wiedergegeben. Bei Dindorf steht: ὑμῶν] Fort. ἡμῶν. id est τῶν ἡμῖν ἐπιτεταγμένων. *proconsulium nostrorum*. Reisk. Keil übersetzt: „proconsulium vestrorum provincia (Asia)“. Diese Uebersetzung ist wohl unrichtig; denn schwerlich konnte Aristides von den *kaiserlichen* Prokonsuln reden: or. XXIII (42), § 62 heisst es von den Prokonsuln d. Pr. Asia: ἡγεμόνες δ' ἡμῖν ἐκ νόμου ποιεῖσιν καθ' ἕκαστον ἔτος.; vestrorum wäre hier vielmehr τῶν ὑμετέρων; vgl. Aristides XIX, § 12 πρὸς τοὺς ἀρχοντας ὑμᾶς und XXIV, § 27 τῶν ὑμετέρων προγόνων Ἀργείων.

²⁾ Vgl. Aristides or. L (26), § 72: τοῖς ἡγεμόσι u. τὸν ἡγεμόνα.

in Smyrna als Statthalter aufgetreten bist“¹⁾. Auf Commodus kann man unmöglich diese Worte beziehen: Commodus war schon beim Leben seines Vaters Augustus gewesen, hatte somit nach seinem Tode keineswegs die väterliche Würde erneuert, als alleiniger Herrscher aber war er zuerst in Sirmium und nicht in Smyrna aufgetreten. Ein Prokonsul besass die volle Amtsgewalt nur in seiner Provinz²⁾.

Betrachten wir nun bei der neuen Beleuchtung die oben von uns verbesserte Stelle, so ist darin alles klar und in Ordnung. Es war zur Kaiserzeit Brauch, dass einzelne Städte der Provinz zu ihren grösseren Festen ihre Statthalter einluden³⁾. Eine solche *κλησις* ist wohl an unserer Stelle gemeint; sie wird auch in dem Falle stattgefunden haben, von welchem Aristides or. L. (26), § 85 berichtet: Ἴνα δ' ἐκπεράνω, γιγνόμεθα ἐν τῇ Σμύρνῃ Διονυσίοις. καὶ παρῆν Σεβῆρος (der Prokonsul) κατὰ τὴν ἑορτήν.

Was sich somit aus der Analyse der beiden Reden ergeben hat, stimmt zu dem, was wir über den Besuch des M. Aurel und des Commodus in Smyrna wissen. Aus Philostratus erfahren wir, dass Aristides beim Einzug des M. Aurel (mit Commodus) in Smyrna nicht zugegen war und dass er einige Tage später eine Rede vor dem Kaiser gehalten und zwar ein vom Kaiser gestelltes Thema behandelt; was für ein Thema es war, wusste Philostratus nicht; er sagt: οὐκ ἔγραφα τὴν μελετηθεῖσαν ὑπίθεσιν, ἐπεὶ οὐδὲ

¹⁾ Vgl. Dig. I, 16: *Ulpianus de officio proconsulis*: Quaedam provinciae etiam hoc habent, ut per mare in eam provinciam proconsul veniat, ut Asia, scilicet usque adeo, ut imperator noster Antoninus Augustus ad desideria Asianorum rescripsit proconsuli necessitatem impositam per mare Asiam applicare καὶ τῶν μητροπόλεων Ἐφεσον primam attingere. Also vor Caracalla hatte das nicht als feste Regel gegolten.

²⁾ Dig. I, 16, 1: *Ulpianus de officio proconsulis*: Proconsul ubique quidem proconsularia insignia habet statim atque urbem egressus est: potestatem autem non exercet nisi in ea provincia sola, quae ei decreta est. Vgl. ibidem, 2.

³⁾ Vgl. Menander, II. ἐπιδεικτ., c. XIV. Περὶ κλητικῆς. Ἐὰν ἀρχοντα καλέσῃς εἰς πανήγυριν, ὡς ἔθος, ἔρεῖς μὲν ἐν τοῖς προοιμίοις τὴν αἰτίαν τῆς κλήσεως, ὅτι πέπομφεν ἢ πόλις etc.

ἄλλοι ἄλλην φασίν. ἐκεῖνο γε μὴν πρὸς πάντων ὁμολογεῖται. τὸν Ἀριστείδην ἀρίστη φορᾶ ἐπὶ τοῦ Μάρκου χρήσασθαι, πόρρωθεν τῇ Σμύρνῃ ἐτοιμαζούσης τῆς τύχης τὸ δι' ἀνδρὸς τοιοῦτου διανοικθῆναι. W. Schmid, Rheinisches Museum XLVIII, glaubte, diese Rede sei die XVII (15) unserer Sammlung; dem widerspricht, wie wir gesehen haben, Keil—wohl mit Recht: die XVII Rede wurde vor einem gehalten, der Smyrna noch nicht betreten, bez. nicht besichtigt hatte. Von einem zweiten Aufenthalte des Commodus in Smyrna ist nichts bezeugt und ist kein Grund vorhanden denselben zu statuieren.

Wenn unsere obigen Aufstellungen richtig sind, so werden dadurch zwei Kaiserreden des Aristides zu Prokonsulreden degradirt, aber zugleich bekommen sie ihre ursprüngliche Physiognomie wieder.

2. Or. XVII, § 14 Keil heisst es: Μέλης ὁ ἐπώνυμος διωρουχῆ νυμφῶν ἐκ πηγῶν εἰς θάλατταν, αὐταῖς τε εἶναι λουτρὸν ῥυτὸν καὶ Νηρηίδας παρὰ Νηρέως δέξασθαι δι' ὀλίγου. Diese Lesart giebt keinen leidlichen Sinn. Wir lesen ὁ ἐπώνυμος νυμφῶν διαρκῆς ἐκ πηγῶν εἰς θάλατταν etc.

3. Or. XXVII (14), § 8 Keil heisst es: ἀλλ' ἐτέρας ἰσομετρέτους ὑπὲρ αὐτὴν ἀραμένη φέρει ἄλλας ἐπ' ἄλλαις. ὡς ἄρα ἐπώνυμον αὐτῇ τοῦνομα καὶ οὐδὲν ἀλλ' ἢ ῥώμη τὰ τῆδε. Nach ἄρα muss ῥώμης ausgefallen sein. In der Ἐπιστολῇ π. Σμύρνης, § 3 heisst Smyrna τοῦ κάλλους ἐπώνυμος und bei Scymnus, 232 Rom—ἔχουσ' ἐφάμιλλον τῆ δυνάμει καὶ τοῦνομα.

4. Or. XXVI, § 10 heisst es: εἰ μὴ πᾶσαν Λιβύην καὶ τὴν Εὐρώπην ἐξαιρετον ἐποιεῖτο τῶν ἡλίου δυσμῶν τε καὶ ἀνατολῶν. Nach τῶν vermisse ich ἐντὸς oder μεταξύ. Vgl. or. XXVII, § 7: τοῦ μεταξύ τόπου Γαδείρων καὶ Φάσιδος.

5. Or. XXVI, § 33 vermisse ich nach oder vor καθημένῳ eine Bezeichnung des Ortes, etwa ἐν τῇ πόλει.

6. Or. XXVI, § 51 Keil heisst es: ἀλλὰ καὶ τοῦτο ὑμέτερόν ἐστιν εὖρημα καὶ ὁμοῦ τοῖς ἄλλοις ἐπεισελθόν. Zu ἐπεισελθόν bemerkt Keil: ante hoc participium desidero <ἐφ' ὑμῶν πρῶτον>. Jedenfalls ist ὁμοῦ hier unstatthaft. Wir lesen παρ' ὑμῶν.

7. Or. XXVI, § 63 Keil heisst es: οὐ γὰρ εἰς Ἑλληνας καὶ βαρβάρους διαιρεῖτε νῦν τὰ γένη, οὐδὲ γελοῖαν τὴν διαίρεσιν ἀπεφήνατε αὐτοῖς

πολυανθρωποτέραν τὴν πόλιν παρεχόμενοι ἢ κατὰ πᾶν. ὡς εἶπεῖν, τὸ Ἑλληνικὸν φῶλον, ἀλλ' εἰς Ῥωμαίους τε καὶ οὐ Ῥωμαίους ἀντιδείτε. Wir lesen οὐ. . . διαιρεῖτε νῦν τὰ γένη, πόθεν; γελοῖαν τὴν διαίρεσιν ἀπεφύνατε etc. Πόθεν; mit der Bedeutung οὐδαμῶς dürfte bei Aristides nicht selten sein; ich habe mir notirt einen Fall or. XXII, § 61, und vier Fälle or. XLI.

8. Or. XXVI, § 78 liest Keil: οὐ χωρὶς ὧν εἶπον οὐδ' ὥστε φθόνον ἔξεν μᾶλλον τοῖς ἄλλοις. . . , ἀλλ' ἐν τιμῆς αὐτοῦς μέρει λήφειναι τὴν μετουσίαν τῆς πολιτείας. Statt μᾶλλον schlagen wir μέλλειν vor.

9. Or. XX (21), § 7 u. folg. liest Keil: οἱ δὲ (nämlich οἱ βασιλεῖς) τοσαύτην ἄρα τὴν ἐγρήγορσιν παρέσχοντο ὥστ' ἐφθησαν ἡμᾶς ἀνίστάντες πρὶν ἐξελθεῖν τὸν ἐροῦντα πρὸς αὐτοὺς ἃ πεπόνθαμεν. ὄργανοις δὲ θειοτάτοις ἅμα καὶ λαμπροτάτοις ἐχρήσαντο, λόγοις μὲν παραμυθησάμενοι. . . . χορηγίαν δὲ πᾶσαν παρασχόμενοι πρὸς τε τῶν συμβεβηκότων θεραπείαν καὶ προσέτι ἐτέρων κόσμων περιβολήν. καὶ οὐδὲ ταῦτ' ἀπέχρησεν, ἀλλ' ὥσπερ ἐν αὐτῇ τῇ πόλει πολιτευόμενοι χρημάτων τε πόρους ἀπεδείκνυσαν καὶ τοὺς φιλοτιμησομένους ὑπ' ἐλπίδων ἐκάλουν καὶ χειρῶν βοήθειαν [ἐκάλουν] ἐπηγγέλλοντο βουλομένοις, οὐκ ἐθέλοντας δὲ οὐκ ἐνοχλήσειν, κἄν αὐτίκα πρὸς τούτοις ἕτερόν τι βουλώμεθα, λέγειν ἐκέλευον. ὡς χαριούμενοι. Diese Stelle bietet manche Schwierigkeit; wir glauben, dass in den letzten Zeilen etwas verdorben ist. Bei Keil steht in den Anmerkungen u. A: „βουλομένοις (v. p. 19, 1) Schwarz l. c.: βουλομένους O(Thom. Mag. l. c.); operarios (χειρῶν βοήθειαν) Smyrnaeis praestare sese velle imperatores rescripserant (ex hoc rescripto 19, 1 οὐκ—χαριούμενοι repetita), si Smyrnaeis placeret, si non placeret, non fore ut insisterent. Diese Erklärung scheint uns unrichtig. Erstens, die Kaiser scripserant Smyrnaeis, nicht rescripserant—s. oben: πρὶν ἐξελθεῖν τὸν ἐροῦντα πρὸς αὐτοὺς etc.; zweitens,—was wichtiger ist—der Inhalt des kaiserlichen Schreibens ist nicht richtig wiedergegeben. War die Voraussetzung denkbar, dass die Smyrnaeer die ihnen von den Kaisern angebotenen Arbeiter nicht annehmen würden? Und in der That hatten die Kaiser nichts derartiges ihnen angeboten—Aristides erwähnt zuerst, was die Kaiser selbst den Smyrnaern bewilligt haben und dann, zu welcher Hilfeleistung sie Andere aufgefordert haben. Das ist wohl klar.

Darum ist hier ἐπηγγέλλοντο ganz unstatthaft; die Worte ὑπ' ἐλπίδων sind höchst verdächtig. Wir lesen ἐπαγγέλλεσθαι, dazu nehmen wir aus der Handschrift βουλομένους. In ὑπ' ἐλπίδων muss eine dem χειρῶν βοήθειαν entsprechende Bezeichnung stecken; es dürfte ἐπιδιδόναι oder ἐπ' ἐπίδοσιν zu lesen sein. So bekommt die Stelle einen ganz befriedigenden Sinn.

10. Or. XXIII, § 3 liest Keil: ἐγὼ δ' ὑπὲρ μὲν τοῦ πρὸς τοὺς βαρβάρους πολέμου οὐκέθ' ὄρω καιρὸν λέγειν: ἀθρόαν γὰρ ἀπάντων δεδοκῶτων δίκην τοῖς τε θεοῖς καὶ τοῖς ἡγεμόσι μελήσειν οἶμαι, καὶ σὺν αὐτοῖς γε εἰπεῖν τοῖς θεοῖς οὐ πολὺν τὸν ἀγῶνα νομίζω γενήσεσθαι, ὄρων τῆς ἀπάσης οἰκουμένης καὶ τῆς ἤδη βεβαίως ἐχομένης μικρὸν μέρος τὸ νῦν ὑπὸ ἀνοίας ἀνθεστηκός, ὃ δὲ λοιπὸν ἐστίν, περὶ τῆς πρὸς ἀλλήλους ὁμονοίας... διαλέξομαι. Diese Stelle ist ohne Zweifel verdorben, kann aber wohl annähernd gebessert werden. Das Wort τὸν ἀγῶνα weist auf etwas, was im Vorhergehenden ausgedrückt sein müsste. Wenn ein ἀγὼν noch bevorsteht, so sind nicht alle Barbaren bestraft. Also ist ἀπάντων bei jetzigem Text unstatthaft¹⁾ und ἀθρόαν sehr verdächtig. Nach δίκην hat Reiske eine Lücke statuirt—m. E. mit Recht. Vielleicht steckt das hier ausgelassene Wort in γε εἰπεῖν (auch vor τοῖς θεοῖς stehend). Aristides dürfte etwa so geschrieben haben: μικροῦ γὰρ ἀπάντων δεδοκῶτων δίκην τοῦ λοιποῦ (τῶν ἄλλων) τοῖς τε θεοῖς καὶ τοῖς ἡγεμόσι μελήσειν οἶμαι καὶ σὺν αὐτοῖς? τοῖς θεοῖς οὐ πολὺν τὸν ἀγῶνα νομίζω γενήσεσθαι, ὄρων τῆς ἀπάσης οἰκουμένης ἤδη βεβαίως ἐχομένης etc.

11. Or. XXXII (12), § 16 liest Keil: συμβαίνει δ' ἐμοὶ τῇ μὲν γνώμῃ πάντων ἐφικνεῖσθαι τῶν ἐκείνου καλῶν, τῷ λόγῳ δὲ ἀπόρως ἔχειν ἐπεξελεθεῖν. ἀθρόα γὰρ πάντα ἐπέρχεται, ἃ καθ' ἕνα μὲν εἰπεῖν ἀδύνατον, ἀρχὴν δὲ οὐδὲ πειρᾶσθαι καιρὸν ἔχειν μοι δοκεῖ. ἀπὸ μέρους δ' εἰ λέγοιμι, δέδοικα μὴ βελτίων ὧ σιωπῶν. Die Lesart ἐπέρχεται ist offenbar verdorben. Canter übersetzte: Ea namque mihi simul occurrunt, quae per partes quidem narrare difficile sit, omnino autem ne aggredi quidem praestiterit. nam si aliqua dumtaxat ex omnibus

¹⁾ Vgl. Lukian, De hist. conscr., c. 5: εἴ ποτε πόλεμος ἄλλος συσταῖη ἢ Κελτοῖς πρὸς Γέτας ἢ Ἰνδοῖς πρὸς Βακτρῖους (οὐ γὰρ πρὸς ἡμᾶς γε τολμήσειεν ἂν τις ἀπάντων ἤδη χειρωμένων)..

recitarem, metuo, ne tacere satius esset. Den Sinn der ersten Hälfte d. St. wird wohl Niemand verstehen und in der zweiten ist δὲ durch nam wiedergegeben. Ohne Zweifel hatte Aristides geschrieben: ἀθρόα μὲν γὰρ πάντα ἐπέρχεσθαι (oder ἐπεξέρχεσθαι), ἀ καθ' ἕκαστον εἰπεῖν ἀδύνατον. ἀρχὴν οὐδὲ πειρᾶσθαι καιρὸν ἔχειν μοι δοκεῖ. Der Infin. praes kommt bei πειρᾶσθαι häufig vor.

12. Or. XXV (49), § 153 Keil heisst es: Θαυμάζω δ' ὅπως εὖ πεφυκῶς πρὸς τὸ παιδαγωγεῖν οὐχ ὀραῖς τούτους τοὺς ἀργυρίου τὸν ἔπαινον ὠνούμενους οὐ μόνον ἐν ταῖς ἐπιδείξεσιν, ἀλλὰ καὶ ἐν τοῖς θεάτροις. Zu ἀργυρίου bemerkt Keil: „qui muneribus et largitionibus redimunt laudationes in theatro renuntiandas“. Er denkt also wohl an ein officielles Lob von seiten der Stadtgemeinde. Mir scheint diese Erklärung nicht annehmbar.

13. Or. XXVI (14), § 2 liest Keil: κατὰ ἰσομέτρου μὲν οὖν εὐξασθαι τῇ πόλει λόγου οὐκ ἐνήν, ἀλλ' ὡς ἀληθῶς εὐχῆς αὐτὸν προσεδεῖτο ἐτέρας ἴσως μὲν [οὖν] καὶ μείζονος δυνηθῆναι τοιοῦτον ἄραι λόγον, ὅστις παρισώσεται τοσῶδε ὄγκῳ πόλεως· προσερεῖν γε μὴν ὑπεσχόμεθα, ὅπως ἂν δυνώμεθα. Als ich diese Stelle übersetzte, war ich schon überzeugt, dass sie verdorben sei, konnte aber sie damals nicht mit Sicherheit heilen und musste das Verdorbene, so gut es ging, übersetzen—meine Uebersetzung dieser Rede liegt leider schon gedruckt vor. Canter las: εὐχῆς αὐτὸν προσεδεῖτο ἐτέρας, ἴσως μὲν καὶ μείζονος, δυνηθῆναι etc. und übersetzte die ganze Stelle so: Quoniam vero aequalem Urbi orationem vovere non licuit (alio enim rursus et maiore fortassis voto fuisset opus, ut orationem in tantam sublimitatem, quanta est Urbis moles, efferre possemus) eas tamen laudes, quae viribus nostris convenirent, polliciti sumus. Keils Interpunction und die Erklärung: „μείζονος] sc. ῥήτορός ἐστιν ἢ ἐμοῦ cfr. v. 11“ müssen wir entschieden verwerfen. Reiske erklärte: „καὶ μείζονος] Scil. δονάμεως aut οὐσίας. videtur maioris alicuius et humanum modum excedentis ingenii et facultatis esse. non enim videtur ad εὐχῆς referri posse“. Im Gegentheile, μείζονος kann und darf nur auf εὐχῆς bezogen werden, wie es Canter richtig einsah, aber dem entsprechend muss auch δυνηθῆναι corrigirt werden. Der Infin. aoristi δυνηθῆναι setzt nothwendig ein *Gebet* voraus,

Aristides aber sprach von einem *Gelübde*, wie die Wörter *έτέρας*, *αῖ* und *μειζονος* deutlich zeigen und wie es auch dem Gedanken- gang vollkommen entspricht. Ist das richtig, so muss Aristides *ει δονηθειμεν* geschrieben haben; die dreimal in drei Wörtern nacheinander folgende Silbe *ει* dürfte den Ausfall des *ει* veran- lasst haben, was dann die Veränderung des *δονηθειμεν* in *δονηθῆναι* leicht nach sich zog. Wie *δονηθῆναι*, so ist auch *ἄραι λόγον* verdor- ben. Ganz gut wäre dagegen *ἄραι τὴν πόλιν λόγῳ* oder *λόγον ἄρασθαι*¹⁾. Aristides wird wohl geschrieben haben *ἄσαι λόγον*. Vgl. z. B. in dieser Rede, § 4: *τὴν δὲ πόλιν ἄδουσι μὲν πάντες καὶ ἄσσονται... οἱ δὲ λόγοι (diese ἐγκώμια)*²⁾, or. XL (5), § 1: *πολλοὶ μὲν γὰρ οἱ καταλογάδην ἄδοντες τὰ σά. πολλὰ δὲ ποιηταὶ κατὰ πάντας τρόπους ὑμνήκασιν... ibidem, § 22: οὗτος σοι, ὦ φίλε Ἡρακλεις, ὁ παρ' ἡμῶν λόγος ἀντ' ἄλλου μέλους ἡσμένως...³⁾*, or. XLIV (17), § 18: *Ταῦτά σοι παρ' ἡμῶν... ἤσθω τῆ ἡμετέρα μουσικῇ*⁴⁾. or. XXXI (50), § 4: *τούτων αὖ τινα τῶν περὶ ὄχλος κυλινομένων καλῶς ἐγὼ ποτ' ἐφώρασα τάναντία πράττοντα ἢ ἔσπευδεν ἦδε μὲν γὰρ ἐγγλίνας τῶν χαρίτων ἔνεκα, ἀχροτελεύτιον δ' ἐπερθέγγετο ἐφ' ἑαστῶ τῶν κομματίων ὥσπερ ἐν μέλει ταύτων* (Aristides tadelte wohl nicht das *ἄδειν* der Rede überhaupt, sondern nur das *μελωδεῖν* dabei). . u. or. XIII, Dind. p. 200: *ὥσπερ τι προοίμιον (ein prosaisches?) ἄσαι τοῦ πολέμου... Vgl. auch Neue Jahrb. f. Philol., 1896, S. 116.*

¹⁾ Schmid, Der Atticismus etc. II, 1 hält *ἄραι λόγον* für eine poetische Lizenz. Vgl. or. XIII, Dind. p. 153: *τῶν εἰς τοσοῦτον τὴν πόλιν ἠρχότων.*

²⁾ Or. LXV (8), § 14 sagt Aristides: *δὸς λέξαι τὸν λόγον...*, aber in dieser Rede gebraucht er auch sonst diesbezügliche prosaische Bezeich- nungen, so § 16: *τὰ δὲ ἔργα τοῦ θεοῦ λέγωμεν...* und § 31: *καὶ ἡμῖν ἡδη προειρήσθω*—das that er vielleicht im Gegensatz zu Dichtern, von deren *licentia* er im Anfang der Rede spricht.

³⁾ In etwas anderem Sinne gebraucht *λόγον ἄδειν* z. B. Philo I, 189, 16 und 3, 48, 12. Vgl. Aristides, or. XVIII (49), § 148: *τί δὲ τοῦτό ἐστι τὸ ἐπίγραμμα, ὃ παντες ἄδουσι... ἄδουσι δὲ καὶ Χαβρίου τι ῥήμα.* In dieser und ähnlichen Stellen soll *ἄδειν* nach Schmid, Der Atticismus etc., II, S. 71, „preisen“ bedeuten, was gewiss nicht richtig ist.

⁴⁾ Ebenso Mamertinus Paneg. Maximiano d., c. 1: *tibi potissimum, imperator invicte, laudes canimus.*

14. Or. XXVI (14), § 10 liest Keil: τοῦτο νῦν ἐξενίκησεν ἀληθές εἶναι, τὴν ἴσῃν τε ἡλίου πορείαν εἶναι <καὶ> κτῆσιν ὑμετέραν καὶ τὸν ἥλιον διὰ τῆς ὑμετέρας πορεύεσθαι. Keil erklärt: τὴν ἴσῃν i. q. τὴν αὐτὴν πορεία (i. e. πορεία) V. Reiske sagt zu d. St. „porro lego ἴσῃν τε τὴν ἡλίου πορεία εἶναι τὴν ὑμετέραν κτῆσιν, aut sic ἀληθές εἶναι, ἴσῃν τὴν τε ἡλίου πορείαν καὶ κτῆσιν ὑμετέραν“. Auch Reiske lässt sich also das Wort κτῆσιν und die Auslassung des Artikels gefallen. Wir vermutten, κτῆσιν sei aus καὶ τὴν verdorben; so wäre auch der Ausfall des καὶ leichter verständlich. Ἡ ὑμέτερα ohne γῆ oder dgl. s. auch bei Callinicus, Εἰς τὰ πάτρια Ῥώμης.

15. Or. XXVI (14), § 11 heisst es: τσσαῦται δ' ἀφικνοῦνται δεῦρο (d. h. nach Rom) κομίζουσαι <πάντα> παρὰ πάντων ὀλκάδες, ἀνὰ πᾶσαν μὲν ὄραν, πᾶσαν δὲ φθινοπώρου περιτροπήν. ὡστ' εἰκέναι τὴν πόλιν κοινῶ τινι τῆς γῆς ἐργαστηρίῳ. In dieser Stelle scheinen uns verdächtig: κομίζουσαι <πάντα>, φθινοπώρου περιτροπήν und ἐργαστηρίῳ. Durch κομίζουσαι <πάντα> wird, erstens, ὀλκάδες zu weit von τσσαῦται entfernt; zweitens, erscheinen diese Worte hier nach dem eben Gesagten überflüssig, und, drittens, ist die häufige Wiederholung von πᾶς etwas anstössig. Vielleicht ist κομίζουσαι in γέμουσαι zu verändern oder steckt darin ὀρμίζονται. Ἐργαστήριον bedeutet sonst bei Aristides nur „Werkstätte“, aber diese Bedeutung passt für unsere Stelle gewiss nicht: Rom verbrauchte sehr viel und produzierte selbst sehr wenig. Ἐργαστήριον bedeutete zuweilen noch „Kauflade“, aber nicht „Handelsplatz“¹⁾. Keine Stadt konnte also darum, weil in ihr viele Kauffahrteischiffe landeten, füglich ein ἐργαστήριον in irgend welchem Sinne genannt werden²⁾. Die letztere Bedeutung des ἐργαστήριον mag aber zur Verderbniss

1) Vgl. auch das Lat. ergasterium.

2) Auch in Korinth z. B. landeten forwährend Schiffe, aber diese Stadt nennt Aristides darum nicht ἐργαστήριον, sondern ἀγορά τις καὶ ἀλλή κοινὴ τῶν Ἑλλήνων καὶ πανήγυρις. Florus nennt Ostia maritimum urbis hospitium und Rom orbis terrarum conciliabulum. Ephesus nennt Aristides—infolge seiner λιμένων κοινότης—ταμειῶν τι κοινὸν τῆς Ἀσίας. Themistius or. VI, Dind. p. 100 nennt Konstantinopel ὄρμος ἐν χρεῖα θαλάσσης, ἀγορὰ τῆς πολιοῦμου καὶ πορευσίμης, ἐργαστήριον εὐφροσύνης.

dieser Stelle beigetragen haben: nach *τοσαῦται* konnte m. E. nur *ὀρμιστήριον* am Platze sein und dieses seltene Wort (dass dieses Wort nicht existirt hat, scheint unglaublich) konnte leicht in *ἐργαστήριον* verwandelt werden.

16. Or. XXVII (16), § 33 liest Keil: *καὶ τό γε ἦδιστον τῆς ἐπινοίας, ὡσπερ γάρ πρότερον τοὺς κατ' ἐμαυτὸν ἄρχοντας κατὰ συζυγίαν παρείχοντο ὀνομάζειν τοῖς ἔξω, οὕτω νῦν τοὺς διηγεκεῖς ἔξεστιν ὁμοῦ πατρόθεν τε καὶ σὺν ἀλλήλοις ὀνομάζειν.* Canter hatte denselben Text und übersetzte ihn so: „Deinde, quod est omnium lepidissimum, ut prius annuos praefectos exteris binos eligere permittebant, ita nunc perpetuos ex genere simul et ambos pariter licet eligere“. Offenbar war Canter der Sinn der Stelle undetlich und bis jetzt hat ihn Niemand erschlossen. Keil bemerkt zu d. St.: „*παρείχοντο* DUTA? *παρείχον* τὸ A'R, subiectum (sive Romani sive proavi Caesarum) non sine commentatione supplendum; τοῖς ἔξω omnino non intelligo: οἱ ἔξω neque hae, quae non sunt Romanae originis, gentes esse possunt, quandoquidem et ipsis Romanis annus e. g. „Apronio Paullo coss.“ audiebat, neque crediderim Aristidem se ipsum τῶν ἔξω dixisse; denique *πατρόθεν* obscurum; „M. L. Caesares“ intellegit Wil., in quibus patris vel familiae significationem desidero. mendum altius latere videtur?“

Wir glauben dieses mendum aufdecken zu können. Da in der Protasis und der Apodosis offenbar in Allem Parallelismus gewesen sein muss, so lesen wir: *παρεῖχεν* (imperson., entspricht dem *ἔξεστι* unten) und *<καὶ>* τοῖς ἔξω oder *<καὶ>* [τοῖς] ἔξω. Der Sinn der Stelle wäre folgender: Früher war es möglich (nur) die Konsuln (denn diese meinte hauptsächlich Aristides) nach ihrer Wechselbeziehung zueinander (Kollegialität) und auch nach den sonstigen, ausserhalb des Amtes liegenden, Verhältnissen zu bezeichnen, jetzt aber kann man die Kaiser zugleich nach ihrem Vater und nach ihrem Verhältniss zueinander, als Brüder und Mitherrscher, bezeichnen.

17. Or. XXVII (16), § 34 u. fg. sagt Aristides von M. Aurel und L. Verus: *τῷ ὄντι ἐδήλωσαν τὴν τροφὴν θείαν οὖσαν ἑαυτῶν. ὁ γοῦν λογισμὸς αὐτῶν θεῖος καὶ ὡς ἀληθῶς ἄνωθεν ἔχων τὸ παράδειγμα*

καὶ πρὸς ἐκείνην ὁρῶν τὴν πολιτείαν, εἰ δεῖ κεφάλαιον εἰπεῖν ἐπεὶ καὶ θεοὺς αὐτοὺς καὶ τὸν σύμπαντα δὴ κόσμον τε καὶ οὐρανὸν φιλίαν καὶ κοινωσίαν φασὶν εἶναι τὴν συνέγουσαν, καὶ διὰ τούτων τὸν ἀεὶ χρόνον ἀσφαλῶς πορεύεσθαι etc. Ich gestehe, den Satz εἰ δεῖ κεφάλαιον εἰπεῖν nicht verstehen zu können und halte ihn für verdorben. Canter übersetzte: „ut summam dicam“, also ungenau. Versuchen wir diesem Satz den Sinn abzugewinnen.

Betrachten wir näher die unmittelbar vorausgehenden Worte, so bemerken wir leicht, dass nach ihnen dieser Satz, wie er jetzt gelesen wird, nicht folgen konnte. In Bezug auf ἄνωθεν müsste statt ἐκείνην etwa τὴν ἄνω oder τὴν ἐκεῖ stehen. Dies und die Wortstellung ἐκείνην ὁρῶν τὴν πολιτείαν zeigen wohl, dass ἐκείνην unten durch einen Relativsatz erklärt sein müsste. Da aber τὴν πολιτείαν durch κεφάλαιον hier nicht befriedigend erklärt wird, so muss dieses Wort verdorben sein. Der Sinn dieser ganzen Stelle—es ist darin von der stoischen universellen πολιτεία die Rede¹⁾—fordert καθολικὴν, also ist der räthselhafte Satz so zu entziffern: ἦν δεῖ καθολικὴν εἰπεῖν; dieser Satz wird dann im folgenden (ἐπεὶ etc.) erklärt und begründet. Die Verderbniss der Stelle ist wohl paläographisch verständlich; vielleicht gefiel auch diese καθολικὴ πολιτεία manchem Byzantiner nicht.

18. Or. XXV (43) (anonymi), § 28 heisst es von der Stadt Rhodos nach dem Erdbeben: πυραὶ δὲ ἀγθεῖς ἐκαίοντο ὁμοίως νόκτα καὶ ἡμέραν, ταῖς πρόσθεν ἱερομηνίαις ἀντίστροφοι. ἀντὶ δὲ χρυσεῖων καὶ ἀργυρεῖων μετάλλων διώρυχος τοῦδαφος τῆς πόλεως παρεῖχε καὶ εἰς μῆνας ἐκαθαίρειν τοὺς κειμένους. Reiske war geneigt, μετάλλων wegzulassen, Dindorf vertheidigte es. Keil ist geneigt, μετάλλων zu streichen, lässt aber das Uebrige stehen, ohne es zu erklären. Canter hatte denselben Text und übersetzte ihn so: „et pro aureis atque argenteis

¹⁾ Vgl. Seneca De otio c., 4: *Duas res publicas animo complectamur: alteram magnam et vere publicam, qua dii atque homines continentur, in qua non ad hunc angulum respicimus aut ad illum, sed terminos civitatis nostrae cum sole metimur: alteram, cui nos adscripsit conditio nascendi.*

metallis effodiendis mortuos urbis area per menses aliquot effe-
rendos praebebat“ - καὶ hatte er unübersetzt gelassen. Also Gold
und Silbergruben in der Stadt Rhodos! Nicht etwa Ateliers der
Goldarbeiter etc., sondern Goldgruben...

Gold und Silbergruben gab es in Rhodos gewiss nicht, aber
Gold und Silber genug; sollte doch Zeus über diese Stadt einen
Goldregen ausgegossen haben (§ 30 dieser Rede: Ὀμηρος μὲν
πλοῦστον ἔφη καταγείναι τὸν Δία τῇ νήσῳ καὶ τοῖς περὶ Τληπόλεμον προγόνους
ἡμῶν, καὶ Πίνδαρος παραλαβὼν ἔσαι χρυσὸν νεφέλην ἕανθῆν ἐπιστήσαντα...
und Strabo XIV.). Diese Edelmetalle waren u. A. auch an Kunst-
werken, an welchen¹⁾ Rhodos überreich war, und öffentlichen
Gebäudem verwendet. Rhodos war u. A. durch lange und gerade
Strassen berühmt, s. Strabo. XIV, C. 652: und § 6 dieser Rede
heisst es: ἀργυρᾶς δὲ ἐξ ἀρχῆς εἰς τέλος διηγεκέϊς. ὥστε ἦμιστα στενωποὺς
καλεῖσθαι und § 64: χρῆ... τὸν λόγον βεβαιῶσαι ὅτι οὐκ οἰκίαι καλῶς
ἔστεγασμένοι οὐδὲ λίθοι τειχῶν εἰς δεδομημένοι οὐδὲ στενωποὶ τε καὶ νεώρια
ἢ πόλεις, ἀλλ' ἄνδρες... Wahrscheinlich hiess eine von den Strassen
oder Portiken in Rhodos „Goldene“ oder man nannte so mehrere
von ihnen, die prächtigsten. Denn, wenn in Smyrna, wie wir aus
Aristides ersehen²⁾, einige Strassen „Goldene“ hiessen, so passte
es für das sehr reiche Rhodos, das Zeus mit Gold überschüttet hatte,
noch besser, „Goldene“ Strassen zu haben; auch die Smyrnäer
dürften solche Benennungen für Strassen aus Rhodos entlehnt

1) Dio Chrysost. or. XXXI, § 55 sagt den Rhodiern: ὑμεῖς μὲν καὶ
πρότερον ἦτε πλουσιώτατοι τῶν Ἑλλήνων καὶ νῦν ἔτι μᾶλλον ἐστέ.

2) S. or. XVIII (20), § 6: ὃ τῆς ὑπερλάμπρου σχήμα ἀγορᾶς, ὃ χρυσοῦ
τε ἐπώνυμοι καὶ ἱερῶν ὁδοὶ καθ' ἕκαστον παλαιοῖον, ἀντ' ἀγορᾶς ἅπασαι. Vgl.
XVII, § 10: ἀπὸ ἑσπέρας μὲν πρὸς ἕω βαδίσειν ἐκ νεῶ τε εἰς νεῶν ἡξεις καὶ
ἐκ κολωνοῦ πρὸς κολωνόν δι' ἐνὸς στενωποῦ καλλίωνος ἢ κατὰ τοῦνομα. Keil
erklärt: vicus aureus. Dio Chrysost. spricht XLVII, 17 von den goldenen
Portiken in Rom (τὰς ἐν Ρώμῃ τὰς χρυσᾶς nämlich στοάς). Rom hiess
bekanntlich officiell „goldenes“; so nannte man zuweilen Alexandrien in
Aegypten (s. Athenaeus, I, 36); dasselbe ist wohl auch von Rhodos
anzunehmen.

haben¹⁾. Da dies uns sehr wahrscheinlich dünkt, so schaffen wir das ungereimte *μετάλλων* weg, verändern dann *ἀργυρείων* in *ἀγυῶν* und *διώρυχος* in *διώρυγας*; bei dieser Emendation erscheint natürlich *καὶ* unstatthaft. Dadurch bekommt die Stelle einen ganz befriedigenden Sinn, nämlich: Statt goldener Strassen bot damals die Stadt (eig. der Stadtgrund) Gräben²⁾ und für Monate das Wegschaffen (daraus) der Leichen. Die Verderbniss der Stelle ist wohl so vor sich gegangen: die Bezeichnung *χρυσῶν* neben *ἀγυῶν* mochte befremdend aussehen und, andererseits, lag es nahe, das neben *χρυσῶν* stehende *ἀγυῶν* in *ἀργυρίων* zu verändern; *διώρυγες* liessen auch an eine Metallgrube denken; so hatte man schon eine Silbergrube, was eine Goldgrube und *καὶ* nach sich zog; zuletzt kam das erklärende *μετάλλων*.

19. Or. XXIX, (40), § 29 statt ἄλλως τε † τούτων, ὧν οὐδὲν πρὸς τὸν Διόνυσόν ἐστιν ἀλλ' ἔμοιγε etc. schlagen wir vor: ἄλλως τε τούτων ὄντων οὐδὲν πρὸς Διόνυσον, πόθιν; ἀλλ' ἔμοιγε etc.

Zum Schluss—um etwaigen Missdeutungen vorzubeugen—hebe ich ausdrücklich hervor, dass ich Keils Verdienste um Aristides hoch schätze und ihm zu Dank verpflichtet bin.

Geschr. im J. 1906.

¹⁾ Rom hat wahrscheinlich seine Graecostasis nach der rhodischen eingerichtet und den Namen selbst daher entlehnt. Solche *ξενοστάσεις* (das Wort steht bei Pollux-aus Sophocles) gab es gewiss auch in anderen Städten, von einer statio Graia in Rhodos sagt Vitruvius II, 15, 20.

²⁾ Vgl. § 32: νῦν δὲ αὐτὴν τὴν πόλιν ἐν τοιαύτῃ θῆα λείπεται παριστάναι [δεικνύναι] τοῖς εἰσαφικνουμένοις. καὶ σκοπέλους ἀντι πύργων etc. Hier haben wir also eine Parallele zu ἀντι ἀγυῶν διώρυγες.

VII.

Нъ Ars poëtica Горація.

Горацію весьма посчастливилось у потомства—въ значительной мѣрѣ благодаря Латинскому языку¹⁾. Посчастливилось ему сравнительно и у насъ: перевелъ его произведенія на Русскій языкъ поэтъ и нѣсколько Русскихъ профессоровъ писали о немъ и о его произведеніяхъ. Посчастливилось въ новое время и Гораціевой Ars poëtica необычайно.

Проф. И. В. Нетушилъ напечаталъ въ 1901 г. статью „Тема и планъ Гораціевой Ars poëtica въ Ж. М. Н. П. и въ 1903 г. другую: „Критико-экзегетическія замѣчанія къ Поэтикѣ Горація въ Commentationes Nikitinianae.

Авторъ старается доказать, что Ars poëtica Горація имѣетъ схему риторической institutio и что Горацій въ ней не только подражалъ Неоптолему Парійскому, но отчасти мѣстами прямо переводилъ его.

И. В. Нетушилъ сопоставляетъ Ars poëtica напр. съ De oratore Цицерона и Institutio orat. Квинтиліяна. Уже другіе, напр., Кисслингъ, раньше его дѣлали ссылки въ своихъ

¹⁾ Проф. Вилямовицъ-Меллендорфъ говоритъ объ Аппіанѣ: „wenn sein Buch lateinisch wäre, würde er ein berühmter Mann sein“. Срв. у Моммзена, Reden u. Aufsätze, стр. 352: „wenngleich uns heute nicht, wie einst, das „Augustische Alter“ als das Ideal des geistigen Lebens erscheint, näher steht es uns immer noch als die griechische oder die mittelalterliche Vergangenheit, und in der allgemeinen Erziehung zur Oberflächlichkeit wird die Kunde der lateinischen Sprache allem Anschein nach am längsten das Widerstandsstück bilden“.

комментаріяхъ къ *Ars poëtica* м. пр. и на нѣкоторыя риторическія руководства древнихъ; но г. Нетушилъ утверждаетъ, что въ *Ars poëtica* примѣнена вся схема риторическаго руководства.

„Но *ars poëtica* Горація—говорить нашъ авторъ—не прозаическій учебникъ, какимъ, по—видимому, было сочиненіе Неоптолема. Принятая Гораціемъ форма поэтическаго посланія наложила своеобразную печать на ходъ его изложенія. Литературное посланіе вообще является только разновидностью діалога“.

Мы убѣждены въ томъ, что произведеніе Неоптолема, о которомъ говорится въ схоліяхъ Порфиріона, было написано стихами. Но, какъ бы то ни было, разъ *Ars poëtica* Горація есть поэтическое посланіе, то мы должны искать ему аналогій въ Греческой литературѣ прежде всего въ поэтическихъ посланіяхъ или произведеніяхъ, близко къ нимъ подходящихъ.

Такою аналогію мы нашли въ сочиненіи Лукіана Πὼς δὲ ἱστορίαν συγγράφειν¹⁾ и намъ казалось страннымъ, что раньше

¹⁾ Мы пришли къ этой мысли подъ влияніемъ указанной статьи И. В. Нетушила, переводя и объясняя въ 190²/₃ акад. году *ex officio* *Ars poëtica*. Подѣлиться этою мыслью со специалистами въ нашихъ „Филол. Этюдахъ и зам.“ въ ближайшее время мы не могли по указаннымъ въ предыдущей статьѣ причинамъ. О появившейся въ 1905 г. въ *Hermes* (40 т.) статьѣ Нордэна: *Die Composition und Litteraturgattung der horazischen Epistula ad Pisones* мы узнали только лѣтомъ прошлаго года. Въ числѣ примѣровъ исagogической литературы, съ которыми онъ сопоставляетъ *Ars poëtica* Горація, онъ указываетъ на *Περὶ ἀρχήσεως* и *Πὼς δὲ ἱστ. συγγρ.* Лукіана. О первомъ произведеніи онъ говоритъ: „Die Identität des Schemas dieser Schrift mit demjenigen der horazischen Epistel ist also in Einzelheiten genau“, а въ прим. къ этимъ словамъ стоитъ: „Vgl. aus Lukian noch: *de hist. conscr.*, besonders 37 ff. über den *συγγραφεὺς* und die *ἱστορία*, wo 47 die Poetik zum Vergleich herangezogen wird (für den isagogischen Charakter dieses Abschnitts vgl. den Anfang 37..); *ibid.* 9 über das *χρήσιμον* als *ἔργον καὶ τέλος ἱστορίας* und das *τερπνόν* als Begleiterscheinung“. Мы полагаемъ, что *Πὼς δ. ἱστ. συγγρ.* и по формѣ и по содержанию ближе, чѣмъ *Περὶ ἀρχήσεως*, къ *Ars poëtica*.

никто не обратилъ вниманія на эту параллель, и что въ комментаріяхъ къ *Argi poetica* нѣтъ, сколько намъ извѣстно, ни одной ссылки на это произведеніе Лукіана.

Это произведеніе Лукіана по сюжету, характеру и нѣкоторымъ частностямъ соотвѣтствуетъ Гораціевой *Argi poetica*. Что Лукіанъ въ немъ не вполне оригиналенъ, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться; онъ, конечно, пользовался уже существовавшими произведеніями подобнаго рода, пользовался сочиненіями о поэтикѣ,—можетъ быть, даже упомянутымъ сочиненіемъ Неоптомема, хотя и напираетъ на различіе между историографіею и поэзіею.

Между историографіею и поэзіею древнихъ были, конечно, пункты различія, но было у нихъ не мало и сходнаго, общаго; особенно между историческими сочиненіями и трагедіею. Историческое произведеніе у древнихъ обыкновенно было произведеніемъ искусства; въ немъ умѣстенъ былъ нѣкоторый *color poeticus*; въ рѣчахъ, которыя вставлялись въ историческое произведеніе, историкъ былъ свободенъ почти какъ поэтъ.

Сравненіе въ общемъ и въ частностяхъ названнаго сочиненія Лукіана съ Гораціевою *Argi poetica* имѣетъ *raison d'être* и можетъ быть, полагаемъ, интересно, въ частности—для рѣшенія вопроса о Греческихъ образцахъ Горація.

Произведеніе Лукіана—дидактическо-сатирическое посланіе, какъ и *Argi poetica*, но въ прозѣ—стихотворство во время Лукіана было не въ модѣ.

Кристь¹⁾ полагаетъ, что Лукіанъ перешелъ къ формѣ посланій подъ старость.

Лукіанъ обращается къ другу своему Филону, какъ Горацій къ Пизонамъ. Возможно, что Филонъ интересовался спеціально исторіею.

¹⁾ *Gesch. d. griech. Litter.*, стр. 774: „In die Form von Briefen kleidete Lukian mehrere Schriften des gereiften Alters“.

Лукіанъ самъ не пишетъ исторіи, но даетъ совѣты, какъ ее писать; поводомъ къ этому послужило то, что вслѣдствіе бывшей войны многіе возмнили себя историками.

Лукіанъ, какъ и Горацій, начинаетъ съ отрицательныхъ сторонъ предмета.

Лукіанъ напираетъ на то, что исторія должна быть правдива, но и Горацій прежде всего требуетъ правды—поэтической—и выдержанности.

Гл. 23 Лукіанъ говоритъ о высокопарныхъ введеніяхъ (*προοίμια τραγικά*), не соотвѣтствующихъ самимъ произведеніямъ; тутъ у него стоитъ м. пр. и „Ὁδινεν ὄρος“. Два раза, гл. 19 и 57, онъ говоритъ о неумѣстности въ историческихъ произведеніяхъ слишкомъ обстоятельныхъ описаній (*ἐκφράσεις*). Гл. 11 онъ говоритъ: *ἐκάστου γάρ ὃν ἴδιον τι καλόν ἐστιν· εἰ δὲ τοῦτο ἐναλλάξαιας, ἀκαλλές τὸ αὐτὸ παρὰ τὴν χρῆσιν γίγνεται*. Все это напоминаетъ *Ars poetica* Горація.

Читатель, ближе интересующійся этимъ произведеніемъ, сдѣлаетъ самъ полное сопоставленіе параллельныхъ мѣстъ.

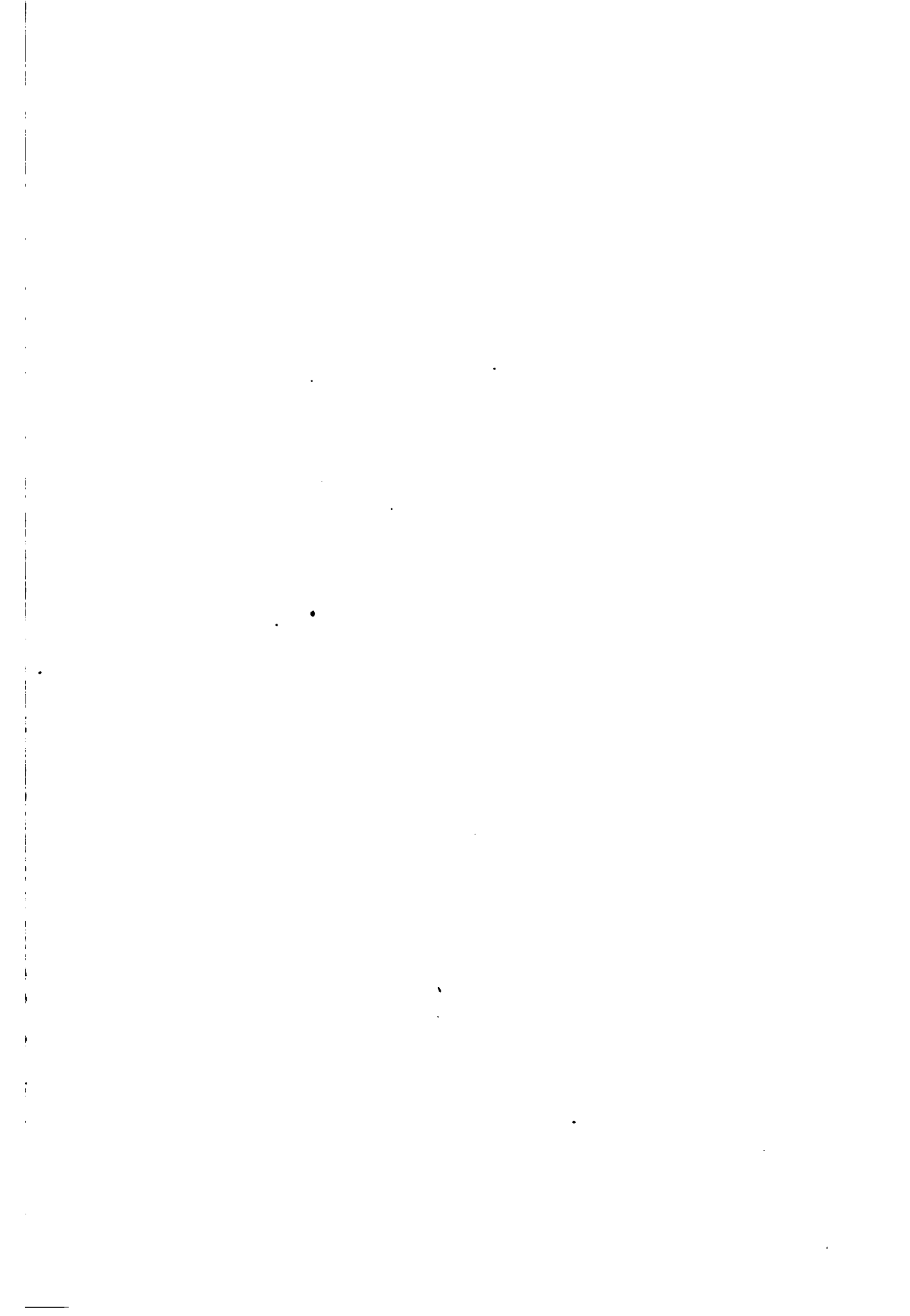
Прибавимъ здѣсь еще кое-что, что можетъ пригодиться для комментарія къ *Ars poetica*.

О *licentia* поэтовъ говоритъ Лукіанъ гл. 8 названнаго сейчасъ произведенія и *Hermetimus*, гл. 72: *ὁ γε νῦν ἐπραττες καὶ ἐπενόεις, οὐδὲν τῶν Ἰπποκονταύρων καὶ Χιμαιρῶν καὶ Γοργόνων διαφέρει, καὶ ὅσα ἄλλα ὄνειροι καὶ ποιηταὶ καὶ γραφεῖς ἐλεύθεροι ὄντες ἀναπλάττουσι οὔτε γενόμενα πώποτε οὔτε γενέσθαι δυνάμενα*. Обстоятельно говоритъ о томъ-же Элій-Аристидъ *or. VIII*. М. пр. онъ говоритъ о поэтахъ § 1: *ὡσπερ τὸραννοὶ τινες τῶν νοημάτων ὄντες* и § 13: *πολλὰ αὐτοῖς ὑπάρχει πλεονεκτήματα καὶ εἰσιν αὐτοκράτορες ὃ τι ἂν βούλωνται ποιεῖν*.

У Филострата *Διαλέξεις*, *Kauser*, II p. 258 читаемъ: *ῥῆθον πεῖσομεν, ἣν σαφῶς ἐρμηνεύσωμεν· σαφῶς δὲ ἐρμηνεύσομεν καὶ ἔξω εὐτελείας, ἣν τῶν νοηθέντων τὰ μὲν κοινὰ καινῶς φράσωμεν, τὰ δὲ καινὰ κοινῶς*. Эти слова напоминаютъ извѣстныя мѣста въ *Ars poetica* Горація.

Извѣстная характеристика возрастовъ въ *Ars poetica* сама по себѣ недурна, но въ упрекъ можно поставить Горацію, что она является повтореніемъ мысли, уже высказанной имъ

выше (ст. 105 и сл.), съ одной стороны, слишкомъ обстоятельна, а, съ другой, ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ совсѣмъ нѣтъ упоминанія о женскомъ характерѣ вообще и о важномъ различіи между мужскимъ и женскимъ характеромъ, что, по ходу мысли автора, несомнѣнно было бы существенно нужно, во всякомъ случаѣ нужнѣе, чѣмъ стихи о дѣтяхъ; въ ст. 111 говорится о *matrona potens* и *sedula nutrix*, но тоже ни слова о женскомъ характерѣ вообще. Гораций пропустилъ въ своей *Ars poëtica* то, что мы находимъ напр. въ сочиненіи по физиогномикѣ, *Scriptores physiognom. Graeci et Latini*. Ed. Förster, I, стр. 350: ὡς γὰρ ἐπὶ πλεῖστον τὸ μὲν ἄρρεν γενναῖον, ἄδολον, δίκαιον, θυμοειδές, φιλότιμον, ἄκαχον, τὸ δὲ θῆλυ ἀγεννές, πικρόν, δολερόν, κουφόροον, ἄδικον, φιλόκεικον, θρασύδειλον.

ПАНЕГИРИКЪ РИМУ
ЭЛІЯ-АРИСТИДА.

Греческій текстъ съ Русскимъ переводомъ, введеніемъ,
комментаріемъ и приложеніями

Ив. Турцевича.

Выпускъ первый.

НѢЖИНЪ

Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.

1907.

Печатано по постановленію Конференції Историко-Филологическаго Института
Князя Везбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

Предисловіе.

О писателѣ, коего произведеніе мы здѣсь предлагаемъ читателямъ, извѣстный профессоръ и академикъ У. Вилямовицъ-Меллендорфъ недавно сказалъ¹⁾: „Аристидъ филологіею собственно еще не открытъ...., но онъ заслуживаетъ монографіи“. Понимать эти слова нужно, конечно, не въ буквальномъ смыслѣ — первое (полное) печатное изданіе Аристида вышло въ 1517 г., — но въ высшемъ научномъ смыслѣ. Дѣйствительно, пока еще многого недостаетъ для надлежащаго пониманія отдѣльныхъ произведеній Аристида и нѣтъ полного и вполне удовлетворительнаго изслѣдованія о его жизни и произведеніяхъ. Несомнѣнно, этотъ авторъ сравнительно очень мало читался въ прошломъ вѣкѣ — даже записными филологами, былъ почти забытъ, а читавшіе его далеки были отъ мысли особенно рекомендовать его другимъ. Нѣкогда было не то: въ древности, при жизни его и послѣ смерти, онъ пользовался большою славой и авторитетомъ; его много читали въ Византіи; читали его и подражали ему также въ вѣкѣ Возрожденія.

Въ послѣднее время интересъ къ Аристиду — по крайней мѣрѣ среди ученыхъ — нѣсколько усилился и, можетъ быть, скоро филологическая наука выполнитъ свой по отношенію къ нему долгъ въ смыслѣ научнаго объясненія его произведеній и уясненія значенія личности и дѣятельности этого во всякомъ

¹⁾ См. Die Kultur der Gegenwart, herausg. von Hinneberg, I, 8, 167.

случаѣ крупнаго писателя древности. Монографіи о немъ можно скорѣе всего ожидать отъ его послѣдняго издателя, проф. Б. Кейля.

Вендляндъ въ рецензій на вышедшій томъ Кейлевскаго изданія Аристида говорилъ объ Аристидѣ слѣдующее (*Berliner Philologische Wochenschrift*, 1899, № 11): „Стало почти модою цитовать Аристида не безъ эпитетовъ „отвратительный, пустой риторъ“, словно стѣсняются знакомства съ нимъ, и это понятно, если одинъ изъ самыхъ начитанныхъ филологовъ недавно признавался (это—Родэ), что, прочитавъ нѣсколько рѣчей, онъ приостановился въ чтеніи. Со мною при прежнихъ попыткахъ было то-же самое; но это зависѣло, надо полагать, отъ трудности пониманія (Аристида) и отъ того непріятнаго чувства, которое пробуждалъ совсѣмъ недостаточный аппаратъ. Существенныя трудности пониманія теперь устранены благодаря образцовой работѣ Кейля и вот мы должны теперь, не ограничиваясь общимъ эстетическимъ сужденіемъ, дойти до историческаго пониманія, мы должны перенестись въ настроеніе современниковъ Аристида, слушавшихъ его, воспроизвести въ насъ то впечатлѣніе, которое онъ хотѣлъ производить и производилъ, какъ бы это ни было для насъ трудно. Для риторическаго пониманія какъ разъ только положено начало. Но и въ другихъ отношеніяхъ Аристидъ можетъ дать много. Какъ Діонъ (Хрисостомъ), онъ есть главный источникъ для изученія античной городской жизни, изслѣдованіе коей какъ разъ только началось и стало благодаря новѣйшимъ раскопкамъ одною изъ важнѣйшихъ задачъ филологическихъ штудій.“

Если уже въ Германіи приходится въ нѣкоторомъ смыслѣ открывать Элія-Аристида, то у насъ тѣмъ болѣе: у насъ, въ нашей литературѣ это почти совсѣмъ неизвѣстный писатель: нѣсколько строкъ о немъ можно найти развѣ только въ переводныхъ сочиненіяхъ или словаряхъ¹⁾. Но, развѣ этотъ

¹⁾ Въ извѣстномъ указателѣ Прозорова нѣтъ даже и имени этого Аристида.

писатель признается имѣющимъ значеніе въ наукѣ и литературѣ вообще, то, значитъ, и для насъ: мы уже указали на то, что произведенія Аристиды много читались въ Византіи. По нашему мнѣнію, даже переводъ нѣкоторыхъ сочиненій Аристиды на Русскій языкъ можетъ быть небезполезенъ.

Предлагаемый нами нынѣ въ Русскомъ переводѣ панегирикъ Риму Аристиды не есть, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся литературное произведеніе. Уже литературная форма произведенія, его риторичность намъ очень не по вкусу. Но наша оцѣнка древняго литературнаго произведенія отнюдь не должна опредѣляться только нашими вкусами; для этого необходима историческая точка зрѣнія; нужно понять и древніе панегирики: вѣдь ихъ въ свое время писалось и произносилось очень много; они требовались обычаемъ и представляются очень характернымъ явленіемъ общественной жизни и литературы. Затѣмъ, какъ бы мы ни относились къ древнимъ панегирикамъ вообще и въ частности къ панегирикамъ городовъ, панегирикъ такого города, какъ Римъ, этого города городовъ, уже долженъ возбуждать наше вниманіе во всякомъ случаѣ, а панегирикъ Риму Аристиды, притомъ-же, есть единственный большой или, правильнѣе сказать, вообще единственный настоящій панегирикъ этому городу, дошедшій до насъ—изъ числа весьма многихъ. То, что этотъ панегирикъ на Греческомъ языкѣ, а не Латинскомъ, произнесенъ былъ въ Римѣ, хотя и Римскимъ гражданиномъ, но провинціальнымъ, полагаемъ, только еще увеличиваетъ представляемый имъ для насъ интересъ.

Уже по этимъ общимъ соображеніямъ можно утверждать, что это произведеніе Аристиды должно представлять для насъ интересъ, хотя бы въ немъ были отчасти и преувеличенія и хотя бы о многомъ важномъ въ немъ не было ни слова.

Этотъ панегирикъ Рима, конечно, не могли игнорировать новые историки Рима и вообще ученые, писавшіе о Римѣ, въ частности о Римѣ времени имперіи. Въ соответственныхъ сочиненіяхъ находимъ ссылки на этотъ панегирикъ, при

водятся и поясняются отдѣльные мѣста изъ него. Но въ то-же время читатель можетъ встрѣтить совершенно невѣрные отзывы о немъ и притомъ тамъ, гдѣ всего менѣе этого можно было ожидать. Вотъ, напр., въ *Geschichte der griech. Literatur* Криста (4 изд. стр. 750) говорится, что въ *Ἐγκύκλιον Ῥώμης* Аристида превозносится чрезмѣрно самый городъ Римъ и Римскій государственный строй, представляющій де сочетаніе хорошихъ сторонъ демократіи, аристократіи и монархіи. Всякій, читавшій панегирикъ Аристида, знаетъ, какъ мало объ этомъ въ немъ говорится. Фолькманъ въ *Die Rhetorik d. Griechen und Römer*, 2 изд., стр. 283 говоритъ, правда, нѣсколько вѣрнѣе, что панегирикъ Риму Аристида есть восхваленіе Римскаго міровладычества и Римскаго принципата; но это для автора какъ будто неважно: онъ продолжаетъ: „Sie (т. е. die Rede auf Rom) ist dadurch merkwürdig, dass sie trotz ihres grossen Umfangs nicht die geringste Notiz von der Römischen Geschichte nimmt, ja nicht einen einzigen Römischen Namen enthält. Mit nicht zu leugnender Kunst wird von dem τεχνικώτατος σοφιστῶν ein lobendes Enthymem an das andere gereiht, jedes streng zur Sache gehörig, aber nirgends der Boden allgemeiner Reflexion verlassen, nirgends das Gebiet positiver Thatsachen betreten. Derartige Leistungen der sophistischen Kunst sind für moderne Leser völlig ungeniessbar. Nur das genaueste Eingehen auf die rhetorische Technik macht uns ihre Lectüre erträglich und zugleich begreiflich, dass sie überhaupt zu irgend einer Zeit gefallen konnten“. Выходило бы по Фолькману, что названная рѣчь Аристида совершенно безсодержательна, что въ ней нѣтъ ни слова о Римской исторіи! Или Фолькманъ ожидалъ у Аристида упоминаній о сраженіяхъ, завоеваніяхъ и т. п.? Но вѣдь ясно, что Аристидъ въ этой рѣчи намѣренно оставилъ въ сторонѣ эти, великія и по числу и по размѣрамъ, *πάτρια Ῥώμης*. Свой громадный *Παναθηναϊκός*, въ коемъ онъ обстоятельно говорить о политической исторіи Аѳинъ, Аристиду пришлось произносить въ два приема, раздѣлить его на два дня; что же, если бы онъ въ панегирикѣ Рима далъ такой-же обзоръ исторіи Рима?

Панегирикъ Риму Аристида, несомнѣнно, представляетъ значительный интересъ и по своему содержанію. Но пониманіе и толкованіе его представляетъ трудности—даже для специалистовъ. Причина этого заключается въ языкѣ и стилѣ Аристида и въ томъ, что текстъ этого панегирика дошелъ до насъ со значительными пропусками и искаженіями.

Въ виду этого мы въ 1895 г. изготовили Русскій переводъ этой рѣчи Аристида; переводъ этотъ былъ въ декабрѣ того-же года прочитанъ нами въ засѣданіи Историко-филологическаго Общества, состоящаго при Институтѣ Кн. Безбородко.

Нашъ переводъ мы не рѣшались тогда-же печатать—главнымъ образомъ въ виду плохого состоянія Греческаго текста рѣчи. Въ 1898 году появилось новое критическое изданіе этой и нѣкоторыхъ другихъ рѣчей и вообще произведеній Аристида, сдѣланное Б. Кейлемъ. Новый текстъ, правда, тоже оставлялъ желать многого, но нужно было довольствоваться сдѣланными улучшеніями; однако приступить къ печатанію перевода намъ помѣшали другія работы и заботы.

Между тѣмъ у насъ явилась мысль расширить нашу работу по панегирику Аристида.

Недочеты въ нашемъ Русскомъ переводѣ могли быть исправлены или по крайней мѣрѣ видны и понятны только при сравненіи съ оригиналомъ, который рѣдко гдѣ имѣется. Греческій же текстъ панегирика, да и вообще этотъ панегирикъ требовалъ многихъ поясненій и комментированіе этого произведенія, относящагося къ главной сферѣ нашихъ научныхъ занятій, намъ представлялось интересной, заманчивой работою. Поэтому мы рѣшили дать читателямъ и Греческій текстъ панегирика и обстоятельный комментарий къ нему съ дополненіями, а также предпослать рѣчи введеніе, составляющее по содержанію тоже часть комментарія. Пока комментарий къ этой рѣчи Аристида не имѣется ни на одномъ языкѣ.

Въ этомъ нашемъ намѣреніи насъ укрѣпили отзывы о панегирикѣ Аристида нѣкоторыхъ весьма компетентныхъ ученыхъ. Такъ, напр., упомянутый профессоръ Вилямовицъ-

Меллендорффъ находилъ, что эта рѣчь Аристиды есть самое значительное литературное прославленіе Римской державы и что этотъ панегирикъ вполне заслуживаетъ обстоятельнаго комментарія¹⁾.

Во введеніи мы говоримъ о панегирикахъ городамъ въ періодъ Римской имперіи и въ частности о панегирикахъ Риму, а затѣмъ о жизни и произведеніяхъ нашего Аристиды.

Нашъ переводъ панегирика Риму мы отнюдь не считаемъ совершеннымъ, но все таки онъ, можетъ быть, кому-нибудь пригодится. Онъ былъ бы лучше, если бы былъ не началомъ, а завершеніемъ нашей работы надъ панегирикомъ. Онъ не соответствуетъ вполне ни тексту Диндорфа, ни тексту Кейля.

Греческій текстъ мы даемъ по изданію Кейля, а наши разночтенія помѣщаемъ послѣ текста, въ Appendix critica.

Нашъ комментарий прежде всего и главнымъ образомъ — реальный; мы полагали, что таковой наиболѣе нуженъ современному читателю. О языкѣ и стилѣ Аристиды вообще говорится во введеніи.

Въ „Приложеніяхъ“ мы помѣстили, во-первыхъ, нѣкоторые тексты, которые неудобно было помѣщать въ комментарий, напр. вслѣдствіе ихъ значительнаго размѣра, во-вторыхъ, тексты, представляющіе, такъ сказать, *membra disiecta* генеральнаго панегирика Риму, отдѣльные элементы и мотивы его, и, въ третьихъ, экскурсы объ *epitheta ornantia* древняго Рима.

¹⁾ Die Kultur der Gegenwart, I, 8, стр. 163: „Die vornehmste literarische Verherrlichung des Reiches, die es überhaupt giebt, ist die Rede, die Aristides von Smyrna unter Pius auf Rom in Rom gehalten hat...“ и стр. 167: „Zwar nicht sein (Аристиды) Panathenaikos, aber wohl seine Rede auf Rom dürfte durch einen Kommentar, der Inhalt und Form gleich zur Geltung brächte, auf eine Höhe gehoben werden, die an den Panegyricus des Isokrates mindestens nahe kommt.“

Панегирикъ Риму

Элія—Аристида.

1. Предпринимающіе морское или сухопутное путешествіе обыкновенно даютъ обѣты, какой кто придумаетъ; а одинъ поэтъ сказалъ въ шутку, что онъ далъ обѣтъ принести въ жертву „златорогій ладанъ“. Я же, господа, во время путешествія сюда по сушѣ и морямъ далъ обѣтъ, вполне художественный, вполне соответствующій моему положенію и моей профессіи, именно, обѣщавъ, если прибуду сюда благополучно, произнести публично рѣчь городу. Но обѣщать рѣчь, вполне соответствующую этому городу, нельзя было; собственно мнѣ нужно было помолиться даже о томъ, чтобы хватило силъ хотя взяться за такую рѣчь, которая бы соответствовала такому величію города. Я, разумѣется, далъ обѣтъ произнести рѣчь, которая будетъ по моимъ силамъ, такъ какъ вѣдь и другіе, дѣлая приношеніе по своимъ силамъ, удовлетворяютъ этимъ богамъ.

Господа жители этого великаго города! Если вы сколько-нибудь желаете, чтобы я не оказался нарушителемъ обѣта, то поддержите съ своей стороны мое дерзновенное начинаніе, дабы я, выступая (здѣсь) съ первою похвальною рѣчью, могъ сказать, что мнѣ съ самаго начала посчастливилось встрѣтить такихъ слушателей, предъ которыми человекъ, по словамъ Еврипида, даже будучи прежде неискusstvenнымъ, становится искуснымъ и ловкимъ ораторомъ и можетъ говорить о такихъ предметахъ, которые ему собственно не по силамъ.

Вашъ городъ величаютъ всѣ и будутъ величать; но этимъ они умаляютъ его болѣе, чѣмъ своимъ молчаніемъ, поскольку, безмолвствуя, нельзя сдѣлать его ни большимъ, ни меньшимъ, и онъ остается для знакомящагося съ нимъ цѣлымъ, а рѣчи даютъ не тотъ результатъ, какой собственно должны бы давать: восхваляя, мы не показываемъ въ подлинномъ видѣ то, чему удивляемся. Если живописецъ берется художественно воспроизвести красиваго человѣка, привлекающаго къ себѣ взоры всѣхъ, и не въ состояніи этого сдѣлать, то всякій въ правѣ, конечно, сказать, что полезнѣе бы было и не писать совсѣмъ, а или показать оригиналь или не показывать неудовлетворительное его воспроизведеніе. Такъ, мнѣ кажется, обстоитъ дѣло и съ вашимъ городомъ: рѣчи отнимаютъ у него значительную часть его достопримѣчательностей и панегиристы поступаютъ такъ, какъ если бы кто, желая точно опредѣлить количество какого-либо войска, напр. Ксерксова, говорилъ бы, что видѣлъ десять или двадцать тысячъ, а конницы столько-то и столько-то, не обозначая этимъ даже и малой части всего цѣлага своими восторженными словами.

Да, впервые недостаточность слова человѣческаго обнаруживается на вашемъ городѣ. О немъ не только нельзя говорить соотвѣтственно его значенію, но его нельзя даже осмотрѣть надлежащимъ образомъ, а, право, для этого нуженъ нѣкій всезрящій Аргусъ, а еще вѣрнѣе—самъ владыка его, всезрящій богъ. Въ самомъ дѣлѣ, столько возвышеній здѣсь занято зданіями, столько равныхъ мѣстъ заселено, такая громадная площадь объединена именемъ одного города! Кто съ какого возвышенія можетъ хорошо осмотрѣть все это! Совершенно какъ говоритъ Гомеръ о снѣгѣ: „онъ вершины горъ высокихъ и выдающіеся холмы“ покрываетъ „а равно цвѣтушія степи и тучныя пахарей нивы; рассыпался онъ по пристанямъ и по берегамъ сѣдого моря“—такъ точно и этотъ вашъ городъ: онъ покрываетъ высокіе холмы, покрываетъ между ними равнины, простирается онъ и до моря, на которомъ—общее торжище людей и общее распредѣленіе произведеній земли. Гдѣ

бы кто въ немъ ни очутился, онъ все-таки въ срединѣ его. Онъ не только закрываетъ поверхность земли, но необыкновенно высоко воздымается къ небу, такъ что высоту его можно сравнить не со слоемъ снѣга, а скорѣе съ самою возвышенностью. И подобно тому, какъ человѣкъ, много превосходящій другихъ ростомъ и силою, не довольствуется этимъ, а беретъ на себя другихъ и носить, такъ и этотъ городъ: ему мало того, что самъ онъ раскинулся на такой огромной площади, нѣтъ, онъ взялъ на себя другіе, столь-же большіе города и несетъ, нагромоздивъ одинъ на другой. По этому и имя его нарицательное (именно-Рома, Сила); да, то, что здѣсь передъ нами, это именно-сила. Если бы кто захотѣлъ его совсѣмъ развернуть, всѣ эти города, теперь воздушные, поставить на землѣ одинъ возлѣ другого, то все протяженіе Италиі, нынѣ не занятое, было бы заполнено и образовался бы одинъ непрерывный городъ, вплоть до Іонійскаго моря. Такова его величина; а я ея все еще, быть можетъ, не представилъ надлежащимъ образомъ, — зрѣніе можетъ лучше свидѣтельствовать; однако о немъ нельзя, какъ объ остальныхъ городахъ, сказать, что онъ вотъ здѣсь. О городѣ Аѳинянъ и Лакедемонянъ кто-то сказалъ, что городъ однихъ изъ нихъ можетъ казаться вдвое больше, чѣмъ его могущество, а другихъ, наоборотъ, — ниже его. Да не будетъ это сравненіе вамъ въ обиду! — О вашемъ городѣ, во всѣхъ отношеніяхъ великомъ, нельзя сказать, что его могущество не соотвѣтствуетъ такой его громадности; напротивъ, посмотрѣвъ на всю державу его, можно перестать удивляться городу, видя, что онъ составляетъ только весьма незначительную часть всей этой территории, и опять, увидѣвъ самый городъ и предѣлы его, уже не удивляться болѣе тому, что такому городу подчиняется земля. Какой-то писатель сказалъ относительно Азіи, что, гдѣ только проходитъ солнце, надъ всѣмъ этимъ пространствомъ властвуетъ одинъ человѣкъ; но это — невѣрно, если онъ не исключалъ всю Африку и Европу изъ числа странъ между востокомъ и западомъ. А вотъ теперь это видимъ дѣйствительно

осуществившимся: путь солнца равенъ вашимъ владѣніямъ, солнце совершаетъ путь свой все по вашей территоріи. Въдъ ни утесы морскіе, ни Хелидоніи и Кіанеи не ограничиваютъ вашей державы; ширина ея до моря не опредѣляется дневнымъ бѣгомъ коня; вы властвуете не въ границахъ, особо, искусственно обозначенныхъ; никто другой не объявляетъ, до котораго мѣста простирается ваша власть; нѣтъ, море, какъ-бы нѣкій поясъ, лежитъ по срединѣ и земли и вашей державы, а вокругъ него лежатъ „великіе величественно“ материки, постоянно поставляющіе что-нибудь вамъ изъ своихъ произведеній.

А доставляется со всей земли и моря все, что даетъ каждое время года и каждая мѣстность, что даютъ рѣки, озера и искусства и ремесла Грековъ и варваровъ, такъ что, если кто хочетъ все это увидѣть, то долженъ или объѣхать всю землю или побывать въ вашемъ городѣ. Въ самомъ дѣлѣ, все, что добывается и производится у каждаго народа, все это непремѣнно всегда имѣется здѣсь даже въ избыткѣ. Сюда прибываетъ столько торговыхъ судовъ съ грузами отъ всѣхъ народовъ во всякое время, во всякую смѣну поздней осени(?), что городъ представляется какъ-бы общею мастерскою(?) всей земли.

Здѣсь можно видѣть товары изъ Индіи, да пожалуй и отъ счастливыхъ Арабовъ, въ такомъ количествѣ, что кажется, будто деревья для тамошнихъ жителей остались совсѣмъ опустошенными и имъ приходится ѣхать сюда, въ случаѣ надобности, за своими-же произведеніями. Матерій изъ Вавилоніи и украшеній изъ странъ, лежащихъ далѣе, доставляется къ вамъ гораздо болѣе и это легче, чѣмъ если бы надо было съ Накса или Киона привезти что-нибудь изъ тамошнихъ произведеній. Ваши житницы—Египетъ, Сицилія и культивированная часть Африки. Приходъ и отходъ судовъ никогда не прекращается, такъ что можно удивляться, что не только гавани, но и самаго моря хватаетъ для грузовыхъ судовъ. Какъ Гезіодъ сказалъ объ окраинахъ океана, что де тамъ есть мѣсто, гдѣ все сходится въ одно начало и конецъ, такъ и въ

вашемъ городѣ. Все тутъ совмѣщается: торговля, мореходство, земледѣліе, очищеніе металловъ, всѣ искусства и ремесла, какія только существуютъ, все, что рождается и произростаеъ; а если чего здѣсь не видно, то того и не было или нѣтъ совсѣмъ. Въ виду этого не легко рѣшить, болѣе-ли этотъ городъ превосходитъ другіе существующіе города, или эта держава превосходитъ всѣ другія, когда-либо существовавшія.

Право, мнѣ стыдно, что послѣ столькихъ и такихъ опредѣленій (в. города).... окажется, что я говорю о какой-нибудь варварской державѣ или Греческой силѣ, и мой приѣмъ будетъ казаться противоположнымъ приѣму Эолійскихъ поэтовъ. Тѣ, когда хотѣли что-нибудь современное умалить, то сопоставляли его съ чѣмъ-нибудь великимъ и славнымъ въ старину, полагая, что такимъ образомъ наилучше докажутъ, что требуется, я же, не имѣя возможности иначе показать превосходство вашей державы, сопоставляю ее съ прежде существовавшими малыми. Да, вѣдь вы все и самое великое сдѣлали вѣсьма малымъ—вашимъ большимъ масштабомъ; поэтому-то я вотъ выбралъ самое значительное, а вы, пожалуй, только посмѣетесь надъ нимъ.

Итакъ, во-первыхъ, рассмотримъ Персидскую державу, о которой столько говорили нѣкогда Греки и которая доставила обладателю ея, царю, титулъ „великаго“;—о другихъ, до нея существовавшихъ, менѣе значительныхъ, я не буду говорить. Посмотримъ, по порядку, размѣры ея и положеніе дѣлъ въ ней; вѣдь надо же разсмотрѣть вопросъ о томъ, что сами эти цари извлекали изъ своихъ владѣній и какъ относились къ своимъ подданнымъ.

И вотъ оказывается, во-первыхъ: то, что значитъ теперь для васъ Атлантическій океанъ, этимъ было тогда для Персидскаго царя вообще море; море было предѣломъ его державы и власти, такъ что Іоняне и Эоляне были на границахъ его земли. А когда однажды этотъ царь отъ востока солнца до запада задумалъ было переправиться въ Грецію, то это вызвало такое великое удивленіе, которому равнялась только

неудача его предпріятія. Свое величіе онъ показалъ этимъ только въ томъ смыслѣ, что ясно стало, что онъ могъ лишиться многого и великаго. Если же ему такъ далеко было до покоренія Греціи, а Іонія была на границѣ его владѣній, то ясно, его держава меньше вашей—не на полетъ диска или стрѣлы, а на цѣлую половину вселенной да еще съ этимъ самымъ его моремъ. Соотвѣтственно этому, и внутри, въ этихъ границахъ, онъ не всегда оказывался дѣйствительно властнымъ царемъ, а, смотря потому, каковы были силы Аѳинянъ или счастье Лакедемонянъ, онъ былъ царемъ то до Іоніи и Эолиды и моря, то опять уже даже не до Іоніи и не до моря, а только до Лидіи, не видя такимъ образомъ моря съ находящихся на западѣ Кіанейскихъ о-вовъ; совсѣмъ, какъ царь, избираемый дѣтьми въ игрѣ, то пребывая внутри страны, то спускаясь къ морю, завися отъ тѣхъ, кто признавалъ его власть. Это показало войско Агезилая и еще раньше Клеарховы десять тысячъ: первое прошло до Фригіи, какъ по своей землѣ, а тѣ проникли за Ефратъ, идя какъ по пустынѣ. А вотъ какъ Персидскіе цари наслаждались своею властью по мудрому совѣту Ойбара. Говорятъ, будто онъ первый сказалъ Киру, когда тотъ былъ недоволенъ постояннымъ странствованіемъ, что де ему непременно, необходимо нужно, хотя—нехотя, посѣщать всѣ мѣстности своего царства, если хочеть царствовать; онъ де долженъ смотрѣть, какъ кожа, когда ступишь на нее, понижается и касается земли, а гдѣ поднимешь ногу, опять подыметя, и опять понижается подъ давленіемъ ноги. Это какіе-то цари переселенцы; между ними и кочевниками Скиѳами только та разница, что они кочевали не на телѣгахъ, а на парадныхъ колесницахъ. Да, (кочевники цари и блуждающіе)—и это вслѣдствіе недовѣрія и страха къ постоянному мѣсту жительства: они попирали, по истинѣ какъ какую-нибудь кожу, свою собственную землю, и такимъ образомъ держали въ своей власти то Вавилонъ, то Сузу, то Экбатану, а не умѣя владѣть ими постоянно и не заботясь о нихъ, какъ пастухи. Въ самомъ дѣлѣ, походило на то, какъ

будто они не были увѣрены въ томъ, что это ихъ держава. Они вѣдь не заботились о подданныхъ, какъ о своихъ, не увеличивали и не украшали ничѣмъ ни городовъ, ни земель; напротивъ, какъ-бы вторгшіеся въ не принадлежащее имъ, они безобразно, безнравственно эксплуатировали его, заботясь о томъ, чтобы властвовать надъ совершенно безсильными, и какъ-бы соревнуя другъ съ другомъ въ незаконныхъ убійствахъ, каждый старался превзойти своего предшественника. Состязались они вотъ въ чемъ: какъ бы по возможности больше людей умертвить, какъ можно больше прогнать съ мѣста семействъ и общинъ, да нарушить какъ можно больше клятвъ. Вотъ что получали они отъ своего пресловутаго могущества, да при этомъ еще и то, что по закону природы должно сопровождать такія дѣянія,—ненависть и заговоры со стороны подданныхъ, очутившихся въ такомъ положеніи, отпаденія, кровавыя усобицы, постоянныя ссоры и препирательства.

Да, вотъ что получали они сами, какъ-бы властвуя болѣе вслѣдствіе проклятія, чѣмъ по желанію. А на долю подчиненныхъ приходилось то, что должно было приходиться подданнымъ такихъ властителей, да на это уже въ общемъ и указано. Страхъ внушала родителямъ красота дитяти, а красота жены—мужу; погибать приходилось не человѣку, совершившему много преступленій, а человѣку, много имѣющему; разрушеніе и срытіе городовъ встрѣчалось тогда почти чаще, чѣмъ теперь основаніе новыхъ; легче было уцѣлѣть, воюя, чѣмъ будучи покорнымъ, такъ какъ въ сраженіяхъ ихъ легко было одолѣть, а властью они злоупотребляли безъ мѣры; людей почтительныхъ они презирали, какъ рабовъ, а свободолюбивыхъ наказывали, какъ враговъ; и вслѣдствіе этого всегда ненавидѣли другихъ и сами были предметомъ ненависти. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь часто они больше боялись своихъ подданныхъ, чѣмъ непріятелей, прибѣгая для улаженія внутреннихъ дѣлъ большею частью къ войнѣ. Причиною всего этого было то, что цари не умѣли властвовать, а подданные не выполняли своего долга повиновенія. Да и нельзя

въ самомъ дѣлѣ быть хорошимъ подданнымъ, когда правители дурно правятъ. Да, въ тѣ времена еще не раздѣлялись понятія властвованія и деспотіи, „царь“ и „деспотъ“ было одно и то-же. Естественно, что при такихъ понятіяхъ они и не распространили своей власти далеко; имя владыки-деспота, этого рода власть не идетъ далѣе сферы домохозяйства; а, когда распространяется на города и народы, то легко устраняется.

Александръ,—перехожу къ нему—пріобрѣвшій наибольшую державу до вашей и прошедшій землю, собственно представляется мнѣ скорѣе пріобрѣвшимъ царскую власть, чѣмъ царствовавшимъ. Иной частный человѣкъ пріобрѣтетъ себѣ много хорошей земли и умираетъ прежде, чѣмъ успѣетъ получить плоды отъ нея; то-же, мнѣ кажется, случилось и съ Александромъ: онъ прошелъ по весьма большому пространству земли, покорилъ всѣхъ сопротивлявшихся ему и извѣдалъ всякія опасности, но онъ не могъ упрочить свою державу и завершить свое дѣло, онъ умеръ среди самаго теченія событій. Поэтому о немъ можно сказать, что онъ одержалъ очень много побѣдъ, а царствовалъ весьма не долго, былъ великимъ борцомъ изъ-за царской власти, но не успѣлъ пожать плоды, достойные его замысловъ и искусства; напротивъ, онъ очутился въ такомъ положеніи, какъ если бы напр. кто-нибудь, состязаясь въ Олимпіи и побѣдивъ соперниковъ, умеръ сейчасъ послѣ побѣды, не успѣвъ прочно и красиво приладить на своей головѣ побѣдный вѣнокъ. Въ самомъ дѣлѣ, какіе законы далъ Александръ каждой народности? какой прочный порядокъ въ финансахъ или въ военномъ или морскомъ дѣлѣ установилъ онъ? какой обычный административный механизмъ дѣйствовалъ при немъ, дѣйствовалъ самъ по себѣ, въ опредѣленномъ порядкѣ и чередованіи? Какія учрежденія ввелъ онъ у подданныхъ? Единственное достойное его дѣло и единственный памятникъ, оставленный имъ, это—названный по его имени городъ въ Египтѣ; онъ прекрасно основалъ его для васъ, чтобы вы имъ владѣли и чтобы онъ

быть самымъ большимъ въ вашей державѣ послѣ вашего города. Да, Александръ положилъ конецъ владычеству Персовъ, а самъ почти не властвовалъ.

Когда же онъ скончался, немедленно Македонія распалась на много частей. Македоняне показали на дѣлѣ, что властвованіе надъ другими имъ не по силамъ; они не могли удержать за собою даже своей родины, а дошли до такого печальнаго положенія, что вынуждены были оставить свою родную землю, чтобы властвовать надъ чужими, словно скорѣе выселенные, чѣмъ способные владычествовать; звучало чѣмъ-то загадочнымъ „Македоняне не въ Македоніи“, и, гдѣ могли, они царствовали каждый скорѣе какъ комендантъ городовъ и мѣстностей, чѣмъ правитель, какіе-то изгнанные цари, притомъ изгнанные не великимъ царемъ, а изгнавшіе сами себя; они, если можно такъ выразиться, представляли изъ себя сатраповъ безъ царя. Но такой порядокъ не похожъ-ли болѣе на разбойничество, чѣмъ на царство?

Теперь у васъ предѣлы вашей державы широко раздвинулись и нельзя измѣрить то, что они обнимаютъ. Гдѣ прежде оканчивалась держава Персовъ, если двигаться на западъ, тамъ остается еще большее разстояніе, чѣмъ отъ одного конца Персидскаго царства до другого. Все подчинено вамъ: всѣ города, народы, гавани, мѣстности—кромѣ развѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя вы признали негодными, чѣмъ вы пренебрегли, какъ бесполезнымъ. И Красное Море, и водопады Нила, и Меотійское озеро, о которыхъ прежде говорили, какъ о предѣлахъ земли, теперь для вашего города какъ-бы заборъ для двора. Нѣкоторые историки прежде не вѣрили совсѣмъ въ существованіе океана и что онъ окружаетъ землю, полагая, что это де только поэты ввели въ поэзію это слово для произведенія болѣешихъ эффектовъ; а вы этотъ самый океанъ открыли вполне; вамъ сталъ извѣстенъ даже и находящійся на немъ островъ.

Такъ велика и пространна ваша держава! Но еще выше, чѣмъ по протяженію своихъ границъ, стоитъ она по сплочен-

ности своихъ частей. Въ ней не Мизійцамъ, не Саккамъ и не Писидамъ принадлежитъ царская власть и никакимъ другимъ народностямъ въ срединѣ ея, то силою поселившимся въ ней, то отложившимся, коихъ нѣтъ силъ усмирить; земля не считается номинально только царскою, принадлежащею царю, а принадлежитъ въ дѣйствительности всякому, кто могъ занимать ее; не воюють у васъ другъ съ другомъ сатрапы, словно у нихъ нѣтъ царя; города не становятся одни на сторону одного, другіе — другого; гарнизоны не посылаются въ одни изъ нихъ и не изгоняются изъ другихъ, но, какъ-бы какого двора вычищенная ограда(?)... такъ при васъ вся вселенная единогласна, согласнѣ хора, и вся вмѣстѣ возноситъ однѣ мольбы о томъ, чтобы нынѣшняя власть оставалась на вѣки. Такъ прекрасно управляетъ ею этотъ корифей-регентъ. Вездѣ подчиненіе одинаково; жители горныхъ мѣстностей покорнѣ жителей самыхъ низкихъ равнинъ и не думаютъ возмущаться, а жители благословенныхъ равнинъ — ваши земледѣльцы. Материкъ и островъ ничѣмъ между собою не отличаются, но все, какъ-бы одна непрерывная страна и одно племя, повинуется безропотно. Все выполняется согласно приказанію и по мановенію. легче, чѣмъ струна тронутая издаетъ звукъ; и, если что должно быть сдѣлано, нужно только рѣшеніе и — готово! Что касается правителей, посылаемыхъ въ города и области, то они — начальники для своихъ подчиненныхъ, но сами по себѣ и въ отношеніи другъ къ другу всѣ въ одинаковой мѣрѣ подчиненные. И можно прямо сказать, что они тѣмъ только выше своихъ подчиненныхъ, что сами первые показываютъ, какъ слѣдуетъ подчиняться. Такъ они боятся своего великаго правителя и общаго верховнаго распорядителя! Они убѣждены, что ему болѣе извѣстны ихъ дѣйствія, чѣмъ имъ самимъ; они чувствуютъ къ нему болѣе страха и почтенія, чѣмъ рабъ передъ своимъ господиномъ, который стоитъ надъ нимъ и приказываетъ. Ни у одного изъ нихъ нѣтъ столько заносчивости, чтобы, услышавши только имя его, отнестись къ этому пассивно; нѣтъ, каждый встанетъ

прославлять его, отдаетъ ему честь и возноситъ двѣ молитвы, одну за него къ богамъ, а другую ему за себя..... Если у правителей является какое недоразумѣніе касательно судебного дѣла или ходатайствъ подчиненныхъ, общественнаго или частнаго характера, дѣйствительно заслуживающихъ особаго вниманія, то они доносятъ немедленно объ этомъ ему, и ждутъ, пока онъ не дастъ указаній, совсѣмъ какъ хоръ отъ своего регента. Такимъ образомъ нѣтъ вовсе надобности утруждать себя, объѣзжать всю державу и, посѣщая то одну мѣстность, то другую, въ каждой устранять мѣстныя дѣла, лично присутствуя тамъ; нѣтъ, весьма легко, сидя (въ столицѣ), править всею землею посредствомъ письменныхъ сношеній. А эти бумаги—чуть написаны и почти немедленно уже на мѣстѣ назначенія, словно разносимыя птицами пернатыми.

Теперь я укажу на то, что заслуживаетъ въ особенности удивленія и благодарности—словомъ и дѣломъ. Велика у васъ держава; такъ мощно, съ полною властью вы ею правите; но вотъ что еще выше этого—и это всецѣло и исключительно принадлежитъ только вамъ:—только вы одни изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ властителей правите свободными странами. Карія не предоставляется Тиссаферну, а Фригія—Фарнабазу и Египетъ—иному кому; извѣстный народъ не подчиненъ, какъ домъ, такому и такому-то, которому онъ отданъ въ рабство, причемъ и самъ этотъ—несвободный человѣкъ; нѣтъ, подобно живущимъ отдѣльными независимыми городскими общинами, вы какъ бы въ одномъ городѣ держите тѣ-же общественно-городскіе порядки на всей землѣ, всѣмъ назначаете властей, какъ-бы по выборамъ, и они должны начальствовать надъ подчиненными и пещись о нихъ, а не владѣть и распоряжаться ими, какъ рабами. Правитель смѣняетъ правителя, когда истекаетъ его срокъ власти; рѣдко даже застаютъ еще одинъ другого, не говоря уже о томъ, чтобы начать споръ о власти, какъ-бы данная область была его владѣніемъ.

Къ нимъ (провинціалы) апеллируютъ, словно демоны къ суду (городовъ), причемъ рѣшеніе дѣла беспокоитъ не менѣе принимающихъ апелляціи, чѣмъ подающихъ. Такимъ образомъ можно сказать, что нынѣшніе ваши подданные управляются посылаемыми намѣстниками въ такой мѣрѣ, въ какой сами хотятъ. Какъ же это не выше всякой демократіи? При демократіи вѣдь нельзя послѣ приговора, произнесеннаго въ данной общинѣ, обращаться въ другое мѣсто и къ другимъ судьямъ, а приходится довольствоваться этимъ рѣшеніемъ, если городъ не слишкомъ уже малъ, такъ что нуждается въ судьяхъ изъ другого города... нѣтъ, остается еще другой великій судья, который всегда во всемъ найдетъ правду. И при этомъ наблюдается большое и прекрасное равенство—между большимъ человѣкомъ и малымъ, знаменитымъ и безвѣстнымъ, между бѣднякомъ и богачемъ, знатнымъ и незнатнымъ. Сбывается сказанное Гезіодомъ: „легко даетъ силу и легко сильнаго смиряетъ“ этотъ вашъ судья и вождь, какъ требуетъ законъ,—совсѣмъ какъ вѣтеръ по отношенію къ судну: какъ извѣстно, онъ не благопріятствуетъ, и не бываетъ попутенъ болѣе богачу, а бѣдняку менѣе, но, кого ни встрѣтитъ, одинаково бываетъ полезенъ всякому.

Теперь я брошу взглядъ на исторію Грековъ, такъ какъ дошелъ въ моей рѣчи до нихъ,—хотя мнѣ и стыдно и боюсь, какъ-бы не показалось, что я останавливаюсь на мелкихъ предметахъ. Однако; какъ я только-что сказалъ, я не сопоставляю равное съ равнымъ, но, за недостаткомъ болѣе значительныхъ параллелей, вынужденъ пользоваться имѣющимися въ исторіи; затѣмъ, было бы смѣшно удивляться и указывать на то, что нельзя найти другую державу равную вашей и близко подходящую и что она затмеваетъ собою все, и откладываетъ сопоставленіе до тѣхъ поръ, пока можно будетъ упомянуть о равномъ,—конечно, ждать этого не приходится: вѣдь и не была-бы она такъ удивительна, если бы можно было назвать другую подобную. Я отлично знаю, что государства Грековъ покажутся еще ничтожнѣе, чѣмъ та держава, кото-

рую я только-что разсматривалъ,—по размѣрамъ и важности исторіи, именно Персидской монархіи. Но превзойти варваровъ богатствомъ и численностью военныхъ силъ, а также Грековъ въ отношеніи мудрости и добрыхъ нравовъ—это я считаю самымъ важнымъ и рѣшительнымъ мотивомъ въ сужденіи о доблести и самымъ славнымъ изъ всѣхъ состязаній. Итакъ, теперь я скажу, какъ велики были государства Грековъ и какими Греки были политиками. Если окажется, что они не смогли сохранить гораздо меньшихъ государствъ, чѣмъ ваше, то ясно, что отсюда вытекаетъ для нашего вопроса.

Аѳиняне и Лакедемоняне сдѣлали все ради власти и гегемоніи, и ихъ сила заключалась въ плаваніи по морю и владѣніи Кикладскими островами, Эракійскимъ побережьемъ, Термопилами, Геллеспонтомъ и Кориѳасіемъ. Да, таковы были ихъ силы. Это значитъ, какъ если-бы кто, желая овладѣть человѣкомъ, ухватился за ногти и оконечности и воображалъ, что держитъ все тѣло. Такъ и они, желая пріобрѣсть гегемонію, воспользовались только островками да мысами и гаванями на берегу моря и т. подобнымъ; всѣ силы свои истощили тутъ около моря, скорѣе мечтали о гегемоніи, чѣмъ были въ состояніи пріобрѣсти ее. Становясь однако, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, во главѣ Грековъ, какъ-бы по очереди, каждый городъ не могъ сохранять за собою этого положенія, можно сказать, даже въ продолженіе одного поколѣнія; да, не могъ—по крайней мѣрѣ надлежащимъ образомъ, но, какъ говорится, они одерживали Кадмову побѣду одни надъ другими въ борьбѣ изъ-за гегемоніи, какъ-бы не допуская, чтобы только все одна сторона была предметомъ ненависти, —и другая должна была подвергнуться тому-же.

Такъ, во-первыхъ, одинъ вождь Лакедемонянъ раздражилъ своимъ образомъ дѣйствій Грековъ и потому они, по своей волѣ отставъ отъ Лакедемонянъ, охотно искали себѣ другихъ властителей; затѣмъ, подчинившись Аѳинянамъ, спустя немного времени опять передумали и измѣнили: они

не могли выносить громадныхъ податей и обираиія ихъ подъ предлогомъ этихъ податей; каждый годъ ихъ влекли изъ ихъ городовъ въ Аѣины давать отчетъ о своихъ дѣлахъ; къ нимъ, на ихъ земли посылали колонистовъ и сборщиковъ собирать денегъ помимо податей, если случайно являлась какая либо особая потребность въ деньгахъ; далѣе, кромѣ этого, они не могли сохранить свои акрополи свободными, всегда зависѣли отъ демагоговъ господствовавшаго государства, — все равно, хороши-ли или дурны эти были; они должны были часто участвовать въ ненужныхъ военныхъ походахъ во время священнаго мира и празднествъ; коротко говоря, ничего имъ эта гегемонія не давала такого, ради чего стоило бы переносить все это.

Поэтому-то большинство Грековъ, недовольные Аѣинянами, перешли опять на сторону Лакедемонянъ, такъ-же, какъ раньше отъ Лакедемонянъ на сторону Аѣинянъ, но опять были обмануты Лакедемонянами: эти, объявивъ, что будутъ воевать съ Аѣинянами за независимость Грековъ, и этимъ привлекая большинство Грековъ на свою сторону, послѣ того, какъ уничтожили стѣны Аѣинъ и вообще почувствовали въ своихъ рукахъ силу, власть, дошли въ своемъ высокомеріи до того, что установили тираніи во всѣхъ Греческихъ городахъ, называя ихъ эфемистически декархіями. Уничтоживъ одну власть Аѣинянъ, они съ своей стороны, въ замѣнъ ея, ввели много своихъ властей, которыя, не сидя въ Аѣинахъ или въ Спартѣ, притѣсняли подчиненныхъ, а вводились во всѣхъ отдѣльныхъ городахъ, на всемъ пространствѣ и какъ-бы образуя собою сѣть. Такимъ образомъ, если бы они, начиная войну, объявили Грекамъ, что будутъ воевать съ Аѣинянами для того, чтобы вредить имъ больше и чаще, чѣмъ тѣ, и показать, что господство Аѣинянъ было свободою, то такое объявленіе ихъ какъ нельзя болѣе подтврждалось бы ихъ образомъ дѣйствій. И вотъ поэтому они были побѣждены однимъ изгнанникомъ, покинуты были Фиванцами, возбуждала ненависть Коринѣянъ; море наполнялось изгнанными

ихъ устроителями, такъ какъ эти сами были безпорядочны, были установлены и правила городами не соотвѣтственно своему названію.

Когда вслѣдствіе несправедливостей Лакедемонянъ, и, какъ слѣдствія ихъ, ненависти къ нимъ со стороны Грековъ, усилились Фиванцы и побѣдили ихъ при Левктрахъ, то одновременно Лакедемоняне были устранены и опять никто не могъ выносить Фиванцевъ—всего послѣ одной-то ихъ побѣды... Оказалось, что полезнѣе ихъ побѣды надъ Лакедемонянами продолженіе послѣдними оккупациіи Кадмова акрополя: такую ненависть къ себѣ возбудили Фиванцы!

Конечно, я привелъ это не съ цѣлью огульнаго осужденія Грековъ—подобно тому, какъ это сдѣлалъ извѣстный, возбудившій удивленіе, авторъ „Троевластія“—да не будетъ никогда такой необходимости!—нѣтъ, я хочу только доказать, что до васъ не было еще умѣнья управлять. Вѣдь если бы оно было, то было бы среди Грековъ, которые, несомнѣнно же, превосходили всѣ остальные народы мудростью. Нѣтъ, это умѣнье есть ваше изобрѣтеніе и отъ васъ перешло къ другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь то, что сказано объ Аѳинянахъ, пожалуй будетъ вѣрно также и по отношенію ко всѣмъ Грекамъ. У нихъ было очень достаточно мужества, чтобы возстать противъ своихъ властителей и одолѣть Персовъ и Лидійцевъ; могли они переносить морскія экспедиціи и вообще труды, но сами властвовать они еще не научились и въ своихъ попыткахъ терпѣли неудачи.

Такъ, во-первыхъ, они посылали въ города гарнизоны, которые по численности всегда, были, конечно, не меньше тѣхъ самихъ, къ которымъ посылались и такимъ образомъ и тѣмъ, кои еще не имѣли у себя гарнизоновъ, внушали опасеніе, что Греки все хотятъ дѣлать путемъ силы и насилій. И вотъ естественнымъ результатомъ такой политики было что, во-первыхъ, власть ихъ надъ городами не была прочной и, во-вторыхъ, они возбуждали къ себѣ ненависть, вмѣсто выгоды властвованія они получали отъ него только невыгоды: выгоды

не были прочны, но прочно держалось мнѣніе. что они увлекаютъ таковыя. Что же потомъ?—Вѣчно разъединяясь и раздѣляясь, они становились слабѣе у себя дома и не могли сохранять за собою своихъ собственныхъ владѣній, стараясь завладѣть чужими. Они не могли посылать достаточно военныхъ силъ къ тѣмъ, надъ которыми стремились властвовать, и у себя не оставляли столько, чтобы остаться съ прежними силами; напротивъ, какъ разъ наоборотъ были не достаточно сильны внѣ, не достаточно сильны и дома, и увеличеніе ихъ власти внѣ ставило ихъ въ крайне затруднительное положеніе: у нихъ не было средствъ удерживать за собою свои пріобрѣтенія. Такимъ образомъ они должны были отступать назадъ и удачи были для нихъ затрудненіями, почти вызывали проклятія, а неудачи были легче и возбуждали менѣе опасеній. Да, право, казалось, что вмѣсто того, чтобы властвовать, они только разъединяли въ разныя мѣста свои силы и трудились только ради самого труда; одновременно съ поступленіемъ процентовъ немедленно и незамѣтно уменьшался капиталъ и, по слову поэтовъ, понижался до прежняго размѣра.

Далѣе, не въ ихъ интересахъ было, чтобы ихъ подвластные были сильны—вслѣдствіе возможности возстаній—и, съ другой стороны, нежелательно было также, чтобы они были безсильны—въ виду возможныхъ войнъ съ внѣшними врагами, чтобы въ этихъ случаяхъ было болѣе пользы отъ союза съ ними. Въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ они походили на играющихъ въ извѣстную игру, гдѣ участвующіе то двигаются впередъ, то опять тащатъ назадъ; они не знали, что дѣлать, и, желая въ одно и то-же время, чтобы подвластные ихъ были и сильны и слабы, возились съ ними и водили ихъ, и не могли при этомъ сказать, надъ чѣмъ собственно трудятся. А вотъ что особенно смѣшно и странно: на возставшихъ своихъ союзниковъ они заставляли идти остальныхъ, замышлявшихъ то-же самое; это все равно, какъ если бы они убѣждали возставшихъ идти противъ нихъ самихъ; они не давали себѣ отчета въ томъ, что это они вели держащихъ

сторону ихъ враговъ противъ этихъ-же послѣднихъ, вели тѣхъ, для которыхъ, конечно, невыгодно было во вредъ себѣ выказывать, что они готовы ревностно помогать остальнымъ (союзникамъ). Такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ они достигали противоположнаго тому, чего желали и что было бы въ ихъ интересахъ. Въ самомъ дѣлѣ, желая возвратить себѣ отпадающихъ, они могли и остававшихся вѣрными сдѣлать измѣнниками; они вѣдь показывали, что, оставаясь вѣрными имъ, тѣ будутъ обращать оружіе одни противъ другихъ въ угоду властвующему государству, а отложившись, всѣ будутъ имѣть обезпеченную независимость, такъ какъ въ концѣ концовъ не будетъ кому ихъ возвращать въ прежнее положеніе. Итакъ они были по отношенію къ себѣ самимъ хуже измѣнявшихъ имъ союзниковъ, поскольку тѣ отлагались отъ нихъ каждыя въ отдѣльности, а сами они своимъ образомъ дѣйствія вели ко всеобщему отпаденію.

Такъ-то: тогда еще не было системы во властвованіи; люди стремились къ нему, не зная его, и, хотя владѣли только немногимъ и какъ-бы краями..., не смогли однако сохранить за собою и этого—вслѣдствіе неопытности во властвованіи и безсилія, не правя городами гуманно и не будучи въ силахъ держать ихъ властно; власть ихъ была въ одно и то-же время и оберемнительной и безсильной. Кончалось поэтому тѣмъ, что эти государства, общипанныя, какъ Эзопова галка, въ одиночку боролись со всѣми.

Это искусство, не дававшееся, можно сказать, ни одному народу прежде, суждено было открыть и довести до совершенства вамъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: и въ остальныхъ дѣлахъ на матеріалѣ обнаруживается искусство; такъ, когда образовалась величайшая держава и выдающееся могущество, то на ней выработано, на ней проявилось и соответственное искусство, и они увеличивались одно отъ другого: вслѣдствіе величины державы должна была непременно явиться и опытность, и опять вслѣдствіе умѣнія властвовать въ то-же время справедливо и естественно увеличивалась и держава.

И во-первыхъ, болѣе всего достойна вниманія и удивленія ваша щедрость въ дарованіи права вашего гражданства и величіе при этомъ политической мысли, такъ что ничего подобнаго нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Именно вы раздѣлили на двѣ категоріи (половины) всѣхъ людей, подчиняющихся вашей власти, иными словами,—всю вселенную, и всѣ элементы болѣе симпатичные, благородные и сильные сдѣлали гражданскими или даже единоплеменными, а остальныхъ—подданными, подвластными. И ни море не мѣшаетъ быть гражданиномъ, ни отдаленность мѣстности на сушѣ; Азія и Европа не раздѣлены въ этомъ отношеніи. Доступно все всѣмъ; никто не чужой, кто только достоинъ власти или довѣрія, но установилось нѣкое общее міровое народоправленіе—подъ однимъ наилучшимъ правителемъ и блюстителемъ порядка; и всѣ собираются какъ-бы на общій форумъ, чтобы получить каждому, что слѣдуетъ по его заслугамъ. То, что городъ вообще для своихъ предѣловъ и земель, этимъ вашъ городъ является для всей земли, какъ-бы сдѣланный общимъ городомъ для нея. Можно сказать, что всѣ люди—періэки или живутъ по демамъ и собираются въ одинъ. этотъ вашъ акрополь; и онъ никогда не отвергалъ ихъ, но, какъ твердь земная держитъ всѣхъ, такъ и онъ принимаетъ въ себя людей со всей земли, словно море рѣки. У него съ моремъ общее еще слѣдующее: и море не увеличивается отъ впаденія въ него рѣкъ, и на этомъ городѣ, при его величинѣ, не замѣтно никакое приращеніе: подобно тому, кто беретъ къ себѣ что-либо за пазуху, этотъ городъ все въ себѣ держитъ скрытно, при прибыли и убыли оставаясь все тѣмъ-же. Но это такъ къ слову пришлось—для сравненія; возвращаюсь къ главному. Какъ я сказалъ, будучи велики, вы взяли великій масштабъ для своего города и не сдѣлали его гордымъ въ самомнѣніи и удивительнымъ тѣмъ, что не удѣляли правъ его (гражданства) остальнымъ, но поискали населеніе достойное его. Римское имя вы сдѣлали не обозначеніемъ города, но-нѣкоей общей національности, и при томъ не одной изъ числа всѣхъ, а перевѣшивающей всѣ

остальные. Вѣдь вы теперь не раздѣляете націи на Грековъ и варваровъ, нѣтъ! вы сдѣлали смѣшнымъ это дѣленіе, предоставляя имъ свой городъ, болѣе многочисленный, чѣмъ, можно сказать, все Греческое племя, а взамѣнъ того раздѣлили всѣхъ на Римлянъ и не-Римлянъ—такое широкое значеніе вы дали имени вашего города!

При такомъ дѣленіи элементовъ народонаселенія, въ каждомъ городѣ много вашихъ согражданъ, гражданъ вполнѣ, какъ-бы изъ вашихъ единоплеменниковъ—изъ нихъ нѣкоторые даже и не видѣли еще своего города; и нѣтъ надобности въ гарнизонахъ для занятія акрополей, но въ каждомъ городѣ люди самые выдающіеся и вліятельные сохраняютъ въ вѣрности вамъ свои родные города. Такимъ образомъ вы двояко держите города въ повиновеніи,—отсюда и черезъ нихъ самихъ. Никакой зависти не проявляется изъ-за властвованія, такъ какъ вы сами подали примѣръ широкой щедрости, сдѣлавъ все общедоступнымъ и предоставивъ возможность способнымъ къ тому не быть подчиненными, а скорѣе править въ свою очередь. Поэтому и тѣ, которые поставлены ниже, не питаютъ къ вамъ ненависти. Такъ какъ ваше гражданство общедоступно и городъ какъ-бы одинъ, то, естественно, ваши правители управляютъ не какъ чужими, а какъ своими согражданами. Кромѣ того, положеніе всѣхъ общинъ обезпечено отъ посягательствъ со стороны лицъ выдающихся и власть имѣющихъ у нихъ: если они дерзаютъ допускать какое беззаконіе, то немедленно ихъ постигаетъ вашъ гнѣвъ и наказаніе. Такимъ образомъ, естественно, и бѣдные и богатые довольны существующимъ порядкомъ и находятъ его для себя полезнымъ, и не останется другого образа жизни. Предъ нами единый, согласованный политическій строй, обнимающій всѣхъ. То, что прежде казалось несомѣстнымъ, при васъ осуществилось, именно—сила власти и вмѣстѣ гуманность... Поэтому города свободны отъ гарнизоновъ; батальоновъ и эскадроновъ достаточно для охраны цѣлыхъ областей; да и тѣ не размѣщены по городамъ каждой области въ большомъ числѣ,

а разсѣяны по странѣ, среди остального населенія. Вслѣдствіе этого многія области и не знаютъ, гдѣ находится назначенная для ихъ охраны военная сила. Если же случится, что какой-либо городъ вслѣдствіе выдающейся величины уже не можетъ самъ по себѣ поддерживать у себя порядокъ, то вы и такимъ не отказываете въ назначеніи особыхъ начальствующихъ лицъ и охранителей.

Всѣ охотнѣе вамъ посылаютъ подати, чѣмъ иные получали бы ихъ сами отъ другихъ. И это естественно: управленіе въ рукахъ тѣхъ, для кого оно не по силамъ, не благотѣтельно, подчиненіе же выше стоящимъ, это, какъ говорится, — второе плаваніе, а вами оно сдѣлано теперь даже первымъ. И вотъ всѣ крѣпко держатся за васъ и такъ-же мало расположены оставить васъ, какъ плывущіе на кораблѣ—своего кормчаго; напротивъ, какъ летучія мыши въ пещерахъ держатся одна за другую и за камни, прильнувъ къ нимъ, такъ и васъ всѣ держатся, въ большомъ страхѣ и заботяся, какъ бы кто не отвалился отъ этой кучи; скорѣе они боятся быть покинуты вами, чѣмъ думаютъ оставить васъ. вмѣсто соревнованія изъ-за власти и первенства, бывшихъ причиною всѣхъ прежнихъ войнъ, теперь одни съ удовольствіемъ пребываютъ въ покоѣ, какъ тихо текущая вода, довольные, что избавились отъ страданій и бѣдъ, и убѣжденные, что прежде гонялись за призраками; а иные и совсѣмъ не знаютъ, властвовали-ли когда нибудь, не могутъ этого припомнить, но совсѣмъ, по разсказу Памфила, или, если не Памфила, то Платона, городъ, какъ-бы уже лежавшіе на кострѣ—вслѣдствіе ихъ взаимной вражды и смутъ, сразу приняли вашу гегемонію и вдругъ ожили; но, какъ это съ ними случилось, они не могутъ сказать, и вообще они знаютъ только одно—удивляются существующему порядку; они словно были пробуждены отъ сна и, вмѣсто представлявшихся имъ сновидѣній, увидѣвъ господствующій теперь порядокъ, пришли опять въ себя. Что касается войнъ, то они уже не вѣрятъ даже, что когда-либо войны происходили дѣйствительно; большинство людей слу-

шаетъ рассказы о нихъ, какъ-бы какіе-то мнѣ; и если бы и теперь гдѣ они начались на окраинахъ,—что, конечно, возможно, на громадной, неизмѣримой территоріи вашего государства—вслѣдствіе безумія Гетовъ или обездоленныхъ Ливійцевъ или безразсудныхъ обитателей береговъ Краснаго Моря, которые не могутъ воспользоваться существующими благами,—то, право, эти войны—совсѣмъ какъ вымыслы: они проходятъ быстро, а равно и рассказы о нихъ.

Да, таковъ царить у васъ миръ, несмотря на то, что война—ваше дѣло отъ временъ предковъ У васъ вчерашніе шорники и плотники не становятся сегодня уже гоплитами и кавалеристами, не превращается, какъ на сценѣ въ театрѣ, въ солдата человѣкъ только-что бывшій земледѣльцемъ; вы не смѣшиваете специальностей, у васъ, не какъ въ бѣдномъ домѣ, въ которомъ одни и тѣ-же—и повара и привратники и комнатные слуги; вы не ждете, пока люди иныхъ профессій изъ нужды не запишутся въ солдаты, и не допускаете, чтобы непріятели призывали васъ къ оружію. Я говорилъ уже вообще о вашей державѣ и политическомъ строѣ, именно о томъ, какую систему вы избрали и какъ примѣнили ее на дѣлѣ. Въ частности же о войскѣ и военныхъ порядкахъ уместно будетъ сказать теперь, какъ вы поняли и военное дѣло и какую организацію ему дали. Несомнѣнно, удивительна мудрость, обнаруженная вами и въ этой области, и вполне соответствующей аналогіи себѣ не имѣетъ.

До выдѣленія (изъ всего народа) войска додумались, правда, уже Египтяне и считали весьма мудрымъ нововведеніемъ то, что у нихъ защитники страны поставлены были совершенно особо отъ остальныхъ жителей, какъ и во многомъ другомъ Египтяне считали себя мудрѣе остальныхъ народовъ. Вы дошли до того-же принципа, но примѣнили его не такимъ-же образомъ: у васъ раздѣленіе лучше, мудрѣе, поскольку при ихней организаціи нельзя было и тѣмъ и другимъ элементамъ имѣть одинаковыя права гражданства и одни военные, перенося труды всю жизнь, были въ худшемъ

положеніи сравнительно съ мирными жителями, и потому, надо полагать, и не долюбивали послѣднихъ; у васъ же, при существованіи общаго равенства правъ, возможно военную силу поставить особо. Поэтому-то мужество Грековъ и Египтянъ и кого бы еще тамъ ни назвать, оказывается, уступаетъ вашему. И, будучи настолько слабѣе васъ по силѣ оружія, всѣ они еще болѣе остаются позади, что касается пракческаго пониманія дѣла. Военную службу и безпокойства, сопряженныя съ нею, для гражданъ изъ вашего города вы не считали приличными вашему государству и настоящему благоденствію, а не-гражданамъ вы не довѣряли, солдаты же нужны были непременно. Какъ же вы поступили? Вы придумали свое войско, причемъ граждане, не отягощались, какъ таковые, военною службою. Возможность имѣть такое войско дали вамъ ваша общегосударственная политика и неустраненіе перегриновъ отъ всѣхъ тѣхъ службъ, которыя они могутъ и должны нести. Какъ же этотъ наборъ, какъ онъ производится? Вы отправляетесь въ провинціальныя общины и тамъ высматриваете людей, которые годились бы для этой службы; а найдя таковыхъ, вы въ то-же время исключаете ихъ изъ общинъ и одновременно даете имъ права вашего города, такъ что впослѣдствіи всегда они, пожалуй, стыдятся называть себя гражданами той общины, въ которой нѣкогда числились гражданами. Сдѣлавъ гражданами, вы такимъ образомъ дѣлаете ихъ и солдатами, и такимъ образомъ граждане, принадлежащіе къ извѣстной общинѣ, не несутъ военной службы, а несущіе ее остаются вполне гражданами, такъ какъ, лишившись своего прежняго гражданства со вступленіемъ въ ряды войска, становятся съ того-же самаго дня гражданами вашего города и хранителями его. И всѣ слѣдуютъ вашему призыву; ни одинъ городъ не тяготится; вы требуете отъ отдѣльныхъ городовъ такое количество солдатъ, что оно и необременительно для дающихъ и недостаточно для образованія у нихъ ихъ особаго мѣстнаго войска. Поэтому города очень благодарны тѣмъ, которые высылаются отъ

нихъ въ ваши арміи, такъ какъ они образуютъ общее войско, а особо у каждаго города изъ его гражданъ нѣтъ никакой военной силы, взятые же въ военную службу, они обращаютъ взоры только къ вамъ, потому что въ этомъ смыслѣ прекрасно организованы.

Выбравъ для войска самыхъ лучшихъ людей отовсюду, вы отъ этого получили громадную выгоду. Вы вѣдь не держитесь того убѣжденія, что для общественныхъ сборищъ и состязаній изъ-за вѣнковъ наиболѣе красивые, наиболѣе рослые и сильные люди должны предварительно упражняться, а будущіе борцы и побѣдители на самыхъ великихъ и истинныхъ состязаніяхъ, тѣ, коимъ предстоитъ одерживать всѣ побѣды за столь великую державу, могутъ собираться лишь въ случаѣ надобности, и не надо де, чтобы заранѣе выбирались изъ всѣхъ люди самые рослые и наиболѣе для дѣла годные и упражнялись бы такъ, чтобы, разъ очутившись передъ врагомъ, съ самаго-же начала имѣли перевѣсъ; нѣтъ, вы будущихъ борцовъ тщательно выбираете (изъ подчиненныхъ вамъ), давая вознагражденіе, на которое я указалъ, такъ что они не должны потомъ завидовать другимъ, остающимся въ своемъ городѣ, какъ-бы неравноправные съ этими по прежнему, но имѣютъ получить, какъ отличіе, участіе въ вашемъ гражданствѣ; найдя же ихъ и расположивъ къ себѣ такимъ образомъ, вы отводите ихъ къ границамъ имперіи и, помѣстивъ тамъ въ разныхъ пунктахъ, поручаете имъ охранять однимъ одни, другимъ другія мѣста.

Этимъ самымъ вы позаботились и рѣшили вопросъ о стѣнахъ города. Теперь кстати и объ этомъ вопросѣ.

Нельзя сказать, чтобы вашъ городъ былъ безъ стѣнъ, какъ у надменныхъ Спартанцевъ, но также нельзя сказать и того, чтобы вашъ городъ былъ совсѣмъ заключенъ въ стѣнахъ, какъ великолѣпный Вавилонъ или другой какой городъ, прежде или послѣ обведенный величественными стѣнами; но вы сдѣлали также то, что даже укрѣпленія Вавилона кажутся игрушечными и по истинѣ сооруженіемъ женщины.

Окружать стѣнами самый городъ, какъ-бы желая скрыть его или убѣгая отъ подчиненныхъ вамъ, вы считали неблаго-разумнымъ и не соответствующимъ вообще вашей политикѣ; вѣдь это выходило бы то-же, какъ если бы господинъ оказался боящимся своихъ рабовъ. Однако вы подумали и о стѣнахъ, только ими вы окружили вашу державу, а не городъ. Вы ихъ поставили какъ можно далѣе (отъ него) — великолѣпныя, достойныя васъ стѣны, невидимыя для живущихъ внутри обнимаемаго ими круга; а если кто хочетъ увидѣть ихъ, тому предстоитъ путь, если начинать его отъ столицы, на цѣлые мѣсяцы и годы... Да, уже за самой периферіей вселенной вы, совсѣмъ какъ при укрѣпленіи города, провели другую линію, съ болѣе удобными изгибами и болѣе удобную для защиты, а на ней возвели стѣны и построили пограничные города, одни въ одномъ, другіе въ другомъ мѣстѣ, заселили ихъ колонистами, коимъ дали соответственныя искусства и ремесла и завели во всемъ порядокъ. II, какъ ровъ кругомъ, по всей линіи окружаетъ лагерь..... Если вычислять длину этихъ стѣнъ, то окажется не десять парасанговъ и не двадцать или нѣсколько больше этого, да и нельзя прямо опредѣлить, сколько; но все то, что заключается между населенною частью Эіопіи, Фазисомъ вотъ здѣсь и Евфратомъ на востокъ, а на западѣ великимъ крайнимъ островомъ,—все это можно назвать кругомъ, обведеннымъ стѣнами.

Эти стѣны не сдѣланы изъ горной смолы и обожженнаго кирпича и не блестятъ штукатуркою; однако и онѣ, обычной, смотря по мѣстностямъ, постройки, во многихъ мѣстахъ сдѣланы изъ камней, какъ въ стѣнѣ дома у Гомера, плотно сложенныхъ и точно одинъ къ другому пригнанныхъ, громадны по размѣрамъ и блестятъ ярче мѣди; но другая линія, гораздо бѣльшая и болѣе величественная, вездѣ несокрушимая и неразрывная, затмѣвающая собою всѣ иныя и крѣпче всѣхъ, когда-либо существовавшихъ, это—войны, что на этихъ стѣнахъ стоятъ, не признающіе бѣгства, такъ плотно стоящіе одинъ возлѣ другого, какъ Мирмидоняне у Гомера который

ихъ сравниваетъ со стѣною дома, о которой я упоминалъ, воины, вооруженные всякими военными доспѣхами; шлемъ отъ шлема такъ близокъ, что негдѣ между ними стрѣлѣ упасть; а поднятые надъ ихъ головами щиты могутъ быть мѣстомъ для бѣговъ, болѣе прочнымъ, чѣмъ устраиваемыя въ городахъ, такъ какъ на немъ могутъ скакать даже всадники; прямо скажешь, что видишь передъ собою, какъ выражается Еврипидъ, „мѣдью покрытое поле“; панцыри (?) такъ пристають одинъ къ другому, что, если (среди вооруженныхъ воиновъ) поставитъ одного безъ панцыря, то довольно только сомкнуть рядъ (?); копьа, словно съ неба падающія кругомъ капли дождя, касаются одно другого. Такова-то эта стройная цѣпь

Въ старину Дарій съ Артаферномъ и Датисомъ могъ взять одинъ городъ на какомъ-то островѣ посредствомъ сѣти; а вы, если можно такъ выразиться, окружили сѣтью всю вселенную и такимъ образомъ охраняете ее—посредствомъ общихъ ея гражданъ и перегриновъ, которыхъ вы, какъ я сказалъ, выбрали изъ числа всѣхъ и вывели на окраины, обнадеживъ всѣхъ безупречно служащихъ увѣреніемъ, что не придется раскаиваться въ этомъ, что де не въ силу благороднаго происхожденія будутъ занимать первыя, вторыя и т. д. мѣста, а каждый будетъ занимать такое мѣсто, какого заслуживаетъ, такъ какъ подборъ де лучшихъ опредѣляется не пустыми словами, а дѣлами; и, примѣняя эти правила на дѣлѣ явно для всѣхъ, вы достигли того, что всѣ считаютъ праздность несчастьемъ для себя, а труды—средствомъ къ достиженію желаній, въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля проявляютъ согласіе, а другъ съ другомъ состязаются изъ-за отличій всю жизнь, и во всемъ свѣтѣ только ваши воины молятся о томъ, чтобы найти врага. Поэтому, видя упражненія и строй вашихъ войскъ, вспомнишь слова Гомера, что, если бы противниковъ было и вдесятеро больше, они скоро бы были обращены вспять и взяты (всѣ) до одного человѣка(?); а когда обратишь вниманіе на пополненіе ихъ рядовъ, наборъ, то

приходятъ на память слова того Египтянина, который, когда Камбизъ разорялъ его страну и разрушалъ святилища, ставъ на стѣнахъ Фивъ, поднялъ вверхъ въ рукѣ комокъ земли и чашу воды изъ Нила, желая этимъ символически выразить ту мысль, что, пока царь не будетъ въ состояніи передвинуть съ мѣста самый Египетъ и рѣку Нилъ и расхитить ихъ, то онъ еще не завладѣлъ богатствомъ Египта и что вскорѣ у нихъ вмѣсто похищеннаго и разрушеннаго явится опять столько-же, такъ какъ остаются эти основанія и источники богатства, и что никогда, слѣдовательно, богатство Египта не изсякнетъ совсѣмъ. Это-же можно подумать и сказать также о вашемъ войскѣ, именно, что до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не будетъ въ состояніи сдвинуть съ мѣста самую территорію вашу и сдѣлать пустою и пока вселенная должна оставаться на своемъ мѣстѣ, до тѣхъ поръ не можетъ оказаться у васъ недостатка въ войскѣ, его будетъ у васъ столько, сколько захотите, со всѣхъ концовъ земли.

Далѣе, по истинѣ сказать, и въ отношеніи военнаго строя и дисциплины всѣ люди по сравненію съ вами оказались дѣтьми. Вы требуете отъ вашихъ солдатъ и командировъ практики, упражненій не только въ сраженіяхъ съ непріателемъ, но прежде предварительно между собою; всякій день каждый воинъ проводитъ въ строю и никогда не покладаетъ назначеннаго ему поста; какъ-бы въ какомъ-то постоянномъ хорѣ, каждый знаетъ и занимаетъ свое мѣсто, а къ занимающему высшій постъ другой, занимающій низшій, не питаетъ изъ-за этого зависти, и самъ требуетъ себѣ полнаго подчиненія отъ тѣхъ, кои поставлены ниже его.

Досадно, что другіе уже сказали о Лакедемонянахъ, что, за исключеніемъ немногихъ, въ ихъ войскѣ всѣ—начальники начальниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, для васъ бы слѣдовало прибавить эти слова и примѣнить ихъ къ вамъ—сказавшій ихъ сдѣлалъ это раньше времени. Войско Лакедемонянъ, пожалуй, по своей численности было такъ незначительно, что ничего нѣтъ страннаго, если бы всѣ въ немъ были на-

чальниками. Но вотъ, когда при такомъ большомъ числѣ воинскихъ частей и народностей, что нелегко узнать даже названія ихъ, начиная отъ одного лица, все обнимающаго и все блюдущаго: провинціи, города, войска и самихъ главноначальствующихъ,—рядъ лицъ начальствующихъ оканчивается однимъ такимъ, которому подчинено всего четыре или два человѣка—мы пропускаемъ всѣ промежуточные ступени,—когда, какъ въ клубкѣ(?) пряжи, круги все сѣживаются и такъ эта непрерывная подчиненность проведена до конца,—то какъ же это не выше всякаго человѣческаго строя? Мнѣ хочется привести здѣсь извѣстныя слова Гомера, измѣнивъ ихъ немного въ концѣ: „Зевса, я, мню, такова Олимпійца держава“. Въ самомъ дѣлѣ, когда одинъ править столь многими, а другіе всѣ—слуги и посланцы его, гораздо ниже его, но выше тѣхъ, о коихъ заботятся, когда они совершаютъ все безъ крику и замѣшательства, въ полномъ повиновеніи, когда нѣтъ мѣста зависти, во всемъ вездѣ справедливость и уваженіе и никто не лишается награды за доблесть,—то какъ къ этому не примѣнить этихъ словъ Гомера?

Мнѣ кажется, что и въ самой общинѣ вашей вы установили политическій строй не такой, какъ у остальныхъ людей. Прежде обыкновенно различалось три формы политическаго строя, каждая съ двумя видовыми подраздѣленіями, соответствовавшими извѣстному образу дѣйствія правящихъ лицъ, именно: царская власть и тираннида, аристократія и олигархія, въ-третьихъ демократія,—хорошая и извращенная. Города имѣютъ у себя каждый одну изъ этихъ формъ—по собственному выбору или вслѣдствіе стеченія случайныхъ обстоятельствъ. Вашъ же общинный строй не таковъ, какъ эти, а представляетъ какъ-бы смѣшеніе всѣхъ, но безъ дурныхъ сторонъ, присущихъ каждому изъ нихъ. Такимъ образомъ появился подобнаго рода строй. Если принять въ соображеніе значеніе народа и то, какъ легко онъ достигаетъ, чего хочетъ и требуетъ, то признаешь, что вашъ государственный строй есть народоправленіе и что при немъ нѣтъ только

заблужденій народа; если же посмотришь на сенать, совѣщающійся и имѣющій право на занятіе магистратуръ, то выходитъ уже, что этотъ строй—самая настоящая аристократія; а если обратить вниманіе на блюстителя всего этого и главу, отъ котораго и народъ получаетъ то, что ему нужно, и сенать—свою власть и силу, то въ немъ мы видимъ лицо, имѣющее полную монархическую власть, но безъ дурныхъ сторонъ тиранниды и превосходящую достоинствомъ власть царя.

Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что именно только вы одни такъ оригинально устроили все въ вашей державѣ и въ самой вашей общинѣ. Вѣдь вы одни—правители, можно сказать, по природѣ. Другіе, что властвовали до васъ, были деспотами и рабами одни другихъ поочередно и самозванцами владычества, кончали такъ, какъ играющіе въ мячъ мѣняютъ свои мѣста: рабствовали Македоняне Персамъ, Персы—Мидійцамъ, Мидійцы—Сирійцамъ; васъ же всѣ, съ коихъ только поръ знаютъ, знаютъ—властителями. И вотъ, естественно, вы, какъ искони свободные и какъ-бы прямо рожденные для власти, все, касающееся властвованія, прекрасно устроили, въ частности въ общинѣ придумали такой строй, какого никто еще до васъ не зналъ, и установили законы и порядки, обязательные для всѣхъ.

Давно уже приходитъ на память и просится на языкъ одна мысль, но доселѣ за другимъ не была высказана. Теперь, полагаю, будетъ благовременно высказать ее. Сколько величиною вашей державы, столько-же и крѣпостью и оригинальностью вашего государственнаго строя вы превосходите всѣхъ—это уже сказано. Но вѣрно, думаю, будетъ и то, что всѣ прочіе владычествовавшіе, власти которыхъ подчинялась весьма большая часть земли, властвовали надъ странами какъ-бы надъ нагими тѣлами.... Въ самомъ дѣлѣ, когда это было столько городовъ на материкѣ и на морѣ и когда они были въ такой степени всячески украшены? Ктó изъ прежнихъ властителей могъ ѣздить по своимъ областямъ, каждый день встрѣчая по городу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

проѣзжать въ одинъ день черезъ два или три города, какъ-бы по улицамъ? Такимъ образомъ у прежде бывшихъ властителей не только была хуже столица государства, но и подчиненныя имъ земли, которыя были у нихъ, также какъ и у васъ, не представляли изъ себя того, что ваши теперь, и не походили на нихъ, напротивъ, можно тогдашней области противопоставить городъ, находящійся въ ней теперь. Можно, право, сказать, что тѣ властители были царями какъ-бы пустынь и гарнизоновъ, а вы одни—властители городовъ.

Теперь всѣ Греческіе города при васъ воспрянули; въ нихъ всѣ произведенія искусства соревнуютъ предъ вами, словно украшенія въ предмѣстіяхъ (в. города). Полны городами приморскія возвышенія и срединныя мѣстности материковъ, городами то основанными, то увеличенными при васъ и вами. Юнія, прежде предметъ борьбы, теперь освобожденная отъ гарнизоновъ и сатраповъ, впереди всѣхъ, первая по красотѣ; сколько прежде, по общему мнѣнію, она превосходила остальные страны граціею и благообразностью жителей, настолько она теперь еще увеличила свою красоту сама. Величественный, великій городъ Александра въ Египтѣ служитъ теперь украшеніемъ вашей державы, какъ ожерелье или запястіе богатой женщины въ числѣ многихъ другихъ драгоценностей.

Вы постоянно печетесь о Грекахъ, какъ о кормильцахъ, простираете надъ ними свою руку и какъ-бы поднимаете лежащихъ. Самые выдающіеся города и стоявшіе въ старину во главѣ другихъ вы сдѣлали вольными и автономными, а остальными правите съ умѣренностью, большою снисходительностью и заботливостью. Варваровъ, соотвѣтственно характеру каждой народности, вы воспитываете, дѣйствуя то болѣе кроткими, то болѣе энергичными мѣрами:—естественно, что правители людей въ этомъ не хуже дрессировщиковъ лошадей, а изучаютъ природу cadaго и направляютъ его соотвѣтственно ей.

И вотъ вся земля, какъ во время всеобщаго празднества, сложила съ себя старое бремя, желѣзо, и обратилась спокойная

къ украшеніямъ и всякому веселію. Никакія иныя соревнованія не служатъ (теперь) мотивами дѣятельности людей; у всѣхъ городовъ одно соревнованіе—какъ-бы каждый изъ нихъ оказался наикрасивѣе и наипріятнѣе. Вездѣ множество гимназій, водопроводовъ, пропиленевъ, храмовъ, мастерскихъ и школъ; и правильно можно сказать, что земля, какъ-бы съ самаго начала все болѣвшая, теперь оправилась. Непрестанно исходятъ отъ васъ городамъ благодѣянія и нельзя сказать, кому на долю досталось ихъ больше,—вслѣдствіе равной съ вашей стороны гуманности по отношенію ко всѣмъ. И вотъ города сіяютъ блескомъ, красотою и вся земля разукрашена, словно какой паркъ. А дымъ сигнальныхъ костровъ, своихъ и непріятельскихъ словно вѣтеръ его унесъ, исчезъ за предѣлы земель и моря; и вмѣсто его явились всякая прелесть зрѣлищъ и безконечное число состязаній; какъ священный и неугасимый огонь, не прерываясь идутъ общественныя празднества, они справляются то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, но всегда гдѣ-нибудь да есть; ибо жизнь всѣхъ гармонируетъ съ этимъ.

Поэтому должно пожалѣть только тѣхъ людей, которые живутъ за предѣлами вашей державы, если есть еще дѣйствительно такіе, пожалѣть о томъ, какихъ благъ они лишены.

Всѣ говорятъ, что земля—мать и общее отечество для всѣхъ людей; вы наилучше это показали и сдѣлали истинною. Теперь-то, наконецъ, можно и Греку и варвару—со своимъ имуществомъ или безъ него—легко передвигаться, кто куда хочетъ,—совсѣмъ какъ-бы изъ своего родного города въ родной-же. Не страшны болѣе Киликійскія Ворота, ни узкіе и песчаные пути въ Египетъ черезъ земли Арабовъ, ни непроходимыя горы, ни громадныя рѣки, ни необщительныя племена варваровъ; теперь для личной безопасности достаточно быть Римляниномъ или, вѣрнѣе, однимъ изъ вашихъ подданныхъ. Слова Гомера: „земля же обща для всѣхъ“ вы сдѣлали дѣйствительностью, измѣривъ всю вселенную, настроивъ на рѣкахъ разнаго рода мостовъ, прорѣзавъ горы и сдѣлавъ ихъ проѣзжими, настроивъ станцій въ пустыняхъ и заведши вездѣ цивилизованную жизнь и порядокъ.

Поэтому я полагаю, что до-Триптолемовскій вѣкъ—это вѣкъ, предшествовавшій вашему владычеству, --вѣкъ жестокой и дикой, жизнь близкая къ жизни горцевъ....., а начало цивилизованному и нынѣ существующему образу жизни положилъ городъ Аѳинянъ, упроченъ же и онъ вами вторыми, —по пословицѣ, лучшими.

Теперь не нужно составлять описаній земли и перечислять, какіе у кого законы и обычаи: вы теперь—общіе путеводители для всѣхъ, отверзши всѣ врата всей вселенной и давши всѣмъ желающимъ возможность собственными глазами видѣть все, установивъ общіе для всѣхъ законы и положивъ конецъ тому, что въ разказахъ представлялось занимательнымъ, а при трезвомъ взглядѣ на дѣло было невыносимымъ,—сдѣлавъ возможнымъ брачное общеніе и устроивъ всю вселенную, какъ-бы одну семью. Да, совсѣмъ выходитъ по словамъ поэтовъ: до владычества де Зевса вездѣ было волненіе и беспорядокъ, а съ наступленіемъ его власти все пришло въ порядокъ: Титаны скрылись въ самыя глубокія ущелья земли, согнанные туда имъ и союзными съ нимъ богами; точно такъ, сравнивая положеніе дѣлъ до васъ и при васъ, можно сказать, что до вашего владычества вездѣ была смута, все шло безъ толку, а съ появленіемъ вашей власти смуты и усобицы прекратились, явился во всемъ порядокъ и яркій свѣтъ жизни и благоустройства, опять законы явились на свѣтъ и правда у жертвенниковъ боговъ. Вѣдь прежде люди, словно увѣча своихъ родителей, опустошали землю, дѣтей своихъ прямо не пожирали, но губили дѣтей другъ друга и своихъ собственныхъ во время усобицъ даже у святынь. Теперь же представляется общая и вѣрная безопасность для самой земли и для ея обитателей; теперь они, мнѣ кажется, освобождены совсѣмъ отъ страданій и получили много средствъ для достиженія благоденствія, и боги, смотря сверху на землю; споспѣшествуютъ благосклонно вашей власти и обезпечиваютъ прочность ея, Зевсъ,—потому что вы у него о вселенной, прекрасномъ произведеніи, какъ говорится, пре-

красно заботитесь, Гера—въ виду законности брачныхъ союзовъ, Афина и Гефестъ—за то, что искусства и ремесла пользуются уваженіемъ, Діонисъ и Деметра,—такъ какъ никто не портитъ ихъ плодовъ, Посейдонъ,—такъ какъ его море свободно отъ морскихъ битвъ и получило грузовыя суда вмѣсто тріеръ; а вотъ хоръ Аполлона, Артемиды и Музъ постоянно видитъ своихъ служителей въ театрахъ; Гермесъ не оставленъ безъ состязаній и посольствъ, Афродита..... для Харитъ когда было время болѣе благопріятное? когда города были имъ въ болѣе мѣрѣ причастны? Милости Асклепія и Египетскихъ божествъ изливаются на людей теперь особенно обильно. Впрочемъ и Аресъ не безъ чести у васъ, и нѣтъ опасенія, что онъ можетъ нарушить весь порядокъ, какъ то сдѣлалъ, будучи забытъ на иршествѣ Лапитовъ, но онъ ведетъ свою непрерывную пляску на берегахъ пограничныхъ рѣкъ, храня свое оружіе чистымъ отъ(?) . крови. А всезрящій Геліосъ не видѣлъ при васъ никакихъ насилій и несправедливостей и вообще всего того, чего много пришлось ему видѣть въ прежнія времена, и потому, понятно, съ великимъ удовольствіемъ взираетъ на вашу державу.

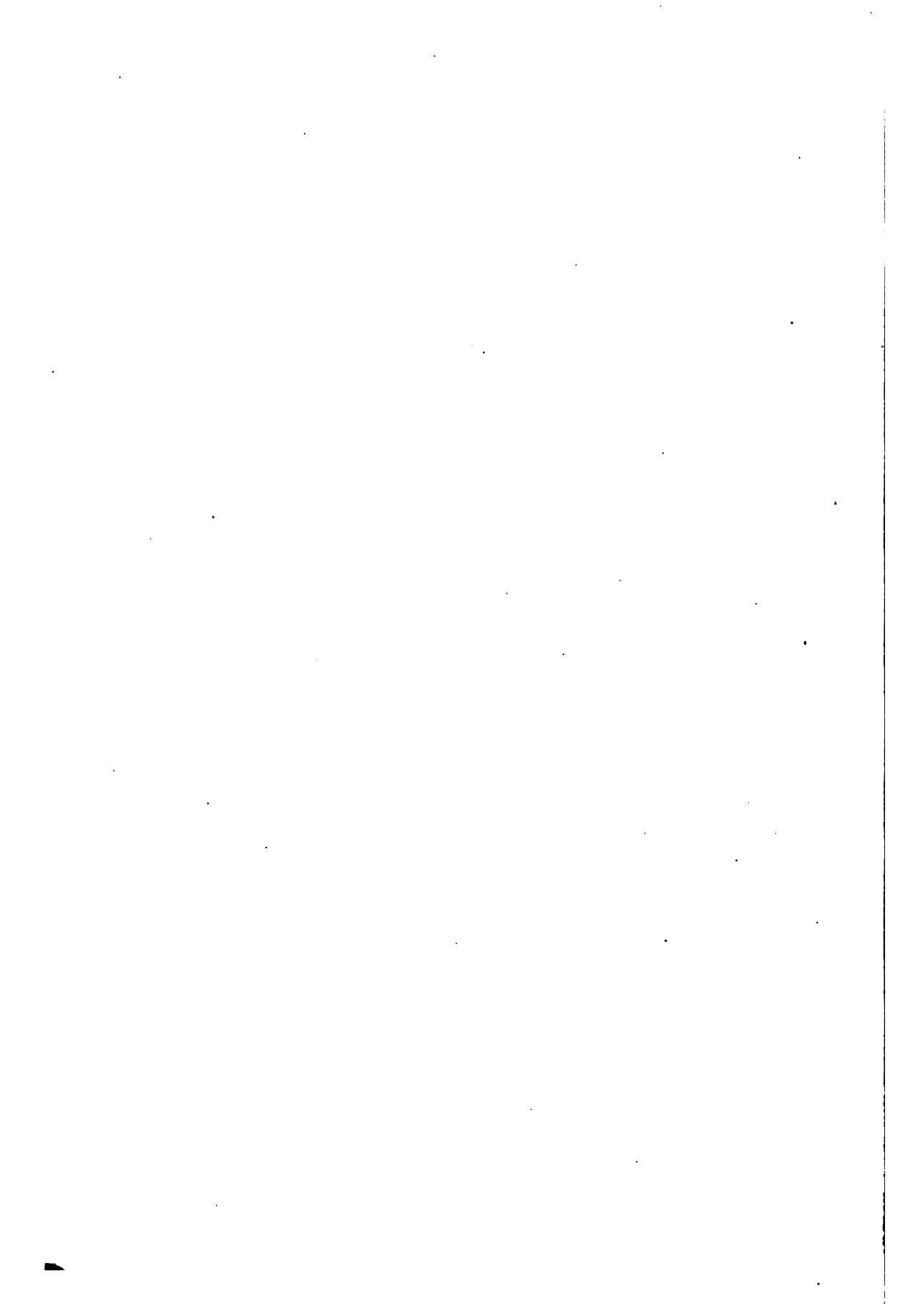
Я думаю, что, будь Гезіодъ подобно Гомеру совершеннымъ въ поэзіи и вѣщимъ, то, какъ Гомеръ прозрѣлъ въ грядущемъ вашу державу, и онъ бы предвидѣлъ ее въ своихъ стихахъ, какъ и тотъ, и не начиналъ бы своего повѣствованія о бытіи, какъ теперь начинаетъ, съ золотого вѣка, или, установивъ его какъ начало, и говоря о послѣднемъ, желѣзномъ вѣкѣ, не сказалъ бы, что онъ долженъ погибнуть, „когда будутъ рождаться съ сѣдыми висками“, а сказалъ бы, что, когда установится ваше главенство и власть, тогда де прекратится желѣзный родъ на землѣ, а Справедливости и Стыду будетъ предоставлено возвратиться къ людямъ, и пожалѣлъ бы о тѣхъ, кои должны были жить раньше васъ.

Всѣ прекрасные, почтенные ваши принципы и учрежденія постоянно, непрерывно все болѣе и болѣе укрѣпляются и утверждаются....., и великій нынѣшній правитель вашъ, какъ

хорошій борець, настолько превосходить своихъ предмѣстниковъ (отца), насколько—а это сказать нелегко—онъ самъ выше остальныхъ(?). . . . Можно сказать, что справедливо и законно все, что онъ ни постановитъ. Затѣмъ, не мудрѣ-ли онъ остальныхъ также и тѣмъ, что участниковъ его власти онъ себѣ избираетъ подобныхъ ему, по образованію, и ихъ у него больше, чѣмъ было у кого-либо изъ его предшественниковъ?

Но—повторяю сказанное въ началѣ—въ высшей степени трудная задача—рѣчь, соответствующая величію вашей державы; для составленія ея, пожалуй, нужно почти столько-же времени, сколько существуетъ эта держава, а это, пожалуй, цѣлая вѣчность. Итакъ, самое лучшее будетъ, по примѣру дйѳирамбистовъ и пайянистовъ, закончить нашу рѣчь какою-нибудь молитвою. Я призываю всѣхъ боговъ и потомковъ боговъ, да дадутъ они, чтобы эта держава и этотъ городъ процвѣтали вѣчно, существовали, пока металлъ не будетъ плавать въ морѣ и деревья не перестанутъ цвѣсти по веснѣ, а великій правитель и его сыновья здравствовали бы для общаго блага!

Я выполнилъ мою смѣлую задачу, —худо-ли, хорошо-ли, теперь уже можно рѣшить.

ΑΡΙΣΤΕΙΔΟΥ

ΕΙΣ ΡΩΜΗΝ¹⁾.

Ἔθος τοῖς πλέουσι καὶ ὁδοιποροῦσιν εὐχὰς ποιῆσθαι καθ' ὧν ἂν 1
 ἕκαστος ἐπινοῆ· ποιητῆς μὲν οὖν ἴδῃ τις εἶπε σκώψας εὐξασθαι 'κατὰ
 χρυσόκερω λιβανωτοῦ'. ἡμεῖς δέ, ὦ ἄνδρες, παρὰ τὴν ὁδὸν τὴν ἐνταῦθα
 καὶ τὸν πλοῦν εὐχὴν ταύτην ἐποιησάμεθα, οὐκ ἄμουσον οὐδ' ἐκμελῆ οὐδ'
 ἄπο τῆς τέχνης, εἰ σωθείημεν, προσερεῖν ἐν τῷ μέσῳ τὴν πόλιν. κατὰ 2
 ἰσομετρήτου μὲν οὖν εὐξασθαι τῇ πόλει λόγου οὐκ ἐντῆν, ἀλλ' ὡς ἀληθῶς
 εὐχῆς αὖ προσεδείτο ἐτέρας· ἴσως μὲν [οὖν] καὶ μείζονος δυνηθῆναι τοι-
 οῦτον ἄραι λόγον, ὅστις παρισώσεται τοσῶδε ὄγκῳ πόλεως· προσερεῖν γε
 μὴν ὑπεσχόμεθα, ὅπως ἂν δυνώμεθα. ἐπειδὴ γε καὶ ἄλλοι τὰ ἰσομέτρητα
 σφίσιν αὐτοῖς ἰσομέτρητα ποιοῦσιν αὖ καὶ τοῖς θεοῖς. ἀλλ', ὦ ἄνδρες, οἱ 3
 τῆς μεγάλης ἔνοιχοι πόλεως, εἴ τι μέτεστιν ὑμῖν προνοίας μὴ ἐμὲ ψεύσασθαι
 τὴν εὐχὴν, συνάρασθε τῷ τολμήματι, ἵνα τῶν ἐγκωμίων πρῶτον ἀρχόμενοι
 καὶ τοῦτο ἔχωμεν λέγειν, ὅτι εὐθὺς μὲν τοιούτοις ἀνδράσιν ἐντυχεῖν ἦν,
 ὅφ' ὧν τις, 'κἂν ἄμουσος ἦ τὸ πρὶν' κατ' Εὐριπίδην (frg. 663 N.²⁾),
 ἐκμελής τε καὶ δεξιὸς εὐθὺς γίγνεται καὶ δύναται λέγειν καὶ περὶ τῶν
 μείζονων ἢ κατ' αὐτόν· τὴν δὲ πόλιν ἄδουσι μὲν πάντες καὶ ἄσσονται, 4
 τοσοῦτω δὲ ἐλάττω ποιοῦσιν ἢ σιωπῶντες, ὅσῳ παρὰ μὲν τὴν σιωπὴν οὔτε
 μείζονα οὔτ' ἐλάττωνα ἔστι ποιῆσαι τῆς οὔσης, ἀλλ' ἀκέραιος τῇ γνώσει
 μένει, οἱ δὲ λόγοι τοῦναντίον οὐ βούλονται ποιοῦσιν· ἐπαινοῦντες γὰρ οὐ
 δεικνύουσιν ἀκριβῶς ὃ θαυμάζουσιν, ἀλλ' ὡσπερ ἂν εἴ τις ζωγράφος σῶμα

¹⁾ Aelii Aristidis Smyrnaei quae supersunt omnia ed. Br. Keil, Vol. II., pp. 91—124.

- καλὸν καὶ περίβλεπτον ἐπιχειρῶν δεῖξαι διὰ τέχνης, εἶτα ἀπολείπειτο, πᾶς τις ἂν δὴ που φαίη λυσιτελεῖν μὴ γράφειν, ἀλλὰ αὐτὸ ἰδεῖν ἔαν, ἢ μὴ δεικνύειν <γε> αὐτοῖς ἐπὶ τὸ χεῖρον μιμούμενον, ὡς δὲ καὶ περὶ ταύτης
- 5 μοι δοκεῖ τῆς πόλεως ἔχειν· ἀφαιροῦσιν οἱ λόγοι τὰ πολλὰ τῶν θαυμάτων καὶ ποιεῖν δοκοῦσί μοι παραπλήσιον ὥσπερ ἂν εἴ τις στρατιᾶς πλῆθος ἐξαγγεῖλαι βουλόμενος, οἷον τῆς Ξέρξου, καὶ πάνυ δὴ θαυμάζων, εἶτα λέγει μυρίους ἢ δισμυρίους στρατιώτας ἰδεῖν, ἔππον δὲ τόσῃν καὶ τόσῃν, οὐδὲ πολλοστὸν μέρος τοῦ παντός λέγων ἐν οἷς θαυμάζει.
- 6 Ἡ γὰρ δὴ πρώτη λόγου δύναμιν ἐξελέγξασα οὐκ ἐπὶ πᾶν ἀφικνουμένη ἦδε ἐστί· περὶ ἧς μὴ ὅτι εἰπεῖν κατὰ τὴν ἀξίαν ἔστιν, ἀλλ' οὐδ' ἰδεῖν ἀξίως αὐτήν, ἀλλ' ὡς ἀληθῶς Ἄργου τινὸς πανόπτου, μᾶλλον δὲ τοῦ κατέχοντος αὐτήν πανόπτου θεοῦ δεῖ. τίς γὰρ ἂν τοσάσδε ὁρῶν κορυφὰς κατειλημμένας ἢ πεδίων νομοὺς ἐκπεπολισμένους ἢ γῆν τοσῆνδε εἰς μίαν πόλεως ὄνομα συνηγμένην, εἶτα ἀκριβῶς κατεθεάσατο; ἀπὸ ποίας τοιαύτης
- 7 σκοπιᾶς; ὕπερ γὰρ ἐπὶ τῆς χιόνος Ὀμηρος ἔφη (M 282—4), χυθεῖσαν αὐτὴν ὕψηλῶν ὀρέων κορυφὰς καὶ πρόνας ἄκρους· καλύπτειν καὶ πεδία λωτεῦντα καὶ ἀνδρῶν πύονα ἔργα, καὶ τ' ἐφ' ἀλόεσσι πολίτης, φησί, κέχυται λιμέσιν τε καὶ ἀκταῖς, τοῦτο ἄρα καὶ ἦδ' ἡ πόλις· καλύπτει μὲν ἄκρους πρόνας, καλύπτει δὲ τὴν ἐν μέσῳ γῆν, καταβαίνει δὲ καὶ μέχρι θαλάττης, οὐ τὸ κοινὸν ἀνθρώπων ἐμπόριον καὶ ἡ κοινὴ τῶν ἐν γῆ φουμένων διοικήσις· ὅπου δὲ τις αὐτῆς γίγνοιτο, οὐδὲν ἐστὶ τὸ κωλύον ὁμοίως εἶναι ἐν
- 8 μέσῳ, καὶ μὲν δὴ οὐδ' ἐπιπολῆς γε κέχυται, ἀλλ' ἀτεχνῶς πολὺ ὑπὲρ τὸ παράδειγμα ἐπὶ πλείστον ἄνω ἔχει τοῦ ἀέρος, ὡς εἶναι μὴ χιόνος καταλήψει τὸ ὕψος προσεικάσαι, ἀλλὰ μᾶλλον αὐτοῖς τοῖς πρώοσι, καὶ ὥσπερ τις ἀνὴρ πολὺ νικῶν τοὺς ἄλλους μεγέθει τε καὶ ῥώμῃ οὐκ ἀγαπᾷ μὴ καὶ ἄλλους ὑπὲρ αὐτὸν ἀράμενος [φέρειν], ὡς δὲ καὶ ἦδε ἐπὶ τοσαύτης γῆς ὠκισμένη οὐκ ἀγαπᾷ, ἀλλ' ἐτέρας ἰσομετρήτους ὑπὲρ αὐτὴν ἀραμένη φέρει ἄλλας ἐπ' ἄλλαις, ὡς ἄρα ἐπώνυμον αὐτῇ τοῦνομα καὶ οὐδὲν ἀλλ' ἢ ῥώμῃ τὰ τῆσδε, ὥστ' εἴ τις αὐτὴν ἐθειλήσειε καθαρῶς ἀναπτύξαι καὶ τὰς νῦν μετεώρους πόλεις ἐπὶ γῆς ἐρείσας θεῖναι ἄλλην παρ' ἄλλην, ὅσον νῦν Ἰταλίας διαλαεῖπόν ἐστιν, ἀναπληρωθῆναι τοῦτο πᾶν ἂν μοι δοκεῖ καὶ
- 9 γενέσθαι πόλις συνεχῆς μία ἐπὶ τὸν Ἰόνιον τείνουσα, τοσαύτη δὲ οὔσα, ὅσην ἐγὼ μὲν οὐδὲ νῦν ἴσως ἀρχούτως ἐνεδειξάμην, ὀφθαλμοὶ δὲ ἄμεινον μαρτυροῦσιν, οὐχ ὥσπερ ἐπὶ τῶν ἄλλων εἰπεῖν ἔστιν, ἐναυθὰ ἔστηκεν, οὐδ' ὅ τις (Thuc. I 10) εἶπεν περὶ τῆς Ἀθηναίων καὶ Λακεδαιμονίων

πόλεως, λέγων τῶν μὲν τὸ μέγεθος διπλάσιον ἢ κατὰ τὴν δύναμιν. τῶν
 δὲ πολὺ τῆς δυνάμεως ἔλαττον ἂν φανῆναι τὸ μέγεθος — ἀπείη δὲ τὸ
 βλάσφημον τοῦ παραδείγματος — . τοῦτο ἂν τις φαίη καὶ περὶ τῆσδε τῆς
 πάντα μεγάλης, ὡς ἄρα οὐκ ἀκόλουθον τὴν δύναμιν τῶ τοσοῦτῳ μεγέθει
 κατεσκευάσατο· ἀλλ' ἔστιν εἰς μὲν τὴν ἕλην ἀρχὴν βλέψαντα [μηκέτι] τὴν
 πόλιν θαυμάζειν, πολλοστὸν μέρος τῆς ἀπάσης ἀρχειν νομίσαντα γῆς, εἰς
 δ' αὐτὴν τὴν πόλιν καὶ τοὺς τῆς πόλεως ὄρους ἰδόντα μηκέτι θαυμάζειν,
 εἰ ὑπὸ τοσαύτης ἀρχεται πᾶσα ἡ οἰκουμένη. ὕπερ γάρ τις ἔφη τῶν λο- 10
 γοποιῶν περὶ τῆς Ἀσίας· λέγων ὅσῃν ὁ ἥλιος πορεύεται, ταύτης πάσης
 ἀρχειν ἄνδρα ἓνα — οὐκ ἀληθῆ λέγων, εἰ μὴ πᾶσαν Λιβύην καὶ τὴν
 Εὐρώπην ἐξαιρετον ἐποιεῖτο τῶν ἡλίου ὀσμῶν τε καὶ ἀνατολῶν —, τοῦτο
 νῦν ἐξενίκησεν ἀληθὲς εἶναι. τὴν ἴσῃν τε ἡλίου πορείαν εἶναι <καὶ>
 κτῆσιν ὑμετέραν καὶ τὸν ἥλιον διὰ τῆς ὑμετέρας πορεύεσθαι. οὐ γάρ
 σκόπελοι θαλάττιοι οὐδὲ Χελιδόνεαι καὶ Κυάνεαι τὴν ὑμετέραν ἀρχὴν ὀρί-
 ζουσιν οὐδὲ Ἴππου ὁρόμος ἡμερήσιος ἐπὶ θάλατταν, οὐδ' ἐπὶ τακτοῖς ὄροις
 βασιλεύετε. οὐδ' ἕτερος προαγορεύει μέχρι οὗ δεῖ κρατεῖν, ἀλλ' ἡ μὲν
 θάλαττα ὡσπερ ζώνη τις ἐν μέσῳ τῆς οἰκουμένης ὁμοίως καὶ τῆς ὑμετέ- 11
 ρας ἰγχεμονίας τέταται. περὶ δὲ αὐτὴν αἱ ἡπειροὶ μεγάλαι μεγαλωστί
 κέλινται, πρὸς ὑμᾶς αἰεὶ τι <τῶν> ἐνθένδε πληροῦσαι. ἄγεται δὲ ἐκ πάσης
 γῆς καὶ θαλάττης ὅσα ὥραι φύουσιν καὶ χῶραι ἕκασται φέρουσιν καὶ πο-
 ταμοὶ καὶ λίμναι καὶ τέχνηαι Ἑλλήνων καὶ βαρβάρων· ὥστε εἰ τις ταῦτα
 πάντα ἐπιθεῖν βούλοιο, δεῖ αὐτὸν ἢ πᾶσαν ἐπελθόντα τὴν οἰκουμένην
 οὕτω θεάσασθαι ἢ ἐν τῆδε τῇ πόλει γενόμενον· ὅσα γὰρ παρ' ἐκάστοις
 φέεται καὶ κατασκευάζεται, οὐκ ἔστιν ὡς οὐκ ἐνταῦθα αἰεὶ καὶ περιττεύει.
 τοσαῦται δ' ἀφικνοῦνται δεῦρο κομίζουσαι <πάντα> παρὰ πάντων ὀλκάδες
 ἀνὰ πᾶσαν μὲν ὥραν, πᾶσαν δὲ φθινοπώρου περιτροπὴν, ὥστ' εἰκέναι 12
 τὴν πόλιν κοινῶ τινι τῆς γῆς ἐργαστηρίῳ. φόρτους μὲν ἀπ' Ἰνδῶν, εἰ
 βούλει δὲ καὶ τῶν εὐδαιμόνων Ἀράβων, τοσοῦτους ὅραν ἔξεστιν ὥστε εἰκά-
 ζειν γυμνά τὸ λοιπὸν τοῖς ἐκεῖ λελειφθαι τὰ δένδρα καὶ δεῦρο δεῖν ἐκεί-
 νους ἐλθεῖν, ἐάν του δέωνται, τῶν σφετέρων μεταιτήσοντας· ἐσθῆτας δὲ
 αὐτῶν Βαβυλωνίους καὶ τοὺς ἐκ τῆς ἐπέκεινα βαρβάρου κόσμους πολὺ πλείους
 τε καὶ ῥᾶον εἰσαφικνουμένους ἢ εἰ ἐκ Νάξου ἢ Κόθνου Ἀθήνας· ἔδει
 καταῤραι τῶν ἐκεῖ τι φέροντας· γεωργίαι δὲ ὑμῶν Αἴγυπτος, Σικελία, Λι- 13
 βύης ὅσον ἡμερον. κατάπλοι δὲ καὶ ἀπόπλοι οὔποτε λείπουσιν· ὥστε εἶναι
 θαυμάσαι μὴ ὅτι περὶ τοῦ λιμένος, ἀλλὰ καὶ περὶ τῆς θαλάττης, ὅτι

περ ἢ ἔξαρχεῖ ὀλκάσιν. ἀτεχνῶς δὲ ὅπερ Ἡσίοδος ἔφη περὶ τῶν τοῦ Ὀκεανοῦ περάτων, εἶναι τόπον οὗ συντετρῆσθαι πάντα εἰς μίαν ἀρχὴν τε καὶ τελευτήν, [εἰς αὐτὴν συντέρηται, καί] πάντα ἐνταῦθα συμπίπτει, ἐμπορίαι ναυτιλῖαι γεωργίαι μετάλλων καθάρσεις, τέχναι ὅποσαι εἰσὶ τε καὶ γεγέννηται, πάντα ὅσα γενῶνται καὶ φύεται. ὅ τι δ' ἂν μὴ ἐνταῦθα ἴδῃ τις, οὐκ ἔστι τῶν γενομένων ἢ γιγνομένων· ὥστε μὴ εἶναι ῥάδιον διακρίναι πότερα ἢ πόλις ὑπερέχει πλεῖον [εἰς] τὰς πόλεις τὰς οὐσας ἢ ἢ ἀρχὴ τὰς ἀρχάς τὰς πώποτε γενομένας.

- 14 Ἐρωθριῶ δῆτα, εἰ τοσοῦτων καὶ τηλικούτων εἰρημένων, εἶτα μὴ ἔχοντος τοῦ λόγου φανοῦμαι μεμνημένος ἢ βαρβαρικῆς τινος ἀρχῆς ἢ Ἑλληνικῆς δυνάμεως, καὶ δόξω τούναντίον ποιήσῃ τοῖς Αἰολεῦσι ποιηταῖς. ἐκεῖνοι μὲν γὰρ ἐπειδὴν τι βούλωνται τῶν καθ' αὐτοὺς φασίσαι, μεγάλῳ αὐτὸ παρέβαλον καὶ παρ' ἀρχαίοις περιφανεῖ, ἡγούμενοι μάλιστα ἂν οὕτως ἐξελέγξαι· ἐγὼ δὲ τὰ ὑμέτερα οὐκ ἔχων ἐπιδεικνύειν ἄλλως ὅσω ὑπερέχει. παραβαλῶ μικροῖς ἀρχαίοις· πάντα γὰρ ὑμεῖς καὶ τὰ μέγιστα μικρότατα ἀπεφύγατε ταῖς ὑπερβολαῖς. ἐπεὶ ἐγὼ μὲν τὰ μέγιστα ἐκλέξας ἐρῶ, ὑμεῖς δ' ἴσως γελάσεσθε ἐπ' αὐτοῖς.
- 15 Τοῦτο μὲν δὴ τὴν Περσῶν ἀρχὴν σκεψόμεθα, ἢ πάνυ ποτὲ ἐν τοῖς Ἑλλήσιν ἐβεβόητο καὶ μέγαν παρέσχε τὸ ἐπώνυμον καλεῖσθαι τὸν ἔχοντα αὐτὴν βασιλέα — τὰς γὰρ πρὸ αὐτῆς φασυλότερας οὐσας ἐάσω — καὶ πάντα ἴδωμεν ἐξῆς. τό τε μέγεθος καὶ τὰ γιγνόμενα ἐπ' αὐτῆς. δεῖ γὰρ οὖν καὶ τοῦτο συνεξετάζειν, ὅπως αὐτοὶ τε ἀπέλαυον ὧν ἐκέκτηντο καὶ τοὺς
- 16 ἀρχομένους παρεσκεύαζον. πρῶτον μὲν τοῖνον, ὅπερ νῦν ὑμῖν τὸ Ἀτλαντικὸν πέλαγος δύνатаι, τοῦτ' ἦν ἀπλῶς τότε τῷ βασιλεῖ <ἦ> θάλαττα ἐνταῦθα ὠρίζετο αὐτῷ ἢ ἀρχῇ, ὥστε Ἴωνας καὶ Αἰολέας ἐν πέρασι γῆς εἶναι τῆς ἐκείνου· εἰς δὲ γε τὴν Ἑλλάδα διαβῆναι ποτε ἐπιχειρήσας ὁ τῶν ἀπὸ ἡλίου ἀνίσχοντος μέχρι δυομένου βασιλεὺς τοσοῦτον ἐθαυμάσθη, ὅσον μεγάλως ἠτύχησεν· καὶ τοῦτο ἐπίδειγμα ἐποιήσατο τῆς αὐτοῦ λαμπρότητος, ὅτι πολλῶν καὶ μεγάλων ἔσχε στερηθῆναι. ὁ δὴ τῆς μὲν Ἑλλάδος τοσοῦτον ἀποσχὼν τοῦ κρατῆσαι, Ἴωνίαν δὲ ἔχων ἐν ἔσχαταῖς, ἢ που οὐκ εἰς δίσκου φορὰν λείλειπται τῆς ὑμετέρας ἀρχῆς ἢ ὅσον τῷ ζεῦμα ἐξικνεῖται, ἀλλὰ τῷ ἡμίσει παντὶ τῆς οἰκουμένης καὶ πρὸς <γ>
- 17 αὐτῷ τῇ θαλάττῃ. οὐ τοῖνον, οὐδὲ μέχρι τούτων τῶν ὄρων ἐκεῖνός γε κυρίως ἀεὶ βασιλεὺς, ἀλλ' ὅπως ἢ Ἀθηναῖοι δυνάμεως ἢ Λακεδαιμόνιοι ἔχοιεν τύχης, νῦν μὲν ἔως Ἰώνων καὶ Αἰολέων καὶ Ἰταλῆος βασιλεὺς,

πάλιν δὲ οὐκέτι Ἰώνων οὐδὲ ἕως θαλάττης, ἀλλ' ἄχρι Λυδῶν. οὐχ ὁρῶν
 θάλατταν ἐκ τῶν πρὸς ἐσπέραν Κυανέων, ἀτεχνῶς ὡσπερ ἐν παιδῶν
 παιδιᾷ βασιλεὺς ὢν ἄνω μένων, πάλιν κατιῶν τῶν συγχωρησόντων βασι-
 λεύειν δεόμενος. ἐδήλωσε δὲ ἡ σὺν Ἀγησιλάῳ δύναμις καὶ πρὸ ἐκείνου ἡ
 τῶν σὺν Κλεάρχῳ μυρίων, ἡ μὲν ἕως Φρυγίας ὡς δι' οἰκείας διελθοῦσα,
 ἡ δὲ ὑπὲρ τὸν Εὐφράτην ὡς δι' ἐρημίας ἀφικομένη. ἃ γε μὴν ἀπέλαυον 18
 τῆς ἀρχῆς κατὰ τὴν Οὐζάρου σοφίαν. ὃς πρῶτος εἶπεῖν λέγεται Κύρω
 ὡςχεραίνοντι τὴν πολλὴν πλάνην δεῖν αὐτὸν καὶ ἀνάγκην εἶναι πανταγοῖ
 περιφοιτᾶν τῆς ἀρχῆς ἐχόντα τε καὶ ἄχοντα, εἰ μέλλοι βασιλεύειν, ὀρῶντα
 εἰς τὴν βύρσαν, ὡς ἐφ' ἃ μὲν αὐτῆς βαίνοι. ταπεινὰ ἐγίγνετο καὶ τῆς γῆς
 ἔφαυεν. ἀφ' ὧν δὲ ἀπαλλάττοιο. αὐθις ἀνίστατο καὶ πάλιν πατοῦντος
 ἐταπεινοῦτο — μετανάσται τινὲς βασιλεῖς καὶ Σκυθῶν τῶν νομάδων τοσοῦτον
 διαφέροντες. ὅσον οὐχ ἐφ' ἀμαζῶν περῆσαν. ἀλλ' ἐφ' ἀρμαμαζῶν. [νομάδες
 τινὲς βασιλεῖς καὶ πλάνητες] διὰ τὴν ἀπιστίαν καὶ τὸν φόβον τῆς ἐν ταύτῳ καθέδρας
 πιέζοντες ὡς ἀληθῶς ὡσπερ τινὰ βύρσαν τὴν ἑαυτῶν χώραν καὶ τούτῳ κρατοῦντες
 νῦν μὲν Βαβυλῶνα, πάλιν δὲ Σούσα, εἶτα Ἐκβάτανα. οὐχ ὅπως ἂν αἰεὶ κατέ-
 χην εἰδότες οὐδὲ τημελοῦντες ὡσπερ νομεῖς. καὶ γὰρ τοιαῦτα ἦν ὡς ἀλη- 19
 θῶς, ὡσπερ ἀπιστούντων μὴ αὐτῶν εἶναι τὴν ἀρχήν. οὐ γὰρ ὡς οἰκείων
 ἐφρόντιζον, οὐδὲ ἠῤῥον εἰς κάλλος καὶ μέγεθος οὔτε τὰς πόλεις οὔτε τὰς
 χώρας. ἀλλ' ὡσπερ οἱ εἰς μὴ προσήκοντα ἐμπροσθέντες αἰσχυρῶς καὶ κακῶς
 ἀνήλσκον, τοῦτο ζητοῦντες. ὅπως <ὡς> ἀσθενεστάτων ἄρξουσι, καὶ ὡσπερ
 ὑπὲρ μαιφονῶν ἀμιλλώμενοι πρὸς ἀλλήλους ὁ δεῦτερος αἰεὶ τὸν πρότερον
 κατὰ τοὺς πεντάθλους ὑπερβαλεῖν ἐπειρᾶτο. καὶ ἦν ἀγώνισμα ὡς πλείστους
 ἀποσφάξαι καὶ ὡς πλείστους ἀναστάτους ποιῆσαι οἶκους καὶ δῆμους καὶ
 ὄρκους ὡς πλείστους ψεύσασθαι. ταῦτά τε δὴ τῆς περιζέπτου δυνάμεως 20
 ἀπέλαυον καὶ ἃ τούτοις αὖ παρέπεσθαι <ὅ> φύσεως νόμος διέταξε, μίση
 καὶ ἐπιβουλὰς ἐκ τῶν οὕτω διατιθεμένων καὶ ἀποστάσεις καὶ μάχας ἐν
 ἀλλήλοις καὶ συνεχεῖς ἔριδας καὶ ἀπαύστους φιλονικίας. αὐτοὶ μὲν δὴ 21
 ταῦτα ἀπέλαυον. ὡσπερ ἐκ κατάρας μᾶλλον ἄρχοντες ἢ κατ' εὐχὴν, οἱ δὲ
 ἀρχόμενοι πάντα ἃ τοὺς ὑπὸ τοιούτων ἀρχομένους ἀνάγκη, σχεδὸν δέ τι
 καὶ προεῖρηται (§ 19). φοβερὸν μὲν γὰρ ἦν γονεῦσι παιδὸς εὐμορφία.
 φοβερὸν δὲ γυναικὸς ἀνδρὶ· ἔδει δὲ ἀπολωλέναι οὐ τὸν πλεῖστα ἀδικήσαντα,
 ἀλλὰ τὸν πλεῖστα κεκτημένον. πόλεων δὲ αἰιρέσεις καὶ κατασκαφαὶ τότε
 πλείους ἢ νῦν ὀλίγου δέω λέγειν εἰσὶν οἰκισμοί. ῥᾶον δὲ ἦν πολεμοῦντα 22
 ἢ ὑπακούοντα σωθῆναι· ἐν μὲν γὰρ ταῖς μάχαις ῥαδίως ἠττῶντο, ἐν δὲ

- ταῖς ἐξουσίαις οὐ μετρίως ὑβρίζον· καὶ τοὺς μὲν θεραπεύοντας ὡς δούλους ὑπερεώρων. τοὺς δὲ ἐλευθέρους ὡς ἐχθροὺς ἐκόλαζον, ἐξ ὧν μισοῦντές τε καὶ μισούμενοι διήγον· καὶ γὰρ οὖν πολλάκις τοὺς ὑπηκόους μᾶλλον τῶν πολεμίων ἐδεδοίκεσαν. τὰ πλείω διαλλακτῆ τῷ πολέμῳ χρώμενοι.
- 23 αἴτιον δ' ἦν, οὔτε ἐκεῖνοι ἄρχειν ἠπίσταντο οὔτε οἱ ἀρχόμενοι τὸ ἀκόλουθον ἀπεπλήρουν. οὐ γὰρ ἔνεστιν ἄρχεσθαι καλῶς, ὅταν κακῶς οἱ ἄρχοντες ἄρχωσιν. οὐπω γὰρ ἦ τε ἀρχὴ καὶ τὸ δεσπόζειν διήρητο. ἀλλ' ἦν ἴσον βασιλεὺς καὶ δεσπότης. οὐκ οὖν εἰκότως οὐδὲ ἐπὶ μεγάλα προῆλθον· οὐ γὰρ πρόεισι οἴκου περαιτέρω τοῦτο τοῦνομα, ὅταν δ' εἰς πόλεις τε καὶ ἔθνη ἀφίκηται, ῥαδίως παύεται.
- 24 Ἀλέξανδρος δ' αὖ ὁ τὴν μεγίστην ἀρχὴν μέχρι τῆς ὑμετέρας κτησάμενος καὶ καταδραμῶν τὴν γῆν ὡς ἀληθῶς δὴ τοῦτο κτησαμένῳ βασιλείαν μᾶλλον ἔοικεν ἢ βσιλεύσαντι. ὡσπερ γὰρ ἂν εἴ τις ἰδιώτης συγκτήσαιο μὲν γῆν πολλὴν καὶ ἀγαθὴν, πρὶν δὲ λαβεῖν ἀπ' αὐτῆς τοὺς καρποὺς
- 25 τελευτήσαιο, ὡς δὴ κάκεινῳ μοι δοκεῖ συμβῆναι. προῆλθε μὲν γὰρ ἐπὶ πλείστον τῆς γῆς καὶ τοὺς ἀνιστάνας ἅπαντας κατέστραπτο καὶ τῶν χαλεπῶν ἀπάντων ἀκριβῶς ἀπέλαυσεν καταστήσασθαι δ' οὐκ ἠδυνήθη τὴν ἀρχὴν οὐδ' ἐπιθεῖναι πέρας τοῖς πεπονημένοις, ἀλλ' ἀπέθανεν ἐν μέσῃ τῇ τῶν πραγμάτων πορείᾳ. ὥστε ἐκεῖνον μὲν μάχας ἂν τις φαίη πλείστας κατόρθῶσαι, βασιλεύσαι δὲ ἐλάχιστα, καὶ γενέσθαι μὲν ἀγωνιστὴν μέγαν περὶ βασιλείας, ἀπολαῦσαι δ' οὐδὲν ἄξιον τῆς διανοίας καὶ τῆς τέχνης, ἀλλὰ παθεῖν παραπλήσιον ὡσπερ ἂν εἴ τις τὸν Ὀλυμπικὸν ἀγῶνα ἀγωνιζόμενος καὶ κρατήσας τοὺς ἀντιπάλους, εἶτα ἐπαποθάνοι τῇ νίκῃ,
- 26 πρὶν εὖ καὶ καλῶς τῇ κεφαλῇ τὸν στέφανον ἀρμόσαι. ποίους γὰρ νόμους ἐκάστοις διέθηκεν; ἢ ποίας συντάξεις διηνεκεῖς χρημάτων ἢ στρατιωτῶν ἢ νεῶν ἐποίησατο; ἢ ποία συνήθει διοικήσει τὰ πράγματα ἤγαγεν αὐτομάτως προϊούσῃ χρόνων ταχταῖς περιόδοις; ποῖα πολιτεύματα ἐπολιτεύσατο ἐν τοῖς ἀρχομένοις; ὃ δὲ καὶ μόνον ἄξιον τῆς ἑαυτοῦ φύσεως ἔργον καὶ μνημεῖον κατέλιπεν, πρὸς Αἰγύπτῳ τὴν ἐπώνυμον πόλιν, ταύτην εὖ ποιῶν ὑμῖν ὄκισεν, ὅπως ἔχοιτε καὶ τῆς μεγίστης μετὰ τὴν ὑμετέραν κρατοίητε. ὥστε
- 27 Πέρσας μὲν κατέλυσεν ἄρχοντας, αὐτὸς δὲ ἐγγύτατα οὐκ ἤρξεν. Ἐπεὶ γε μὴν ἐκεῖνος ἐτελεύτησεν, εὐθὺς μὲν ἐσχίσθησαν εἰς μυρία οἱ Μακεδόνες, ἔργῳ δεῖξαντες ὑπὲρ αὐτοὺς εἶναι τὴν ἀρχὴν, κατέχειν δὲ οὐδὲ τὴν αὐτῶν ἔτι ἐδύναντο, ἀλλ' εἰς τοῦτο τύχης ἀφίκοντο ὥστε ἠναγκάσθησαν τὴν σφετέραν αὐτῶν ἐκλιπεῖν, ἵνα τῆς ἀλλοτριᾶς ἄρχωσιν, ὡσπερ ἐξωκισμένοι

μᾶλλον ἂν κρατεῖν δυνάμενοι, καὶ ἦν ὡσπερ αἴνημα, Μακεδόνες οὐκ ἐν Μακεδονίᾳ, ἀλλ' οὗ δύναντο βασιλεύοντες ἕκαστοι, ὡσπερ φρουροὶ μᾶλλον τῶν πόλεων καὶ τῶν χωρίων ὄντες ἢ ἄρχοντες, ἀνάστατοί τινες βασιλεῖς οὐχ ὑπὸ τοῦ μεγάλου βασιλέως, ἀλλ' ὑφ' ἑαυτῶν αὐτοὶ γεγενημένοι, εἰ δὲ οἶόν τε εἰπεῖν, σατράπαι ἔρημοι βασιλέως. καίτοι τὴν τοιαύτην κατάστασιν πότερον ληστέια μᾶλλον ἢ βασιλεία προσοικεῖναι φήσομεν;

Νῦν δὲ ὕροι μὲν δῆπουθεν οὐ μεμποτοὶ τῆς ἀρχῆς ἐκτέτανται. οὐδ' 28 ὥστε εἶναι μέτρον λαβεῖν τὸ ἐντὸς αὐτῶν, ἀλλ' οὗ μὲν τότε ὠρίζετο τοῦ Πέρσου ἡ ἀρχή, ἐντεῦθεν ἀρξάμενῳ βαδίζειν πρὸς ἐσπέραν πολὺ πλείων ἐστὶν ἢ λοιπῇ τῆς ἐκείνου πάσης. ἐκφεύγει δὲ ὑμᾶς οὐδέν, οὐ πόλις, οὐκ ἔθνος, οὐ λιμὴν, οὐ χωρίον, πλὴν εἴ τινων ἄρα ἀχρηστίαν κατέρκωτε· ἐρυθρά τε θάλαττα καὶ Νείλου καταρράκται καὶ λίμνη Μαιῶτις, ἃ τοῖς πρότερον ἐν πέρασι γῆς ἠκούετο, ἴσα καὶ αὐλῆς ἐρχία τῆδε τῇ πόλει. ὅν γε μὴν ἠπίστουσαν τινὲς τῶν λογοποιῶν μηδὲ εἶναι τὸ παράπαν Ὀκεανόν, μηδὲ περιρρεῖν τὴν γῆν (cf. Herodot. IV 36), ποιητὰς δὲ εὐρόντας τοῦνομα ψυχαγωγίας ἕνεκα εἰς ποίησιν θεῖναι, τοῦτον οὕτως καλῶς ἀνεύρετε ὥστε οὐδὲ ἡ ἐνταῦθα νῆσος ὑμᾶς διέφυγε. τσαύτη δὲ οὕσα καὶ 29 τηλικαύτη τὸ μέγεθος ἡ ἀρχὴ πολὺ μείζων ἐστὶ τῇ ἀκριβείᾳ τῇ τῷ κύκλῳ τῆς χώρας. οὐ γὰρ Μυσοὶ τὴν βασιλέως ἔχουσιν οὐδὲ Σάκαι οὐδὲ Πισίδα οὐδ' ἄλλοι μέσοι, οἱ μὲν βία εἰσωκισμένοι, οἱ δὲ ἀποστάντες, ληφθῆναι δ' οὐ δυνάμενοι, οὐδ' ἀκούει μὲν [ἡ] βασιλέως [γῆ]. ἔστι δὲ πάντων τῶν ἔχειν αὐτὴν δυναμένων, οὐδὲ σατράπαι μάχονται πρὸς ἀλλήλους ὡσπερ οὐκ ὄντος αὐτοῖς βασιλέως οὐδὲ πόλεις αἱ μὲν πρὸς τούτους, αἱ δὲ πρὸς ἐκείνους δίστανται, καὶ εἰς μὲν τὰς ἐκπέμπονται φρουροί, ἐκ δὲ τῶν ἐκπίπτουσιν, ἀλλ' ὡσπερ αὐλῆς περίβολος ἐκκεκαθαρμένος, . . . οὕτως ἅπαντα ἡ οἰκουμένη χοροῦ ἀκριβέστερον ἐν φθέγγεται, συνευχομένη μένειν τὸν ἅπαντα αἰῶνα τήνδε τὴν ἀρχὴν οὕτως καλῶς ὑπὸ τοῦδε τοῦ κορυφαίου [ἡγεμόνος] συγκροτεῖται. † ὑπὸ πάντων δὲ πανταχοῦ ἴσον ἄρχεται †, καὶ οἱ μὲν ἐν 30 τοῖς ὄρεσι κατωκισμένοι ταπεινότεροι τῶν ἐν τοῖς κοιλοτάτοις πεδίοις πρὸς γε τὸ μὴ ἀντιτάττεσθαι, οἱ δὲ τῶν πεδίων τῶν εὐδαιμόνων κληροῦχοί τε καὶ οἰκίητορες ὑμέτεροι γεωργοί· ἤπειρος δὲ καὶ νῆσος οὐδὲν ἔτι διακέκριται, ἀλλ' ὡσπερ μία χώρα συνεχῆς καὶ ἐν φύλον ἅπαντα ὑπακούει σιωπῇ. πάντα δὲ ἐξ ἐπιτάγματος καὶ νεύματος τελεῖται ῥᾶον ἢ τις ἂν χορδὴν 31 ψήλειεν, κἄν τι γενέσθαι δέη, ἀπόχρη δόξαι, καὶ πέπρακται. οἱ δὲ ἄρχοντες οἱ πεμπόμενοι ἐπὶ τὰς πόλεις τε καὶ τὰ ἔθνη τῶν μὲν ὑφ' ἑαυτοῖς

- ἕκαστοι ἄρχοντές εἰσι, τὰ δὲ πρὸς αὐτούς τε καὶ πρὸς ἀλλήλους ὁμοίως ἅπαντες ἀρχόμενοι, καὶ δὴ καὶ τούτῳ φαίη τις ἂν αὐτούς τῶν ἀρχομένων διαφέρειν, ὅτι πρῶτοι δεικνύουσιν ὅπως ἄρχεσθαι προσήκει· τοσοῦτος ἅπανσιν ἐνέσταται φόβος τοῦ μεγάλου ἄρχοντος καὶ τὰ πάντα πρυτανεύοντος.
- 32 ὥστε μᾶλλον μὲν ἐκεῖνον εἰδέναι νομίζουσιν ἢ πράττουσιν ἢ σφᾶς αὐτούς. μᾶλλον δὲ δεδίασιν καὶ αἰδοῦνται ἢ τὸν δεσπότην ἂν τις τὸν αὐτοῦ παρόντα καὶ ἐφρονηκότα καὶ κελεύοντα. οὐδεὶς δὲ ἐφ' ἑαυτῷ τηλικούτων φρονεῖ, ὅστις τοῦνομα ἀκούσας μόνον οἶός τ' ἐστὶν ἀτρεμεῖν, ἀλλ' ἀναστάς ὕμνεῖ καὶ σέβει καὶ συνεύχεται διπλῆν εὐχὴν, τὴν μὲν ὑπὲρ αὐτοῦ τοῖς θεοῖς, τὴν δὲ αὐτῷ ἐκείνῳ περὶ τῶν ἑαυτοῦ. εἰ δέ τι καὶ μικρὸν ἐνδο- <άζοι>εν περὶ δίκας τε καὶ ἀξιώσεις ἢ κοινὰς ἢ ἰδίας τῶν ἀρχομένων. εἴ τινες ἄρα ἄξιοι εἶεν, ὡς ἐκεῖνον εἰσπέμπουσιν εὐθύς ἐρωτῶντες τί δεῖ ποιεῖν, καὶ μένουσιν ἕστ' ἂν ἀποσημῆνῃ. οὐχ ἴττον ἢ διδάσκαλον χορός.
- 34 ὥστε οὐδὲν δεῖ φθείρεσθαι περιμόντα τὴν ἀρχὴν ἅπασαν, οὐδὲ ἄλλοτε ἐν ἄλλοις γιγνόμενον· τὸ καθ' ἕκαστον βεβαιοῦσθαι, ὅποτε σφίσι τὴν γῆν πατοίῃ· ἀλλ' εὐμάρεια πολλὴ καθημένῳ πᾶσαν ἄγειν τὴν οἰκουμένην δι' ἐπιστολῶν. αἱ δὲ μικρὸν φθάνουσι γραφεῖσαι καὶ πάρεσιν ὥσπερ ὑπὸ πτηνῶν φερόμεναι. ὁ δὲ πάντων <μάλιστα> ἄξιον ἄγασθαί τε καὶ θανμάζειν καὶ χάριν ἐκτίνειν καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ, τοῦτο νῦν εἰρήσεται. τοσαύτην μὲν γὰρ ἔχοντες τὴν ἀρχήν, οὕτω δ' ἐγκρατῶς καὶ κατὰ πολλὴν ἐξουσίαν ἄρχοντες, ἐκεῖνο καὶ πολὺ μάλιστα νενικήκατε, ὃ παντελῶς ὁμῶν
- 36 ἐστὶν ἴδιον. μόνοι γὰρ τῶν πώποτε ἐλευθέρων ἄρχετε. καὶ οὐ Καρία δέδοται· Τισσαφέρνει οὐδὲ Φρυγία Φαρναβάζῳ οὐδὲ Αἴγυπτος ἐτέρῳ, οὐδ' ὥσπερ οἶκος τοῦ δεῖνος ἀκούει τὸ ἔθνος, ὅτῳ παρεδόθη δουλεύειν οὐδὲ αὐτῷ ὄντι ἐλευθέρῳ, ἀλλ' ὥσπερ οἱ ἐν ταῖς κατὰ μίαν πόλεσιν, οὕτω καὶ ὑμεῖς ὥσπερ ἐν μιᾷ πόλει πάσῃ τῇ οἰκουμένην πολιτευόμενοι τοὺς ἄρχοντας καθίστατε [ἐπ' αὐτοῖς] οἶον ἐξ ἀρχαιρεσιῶν, ἐπὶ προστασίᾳ καὶ προνοίᾳ τῶν ἀρχομένων. οὐχ ἐπὶ τῷ δεσπότης εἶναι· ὥστε ὑποχωρεῖ μὲν ἄρχων ἄρχοντι. ὅταν αὐτοῦ ὁ χρόνος ἐξήκη, καὶ οὐδ' ἂν ἀπαντήσῃε ραδίως· τοσοῦτον ἀπέχει τοῦ διενεχθῆναι ἂν ὡς αὐτοῦ τῆς χώρας οὔσης.
- 37 ἔκκλητοι δὲ ὥσπερ ἔφρασις ἐκ δημοτῶν εἰς <τὸ> δικαστήριον σὺν οὐκ ἐλάττονι τῶν δεξαμένων φόβῳ περὶ τῆς κρίσεως ἢ τῶν ποιουμένων γίγνονται· ὥστε φαίη τις ἂν τοσαῦτα ἄρχεσθαι τοὺς νῦν ὑπὸ τῶν πεμπομένων.
- 38 ὅποσα ἂν αὐτοῖς ἀρέσκη. πῶς οὖν ταῦτα οὐκ ἐν τοῖς ἐπέκεινα πάσης δημοκρατίας; οὐκ οὐκ ἐκεῖ ἕξεσι μετὰ τὴν ἐν τῇ πόλει ψῆφον

ἐνεχθῆϊσαν ἐλθεῖν ἄλλοσε οὐδ' ἐπ' ἄλλους δικαστάς, ἀλλὰ στέργειν ἀνάγκη τοῖς ἐγκωσμένοις. εἰ μὴ τίς ἐστί μικρά πόλις. ὥστε προσδεῖσθαι δικαστῶν ὑπερορίων. . . . παρὰ τὴν ἀσίαν, ἣ καὶ διώκοντα μὴ κρατῆσαντα μηδὲ τῷ νεκῆσθαι· ἀλλὰ μένει δικαστῆς ἕτερος μέγας, ὃν οὐποτε οὐδὲν ἐκφεύγει τῶν δικαίων. κἀνταῦθα δὴ πολλή καὶ εὐσχήμων ἰσότης μικροῦ πρὸς 39 μέγαν καὶ ἀδόξου πρὸς ἐνδοξον καὶ πένητος δὴ πρὸς πλούσιον καὶ γενναῖον [ἀγεννοῦς], καὶ τὸ τοῦ Ἡσιόδου (OD. 5) συμβαίνει·

ῥέα μὲν γὰρ βριάει, ῥέα δὲ βριάοντα χαλέπτει
οὗτος ὁ δικαστῆς τε καὶ ἡγεμών, ὅπως ἂν τὸ δίκαιον ἄγῃ, ὥσπερ πνεῦμα ἐν νηί. οὐ δὴ πού πλουσίῳ μὲν μᾶλλον, πένητι δὲ ἴττον χαρίζομενόν τε καὶ παραπέμπον. ἀλλ' ὅτω γένοιτο ἀεὶ, τοῦτον ὁμοίως ὠφελούν.

Λίεμι δὴ καὶ τὰ Ἑλληνικά, ἐπειδὴ περ ἐνταῦθα ἐγενόμην τοῦ λόγου, 40
ἀισχυρόμενος μὲν καὶ δεδιώς μὴ δόξω μικρολογεῖσθαι· οὐ μὴν ἀλλ', ὅπερ καὶ ἀρτίως εἶπον (§ 14), οὐχ ὡς ἴσα ἴσοις παραβάλλων δίεμι, ἀλλ' οὐκ ὄντων ἐτέρων παραδειγμάτων ἀναγκάζομαι τοῖς οὔσι χρῆσθαι. . . . εἶτα καὶ γελοῖον τοῦτο μὲν αὐτὸ θαυμάζειν καὶ δεικνύειν, ὅτι οὐκ ἔστιν εὔρειν ἴσα τοῖς ὑμετέροις ἕτερα οὐδ' ἐγγύς, ἀλλὰ πάντα ὑπὸ τούτων ἀποκρύπτεται, περιμένειν δὲ τηλικαῦτα παρεξετάσαι, ὁπηγίκα ἴσων ἔχοιμεν μνημονεῦσαι· οὐκ οἶμαί γε δεῖν, ὅτι γε οὐδὲ θαυμαστά ὁμοίως ἂν ἦν, εἴ τινα εἴχοιμεν εἰπεῖν ὅμοια. καὶ μὴν οὐδ' ἐκεῖνό γε ἀγνοῶ, ὅτι ταῦτ' ἔτι φαυλό- 41
τερα ὢν ἀρτίως ἐξήτασα περιβολῆ τε ἀρχῆς καὶ ὄγκῳ πραγμάτων φανεῖται [τὰ Ἑλληνικά τῶν Περσικῶν]· ἀλλὰ τὸ τοῦς μὲν βαρβάρους ταῖς περιουσίαις καὶ ταῖς δυνάμεσιν ὑπερβαλέσθαι, τοῦς δὲ Ἕλληνας σοφίᾳ καὶ σωφροσύνῃ παρελθεῖν, μέγα μοι δοκεῖ καὶ παντελὲς εἶς ἀρετῆς εἶναι λόγον καὶ παντός ἀγώνισμα λαμπρότερον. τοῦτ' οὖν ἐρῶν ἐρχομαι. ὅπως 42
ἐκεῖνοι καὶ πηλίκους οὔσι τοῖς ἑαυτῶν ἐχρήσαντο πράγμασι· κἂν φανῶσι πολὺ μικρότερα διασώσασθαι μὴ δυνηθέντες, ὀϊλον τὸ συνθησόμενον εἰς τὴν ψῆφον. Ἐπραξαν μὲν γὰρ πᾶν ὑπὲρ ἀρχῆς καὶ ἡγεμονίας Ἀθηναῖοι 43
καὶ Λακεδαιμόνιοι, καὶ ἦν αὐτῶν ἡ δύναμις πλεῖν τὴν θάλατταν καὶ τῶν Κυκλάδων ἄρχειν καὶ τὰ ἐπὶ Θράκης ἔχειν καὶ Πύλας καὶ Ἑλλάσποντον καὶ Κορυφάσιον· καὶ ταῦτ' ἦν ἡ δύναμις. καὶ ἔπαθον δὴ παραπλήσιον ὥσπερ ἂν εἴ τις σώματος ἐπιθυμῶν γενέσθαι κύριος ὄνυχάς τινας καὶ ἄκρα λάβοι ἀντὶ ὄλου τοῦ σώματος καὶ ταῦτα <ἔχων> ἔχειν οἶοιτο ἄπερ ἐβούλετο· ὡς δὲ κάκεῖνοι ἡγεμονίας ἐπιθυμήσαντες νησιδία καὶ ἄκρας ἐπὶ θαλάττῃ καὶ λιμένας καὶ τοιαῦτα ἐξεκαρπύσαντο καὶ κατετρίψθησαν περὶ

- τὴν θάλατταν, ὄνειροπολήσαντες ἡγεμονίαν μᾶλλον ἢ κτήσασθαι δυνηθέντες·
- 44 γενόμενοι δὲ ὅμως ἐπὶ καιρῶν, ὥσπερ ἐν κλήρου περιόδῳ, ἐπιστάται τῶν Ἑλλήνων ἐκάτεροι οὐδ' εἰς μίαν, ὡς εἰπεῖν, γενεὰν διεσώσαντο τὴν τάξιν οὐκ οὐκ ἀμέμπτως γε, ἀλλὰ τοῦτο δὴ τὸ λεγόμενον τὴν Καδμεῖαν νίκην ἐνίκων ἀλλήλους περὶ τῆς ἡγεμονίας, ὥσπερ οὐκ ἀξιούντες τοὺς ἐτέρους μόνους μισεῖσθαι δεῖ οἱ ἕτεροι, ἀλλ' αὐτοὶ τοῦ μέρους μεταλαμβάνειν.
- 45 τοῦτο μὲν γὰρ Λακεδαιμονίων εἰς ἡγεμονίαν οὕτω διέθηκε τοὺς Ἕλληνας ὥστ' ἀπαλλαγέντας ἀπ' αὐτῶν ἐκόντας <ἀσ>μένους ἑαυτοῖς ἐτέρους ἄρχοντας ζητῆσαι. δόντες δ' ἑαυτοὺς Ἀθηναίοις, ὡς χρόνος οὐ πολὺς διήλθε, μετέγνωσαν, οὔτε τῶν φόρων φέροντες τὴν ἀμετρίαν οὔτε τοὺς ἐπὶ τῇ τούτων προφάσει παρακλέπτοντας [αὐτοῖς], ἀνάσπαστοί τε γινόμενοι καθ' ἕκαστον ἐνιαυτόν, Ἀθήνησι περὶ τῶν παρ' ἑαυτοῖς ὑφέζοντες λόγον, κληρούχων τε σφίσι ἐπὶ τὴν γῆν πεμπομένων καὶ παρὰ τοὺς
- 46 φόρους ἀργυρολόγων, εἴ που χρεῖα κατάσχοι ἐτέρα· προσέτι τὰς τε ἀκροπόλεις ἐλευθέρως ἔχειν οὐ δυνάμενοι καὶ ἐπὶ τοῖς δημαγωγοῖς ὄντες τοῖς ἐκείνων. εὐ καὶ χειρὸν φρονοῦσιν ὁμοίως. στρατεύεσθαι τε ἀναγκαζόμενοι στρατείας οὐκ ἀναγκαίας ἐν ἱερομηνίαις καὶ ἑορταῖς πολλάκις. ὡς δ' εἰπεῖν ἀπλῶς, οὐδὲν τηλικούτον τῆς προστασίας ἀπολαύοντες ἀνθ' οὗτο
- 47 ταῦτα ἄξιον ἦν ὑπομεῖναι. δυσχεραίνοντες δ' ἐκ τούτων τοὺς Ἀθηναίους οἱ πολλοὶ καὶ πρὸς τοὺς Λακεδαιμονίους πάλιν μεταστάντες τὸν αὐτὸν τρόπον ὄνπερ πρότερον ἀπ' ἐκείνων πρὸς τοὺς Ἀθηναίους. [τὸν αὐτὸν τρόπον] ὑπ' ἐκείνων πάλιν ἐξηπατήθησαν. προειπόντες γὰρ ὑπὲρ τῆς τῶν Ἑλλήνων ἐλευθερίας πολεμήσειν Ἀθηναίοις καὶ τούτῳ προσαγόμενοι τοὺς πολλούς, ἐπειδὴ καθείλον ἐκείνων τὰ τεῖχη καὶ κύριοι τῶν πραγμάτων καὶ τοῦ πάντα ποιεῖν ἐγένοντο, τοσοῦτον ὑπερεβάλλοντο ὥστε τυραννίδας ἐν πάσαις ταῖς Ἑλληνίσιν πόλεσι κατέστησαν, ἃς προσεῖπον εὐφύμως
- 48 δεκαρχίας· καὶ μίαν καθελόντες τὴν Ἀθηναίων δυναστείαν πολλὰς τὰς παρ' αὐτῶν ἀντεισῆγον, αἱ οὐκ Ἀθήνησιν οὐδ' ἐν Σπάρτῃ διατελοῦσαι κακῶς ἐποιοῦν τοὺς ἀρχομένους, ἀλλ' ἐν αὐτοῖς τοῖς σφετέροις ἕκασται χωρίοις συνεχῶς ἰδρυμένα καὶ οἷον συμπεπλεγμένα. ὥστ' εἰ ἀρχόμενοι τοῦ πολέμου προεῖπον τοῖς Ἕλλησιν ὅτι ὑπὲρ τούτου πολεμήσουσιν Ἀθηναίοις, ὅπως μείζω καὶ πλείω σφᾶς ἐκείνων κακὰ ἐργάσαιντο καὶ δεῖξαι ἐλευθερίαν αὐτοῖς ὄντα τὰ ἀπ' ἐκείνων, μὴ ἂν αὐτοὺς ἄμεινον
- 49 βεβαιῶσαι τὴν ἐπαγγελίαν. καὶ γὰρ οὖν ἡτῶντο μὲν εὐθὺς ἐνός φυγάδος, κατελείποντο δὲ ὑπὸ Θηβαίων, ἐμισοῦντο δὲ ὑπὸ Κορινθίων, ἐπίμ-

πλατο δὲ ἡ θάλαττα τῶν ἀρμοστῶν ἐκπιπτόντων, ἅτε ἀναρμόστων καὶ οὐ
 κατὰ τοῦνομα ἐγκατασταθέντων τε καὶ ἐχόντων τὰς πόλεις. ἐπειδὴ 50
 τε τοῖς ἐκείνων ἀδικήμασι καὶ τῷ μίσει τῷ διὰ ταῦτα εἰς αὐτοὺς παρά
 τῶν Ἑλλήνων αὐξηθέντες Θηβαῖοι ἐκράτησαν αὐτοὺς [τὴν ἐν Δεύκτροις
 μάχην], ὁμοῦ τε Λακεδαιμόνιοι ἐκποδῶν ἦσαν καὶ Θηβαίους οὐδεὶς αὐ
 φέρειν ἐδύνατο μίαν μάχην εὐτυχήσαντας, ἀλλ' ἀπεφάνθη λυσιτελοῦν ἔτι
 τὴν Καομείαν [ἀν]έχεσθαι μᾶλλον ἢ κεκρατηκέναι Λακεδαιμονίων <Θε-
 βαίους>. οὕτως ἐμισήθησαν. Καὶ ταῦτα οὐ δὴ που κατηγορίας ἕνεκα 51
 κοινῆς τῶν Ἑλλήνων συνεσκευασάμην, ὡσπερ ὁ θαυμαστός ἐκεῖνος ὁ τὸν
 Τρικάρανον ποιήσας—μήποτε ἀνάγκη τοσαύτη γένοιτο—, ἀλλ' ἐκεῖνο
 ἐπιδεικνύει βουλόμενος, ὅτι οὐπω πρὸ ὑμῶν ἦν τὸ ἄρχειν εἰδέναι· εἰ
 γὰρ ἦν, ἐν τοῖς Ἑλλήσιν ἦν ἄν. οἱ πλείστον δὴ που τῶν γε ἄλλων
 σοφία διήνεγκαν ἀλλὰ καὶ τοῦτο ὑμέτερόν ἐστιν εἴρημα καὶ ὁμοῦ τοῖς
 ἄλλοις ἐπεισελθόν. ἐπεὶ τό γε λεχθὲν ἐπ' Ἀθηναίων κινδυνεύει καὶ περὶ
 πάντων, εἴ τις εἴποι. τῶν Ἑλλήνων ἀληθὲς εἶναι, ἐπεὶ τοῖς μὲν ἄρχου-
 σιν ἀντιστῆναι καὶ κρατῆσαι Πέρσας καὶ Λυδοὺς καὶ πλοῦς τε καὶ πόνους
 ὑπενεγκεῖν ἀγαθοὶ παντὸς μᾶλλον ἦσαν, ἄρχειν δὲ αὐτοὶ ἔτι ἀπαίδευτοι 52
 ἦσαν, πειρώμενοί τε ἐσφάλλοντο. καὶ πρῶτον μὲν φρουροὺς εἰσέπεμπον
 εἰς τὰς πόλεις, οἱ τῶν μὲν ἐπιχωρίων ἐκάστων καὶ εἰς οὓς ἐπέμποντο
 οὐκ ἐλάττους ἀεὶ δῆπουθεν ἦσαν· ὑπόνοιαν δὲ ἐποίουν καὶ τοῖς μήπω
 φρουρουμένοις ὡς πάντα πρὸς ἰσχὴν καὶ βίαν ἄγοντες. ἀμφότερα οὖν συνέ-
 βαινε, μήτε τὰς πόλεις ἀσφαλῶς ἔχειν καὶ προσέτι μισεῖσθαι καὶ τὰ κακὰ
 τῆς ἀρχῆς ἀντὶ τῶν τῆς ἀρχῆς ἀγαθῶν καρποῦσθαι. τὴν μὲν πλεονεξίαν
 οὐ βέβαιον. τὴν δὲ τῆς πλεονεξίας δόξαν ἰσχυράν ἔχοντας. ἔπειτα τί 53
 πρὸς τούτοις συνέβαινε; διασπωμένους ἀεὶ καὶ διαιρουμένους ἀσθενεστέρους
 τὰ οἴκοι γίγνεσθαι καὶ μὴ ἱκανοὺς τὴν ἑαυτῶν σφῆζειν, διὰ τὸ ζητεῖν τὴν
 ἐτέρων ἔχειν. οὐτ' οὖν ὧν ἄρχειν ἐφίεντο ὑπερβαλέσθαι τότε ἐδύνατο
 πλήθει τούτων ὧν ἐπεμπον, οὐδ' ἑαυτοῖς τὸ μένειν ἴσοις κατέλιπον, ἀλλ'
 ἦσαν ἐλάττους μὲν ἔξω, ἐλάττους δὲ οἴκοι, καὶ τὸ προϊέναι τὴν ἀρχὴν
 αὐτοῖς εἰς ἄπορον καθίστατο, οὐκ ἔχουσι τὰ τελευταῖα δι' ὅτων αὐτὴν
 καθέξουσιν· ὥστε τοῦμπαλιν ἔσπευδον ὧν ἐδέοντο. καὶ ἦν τὸ μὲν προχω-
 ρεῖν αὐτοῖς ἃ ἐβούλοντο ἀμήχανον καὶ κατάρas ἐγγύς, τὸ δὲ μὴ προχω-
 ρεῖν κουφρότερόν τε καὶ ἥττους ἔχον τοὺς φόβους. οὐδὲν γὰρ ἄλλο ἢ διοικι-
 ζομένοις ἐώχεσαν ἀντὶ ἀρχόντων καὶ πονοῦσιν ὑπὲρ τοῦ πονεῖν. ἅμα γὰρ
 τῷ τέλει τὸ κεφάλαιον εὐθὺς ἐλάνθανε λυόμενον, καὶ πάλιν εἰς ταῦτό

- 54 κατὰ τοὺς ποιητὰς κατῆι. ἔτι δ' οὐτ' ἰσχύειν αὐτοῖς συνέφερε τοὺς ἀρχομένους διὰ τὰς ἐπιβουλάς οὐτ' ἀσθενεῖς εἶναι διὰ τοὺς παρὰ τῶν ἔξωθεν αὐτοῖς πολέμους καὶ ὅπως ἤ τι πλεόν τῆς συμμαχίας, ἀλλ' ἐπεπόνθεσαν πρὸς αὐτοὺς παραπλήσιον ὅπερ οἱ ἐν ταῖς παιδιαῖς τῇ μὲν εἰς τοῦμπροσθεν ἄγοντες, τῇ δ' εἰς τοῦπισθεν ἀντέλκοντες, οὐκ ἔχοντες ὁ τι χρῆσονται, ἀλλ' οἷον εἶναι τε καὶ μὴ εἶναι αὐτοὺς βουλόμενοι, αὐτοὶ μεταχειριζόμενοι τε καὶ ἄγοντες, ὅποι σπεύδουσιν, εἰπεῖν οὐκ ἔχοντες.
- 55 τὸ δὲ πάντων γελοιότατόν τε καὶ ἀτοπώτατον ἐπὶ γὰρ τοὺς ἀφισταμένους αὐτῶν τοὺς λοιποὺς ἐν νῶ τὸ αὐτὸ ποιεῖν ἔχοντας ἠνάγκαζον ἰέναι. παραπλήσιον ποιοῦντες ὥσπερ ἂν εἰ αὐτοὺς τοὺς ἀφεστηκότας ἐφ' ἑαυτοὺς ἔπειθον ἰέναι, καὶ οὐκ ἐλογίζοντο τοὺς τῆς ἐκείνων ὄντας μερίδος τούτους ἐπ' αὐτοὺς ἄγοντες, οἷς οὐκ ἐλυσιτέλει δὴ που καθ' αὐτῶν καταδεικνύει τὸ τοῖς ἄλλοις σπουδῇ βοηθεῖν. ὥστε κἀναπαύθαι τούναντίον ἢ ἐβούλοντό
- 56 τε καὶ συνέφερε διεπράττοντο· βουλόμενοι γὰρ τοὺς ἀφισταμένους προσάγεσθαι καὶ τοὺς παραμένοντας ἂν ἐποίουν ἀφίστασθαι. ἐδείκνυσαν γὰρ αὐτοῖς ὅτι μένοντες μὲν ἐπ' ἀλλήλους ὑπάρξουσιν αὐτοῖς, κοινῇ θ' ἅπαντες ἀποστάντες ἐλεύθεροι βεβαίως ἔσονται· οὐ γὰρ καταλείψουσι τελευτῶντες δι' ὧν ληφθήσονται. ὥστε τοσοῦτω περὶ αὐτοὺς ἦσαν φραυλότεροι τῶν ἀπίστων συμμαχῶν, ὅσῳ οἱ μὲν καθ' ἑαυτοὺς ἕκαστοι ἀπεχώρουν, οἱ δὲ
- 57 κοινῇ ἀπόστασιν ἐξ ὧν ἔπραττον εἰσηγοῦντο. Οὕτω τότε ἀρχῆς οὕτω τάξις ἦν, οὐδ' εἰδότες αὐτὴν ἐδίωκον, ἀλλὰ καίπερ μικρὰ καὶ οἷον ἐσχαιὰ καὶ κλήρους ἔχοντες οὐκ ἠδυνήθησαν οὐδ' αὐτὰ ταῦτα διασώσασθαι διὰ τὴν τοῦ ἄρχειν ἀπειρίαν τε καὶ ἀδυναμίαν, οὔτε φιλανθρώπως ἄγοντες τὰς πόλεις οὐτ' ἐγκρατῶς ἔχειν δυνάμενοι, βαρεῖς ἅμα καὶ ἀσθενεῖς ὄντες. τελευταῖον δ' οὖν γυμνωθέντες κατὰ τὸν Αἰσώπου κολοιδὸν μόνον πρὸς ἅπαντας ἐμάχοντο.
- 58 Τοῦτο μέντοι τὸ τοὺς πρόσθεν ἅπαντας, ὡς εἰπεῖν, ἀνθρώπους διαφυγόν ὑμῖν ἐτηρήθη μόνους εὑρεῖν τε καὶ τελεώσασθαι· καὶ θαυμαστόν οὐδέν. ὥσπερ γὰρ τῶν ἄλλων πραγμάτων ἐπὶ ταῖς ὕλαις ἀπαντῶσιν αἱ τέχναι, οὕτως ὅτε ἀρχὴ μεγίστη καὶ δύναμις διαφέρουσα συνέστη, τότε ἐπ' αὐτῇ καὶ ἡ τέχνη συνετέθη τε καὶ συνεισῆλθεν, καὶ ἄμρω δὴ δι' ἀλλήλων ἐκρατύνθη· διὰ μὲν τὸ τῆς ἀρχῆς μέγεθος καὶ ἡ ἐμπειρία ἀναγκαίως περιεγένετο, διὰ δ' αὐτὸ ἄρχειν εἰδέναι δικαίως ἅμα καὶ εἰκότως ἠὔξησεν ἡ ἀρχή. τοῦτο δὲ καὶ πολὺ μάλιστα πάντων ἄξιον ἰδεῖν
- 59 καὶ θαυμάσαι τῶν περὶ τὴν πολιτείαν [καὶ] τὴν τῆς διανοίας μεγαλοπρέ-

πειν, ὡς οὐδὲν εἰκόσ ἀυτῆ τῶν πάντων. διελόντες γάρ δύο μέρη πάντας
τοὺς ἐπὶ τῆς ἀρχῆς—τοῦτο δ' εἰπὼν ἄπασαν εἶρηκα τὴν οἰκουμένην—
τὸ μὲν χαριέστερόν τε καὶ γενναιότερον καὶ δυνατώτερον πανταχοῦ πολιτικόν
ἦ καὶ ὁμόφυλον πᾶν ἀπεδείξατε, τὸ δὲ λοιπὸν ὑπήκοόν τε καὶ ἀρχόμενον. καὶ 60
οὔτε θάλαττα διείργει τὸ μὴ εἶναι πολίτην οὔτε πλῆθος τῆς ἐν μέσῳ
χώρας. οὐδ' Ἀσία καὶ Εὐρώπη διήρηται ἐνταῦθα· πρόκειται δ' ἐν μέσῳ
πᾶσι πάντα ξένος δ' οὐδεὶς ὅστις ἀρχῆς ἢ πίστεως ἄξιος, ἀλλὰ καθέστηκε
κοινὴ τῆς γῆς δημοκρατία ὑφ' ἐνὶ τῷ ἀρίστῳ ἄρχοντι καὶ κοσμητῆ, καὶ
πάντες ὡσπερ εἰς κοινὴν ἀγορὰν συνίασι τευξόμενοι τῆς ἀξίας ἕκαστοι.
ὅπερ δὲ πόλις τοῖς αὐτῆς ὁρίοις καὶ χώραις ἐστίν, τοῦθ' ἦδε ἡ πόλις τῆ 61
πάσῃ οἰκουμένη, ὡσπερ αὐτῆς [χώρας] ἄστὶ κοινὸν ἀποδοδειγμένη· φαίης
ἂν περιόικους ἄπαντας ἢ κατὰ δῆμον οἰκοῦντας <ἄλλους> ἄλλον χῶρον
εἰς μίαν ταύτην ἀκρόπολιν συνέρχεσθαι. ἡ δὲ οὐδεπώποτε ἀπέειπεν, 62
ἀλλ' ὡσπερ τὸ τῆς γῆς ἕδαφος φέρει πάντας, οὔτω καὶ ἦδε δέχεται μὲν
τοὺς ἐξ ἀπάσης γῆς, ὡσπερ τοὺς ποταμοὺς θάλαττα κοινὸν δ' αὐτῆ καὶ
τοῦτο πρὸς τὴν θάλατταν ἐστίν· οὔτε γὰρ ἐκεῖνη μείζων ὑπὸ τῆς ἐμβολῆς
τῶν ποταμῶν γίγνεται, ὡς συνεμαρμένον τούτου † σὺν αὐτοῖς εἰς ῥοῦν
αὐτὴν ἔχειν τὸ μέγεθος †, <οὔτε> τῆδε ὑπὸ μεγέθους οὐδὲν ἐπίδηλον
ὡσπερ δὲ οἱ τοῖς κόλποις δεχόμενοι, πάντα οὔτως κρύψασα ἔχει, ἐξιόντων
καὶ εἰσιόντων ἴση οὐσά τε καὶ φαινομένη. καὶ τοῦτο μὲν δὴ τοῦ λόγου 63
ὑπενεγκόντος οὔτω παρεφθέγγθω. ὅπερ δὲ ἐλέγομεν, μεγάλοι μεγάλοι
ἐμετρήσατε τὴν πόλιν, καὶ οὐκ ἀποσεμνυόμενοι τούτῳ θαυμαστὴν ἐποιή-
σατε, τῷ μηδενὶ τῶν ἄλλων αὐτῆς μεταδιδοῦναι, ἀλλὰ τὸ πλήρωμα αὐτῆς
ἄξιον ἐζητήσατε, καὶ τὸ Ῥωμαῖον εἶναι ἐποιήσατε οὐ πόλεως, ἀλλὰ
γένους ὄνομα κοινῷ τινος, καὶ τούτου οὐχ ἑνὸς τῶν πάντων, ἀλλ' ἀντιρ-
ρόπου πᾶσι τοῖς λοιποῖς. οὐ γὰρ εἰς Ἑλληνας καὶ βαρβάρους διαιρεῖτε
νῦν τὰ γένη, οὐδὲ γελοῖαν τὴν διαίρεσιν ἀπεφήνατε αὐτοῖς πολυανθρωπο-
τέραν τὴν πόλιν παρεχόμενοι ἢ κατὰ πᾶν, ὡς εἰπεῖν, τὸ Ἑλληνικὸν
φῶλον, ἀλλ' εἰς Ῥωμαίους τε καὶ οὐ Ῥωμαίους ἀντιδιείλετε· ἐπὶ τοσοῦτον
ἐξηγάγετε τὸ τῆς πόλεως ὄνομα. τούτων δὲ οὔτω διηρημένων πολλοὶ 64
μὲν ἐν ἐκάστη πόλει πολῖται ἡμέτεροι οὐχ ἦττον ἢ τῶν ὁμοφύλων, οὐδ'
ἰδόντες πῶ τινες αὐτῶν τὴν πόλιν, φρουρῶν δὲ οὐδὲν δεῖ τὰς ἀκροπόλεις
ἐχόντων, ἀλλ' οἱ ἐκασταχόθεν μέγιστοι καὶ δυνατώτατοι τὰς ἑαυτῶν πα-
τρίδας ἡμῖν φυλάττουσιν· καὶ διπλῆ τὰς πόλεις ἔχετε, ἐνθὲνδε τε καὶ
παρ' αὐτῶν ἐκάστας. φθόνος δὲ οὐδεὶς ἐπιβαίνει τῆς ἀρχῆς· αὐτοὶ γάρ 65

- ὑπῆρξατε τοῦ μὴ φθονεῖν, ἅπαντα εἰς τὸ μέσον καταθέντες καὶ παρα-
 σχόντες τοῖς δυναμένοις μὴ ἄρχεσθαι μᾶλλον ἢ ἄρχειν ἐν τῷ μέρει· οὐ
 τοίνυν οὐδὲ μῖσος ἐκ τῶν ἀπολειπομένων ὑπείσει· διὰ γὰρ τὸ κοινήν εἶναι
 τὴν πολιτείαν καὶ οἷον πόλεως μιᾶς, εἰκότως οὐχ ὡς ἀλλοτρίων, ἀλλ'
 ὡς οἰκείων <οἱ> ἄρχοντες ἄρχουσιν· ἐτι δὲ καὶ μέτεστιν <ἐν> αὐτῇ
 πᾶσιν ἄδεια τοῖς πλήθεσιν ἐκ τῶν παρ' οὐτοῖς δυνατῶν, ἢ παρ'
 ὑμῶν ἐπ' αὐτούς, ἐάν τι τολμῶσι παρακινεῖν, εὐθὺς ἤξουσα ὀργή τε καὶ
- 66 τιμωρία. οὕτω καὶ πένησι καὶ πλοουσίοις εἰκότως τὰ παρόντα καὶ ἀρέ-
 σκει καὶ συμφέρει, καὶ ἄλλως οὐ λείπεται ζῆν' καὶ γέγονε μία ἁρμονία
 πολιτείας ἅπαντας συγκεκληκυῖα, καὶ τὸ πρόσθεν δοκοῦν οὐ δυνατὸν εἶναι
 συμβῆναι συνῆλθιν ἐφ' ὑμῶν. † κράτος ἀρχῆς ἅμα καὶ φιλανθρωπίας
- 67 καὶ μεγάλης γε καὶ οὐκ ἐνὸν ἄρχειν ἐγκρατεῖς, †. οὕτω δὲ καθαρὰ μὲν
 φρουρῶν πόλεις, μόραι δὲ καὶ ἴλαι ἀποχωρῶσιν ἐθνῶν ἕλων εἶναι φυλακή,
 καὶ οὐδ' αὐταὶ κατὰ τὰς πόλεις ἐκάστῳ τῶν γενῶν πολλὰ ἰδρυμένα, ἀλλ'
 ἐν ἀριθμῷ τῶν ἄλλων ἐνεσπαρμέναι ταῖς χώραις, ὥστε πολλὰ τῶν ἐθνῶν
 ἀγνοεῖν ὕπου ποτ' ἐστὶν αὐτοῖς ἡ φρουρά. εἰ δέ που πόλις δι' ὑπερβολὴν
 μεγέθους ὑπερῆρχε τὸ δύνασθαι σωφρονεῖν καθ' αὐτήν, οὐδὲ τούτοις ἐφθο-
 νήσατε τῶν ἐπιστησομένων τε καὶ διαφυλαξόντων. καὶ γὰρ τοι ἦρδιον μὲν
 ὑμῖν ἅπαντες ἀποπέμπουσι τοὺς φόρους ἢ παρ' ἄλλων ἂν τινες αὐτοὶ
- 68 λαμβάνοιεν· εἰκότως. ἄρχειν μὲν γὰρ οἷς μὴ δύναμις οὐ σωτήριον,
 ἄρχεσθαι δ' ὑπὸ τῶν κρείττωνων ὁ δεύτερος, φασί, πλοῦς, ὑπὸ δὲ ὑμῶν
 νῦν καὶ πρῶτος ἀπεφάνθη. πάντες οὖν ἀπρίξ ἔχονται καὶ οὐ πρότερον
 ἀζιώσαιεν ἂν ἀποστῆναι ἢ οἱ πλείοντες τοῦ κυβερνήτου· ἀλλ' οἷον αἱ νυκ-
 τερίδες ἐν τοῖς ἄντροις ἀλλήλων τε καὶ λίθων ἔχονται προσπεφυκυῖαι.
 οὕτως ὑμῶν ἅπαντες ἐξήρτηται σὺν πολλῷ φόβῳ καὶ προνοίᾳ μή τις
 ἀποπέσῃ τούτου τοῦ ὄρμαθου, καὶ πρότερον ἂν δεῖσαιεν μὴ ὑφ' ὑμῶν
- 69 καταλειφθῶσιν ἢ ὑμᾶς ἂν αὐτοὶ καταλίποιν. ἀντὶ δὲ ἀμφισβητήσεως
 ἀρχῆς τε καὶ πρωτείων, ὑφ' ὧν ἅπαντες οἱ πρότερον συνεργήγγυοντο πόλε-
 μοι, οἱ μὲν ὡσπερ ὕδωρ ἀσφογητὶ ρέον ἦρδιστα ἡσυχάζουσιν, ἄσμενοι πόνων
 παυσάμενοι καὶ κακῶν, μετεγνωκότες ὡς ἄρα ἄλλως ἐσκαμάχουσι, οἱ δ'
 οὐδ' ἦν ποτε ἤρξαν ἴσασιν οὐδ' ἀναμιμνήσκονται, ἀλλ' ἀτεχνῶς κατὰ τὸν
 Παμφύλου μῦθον, εἰ δὲ μή, Πλάτωνος (ἱρ. 614 B), οἷον ἐπὶ τῇ πυρᾷ
 ἦδη κείμεναι αἱ πόλεις ὑπὸ τῆς πρὸς ἀλλήλας ἐρίδος καὶ ταραχῆς ἀθρόαν
 ἐδέξαντο τὴν ἡγεμονίαν καὶ ἐξαίφνης ἀνεβίωσαν. ὅπως δὲ εἰς τοῦτο ἀπί-
 κοντο οὐκ ἔχουσιν εἰπεῖν, οὐδ' ἴσασιν οὐδὲν πλὴν τὰ παρόντα θαυμάζειν.

ἀλλὰ πεπόνθησιν οἷον οἱ ἀφροσυκισθέντες καὶ ἀντὶ τῶν ὀνειράτων ὧν ἀρτίως
 ἐύρων ἐξαίφνης ταῦτα παριδόντες καὶ ἐν αὐτοῖς γενόμενοι. πόλεμοι δὲ 70
 οὐδ' εἰ πώποτε ἐγένοντο ἔτι πιστεύονται. ἀλλ' ἐν ἄλλως μύθων τάξει
 τοῖς πολλοῖς ἀκούονται, εἰ δὲ πού καὶ συμπλακεῖεν ἐπ' ἐσχατιαῖς, οἷα
 εἰκὸς ἐν ἀρχῇ μεγάλη καὶ ἀμετρήτῳ παρανοίᾳ Γετῶν ἢ δυστυχίᾳ Λιβύων
 ἢ κακοδαίμονιά τῶν περὶ τὴν ἐρυθρὰν θάλατταν. ἀγαθοῖς παροῦσι χρήσα-
 σθαι μὴ δυναμένων, ἀτεχνῶς ὡσπερ μῦθοι ταχέως αὐτοῖ τε παρῆλθον
 καὶ οἱ περὶ αὐτῶν λόγοι. τσαυτῆ ἄρ' ὑμῖν εἰρήνη, ἢ κἂν πάτριον 71
 πολεμεῖν. . . . οὐ γὰρ οἱ χιθῆς σκυτοτόμοι καὶ τέκτονες τήμερον ὀπλίται
 καὶ ἱππεῖς, οὐδ' ὡσπερ ἐπὶ σκηνῆς στρατιώτης μετεσκεύασται ὡς ἀρτίως
 ἦν γεωργός. οὐδ' οἷον ἐν οἰκίᾳ πενιχρᾷ οἱ αὐτοὶ ὀψοποιοὶ οἰκουροῦσιν,
 στρωννύουσιν, οὐχ οὕτως καὶ ὑμεῖς ἀνεμίξατε· οὐδὲ τοὺς ἐπ' ἄλλων ὄντας
 στρατιώτας ὑπὸ τῆς χρείας γενήσεσθαι ἀνεμίνατε, οὐδὲ ἐπετρέψατε τοῖς
 πολεμίοις συγκαλεῖν ὑμᾶς, ἀλλὰ. . .

. . . . τὰ περὶ τὴν ἕλτην ἀρχὴν τε καὶ τὴν περὶ ταύτην πολιτείαν 72
 εἴρηται ὄντιν' ἐγνωτε τρόπον καὶ ὅπως κατεστήσαθε· περὶ δὲ τοῦ μαχίμου
 καὶ τῶν κατὰ στρατείας νῦν καιρὸς εἰπεῖν, ὅπως αὖ καὶ τοῦτ' ἐπεινήσατε
 καὶ ἦντινα τάξιν αὐτῷ ἀπέδοτε, θαυμαστῆ ἄρ' ἦν καὶ ἡ περὶ τοῦτο σοφία
 καὶ παράδειγμα εἰς τὸ παντελὲς οὐκ ἔχει. μέχρι μὲν γὰρ τοῦ τὸ 73
 μάχμον ἀποκρίναι καὶ Αἰγύπτιοι προῆλθον καὶ ἐδόκουν τοῦτο σοφώτατον
 εὑρεῖν, ὅτι αὐτοῖς ἰδίᾳ ἀπὸ τῶν ἄλλων ἴδρυντο οἱ προπολεμοῦντες τῆς
 χώρας, ὡσπερ καὶ ἄλλα πολλὰ παρὰ τοὺς ἄλλους ἐδόκουν εἶναι, ἣ ψασιν.
 Αἰγύπτιοι σοφοί. τοῦτο δὲ ὑμεῖς κατὰ ταῦτ' ἰδόντες οὐ ταῦτ' ἐποιήσατε,
 ἀλλὰ τσοσούτῳ κάλλιον καὶ σοφώτερον αὐτοῖ διείλεσθε, ὥστε ἐν ἐκείνῳ
 μὲν τῷ συντάγματι οὐκ ἦν ἴσον ἔχειν τῆς πολιτείας ἀλλήλοις, ἀλλ' ἦσαν
 ἐν τῷ χεῖρονι οἱ στρατευόμενοι τῶν ἰσχυραζόντων μόνοι πονοῦντες δι'
 αἰῶνος — οὐκ οὐκ ἴσως οὐδὲ ἰδέως εἶχεν αὐτοῖς — παρ' ὑμῖν δὲ ἀπάντων
 ἐχόντων τὸ ἴσον, τὸ μάχμον δυνατόν χωρὶς ἰδρῦσθαι. οὕτω καὶ Ἑλλήνων
 τόλμα καὶ Αἰγυπτίων καὶ ὅτων εἴποι τις ἂν τῆς ὑμετέρας ἡττᾶται. καὶ 74
 τσοσούτων ὑμῶν λειπόμενοι πάντες τοῖς ὅπλοις, ἔτι τῆ γνώμη πλέον εἰσὶν
 ὀπίσω· τὸ μὲν γὰρ τοὺς ἀπὸ τῆς πόλεως στρατεύεσθαι καὶ ταλαιπωρεῖν
 οὐκ ἄξια τῆς ἀρχῆς καὶ τῆς παρούσης εὐδαιμονίας ἀπολαύειν εἶναι ἐνομι-
 σατε, ξένοις δὲ οὐκ ἐπιστεύσατε· εἶδει δὲ στρατιωτῶν πρὸ τῆς ἀνάγκης.
 πῶς οὖν ἐποιήσατε; εὑρετε οἰκειὸν στρατεύμα, τῶν πολιτῶν οὐκ ἐνοχλου-
 μένων. τοῦτο δὲ ὑμῖν ἐπόρισεν ἡ περὶ πάσης τῆς ἀρχῆς βουλή καὶ τὸ

- 75 μηδέν' ἐγκρίνειν ξένον εἰς μηδέν ὃν ἂν δύνηται τε καὶ δέη ποιεῖν. τίς οὖν ἢ συλλογὴ καὶ τίς ὁ τρόπος; ἐλθόντες ἐπὶ πᾶσαν τὴν ὑπὸν ἔντεϋθεν ἐσκέψασθε τοὺς λειτουργήσοντας τήνδε τὴν λειτουργίαν. καὶ ὡς εὔρετε. ἑμοῦ τῆς τε πατρίδος ἀπηλλάξατε καὶ τὴν ὑμέτεραν αὐτῶν πόλιν ἀντέδοτε αὐτοῖς· ὥστε καὶ αἰσχυρῶν τὸ λοιπὸν αὐτοὺς ἐκείνους γ' ἀνειπεῖν, ὅθεν ἦσαν τὸ ἀρχαῖον. ποιησάμενοι δὲ πολίτας, οὕτως καὶ στρατιώτας ἐποιήσατε ὥστε τοὺς τε ἀπὸ τῆς πόλεως μὴ στρατεύεσθαι καὶ τοὺς στρατευομένους μὴδ' ὀτιοῦν ἦττον εἶναι πολίτας. τῆς μὲν ἀρχαίας ἀπόλιδας γεγεννημένους ἅμα τῇ στρατείᾳ, τῆς δ' ὑμέτερας πολίτας τε καὶ
- 76 φρουροὺς ἀπὸ τῆς αὐτῆς ἡμέρας. καὶ πάντες τε οὕτως ἔπονται καὶ πόλις οὐδεμία θυσαμεναίνει. ἀλλὰ τοσούτους γε ἀφ' ἐκάστων ἡγήσατε, ὅσοι μῆτε τοῖς διδοῦσιν ἔμελλον ἄχθος ποιήσῃν μῆτε αὐτάρχεις ἔσεσθαι πλήρωμα ἐνὸς οἰκείου στρατεύματος παρασχέσθαι· ὥστε εὐνοίαν μὲν ἀπάσας ἔχειν τὰς πόλεις τοῖς ἐκπεμφθεῖσιν. ὡς κοινοῖς ἑαυτῶν. ἰδίᾳ δὲ ἐκάστη μὴ ἴσχυον εἶναι δύναμιν ἀπὸ τῶν αὐτῆς μὴδὲ βλέπειν ἄλλοσε τοὺς ἐξελθόν-
- 77 τας ἢ πρὸς ἡμᾶς, διὰ τὸ πρὸς τοῦτο μόνον καλῶς συντετάχθαι. καὶ μὴν τοὺς γε ἐπιτηδαιοτάτους ἐκασταχόθεν ἐπιλέξαντες κέρδος οὐ μικρὸν τοῦτο εὔρασθε· οὐ γὰρ ἦρα δεῖν ἐπὶ μὲν τὰς πανηγύρεις καὶ τοὺς στεφανίτας ἀγωνίας τοὺς ἄριστα πεφυκότας καὶ τοῖς σώμασι προὔχοντας ἐγκριθέντας ἀσχεῖσθαι. τοὺς δὲ τῶν μεγίστων καὶ ἀθηναίων ἔργων ἀγωνιστὰς καὶ νικηφόρους ἐσομένους ὑπόσας ἂν τύχη νικᾶν ὑπὲρ ἀρχῆς τοιαύτης, τοῦτους δὲ ἐπὶ καιροῦ συναλεθεῖν καὶ μὴ πόρρωθεν τοὺς μεγίστους τε καὶ μάλιστα ἐπιτηδαιοτάτους ἐξ ἀπάντων ἐπιλεχθέντας ἀσχεῖσθαι.
- 78 ὅπως εὐθύς ἐστῶτες ὑπερέγοιεν. τοῦτους δὴ ἄρα καθάραντες καὶ φυλοκρινήσαντες [τὸ κοινὸν τῶν ἀρχόντων], οὐ χωρὶς ὃν εἶπον οὐδ' ὥστε φθόνον ἔξειν μᾶλλον τοῖς ἄλλοις τοῖς ἐπὶ τῇ πόλει μένουσιν. ἅτε οὐκ ὄντας ἑμοτίμους τὸ ἀρχαῖον, ἀλλ' ἐν τιμῆς αὐτοὺς μέρει λήψεσθαι τὴν μετουσίαν τῆς πολιτείας, οὕτως εὐρόντες τε καὶ διαθέντες αὐτοὺς ἡγάγετε ἐπὶ τὰ πέρατα τῆς ἀρχῆς, κἀνταῦθα διαστήσαντες ἄλλοις ἄλλα φυλάττειν
- 79 ἀπενείματε. Τοιγαροῦν καὶ ὑπὲρ τῶν τειχῶν ἐβουλεύσασθέ τε καὶ ἐπενόησατε· νῦν γὰρ ἄξιον εἰπεῖν. οὔτε γὰρ κατὰ τὴν Λακεδαιμονίων αὐθάδειαν ἀτείχιστον ἂν προσείποις τήνδε τὴν πόλιν οὐτ' αὖ τειχίρη κατὰ τὴν Βαβυλῶνος λαμπρότητα. ἢ εἴ τις ἄλλη σεμνότερον ἐτειχίσθη πρότερον ἢ ὕστερον. ἀλλὰ καὶ τοῦτον τὸν τειχισμόν παιδιᾶν καὶ γυναικῶς
- 80 ὡς ἀληθῶς ἔργον ἀπεφύγατε. αὐτῇ μὲν γὰρ τῇ πόλει περιβαλεῖν τὰ

τείχη, οἷον ἀποκρούπτοντες αὐτήν ἢ φεύγοντες τοὺς ὑπηκόους, ἀγεννές τε εἶναι καὶ οὐ πρὸς τῆς ἄλλης διανοίας ἐνομίσατε, οἷον εἴ τις θεσπύτης δεικνύοιτο τοὺς ἑαυτοῦ δούλους φοβούμενος, τειχῶν γε μὴν οὐκ ἤμελίσατε. ταῦτα δὲ τῇ ἀρχῇ περιεβάλετε, οὐ τῇ πόλει· καὶ ἐστήσατε ὡς πορρωτάτω λαμπρά τε καὶ ἡμῶν ἄξια, ὁρατὰ τοῖς εἴσω τοῦ κύκλου, ἢ δὲ πορεία ἐπ' αὐτά, εἴ τις βούλοιοτο ἰδεῖν, μηγῶν τε καὶ ἐναυτῶν ἀρξασμένῳ βαδίξειν ἀπὸ τῆς πόλεως. ὑπὲρ γὰρ τὸν ἐξωτάτω κύκλον τῆς οἰκουμένης ἀτεχνῶς 81 οἷον ἐν τειχισμῷ πόλεως δεύτερον ἀγαγόντες ἕτερον εὐκαμπέστερόν τε καὶ εὐφυλακτότερον, ἐνταῦθα τείχη τε προὔβαλεσθε καὶ πόλεις ἐφορίας ἐδείμασθε, ἄλλας ἐν ἄλλοις μέρεσι πληρώσαντες οἰκητόρων, τέχνας τε ὑπουργοὺς θύοντες αὐτοῖς καὶ τἄλλα κοσμήσαντες, ὡσπερ δὲ τάφρος κύκλῳ 82 περιεῖργει στρατόπεδον, ὥστε οὐ[δὲ] δέκα παρασάγγαι λογιζομένῳ τοῦ περιβάλλου τούτου τὸ περίμετρον, οὐδ' εἴχουσιν, οὐδ' ὀλίγῳ πλείους, οὐδ' εἰποῖς ἂν εὐθὺς ὁπόσον, ἀλλ' ὅσον Αἰθιοπίας τὸ ἐποικούμενον καὶ Φᾶσις ἐνθὲνδε καὶ Εὐφράτης ἄνω καὶ πρὸς ἐσπέραν ἢ μεγάλη τελευταία νῆσος ἐντὸς ἀποκλήρουσιν, τοῦτο πᾶν ἔξεστι κύκλον καὶ περίβολον τῶν τειχῶν εἰπεῖν. τὰ δὲ οὐκ ἀσφάλτω οὐδὲ πλίνθῳ ὑπτῇ δεῶμῃται οὐδὲ κόνει 83 στιλπνὰ ἔστηκεν, ἀλλ' ἔστι μὲν καὶ ταῦτα <τὰ> νομιζόμενα ἐφ' ἑκάστων τῶν τόπων καὶ μάλα πολλά, καὶ τοῖς λίθοις, ὡσπερ Ὅμηρος ἔφη (Π 212) τὸν κατ' οἰκίαν τοῖχον, <πυκνῶς> ἅμα καὶ ἀκριβῶς ἡρμοσμένα ἄπειρά τε μεγέθει καὶ λάμποντα χαλκοῦ στιλπνότερον, ὁ δὲ δὴ πολὺ 84 μείζων καὶ σεμνότερος κύκλος πάντη παντάπασιν ἀρραγῆς καὶ αἴλυτος πολὺ πάντας ὑπερλάμπων καὶ οὐδεὶς τῶν πώποτε οὕτω παγεῖς, τούτων τῶν τειχῶν προασπίζουσιν ἄνδρες φυγῆν οὐ νομίζοντες, ἡρμοσμένοι πρὸς ἀλλήλους ἐκείνη τῇ ἀρμονίᾳ, ἣ τὸς Μυρμιδόνας Ὅμηρός φησι (Π 215), πρὸς ὃν εἶπον τοῖχον τότε εἰκάζων, πᾶσι τοῖς ὄργανοις τοῦ πολέμου συνεγῆ μὲν οὕτως ἀλλήλοις τὰ κράνη ὡς μὴ εἶναι μέσον ὀϊστόν διεξελθεῖν, ἀσπίδες δὲ ὑπὲρ κεφαλῆς ἐξαρθεῖσαι μετεώρους ἂν δέχοντο ὀρόμους, τοσοῦτω στερροτέρους τῶν κατ' ἄστρῳ ποιητῶν ὥστε καὶ ἱππεῦσιν ἔξεστιν ἐπιθεῖν, καὶ τοῦτο δὴ τὸ Εὐριπίδου (Phoen. 110), κατάχαλκον ὄρᾳν πεδίον τότε φῆσεις ἀληθῶς, θύρακες δὲ οὕτως ἀλλήλων ἔχονται ὥστε, εἰ καὶ γυμνὸν τάξαις τὸν μέσον, ἀρκεῖν αὐτῷ τὰ ἐκατέρωθεν ἀπαντῆσαι μέχρι τοῦ μέσου, οἱ δὲ ἄκοντες οἷον ἐκ Λιὸς περιπίπτοντες ἀλλήλους ἐγκαταλαμβάνουσιν, τοιαῦδε ἄρ' ἀρμονία συγκέκληνται † ὃ τε τῶν διεξόδων κύκλος τειχῶν τε καὶ ὁ τῆς πάσης ἔφορος γῆς †. πάλαι μὲν οὖν Δαρει- 85

- ος μετ' Ἄρταφέρνου καὶ Δάτιδος νήσου μιᾶς μίαν πόλιν ἡδονήθη σαγηνεύσας ἐλεῖν. ὑμεῖς δ' ἅπασαν, εἰ οἶόν τε εἰπεῖν, σαγηνεύσαντες τὴν οἰκουμένην οὕτως σφάζετε τοῖς κοινῇ [αὐτῆς] πολίταις τε καὶ ξένοις, οὕς, ὡσπερ ἔφην (§ 74 sqq.), ἐξ ἀπάντων προκρίναντες ἐξηγάγετε, ἐλπίδας τε παραστήσαντες τοῖς γιγνομένοις ἀγαθοῖς ἀνδράσι μὴ μεταμελήσειν — οὐ γὰρ ἐξ εὐπατριδῶν ἔσσεσθαι τὸν ἀεὶ πρῶτον δυνάμενον καὶ δευτέρων τὸν δεύτερον καὶ τὴν ἄλλην τάξιν ὡσαύτως. <ἀλλ' > ἴς ἂν ἕκαστος ἀξίας ἦ, ταύτην σχήσειν, ἅτε οὐ λόγων, ἀλλ' ἔργων ἐναυῖθα κρινόντων τοὺς ἀγαθοὺς —, παραδείγματά τε ἐμφανῆ πᾶσι τούτων ποιήσαντες, ὡστε ἅπαντας <τὴν> μὲν ἀργίαν συμφορὰν ἡγεῖσθαι, τὰς δὲ πράξεις ἀφορμὰς ὧν εὐχονται νομίζειν, καὶ κατὰ μὲν τῶν πολεμίων ὁμοφρονεῖν, πρὸς δὲ ἀλλήλους ὑπὲρ τοῦ πρόσθεν ἀγωνίζεσθαι διὰ βίου, μόνους δὲ ἀνθρώπων
- 86 εὐχεσθαι εὐρεῖν πολεμίους. ὡστε ὅταν μὲν τις εἰς τὴν ἄσκησίν τε καὶ σύνταξιν ἴδῃ τοῦ στρατιωτικοῦ, τοῦτο δὴ νομιεῖ τὸ Ὀμηρικόν (B 372), εἰ καὶ δέκα τόσοι εἶεν οἱ ἀντίπαλοι, ταχέως ἂν αὐτοὺς περιστραφένας ἀνδρα παρὰ ἓνα † λειψθῆναι, ὅταν δὲ εἰς τὴν πλήρωσίν τε καὶ συλλογὴν αὐτοῦ βλέψῃ, τὸ τοῦ Αἰγυπτίου φήσει τε καὶ οἰήσεται, ὅς τῷ Καμβύσῃ διαρπάσσοντι τὰ ἐν τῇ χώρᾳ καὶ τὰ ἱερά πορθοῦντι στάς ἐπὶ τῶν τειχῶν τῶν Θηβαϊκῶν ἀνέτεινε γῆς τε βῶλον καὶ κύλικα ὕδατος ἀπὸ τοῦ Νεῖλου, σύμβολον ποιούμενος ὅτι, ἕως ἂν Αἴγυπτον αὐτὴν καὶ τὸν ποταμὸν Νεῖλον μετενεγκεῖν μὴ δύνηται μηδὲ ἀγαγεῖν ἀνάρπαστον, οὕτω τὸν Αἰγυπτίων πλοῦτον εἴληφεν, ἀλλὰ ταχέως αὐτοῖς ἄλλα τοσαῦτα γενήσεται τούτων μερόντων καὶ οὕποτε ἐπιλείψει πλοῦτος Αἴγυπτον, τοῦτο δὲ καὶ περὶ τοῦ ὑμετέρου στρατιωτικοῦ νομίσαι τε καὶ εἰπεῖν ἔξεστιν, ὅτι, ἕως ἂν τὴν χώραν αὐτὴν μὴ δύνωνται τινες ἐξ ἔδρας ἀναστῆσαι μηδὲ κενώσαντες οἴχεσθαι, ἀλλ' ἀνάγκη ἦ μένειν αὐτὴν ἐφ' ἑαυτῆς τὴν οἰκουμένην, ἀμήχανον ἐπιλείπειν ὑμᾶς πλήρη στρατιωτικά, ἀλλὰ τοσαῦτα ὅποσα βούλεσθε
- 87 ὑπάρχειν ἀπὸ πάσης τῆς οὔσης ἀφικνούμενα. καὶ μὴν εἰς γε τακτικῶν λόγον παιῖδας ἅπαντας ἀνθρώπους ἀπεφύγατε. οὐ γὰρ πρὸς τοὺς πολεμίους ἀσχεῖν μόνον προὔθεσθε αὐτὰ τοῖς στρατιώταις τε καὶ ἡγεμόσιν, ἀλλὰ πρὸς αὐτοὺς πρῶτον ὡστε καθ' ἡμέραν ἐκάστην ἐν τάξει ζῆν καὶ μήποτε λιπεῖν μηδένα τὴν προστεταγμένην αὐτῷ, ἀλλ' οἶον ἐν χορῷ τινι αἰωνίῳ ἕκαστον τὴν ἑαυτοῦ χώραν εἰδέναι τε καὶ σφάζειν, καὶ τῷ μὲν ἐντιμοτέρῳ τὸν ἥτιω μὴ διὰ τοῦτο φθονεῖν, ὧν δ' αὐτὸς μείζων ἐστὶν
- 88 ἀκριβῶς κρατεῖν. ἀχθῆμαι δ' ἔγωγε ἑτέρους φθάσαντας εἰπεῖν (Thuc.

V' 66, 4) ἐπὶ Λακεδαιμονίων, ὅτι ἄρα πλὴν ὀλίγων τὸ στρατόπεδον αὐτοῖς ἄρχοντες ἀρχόντων εἰσὶν ἡμῖν γὰρ ἤρμοττε τετηρηῆσθαι καὶ ἐφ' ἡμῶν πρῶτον εἰρῆσθαι. ὁ δὲ πρότερον τοῦ δέοντος προεξήνεγκεν αὐτό. ἀλλ' οὖν τό γε Λακεδαιμονίων στρατόπεδον κινδυνεύει τοσοῦτων εἶναι, ὅσους οὐδὲν ἀπεικός καὶ πάντας ἄρχοντας εἶναι· τὸ δ' ἐν τοσοῦτοις ἀριθμοῖς καταλόγων τε καὶ γενῶν, ὧν οὐδὲ τὰ ὀνόματα ἐξευρεῖν ῥάδιον, ἀρξαμένους ἀπὸ ἐνὸς τοῦ διὰ πάντων διεξιόντος τε καὶ πάντα ἐφορῶντος, ἔθνη, πόλεις, στρατόπεδα, ἡγεμόνας αὐτούς, τελευτῶν εἰς ἓνα τεττάρων καὶ δυεῖν ἄρχοντα ἀνδρῶν — τὸ δ' ἐν μέσῳ πᾶν ἐξελίπομεν —, καὶ ὡσπερ νήματος περιστροφῆν ἐκ τῶν πλειόνων εἰς τοὺς ἐλάττους ἀεὶ κατιέναι, καὶ οὕτω διήκειν ἄλλους ἐπ' ἄλλοις ἀεὶ ταπτομένους μέχρι τῆς τελευτῆς, πῶς οὐχ ὑπὲρ πᾶσαν ἀνθρωπίνην τάξιν ἐστίν; ἐπέρχεται δέ μοι τὸ Ὀμη- 89 ρικὸν εἰπεῖν, μικρὸν ἐπὶ τῆς τελευτῆς ὑπαλλάξαντι.

Ζηγός που τοιγάρ γ' Ὀλυμπίου ἔνδοθεν ἀρχή·

ὅταν γὰρ ἀρχὴ μὲν εἰς τοσοῦτων, οἱ δὲ ἐπ' αὐτῷ διάκονοί τε καὶ πρέσβεις αὐτοῦ μὲν πολὺ χείρους, ὧν δὲ ἐπιμέλονται πολὺ βελτίους, πάντα δ' ἄνευ θορόβου καὶ ταραχῆς σιωπῇ περαίνωσιν, φθόνος δ' ἐκποδῶν ἤ, οἷος δὲ καὶ αἰδοῦς πάντα πανταχοῦ μεστά, καρπὸς δὲ ἀρετῆς μηδὲνα ἐκφεύγη, πῶς οὐχὶ νικᾷ τόδε τὸ ἔπος; Δοκεῖ<τε> δ' ἔμοιγε οὐδ' ἐν 90 αὐτῇ τῇ πόλει πολιτεῖαν παραπλησίως τισὶ τῶν ἄλλων ἀνθρώπων καταστήσασθαι. πρότερον μὲν γὰρ ἐδόκουν τρεῖς εἶναι κατ' ἀνθρώπους πολιτεῖαι, δύο μὲν ἐν δυεῖν ὀνόμασιν, ἑκατέρα παρὰ τοὺς τῶν ἐχόντων τρόπους θεωρουμένη τυραννὶς καὶ ὀλιγαρχία, βασιλεία καὶ ἀριστοκρατία, τρίτον δὲ ὄνομα δημοκρατία, εὖ τε καὶ χεῖρον ἀγομένη. διειλήφεσαν οὖν αἱ πόλεις ὡς ἐκάστοις ἀίρεσις ἢ τύχη νικήσειεν· τὸ δ' ὑμέτερον οὐδὲν ὁμοίως ἔχει, ἀλλ' οἶονεῖ κρᾶσις ἀπασῶν τῶν πολιτειῶν, ἄνευ γε τῆς ἐφ' ἑκάστη χειρόνος· οὕτω καὶ <τὸ> τοιοῦτον εἶδος πολιτείας νενίκηκεν. ὥστε ὅταν μὲν εἰς τὴν τοῦ δήμου τις ἰσχὺν βλέψη, καὶ ὡς ἀπάντων ὧν ἂν βουλευθῆ τε καὶ αἰτήσῃ ῥαδίως τυγχάνει, δημοκρατίαν νομιεῖ καὶ οὐδὲν ἐνδεῖν πλὴν ὧν ἐξαμαρτάνει δῆμος· ὅταν δὲ εἰς τὴν γερουσίαν ἴδῃ τὴν βουλευομένην τε καὶ τὰς ἀρχὰς ἔχουσαν, ἀριστοκρατίαν οὐχ εἶναι ταύτης ἀκριβεστέραν νομιεῖ· εἰς δὲ τὸν πάντων τούτων ἔφορόν τε καὶ πρῶταν βλέψας, παρ' οὗ τῷ τε δήμῳ τὸ τυγχάνειν ὧν βούλεται καὶ τοῖς ὀλίγοις τὸ ἀρχεῖν καὶ δύνασθαι, τοῦτον ἐκεῖνον ὄρα, τὸν τὴν τελεωτάτην ἔχοντα μοναρχίαν, τυράννου τε κακῶν ἄμοιρον καὶ βασιλέως σεμνότητος μείζονα. καὶ τοῦτ' 91

οὐδὲν ἀπεικός οὕτω διελέσθαι καὶ κατιδεῖν μόνους ὑμᾶς καὶ περὶ τῶν ἔξω καὶ περὶ τῶν ἐν αὐτῇ τῇ πόλει· μόνου γὰρ ἔστε ὑμεῖς ἄρχοντες ὡς εἰπεῖν κατὰ φύσιν. οἱ μὲν γὰρ ἄλλοι οἱ πρὸ ὑμῶν δυναστεύσαντες δεσπότῃ καὶ δοῦλοι· ἀλλήλων ἐν τῷ μέρει γιγνόμενοι καὶ νόθοι τῆς ἀρχῆς ὄντες οὕτω διεξῆλθον, ὡσπερ ἐν σφαίρᾳ τὴν πάξιν μεταλαμβάνοντες, καὶ ἐδούλευσαν Μακεδόνες Πέρσαι, Πέρσαι Μήδοις, Μῆδοι Σύροις· ὑμᾶς δὲ ἐκ τσοῦτου πάντες ἴσασιν, ἐξ ὅτου περ ἴσασιν, ἄρχοντας. ἅτ' οὖν ἐξ ἀρχῆς ὄντες ἐλευθεροὶ καὶ οἷον ἐπὶ τὸ ἄρχεῖν εὐθύς γενόμενοι, πάντα τὰ πρὸς τοῦτο φέροντα καλῶς ἐζηρτώσασθε, καὶ πολιτείαν γε εὖρετε τῆν οὐπω πρόσθεν οὐδεὶς καὶ θεσμούς καὶ τάξεις ἀφύκτους ἅπασιν ἐπεστήσατε.

- 92 Ὅ δὲ ἐκ πολλοῦ μὲν ὑπεῖσαι με καὶ πολλάκις ὤχληχε πρὸς αὐτοῖς τοῖς χεῖλεσι γιγνόμενον, παρενήνεκται δὲ ὑπὸ τοῦ λόγου δεῦρο ἀεὶ, τοῦτο νῦν εἰπὼν οὐκ ἂν ἴσως ἀπὸ καιροῦ πέσοιμι. ὅσον <μὲν> γὰρ μεγέθει τῆς ἀπάσης ἀρχῆς [ἐγκρατεία] καὶ πολιτείας ἐπινοία πάντας ὑπερβάλλεσθε, ἔστιν ἐν τοῖς εἰρημένους· νῦν δὲ μοι δοκεῖ κάκεινό τις εἰπὼν οὐκ ἂν ἀμαρτεῖν, ὅτι οἱ μὲν ἄνω πάντες καὶ οἱ ἐπὶ πλεῖστον γῆς ἄρξαντες ὡσπερ σωματῶν γυμνῶν αὐτῶν τῶν ἐθνῶν ἤρξαν πότε γὰρ πόλεις τσοσῦται κατ' ἤπειρον καὶ κατὰ θάλατταν, ἢ πότε οὕτω διὰ πάντων ἐχοσμήθησαν; ἢ τίς πω οὕτω τῶν τότε διεξήλασεν, ἐπαριθμῶν ταῖς ἡμέραις τὰς πόλεις, ἔστι δὲ ὅτε τῆς αὐτῆς καὶ διὰ δυεῖν καὶ τριῶν ἐξελάνων ὡσπερ στενωπῶν; ὡστ' οὐ μόνον τῷ κεφαλαίῳ τῆς ἀρχῆς ἤττωνται τσοσῦτον οἱ πρότεροι, ἀλλὰ καὶ ὅν τῶν αὐτῶν ἤρξαν ὑμῖν, οὐκ ἴσων ἐκάστων οὐδὲ ὁμοίων ἤρξαν, ἀλλ' ἔνεστι τῷ τότε ἔθνει πόλιν ἀντιστήσαι τὴν ἐν αὐτῷ νῦν. καὶ δὴ καὶ φαίη τις ἂν ἐκείνους μὲν οἷον ἐρημίας καὶ φρουρίων βασιλεῖς γεγονέναι, ὑμᾶς δὲ πόλεων ἄρχοντας μόνους.
- 94 νῦν ἅπασαι μὲν αἱ Ἑλληνικαὶ πόλεις ἐφ' ὑμῶν ἀνέχουσι καὶ τὰ ἐν αὐταῖς ἀναθημάτων καὶ τέχνη καὶ κόσμοι πάντες ὑμῖν ἔχουσι φιλοτιμίαν, ὡσπερ ἐν προαστίῳ κόσμος· ἐκπεπλήρωνται δὲ ἅκταί τε παράλιοι καὶ μεσόγεια πόλεις, ταῖς μὲν οἰκισθείσαις, ταῖς δὲ αὐξηθείσαις ἐφ' ὑμῶν τε καὶ ὑφ' ὑμῶν.
- 95 Ἰωνία δὲ ἡ περιμάχητος ἐλευθερωθεῖσα φρουρῶν καὶ σατραπῶν πρόκειται πᾶσι κάλλους ἡγεμῶν, ὅσον πρόσθεν ἐδόκει τῶν ἄλλων ὑπερραῖρεν γενῶν χάριτι καὶ κόσμῳ, τσοσῦτον νῦν ἐπιδεδωκυῖα αὐτῇ παρ' αὐτῆν. ἡ δὲ σεμνὴ καὶ μεγάλη κατ' Αἴγυπτον Ἀλεξάνδρου πόλις ἐγκαλλώπισμα τῆς ὑμετέρας γέγονεν ἡγεμονίας, ὡσπερ γυναικὸς πλουσίας ὄρμος
- 96 ἢ φέλιον ἐν πολλοῖς τοῖς ἄλλοις κτήμασι. διατελεῖτε δὲ τῶν μὲν Ἑλ-

λήγων ὡσπερ τροφῶν ἐπιμελόμενοι. χεῖρά τε ὑπερέχοντες καὶ οἶον κει-
 μένους ἀνιστάντες, τοὺς μὲν ἀρίστους καὶ πάλαι ἡγεμόνας ἐλευθέρους καὶ
 αὐτονόμους ἀφιέντες αὐτῶν. τῶν δ' ἄλλων μετρίως καὶ κατὰ πολλήν
 φειδῶ τε καὶ πρόνοιαν ἐξηγούμενοι, τοὺς δὲ βαρβάρους πρὸς τὴν ἐκάστοις
 αὐτῶν οὖσαν φύσιν παιδεύοντες πραότερόν τε καὶ σφοδρότερον, ὡσπερ εἰκός
 ἵππων ἐπιστατῶν μὴ εἶναι χείρους ἀνδρῶν ὄντας ἄρχοντας. ἀλλ' ἐξητα-
 κένα τὰς φύσεις καὶ πρὸς ταύτας ἄγειν. καὶ γὰρ ὡσπερ πανηγυρίζουσα 97
 πᾶσα ἡ οἰκουμένη τὸ μὲν παλαιὸν φόρημα, τὸν σίδηρον, κατέθετο. εἰς δὲ
 κόσμον καὶ πάσας εὐφροσύνας τέτραπται σὺν ἐξουσίᾳ. καὶ αἱ μὲν ἄλλαι
 πᾶσαι φιλονικίαι τὰς πόλεις ἐπιλελοίπασιν. μία δὲ αὕτη κατέχει πάσας
 ἕρις. ὅπως ὅτι καλλίστη καὶ ἡδίστη αὕτη ἐκάστη φανέται. πάντα δὲ
 μετὰ γυμνασίων, κρηγῶν, προπυλαίων, νεῶν, δημιουργιῶν, διδασκαλειῶν,
 ἐπιστημῶν τε ἕξεστιν εἰπεῖν οἶον πεπονηκυῖαν ἐξ ἀρχῆς ἀνακεκομῆθαι
 τὴν οἰκουμένην ὄψεσθαι δ' οὐποτε λείπουσιν εἰς ταύτας παρ' ὑμῶν ἰοῦσαι. 98
 οὐδ' ἔστιν εὐρεῖν τοὺς μεζόνων τετυγχήχοντας διὰ τὴν ὁμοίαν εἰς ἅπαντας
 ὑμῶν φιλανθρωπίαν. πόλεις τε οὖν ὅγ' ἔπου λάμπουσιν αἴγλη καὶ χάριτι 99
 καὶ ἡ γῆ πᾶσα οἶον παράδεισος συγκεκόσμηται· καπνοὶ δ' ἐκ πεδίων καὶ
 φρυκτοὶ φίλιοι καὶ πολέμιοι. οἶον πνεύματος ἐκρηπίσαντος. φροῦδοι, γῆς
 ἐπέκεινα καὶ θαλάττης· ἀντεισῆχται δὲ θεὰς πᾶσα χάρις καὶ ἀγόνων
 ἄπειρος ἀριθμὸς. ὥστε οἶον πῦρ ἱερὸν καὶ ἄσβεστον οὐ διαλείπει τὸ παν-
 ηγυρίζειν. ἀλλὰ περιέεισιν ἄλλοτε εἰς ἄλλους, αἱ δὲ ἐστὶ πού πάντες
 γὰρ ἀξίως τούτου πεπράγασιν· ὥστε μόνους ἀξίον εἶναι κατοικτεῖραι τοὺς
 ἕξω τῆς ὑμετέρας, εἴ τινές πού εἰσιν ἄρα, ἡγεμονίας, οἶων ἀγαθῶν στέ-
 ρονται. καὶ μὴν τό γε ὑπὸ πάντων λεγόμενον, ὅτι γῆ πάντων μήτηρ 100
 καὶ πατρίς κοινὴ πάντων, ἄριστα ὑμεῖς ἀπεδείξατε. νῦν γοῦν ἕξεστι καὶ
 Ἑλληνι καὶ βαρβάρῳ καὶ τὰ αὐτοῦ κομίζονται καὶ χωρὶς τῶν αὐτοῦ
 [αὐτοῦ] βαδίζουσιν ὅποι βούλεται ῥαδίως, ἀτεχνῶς ὡς ἐκ πατρίδος εἰς πα-
 τριδα ἰόντι· καὶ οὔτε Πύλαι Κιλικίῳ φόβον παρέχουσιν οὔτε στεναὶ καὶ
 ψαμμώδεις δι' Ἀράβων ἐπ' Αἴγυπτον πάροδοι, οὐκ ὄρη δύσβατα, οὐ ποτα-
 μῶν ἄπειρα μεγέθη. οὐ γένη βαρβάρων ἄμικτα, ἀλλ' εἰς ἀσφάλειαν
 ἐξαρκεῖ Ῥωμαῖον εἶναι, μᾶλλον δὲ ἓνα τῶν ὑφ' ὑμῖν καὶ τὸ Ὀμήρω 101
 λεγθὲν γαῖα δέ τοι ξυγὴ πάντων' (O 193) ὑμεῖς ἔργῳ ἐποιήσατε, κατα-
 μετρήσαντες μὲν πᾶσαν τὴν οἰκουμένην, ζεύξαντες δὲ παντοδαπαῖς γεφύ-
 ραις ποταμούς, καὶ ὄρη κόψαντες ἱππήλατον γῆν εἶναι, σταθμοῖς τε
 τὰ ἔρημα ἀναπλήσαντες καὶ διαίτη καὶ τάξει πάντα ἡμερώσαντες.

- ὥστ' ἔγωγε τὸν νομιζόμενον πρὸ Τριπτολέμου βίον τοῦτον εἶναι τὸν πρὸ ὑμῶν ἐπινοῶ, σκληρόν τινα καὶ ἄγροικον καὶ ὑρείου διαίτης ὀλίγον ἀποκεχωρηκότα, <ἀλλ > ἀλλ' ἄρξαι μὲν τοῦ ἡμέρου τε καὶ τοῦ νῦν τὴν Ἀθηναίων πόλιν, βεβαιωθῆναι δὲ καὶ τοῦτο ὑφ' ὑμῶν δευτέρων,
- 102 φασίν. ἀμεινόνων. οὐδὲ γε δεῖ νῦν περιγῆσιν γῆς γράφειν οὐδ' οἷς ἕκαστοι χρώνται νόμοις ἀπαριθμεῖν, ἀλλ' ἡμεῖς ἅπασιν περιηγηταὶ κοινοὶ γεγόνατε, ἀναπετάσαντες ἀπάσας τῆς οἰκουμένης τὰς πύλας καὶ παρασχόντες ἐξουσίαν αὐτόπτας πάντων τοὺς θέλοντας γίνεσθαι, νόμους τε κοινοὺς ἅπασιν τάξαντες καὶ τὰ πρόσθεν λόγου μὲν διηγῆσαι τέρποντα, λογισμῶ δὲ εἰ λαμβάνοι τις, ἀφόρητα παύσαντες, γάμους τε κοινοὺς ποιήσαντες καὶ συντάξαντες ὥσπερ ἓνα οἶκον ἅπασαν τὴν οἰκουμένην.
- 103 ἀτεχνῶς δέ. ὥσπερ οἱ ποιηταὶ λέγουσιν, πρὸ τῆς Διὸς ἀρχῆς ἅπαντα στάσεως καὶ θορύβου καὶ ἀταξίας εἶναι μεσάτῃ, ἐλθόντος δὲ ἐπὶ τὴν ἀρχὴν Διὸς πάντα δὴ καταστῆναι, καὶ τοὺς Τιτᾶνας εἰς τοὺς κατωτάτους μυχούς τῆς γῆς ἀπελθεῖν, συνωσθέντας ὑπ' αὐτοῦ τε καὶ τῶν σὺν αὐτῷ θεῶν, οὕτως ἂν τις καὶ περὶ τῶν πρὸ ὑμῶν τε καὶ ἐφ' ὑμῶν πραγμάτων λογιζόμενος ὑπολάβοι, ὡς πρὸ μὲν τῆς ὑμετέρας ἀρχῆς ἄνω καὶ κάτω συνετετάρακτο καὶ εἰκῆ ἐφέρετο, ἐπιστάντων δὲ ὑμῶν ταραχαὶ καὶ στάσεις ἔληξαν, τάξις δὲ πάντων καὶ φῶς λαμπρὸν εἰσῆλθε βίου καὶ πολιτείας.
- 104 νόμοι τε ἐξεφάνησαν καὶ θεῶν βωμοὶ πίστιν ἔλαβον. πρότερον γὰρ ὥσπερ τοὺς γονέας ἐκτέμνοντες καὶ τὴν γῆν ἔτεμνον, παῖδάς τε οὐ κατέπινον, ἀλλ' ἀπώλλυσαν τοὺς ἀλλήλων τε καὶ τοὺς ἑαυτῶν ἐν ταῖς στάσεσι καὶ πρὸς ἱεροῖς. νῦν δὲ κοινὴ καὶ σαφὴς πᾶσι πάντων ἄδεια δέδοται αὐτῇ τε τῇ γῇ καὶ τοῖς ἐν αὐτῇ κατοικοῦσιν· καὶ τοῦ μὲν κακῶς πάσχειν ἅπαντα ἀφεῖσθαι, τοῦ δὲ καλῶς ἄγεσθαι πολλὰς τὰς ἀφορμὰς εἰληφέναι μοι δοκοῦσι, καὶ οἱ θεοὶ καθορῶντες συγκατορθοῦν ὑμῖν εὐμενῶς τὴν
- 105 ἀρχὴν καὶ διδόναι βέβαιον τὴν κτῆσιν αὐτῆς, Ζεὺς μὲν, ὅτι αὐτῷ τῆς οἰκουμένης καλοῦ, φασίν, ἔργου καλῶς ἐπιμέλεσθε, Ἥρα δὲ γάμων νόμων γιγνομένων [τιμωμένη], Ἀθηναῖα δὲ καὶ Ἥφαιστος τεχνῶν τιμωμένων. Διόνυσος δὲ καὶ Δημήτηρ, ὅτι αὐτοῖς οἱ καρποὶ οὐχ ὑβρίζονται, Ποσειδῶν δὲ ναυμαχιῶν μὲν καθαρευούσης τῆς θαλάττης αὐτῷ, τὰς δὲ ὀλκάδας ἀντὶ τῶν τριήρων μετεληφρούας· ὃ γε μὴν Ἀπόλλωνος καὶ Ἀρτέμιδος καὶ Μουσῶν χορὸς οὐποτ' ἐ<κ>λείπει τοὺς ὑπηρέτας ἐν τοῖς θεάτροις καθορῶν· Ἐρμῆς δὲ ἀγώνων οὐκ ἄμοιρος οὐδὲ πρεσβειῶν· Ἀφροδίτη δὲ σπόρων. . . . καὶ Χαρίτων πότε μᾶλλον καιρὸς ὑπῆρξεν ἢ πότε πλείονα

μοῖραν ἔσχον αἱ πόλεις· αἱ δ' Ἀσκληπιοῦ χάριτες καὶ τῶν κατ' Αἴγυπτον
θεῶν νῦν πλεῖστον εἰς ἀνθρώπους ἐπιδεδώκασιν. οὐ μὴν οὐδὲ Ἄρης γε
ὑμῖν ἠτίμασται. οὐδὲ δέος μὴ συνταράξῃ τὰ πάντα, ὥσπερ ἐν Λαπιθῶν
δειπνῶ παροφθείς, ἀλλ' ἐπὶ ταῖς ὄχθαις τῶν ἔξω ποταμῶν χορεύει τὴν
ἄπαστον χορείαν, αἵματος <ἐμφυλίου> καθαρὰ σώζων τὰ ὄπλα. ὅ γε
μὴν πάντ' ἐφορῶν Ἥλιος οὐδὲν εἶδεν ἐφ' ὑμῶν βίαιον οὐδ' ἀδικον οὐδ'
οἷα πολλὰ ἐν τοῖς πρόσθετον χρόνοις· ὥστ' εἰκότως ἦδιστα ἐφορᾷ τὴν ὑμε-
τέραν ἀρχήν. δοκεῖ δέ μοι καὶ Ἡσίοδος, εἰ ὁμοίως Ὀμήρῳ τέλειος ἦν¹⁰⁶
τὰ ποιητικὰ καὶ μαντικός ὥσπερ ἐκεῖνος οὐκ ἠγγύησεν τὴν ὑμετέραν ἀρχήν
ἐσομένην, ἀλλὰ προεῖδεν καὶ ἀνεφθέγγατο ἐν τοῖς ἔπεσιν, οὕτως καὶ αὐτὸς
οὐκ ἂν ὥσπερ νῦν ἀπὸ τοῦ χρυσοῦ γένους ἄρξασθαι γενεαλογῶν, οὐδ'
<εἰ> δὴ ταύτην ἀρχήν ἐνεστήσατο. περὶ γε τοῦ τελευταίου καὶ σιδηροῦ
γένους διαλεγόμενος τοῦτον ἂν αὐτοῦ φάναι (OD. 181) γενέσθαι τὸν ὄλεθρον,
εὐτ' ἂν γεινόμενοι πολιορκήσασθαι τελέθωσιν.

ἀλλ' ἠνέκα ἂν ἡ ὑμετέρα προστασία τε καὶ ἀρχὴ καταστῆ, τότε ἂν φάναι
φθαρῆναι τὸ σιδηροῦν φύλον ἐν τῇ γῆ. καὶ Δίκη δὴ καὶ Αἰδοῖ τότε ἂν
ἀποδοῦναι κάθοδον εἰς ἀνθρώπους, καὶ οἰκτεῖραι τοὺς πρὸ ὑμῶν γενομένους.

Ἄει μὲν οὖν τὰ γε δὴ παρ' ὑμῖν τίμια εἰσαχθέντα ὡς ἀληθῶς ἐφ' ὑμῶν¹⁰⁷
καὶ αἰεὶ μᾶλλον βεβαιούμενα. . . . , ὅ γε μὴν νῦν ἄρχων μέγας οἷον ἀγω-
νιστῆς καθαρῶς τοσοῦτον ὑπεραίρει τοὺς πρὸ αὐτοῦ [τὸν πατέρα], ὅσον οὐδ'
εἰπεῖν ῥάδιον ἐτέρους αὐτὸς ὑπεραίρει. . . . καὶ δὴ φαίη τις ἂν δικαιοσύνην
καὶ νόμιμον εἶναι τοῦτο ὡς ἀληθῶς ὅ τι κρίνειεν οὗτος. † τί δὲ καὶ τοῦτο
πρὸ τῶν ἄλλων εἶη † σαφῶς, ὅτι τοὺς τῆς ἀρχῆς κοινωνούς, οὓς οἰκτιροῦ-
ται. ἔχει παιδεία ὁμοίους ἑαυτῷ πλείους ἢ τῶν πρὸ αὐτοῦ τις.

Ἄλλὰ τὸ ἔξ ἀρχῆς ἀγώνισμα παντὸς μεῖζον, παρισῶσαι τῷ τῆς¹⁰⁸
ἀρχῆς μεγέθει τὸν λόγον, καὶ σχεδὸν τοῦ ἴσου χρόνου δεόμενον ὅσοσπερ ὁ
τῆς ἀρχῆς· εἶη δ' ἂν οὗτος ὁ πᾶς αἰὼν. κράτιστον οὖν, ὥσπερ οἱ τῶν
διθυράμβων τε καὶ παιάνων ποιηταί. εὐχὴν τινα προσθέντα οὕτω κατακλῆ-
σαι τὸν λόγον. καὶ δὴ κεκλήσθων θεοὶ πάντες καὶ θεῶν παῖδες καὶ¹⁰⁹
διδόντων τὴν ἀρχήν τῆνδε καὶ πόλιν τῆνδε θάλλειν δι' αἰῶνος καὶ μὴ
παύεσθαι πρὶν ἂν μύδροι τε ὑπὲρ θαλάττης πέσωσιν καὶ δένδρα ἦρι θάλ-
λοντα παύσθαι· ἄρχοντά τε τὸν μέγαν καὶ παῖδας τούτου <σ>ὡς τε
εἶναι καὶ πρυτανεύειν πᾶσι τὰ ἀγαθὰ. ἐκτετέλεσταί μοι τὸ τόλμημα· εἶτε
δὲ χεῖρον εἶτε βέλτιον ἔξεστιν ἦδη φέρειν τὴν ψῆφον.

Appendix critica.

In oratione Aristidis supra secundum Keillii recensionem exhibita nihil fere mutavimus praeter paragraphorum numeros, qui sunt in pagina 42. Aliquot typhothetae errata a nobis prae-termissa speramus a legentibus facile corrigi posse. Hic proponimus nostras lectiones, quarum rationes infra redduntur.

§ 2 lego ἀλλ' ὡς ἀληθῶς εὐχῆς αὖ προσεδεῖτο ἑτέρας. ἴσως μὲν [οὔν] καὶ μεῖζονος, εἰ δυνηθεῖημεν τοιοῦτον ἄσαι λόγον, ὅστις etc.

§ 7 pro διοικήσεις lego διοίσεις.

§ 8 lego ὡς ἄρα <ῥώμης> ἐπώνυμον αὐτῆ τοῦνομα.

§ 10 inter τῶν et ἡλίου desideratur ἐντός vel μεταξύ; pro <καὶ> κτήσιν ὑμετέραν lego καὶ τῆν ὑμετέραν.

§ 14 κομιζουσαι <πάντα> suspectum videtur, item πᾶσαν ἡ φθινοπώρου περιτροπήν; pro ἐργαστηρίῳ fortasse legendum est ὀρμιστηρίῳ.

§ 26 lego τὴν ἐπώνυμον ἑαυτοῦ πόλιν.

§ 28 et 70 scribo Ἐρυθρά et Ἐρυθράν.

§ 34 post καθημένῳ desidero loci significationem, velut ἐν τῇ πόλει.

§ 39 pro γένοιτο fortasse legendum est παραγένοιτο.

§ 45 pro ἐκόντας <ἀσμένους> fortasse legendum est ἡναγκασμένους vel ἡναγκασμένως.

§ 51 pro καὶ ὁμοῦ lego παρ' ὁμῶν.

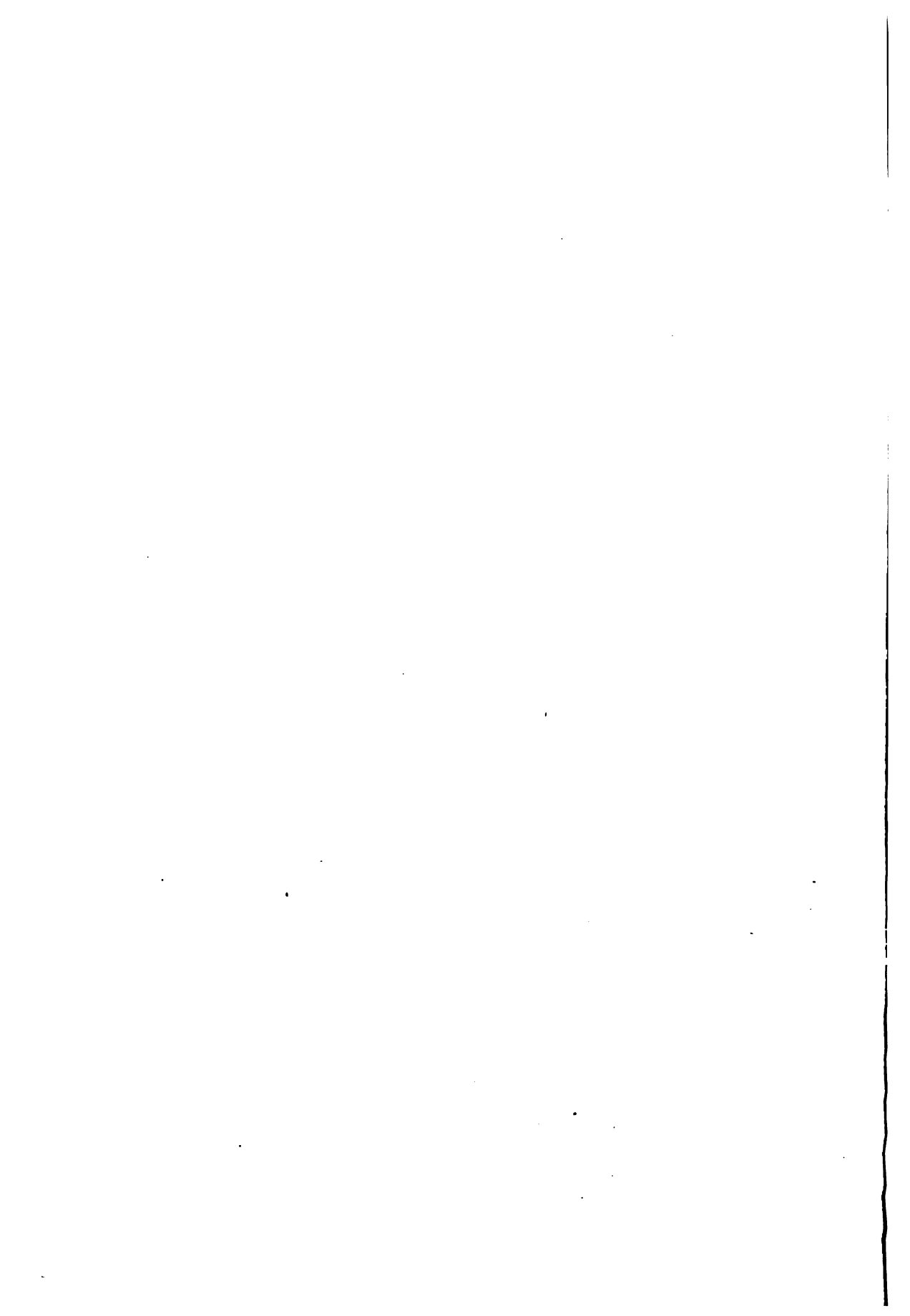
§ 59 fortasse legendum est τούτων δὲ καὶ πολὺ μάλιστα πάντων ἄξιον εἰπεῖν καὶ θαυμάσαι τὸ (?) περὶ τὴν πολιτείαν (desideratur substantivum).

§ 63 pro τὰ γένη οὐδὲ γελοῖαν lego τὰ γένη, πόθεν; γελοῖαν...

§ 69 pro ἀθρόαν fortasse legendum est ἄπνοι vel ἀναρθροί; pro παριδόντες lego ὑπαρ' ἰδόντες Reiskium secutus.

§ 71 pro ἄρ ὁμῖν lego παρ' ὁμῖν.

- § 72 pro ἦν lego ὄμων.
§ 73 pro τῆς πολιτείας lego τοὺς πολίτας. pro εἶχεν—εἶχον.
§ 77 pro ὀπόσας lego ὀποσάκας.
§ 78 De ἄρα καθάραντες dubito; pro μᾶλλον lego μέλλειν.
§ 80 lego ἀόρατα...
§ 81 comma post ἐδείμασθε positum deleo.
§ 84 lego <ὡς> οὐδέλις...
§ 86 pro κενώσαντες lego κινίσαντες.
§ 101 post κόψαντες suppleo ὥστε, comma post ποταμούς positum deleo; pro κόψαντες fortasse legendum est ἐκκόψαντες.
-

ЛУКІАНЪ.

Какъ надо писать исторію?

СЪ ГРЕЧЕСКАГО ПЕРЕВЕЛЪ

А. МАРТОВЪ.

НЪЖИНЪ

Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.

1907.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельке*.

Предисловіе.

„Le petit livre de Lucien n'instruit pas seulement, c'est encore un chef-d'oeuvre de plaisanterie élégante et fine, qui charme tous les hommes de goût“—таковъ отзывъ извѣстнаго французскаго критика *Egger* (Essai sur l'histoire de la critique chez les Grecs, p. 282) о произведеніи, русскій переводъ котораго нынѣ въ первый разъ появляется въ печати. Въ этомъ-же родѣ, только еще полнѣе, находимъ отзывъ объ этомъ произведеніи Лукіана у нѣмецкаго ученаго *Schmid'a*: „Man kann in der That keine schöneren und vernünftigeren Ratschläge über den Stil eines Geschichtswerkes geben: die Sache ist der feste Grund, aus welcher die Form hervorgewachsen muss, vom Gegenstand aus erhält der Stil Richtung und Massstab...“

Приведенныя слова названныхъ ученыхъ заключаютъ въ себѣ, правда, нѣсколько одностороннюю похвалу, такъ какъ касаются главнымъ образомъ одной только формальной стороны даннаго произведенія; но не смотря на всю свою односторонность эти отзывы представляются намъ гораздо болѣе правильными, чѣмъ строгій приговоръ *Christ'a* (Geschichte der griech. Literatur⁴, p. 775), утверждающаго, что сочиненіе Лукіана Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν „enthält nichts, was sich über die alltäglichsten Gemeinplätze erhebe“.

Выпуская въ настоящее время одинъ лишь переводъ этого произведенія, мы надѣемся въ непродолжительномъ времени напечатать къ нему введеніе и примѣчанія, чего не могли сдѣлать теперь, по причинамъ, отъ насъ не зависящимъ.

Переводъ исполненъ нами преимущественно по изданію *I. Sommerbrodt'a* (Ausgewählte Schriften des Lucian. Berlin 1878).

ЛУКІАНЪ.

Какъ надо писать исторію?

1. Рассказываютъ, мой милый Филонъ, что въ правленіе Лиси-маха жителями города Абдеры овладѣла такого рода болѣзнь: сначала всѣ они поголовно, съ перваго-же дня, страдали весьма сильной и упорной лихорадкой, а на седьмой день у однихъ появилось сильное кровотеченіе изъ носа, у другихъ обильный потъ; лихорадка прекратилась, но послѣ нея осталась у нихъ какое-то ненормальное состояніе: всѣ они помѣшались на трагедіи, говорили ямбами и кричали, а въ особенности декламировали монологи изъ Еврипидовой Андромеды и повторяли поочередно слова Персея. Словомъ, весь городъ былъ наполненъ блѣдными и исхудалыми людьми, превратившимися на седьмой день въ трагиковъ.

„О Эроть, владыка боговъ и людей“

и тому подобное выкрикивали они громогласно и часто, до тѣхъ поръ, пока зима и наступившій сильный холодъ не положили предѣла ихъ болтовнѣ. Поводъ къ такому увлеченію, по моему мнѣнію, далъ имъ славившійся въ то время трагическій актеръ Архелай, который (однажды), среди лѣта и въ сильную жару, такъ сыгралъ имъ Андромеду, что большинство изъ нихъ послѣ этого представленія заболѣло лихорадкой. Поправившись затѣмъ, они всѣ ударились въ трагедію, такъ какъ фантазія ихъ сильно занята была Андромедой и у каждаго въ мысляхъ вертѣлся Персей съ головой Медузы.

2. Сравнивая теперь, какъ говорится, одно съ другимъ, я нахожу что это увлеченіе абдеритовъ и въ наше время охватило весьма многихъ изъ образованныхъ людей, не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы они сдѣлались трагиками—это было бы еще небольшимъ безуміемъ

съ ихъ стороны, такъ какъ они тогда одержимы были бы только чужими и при томъ недурными ямбами—, но въ томъ, что со времени событій нашихъ дней—войнъ съ варварами, пораженія въ Арменіи и сплошныхъ побѣдъ нашихъ—у насъ нѣтъ человѣка, который бы не писалъ исторіи, а скорѣе всѣ у насъ стали Фукидидами, Геродотами и Ксенофонтами, такъ что, повидимому, дѣйствительно истиннымъ было изреченіе: „Война—мать всѣхъ вещей“, разъ она однимъ лишь ударомъ породила столь много историковъ.

3. И вотъ, присматриваясь ко всему этому, мой другъ, и слыша объ этомъ, я вспомнилъ объ извѣстномъ всѣмъ поступкѣ синопейца. Именно, когда разнеслась молва, что Филиппъ уже приближается, всѣми коринейцами овладѣло безпокойство и всѣ они принялись за дѣло: одинъ приготавливалъ оружіе, другой приносилъ камни, третій исправлялъ стѣны, четвертый укрѣплялъ брустверы, словомъ—каждый помогаль, гдѣ могъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ. Діогенъ же, присматриваясь лишь ко всему этому и не имѣя никакого занятія, такъ какъ его услугами никто не пользовался, препоясалъ, наконецъ, свой плащъ и съ великимъ усердіемъ сталъ катать бочку, въ которой онъ въ то время жилъ, вверхъ и внизъ по Кранею. На вопросъ одного знакомаго: „Что ты это дѣлаешь, Діогенъ?“ Онъ лишь отвѣтилъ: „Свою бочку катаю, дабы не казаться празднымъ среди столь многихъ работающихъ“.

4. Точно такъ-же и я, Филонъ, дабы не быть безгласнымъ въ наше многоглаголивое время и дабы не оставаться незамѣченнымъ—съ разинутымъ ртомъ и безмолвствуя, подобно статистамъ въ комедіи—, счелъ за хорошее дѣло, по мѣрѣ силъ моихъ покатать бочку, не съ тѣмъ, конечно, чтобы самому написать исторію или изложить какія-нибудь событія; я вѣдь не настолько отваженъ и бояться тебѣ отъ меня этого нечего. Къ тому-же мнѣ хорошо извѣстно, какая опасность грозила бы тому, кто сталъ бы скатывать бочку съ утеса,—особенно такой непрочно сдѣланный изъ глины боченокъ, каковымъ является мой; при первомъ соприкосновеніи его съ малѣйшимъ камешкомъ сейчасъ-же пришлось бы собирать черепки.

Итакъ, я сообщу тебѣ, на что я рѣшился и какимъ образомъ я, безъ всякой опасности для себя, стоя самъ внѣ выстрѣла, намѣренъ участвовать въ нынѣшней войнѣ. Вдали „отъ дыма и морского волненія“ и заботъ, присущихъ историографіи—отъ нея я благоразумно воздержусь—хочу я дать небольшое наставленіе и нѣсколько совѣтовъ историкамъ, чтобы такимъ образомъ быть соучастникомъ въ ихъ постройкѣ, если и не въ качествѣ архитектора, то, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ рабочаго.

5. Большинство историковъ, правда, того мнѣнія, что они въ своемъ дѣлѣ столь-же мало нуждаются въ наставленіи, сколько въ какомъ-нибудь руководствѣ при хожденіи, смотрѣніи и ѣдѣ. По ихъ мнѣнію, писать исторію—дѣло въ высшей степени легкое и обыкновенное, за которое можетъ взяться всякій, если только онъ въ состояніи излагать то, что ему забредетъ на умъ. А между тѣмъ тебѣ, мой другъ, извѣстно, до какой степени это дѣло трудное и не поддающееся поверхностной работѣ, а напротивъ, требующее большой старательности,—не менѣе любой другой отрасли литературы,—если только, говоря словами Фукидида, хочешь создать „нѣчто вѣчное“. При томъ я хорошо знаю, что (своими совѣтами) я лишь очень немногихъ исправлю, а инымъ покажусь даже человѣкомъ несноснымъ, особенно тѣмъ, которые уже окончили и выпустили въ свѣтъ свою исторію; а если она уже удостоилась даже похвалы со стороны слушателей, то съ моей стороны было бы прямо безуміемъ надѣяться, что они хоть что-нибудь передѣлаютъ или измѣняютъ изъ того, что уже разъ получило санкцію и, такъ сказать, хранится въ дворцахъ императора. Однако, и для нихъ, я думаю, мои совѣты не будутъ совершенно неумѣстными. Вѣдь, въ случаѣ возникновенія какой-нибудь новой войны—между кельтами и гетами или индійцами и бактрійцами—противъ насъ, вѣдь, едва-ли кто рѣшится выступить, такъ какъ мы уже всѣхъ ихъ укротили,—они могли бы создать что-нибудь получше, пользуясь моимъ руководствомъ, если, конечно, оно покажется имъ правильнымъ. Въ противномъ же случаѣ пускай они тою-же мѣркою, какъ и теперь, измѣряютъ свою работу; а врачъ не очень-то огорчится, если всѣ абдериты по доброй волѣ будутъ изображать Андромеду.

6. Такъ какъ обязанность совѣтчика дѣло двоякое, а именно, научить, чему слѣдуетъ отдавать предпочтеніе и чего избѣгать, то и я сначала укажу на то, чего долженъ избѣгать историкъ и отъ чего болѣе всего воздерживаться, а затѣмъ укажу примѣры, пользуясь которыми онъ не собьется съ правильнаго и ведущаго прямо къ цѣли пути,—а именно: съ чего онъ долженъ начинать, въ какомъ порядкѣ приводить факты, что проходить молчаніемъ, на чемъ останавливать свое вниманіе, о чемъ упоминать лишь вскользь и какъ излагать и соединять части въ одно гармоническое цѣлое. Впрочемъ, объ этомъ и другихъ подобныхъ вопросахъ мною будетъ сказано ниже. Теперь же я упомяну о недостаткахъ, свойственныхъ плохимъ историкамъ. Что же касается общихъ для всѣхъ литературныхъ произведеній погрѣшностей противъ языка, гармонической связи и основной мысли, а равно и недостатка въ техникѣ вообще, то распространяться здѣсь объ этомъ было бы слишкомъ долго, да это и не относится специально

къ моей темѣ, такъ какъ погрѣшности противъ языка и гармонической связи, какъ я уже замѣтилъ, являются общими для всѣхъ видовъ литературныхъ произведеній.

7. Какъ много промаховъ дѣлается въ историческихъ произведеніяхъ, въ этомъ ты могъ бы убѣдиться при ближайшемъ наблюденіи не хуже меня—я же не разъ убѣждался въ этомъ во время публичныхъ чтеній,—въ особенности, если бы ты сталъ выслушивать всѣхъ безъ исключенія. Но пока, я думаю, умѣстно будетъ привести здѣсь, ради примѣра, хоть нѣсколько промаховъ изъ уже существующихъ историческихъ произведеній подобнаго сорта. Разсмотримъ сначала слѣдующій, весьма значительный промахъ (у нашихъ историковъ). Дѣло въ томъ, что большинство изъ нихъ, не заботясь объ изложеніи самихъ фактовъ, удѣляютъ много времени прославленію правителей и полководцевъ, при чемъ своихъ возносятъ до небесъ, а враговъ унижаютъ паче мѣры. Они, повидимому, даже не подозреваютъ, что историческое повѣствованіе отдѣляется отъ похвальнаго слова не какимъ-нибудь узкимъ перешейкомъ, а великой горой и что онѣ, выражаясь языкомъ музыкантовъ, отстоятъ другъ отъ друга на цѣлыхъ двѣ октавы. Вѣдь если панегиристъ озабоченъ единственно лишь тѣмъ, какъ бы ему получше прославить и доставить удовольствіе воспѣваемому имъ герою—даже если ему для этого пришлось бы солгать,—историкъ, напротивъ, не долженъ терпѣть даже малѣйшей примѣси лжи, точно такъ-же, какъ дыхательный каналъ, по словамъ врачей, не въ состояніи удержать внутри себя какой-нибудь попавшій въ него предметъ.

8. Кромѣ того, этимъ историкамъ, повидимому, неизвѣстно, что у поэзи и поэтическихъ произведеній задачи и законы одни, а у исторіи—другіе. У первыхъ неограниченная свобода и одинъ лишь законъ—произволь поэта. А такъ какъ поэтъ одержимъ божествомъ и вдохновенъ Музами, то на него никто и не разсердится, если ему вадумается запрячь въ колесницу крылатыхъ коней или заставить ихъ нестись то по волнамъ, то по верхушкамъ колосевъ. Или же, когда ихъ Зевсъ на одной только цѣпи поднимаетъ на воздухъ всю землю и море, никто и не думаетъ бояться, какъ бы эта цѣпь не порвалась и какъ бы вслѣдствіе этого не расшиблось все висящее на ней. Равнымъ образомъ, когда они принимаютъ воспѣвать Агамемнона, никто имъ не мѣшаетъ изобразить его съ головой и глазами Зевса, съ грудью брата его, Посейдона, и со станомъ Ареса и изъ сложенныхъ такимъ образомъ во-едино боговъ создать сына Атрея и Европы. Вѣдь для того, чтобы во всей полнотѣ представить его красоту, недостаточно одного Зевса или Посейдона или Ареса! А

если бы исторія позволила себѣ такого рода лесть, то что иное представила бы она, какъ не поэзію въ прозѣ, лишенную ея звучности и тѣмъ ярче обнаруживающую свою баснословность, не прикрытую стихами.

Поэтому великая или, лучше сказать, очень великая бѣда заключается въ томъ, если кто не умѣетъ различать исторію отъ поэзіи и если онъ въ первую вноситъ прикрасы, миѳы, похвалы и преувеличенія, свойственныя второй, подобно тому, какъ если бы кто задумалъ нарядить въ пурпуровое платье и всю прочую мишуру гетерьъ крѣпкаго, словно дубъ, атлета и сталъ бы красить ему лицо румянами и бѣлилами; о Гераклѣ, какимъ бы онъ сдѣлалъ его смѣшнымъ, обезобразивъ его этимъ нарядомъ!

9. Этимъ, однако, я вовсе не хочу сказать, что въ историческихъ произведеніяхъ вообще не слѣдуетъ высказывать похвалу. Нужно только дѣлать это въ надлежащемъ мѣстѣ и съ соблюденіемъ извѣстной мѣры, дабы это не казалось противнымъ для будущихъ читателей. Въ этомъ отношеніи, какъ мною будетъ показано немного ниже, вообще слѣдуетъ руководствоваться мнѣніемъ будущихъ поколѣній. Что же касается тѣхъ, которые, по своему мнѣнію, очень умно различаютъ въ исторіи пріятное и полезное и соотвѣтственно этому вносятъ въ исторію похвальныя рѣчи, какъ нѣчто пріятное и развлекающее читателя, то для тебя не тайна, какъ сильно они (въ этомъ случаѣ) грѣшатъ противъ истины. Во-первыхъ, такое различеніе не правильно. Вѣдь, единственная задача и цѣль исторіи заключается въ ея полезности, которая, въ свою очередь, достигается исключительно путемъ истины. Если же сюда присоединяется еще и пріятное, то тѣмъ лучше, подобно тому, какъ и красота нисколько не вредитъ атлету. Въ противномъ же случаѣ ничто, напримѣръ, не мѣшаетъ Никострату, сыну Исидота, человѣку благороднаго происхожденія и превосходящаго всѣхъ своихъ противниковъ силою, считаться преемникомъ Геракла, даже если бы у него была самая безобразная наружность и его противникомъ выступилъ бы красивый уроженецъ города Милета Алкей, котораго многіе считаютъ его любимцемъ. Точно такъ-же и исторія (безъ сомнѣнія) привлекла бы большое количество почитателей, если бы она между прочимъ заключала въ себѣ и пріятное; но до тѣхъ поръ, пока она всецѣло будетъ выполнять настоящую свою задачу—я разумѣю раскрытіе истины—ей лишь мало придется заботиться о красотѣ.

10. Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить еще и то, что совершенно баснословные рассказы и хвалебныя рѣчи въ исторіи вовсе не представляютъ чего-либо пріятнаго, а напротивъ, являются въ высшей степени

противными,—какъ въ ту, такъ и въ другую сторону—если, конечно, имѣть въ виду не сбродъ какой-нибудь или толпу, а слушателей, относящихся къ дѣлу подобно судьямъ или даже, наконецъ, подобно сикофантамъ. Отъ такихъ людей ничто не въ состояніи ускользнуть. Обладая зрѣніемъ, болѣе острымъ, чѣмъ Аргусъ, имѣя глаза повсюду, они, какъ мѣняли монету, взвѣшиваютъ каждое слово, готовые сейчасъ-же отбросить въ сторону все неточное и принять только неподдѣльное, справедливое и имѣющее настоящую чеканку. Имѣя въ виду только такихъ людей и слѣдуетъ писать исторію, а на остальныхъ обращать вниманіе незачѣмъ, даже если бы они хваля лопались съ натуги. Если же ты, пренебрегши первыми, станешь уснащать исторію мифами, прославленіями и всякою лестью, то этимъ ты только скорѣе уподобишь ее Гераклу въ Лидіи. Вѣдь ты, должно быть, гдѣ-нибудь уже видѣлъ картину, на которой онъ, одѣтый въ странный нарядъ, прислуживаетъ Омфалъ, которая, накинувъ на себя его львиную шкуру, держитъ въ рукѣ его дубину, словно она сама—Гераклъ; онъ же, нарядившись въ женское платье шафрановаго и пурпуроваго цвѣта, расчесываетъ шерсть, получая отъ Омфалы удары сандаліей, при чемъ—о позорное зрѣлище!—платье у него не пристаётъ, а, напротивъ, отстаетъ отъ тѣла, придавая позорный и ианъженный видъ всей мужественной фигурѣ героя.

11. Возможно, конечно, что толпа похвалитъ у тебя и подобныя вещи; но тѣ образованные люди, которыми ты пренебрегъ, только отъ души и до-сыта будутъ смѣяться при видѣ несообразности, нескладности и неясности твоего произведенія. Вѣдь каждой вещи свойственна какая-нибудь одна, принадлежащая лишь ей одной красота, а если перенести ее на другую вещь, то эта послѣдняя именно вслѣдствіе этого становится некрасивой. Впрочемъ, я охотно соглашаюсь, что похвальныя рѣчи, быть можетъ, доставляютъ удовольствіе лицу восхваляемому; остальнымъ же онъ противенъ, особенно, если онъ содержитъ въ себѣ такія чудовищныя преувеличенія, каковыя позволяютъ себѣ большинство нашихъ историковъ, гонящихся за благоволеніемъ воспѣваемыхъ ими лицъ и расточающихъ эти похвалы до тѣхъ поръ, пока каждому станетъ очевидной ихъ лесть. Вѣдь эти люди не умѣютъ дѣлать это искусно и даже не скрываютъ своей лести, а, напротивъ, берутся за дѣло неумѣло и безъ разбору повѣствуютъ о вещахъ невѣроятныхъ и лишенныхъ всякой правды.

12. Такимъ образомъ они не достигаютъ даже той цѣли, къ которой сами болѣе всего стремились. Вѣдь тѣ, которыхъ они воспѣваютъ, сами-же ихъ ненавидятъ и благоразумно отъ нихъ отворачиваются, какъ отъ льстецовъ, въ особенности, если они люди со

здравымъ смысломъ. Такъ, напримѣръ, Александръ, когда Аристокбуль, написавшій сочиненіе о единоборствѣ между Александромъ и Поромъ, сталъ читать ему какъ разъ это мѣсто изъ своего сочиненія, разсчитывая, конечно, болѣе всего угодить царю, присочиняя ему нѣкоторые подвиги и придумывая дѣянія, превосходящія дѣйствительность,—то Александръ вырвалъ у него книгу и бросилъ ее прямо въ воду—они какъ разъ въ это время ѣхали по рѣкѣ Гидаспу—при чемъ прибавилъ: „Такъ слѣдовало бы поступить и съ тобою, Аристокбуль, за то, что ты меня заставляешь участвовать въ такомъ состязаніи и убивать слоновъ при помощи одного лишь дротика“. Понятно, что подобная вещь должна была вызывать негодованіе у Александра, который, какъ извѣстно, не вынесъ дерзости одного архитектора, обѣщавшаго ему превратить Аѳонскую гору въ статую, изображающую царя; узнавъ въ немъ сейчасъ-же льстеца, онъ (съ тѣхъ поръ) пересталъ привлекать его къ какимъ бы то ни было работамъ.

13. Итакъ, гдѣ же тутъ пріятное? Развѣ только какой-нибудь совершенно безумный человѣкъ сочтетъ пріятными похвалы, которыя тутъ-же, немедленно, могутъ быть опровергнуты. Бываетъ, что люди некрасивые, въ особенности женщины, просятъ живописцевъ нарисовать ихъ какъ можно красивѣе, воображая, что самая наружность ихъ сдѣлается красивѣе, если живописецъ ихъ лицу придастъ больше румянца и прибавитъ ему больше бѣлизны. Совершенно такъ-же поступаетъ и большинство историковъ, заботящихся лишь о настоящемъ и о личныхъ своихъ выгодахъ, которыя они надѣются извлечь изъ исторіи. Такихъ людей не грѣхъ ненавидѣть, такъ какъ для своихъ современниковъ они являются явными и неискусными льстецами, а для будущихъ поколѣній они такими преувеличеніями дѣлаютъ свои историческія произведенія подоарительными. Если же кто того мнѣнія, что въ исторіи непременно должно встрѣчаться и пріятное, то (ему не слѣдуетъ забывать, что) въ красотахъ ея изложенія содержится множество другихъ прелестей, которыми большинство историковъ, однако, пренебрегаетъ, включая въ нее вещи, совершенно къ ней не идущія.

14. Приведу теперь—насколько припомню—нѣсколько примѣровъ изъ сочиненій историковъ, излагающихъ нынѣшнюю войну, которыхъ я недавно самъ слушалъ въ Іоніи и, клянусь Зевсомъ, очень недавно—въ Ахаіи. При этомъ, прошу именемъ Харитъ, пусть никто не сомнѣвается въ правдивости моихъ словъ; въ истинности ихъ я могъ бы даже поклясться, если бы вообще принято было включать клятвы въ сочиненія.

Итакъ, одинъ изъ нихъ свое произведеніе сразу-же началъ съ Музъ, призывая этихъ богинь къ содѣйствию въ его литературномъ трудѣ. Ты видишь уже, какъ пристойно это начало и какъ оно подходитъ къ исторіи и подобнаго рода произведеніямъ вообще! Затѣмъ, немного ниже, онъ сравнивалъ нашего государя съ Ахиллесомъ, а царя персидскаго съ Ферситомъ, не подозревая, что гораздо величественнѣе оказался бы его Ахиллесъ, если бы онъ, вмѣсто Ферсита, одолѣлъ Гектора и если бы

„Сильный бѣжалъ впереди, но преслѣдовалъ много сильнѣйшій“. Далѣе, онъ ввелъ нѣкоторую похвалу самому себѣ, указывая на то, какъ именно онъ достоинъ быть повѣствователемъ столь славныхъ дѣяній. Послѣ этого онъ сталъ восхвалять свой родной городъ Милетъ, прибавивъ, что онъ куда лучше поступаетъ, чѣмъ Гомеръ, который даже не упомянулъ о своей родинѣ. Наконецъ, въ концѣ своего введенія онъ ясно и опредѣленно обѣщалъ, что будетъ прославлять всѣ наши дѣла, а на варваровъ нападать, сколько хватитъ силъ. Начать же онъ свою исторію, объясняя причины возникновенія настоящей войны, слѣдующими словами: „Нечестивѣйшій Вологезъ, достойный наихудшей участи, началъ войну по слѣдующему поводу“. Такъ писалъ этотъ историкъ. 15. Другой, великій поклонникъ Фукидида, отлично подражавшій своему образцу, началъ свое сочиненіе, какъ тотъ, съ упоминанія своего собственнаго имени. Начало, какъ видишь, самое прелестное и пахнущее аттическимъ оиміаномъ! Послушай только: „Креперей Кальпурніанъ, гражданинъ города Помпейополя, описалъ войну парянъ и римлянъ, какъ они воевали другъ съ другомъ, начавъ свое сочиненіе съ самаго момента возникновенія этой войны“. Послѣ такого начала мнѣ уже незачѣмъ говорить тебѣ объ остальномъ,—какую рѣчь, напримѣръ, онъ въ Арменіи держалъ передъ народомъ—,если сопоставить его съ извѣстнымъ Коркирейскимъ ораторомъ—,или откуда онъ вывелъ чуму для жителей города Низибиса, не принявшихъ сторону римлянъ. Все это онъ цѣликомъ позаимствовалъ у Фукидида, за исключеніемъ только Пелагикона и длинныхъ стѣнъ, гдѣ въ то время жили зачумленные. Въ остальномъ же и у него чума получила свое начало въ Эіопіи, оттуда перешла въ Египетъ и обширныя владѣнія персидскаго царя, гдѣ она,—къ счастью—и приостановилась. Покинувъ его еще при погребеніи аносчастливыхъ аеинянъ—въ Низибисѣ, я ушелъ, такъ какъ отлично зналъ, о чемъ онъ будетъ говорить послѣ моего ухода.

Но, помимо этого, въ наше время существуетъ весьма распространенное мнѣніе, что писать по-Фукидидовски значитъ писать его-же словами, съ незначительными лишь измѣненіями. Таковы краткіе обо-

роты, въ родѣ: „какъ ты и самъ сказалъ бы“ или „не по этой причинѣ“ или „клянусь Зевсомъ, я чуть-было не пропустилъ это“ и т. п. Тотъ-же историкъ называлъ римскими именами разнаго рода оружіе и машины, какъ, напримѣръ, ровъ, мостъ и др. Подумай только, какая это честь для исторіи и какъ это достойно Фукидида, когда рядомъ съ аттическими словами стоятъ подобнаго рода италійскія, украшающія, придающія блескъ и какъ нельзя болѣе подходящія, подобно пурпурной каймѣ!

16. Другой въ своемъ очеркѣ привелъ совершенно голый, сухой и жалкій перечень событій, словно его составилъ какой-нибудь солдатъ, отмѣчавшій ежедневныя происшествія, или плотникъ или маркитантъ, сопровождающій войско. Впрочемъ, этотъ невѣжда былъ гораздо скромнѣе другихъ, такъ какъ съ перваго-же взгляда ясно было, кто онъ такой; кромѣ того, онъ, вѣдь, приготовилъ работу другимъ, болѣе его образованнымъ и умѣющимъ справляться съ исторіею. Единственно только я не одобрялъ въ его сочиненіи того, что онъ отдѣльнымъ книгамъ далъ болѣе пышныя заглавія, чѣмъ стоило все его произведеніе: „Каллиморфа, врача шестой когорты кошьеносцевъ, исторія паренявъ“, при чемъ каждая книга обозначается цифрой. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ черезчуръ безжизненное введеніе, приходя въ немъ къ слѣдующему заключенію: будто писать исторію подобаетъ лишь врачу, такъ какъ де Асклепій былъ сыномъ Аполлона, а Аполлонъ—вождемъ Музъ и покровителемъ образованности вообще! При томъ онъ сначала писалъ на іонійскомъ діалектѣ, а затѣмъ, неизвѣстно, почему, вдругъ перешелъ на общій языкъ, такъ что рядомъ со словами: *ἡτραίη, κείρη, δόσσα* и *βοσσι* онъ употребляетъ выраженія обыкновеннаго разговорнаго языка, а весьма часто даже слова, употребительныя въ простонародѣ.

17. Если ужъ нужно, чтобы я здѣсь упомянулъ и о философѣ, то пусть имя его останется въ неизвѣстности. Скажу только (нѣскольکو словъ) объ его образѣ мыслей и о вышедшемъ недавно въ Коринѣ сочиненіи его, превзошедшемъ всѣ ожиданія. Въ самомъ началѣ, въ первомъ-же періодѣ своего введенія, онъ поставилъ своимъ читателямъ вопросъ, стараясь доказать имъ весьма мудрое положеніе, будто писать исторію надлежитъ однимъ лишь философамъ. Затѣмъ, немного ниже, слѣдуетъ другой силлогизмъ, потомъ третій и т. д. Словомъ все его введеніе состоитъ изъ силлогизмовъ всѣхъ категорій. При томъ лезть у него занимаетъ преобладающее мѣсто, а похвальныя рѣчи доведены до пошлости и прямо до смѣшнаго, и все это такъ-же въ видѣ силлогизмовъ и вопросовъ! Точно такъ-же пошлымъ и менѣе всего достойнымъ философа, имѣющаго

уже длинную и съдую бороду, показалось мнѣ въ его введеніи заявленіе, будто преимущество нашего государя передъ другими заключается уже въ томъ, что его дѣянія сочли достойными описанія даже философы. Объ этомъ, если оно вообще требовало упоминанія, ему слѣдовало бы предоставить судить намъ, а не говорить самому.

18. Было бы грѣшно, не упомянуть здѣсь и о другомъ историкѣ, который свое сочиненіе началъ слѣдующими словами: „Я намѣренъ говорить о римлянахъ и персахъ“ и, немного ниже, „Персы должны были потерпѣть неудачу“ или „То былъ Осрой, котораго эллины называютъ Оксироемъ“ и т. п. Ты видишь, конечно, какъ они похожи другъ на друга, съ тою лишь разницею, что одинъ превосходно копируетъ Фукидида, а другой—Геродота.

19. Еще другой историкъ, прославившійся силою своего краснорѣчія и также оказавшійся Фукидидомъ или даже лучше его, описывалъ всѣ города, горы, равнины и рѣки—съ величайшей, по его мнѣнію, ясностью и силой. Пускай обрушилъ бы это сей бѣдоборецъ на головы враговъ! Сколько было здѣсь холоду,—холодище каспійской зимы и кельтійскихъ льдовъ! Для описанія щита нашего императора ему едва хватило одной книги: тутъ, на выпуклости щита, и Горгона и глаза ея, темносиняго, бѣлаго и чернаго цвѣтовъ, и поясъ всѣхъ цвѣтовъ радуги и драконы, извивающіеся какъ локоны! А затѣмъ еще шаровары Вологеза или узда его лошади! Боже мой, какое безконечное количество строкъ (понадобилось) для каждаго изъ нихъ! Наконецъ описаніе цвѣта волосъ Осроя, переплывающаго рѣку Тигръ и изображеніе пещеры, въ которой онъ нашелъ убѣжище и надъ которой срѣсшіяся вѣтви плюща, мирта и лавра обраовали настоящую крышу! Ты видишь, какъ все это необходимо для исторіи и какъ безъ того мы, пожалуй, даже не знали бы, что тамъ происходило!

20. Будучи безсильны дать что-нибудь полезное и не умѣя сдѣлать надлежащаго выбора, они обращаются къ такого рода описаніямъ мѣстностей и пещеръ, а когда имъ встрѣтится богатый и важный матеріалъ, они дѣлаются похожими на недавно разбогатѣвшаго раба, только-что получившаго наследство отъ своего господина: онъ ни плаща своего, какъ слѣдуетъ, надѣтъ не умѣетъ, ни пообѣдать, какъ полагается; напротивъ, затрудняясь нерѣдко при видѣ лежащихъ передъ нимъ блюдъ изъ птичьяго, свиного и заячьяго мяса, онъ нажрется какойнибудь кашни или солонины, такъ что чуть не лопнетъ.

Тотъ-же историкъ, о которомъ я только-что упомянулъ, рассказываетъ еще о весьма невѣроятныхъ пораненіяхъ и необычайныхъ видахъ смерти. Такъ, напримѣръ, у него одинъ, получивъ рану въ большой палецъ ноги, немедленно скончался, а отъ одного крика легата

Приска упали въ обморокъ двадцать семь непріятелей! Кромѣ того онъ привиралъ и въ сообщеніяхъ о числѣ убитыхъ и при томъ вопреки свѣдѣніямъ въ донесеніяхъ самихъ полководцевъ. Такъ, напримѣръ, (въ битвѣ) у города Европа со стороны непріятелей пало, будто бы, 370206 человекъ, а у римлянъ оказалось лишь двое убитыхъ и девять раненыхъ! Съ подобной вещью, мнѣ кажется, едва-ли кто въ состояніи примириться!

21. Далѣе, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о слѣдующемъ, не-маловажномъ обстоятельстве. Дѣло въ томъ, что этотъ-же историкъ, желая быть чистѣйшимъ антикистомъ и заботясь о безукоризненности языка, счелъ нужнымъ передѣлывать римскія имена и придавать имъ греческую форму, такъ что вмѣсто „Сатурнинъ“ онъ говорилъ „Кроніосъ“, вмѣсто „Фронтонъ“—„Фронтисъ“, вмѣсто „Титіанъ“—„Титаніосъ“ и еще многое другое, что гораздо смѣшнѣе этого. По поводу смерти Северіана этотъ-же историкъ сообщаетъ, будто всѣ другіе (историки) сильно ошибаются, думая, что онъ умеръ отъ меча; на самомъ дѣлѣ этотъ человекъ умеръ де съ голоду, такъ какъ этотъ родъ смерти онъ считалъ наименѣе тягостнымъ. Этотъ историкъ (повидимому) не знаетъ, что всѣ страданія Северіана продолжались всего лишь, если не ошибаюсь, три дня и что большинство людей безъ пищи можетъ прожить даже семь дней. Остается развѣ только предположить, что Осрой стоялъ и ждалъ, когда съ голоду помретъ Северіанъ и только поэтому не повелъ противъ него своего войска въ продолженіе семи дней!

22. Затѣмъ, что мнѣ сказать, любезный Филонъ, относительно лицъ, пользующихся въ историческихъ произведеніяхъ поэтическими выраженіями? Напримѣръ: „Шевельнулась осадная машина и съ грохотомъ рухнула стѣна“—или въ другомъ мѣстѣ того-же славнаго сочиненія—„Такъ кругомъ Эдессы бряцало оружіе, отовсюду доносился шумъ и гулъ“ или „Вождь думалъ крѣпкую думу, какъ бы лучше всего подвести свое войско къ городской стѣнѣ“. Рядомъ съ такими оборотами попадаются многія простыя, народныя и даже нищенскія выраженія, въ родѣ: „Начальникъ лагеря отписалъ, государю“ или „Солдаты покупали себѣ поѣсть“ или „Выкупавшись они занялись самими собою“ и т. п. Словомъ, все это походитъ на трагическаго актера, у котораго одна нога въ высокомъ котурнѣ, а другая въ сандалиі.

23. Есть, однако, и такіе историки, которые (къ своимъ сочиненіямъ) пишутъ блестящія, напыщенныя и черезчуръ пространныя введенія, такъ что иной, пожалуй, станетъ ожидать послѣ всего этого услышать самыя изумительныя вещи. На дѣлѣ же самое содер-

жаніе ихъ исторіи до того ничтожно и жалко, что все произведеніе походитъ на ребенка—ты, вѣроятно, гдѣ-нибудь уже видѣлъ играющаго Эроса, напаяливаго себѣ на голову огромную маску Геракла или Пана. (Не удивительно) поэтому, что слушатели имъ сейчасъ-же преподносятъ извѣстное: „гора рожала!“ Вѣдь (въ историческомъ произведеніи), мнѣ кажется, все должно быть соразмѣрно и однородно и и головѣ должно соотвѣтствовать все остальное тѣло, дабы не оказалось, что шлемъ сдѣланъ изъ золота, панцырь, словно для смѣху, шить изъ какихъ-то тряпокъ и лоскутковъ гнилой кожи, щитъ—изъ ивовыхъ прутьевъ, а сапоги изъ свиной кожи.

Такихъ историковъ, приставляющихъ голову Родосскаго колосса къ ничтожному туловищу, ты встрѣтишь въ большемъ количествѣ, а съ другой стороны найдешь и такихъ, которые, наоборотъ, выводятъ на сцену туловище безъ головы, т. е. безъ всякаго введенія сейчасъ-же приступаютъ къ самому сюжету, присоединяясь (такимъ образомъ) къ Ксенофону, начинающему со словъ: „У Дарія и Парисатиды было два сына“ и къ многимъ другимъ древнимъ авторамъ. Они (очевидно) не знаютъ, что „введеніемъ“ по существу является часто то, что весьма многими за таковое не признается,—какъ мною будетъ показано въ другомъ мѣстѣ.

24. Впрочемъ, все это еще сносно, пока дѣло касается только погрѣшностей противъ слога и общаго построенія. Но когда историки даютъ ложныя сообщенія относительно мѣстностей, ошибаясь при томъ не только на парасанги, но даже на цѣлые дневные переходы, то это становится уже ни на что не похожимъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, никогда не видѣвшій сирійца и, какъ говорится, даже въ цырульнѣ не слышавшій разговоръ по этому поводу, съ такой небрежностью состряпалъ свое сочиненіе, что о городѣ Европъ повѣствовалъ слѣдующее: „Городъ Европъ расположенъ въ Месопотаміи, на разстояніи двухъ дневныхъ переходовъ отъ рѣки Евфрата и представляетъ собою колонію города Эдессы“. Въ той-же книгѣ этотъ славный историкъ даже мой родной городъ Самосаты поднимаетъ съ своего мѣста, вмѣстѣ съ акрополемъ и стѣнами, и переноситъ въ Месопотамію, помѣщая его между обѣихъ рѣкъ, которыя (такимъ образомъ) близко подходятъ къ нему съ двухъ сторонъ и чуть-ли не омывають его стѣны. Было бы смѣшно, если бы я здѣсь сталъ доказывать тебѣ, что я не парѣянинъ и не месопотамецъ, среди которыхъ угодно было поселить меня этому чудаку!

25. Полнаго довѣрія заслуживаетъ, несомнѣнно, и то, что объ (упомянутомъ выше) Северіанѣ передавалъ тотъ-же историкъ, поклявшись, что онъ это узналъ отъ одного изъ участниковъ въ бѣгствѣ

послѣ той-же битвы. Оказывается, что Северіанъ не хотѣлъ умереть отъ меча или яда или петли, а придумалъ себѣ необычайный и трагическій родъ смерти. Дѣло въ томъ, что случайно при немъ оказалось два стеклянныхъ кубка очень большого размѣра, сдѣланные изъ прекраснѣйшаго стекла, и такъ какъ онъ твердо рѣшилъ покончить съ собою, то, разбивши бѣльшій изъ этихъ бокаловъ, однимъ осколкомъ его воспользовался для того, чтобы перерѣзать себѣ горло. Такимъ образомъ не нашлось у него даже меча или копья, чтобы умереть смертью, достойною мужчины и героя!

26. Далѣе, такъ какъ у Фукидида имѣется надгробная рѣчь въ память первыхъ павшихъ въ (пелопоннеской) войнѣ, то и онъ счелъ нужнымъ сказать надгробное слово Северіану. Вѣдь у всѣхъ этихъ историковъ замѣчается постоянное соревнованіе съ Фукидидомъ, хотя онъ ничѣмъ не повиненъ въ неудачахъ, постигшихъ насъ въ Арменіи! И такъ, устроивъ Северіану пышные похороны, онъ возводитъ на его могилу нѣкоего сотника Афранія Силона—соперника Перикла—и заставляетъ его ораторствовать такъ сильно и трогательно, что я, клянусь Харитами, горько заплакалъ—со смѣху,—особенно, когда этотъ ораторъ Афраній, уже въ концѣ своей рѣчи, со слезами и жалобными причитаніями сталъ припоминать великолѣпныя пиршества и попойки покойника. Наконецъ, онъ завершаетъ все это сценой, напоминающей смерть Аякса: обнаживъ мечъ—со всѣмъ благородствомъ, подобающимъ Афранію—онъ на глазахъ у всѣхъ закалываетъ себя на этомъ-же могильномъ курганѣ. И по дѣломъ ему, клянусь Эньюліемъ! Было бы даже лучше, если бы онъ умеръ еще до своей рѣчи! „А всѣ присутствующіе“—замѣчаетъ нашъ историкъ—„при видѣ этого были поражены и превозносили до небесъ Афранія“. Я же, осуждая вообще всю рѣчь, въ которой онъ упомянулъ чуть-ли не о всѣхъ похлебкахъ и блюдахъ, проливая слезы при одномъ воспоминаніи о пирожкахъ, въ особенную вину поставилъ ему то, что онъ покончилъ съ собою, не заколовъ предварительно историка, давшего намъ эту сцену.

27. Такого рода историковъ, мой другъ, я могъ бы назвать тебѣ еще очень много, но не смотря на это я упомяну здѣсь лишь о нѣкоторыхъ, а затѣмъ перейду къ моему второму обѣщанію, т. е. къ совѣту, какъ лучше писать исторію.

Есть еще историки, которые совсѣмъ пропускаютъ или лишь вскользь упоминаютъ о великихъ и достопамятныхъ дѣяніяхъ и въслѣдствіе своего безвкусія и неумѣнія рѣшить, о чемъ слѣдуетъ упомянуть и о чемъ молчать, весьма краснорѣчиво и обстоятельно повѣствуютъ о ничтожнѣйшихъ вещахъ, тратя на это много времени, подобно тому, какъ если бы кто-нибудь, вмѣсто того, чтобы рассматри-

вать и расхваливать величественную красоту всей статуи Зевса въ Олимпіи и рассказывать о ней людямъ, еще не знающимъ этого, сталъ бы удивляться искусной отдѣлкѣ и полировкой ея подножія, а равно и симметріи ея фундамента и все это изображать съ величайшей подробностью.

28. Такъ, напримѣръ, я слушалъ одного, который всю битву у города Европа бѣгло изложилъ даже не въ полныхъ семи строкахъ, между тѣмъ какъ двадцать или даже болѣе мѣръ воды онъ потратилъ на безцвѣтное и совершенно для насъ не интересное повѣствованіе о томъ, какъ какой-то мавританскій всадникъ, по имени Мавсакъ, мучимый жаждой, блуждалъ въ горахъ и наткнулся на какихъ-то сирійскихъ крестьянъ, приготовляющихъ себѣ завтракъ, и о томъ, какъ они сначала его боялись, а затѣмъ, узнавъ, что онъ имъ не врагъ, приняли его и угостили; оказалось, что одинъ изъ нихъ случайно самъ бывалъ въ Мавританіи, такъ какъ въ этой странѣ несъ военную службу его братъ. Далѣе слѣдуютъ длинные рассказы и повѣствованія о томъ, какъ онъ ходилъ на охоту въ Мавританіи, какъ онъ видѣлъ стадо слоновъ, которые паслись въ одномъ мѣстѣ, какъ онъ едва не былъ съѣденъ львомъ и какихъ громадныхъ рыбъ онъ купилъ себѣ въ городѣ Кесаріи. Опустивъ, такимъ образомъ, происходившія у Европа значительныя сраженія, конныя атаки, невольное перемиріе и принятія съ обѣихъ сторонъ мѣры предосторожности, этотъ удивительный историкъ до поздняго вечера просидѣлъ у сирійца Мальхіона въ Кесаріи, любуясь, какъ онъ за безцѣнокъ закупаетъ огромныхъ морскихъ лещей, и если бы его не застигла ночь, онъ безъ сомнѣнія (тутъ-же) поужиналъ бы съ нимъ изготовленными лещами. Если бы эти подробности не были старательно занесены въ исторію, мы, надо полагать, ничего не знали бы о важныхъ событіяхъ и потерѣ для римлянъ была бы безмѣрна, если бы жаждущій мавританецъ Мавсакъ ничего не нашелъ для питья и безъ обѣда долженъ былъ бы возвратиться въ свой лагерь! При этомъ, однако, я нарочно опускаю здѣсь многое другое, еще болѣе важное; напримѣръ, какъ изъ ближайшей деревни къ нимъ пришла флейтистка и какъ они другъ другу давали подарки—мавританецъ Мальхіону копье, а послѣдній Мавсаку застѣжку—и еще многое другое, что въ описаніи битвы у города Европа составляетъ, конечно, самое существенное! Итакъ, съ полнымъ правомъ можно сказать, что подобные историки самой розы не видятъ, за то тщательно рассматриваютъ шипы на ея стеблѣ!

29. Другой, не менѣе забавный историкъ, шагу никогда не ступившій за стѣны Коринѳа и никогда не доходившій даже до Кенхрей, не говоря уже о томъ, что онъ никогда не видѣлъ ни Сиріи, ни Ар-

мени,—я это помню—началь (свое произведение) такимъ образомъ: „Слуху слѣдуетъ вѣрить меньше, чѣмъ зрѣнію; поэтому я пишу о томъ, что видѣлъ, а не о томъ, что слышалъ.“ Какъ тщательно онъ все рассмотрѣлъ, (видно изъ того, что), по его словамъ, извѣстные драконы пареянъ—въ дѣйствительности это у нихъ значки для отдѣльныхъ войсковыхъ частей, при чемъ на каждую тысячу, если не ошибаюсь, полагается одинъ драконъ—это де живые драконы огромной величины, водящіеся въ Персіи, немного выше Иберіи. Этихъ-то драконовъ они, будто бы, передъ началомъ сраженія привязываютъ къ шестамъ и высоко поднимаютъ на воздухъ, чѣмъ уже издали наводятъ страхъ при своемъ приближеніи, а въ самомъ сраженіи, когда дѣло доходитъ до рукопашной, они ихъ отвязываютъ и пускаютъ на неприятелей. Такимъ образомъ будто бы уже многіе изъ нашихъ погибли, а другіе оказались задушенными и задавленными обвившимися вокругъ нихъ драконами. И все это нашъ историкъ видѣлъ своими собственными глазами, дѣлая эти наблюденія, конечно, съ безопаснаго мѣста, т. е. съ высокаго дерева. И прекрасно онъ сдѣлалъ, что не сунулся къ этимъ чудовищамъ, а то мы теперь, пожалуй, не имѣли бы такого чуднаго историка, непосредственнаго участника столь великихъ и блестящихъ дѣяній этой войны! Да, вѣдь онъ же при этомъ не разъ уже подвергался опасности и былъ даже раненъ у города Суръ—разумѣется, во время прогулки отъ Кранея до Лерны! И все это онъ читалъ въ присутствіи коринѳянъ, которые, конечно, отлично знали, что онъ даже нарисованной на стѣнѣ войны никогда не видѣлъ. Мало того, онъ даже не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ оружіи и военныхъ орудіяхъ, а равно и о названіяхъ войсковыхъ частей и ихъ подраздѣленіяхъ. Поэтому ему ничего не стоило называть фланговый строй колонной, а колонну—фронтомъ.

30. Другой превосходный историкъ втиснулъ всѣ рѣшительно событія, имѣвшія мѣсто въ Арменіи, Сиріи, Месопотаміи, у рѣки Тигра и въ Мидіи, отъ начала до конца (пареянской войны), менѣе чѣмъ въ пять сотъ строкъ и выдаетъ это за исторію! А между тѣмъ заглавіе, данное имъ своему сочиненію, чуть-ли не пространнѣе самой книги, а именно: „Повѣствованіе Антиохана, побѣдителя на священныхъ играхъ Аполлона“—въ дѣтствѣ, надо полагать, онъ гдѣ-то одержалъ побѣду въ бѣгѣ—„о дѣяніяхъ, недавно совершенныхъ римлянами въ Арменіи, Месопотаміи и Мидіи“.

31. Приходилось мнѣ слушать и такого историка, который описалъ даже будущія событія, напримѣръ: ваятіе въ плѣнъ Вологеа, гибель Осроя, именно то, какъ онъ будетъ брошенъ на съѣдѣніе льву, и описалъ триумфъ, котораго всѣ мы такъ страстно желали. Охва-

ченый этимъ пророческимъ воодушевлениемъ, онъ спѣшилъ къ концу своего произведенія, однако основалъ еще въ Месопотаміи городъ, величайшій по величинѣ и красивѣйшій по красотѣ; но пока онъ еще размышляетъ и колеблется, назвать-ли ему этотъ городъ „Побѣднымъ“, въ память одержанной побѣды, или „Согласіемъ“ или „Мирнымъ“, и такъ какъ дѣло это еще не рѣшено, то этотъ прекрасный городъ для насъ остается безыменнымъ, хотя онъ и населенъ безконечной авторской болтовней и глупостью. Кроме того, онъ общалъ дать описаніе предстоящихъ событій въ Индіи и на бережѣ индійскаго океана. И дѣйствительно, онъ не ограничился однимъ обѣщаніемъ и уже составилъ введеніе къ индійской исторіи, такъ что третій легіонъ съ кельтами и небольшимъ отрядомъ мавританцевъ подъ начальствомъ Кассія уже переправились черезъ рѣку Индъ. А что они тамъ будутъ дѣлать и какимъ образомъ они выдержать натискъ слоновъ, объ этомъ намъ въ непродолжительномъ времени донесетъ этотъ чудный историкъ изъ Муаириса или страны оксидраковъ.

32. Подобною болтовнею занимаются они по своему невѣжеству, не видя того, на что слѣдуетъ обратить вниманіе или же, если и видятъ, то, не будучи въ состояніи передать это достойнымъ образомъ, они сами придумываютъ и сочиняютъ то, что имъ, какъ говорится, сболтнется. При этомъ они еще гордятся количествомъ своихъ книгъ и въ особенности ихъ заглавіями, которыя дѣйствительно бываютъ въ высшей степени забавны, какъ, напримѣръ: „Такого-то пареянскихъ побѣдъ столько-то книгъ“ или „Пареиды книга первая, вторая и т. д.“ —очевидно въ подражаніе извѣстной „Аттиды“; у третьяго я читалъ заглавіе, еще болѣе изысканное: „Димитрія Сагаласскаго дѣянія пареянъ“..... (Все это я привелъ здѣсь) не съ тѣмъ, чтобы поднять на смѣхъ эти прекрасныя произведенія или издѣваться надъ ними, а лишь ради пользы. Вѣдь, если кто избѣгнетъ этихъ и подобныхъ ошибокъ, то этимъ онъ уже сдѣлаетъ большой шагъ къ тому, чтобы быть хорошимъ историкомъ или, лучше сказать, онъ уже не будетъ далекъ отъ этого, по крайней мѣрѣ, если правильно извѣстное положеніе діалектиковъ, что изъ двухъ вещей, не имѣющихъ между собой третьей, отрицаніе первой влечетъ за собою признаніе второй.

33. Итакъ—скажутъ мнѣ—ты тщательно очистилъ почву, вырубилъ всѣ рѣшительно колючки и терновникъ и удалилъ весь остальной мусоръ, такъ что все, что раньше было шероховато, теперь стало ровнымъ. Такъ построй-же ты самъ что-нибудь, чтобы видно было, что ты, какъ благородный человѣкъ, не только разрушаешь сдѣланное

другими, но и самъ можешь придумать что-нибудь умное, чего никто, даже самъ Момъ, не въ состояніи будетъ осмѣять.

34. Итакъ, я утверждаю, что тотъ, кто желаетъ быть хорошимъ историкомъ, отъ природы долженъ обладать слѣдующими двумя главными качествами: политическимъ умомъ и умѣніемъ излагать. Первое есть даръ природы и не является результатомъ обученія; второе достигается путемъ усиленнаго упражненія, настойчиваго труда и подражанія древнимъ образцамъ. Такимъ образомъ, оба эти качества не почерпаются изъ руководства и поэтому мои совѣты здѣсь совершенно излишни. Да, моя книжка вовсе не обѣщаетъ сдѣлать разсудительными и проницательными тѣхъ, которымъ эти качества не прирождены, такъ какъ она была бы гораздо драгоценнѣе или была бы даже величайшею драгоценностью, если бы могла передѣлывать и переустанавливать подобныя вещи и превращать, на примѣръ, свинецъ въ золото, олово въ серебро, Конона въ Титорма и Леотрофида въ Милона.

35. Но какая-же тогда польза—скажутъ мнѣ—отъ твоего искусства и совѣта? Эта польза заключается не въ созданіи качествъ, если ихъ нѣтъ, а въ указаніи ихъ примѣненія. Такъ, несомнѣнно, и Иккъ и Геродикъ и Θεонъ и всякій другой учитель гимнастики врядъ-ли дадутъ тебѣ обѣщаніе, что они, взявъ въ свою школу Пердикку—если это тотъ самый, который зачахъ отъ любви къ своей мачихѣ, а не Антиохъ, сынъ Селевка и извѣстной Стратоники—сдѣлаютъ изъ него атлета-побѣдителя на олимпійскихъ играхъ или даже соперника Θεагена съ острова Эасоса или Полидаманта изъ города Скотузъ. Если же дать имъ человѣка, способнаго къ гимнастическимъ упражненіямъ, то съ помощью своего искусства они его значительно усовершенствовали бы. Поэтому, да будетъ чуждо мнѣ надменное притязаніе, будто я открылъ какое-то искусство для этого важнаго и труднаго дѣла! Вѣдь я не обѣщаю сдѣлать историкомъ перваго встрѣчнаго, а лишь имѣю въ виду указать человѣку, обладающему природнымъ умомъ и съ успѣхомъ занимавшемуся ораторскимъ искусствомъ, нѣкоторые вѣрные пути,—если они ему покажутся таковыми,—по которымъ онъ быстрѣе и легче могъ бы дойти до цѣли.

36. Вѣдь ты же не станешь отрицать, что и умный человѣкъ нуждается въ обученіи и руководствѣ въ томъ, чего онъ не знаетъ; иначе онъ, безъ предварительнаго ученія, игралъ бы на киварѣ и флейтѣ и былъ бы искусенъ во всемъ. На дѣлѣ же безъ предварительнаго руководства ничего подобнаго онъ дѣлать не можетъ; если же дать ему (надлежащія) указанія, то онъ весьма легко научится всему этому и отлично справится съ этимъ самъ.

37. Поэтому, пусть и мнѣ дадутъ ученика, обладающаго умомъ, даромъ слова и быстрой сообразительностью, способнаго къ общественной дѣятельности въ случаѣ, если бы онъ былъ къ ней привлеченъ, знатока военнаго дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ (искуснаго) политика и опытнаго полководца,—человѣка, который самъ бывалъ въ лагерѣ, который видѣлъ упражненія солдатъ въ строю, который знакомъ съ оружіемъ и снарядами и знаетъ, что такое колонна и что фронтъ, какъ дѣйствуетъ пѣхота и какъ кавалерія и что значитъ мѣнять фронтъ и дѣлать обходъ; словомъ, пусть мнѣ дадутъ не домосѣда, который вѣритъ всему, что ему говорить.

38. Прежде всего онъ долженъ быть независимъ въ своихъ взглядахъ, никого не бояться и ни на что не надѣяться, такъ какъ иначе онъ походилъ бы на негодныхъ судей, которые за вознагражденіе творятъ судъ, то милостивый, то немилостивый. А онъ, напротивъ, не долженъ бояться ни Филиппа, если ему придется изобразить его въ тотъ моментъ, когда стрѣлокъ Астръ изъ Амфиполя выкололъ ему глазъ въ Олимпіи, ни Александра, который (сильно) огорченъ былъ совершеннымъ (имъ-же) во время пира жестокииъ убійствомъ Клита,—если онъ хочетъ писать правдивую исторію. Точно также не слѣдуетъ ему бояться Клеона, пользовающагося большимъ вліяніемъ въ народномъ собраніи и завладѣвшаго ораторской трибуной, а напротивъ, онъ долженъ (смѣло) заявлять, что это былъ пагубный и сумасбродный человѣкъ. Даже весь городъ аѳинянъ не долженъ помѣшать ему рассказать о неудачахъ въ Сициліи, о взятіи въ плѣнъ Демосеена, о смерти Никія и о томъ, какъ аѳиняне терпѣли жажду, какую воду они пили и какъ большинство изъ нихъ при этомъ было перебито. Вѣдь онъ по всей справедливости можетъ быть увѣренъ въ томъ, что ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ обвинять его, если онъ будетъ излагать неудачи и неразумныя дѣянія такъ, какъ онъ происходили. Онъ же не виновникъ всего этого, а лишь повѣствователь! Такъ, напримѣръ, когда аѳиняне иной разъ терпятъ пораженіе въ морской битвѣ, не онъ же пускаетъ ко дну ихъ корабли и, когда они обращаются въ бѣгство, не онъ ихъ преслѣдуетъ; развѣ только онъ упустилъ помолиться за нихъ, когда слѣдовало! Вѣдь, если бы умолчаніемъ или сообщеніемъ противоположнаго можно было поправить дѣло, то Фукидиду не стоило бы никакого труда, однимъ легкимъ почеркомъ пера разрушить укрѣпленіе, возведенное у Эпиполь, пустить ко дну трирему Гермократа, пронзить проклятаго Гилиппа въ тотъ моментъ, когда онъ бастионами и рвами загораживалъ дороги и, наконецъ, запереть въ каменоломни сиракузянъ, аѳинянамъ же дать возможность плавать кругомъ Сициліи и Италіи, соотвѣтственно перво-

начальнымъ надеждамъ, внушеннымъ имъ Алкивиадамъ. Однако, что уже разъ сдѣлано, того, на мой взглядъ, ни Клото не въ состояніи измѣнить, ни Атропа передѣлать!

39. Итакъ, дѣло историка излагать всѣ событія такъ, какъ онѣ происходили! Это, однако, для него будетъ не возможно, пока онъ, будучи врачомъ Артаксеркса, или будетъ бояться его или надѣяться получить отъ него пурпуровый халатъ, золотую цѣпь и нисейскихъ коней, въ видѣ награды за прославленіе его въ своемъ сочиненіи. Но этого никогда не сдѣлаетъ ни правдивый историкъ Ксенофонтъ, ни Фукидидъ. Напротивъ, они, даже питая личную ненависть къ кому-либо, всегда сочтутъ болѣе важнымъ общее дѣло и истину поставятъ выше своей вражды и не станутъ щадить промахи даже того лица, къ которому они расположены.

Въ этомъ, какъ я уже выше сказалъ, и заключается существенная черта исторіи и если кто намѣренъ писать исторію, то долженъ преклоняться передъ одной лишь истиной, а на все остальное не обращать вниманія. Словомъ, единственно вѣрнымъ мѣриломъ и правиломъ для него должно служить то, чтобы имѣть въ виду не теперешнихъ слушателей, а будущихъ читателей своихъ сочиненій.

40. Если же кто служить только настоящему, то его по всей справедливости отнесутъ къ числу льстецовъ, которые исторіи искони были противны не менѣе, чѣмъ косметика гинастикѣ. Рассказываютъ, напримѣръ, про Александра, будто онъ сказалъ Онесикриту: „Хотѣлось бы мнѣ послѣ смерти не на долго воскреснуть, чтобы узнать, какъ относятся читатели къ твоей исторіи. Вѣдь, если они теперь ее хвалятъ и одобряютъ, то этому тебѣ удивляться нечего, такъ какъ каждый изъ нихъ этимъ рассчитываетъ не мало мнѣ угодить и заслужить мое расположеніе“. Поэтому, если нѣкоторые склонны вѣрить Гомеру, несмотря на то, что онъ объ Ахиллесѣ сообщаетъ по большей части баснословныя вещи, то единственнымъ доказательствомъ его правдивости для нихъ является то вѣское соображеніе, что онъ писалъ не о живомъ и поэтому они не видятъ причины, почему онъ сталъ бы лгать:

41. Итакъ, мой историкъ долженъ быть неустрашимъ, неподкупенъ, независимъ, откровененъ и правдолюбивъ, называя—какъ выражается одинъ комическій поэтъ—смокву смоквой, а корыто корытомъ; онъ не долженъ руководиться ни ненавистью, ни дружбой, не долженъ оказывать пощады или чувствовать состраданіе или стыдъ или робость; онъ долженъ быть судьей, одинаково благосклоннымъ ко всѣмъ и воздающимъ каждому по заслугамъ; въ своихъ сочиненіяхъ онъ долженъ быть чуждымъ какой-бы то ни было странѣ, какому-бы то ни было го-

роду; долженъ подчиняться только своимъ законамъ, не признавать надъ собою царя, передавать то, что дѣйствительно было, не соображаясь съ тѣмъ, что скажетъ на это тотъ или другой.

42. Поэтому Фукидидъ съ полнымъ основаніемъ возводилъ все это въ законъ и по этимъ признакамъ судилъ о достоинствахъ и недостаткахъ историка и хотя видѣлъ, какое сильное удивленіе вызвалъ Геродотъ, книги котораго даже названы были по именамъ Музъ, онъ, однако, самъ, по собственнымъ словамъ, предпочелъ написать скорѣе „нѣчто вѣчное“, чѣмъ произведение, рассчитанное на настоящій моментъ и, не удѣляя вниманія баснословнымъ рассказамъ, пожелалъ оставить будущимъ поколѣніямъ правдивое изображеніе дѣйствительныхъ событій. При этомъ онъ указываетъ и на полезность исторіи и еще на другую цѣль, которую каждому слѣдовало бы полагать въ основу своей исторіи,—а именно, чтобы люди, въ случаѣ повторенія подобныхъ-же событій, могли руководиться описанными раньше происшествіями и такимъ образомъ разумно поступать въ своемъ положеніи.

43. Съ такими взглядами пусть явится предо мной историкъ! Что же касается языка и силы слога, стремительности, ѣдкости, непрерывныхъ періодовъ, сложныхъ аргументацій и всѣхъ прочихъ приемовъ, свойственныхъ риторикѣ, то историку не слѣдуетъ начинать свое произведеніе съ жаромъ, а напротивъ,—возможно спокойнѣе; сужденія его должны быть мѣткими и умными, языкъ ясенъ и общедоступенъ, чтобы возможно нагляднѣе представился трактуемый предметъ.

44. Подобно тому, какъ къ выражаемымъ историкомъ взглядамъ мы предъявляли требованіе откровенности и правдивости, точно такъ-же единственною и главнѣйшею цѣлью его изложенія должно быть, какъ можно яснѣе и нагляднѣе изобразить свой предметъ, не прибѣгая къ словамъ непонятнымъ, мало употребительнымъ, уличнымъ или даже кабацкимъ, а выражаясь такъ, чтобы простой народъ его могъ понять, а люди образованные—хвалили. Тѣмъ не менѣе сочиненіе его не лишнее будетъ украсить и легкими фигурами, носящими печать простоты; тогда только его произведеніе будетъ походить на хорошо приготовленное и вкусное блюдо.

45. Далѣе, историкъ не долженъ быть чуждъ и поэзіи,—поскольку и исторія заключаетъ въ себѣ элементъ возвышеннаго и элементъ панегирической—, особенно, когда онъ приступаетъ къ изображенію расположенія войскъ, сухопутныхъ и морскихъ битвъ; въ такихъ случаяхъ необходимо поэтическое воодушевленіе, которое, словно попутный вѣтеръ, надувало бы паруса и несло бы корабль по гребнямъ вадувшихся

волнѣ. Но при этомъ рѣчь его должна, такъ сказать, идти по землѣ, становясь возвышенною при изображеніи прекрасныхъ и высокихъ дѣяній и по возможности соотвѣтствуя имъ, избѣгая, при этомъ, чего-либо необычайнаго и не впадая въ чрезмѣрную восторженность: въ послѣднемъ случаѣ ему грозила бы величайшая опасность потерять нить и стать игрушкою порывовъ поэтическаго безумія. Поэтому историку здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, слѣдуетъ обуздывать свое воображеніе и руководиться спокойной мыслью, въ виду того, что и въ рѣчи немалымъ зломъ является излишняя приподнятость. Вообще желательно, чтобы мысль была всадникомъ на добромъ конѣ, а словесное ея выраженіе—пѣшеходомъ, равняющимся со своимъ спутникомъ, держась при этомъ за чапракъ, чтобы не остаться позади при быстрой его скачкѣ.

46. И въ расположеніи словъ нужно знать мѣру и держаться золотой середины: съ одной стороны соединеніе словъ должно представлять извѣстную ритмичность во избѣжаніе шероховатости рѣчи, а съ другой стороны не слѣдуетъ вводить стихотворнаго размѣра, какимъ пользуются поэты; послѣднее достойно порицанія, а первое противно уху.

47. Матеріаль слѣдуетъ сводить не какъ попало, но послѣ тщательнаго и нерѣдко труднаго критическаго разбора. По возможности историкъ долженъ приводить факты, при которыхъ самъ присутствовалъ и которыхъ былъ очевидцемъ; въ противномъ случаѣ онъ долженъ руководиться только свидѣтельствомъ лицъ безпристрастныхъ, отъ которыхъ онъ не можетъ ожидать извращенія событій ни въ худую сторону—изъ враждебнаго чувства, ни въ хорошую—изъ благорасположенія. Въ этомъ случаѣ онъ уже долженъ руководиться своимъ критическимъ чутьемъ и способностью угадывать, чтобы опредѣлить, что наиболѣе заслуживаетъ довѣрія.

48. Собравъ такимъ образомъ все или большую часть матеріала, ему слѣдуетъ прежде всего набросать очеркъ и образовать остовъ, пока еще некрасивый и безформенный. Затѣмъ онъ долженъ сообщить ему стройность и красоту, обработать его стиль и придать ему форму и соразмѣрность.

49. Вообще, историкъ долженъ походить въ это время на гомеровскаго Зевса, который обращаетъ свои взоры то на землю конеборныхъ еракіянь, то на землю мизійцевъ. Такъ и историкъ сначала долженъ рассмотреть, что дѣлается у нашихъ соотечественниковъ и сообщить вамъ, какимъ это ему представляется съ его возвышенной точки зрѣнія, затѣмъ обратить вниманіе на персовъ и, наконецъ, на тѣхъ и другихъ совокупно во время ихъ военнаго столкновенія. Въ минуту

же сраженія онъ не долженъ сосредоточивать своего вниманія на одной только сторонѣ или даже на одномъ только всадникѣ или пѣхотинцѣ,—особенно, если это ни Бразидъ, рвущійся въ бой, ни Демосеенъ, отражающій высадку (непріятеля); напротивъ, онъ долженъ обращать свое вниманіе главнымъ образомъ на полководцевъ, выслушивать ихъ рѣчи (воинамъ) и замѣчать, какъ, съ какимъ расчетомъ и съ какой цѣлью выстроены ими войска. А когда дѣло дошло до рукопашной, онъ долженъ стараться уловить всѣ подробности общей картины боя и словно на вѣсахъ взвѣшивать все происходящее, относясь одинаково какъ къ преслѣдующимъ, такъ и къ преслѣдуемымъ.

50. При всемъ этомъ онъ долженъ соблюдать извѣстную мѣру, чтобы не утомлять читателя излишней пространностью и неумѣстнымъ пустословіемъ. Онъ не долженъ затрудняться отъ одного предмета перейти къ другому, когда это нужно и, покончивъ съ послѣднимъ, возвращаться къ первому, когда этого требуетъ дѣло. Вообще, онъ долженъ стараться по возможности одновременно присутствовать при всемъ, изъ Арменіи переноситься въ Мидію, оттуда мгновенно въ Иберію, а затѣмъ въ Италію, чтобы не упустить ни одного происшествія.

51. Лучше сказать, умъ его долженъ походить на чистое, блестящее и тщательно отшлифованное зеркало, въ которомъ предметы отражаются въ ихъ подлинномъ видѣ, не будучи измѣняемы ни въ своей окраскѣ, ни во внѣшнихъ очертаніяхъ. Въдѣ историки пишутъ не такъ, . . . какъ риторы; напротивъ, подлежащее ихъ изображенію должно быть изображаемо въ своемъ подлинномъ видѣ, такъ какъ все это дѣйствительные факты, которые нужно изложить въ должномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, имъ остается обсудить не то, *что* изложить, а то, *какъ* изложить. Вообще нужно смотрѣть такъ, что пишущій исторію долженъ быть подобенъ Фидію, Праксителю, Алкаману и тому подобнымъ художникамъ: не сами они создавали золото, серебро, слоновую кость и весь остальной матеріалъ, но онъ уже былъ на лицо передъ ними, доставленный имъ или элейцами или аеинянами или аргивянами; а они только обрабатывали его, пилили слоновую кость, точили, склеивали, выработывали художественную форму и украшали золотомъ. Значить, все ихъ искусство заключалось лишь въ томъ, чтобы какъ должно употребить матеріалъ! Нѣчто подобное представляетъ собою и дѣло историка, а именно: искусно расположить событія и по возможности ясно представить ихъ. И если послѣ этого кому изъ слушателей рассказываемое представится яснымъ, какъ живое и онъ по этому поводу выскажетъ свою похвалу, тогда—да, только тогда—произведеніе историка можно считать отдѣланнымъ въ совер-

шенствѣ и увѣчаннымъ наградою, подобающею произведенію историка—Фидія.

52. Когда всѣ подготовительныя работы уже окончены, историкъ иногда и безъ введенія можетъ приступить къ дѣлу, если самый предмет не слишкомъ требуетъ предварительнаго объясненія въ введеніи; но въ сущности у него и безъ того будетъ введеніе, объясняющее все послѣдующее.

53. А если онъ пожелаетъ предпослать введеніе, то долженъ ограничиться двумя предметами, а не тремя, какъ это дѣлаютъ риторы: оставляя въ сторонѣ стремленіе снискать благосклонность своихъ слушателей, онъ долженъ пробудить ихъ вниманіе и подготовить ихъ къ пониманію послѣдующаго. Вниманіе онъ возбудитъ къ себѣ, если покажетъ, какъ важно, необходимо, близко и полезно имъ то, о чемъ онъ будетъ говорить, а удобопонятнымъ и яснымъ онъ сдѣлаетъ свое изложеніе, если заранѣе укажетъ причины и опредѣлитъ главнѣйшіе моменты (описываемыхъ) событій.

54. Такого рода введенія дѣлали лучшіе историки: Геродотъ пишетъ де—чтобы съ теченіемъ времени не исчезли изъ памяти великія и достопамятныя дѣянія, свидѣтельствующія о побѣдахъ эллиновъ и пораженіяхъ варваровъ; Фукидидъ—ожидавая, что эта война будетъ великой, замѣчательной и болѣе значительной, чѣмъ всѣ предшествовавшія. И дѣйствительно во время ея приключились великія бѣдствія!

55. Послѣ введенія, пространнаго или краткаго, соотвѣтственно событіямъ, переходъ къ самому разсказу долженъ быть легкимъ и непринужденнымъ; Да, вѣдь все послѣдующее есть только длинное повѣствованіе; поэтому оно должно имѣть всѣ достоинства разсказа, развиваться спокойно, равномерно и выдерживая разъ принятый тонъ, не повышая его и не понижая; всюду должна быть ясность, которая, какъ я уже замѣтилъ, достигается съ одной стороны слогомъ, съ другой—искуснымъ распредѣленіемъ матеріала. Все должно быть изложено легко и обстоятельно и отъ одного предмета слѣдуетъ переходить къ другому, который бы стоялъ съ нимъ въ связи, какъ одно звено цѣпи съ другимъ, чтобы повѣствованіе шло непрерывно и не тормозилось нѣсколькими параллельными разсказами и чтобы предъидущее не стояло только рядомъ съ послѣдующимъ, а находилось съ нимъ въ связи и одно тѣсно примыкало къ другому.

56. Всюду умѣстна краткость, особенно—при обиліи матеріала. Но стремиться къ ней слѣдуетъ не столько въ словахъ и выраженіяхъ, сколько путемъ подбора фактовъ. Я хочу сказать, что незначительныхъ и менѣе необходимыхъ предметовъ слѣдуетъ касаться лишь вскользь, а на важныхъ событіяхъ останавливаться не больше, чѣмъ это необ-

ходимо, многое даже совсѣмъ опускать. Вѣдь, если ты позвать въ гости своихъ друзей, то среди сладкихъ пирожковъ, птицъ, дикихъ кабановъ, зайцевъ, грудинокъ и т. п. роскошныхъ блюдъ ты не поставишь же соленую рыбу или кашу, потому только, что и эти блюда готовы, а отложишь въ сторону все болѣе простое.

57. Особенно слѣдуетъ быть осторожнымъ при описаніи горъ, укрѣпленій и рѣкъ, дабы не казалося, что ты некстати хочешь щегольнуть своимъ мастерствомъ въ такихъ описаніяхъ и что ты гораздо болѣе занятъ самимъ собою, чѣмъ исторією; напротивъ, коснувшись этихъ описаній лишь слегка, насколько это нужно для ясности, слѣдуетъ переходить къ другому, избѣгая попасться на этомъ, какъ на приманку въ ловушку, подобно тому, какъ это дѣлаетъ и великій Гомеръ, несмотря на то, что онъ поэтъ. Онъ только вскользь говоритъ о Танталѣ, Иксионѣ, Титѣ и всѣхъ прочихъ. А если бы Пареенію, Евфоріону или Каллимаху пришлось говорить о нихъ, то сколько, по твоему мнѣнію, стиховъ пришлось бы имъ сочинить для того, чтобы поднять воду къ устамъ Тантала? Въ теченіе сколькихъ бы стиховъ они кружили на колесѣ Иксиона? Или—еще лучше!—смотри, какъ умѣренно прибѣгаетъ къ такого рода описаніямъ Фукидидъ и какъ кратко онъ въ изображеніи военнаго орудія или плана осады—хотя оно и необходимо и полезно—или укрѣпленія Эпиполь или гавани Сиракузъ! А когда онъ говоритъ о чумѣ, онъ (на первый взглядъ) можетъ показаться даже многорѣчивымъ; но обрати вниманіе на суть дѣла и ты убѣдишься въ краткости его и поймешь, что онъ, несмотря на свое стремленіе къ краткости, все-таки вынужденъ останавливаться вслѣдствіе обилія происшествій.

58. Если иногда является необходимость вложить въ уста какому-нибудь лицу рѣчь, то она прежде всего должна соответствовать его характеру и обстоятельствамъ; при томъ и здѣсь все должно быть по возможности ясно. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ тебѣ разрѣшается ораторствовать и показать всю силу своего краснорѣчія.

59. Похвалы и порицанія должны быть всегда умѣренны, обдуманы, чужды клеветы, основаны на доказательствахъ, кратки и умѣстны, такъ какъ историкъ говоритъ не передъ судомъ. Иначе ты навлекъ бы на себя обвиненіе, возведенное на Теопомпа, который съ сварливостью порицаетъ все и это порицаніе превратилъ въ пріятное для себя занятіе, такъ что онъ болѣе бранится, чѣмъ повѣствуетъ о прошедшихъ событіяхъ.

60. Если тебѣ встрѣтится что-либо баснословное, то о немъ слѣдуетъ упомянуть, но не выдавать его за истину, а оставить вопросъ открытымъ для лицъ, желающихъ принять это въ соображеніе; такимъ

образомъ ты избѣгнешь опасности, не склоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону.

61. Вообще, ты долженъ помнить,—я это часто повторяю—, что ты пишешь не только для настоящаго времени, ради похвалъ и почестей со стороны твоихъ современниковъ; напротивъ, имѣя въ виду будущее время, пиши для будущихъ читателей и отъ нихъ требуй награды за свое сочиненіе, чтобы и про тебя говорили: „Вотъ былъ по-истинѣ свободный человѣкъ, вполне откровенный, чуждый лести и раболѣпства и правдивый во всемъ!“ Такой отзывъ каждый благоразумный человѣкъ поставить выше всѣхъ выгодъ настоящаго, которыя, вдобавокъ, такъ мимолетны.

62. Знаешь ли ты, какъ поступилъ извѣстный архитекторъ съ острова Книда? Выстроивъ на Фаросѣ башню,—величайшее и красивѣйшее сооруженіе въ мірѣ—, чтобы оттуда подавались сигналы мореплавателямъ на далекое разстояніе въ море, предохраняя ихъ этимъ отъ опасности быть занесенными въ Парайтонію, которая, какъ говорятъ, весьма опасна и откуда нѣтъ возможности выбраться, если кто попадетъ на подводныя скалы,—выстроивъ это самое зданіе, онъ внутри на камнѣ начерталъ свое собственное имя, а затѣмъ, покрывъ его слоемъ извести, сверху написалъ имя тогдашняго царя, хорошо предвидя,—какъ оно и случилось—, что въ скоромъ времени вмѣстѣ съ известью отпадетъ одна надпись и обнаружится другая: „Состратъ, сынъ Дексифана, съ острова Книда, богамъ-спасителямъ, для мореплавателей“. Такимъ образомъ онъ имѣлъ въ виду не тогдашнее время и не свою собственную кратковременную жизнь, но теперешнее и все будущее время, пока будетъ стоять эта башня, какъ памятникъ его искусства.

63. Такъ слѣдуетъ писать и исторію,—лучше правдиво, въ надеждѣ на будущее, чѣмъ льстиво, въ угоду лицамъ воспѣваемымъ. Это должно служить тебѣ правиломъ и руководствомъ для настоящей исторіи! Если тотъ или другой послѣдуетъ этому руководству, то тѣмъ лучше для него и, слѣдовательно, я писалъ не напрасно; въ противномъ же случаѣ я только покаталъ бочку въ Кранеѣ.

В. И. Рѣзановъ.

ПАМЯТНИКИ
РУССКОЙ
ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ШКОЛЬНЫЯ ДѢЙСТВА

XVII—XVIII вв.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ИЗСЛѢДОВАНІЮ

„ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДРАМЫ“

Н Ъ Ж И Н Ъ.

Типо-лит. насл. В. К. Меленевскаго.

1 9 0 7.

Приобрѣтенія 1904—1905 гг. ,стр. 21—24*). Тетрадка 19-ая, въ 6 листовъ въ четвертку, небрежной южно-русской скорописи начала XVIII вѣка, довольно плохой сохранности (мѣстами края обгнили), особенно интересна въ томъ отношеніи, что представляетъ, очевидно, черновой автографъ неизвѣстнаго автора съ пометками и исправленіями. Заглавія не обозначено; текстъ заключаетъ въ себѣ небольшого объема пасхальную пьесу, которая и издается ниже, стр. 108—120;

4) № 179. Сборникъ, разныхъ рукъ XVIII вѣка: о составѣ его см. то же описаніе М. Н. Сперанскаго, стр. 35. Рукопись куплена въ Москвѣ. Листы 3—32 заключаютъ текстъ трехъ небольшого размѣра пьесъ: а) рождественской драмы, названія которой не обозначено (см. ниже, стр. 18—32), б) другой рождественской пьесы подъ заглавіемъ: „Дѣйствіе на Рождество Христово“ и в) пьесы безъ заглавія, представляющей драматическую обработку разсказа Геродота (книга I, гл. 107 и слѣд.) о воцареніи Кира.

Всѣ эти шесть драмъ, дошедшія въ единственныхъ пока извѣстныхъ спискахъ, интересныя для изслѣдователя судебъ русскаго театра ранней эпохи, какъ образчики, значительно расширяющіе кругъ извѣстныхъ до сихъ поръ произведеній этого рода,—въ предлагаемомъ изданіи воспроизводятся не палеографически, но по возможности близко къ рукописному тексту. По типографскимъ условіямъ, немногія встрѣчающіяся въ рукописяхъ титла и сокращенія пришлось раскрыть. Очевидныя опешки и искаженія исправлены въ текстѣ или въ выноскахъ, причемъ однако всякій разъ представлено и буквальное чтеніе рукописи: кое-гдѣ прибавлены въ выноскахъ конъектуры. Поставлены знаки препинанія.

II. Составленныя іеромонахомъ Митрофаномъ Догалевскимъ, профессоромъ поэзіи въ Кіевской Духовной Академіи, двѣ пьесы: Комическое дѣйствіе на Рождество Христово, 1736 года, и пасхальная драма „Властотворный образъ челоуколюбія Божія“, 1737 года, печатаются по единственному извѣстному списку ихъ—рукописи кіевского Златоверхо-Михайловскаго монастыря № 1710. Главную часть этой рукописи (листы 1—162) составляетъ прекрасно переписанный курсъ шиттики и риторики на латинскомъ языкѣ, преподанный М. Догалевскимъ своимъ студентамъ: *Hortus poeticus legendi gratia flores et fructus ligatae et solutae orationis in alma kijoviensi Akademia Mohilozaborowsciana in manus alimentum Roxolano abdolonimo, eiusque orthodoxae Patriae penes Iordanicum et marianum pontum pastinatus, anno 1736.*

Листы 186—194: Рождественская пьеса „Комическое дѣйствіе, въ честь похваленіе и прославленіе рождшемуся Христу Господу изображенное“ съ относящимися къ этой драмѣ кантами.

Листы 195—204: пять интерлюдій.

*) Извѣстія И.-Ф. Инст. кн. Безб., т. XXII, Пѣжинъ 1906.

III.

Листы 205—217: „Властотворный образъ челоѣколюбія Вожія“ и (лл. 215—217) шесть относящихся къ нѣсѣ кантовъ.

Л. 218. „Кантъ благодарственный“ Рафаилу Заборовскому, сочиненія М. Довгалева.

Листы 219—228: пять интерлюдій.

О прочихъ статьяхъ, входящихъ въ составъ рукописи, см. *Н. П. Петровъ* Описание рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, вып. II, № 521, стр. 239—243.

III. Текстъ драмы „Стефанотокошь“ былъ, по рукописи Импер. Публич. Библіотеки Q, отд. XIV № 19, напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ въ Приложеніи къ его Примѣчаніямъ ко II тому его Русскихъ драматическихъ произведеній 1672—1725 гг. (Спб., 1874), стр. XXXVII—LXXXV, но Примѣчанія эти въ свѣтъ не вышли. Свои замѣчанія о драмѣ „Стефанотокошь“ Н. С. Тихонравовъ высказалъ въ томъ же приложеніи къ Примѣчаніямъ ко II т. Русск. Драм. Произв., стр. LXXXV и слѣд. и въ своемъ разборѣ Исторіи русской словесности Галахова*); вслѣдъ за нимъ подвергъ анализу драму „Стефанотокошь“ П. О. Морозовъ**).

Профессоръ Кіевского университета А. М. Лобода открылъ новый въ высок степени интересный и важный списокъ драмы „Стефанотокошь“, о которомъ и сдѣлалъ сообщеніе***). Списокъ этотъ въ настоящее время любезно предоставленъ имъ въ мое распоряженіе, за что и считаю приятнымъ долгомъ выразить здѣсь А. М. Лободѣ мою глубокую благодарность.

Позднѣе сдѣлался извѣстенъ еще одинъ списокъ драмы „Стефанотокошь“, поступившій въ Московскій Румянцовскій Музей отъ П. А. Кулаковского⁴⁾.

По этимъ тремъ спискамъ и издается „Стефанотокошь“ въ предлагаемыхъ „Памятникахъ“⁵⁾.

*) См. Отчетъ о 19-мъ присужденіи Уваров. наградъ, Спб. 1878, стр. 112—114=Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I, М. 1898, стр. 100—103

**) *Морозовъ*, Исторія русск. театра, Спб. 1889, стр. 350—360.

***) Чтенія въ Обществѣ Лѣт. Нестора, Книга XV, Кіевъ 1901, отдѣлъ V, стр. 57—62: Школьная драма „Стефанотокошь“ по вновь найденной рукописи 1741—1743 гг.

4) Отчетъ Публич. и Румянцов. Музею за 1903 г. (Москва 1904), стр. 37—38 № 3348. Срв. *Г. П. Георгиевскій*, Двѣ драмы Петровскаго времени, Извѣстія Отд. ряз. и слов. Имп. Академіи Н., т. X, кн. 1, Спб. 1905, стр. 212.

5) Мнѣ пока неизвѣстно, гдѣ находится списокъ Л. Н. Майкова, о которомъ упоминаетъ Н. С. Тихонравовъ (Отчетъ о 19-мъ прис. Увар. нагр., стр. 112=Соч. Тихонр., I, Примѣчанія, стр. 10, примѣч. 126). Его нѣтъ среди рукописей Л. Н-ча, какъ сообщила мнѣ вдова покойнаго, Александра Алексѣевна Майкова, въ письмѣ отъ 29 декабря 1906 г.; не находится ли этого списка между поступившими въ Румянцовскій Музей рукописями Тихонравова?

Въ основу изданія положень текстъ по рукописи А. М. Лободы (обозначаю этотъ списокъ буквою Л).

Рукопись эта, въ 4 д. л., писанная разными руками, объединяетъ въ одномъ переплетѣ (кожаномъ, старомъ) нѣсколько сочиненій.

Выходной листъ: *Liber de Institutione poetica Roxolanae juventuti revolutus et in Athenaeo Abrosiano Veliconowogardensi explicatus anno Christi 1741 octobris 22.* Подпись владѣльца: *Ex libris Gregorij Pawinskij.* На оборотѣ позднѣйшая запись: *Hic liber meus, testis est Deus: qui illum quaerit, hoc nomen erit: Antonius (надписано сверху затертого имени) natus, Ra-decky (надписано сверху затертой фамилии) vocatus. 1826 anno.*

Л. 1. *Praefatio:* *Bicollem nunc ascenditis, neovates, Parnassum tum suavissimi Apollinis, tum musarum melodia recreaturi animum. Ut igitur facilius scandatis, accipite hunc librum; ille enim vos rectissimam et tutissimam edocebit viam, quam carpentes felicissime ipsum artis poeticae cacumen attingetis, etc.*

Л. 3 об. *De proemialibus poeseos et de poesi in genere.* Caput 1-um: *De natura et origine item de materia et fine poeseos.*

Л. 5. Caput 2-dum: *De tropis et figuris.*

Л. 35 обор.—36. Caput 3-um: *De carminum generibus deque eorum virtutibus et vitiis.*

Л. 58. Caput 4-tum: *De exercitatione.*

Л. 82. Cap. 5-tum: *De fictione poetica.*

Л. 86 об. Cap. 6-tum, *Proponens eruditiones ad poesim spectantes. Nomina deorum poeticorum.*

Л. 90 об. Cap. 7-um: *De imitatione (о подражаніи образцамъ, лучшимъ писателямъ).*

Л. 93. *Pars secunda. De speciebus poeseos, seu de poesi in specie aut in particulari.*

Л. 93 об. Cap. 1-um: *De poesi epica deque eius antiquitate, notatione nominis, materia, definitione et genere carminis quo scribi debeat epopaea.*

Л. 98. Cap. 2-dum: *De amplificatione, patho et decore.*

Л. 103. Cap. 3-um: *De tragoedia et tragica poesi, comoedia et comica poesi et tragico-comoedia.* Въ этомъ главѣ воспроизводятся съ самыми незначительными сокращеніями главы X и XI Пінтики Θεοφана Прокоповича. Глава заканчивается словами: *Exemplum dramatis ad finem annalis laboris dabitur.*

Л. 106 об. Cap. 4-tum: *De epigrammatica poesi.*

Л. 111 об. Cap. 5-tum: *De simplicie epigrammate et epitaphio.*

Л. 113 Cap. 6-tum. *De lyrica poesi.*

Л. 115 об. Cap. 7-um: *De poesi satyrica et bucolica.*

Л. 118 *Pars III-tia.* Caput 1-um: *De periodis.*

Л. 131 об. Cap. 2-dum: *De amplificatione.*

Л. 135—146. Cap. 3-tium: *De chria.*

Эта часть рукописи писана на бумагѣ, имѣющей водяной знакъ: щитъ, рисунка котораго нѣтъ ни у Лаптова, ни у Тромонина, ни у Лихачева*).

Далѣе, листы 147—207 написаны на бумагѣ, имѣющей водяной знакъ, воспроизведенный у Тромонина на таблицѣ 59 № 856 (1721 года), у Лихачева, „Бумага и др. б. мельницы“, на табл. 65 № 499 (1721 года) и на табл. 67 № 503 (1727 года).

Здѣсь совершенно другимъ почеркомъ переписана драма „Стефанотокосъ“ (Листы 147—181); заглавія не обозначено, начинается прямо антипрологомъ: „Выходятъ два отрочища“ и проч. Затѣмъ идетъ прологъ, синоцисис и проч.

Въ высокой степени важною особенностью списка Л является *Краткое показаніе, что заключается въ слѣдующей драмѣ* (листъ 152; см. ниже стр. 237) и другія *Краткія толкованія*, помѣщенные послѣ каждаго явленія драмы, за исключеніемъ 2-го, 3-го и 4-го явленій IV дѣйствія. Эти *Показаніе* и *Толкованія*, раскрывая аллегорическій смыслъ пьесы, вводя, какъ выражается проф. А. М. Лобода, „даже въ мелкія подробности тѣхъ событій и настроеній“, какія „авторъ полагать въ основу своего произведенія“, даютъ блестящее подтвержденіе тому объясненію драмы Стефанотокосъ, какое предложилъ Н. С. Тихонравовъ** вѣ противовѣсъ взгляду академика Пекарскаго,***) повторенному Н. Е. Забѣлинымъ****).

Разсматриваемая часть рукописи А. М. Лободы даетъ полную картину исполненія драмы Стефанотокосъ на сценѣ:

За текстомъ драмы, начиная съ листа 181, слѣдуютъ интерлюдіи, причемъ передъ каждой интерлюдіей обозначено, въ какомъ мѣстѣ спектакля она исполнялась. Интерлюдіи эти изданы Н. С. Тихонравовымъ****) по рукописи Имп. Публ. Библиотеки Q. XIV. № 19, въ которой онѣ помѣщены послѣ текста „Стефанотокоса“, но безъ всякихъ указаній на отношеніе ихъ къ драмѣ. Рукопись А. М. Лободы представляетъ нѣкоторыя

*) Л. Лаптевъ. Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ, или способъ узнавать по бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи. Спб. 1824. К. Тромонинъ, Изъясненія знаковь, видимыхъ въ писчей бумагѣ М. 1844. Н. П. Лихачевъ, Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Спб. 1891. Его же, Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковь. I—III Спб. 1899.

**) Кто не узнаетъ въ судьбѣ Стефанотокоса исторіи Елизаветы Петровны до „радостнолюднаго“ дня 25 ноября 1741 года?... Школьная драма, посвященная прославленію торжества дочери Петра Великаго надъ „иноземцами, рабами-приниженцами“, и проч. Примѣчанія ко II т. Русскихъ драмат. произв., стр. LXXXVII.

***) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, стр. 242: При чтеніи „Стефанотокоса“ точно можно замѣтить, что содержаніе пьесы не принадлежитъ къ вымысламъ фантазіи, но заимствовано прямо изъ дѣйствительности. Поэтому, прежде, нежели перейдемъ къ разсмотрѣнію „Стефанотокоса“, напомнимъ нѣкоторыя событія, случившіяся во время переворота, слѣдствіемъ котораго было прекращеніе союзерствія и вступленіе въ управленіе Россією Петра Великаго, и проч.

****) Домашній бытъ русскихъ царицъ, М. 1872; Стр. 501.

*****) Тѣтописи русс. литературы и древности, т. II, отдѣлъ 2-й, стр. 37—60.

разночтенія; однако разночтенія эти не настолько значительны, чтобы могли оправдать полную перепечатку текста интерлюдій. Я ограничился приведеніемъ важнѣйшихъ разночтеній, помогающихъ иногда возстановить болѣе правильный смыслъ.

Непосредственно вслѣдъ за интерлюдіями идетъ (листы 204 обор.—207) стихотвореніе безъ заглавія—кантъ, въ которомъ, параллельно съ исторіей Амана и Есфиря, прославляется восшествіе на престолъ Стефанотокоса; повидимому, это—хоръ, гимня, исполненный въ заключеніе спектакля.

Листъ 208 утраченъ.

Листы 209—243: Fasciculus sententiarum ex variis authoribus alphabetico ordine collectus.

A. Adversus virtutem hoc possunt calamitates et iniuriae et damna, quod adversus solem nubilae possunt. Seneca.

Aetas parentum pessima facit filios nequiores, mox daturus progeniem viciosiorum. Horatius, и т. д.

Писано на бумагѣ, имѣющей тотъ же водяной знакъ, что и первая часть рукописи (Liber de institutione poetica, л.л. 1—146).

Л. 244. Praxes syntaxeos a praeceptore in schola confectae.

Ad mortem sic vita fluit velut ad mare flumen,

Vivere nam res est dulcis, amara mori.

Скоро шествуютъ къ смерти жизни нашей вѣки,

Аки к морю стекаютъ потоки и рѣки;

Пребывать бо в жизни нам пріятно дѣло,

Но горестно есть души оставлять тѣло.

Dulce mori miseris, sed mors optata recedit;

At quum tristis erit, praecipitata venit.

Жизнь сію оставлять есть бѣднымъ вождельно, и т. д.

Латинскіе стихи чередуются съ русскими.

Л. 247 обор. Praxes poeticae a praeceptore in schola compositae.

Сначала идутъ латинскіе стихи:

Picium Avgustum placuit fundare laborem:

Ille labor vobis commodus ut veniat,

O Superi, convertimus ad vos pectus et ora,

Ut detis nobis desuper auxilium! и проч.

Затѣмъ слѣдуютъ Carmina rhutena ad imitationem: русскіе стихи на темы:

Л. 250 об. Прийдите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ.

В-первыхъ Бога чтить, отца, мать чтити

Тщися и ихъ же в тѣхъ мѣсто имѣти

VII.

Богъ тебѣ даде, иже ты измлада
 Всѣхъ благъ учили, и проч.

Наставленія дѣтямъ.

Л. 252 об. *Autumnus ad tuum adventum induit Floridi veris scenam.*

Чудесную вещь приходъ вашъ являетъ,
 Егда ужъ есень не есень бываетъ, и проч.

Л. 253. *Adventus tuus magnam nobis peperit laetitiam.*

Славны приходъ вашъ веселія многа
 Исполни сердца наша, какъ от Бога
 Къ Тоиѣ ангель посланный с привѣты, и пр.

Л. 253. *Gratulatio ex angustia loci.*

Не сіе мѣсто, но страна пространна
 Можетъ вмѣстити ты, мужа избранна...

Л. 253 об. *Gratulatio ex circumstantia mensis octobris*

К нимъ октябрь золь, а к намъ милосердный,
 Нимъ обиждат, намъ служить усердный...

Л. 254 *Gratulatio ex circumstantia autumnii.*

Есень хоть славна обилными плоды,
 Однакъ за сто не очень чтить роды
 Геликовскіе...

254. об. *Gratulatio ex circumstantia aquilonis.*

Студено нимъ, а намъ тепло вѣтъ,
 Полунощны вѣтръ входъ бо гостей грѣтъ...

Л. 255. *Gratulatio ex circumstantia tenebrosi diei.*

Немилостивъ Фебъ к намъ днесь изявился,
 Что в приходъ вашъ денъ мраченъ пригодился...

Л. 255. *Nulla gratia est mortis.*

Чія во мирѣ смертнаго устава,
 Сколь онъ есть силенъ, не знаетъ держава?
 Чей вѣкъ з начала созданія свѣта
 Лютаго ея безвѣстенъ навѣта?...

Л. 256. *Descriptio iuvenis.*

Какова друга имѣхомъ любезна, - -
 И оувъ! о немъ коль есть повѣсть слезна!
 Ангеловиденъ, зрениемъ прекрасны...

Л. 256 об. *Descriptio resolutae nivis tempore veris.*

Златозарнымъ Фебъ с горныя палаты
 Какъ только окомъ взглянул, унывати
 Сребровидный снѣгъ начат в странахъ дольных...

Л. 257 обор. *Epitaphium piae defunctae serenissimae imperatricis nostrae Annae Ioannides.*

разночтенія; однако разночтенія эти не настолько значительны, чтобы могли оправдать полную перепечатку текста интерлюдій. Я ограничился приведеніемъ важнѣйшихъ разночтеній, помогающихъ иногда возстановить болѣе правильный смыслъ.

Непосредственно вслѣдъ за интерлюдіями идетъ (листы 204 обор.—207) стихотвореніе безъ заглавія—кантъ, въ которомъ, параллельно съ исторіей Амана и Есфиря, прославляется восшествіе на престолъ Стефанотокоса; повидимому, это—хоръ, гимнъ, исполненный въ заключеніе спектакля.

Листъ 208 утраченъ.

Листы 209—243: Fasciculus sententiarum ex variis authoribus alphabetico ordine collectus.

A. Adversus virtutem hoc possunt calamitates et iniuriae et damna, quod adversus solem nubilae possunt. Seneca.

Aetas parentum pessima facit filios nequiores, mox daturus progeniem viciosorem. Horatius, и т. д.

Писано на бумагѣ, имѣющей тотъ же водяной знакъ, что и первая часть рукописи (Liber de institutione poetica, л.л. 1—146).

Л. 244. Praesentia syntaxeos a praecipite in schola confectae.

Ad mortem sic vita fluit velut ad mare flumen,

Vivere nam res est dulcis, amara mori.

Скоро шествуютъ къ смерти жизни нашей вѣки,

Аки к морю стекаютъ потоки и рѣки;

Пробывать бо в жизни нам пріятно дѣло,

Но горестно есть души оставлять тѣло.

Dulce mori miseris, sed mors optata recedit;

At quum tristis erit, praecipitata venit.

Жизнь сію оставлять есть бѣднымъ вождельнью, и т. д.

Латинскіе стихи чередуются съ русскими.

Л. 247 обор. Praesentia poeticae a praecipite in schola compositae.

Сначала идутъ латинскіе стихи:

Pierium Augustum placuit fundare laborem:

Ille labor vobis commodus ut veniat,

O Superi, convertimus ad vos pectus et ora,

Ut detis nobis desuper auxilium! и проч.

Затѣмъ слѣдуютъ Carmina rhutena ad imitationem: русскіе стихи на темы:

Л. 250 об. Прийдите, чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ.

В-первыхъ Бога чтить, отца, матеръ чтити

Тщися и ихъ же в тѣхъ мѣсто имѣти

VII.

Богъ тебѣ даде, иже ты измлада
Всѣхъ благъ учили, и проч.

Наставленія дѣтямъ.

Л. 252 об. *Autumnus ad tuum adventum induit floridi veris scenam.*

Чудесную вещь приходъ вашъ являетъ,
Егда ужъ есень не есень бываетъ, и проч.

Л. 253. *Adventus tuus magnam nobis reperit laetitiam.*

Славны приходъ вашъ веселія многа
Исполни сердца наша, какъ от Бога
Къ Товіа ангель посланный с привѣты, и пр.

Л. 253. *Gratulatio ex angustia loci.*

Не сіе мѣсто, но страна пространна
Можетъ вмѣстити тя, мужа избранна...

Л. 253 об. *Gratulatio ex circumstantia mensis octobris*

Къ нынѣ октябрь золь, а къ намъ милосердный,
Нынѣхъ обиждат, намъ служить усердный...

Л. 254 *Gratulatio ex circumstantia autumnii.*

Есень хоть славна обилными плоды,
Однакъ за ето не очень чтить роды
Геліконскіе....

254. об. *Gratulatio ex circumstantia aquilonis.*

Студено нынѣ, а намъ тепло вѣсть,
Полунощны вѣтръ входъ бо гостей грѣет...

Л. 255. *Gratulatio ex circumstantia tenebrosi diei.*

Немилостивъ Фебъ къ намъ днесъ изъясился,
Что в приходъ вашъ денъ мраченъ пригодился...

Л. 255. *Nulla gratia est mortis.*

Чія во мирѣ смертнаго устава,
Сколь онь есть сидень, не знаеть держава?
Чей вѣкъ зъ начала созданія свѣта
Лютаго ея безвѣстенъ навѣта?...

Л. 256. *Descriptio iuvenis.*

Какова друга имѣхомъ любезна,-
И оувь! о немъ коль есть повѣсть слезна!
Ангеловиденъ, зреніемъ прекрасны...

Л. 256 об. *Descriptio resolutae nivis tempore veris.*

Златозарнымъ Фебъ с горныя палаты
Какъ только окомъ взглянул, унывати
Сребровидный снѣгъ начатъ в странахъ дольных...

Л. 257 обор. *Epitaphium piae defunctae serenissimae imperatricis nostrae Annae Ioannides.*

VIII.

Анна в Россіи бѣ императрица,

Миръ, милость россам, аки голубица

Поюви, радость точащая выну...

Л. 258 обор. Стихи безъ заглавія:

Амвросія днесь чтится память честна, славна, —

И тебѣ зрим, пастырю, тебѣ не неравна:

Едно имя, званіе и дѣло едино...

Хвалебная ода Амвросію Юшкевичу.

Л. 259. Другое стихотвореніе на ту же тему:

Амвросія имя сладко и соть превосходит

Медя: кринь благовоный сладчайша не родить...

О Новъ-граде, над всѣх ты в пастыри счастливы...

Л. 259. Стихотворное латинское привѣтствіе Петру II (безъ заглавія):

Petre Nepos Petri, magno de sanguine sanguis,

Petre cui servat Russica sceptrata Deus...

Л. 259. Ода на восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны (безъ заглавія):

Матерь отчества, Монархиню славну,

Тебе Россіи наслѣдну державну,

Даль Богъ тебѣ и всѣхъ радости и миру

Скипетръ, порожу...

Л. 259 обор. Стихотвореніе безъ заглавія:

Обща всѣмъ радость, когда гость приходитъ,

Христось бо гостя, гость Христа приводить...

Л. 260. *Variae variorum auctorum orationes et gratulationes tum ligata, tum soluta oratione confectae.*

a) Вождельнное нынѣ блаженство явися,

Во многомъ веселін всѣм нам приближися,

Егда сподобихомся лице твое зрѣти...

Л. 260 об. b) И юна Палляе наша не можетъ молчати,

Зря тя мітрополита полна благодати...

c) Превозшелъ еси прочих многими благими,

Пастырю искусѣнній, пред Богом твоими...

Л. 261. d) Днесь Богомъ спасаемый Новъ-градъ торжествуетъ,

Ликъ духовныхъ граждан кунно ликовствует...

e) В сердцах и душах наших рождается радость,

Уста же ощущают несказанну сладост...

Л. 261 об. f) Вѣру многу имущъ к Богу, достойно, Мефодіи,

Имя славно носишь явно, вѣчных бо угодін

Есть надежда...

g) Богомъ данный, муж избранный, ректор наш почтенный

Пріявь чести, но без лести Богом возвышенный...

IX.

- h) *Gloria Marcellus Romanis dux fuit olim,
Maior inest nobis gloria, Sancte Pater...*
- Л. 262. i) Усердно тебе всегда мы желаем зрѣти,
Какъ благоутробну мать малѣйшіе дѣти...
к) Девница вам радости возсіяла, музы:
Да разрѣшатся ваши молчанія узы...
l) Пожеланный, свыше данный Петре нам под дѣты,
Посѣщаетъ, возбуждаетъ всѣхъ насъ на привѣты...
- Л. 262 об. m) *Quot simulata bonis, quot Russia pacta triumphos
Vultibus o celsis, Petre, potita tuis...*
n) Привѣтствовали Христа оными привѣты:
Осанна! Благословен! еврейскія дѣти...
o) *Dum tenebras noctis Phoebus propellit amoenas,
Per totum mundum gaudia summa fluunt...*
- Л. 263. p) *Quid, bona musa, siles? Io! Laetum concipe lingua!
Mente simul laetum concipe: pastor adest!...*
q) *Scholarum noster labor omine et alite dextro
Ad finem iam iam praepositum rediit...*
- Л. 263 об. r) Стихотворныя привѣтствія императрицъ Елизаветѣ Петровнѣ:
а) Россійской славы се верхъ правый прославися Богомъ,
Имут бо радость вси и сладость въ веселіи многомъ...
б) *Abdidit sese malus ille livor
Qui morabatur tua celse. Russis
Ora...*
- Л. 264. в) Каменно сердце развѣ наше б было,
Аще радости не бы ощутило
Но вѣрной своей и рабской природѣ
В твоёмъ приходѣ...
- г) Горкихъ скорбей некому темны зрятся мраки,
Освѣтило бо солнце истинное зраки...
- Л. 264 об. д) Царь славы Петру даде порою носить,
Екатерину равно оной украсити
Благоволить, а нынѣ достойно ты в мирѣ
Царь славы прославляетъ в наследной порюирѣ!
В тебѣ милость, любовь и кротость Петрова,
В тебѣ Екатерина, вѣра Христова,
Сіяють, какъ бы сама на тебѣ пороира,
Уже виновна славы Россійской и мира,
Царевуи убо в порюирѣ и буди славима
С наследнымъ Петромъ, свыше отъ всѣхъ золь хранима!
- с) Привѣтствія въ прозѣ:

X.

Л. 264 об. а) Наставнику въ день его ангела:

Л. 266. б) Высочайшей особѣ:

Ангелоподобное Вашего Императорскаго Высочества лице, аки бы вѣкій доброзрачный свѣтъ, всѣхъ и очеса дивно влечеть и сердца безмѣрно увеселяеть! Блаженна еси, Россіе, в ней же шипокъ сей прозябе...

Л. 266 об. в) Императрицѣ:

Иногда персидскому царю Артаксерксу, шествіе творящему, и проч. Приняв не гнушательнѣ, всемилостивѣйшая государыня, прими, аще и убого, но от усердія приносимыя рѣчей и желаній дары: великодаровитый Господь якоже милуя милуетъ насъ въ вашемъ Императорскомъ величествѣ...

Л. 267 об. г) Отцу—префекту:

Piculum sit oportet ni ad praesens tuo nos steterimus conspectui...

Л. 268. д) Поздравительная хвалебно-благодарственная рѣчь архіепископу (Амвросію Юшкевичу) по случаю дня его ангела:

Не лѣтъ беззаконно есть крѣчайшими Гариократова молчанія языкъ нашъ святати узы, высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій нашъ архипастырю и мещенате, когда самая не точю исчелитися, но ниже изрещися удобно могущая твоя преизобилно на насъ недостойнѣйшихъ изливаемая благодаренія возбуждають, поуждають, да тебѣ день сей, день твоему посвященный ангелу, благосчастливо навешающему, достодожное при поздравленіи принесемъ поклоненіе...

Л. 270 об.—274 об. Вписано другою рукою: *Epitaphium beatae memoriae Ambrosio a sui seminarii discipulis inscriptum.*

Incipe lugubres mecum, mea tibia, versus!

Tibia, tu gemitum carmine primum...

Эта часть рукописи (листы 244—270) писана (кроме эпитафин Амвросію) почеркомъ весьма похожимъ (если не тѣмъ же самымъ) на почеркъ руки, писавшей текстъ „Стефанотокоса“, интерлюдій и заключительнаго канта. На бумагѣ встрѣчаются два водяные знака: 1) тотъ же, что и на бумагѣ, на которой писанъ „Стефанотокосъ“, и 2) знакъ „pro patria“, похожій на № 711, табл. I, у Тромонина, и № 503, табл. 67, у Лихачева, Бумага и древ. бум. мельницы (1727 года).

Далѣе, листы 275—345, слѣдуетъ курсъ риторики: *Præcepta de comparanda eloquentia ad usum iuventutis, quam fovet seminarium Novogrodo Ambrosianum, sub celsissimis auspiciis illustrissimi domini kir Ambrosii Iuszkewicz archiepiscopi Novogrodensis et Velicolucensis, tradi et explicari caepta in dicto seminarioper servum suae archipraesuleae celsitudinis longe (in)dignissimum**

*) *in* выскоблено.

XI.

monachum *Josephum Jamnicki*, anno a prodigioso partu Virginis supra 1743—tio, septembris 2 die.

Ямницкій Іоаннъ, въ монашествѣ Іосифъ, воспитаникъ Киевской духовной Академіи, былъ вызванъ въ 1741 г. въ Новгородъ архіепископомъ Амвросіемъ Юшкевичемъ и опредѣленъ учителемъ въ возобновленную Амвросіемъ новгородскую духовную семинарію*).

Писано на бумагѣ, имѣющей такой же водяной знакъ „pro patria“, какъ и бумага предыдущей части рукописи (листовъ 244 и слѣд.).

Листы 346—350 утрачены.

Лл. 351—431: *Praxes in schola a praeeptore ad usum inventutis elaboratae.*

Образцы различныхъ риторическихъ упражненій на латинскомъ языкѣ; при нѣкоторыхъ прибавленъ русскій переводъ.

Писано разными руками. Бумага имѣетъ тотъ же водяной знакъ „pro patria“ и тотъ же щитъ подъ короной, какъ и бумага, на которой написанъ „Стефанотокось“.

Листы 432—434 пустые.

Л. 435—436: *Stimulus ad veteranos et tyrones eloquentiae cultores.*

Л. 437—469: *Praxes ad usum inventutis in schola a praeeptore confectae.* Образцы риторическихъ упражненій, по-латыни, иногда и по-русски.

Л. 490—494. *Magna oratio. Propositio: Gravissimum malum est discipulus malus.* Разсужденіе, составленное по вѣмъ правиламъ риторики, по-латыни.

Л. 294 обор.—501. *Magna oratio in vernacula lingua. Propositio: Ne vo grobъхъ, no vo blagihъ sovѣтахъ Христа iskati nadobno. Thema: Чto ищете живаго e мертвыми? Нѣсть здѣ, но воста.*

Образецъ подобнаго же разсужденія по правиламъ, по-русски.

Л. 501 об.—502. *Complementum oppugnantis contra hanc conclusionem: Iustitia est virtus suum unicuique tribuens.* Два образца небольшой рѣчи, по-латыни.

Л. 502 об.—503. *Oratio discipuli ad suum praeeptorem in die tutelaris sui.* По-латыни. Почеркъ до тождества похожъ на тотъ, какимъ написана Епитафія Амвросію на л. 270 обор. и слѣд.

Эта послѣдняя часть рукописи писана на бумагѣ, имѣющей то водяной знакъ „pro patria“, то тотъ же щитъ подъ короной.

*) Исторія російской іерархіи, іер. Амвросія, М. 1807. часть. I стр. 605. *Н. II. Петровъ*. Значеніе Киевской Академіи въ развитіи духовныхъ школъ въ Россіи. Киевъ, 1904 г. (Отгисекъ изъ „Трудовъ Киев. Дух. Акад.“ 1904 г. № 5), стр. 43.

Такимъ образомъ, судя по бумагѣ, судя по содержанію, вся рукопись писана въ одномъ мѣстѣ, именно въ новгородской духовной семинаріи,—и приблизительно въ одно время—въ промежутокъ между октябрёмъ 1741 года и 1745 годомъ, когда „семинарія имѣла несчастіе лишиться главнаго своего основателя, покровителя и благодѣтеля, преосвященнаго Амвросія (Юшкевича), архіепископа Новгородскаго, который скончался мая 17-го сего (1745) года,^{*)} и когда и могла быть написана Епитафія Амвросію.

Въ „Краткомъ историческомъ свѣденіи о Новгородской Семинаріи^{**)} сказано:

Въ 1742 году, декабря 19, удостоилась Новгородская семинарія Высочайшаго посѣщенія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и того же числа въ Высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества *представлена были на семинарскомъ театрѣ семинаристами драма въ стихахъ, на сей случай сочиненная префектомъ семинаріи.*^{***)}

Вполнѣ справедливыя соображенія, заставили проф. А. М. Лободу поставить происхожденіе „Стефанотокоса“ въ связь „съ дѣятельностью тѣхъ лицъ, ближайшимъ вдохновителемъ которыхъ былъ Юшкевичъ“^{****)}. Трудно отрѣшиться отъ мысли, что пьесой, исполненной новгородскими семинаристами передъ имп. Елисаветой Петровной, была именно драма „Стефанотокосъ“. Въ такомъ случаѣ, авторомъ этой драмы приходится считать іеромонаха *Иннокентія Одровонскъ-Мигалевица*, бывшаго префектомъ новгородской семинаріи въ 1740—1743 годахъ,^{o)} а годомъ написанія пьесы—1742 годъ.

Текстъ драмы „Стефанотокосъ“ по рукописи А. М. Лободы (Л) сличенъ мной съ текстомъ, находящимся въ рукописномъ сборникѣ Московскаго Румянцовскаго Музея № 3348, описанномъ въ Отчетѣ Музея за 1903 г.^{oo)}

*) Ист. рос. іер., ч. 1, стр. 607.

**) Тамъ же, стр. 606.

***) Я обращаюсь къ о. Ректору Новгородской Семинаріи съ просьбой навести въ бібліотекѣ семинаріи и въ архивѣ ея справку, не имѣется ли какихъ-либо данныхъ, документовъ или дѣла объ этомъ посѣщеніи семинаріи императрицею Елисаветой Петровной и о торжествѣ, сопровождавшемъ это событіе; Архимандритъ Сергій, ректоръ семинаріи, въ письмѣ отъ 13 января 1907 г., любезно сообщилъ мнѣ, что никакихъ относящихся къ этому событію актовъ въ бібліотекѣ семинаріи не отыскивается.

****) Чтенія въ Общ. дѣлоп. Нестора, кн. XV, отд. 5, стр. 62.

o) О немъ см. Исторія россій. іерархіи, ч. 1, стр. 604, 606, 607; *Н. П. Петровъ* Значеніе Кіев. Академіи въ развитіи дух. школь, стр. 42. Неясно, на какомъ основаніи Н. П. Петровъ (ib., стр. 43, примѣч. 8) считаетъ авторомъ „Стефанотокоса“ Ямницкаго.

oo) Отчетъ Моск. Публич. и Румянцов. Музеевъ за 1903 г. М. 1904, стр. 37—38. Въ описаніе это вкралась неточность: драма „Стефанотокосъ“, благодаря отсутствію заглавія въ рукописи, названа здѣсь комедіею о Есепри.

XIII.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рукописей, разнаго времени, разной бумаги и разныхъ рукъ, сшитыхъ вмѣстѣ: „О превѣрствѣ бесѣда“—автографъ Юрія Крижанича (листы 159—170), а на первомъ мѣстѣ (листы 1—40) стоитъ „Тамира и Селимъ“, траг. Ломоносова, 1750 года.

„Стефанотокось“ занимаетъ листы 68—95; текстъ этотъ обозначаю, при подведеніи вариантовъ, буквой **М**.

Писано на бумагѣ, имѣющей водяной знакъ: Комерецъ коллегіи—тождественный съ показанными у Тромонина, табл. XXX, №№ 446 и 447 (бумага 1741—1746 годовъ).

Л. 68. Антипрологъ („Выходятъ два отрочища“, и проч.).

Л. 69 Прологъ („Ни одному тайно есть“, и пр.)

Л. 69 обор. Дѣйствіе I, явленіе 1.

Л. 95 обор. Эпигракъ („На семь позорищи показавше“, и проч.).

Третьимъ спискомъ, привлеченнымъ мной къ сравненію, былъ текстъ „Стефанотокоса“, находящійся въ известномъ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки Q, отд. XIV, № 19. Подводя варианты, я обозначаю этотъ послѣдній текстъ буквой **П**.

Сборникъ Q. XIV. 19 въ четвертку, на 121 листѣ, писанъ на бумагѣ, имѣющей водяные знаки: а) буквы **Г. У Б Р**—знакъ тождественный со снимками у Тромонина, Изъясненія знаковъ, табл. XXXVIII № 538 (1780 года) и б) буквы **Ф С М П**—знакъ сходный съ № 787, табл. LIV и № 528, табл. XXXVIII Тромонина (оба знака тоже 1780 года).

Составъ сборника:

Листы 1—6. Рѣчь къ Благочестивѣйшей Государынѣ Ливѣ Іоанновѣ Императрицѣ в Самодержицѣ всероссійской, принисана отъ князя Антіоха Кантемира въ Москвѣ 1731 году іюня 2 числа.

Л. 6 об. Стихотвореніе „Феофанъ архіепископъ новгородскій къ сему автору“:

Не знаю, что (sic) ты, пророче рогатый, и проч.

= Соч. Кантемира, ред. Ефремова, т. I, стр. 22.

Л. 7. Къ тому жъ творцу:

Творче, не с малымъ полкомъ брав тебѣ и дѣло, и пр.

= Соч. Кантемира, I, 189.

Л. 7 об. Русскіе стихи изъ латинскаго стихотворенія Ѳ. Кролика: см. соч. Кантемира, т. I, стр. 23, 24. Затѣмъ—двѣ эпиграммы А. Кантемира: „Что дать Гораций“ и „Кто я таковъ“—соч. Кантем., I, 189.

Л. 8. Сатира Кантемира На хулящихъ ученіе:

Уме слабый плод трудовъ и проч.

= Соч. Кантем., I, 190.

Л. 12. „Чимъ красно благородство?“—Соч. Кантем. I, 205.

Л. 12. „Если добро быти благороднымъ“—тамъ же, I, 205.

Л. 12 об. Сатирикъ къ читателямъ: Въ сообществѣ все писано, и пр.—тамъ же, I, 228.

XIV.

- Л. 12 об. К преосв. Ооофану: Обязал еси мене, и проч.—тамъ же, I, 227.
- Л. 13. Сатира на зависть и гордость дворянъ злонаравныхъ—тамъ же, I, 205.
- Л. 20. Сатира о различіи страстей—тамъ же, I, 228.
- Л. 27 об. К читателю: Не гнѣвайтесь, чтеды, стихами моими, и пр.—тамъ же, I, 247.
- Л. 28. Сатира къ музѣ своей—тамъ же, I, 247.
- Л. 31 об. Сатира На челоуѣка—тамъ же, I, 255.
- Л. 42. Разные стихи:
- Л. 42. 1) Нѣту мирнаго дня, нѣтъ спокойной ночи,
Ахъ ужъ от неспанья покраснили очи...
- Л. 43 об. 2) Poesis Bucolica. Еumen et Xenophit:
Е. Истари тебе я, Ксенофитъ, знаю.
- Л. 47. 3) Стишки:
Что о богатыхъ печенеша приходахъ.
- Л. 47 об. 4) Стишки. Gratulatoria:
Воспойте нынѣ, Музы, вси согласно.
- Л. 48. 5) Стишки:
О Свѣте мой прекрасный, Свѣте вождельный,
Сладчайшій Иисусе, Животе нетлѣнный.
- Л. 48 об. 6) Стишки:
Рцы, о мире, почто ты горделив жестоко.
- Л. 49. 7) Стишки:
Невѣжа и мудръ, богатъ и нищъ в мирѣ.
- Л. 49. 8) Стишки:
Ночь уже преиде и тма истребися
- Л. 49 об. 9) Стишки:
Вѣкъ жизни наша тмоу ест обяты.
- Л. 50. 10) Стишки:
Ибо хоть и милостивъ бѣднымъ ты прощаем.
- Л. 50. 11) Стишки:
Днесь род челоуѣческой преславно играет.
- Л. 50 об. 12) Стишки. Gratulatio:
Свѣтлое торжество днесь ваша святыни.
- Л. 50 об. 13) Стишки. Gratul.:
Звѣремъ равны и злонаравны явились б были.
- Л. 51. 14) Стишки:
Господь очи в темной ночи мой просвѣщаетъ.
- Л. 51 об. 15) Стишки:
Что мя пощеніемъ, отче, отвергаешъ.
- Л. 52 об. 16) Стишки:
Содержащая въ своемъ сердца плени.

- Л. 58. 17) Описаніе рѣки Волхова:
От полудня на полночь Волховъ катитъ воды.
- Л. 60. 18) Стишки:
Симонъ: Вот вам тот идетъ, что своими снами, и проч.
== *Морозовъ*, Ист. русс. театра, прилож. II: сцена продажи Іосифа братьями.
- Л. 63. 19) Стишки:
O una ante alias venerabilis arbor...
O древо паче всѣхъ древесъ почтено...
(чередуются латинскіе стихи съ русскими)
- Л. 65 об. 20) Стишки:
Поклонъ тебѣ отдаю, здравствovat желаю.
- Л. 66 об. 21) Epigramma O неисправномъ челoвѣки:
" Нечувственнымъ ли древомъ или дивымъ звѣремъ...
- Л. 67. 22) Gratul.:
Вещъ аароновъ жезлъ былъ, но сіе дѣвнѣе.
- Л. 67 об. 23) Стишки:
Прочь, духъ косненный, еще не унылы.
- Лл. 68—98. Драма „Стефанотокось“ (заглавіе не обозначено)=Тихонравовъ,
Примѣчанія ко II тому Русскихъ Драматическихъ Произведеній 1672—1725 гг., При-
ложеніе, стр. XXXVII—LXXXV.
- Л. 68. Антипрологъ.
- Л. 69. Синопсисъ. Краткое драмы изъясненіе.
- Л. 70. Прологъ.
- Л. 71. Дѣйствіе I, явленіе 1.
- Л. 97 об. Епілогъ.
- Л. 98. Интерлюдія, или междуброшенныя забавныя играюща=Тихонравовъ,
Лѣтописи русс. литер. и древн., т. II, отд. 2-й, стр. 37—60. Не отмѣчено, что ин-
терлюдія относятся къ драмѣ „Стефанотокось“.
- Л. 118. Неалмы: 1) O горе мнѣ грѣшнику сушу, 2) На рѣкахъ сѣдѣща горка
Вавилона, 3) Коли дождусь я весела ведра, 4) O суетный челoвѣче, рабе неключимый,
5) Все люди живутъ какъ цвѣты цвѣтутъ==*Морозовъ*, Исторія русс. театра, стр. 336:
6) Гряди, надеждо наша едина, 7) Житіе мое, житіе бѣдное.
- Л. 121 об. В Московскую Губернскую Канцелярію писаніе (о крестьянинѣ, имѣв-
шемъ 72 челoвѣка дѣтей).
- Л. 121 об. Табличка злыхъ дней въ году.

Ни одинъ изъ трехъ списковъ драмы „Стефанотокось“ (Л, М, П) не можетъ
быть признанъ первоначальнымъ: это копія, въ которыхъ есть дефекты, неточная пе-
дача оригинала. Несомнѣнно, наиболѣе точная копія—списокъ Л, но и эта копія не
безупречна, и списки М и П даютъ возможность исправленія промаховъ Л, какъ это

XVI.

видно изъ приводимыхъ мной подъ строкой вариантовъ. Въ основной текстъ (Л) я внеслъ изъ М и П тѣ варианты, которые дѣлають стихъ болѣе исправнымъ: даютъ лучшій смыслъ, нормальное число слоговъ (13), риѣму. Отмѣчены по-возможности всѣ различія списковъ.

IV. Присоединяю сообщеніе о второмъ спискѣ школьной драмы о царѣ Езекиа, найденномъ мной въ одномъ изъ сборниковъ рукописнаго собранія Н. Н. Михайловскаго, въ г. Нѣжинѣ.

Пріятнымъ долгомъ считаю выразить здѣсь глубокую благодарность лицамъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе: Ф. Ф. Гельке, А. С. Крыловскому, А. М. Лободѣ, Н. Н. Михайловскому, В. Н. Перетцу, Н. И. Петрову и М. Н. Сперанскому.

10 марта
1907.

В. Р.

Д Р А М Ы

РОЖДЕСТВЕНСКІЯ И ПАСХАЛЬНЫЯ

ПО РУКОПИСЯМЪ

И.-Ф. Института кн. Безбородко.

I.

л. 12.

Дѣйствіе на Рождество Христово

изъявляющее преступленіе души человѣческой ради грѣха смертію
обладанной ея же ради избавленія Богъ посла Сына своего
единороднаго *)

Явленіе 1-е

Г р ѣ х ъ.

*Грѣхъ родившися отъ Натуры человѣческой блажит себе и убиваетъ
раждающую, яко егидино порожденіе матерь свою.*

Многія вещи в мірѣ своими дарами
Хвалятся и дѣйствія объявляютъ сами.
Азъ же что имамъ нынѣ о себѣ сказать,
Откуда дѣйства моя начну исчисляти?
Или весьма умолчу и буду безгласенъ?
Не буди, но вся моя скажу безопасенъ. ||
Дѣйства и силы моя толь суть превелики,
Что никто отъ человѣкъ не имѣлъ толики.
Ангель иже отъ протчихъ в чести былъ свѣтлѣши,
Ангель иже в силѣ былъ отъ многихъ знатнѣши,
Ангель иже несъ имя свѣтлѣйшей Денницы—
Не меня ли для сверженъ в адскія темницы?
Его же подобнѣ звергъ в стигиску еридну,
Какъ чадо убиваетъ родившися ехидну;
Ибо аще и рожденъ азъ отъ его воли,
Но мене ради сведенъ въ мрачныя юдоли,
Откуда с нимъ в людѣхъ брань творимъ и напасти;
Злоба, зависть, убійство в нашей сія власти.
Но что умолкше далѣ дѣйствъ не объявляю?
На что языкъ и уста поздѣ заключаю?

*) Изъ сборника № 179, разныхъ рукъ XVIII вѣка, листы 12—20.

Или не объявляю вещь мною жъ сотворенну?
 Не скажу ли, какъ душу, во свѣтъ облеченну,
 Одѣяхъ скоро мракомъ, лишихъ благодати,
 Юже аще б не Адамъ могли вси стяжати?
 Но зане Адамъ лжива послушалъ совѣта
 Моего, презрѣлъ законъ, вшелъ во тму от свѣта,
 Стратилъ благодать перву Богомъ дарованну,
 Згубилъ красоту лица и милость избранну,
 Отдалѣнь былъ в тлѣнный мѣръ от вѣчной ограда,
 Выгнанъ з рай с Евою, со звѣрми и гады,
 Идѣ живущъ уже не имѣлъ первенства,
 Не видѣлъ яже в раи пріять былъ блаженства,
 Но во время житія на земной краинѣ
 В моеи зрился грѣховной окаяннѣй тинѣ.
 От сего паденія перва чловѣка
 Пріавши силу, внидохъ в мала и велика;
 Ибо откуда бы леть, убитва во мѣрѣ,
 Откуда всяка злоба и развраты в вѣрѣ?
 Вся сія содержу азъ доселѣ с начала,
 Полна бо ми от сего и корысть не мала. ||

л. 13. Азъ силенъ волю мою нынѣ простирати,
 Азъ могу людемъ разнство и пзмѣну дати;
 Азъ чловѣка свята, честна и блажепна
 Вскорѣ могу сотворить даровъ всѣхъ лишенна.
 Смотрите, какову власть и силу имѣю!
 Видьте, что и самими душами владѣю.

Явленіе 2-е

Душу благодатную обстоятъ мертвецы.

Мертвецъ 1.

Откуда ты, о душе, сицева премѣна?
 Почто мрачна и гнусна еси и преарѣна?
 Ахъ, како скоро вся, душе, безобразна стала,
 Какъ скоро благодати свѣтлость потеряла!
 Подобнѣ архангелу в славѣ ты блистала,
 Но воскорѣ яко цвѣтъ лѣпотами снала.

П ѣ н і е 1.

Коль дражайша тварь, блажайша вся твари,
 Свѣтлѣйша солнца, яснѣйша зари!
 Гдѣ ти, душа, доброта, гдѣ прежняя красота?
 Днесь видѣ красенъ, мѣръ несказанный
 Терпитъ вредъ смертны тмы, страждетъ раны

М е р т в е ц ъ 2.

Удивляюся, душе, на тебе взирая,
 Чуждуся, како в малѣ стратила благая.
 Гдѣ ти красота лица, гдѣ ангелска слава?
 Гдѣ благодать, гдѣ Богомъ врученна держава?
 Презѣлно грѣха ради мѣръ смущаешь страхомъ;
 Красота твоя мелкимъ разсыпалась прахомъ.

П ѣ н і е 2.

Во прахъ лице твое в тотъ часъ обратися,
 Когда благодати Божіей лишися.
 Гдѣ ти, душе, доброта, гдѣ прежняя красота? ||
 Вмѣсто свѣта тмою днесъ себе помрачаешь,
 Лишившись нетлѣнія в мрацѣ пребываешь.
 Гдѣ ти, душе, красота, гдѣ прежняя доброта?

Я в л е н і е 3-е

Снисходитъ Милосердіе Божіе, жалѣя о погибелн душихъ человѣчскихъ.

М и л о с е р д і е.

Удивляюсь твоему днесъ зраку ужасну,
 Чуждусь видяще тя тѣмъ подобну и властну.
 Рцы ми, кая еси тварь и почто въздыхаешь?
 Почто зракомъ симъ страшишь и горцѣ рыдаешь?

Д у ш а.

Азъ есмь душа исперва Богомъ сотворенна;
 Азъ в рай сладости быхъ прежде посажденна,

Азъ во образѣ свѣтломъ и славѣ сіяла,
 Честнѣйша была твари видимой с начала.
 Егда же дерзнухъ завѣтъ Божій преступити
 Прелщенна быхъ діаволомъ, и плода вкусити
 От древа жизни, Богомъ самимъ завѣщанна,
 Абіе обрѣтохся отгуду изгнанна;
 Абіе мрачны во мнѣ образъ сей явился,
 Абіе видъ мой свѣтлый грѣхомъ очернися.
 От того часа до днесь мрачна пребываю,
 Плачу, егда красоту перву помышляю.
 Ты же кто еси, молю, изволь мнѣ сказати,
 И почто благоволилъ о мнѣ вопрошати?

М и л о с е р д і е.

Милость Божія есмь азъ, имя мое славно
 От востокъ до западу всему міру явно.

Д у ш а.

Молю тя, госпоже моя, благоволи вняти
 Словесемъ, ими же ты хошу утруждати. ||

- л. 14. На имя твое днесь, Милосте, взирая,
 Да знаю яко ты всѣмъ даеши благая,
 Молю убо и азъ тя: даждь помощь благую,
 Простри милосердія мнѣ руку десную,
 Просвѣти мракомъ грѣха всюду очерненну,
 Сотвори во свѣтъ первый душу облеченну:
 Не даждь болѣе души в грѣхѣ пребывати,
 Повели мраку сему от мене отстати.

М и л о с е р д і е.

Добрѣ азъ имамъ ти в сем спомоществовати,
 И прежнюю благодать потщусь отискати:
 Вижду бо азъ тя лицемъ и сердцемъ крушиму,
 Вижду, яко имѣешь болѣзнь нестерпиму,
 Вижду, яко рыдаешь о прежней годинѣ.
 Но уже ты скорбяща не буди отнынѣ,
 Зане имѣю сей мракъ вскорѣ убѣлнити,
 Потщуся скверны твоя и гнусность омыти.
 Толко желаешь ли ты в такой благодати
 Не прикасатись грѣху, но чиста бывать?

Д у ш а.

Не имамъ воистину к грѣху ся склоняти,
 Когда отиmeshи сей мракъ от мене, мати.

М и л о с е р д і е.

Се убо гряду от днесъ к небесному граду,
 Имѣюща подати в плачи ти отраду,
 И от небесъ испошлю от Троицы Едина,
 Праведна, безначална Превѣчнаго Сына:
 Онъ возобновить образъ первый тебѣ данный,
 Введеть тя паки в покой прежни пожеланны.

Явленіе 4-е

Желаніе праотець съдящихъ во адѣ вопіетъ ко Богу. ||

Доколѣ, Господи, адѣ, доколѣ сидѣти?
 Доколѣ адскую тму, доколѣ терпѣти?
 Почто забываеши съдящихъ во адѣ?
 Почто оставляеши стенать без отрады?
 Доколѣ нами врагъ нашъ будетъ обладати?
 Доколѣ во мѣстѣ семъ будемъ вси рыдати?
 Услыши, Господи, гласъ рабъ твоихъ смиренный,
 Услыши молитву самъ и вопль умиленный!
 Пошли Сына Твоего, избави отсюду,
 Изми от усть адовыхъ, даждь утѣху люду,
 Разрѣши грѣховыхъ узъ, разрѣши плѣницы,
 Изведи насъ от адской мрачной сей темницы.

П р и х о д и т ь Н а д е ж д а.

Не тужите, людіе, полно сѣтовати,
 Престанте вопить гласно, престанте рыдати.
 Уже бо болезнь ваша вскорѣ окончится,
 Уже власть князя адска в конецъ истребится;
 Имать бо послать Сына Богъ собезначална,
 Иже изметъ васъ сего от мѣста печална.
 И аще словесѣмъ вѣру не хотите яти,
 Се вамъ даю залогъ мой, изволте пріяти.

Явленіе 5-е

Пророки Валаамъ и Ісаія возвѣщаютъ міру о пришествіи Христовомъ.

Пророкъ Валаамъ.

Тако странно, радостно, чудесно и ново,
 Тако недовѣдомо вамъ вѣщаю слово:
 Се днесь от Іакова звѣзда возсіяетъ,
 Освѣтитъ, пронзѣдетъ и прооблистаетъ;
 Се встанетъ человѣкъ от Іуды нынѣ,
 Низложитъ начальниковъ моавицкихъ силнѣ
 И возпрославитъ Сива купно со сынами,
 Возвеличитъ, обдаритъ многими дарами, ||

л. 15. Пронменованіе дастъ ему преславно,
 О чемъ да имѣете извѣстно и явно.

Пророкъ Ісаія.

Утѣшайтесь, друзи, ни мало тужите,
 Печаль вашу на радость теперъ преложите.
 Се Богъ и Создатель нашъ, Господь и Царь славы,
 Воздая воздастъ скоро милость и суд правы,
 Человѣколюбивый самъ приидетъ явно,
 Потщится избавити и спасти насъ славно.
 Тогда будутъ отверсты очеса слѣпыя,
 Тогда слухомъ услышатъ ушеса глухія,
 Тогда скачатъ хромыя, якоже елени,
 Тогда будетъ гугнивыхъ языкъ изясненны.

Явленіе 6-е

Волхви за звѣздою шествуютъ и испытаютъ о рожденномъ Царѣ от Ірода, Іродъ же слышавъ удивляется о таковой вѣсти, велитъ призвати книжниковъ и испытуетъ о Христвѣ гдѣ раждается. Воспріявши же вѣсть от книжниковъ, яко Христовъ во Вифлемѣ раждается, повелѣваетъ волхвямъ его искати, и егда обрящутъ, молятъ, дабы ему возвѣстили; волхви же, получивши таковую вѣсть, в путь свой шествуютъ.

Волхвъ 1-й.

Придохомъ в сія страны, о царю державный,
 Зане звѣзда устрои путь сѣмо нам явный.

Молимъ державство твое прилѣжно внушати,
О чемъ будемъ любовнѣ тебе вопрошати.

І р о д ъ.

Внѣжду васъ царскимъ саномъ достойно почтенныхъ,
Паче же в премудрости зѣлю совершенныхъ || .
В чемъ молю свѣтлость вашу—грядете откуда?
И камо шествуете, что придосте сюду?

В о л х в ъ 2-й.

Шествіе наше, царю, от восточной страны
Самозвольно явись кромѣ всякой брани.
Потщомся во землѣ іудейской быти,
Ею же свѣтлость твоя изволить владѣти.

І р о д ъ.

Коя ради вины, изволте сказати,
Придосте сѣмо, да аз возмогу познати.

В о л х в ъ 3-й.

Пришествія нашего не инна притчина,
Точію в желаніи сія есть едина,
Еже велика царя юдейска възскати
И новорожденному поклонѣ нашъ отдати.

І р о д ъ.

Азъ единъ царь сей земли, реку дерзповенно,—
Откуда о иномъ есть царѣ возвѣщенно?
И кто сказа вамъ быти царя здѣ рожденна,
Его же скажете над мене почтенна?
Нарицаете его царя быть велика,
Воздается над мене ему честь толлика.

В о л х в ъ 1.

Звѣзда рождество его показа намъ явно,
В сей землѣ имущое возсіять преславно.

Чтохомъ бо Валаама, наперед насъ бывша,
 Волхва аравицкаго, о семъ возвѣстивша:
 От Иакова, рече, звѣзда возсіяетъ,
 От колѣна Іудова Христось ся раждаетъ.
 Той плѣнитъ Моавиты со всѣми предѣлы,
 Истребитъ со всѣмъ оныхъ противныя силы.
 Мы же валаамовы приѣмники бывши,
 Необычную звѣзду на небѣ узрѣвши || ,

л. 16. Мнимъ, что іудейскаго царя знаменуетъ,
 Шествуемъ куды путь намъ к нему показуетъ.

І р о д ъ

Воини, собирайте книжники и первосвященники людскія, и
 азъ вопрошу ихъ о семъ.
 Гдѣ Христось раждается, рците!

Книжникъ 1.

Во Вивлсемѣ іудействѣмъ.

Книжникъ 2.

Тако бо есть писано чрезъ пророка: И ты, Вивлееме, земле
 іудова ничимъ же менши еси во владыкахъ іудовыхъ,
 изъ тебе найдетъ вождь иже упасетъ люди моя ізраиля.

І р о д ъ.

Шествуйте съ миромъ отроча възскати,
 Егда же обращаете, вѣсть молю мнѣ дати,
 Яко да и азъ шедше ему присмотрюся,
 И новорожденному царю поклонюся.

Явленіе 7-е

*Волсви отдають дары Христу во Вивлеемѣ лежащему, идѣ же
 Марія и Иосифъ присудствуютъ, и ангели „слава в вышнихъ Богу“ воспѣ-
 ваютъ. Отдавши же поклонъ и дары—смирну, ливанъ и злато—шествуютъ
 во свояѣи, и не возвращаются ко Іроду.*

П ѣ н і е.

Слава в вышнихъ буди единому Богу,
 Сотворшему на землѣ миръ и любовь многую!

Се нынѣ спасеніе всѣмъ людемъ настало,
 Благоволеніе в насъ се днесь возсіяло.
 Свѣтло торжествуютъ ангелскія лики.
 Вѣчны миръ содѣян днесь со человѣки. ||

Днесь солнце правды Христосъ лучи испускаетъ,
 Богъ предвѣчны во плоти нынѣ ся являетъ.
 Торжествуй, о Рахиль, плачущая нынѣ,
 Ликуй небо и земле о рожденномъ сынѣ.
 Буди слава и держава в родъ и род во вѣки
 Сотворившему любовь между человѣки.

В о л х в ѣ 1.

Боже премилостивый и Царю пред вѣки,
 Плъненныя свободи адомъ человѣки.
 Ты обстоимъ еси всегда херувимы,
 Яко Богъ всея твари пречестно хвалимы.
 Тебе трепещутъ власти сидяща на тронѣ,
 Зряще славу твою во горнѣмъ Своиѣ.
 Изволивъ человѣку милость показати,
 Такъ возлюбивше, яко зань и пострадати,—
 Примни сей лѣванъ к твоей благодати,
 Пренесенный от мене всемирно нынѣ.
 Благослови животь нашъ на многіе лѣта,
 Сохрани царство наше от всяка навѣта.

В о л х в ѣ 2.

Видѣша ты паче всея твари достойнѣйша,
 От всякой драгой вещи и злата честиѣйша;
 Над тебе достоинъ весь міръ не можетъ быти,
 Кто бо ся создателю дерзнетъ уравнити?
 Небомъ и вселенною всею обладаешъ,
 От дѣлъ рукъ своихъ ты Единъ промышляешъ.
 Вся сія Ты дѣеши в своей благодати,—
 Ты благоволи сіе злато воспріяти.

В о л х в ѣ 3.

Понеже бо Божія благодать возсіяла
 На тебѣ, яже прежде в словѣ пребывала,

Того ради азъ тебе, Боже, почитаю,
Сіе приношеніе смиренно вручаю: ||

л. 17. Прими убо смирну, днесъ лежащи на сѣнѣ,
От преклоншихъ тебѣ днесъ сердца и колѣни.

Явленіе 8-е

Гродъ бывши от волховъ поруганъ, стѣяюще о таковой вѣстѣ и недоумывающе, что с ними творити имать, совѣтуетъ о Новорожденномъ со Злобою, Завистію, Коварствомъ и Убійствомъ, имъ же діаволъ шептаетъ на ухо; которыхъ совѣтники убѣждаютъ царя о убійствѣ младенца, Гродъ же повелѣваетъ избити младенцевъ во всей Іудеи.

Г р о д ъ.

О кая печаль мою старость постигаетъ!
О кое смущеніе сердце ми пронзаетъ!
Егда о сей прискорбной вѣсти помышляю,
Что сотворить в скорбѣ сей азъ болѣе чаю?
Понеже от волховъ есмь весьма поруганный,
За прошеніе мое от них посмѣянный,
Что не толко о Христѣ вѣсти мнѣ дадоша,
Но и тайно во своя страны отидоша.
Чего ради смущаюсь о царѣ рожденномъ
И во время царствія моего явленномъ,
Запе аще отрокъ сей восприметь державу,
В возрастъ пришедши, мою испровержетъ славу,
То уже непремѣнно азъ ему служити
Имамъ, о дабы вѣстѣ сей во вѣкъ не слыти!
Что жъ от скорби протчее имамъ сотворити?
Вы друзи мои, даждте здравы мнѣ совѣты.

З л о б а.

Почто тако, о царю, печально зываешь?
Чесо ради напрасно сердцемъ воздыхаешь?
Престань отселѣ сице жалостно рыдати,
Послушай мене, Злобу, повели взыскати ||
Отрока, в царствѣ твоємъ недавно рожденна,
Царя вмѣсто тебе намъ быти проявленна.

І р о д ъ.

Какъ его сискать отнюдъ недоумѣваю—
В коемъ градѣ и странѣ, и кто есть, не знаю.

З а в и с т ь.

Мнѣ, Зависти, о царю, вели разсмотрити,
Всю Юдею, вертепы, горы проходить.
Обрящется подлинно, азъ тебѣ вѣщаю,
Вскорѣ его принести предъ тя общаю.

І р о д ъ.

Обѣщаніе твое пуше мя смущаетъ,
Печаль в сердцѣ моемъ вѣщную раждаетъ:
Како бо матери его не могутъ сокрыти.

К о в а р с т в о.

Азъ глаголю, о царю, нелзя утанти.
Повели мнѣ точію всюду проходить,
Лукавствомъ моимъ его могу усмотрити:
Ибо матеремъ буду общати дары,
Сребро, злато, одежды и всяки утвари;
Ради злата имѣютъ о семъ мнѣ сказати.
Пронскавъ его потщусь насилно отнати.

І р о д ъ.

Но и такъ не объявятъ страхомъ обдержимы
Матери, аще будутъ и гладомъ томимы,
Ни восхотятъ ни злата, ни сребра пріяти,
Кромѣ какъ можно оныхъ стануть защищати.

У б і й с т в о.

Уа! почто, о царю, такъ себе смущаешь,
Какъ бы тое отроча убить помышляешь?
Царь еси, власть имаши живота и смерти,
Можешь смертію его невозбранно стерти.
Азъ, Убивство, благи ти подаю совѣты:
Вели во всей Юдеи младенцы избити. ||

л. 18.

І р о д ъ.

Грядите, вон, во всю Юдею грядите,
Во всёхъ предѣлѣхъ моихъ младенцевъ губите!

Явленіе 9-е

Плачетъ дочь Сіонская о избіеніи чадъ своихъ.

Кто днесъ главѣ моей дастъ струнъ рѣкъ широкихъ,
Или очесемъ моимъ горкихъ слезъ потоки,
Ими же да оплачу бѣду нечаянну?
Ахъ, увы! кто утѣшитъ мене окаянну?
Желѣзо мнѣ утробу люто прободаетъ,
Явою неисцѣльной сердце убиваетъ:
Лишихся чадъ любезныхъ, чадъ мною рожденных,
Ихже зрю яко агнцевъ мечемъ заколенныхъ.

П ѣ н і е.

Нѣсте тяжчайше
Сердцу страдати
И воздыхати непрестанно,
Когда матеръ
Итенцевъ лишится,
Вдовствомъ плѣнится нечаянно;
Стонеть, ходитъ,
Плачь всёмъ родитъ,
Рыдает, не знаетъ, что творити.

Д щ е р ь с і о н с к а я.

Толико свирѣпныя и тяжелой болезни
Не начаялась имѣть во всей моей жизни,
Коликую мнѣ нанесъ Іродъ вселукавый,
Кровь дѣтей неповинныхъ всюду проліявы!
С любовію терпѣла в рождеству печали,
Нынѣ мя несносныя бѣды поискали. ||

П ѣ н і е.

Что се видимъ?
Позоръ ужасный!
Часы бесчасны днесъ настали!

Что ты, мати,
 Лице змѣненно,
 Сердце смущенно от печали?
 Слезы точишь, очи мочишь,
 Збираешь, лобзаешь чада твоя.

Д щ е р ь с і о н с к а я .

Вси твои, о Сіоне, прекрасны предѣлы
 Яко непроходные лѣсы приуныли!
 Гдѣ твои наслѣдники? вси какъ свѣтъ зайдоша,
 Вси несытаго меча остріемъ умроста!
 Воздохни изъ глубины, сердцемъ умилися,
 Испусти плачевный гласъ, горко прослезися.

Ш ѣ н і е .

Полно тужить!
 Сѣтуешь вскую?
 Отри слезъ струю, перестани.
 Хотя твои
 Чада ссѣченны,
 Но суть спасенны, увѣчанны.
 Между нами
 Вси устнами
 Спѣвають, играютъ, ликовствуютъ.

Д щ е р ь с і о н с к а я .

О, коль веселья нѣкій гласъ слухъ мнѣ улаждаетъ,
 Иже мертвыхъ моихъ чадъ живыхъ бытъ вѣщаетъ!

А н г е л ь .

Богъ в вышнихъ живый странахъ, печальная мати,
 Изволил мене сѣмо до тебе послати ||

л. 19. Утѣшится, да жалостно все не рыдаешь,
 Но паче на онога крѣпко уповаешь:
 Чада бо твои аще и земныхъ лишились,
 Однакъ не в смерть, но в живот вѣчный преселились.
 Яко бѣлы орлы в небо возлѣтели,
 Идѣже селеніе свое положили:

Божественную славу ясно созерцають,
 Безсмертныя сладости себе насыщаютъ.

Явленіе 10-е.

Власть Божія побѣдившая діавола и протчась противниковъ своихъ торжествуетъ со Смиреннолюбимъ и Незлобимъ; вручивши Благочестію державу свою отходитъ в горній Сіонъ; Благочестіе же за сицевую милость благодареніе Богу воздаетъ и пѣніемъ окончиваетъ.

Нѣсть возможно начала мнѣ опредѣлити,
 Ниже паки моего конца изслѣдити;
 Нѣсть мѣста такового во свѣтѣ единая,
 Идѣ же бы не славилася моя благостыня.
 Выну на херувимѣхъ страшныхъ почиваю,
 „Святъ, святъ“ от серафимовъ „Господь Богъ“ внушаю.
 Небо преисполнено есть моя слава,
 Земля же величества не вмѣститъ державы.
 Всю тварь благоизволихъ з ничего создати,
 Юже человекѣку ввѣрихъ обладати;
 Но котораго сотворихъ во всѣхъ совершенна,
 Безсмертнаго, нетлѣнна, зѣло умудренна,
 Однакъ неблагодаренъ во всѣмъ сихъ явися,
 Вражію бо совѣту в конецъ прилѣпился;
 Преслушавъ непорочный завѣтъ ему данный,
 Пламеннымъ оружіемъ з раю бысть изгнанный ||

На землю, юже трудомъ руками копая,
 Ясти хлѣбъ в потѣ лица, в слезахъ омокая;
 На его же за милость бѣдство преклонихся,
 Даже азъ до рабія зрака истощихся;
 Уничтожилъ лестную вражію гордыню,
 Уничтоживши послахъ в адову твердыню.
 Не хвалится вражія немощная сила,
 Понеже плоть брѣнная сію побѣдила.
 Грѣхъ не имать области уже ктому в мірѣ,
 Оправдающимся всѣмъ от единой вѣры.
 Смерть с противники ея лежитъ бездыханна,
 Поцрана всѣхъ жизнию лютѣ окаянна.
 Тѣмъ же веселый праздникъ нынѣ составляю,
 В немъ же твари играти всей повелѣваю.

Я вознесенныя отступника роги
Низложилъ всесилою рукою под ноги.

Смиренолюбіе.

Торжествуй, Власть Божія, и ликуй на вѣки,
Побѣдившая враги сія превелики!
Презрѣніе промысла со грѣхомъ связано,
Тщеславіе с дьяволомъ во устахъ скованно,
Окаянную злобу в конецъ сокрушили,
Тыхъ своихъ противниковъ к ногамъ покорили.
Сего ради преславно днесь возвеселися,
Яко твоя держава во вѣкъ утвердися.

Незлобіе.

Кому тако преславно нынѣ ликовати,
Яко Власти Божіей днесь торжествовати,
Покорившей под нозѣ своя супостаты,
Свободившей людѣ, в плѣнь діаволску взяты.
О Власте, с Незлобіемъ ликуй во вся лѣта
И Смиренолюбіемъ всегда без навѣта! ||

л. 20.

И ѣ н і е.

Тебѣ слава и держава, Всемогущій Боже,
Иже явно сихъ преславно побѣдить возможно.
Воздыхаютъ и рыдаютъ врази побѣжденные,
Ибо сами подъ ногами лежатъ посрамленны.
Се недавно весь міръ явно в конецъ побѣждали,
Днесь без брани смертны раны от Тя воспріяли,
Сего ради безъ отрады в адескую плѣнь впали.
Ты же, Бога Власть премнога, торжествуй со лики,
В славѣ вѣчной Ти приличной державствуй на вѣки.

Благочестіе.

Тебѣ слава единой от всѣхъ в вѣки буди,
Что забавила еси прелщенныя люди,
Под игомъ діаволскимъ толь долго томимы,
Иже нынѣ спасшеся суть необоримы.

Дажь мнѣ скипетръ всеилныя Твоя державы
 И помощь от вельгѣпной низпосли мнѣ славы,
 Ею же вооруженна зжену супостаты
 И люди твоя мудрѣ могу управляти.

Власть Божія.

Прими непобѣдиму власть мою и силу,
 Ею же низложиши вражію лесь гнилу.
 Се ти враговъ под нозѣ твои повергаю,
 Всѣхъ твоихъ противниковъ тебѣ покоряю.
 Наступай и побѣждай и царствуй во вѣки,
 В побѣдахъ прославлю тя между человекъ.
 Се ти царски скипетръ, се ти діадима,
 На престолѣ Божіемъ ти власть буди нерушима.
 Азъ бо сія скончавши вся благополучно
 Иду тамо, идѣже живу неразлучно,
 Иду тамо, идѣже ангелскія лица
 Желаютъ низвѣстити красныя зѣнницы. ||
 В горнихъ бо красныхъ мѣстѣхъ выну обитаю,
 Вамъ же неоскудную милость оставляю.

Благочестіе.

Кое благодарствіе имамъ ти воздати,
 О милосердый Боже, в такой благодати,
 Яко вручилъ еси мнѣ сщеву державу
 И даровалъ еси днесь всего міра славу?
 Покаряешъ противныхъ всѣхъ враговъ под нозѣ,
 Велишь торжествовати в царскомъ мнѣ чертозѣ.
 Что убо за се ти имамъ приносить?
 Кую жертву достойну могу освятити?
 Главу и сердце низу, колѣна склоняю,
 Тя токмо единого Бога почитаю.

И ѣ н і е.

Слава тебѣ Сыну,
 Во Троицѣ едину,
 От Дѣвыи рожденну,
 Днесь міру явленну!

Благоизволившу, небо оставившу

Насъ дѣля. 3.

Ангели ликуютъ,

Цари торжествуютъ,

Князи со тѣмъпаны,

Поютъ сице страны:

Да будетъ честь-слава, едина держава

Тебѣ в вѣки. 3.

П ѣ н і е.

Аще кая болезнь в мѣрѣ можетъ быти,

Что паче матери можетъ уязвити,

Еже зрѣти чада порожденна, за гнѣвъ збиенна?

Болѣзненно мати кровь си проливаетъ

В тотъ часъ, егда чадо свое раждаетъ,—

Болезненно мертвы соглядати дѣти,

Муки терпѣти. ||

л. 21. Иродъ во убивствѣ бысть преокаянный,

За пролитую кровь отъ всехъ поруганный,

Измытися имать за смертныя раны

Во адской банѣ.

Не печалуй сердцемъ, прискорбная мати,

Престани отселѣ толь скорбно рыдати:

Чада твои аще от меча падоша,

Но не умроша!

II.

Рождественская драма *)

л. 3.

Прологъ.

Неизслѣдный Божій совѣтъ и чудная Его милость, прежде вѣкъ обѣщанная, под лѣты же в міръ явлшаяся, нѣгдѣ такъ ясно открыся, какъ в воплощеніи Единороднаго Сына Божія. Созданъ по образу Божію и по подобію человѣкъ и не за нужду нѣкую, но за едино крайнее Вышняго благоутробіе от небытія в бытіе приведенъ, великихъ благъ и красотъ исполненъ, в рай сладости посаженъ и ко вѣчному блаженству устроенъ былъ. Но толикимъ к себѣ Божіимъ щедротамъ неблагодаренъ явися, твари бо паче нежели Творца послушавши, первою данную доброту погубилъ есть, вѣдати благое и злое имущій, яко Богу соравнитися хотяще, неизглаголаныхъ оныхъ благъ отпаде, лишився вышеестественныя благодати, вознесся гордынею до небесъ, низриновень сый до бездны адскія и в толикія прииде неистовства, яко забывши истиннаго Творца своего поклонитися бездушному рукъ своихъ дѣлу вожделѣ, в лицѣ древа или каменія самому пожертн бѣсу, и тако безчисленная своя злая от мала даже и до велика всецѣло омерзилъ есть Богу, яко ниже едина в міръ душа.....**) обрѣстися возможе. Господь бо съ небесе приниче на сыны || человѣческія видити, аще есть разумѣвали или зыскали Бога, но вси уклонишася, вкупѣ неключимы быша: нѣсть творяй благое ниже до единаго. Но чтожь творить премилосердый Богъ? праведенъ сый, не до конца прогнѣвался, ниже в вѣкъ враждуяй, безмѣрнымъ к роду человѣческому благоутробіемъ, всякимъ смиреніемъ, Сына своего, сго же роди прежде вѣкъ, истлѣвши грѣхомъ образъ свой обновити и в первое паки привести достоинство умыслилъ; ари убо неизглаголанное о родѣ человѣческомъ смотреніе, и почудися ему, яко остави великолѣпный присносущныя славы своя престолѣ, приклони небеса, на землю сниде, во утробу

*) Изъ сборника № 179, разныхъ рукъ XVIII вѣка, листы 3—11. Заглавія пьеса въ рукописи не имѣеть.

**) Затертое слово не поддается прочтенію: видны только двѣ буквы: „пр“.

Приснодѣвныя вселися и Богъ сый вочеловѣчится благоизволи, да челоуѣка обожитъ и суца сына гнѣва и врага Божія по благодати себѣ усыновити возможетъ. Толикаго Божія о родѣ челоуѣческомъ смотренія не точію бранный языкъ рѣшмотворическаго гаданія искусствомъ восхвалити, но ниже невещественныя ангелскіе силы по достоинству чудитися доволны суть. Обаче мы в память толикихъ его щедротъ тайны промыслъ сей краткими дѣйствіями изъвити, в ползу душевную упражняющуся присно в богомыслии слышателяви предложити умыслихомъ, а понеже и простой народъ не ложно твердити обыче, что всякая вещь красится слышаніемъ, того для уха доброхотнаго в слухъ приклонити, и дѣйствія наша, аще за краткость ума в словѣ и не красна, но вещью красящаяся, (изобразуютъ бо Божія воплощенія силу), благодарнымъ сердцемъ пріяти просимъ. ||

л. 4.

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе 1-е

Б у й с т в о .

Аще всякія вещи и всякое дѣло
 От ползы и от дѣйствія своего всецѣло
 Хвалится, что азъ имамъ о себѣ вѣщати,
 Яже есмь исполнена всякой благодати?
 Премудрость Божія есмь, имя мое славно
 От востока до запада всему миру явно;
 Коль хвално, коль славимо, колико есть красно,
 Нѣсть челоуѣкъ ему же не было бы се ясно,
 І яко именемъ есмь паче всѣхъ почтенна,
 Сице в дѣлахъ и ползѣхъ, и вездѣ прославленна.
 Соломонъ в своихъ книгахъ и во всякой главѣ
 Доволно повѣствуетъ о моей державѣ.
 В домѣхъ царскихъ и храмѣхъ Божіихъ поюся,
 На стогнахъ и на стезяхъ и вратѣхъ хвалюся.
 Блаженъ челоуѣкъ, иже обрести мя тщится,
 Блаженъ, иже нелестно мною умудрится.
 Лучше творить, кто обыкль мене куповати,
 Неже кто сокровища многа собирати;
 Каменей честнѣйша есмь, хоть суть и дражайша,
 Прехожду злато, сребро и инна множайша.
 Долготу дней и лѣта имѣю в десницѣ,
 Богатство, славу и честь держу во шуицѣ;

Скипетрами владѣю, золатыми короны:
 Ихже хощу, тѣхъ веду на царскія троны.
 Едина власти в мѣрѣ людемъ раздѣляю,
 И нищаго со князи купно посаждаю.
 Словомъ вся блага мира сего превышаю,
 Крѣпка бо, постоянна во векъ пребываю;
 Едина всѣмъ во свѣтѣ раздаю блаженства,
 Любящія мя люблю во вѣкъ без равенства. ||
 Никогда не обыкох из устъ моихъ лгати,
 Но истинну хранити и правду вѣщати.
 Языкъ мой закону всѣхъ людей поучаетъ,
 Сирымъ и обидимымъ милость обѣщаетъ.
 Но что дѣйствія моя много исчисляю?
 Миръ симъ и иннымъ дѣламъ моимъ поставляю
 Многимъ во свидѣтельство, яже яко полна
 Вся удивленія, такъ в похвалѣ доволна.
 Аще же кто дѣла моя хоцетъ изчислити,
 Первѣе изволь звѣздамъ число положить,
 Песочины такожде, яже лежать в морѣ,
 До единой изчислить подшися воскорѣ;
 I аще сіе когда искусно сотворишь,
 Тогда и моимъ конецъ дѣйствіямъ положишь.
 Толику славу мою егда размышляю,
 Сердце и духъ на радость зѣлну возбуждаю;
 Уди моя и чувства веселія полны,
 Дніе мои во всякихъ радостехъ доволны.
 Блаженъ, иже родися в сія моя лѣта,
 Иже мя сподобися видѣти клеветета.
 Всякъ вѣкъ человѣчески своя имать хвалы,
 Но нѣсть иже сравнится моему в похвалѣ.
 Да приидеть здѣ самъ, вскорѣ явитъ себе миру,
 Дѣломъ самымъ утвердитъ словесъ моихъ вѣру!
 Но что много словами глаголю напрасно,
 Егда дѣломъ показати могу сіе ясно?

Явленіе 2-е

В е т х і й в ѣ к ѣ .

Премудрымъ и высокимъ моимъ си совѣтомъ
 Значала стяжахъ себѣ всѣмъ владѣти свѣтомъ.
 Нѣсть в небѣ, нѣсть на земли, нѣтъ в морѣ ничтоже,
 Еже моей державы избѣгнути може.

л. 5. Два суть во вышнихъ мѣстехъ велика свѣтила, ||
 Имъ же долгъ миръ просвѣщатъ моя наложила
 Власть; такожде блудящія и вся недвижимы
 Звѣзды зову в потребу имени своимъ.
 Денми, ночми, години, времени и лѣты
 Единъ я безконечный имѣю владѣти;
 Вся, яже под солнцемъ суть, дивна устрою,
 Долняя и горняя мудрѣ радѣть знаю;
 Не токмо настояща добрѣ разумѣю,
 Но и о грядущихъ всихъ временѣхъ радѣю.
 Нѣсть нужды доводами сіе утверждати,
 Егда всякъ доволно сам можетъ такъ признати;
 Радуюсь же премного и сердцемъ играю,
 Яко многобожіемъ зѣло процвѣтаю.
 Куды токмо посмотрю, зрю храмы премноги:
 В сѣмь—Дѣя, в томъ—Венера, в иныхъ инны боги;
 Не такъ в градѣхъ, какъ в вѣрахъ разныхъ обилую,
 В одномъ бо градѣ веръ пятъ или болшѣ знаидую.
 Егда убо вся в свѣтѣ аще строю красно,
 Вѣтхимъ мя Вѣкомъ люди зовутъ ненапрасно.

*Къ нему же Вавилонъ и Египетъ с похвалами исходятъ, во пер-
 выхъ же*

В а в и л о н ъ.

Вавилон градъ славенъ есмь, отъ знатнаго рода
 Названъ есмь, отъ правнука ноева Немврода.
 Слышахъ гласъ устенъ твоихъ и придохъ здѣ спѣшно,
 Празникъ бо твой великъ днесъ и торжество втѣшно.
 Вся страны мира сего о тебѣ ликуютъ,
 Грады, вѣси, дубравы, холми торжествуютъ,
 Рѣки во струяхъ своихъ чудеснѣ играютъ,
 Горы же движущеся тебе прославляютъ;
 Яже низу и яже верху содержатся,
 О семь токмо единомъ непрестанно тшятся,
 Како бы имя твое могли восхвалити,
 Прославленна ты паче какъ бы ублажити. ||
 Словомъ сказать миру несть ни едино мѣсто,
 Которое бы тебѣ не было извѣстно.
 Тако славу во свѣтѣ имѣеши дивну,
 Являешъ бо дѣль чюдныхъ силу изобилну,

От нихже тебѣ—слава, нам—ползы доволны:
 Растутъ ты чести, мы же всехъ благъ есмы полны.
 За что держава твоя во вѣки прославленна
 Буди, слава же вышше небесъ вознесенна.

Е г и п е т ь.

Вѣстница-слава твоя рече, да шествую,
 Да преславныхъ дѣлъ твоихъ тебѣ привѣтствую.
 О похвало наша и чудесна славо,
 Неизмѣнна, премудра и вѣчна державо!
 Да радуются в тебѣ концы всего мира,
 Веселятся же с ними и вся наша вѣра;
 Дѣйствіе бо твое вси страны удивляетъ,
 Многобожіе от сил в силу прорастаетъ.
 Жертвы боговъ великихъ не оскудѣвають,
 Но день от дне множатся, бо предуспѣвають
 Боголюбныхъ во дарѣхъ единъ паче ина:
 Тотъ дастъ краву сытую, овы быка жирна;
 Боги вездѣ в пѣніяхъ и пѣснѣхъ гобзуютъ,
 Веселятся, играютъ, скачютъ, ликовствуютъ.
 В людѣхъ плача нѣсть, ниже вопля, ни болѣзани,
 Но живутъ во хвалебной и блаженной жизни.
 Нѣсть трудовъ, нѣсть стенаній, нѣсть и въздыханій,
 Нѣсть тяжбъ, нѣсть наважденій, ниже порицаній.
 Кто жъ не признаетъ, что все, что либо имамы
 Толь полезныхъ дѣлъ твоихъ и добръ между нами,
 Что во всѣхъ сихъ раскошахъ зѣло доволствуемъ,
 Вся сія единому тебѣ привѣтствуемъ?
 Тебѣ похвалы всегда должны воздавати,
 Тебѣ благодарствіе должны возсилати. ||

л. 6. Слава всюду о тебѣ дивная проходитъ,
 Имя твое до моря послѣднихъ доходитъ
 Скиновъ и кимвровъ, в нихже солнце не блистаетъ,—
 И тамо имя твое и слава сіяетъ.
 Да растеть *) убо си честь от вѣка во вѣки,
 В тишинѣ же и мирѣ храни человекѣки!

Явленіе 3-е

Семь мудрецовъ исходятъ и поютъ.

Воспоимъ гласно, ублажимъ красно сѣда человекѣка,
 В совѣтѣ драга, во дѣлѣхъ блага, ветха денми вѣка,

*) Въ рукъ „растенъ“.

Мужа всесилна, в чести обилна, во всѣмъ совершенна,
 Славою горѣ и низу в морѣ чудно вознесена!
 Людѣмъ во мирѣ вышше ихъ мѣры дара раздающа,
 Себе же от нихъ потребъ нѣкихъ отнюдь не вземлюща;
 Своимъ совѣтомъ безъ конца свѣтомъ хотяща родити,
 Премудра суща, миромъ владуща, времени и лѣты.
 Страны, придите, пѣснь сосложите, весело сплетенну!
 Пойте державу, съдыми главу власы украшенну!
 Ты, Аполлине, Лятоны сыне, притеци к намъ спѣшно,
 Брящай на лиру, припѣвай клиру нашему утѣшно!
 Музы парнасны, в пѣніяхъ ужасны, руками плещите,
 Сердцемъ ликуйте и торжествуйте, ногами пляшите!
 Велія радость нынѣ и сладость в мирѣ почиваетъ:
 Старъ огець лѣты своя съ дѣти добрѣ устрояетъ.
 О преблаженный, к тебѣ смиренны гласъ возносим;
 Вѣчная славо и крѣпка державо, вся *) безъ него же
 Суть недѣйственна, но празнственна, самъ укрепи сія,
 Яже содѣла в насъ твоя сила, даруй да благія
 Со отцемъ лѣты поживемъ в свѣтѣ, сынове, во вѣки;
 Тишину миру **) и неизмѣрну всели в человѣки! ||

Д Ъ Й С Т В І Е П.

Явленіе 1-е

Благовѣстіе.

Не ликуй, Ветхая Сѣнь, но начни тужити:
 Радость твою на печалъ время преложити;
 Призрѣ бо в мирѣ с небесе Божія зенница,
 Поборствуетъ***) по нему Вышняго десница.
 Богъ прежде всѣхъ вѣкъ в себѣ пребываетъ
 И иже конца себѣ никоего знаетъ,
 Но отъ вѣка во вѣки не имы измѣны,
 Есть всегда безъ всякаго прилога едины,
 Превысокій, премудрый, в милости великій,
 Безъ числа возлюбивый своя человѣки,
 Милосердію бездна, щедротамъ пучина,
 Не надѣющимся всѣмъ надежда едина;
 Не по беззаконіямъ грѣшникомъ творящій,

*) Въ рук. „всяка“. Въ этомъ мѣстѣ, видимо, пропущенъ стихъ; на поляхъ приписано „Боже“.

**) Въ рук. „миру“.

***) Въ рук. „пободрствуетъ“.

Ниже по дѣломъ ихъ имъ воздати хотящій,
 Не до конца бо гнѣвъ свой на люди возводитъ,
 Ни во вѣкъ враждуетъ, но милостивно входитъ,
 Созданію своему всѣмъ спасеннымъ быти
 Желающій и разумъ истины имѣти,
 О немъ же глаголати ни чій языкъ смѣетъ,
 Судебъ бо его поятъ никтоже довлѣетъ.
 Той нынѣ на престолѣ сѣдѣя превнсокомъ
 Долняя и горняя зреть всевидящимъ окомъ
 И пушаетъ с небеси вдоль свою зенницу,
 А на тя простираетъ кроткую десницу—
 Славу твою и мысли в конецъ истребити
 И полную гордости державу сломити;
 Все дѣло твое в пепель превращенно будетъ,
 Память без сумнѣнія твоя не пребудетъ,
 Но со шумомъ погибнетъ, яко дымъ курящій ||
 л. 7. Или вѣтръ страшилищнѣ въ пустыняхъ шумящій:
 Яко гульба на водѣ егда возрастаетъ,
 Абіе же дунувшу вѣтру изчезаетъ,
 Тако и ты елико былъ еси вознесенный,
 Толико явишися вскорѣ умаленный;
 Егда же имя твое, в конецъ разоренно
 И от всѣхъ в забвеніе вѣчное впущенно,
 Нектому уже когда в мирѣ помянется,
 То всякъ тобою прелщенъ тебѣ посмѣется.
 Не терпитъ Богъ прочее людемъ во тмѣ жити
 И в нощи невѣрія до конца ходити,
 Но хотяще стезею и з правды показати,
 Яже есть Бога в Троицѣ едина познати,
 Творить се чюднымъ своимъ истиннымъ совѣтомъ,
 Просвѣщаетъ очи ихъ божественнымъ свѣтомъ,
 Мракъ многобожія въ нихъ далече прогонитъ,
 Едина в Троицѣ Бога себе познать клонитъ.
 Храмы твоя с капищи вскорѣ разорятся,
 Жертвенники погибнуть, олтари стрелятся;
 Жертвы вселожныхъ твоихъ боговъ оскудѣютъ,
 Тѣмъ же и скверныи ихъ жерцы омертвѣютъ.
 Идоли, с сребра или злата изліянны,
 Или инной нѣкоей вещи изваянны,
 Тяшко падуть и падше во вѣкъ не востануть:
 Сокрушатся, погибнуть, бездушные станутъ.

Все ветхое с тобою в мирѣ вничтожится,
 Благодать бо Божія нова в немъ явится.

Д Ъ Й С Т В І Е Ш.

Явленіе 1-е

Жрецъ 1-й *)

Солнечнозрачный боже, чудны Аполлине,
 Ювиша и Латоны первородны сыне! ||
 Брате день вѣщающей от утра Діанны,
 Свѣтомъ, аки ризою, свыше одѣянный!
 В островѣ Родѣ создать столпъ своими труды,
 Между семи сочисленъ мира сего чюды;
 Исповѣсть святилище в дѣло се пристойно,
 Что ко хвалѣ дѣлъ твоихъ нѣсть слово достойно.
 Средь божества твоего знатнѣйшими силы
 Прославляещися, что еси прозорливы,
 Сказуя будущая людемъ на Парнасъ,
 Яжѣ во мимо шедшимъ являються часѣ!
 Призри на представшихъ ти от греческа сана,
 И приѣмши с кадиломъ воюю еиміана,
 От судей всезлюбнѣйшихъ нынѣшняго вѣка
 Свободы напасть падша бѣдна человѣка,
 Его же безъ разсмотрю за ту вещь едину,
 Что убилъ худородна якогось людину,
 Безбожныи—ах, увы!—на смерть осудиша,
 Чимъ тебѣ надлѣжающей славы уменьшиша,
 Онъ бо ти жертвы и смирну хотяще воздати
 З благоговѣніемъ и подщася заклати;
 Тѣмъ уже упражняются приносы святыи,
 Аще на свѣтъ будутъ тол судін злыи;
 Что бо за бѣда мертвымъ в неклѣ вѣчнѣ жити,
 Еже ти изволилъ Ювишь в царство посвятити?
 Аще заботства в мирѣ днесъ будутъ попрашна,
 Опустѣетъ вся страна, во власть тебѣ данна.
 Молимъ убо тя: твоей не оставляй славы,
 И от порока мужа праведна избави!

*) Въ рук. не обозначено; приходится приписать рѣчь первому жрецу потому, что послѣ отвѣта Аполлона говоритъ жрецъ 2-й.

Прорцы, что за убивство ему имать быти—
Жизнь ли или здравіе надобно хранити?

Умоленъ Аполлинь вѣщает.

Кто противень моему зѣло свѣтлу трону?
Играйте в цытры, арфы*), музи з Геликону! ||
л. 8. Веселите смутнаго сердце челоуѣка,
Донелѣже угонзнетъ сего лѣстна вѣка.
Вамъ же, жрецам, извѣтъ мой сей о нем довлѣеть:
Убѣжит ли тать, смерти вкусит не имѣет,—
Тайно убо во храм мой его воведите,
Жива от напрасныя бѣды сохраните.

Жрецъ 2-й.

Число милости твоей кто изчести може,
Миромъ и подземными обладая боже,
Иже приѣмше воню мала епміана,
Свободи челоуѣка от земна тиранна!
Умножи в мирѣ не миръ, но мятежь и брани,**)
Да множайшая сими корысти собраны;
Сотворихомъ тебѣ жертвы тучны и кадила,
Дабы твоя на земли слава не изтлѣла,
Откуда в нѣмь доволства, мнѣ же будутъ жертвы,
Сотворю бо, да живы всегда будутъ мертвы.

Аполло.

Красна мнѣ дѣла, яже сыновы изъядяша,
Наслѣжду, исполняя моленія вапа.
Воздвигну в челоуѣцехъ такія нестатки,
Востанетъ сынъ на отца и дщери на матки.

Явленіе 2-е

Ехо 1 гласъ

Во книзѣ премудрости, седмонатцетъ главѣ,
Соломонъ имя мое прославляетъ явѣ,
Что бодрость к поднебесной имѣю толику,
Яко вслухъ ширину ей прохожду велику;

*) Въ рук. „арфы“.

***) Въ рук. „вѣрани“.

Гдѣ токмо какая тварь а глаголом промчется,
 Отвѣщавающъ тамо вопль мой отзовется:
 Во горахъ,*) по облакахъ, в лѣсахъ и на морѣ ||
 Воздухоноснымъ гонцемъ отвѣтъ подамъ вскорѣ.
 В томъ дивно, что и зѣло отдаленной страны,
 Скоро кто речеть, в той часъ отвѣтъ имамъ данны.
 Словомъ**) мнѣ воздухъ толику даль силу,
 Что всякому на возгласъ отвѣщаю дѣлу.
 Сей слухъ мой къ тому мя днесъ приведе блаженству,
 Что всякъ языкъ не можетъ сказатъ по равенству;
 Прехожду красомолство зѣльное в отвѣтъ,
 Ниже единъ отвѣтчикъ сравнится мнѣ въ свѣтъ.
 Аще же и всяка тварь сію вещь слышаше,
 Твоей вначалѣ моя речъ отвѣщаваше.
 Се же дѣйство святое такое познася,
 Егда в полунощи гласъ ангелски слышася:
 „Слава в вышнихъ Богу“ близъ града Виелеема
 До настурей. Се радость намъ необемлема,
 Что Спасъ намъ изъавиль Богъ в людской пригодѣ,—
 Азъ отвѣщахъ вопервыхъ при семъ святомъ плодѣ
 Купно со ангелы днесъ „слава в вышнихъ Богу“.
 Убо я, паче числа имѣя честь многу,
 Придохъ здѣ со тщаніемъ сію вещь явити,
 Что вражію лѣсть Богъ в миръ прійде побѣдити,
 Найпаче егда на семъ позорище лѣстна
 Бѣса хвалима слышнеть, яко Бога честна.
 Сей человекъ убійца ископи да знаетъ,
 Что Богъ его а ідола нынѣ изгоняетъ;
 Онъ бо врагъ погибели всемирной насыты,
 Хотя въсь родъ человекъцъ однимъ днемъ убити.
 Слышаште, что провѣщаль жрецамъ своимъ ложно?
 Нужно для жертвы забойствъ быти непреложно.
 Но сынъ Божій днесъ животъ даетъ всему миру,—
 Что я глаголю правду, да имать всякъ вѣру.
 Се принесохъ истекши елей а Рима града
 И в зимѣ прозябшія цвѣты а винограда,
 Яже какъ надъ естество днесъ в мирѣ явленна
 Паче естества Бога сказуютъ рожденна. ||

*) Въ рукъ „во градахъ“.

**) Слово не поддающееся прочтенію.

- л. 9. На небеси три солнца над натуры чины
 Извѣствуютъ, что приде от Троицы единый
 Жизнь дати чтущимъ пришествіе в вѣрѣ;
 Нѣмъ убо да будетъ бѣсъ в сем мерскомъ кумѣрѣ.

Жрецъ 1-й.

Не токмо твоя слава во Дѣлѣхъ пространна,
 Но ю и всемирная превозноситъ страна.
 Обаче, яко видим, от днесъ твоя жертва
 Упразнися от того человѣка мертва,
 Его же чести твоей истинны ревнитель
 Закла на приносъ в твою святую обитель.
 За сію благодать его зрихомъ побѣжденна,—
 Тѣмъ безчинствомъ не есть ли честь ти умаленна?
 Избави насъ, боже нашъ, от людской ловитвы.

Жрецъ 2-й.

Чему молчишь? Не слышишь нашея молитвы?

Жрецъ 1-й

Прорци намъ, яко святы твои обычеи баше!

Жрецъ 2-й

Призри скоро на слезы и бѣдствіе наше!

Жрецъ 1-й

Грѣхъ ли нашъ есть немоты твоя виною?
 Но исповѣдаемся чисто предъ тобою,
 Что того человѣка свободили быхомъ.

Жрецъ 2-й

Но и многихъ к забойству уже приучихомъ,
 Да твои, всеилный, в вѣчномъ Стигу страны
 В краткомъ часѣ исполнимъ людскими душами.
 Отврати убо от насъ гнѣвъ твой неправдивый.

Жрецъ 1-й

Прорци несогрѣшшимъ ти, боже милостивый,
 Поне вину провѣщай, чесо для молчиши!

Жрецъ 2-й

Рцы, отвѣщай, чемъ нашей молбы не слышиши!

Аполло

Мене отрокъ еврейски, Богъ небомъ владущій,
Изгоняеть отсюду в пещельныя пущи.
Виждте убо, что однесь в миръ умираю,
В сердцахъ читателей моихъ себе погребяю.

Жерцы папшаго бога износятъ ене на погребеніе с плачемъ.

Голосим, износимъ ты, боже, ко гробу: ||
Снѣдаешь, терааешь днесъ нашу утробу!

ДѢЙСТВІЕ IV.

Явленіе 1-е

Ангель

Яже Богъ древле людемъ вѣщаше обѣты,
Сия нынѣ самымъ дѣломъ восхотѣ явити:
Новы образъ на сіе изволилъ снискати,
Прогна тму вѣтхой сѣни, новой благодати
Пресвѣтлыми лучами весь миръ озаряеть,
Истлѣвша человѣка грѣхомъ обновляеть;
Смиряеть Буйство Вѣка ветха вознесенна,
Еже бѣ всегда отъ всѣхъ седмъ мудрцевъ почтенно.
Посла мя толнку в миръ радость изявити,
Что сынъ Божій прійде миръ*) в плоти посѣтити;
Вѣстнекъ бо есмь слетевшей з горняго чертогу,
Единъ отъ воспѣвшихъ пѣснь „Слава в вышнихъ Богу“.
Коей пѣсни твой**) первы гласъ сообщникъ баше,
Купно бо твоя гортань с нами вѣщаваше.
Благовѣтствуй убо днесъ глаголь пожеланный,
Да прійдутъ славить Христа чтыре земли страны,
Азъ же с прилѣжаніемъ потщуся воскорѣ
Пославшаго мя славить того жъ Христа в горѣ.

*) Въ рук. „в миръ“.

**) Въ рук. „твоей“.

Явленіе 2-е

Э х о *)

Блаженъ, благополученъ, в щасти небу равенъ
 Явился еси в свѣтъ гостем своим славенъ,
 На всяку вѣка сего временную славу
 Той бо гость безсмертіем венчает ти главу;
 В первом своем приходѣ з бѣдствіемъ поносно
 Человѣкоубійцу уби смертоносно;
 Тебѣ безбѣдный живот даруетъ во вѣки,
 Увѣща в твоих частѣхъ миром человѣки, ||
 л. 10. Убо напреть да придуть всѣ четыре части
 Славить Бога рожденна отъ земныя власти,
 Благодаряще его, яко тріе цари
 З своих границъ изнесутъ приличные дары.
 Азъ же себе разсѣявъ по земли, по морѣ,
 По воздуху отхожду с нимъ жити и горѣ. •

Явленіе 3-е

Страны 4:

Европа 1.

Скипетроносцевъ многихъ венцами свѣтлѣю,
 Довольно число мудрыхъ училищъ имѣю,
 Духовна неже плодска болше числу чада,
 В духовныхъ вещахъ моя велика отрада.
 Хлѣбомъ и виномъ, овощми толь изобилую,
 Яко помощи от странъ иныхъ не требую;
 Словомъ милости ради сице мое тѣло
 Во благихъ преимущихъ всихъ обогатило,
 Яко что токмо в себѣ вси три имуть части,
 Вся тая в моей мнюся содержати власти.
 Отсюду наипаче азъ есмь предпочтенна,
 Что Мудрости Предвѣчной в томъ зруся сравненна,
 Яже нынѣ явная в человѣчомъ тѣлѣ,—
 Убо азъ на ей славу о моемъ предѣлѣ,
 Собравши вся науки во черту едину,
 Честь, славу вѣчну творю яко Господину.

*) Въ рук. не помѣчено, кто говорить.

А з і а 2.

Нѣсть ли мнѣ, второй части, отгуду корона,
 Что от Троицы пресвятой вторая персона
 Воплотися днесь,—сіе число преблаженно,
 Яко числюсь второю, над вся вознесенно.
 Грады мнѣ подлежагы и царства имѣю,
 Сим бо спасенным збытком над всяк даръ довлѣю,
 Второму бо явлшуся от тройческа свѣта ||
 Вторая часть явихся тезоименита:
 В томъ от второчисленна моего состава
 Да будетъ безчисленна Ему честь и слава.

А е р и к а

Единая емь от частей пространнаго мира,
 Многими царствы моя владѣть порфира,
 Между тѣми Сирию именитшу страну
 Содержу в селенія святую избранну.
 От востока до западъ еератцкихъ рѣкъ силы
 Кончаю до запада Египта предѣлы,
 Киликицкую с полунощи привату(?),
 От полдня Аравію в бисерѣ богату.
 Градовъ и странъ множайшихъ здѣ не изчисляю,
 Едину Палестину напредъ поставляю,
 Из нея же избравши мать градъ Виелеема
 Сужду быть величайшимъ от райска Едема,
 В нем же и мой и вашъ Творецъ по плоти явися,
 С чего кая тварь радости какой исполнися,
 Якову челоуѣку на сердце не възде,
 Сіе бо всякъ умъ земны торжество превзыде.
 Азь убо блаженнѣйша нещуюся быти,
 Что самъ Богъ в моей странѣ изволи гостити;
 За что благодарити егда не довлѣю,
 Да пріиметь в свою милость вся, яже имѣю.

А м е р и к а 4.

Аще и послѣдняя, вкратцѣ вѣщаю,
 Что всѣхъ васъ моимъ счастьемъ нынѣ превышаю:
 Родилъся новы в миръ царь—о сладкая мова!
 З новымъ царемъ ликую часть мирская нова.
 Убо потщимся во путь, время изхождати,
 Да пріидеть Давидъ пророкъ Его прославляти. ||

л. 11.

Явленіе 4-е.

Давидъ пріемъ гусли и цевницу играетъ посредь дѣвъ в тимпан...)*
красно припѣваетъ:

Благословенъ Богъ в вышнихъ на небѣхъ и долѣхъ!
 Что от чрева своего на моемъ престолѣхъ
 Обѣщать посадити, то исполни нынѣ,
 Родися бо Сынъ Его на земной краинѣ.
 Словъ моихъ событіе коль честно и славно:
 О немъ же бо азъ в мирѣхъ предвозвѣстихъ явно,
 Той нынѣ придѣхъ в плоти землю посѣтити,
 Сущихъ во тмѣхъ безсмертнымъ свѣтомъ просвѣтити.
 Убо днесъ, дѣвы, свѣтло со пѣснями играйте,
 Во тимпанѣхъхъ должную честь ему отдайте.

Hic sequitur cantus cum:

Щедротъ твоихъ, Боже etc. etc.

E p i l o g u s.

1. Что се сотворихомъ?
2. Благость предложихомъ,
3. Юже Богъ под лѣты
4. Зволилъ намъ открыти.
5. За трудъ что воздати?
6. Благодарствовати!
7. Убо поклонимся—
8. В дома возвратимся.

*) Окончаніе уничтожено какою то позднѣйшею поправкою.

III.

Л. 1.

Торжество | Естества человѣческаго,

прежде снѣдию завѣщан аго древа умореннаго, нынѣ же смертию Христовою оживотвореннаго, еже Милость Божая, любве ради изшедшая, з нерушимихъ узъ адовихъ раздрѣши, изведе на царство неконъчаема жизни, давши ему перви благодати вѣнецъ; трома частми през благороднихъ младенцовъ стихотворнаго учения Академні Киевския в день страда'нїя, и в день востанїя Господня изявленное. Року 1706, мѣсяця Априля дня 7 *)

ЧАСТЬ I.

Сїя часть первая в нѣкоторихъ явленїяхъ содержит от Бога Естества человѣческаго паденїе и изгнанїе, такжеже фьгури или образи страстей Христовихъ даже до самаго во гробъ положенїя.

Проліогъ.

Молимъ слушателей о внимательное в дѣствѣ слїшанїе.

По скорби всемирную возвѣщаю радость,
З горкихъ слезъ чловеческихъ раждающую сладост.
Сеи искони обранны Бозскою рукою
Огорчи Создателя мерзкою злобою;
Ибо господствующе надъ прекраснимъ раемъ,
Горшѣ чрезъ него всякій плодъ отъ древа снѣдаемъ. **)
Едино всѣхъ Создатель избра дерево благо,
Имуще вину в себѣ добраго и злого, ||
Глаголя: з древа блага да не снѣси плода,—
Аще снѣси, умрещи отъ родовъ до рода.
Но сеи адскаго змя совѣтомъ прелщеннїи, ***)
За що аки преступникъ изгнаний изъ рая
Дѣлаше землю с трудомъ прегорко ридая;
По семъ смертию умре, преданъ до темници,

*) Рукопись № 145, южно-русскаго письма XVIII столѣтїя.

**) Противъ этого стиха на поляхъ вопросительный знакъ позднѣйшею рукою.

***) Слѣдующій стихъ, очевидно, пропущенъ.

Связанъ от князя мира людскими пленници,
 Здѣ на многи тысящи в безднѣ заключенный,
 Не чая дабы билъ з ада когда свободенный.
 Но Богъ твари не хотя своей погубити,
 Ибо милосердѣ и щедр, посла во миръ Сина,
 Равно мощна и силна во Божествѣ Едина,
 Иже, плоть восприявши грѣшна чловѣка,
 Зволилъ в нем пострадати реченна от вѣка,
 Смерть прегорку, крестъ тяжкий; смерть неизреченну
 Претерпѣ, трость и губу, оцтом напоенну.
 Тойже мертвий на крестѣ, в гробѣ положенный,
 Би бил мертвий чловѣкъ оживотворенный,
 По сем воста из гроба, яко от чертога,
 Возведе падший образъ чрез времена многа,
 Его же удостоилъ первой благодати,
 Ибо изволи ему первни образъ дати.
 Князя же тми раздружи область*) и державу,
 Сокруши врата адска, сотре горку главу;
 Его же связа крѣпко на лѣта премнога,
 Да познает, что крѣпость воскрешаго Бога.
 Сего воскресение днес ти изьявляемъ,
 Токмо о слишание тебе умоляемъ;
 Соизвол, слишателю, реченим внимати:
 Страсть, побѣду Христову будемъ изьявляти. ||

л. 2.

Явленіе 1-е.

Естество чловѣческое зрится в первой славѣ якою зобилие всяко; но с небесе глас слышитя, дабы заповѣданна не вкусило древа, ижеденет бо ся, аще коснется его; Лакоствомъ убо возбужденное, такожде и Невоздержаніемъ прелщенно, простре руку на завѣщанъ плодъ и снѣде се яже му даде Невоздержаніе.

Естество

Царица всемошная есмъ окрестна свѣта:
 Область**) ми его данна на многие лѣта;
 Все видимо на земли мнѣ ест покоренно,
 Звѣрей, птицъ и всѣхъ скотовъ мнѣ в област врученно;

*) Въ рук. „от благъ“.

**) Въ рук. также стоитъ здѣсь „от благъ“, не дающее смысла.

Бездна морска, пустиня в райски вертогради
 Под моимъ господствиемъ, вкусни виногради,
 Плодъ древесъ, иже в садѣхъ блазѣхъ насажденный,
 Сладкий гортани моему, во снѣдъ принесенный;
 Что хошу в Едемѣ, вся ми невозбранна,
 От всѣхъ древесъ вкушаю плода прензбранна.
 Царскимъ вѣнцемъ вѣнча мя в Едемѣ прекрасно,
 Свѣтлою одеждою одѣя мя ясно,
 Гривну на вью мою возложи предрагу
 Создавиши мя от персти Божествомъ своимъ нагу,
 Даде в десницу скипетръ, даде перстень златий,
 Обѣща мя ввести в горняя полати;
 Райска устремления мя увеселяютъ,
 Ихъ же благовонные цвѣта орошаютъ.
 Подобнимъ Создателя образомъ почтенна,
 Мало что от Ангеловъ естемъ умаленна.
 Естествомъ чловѣка, иже мя Создавый,
 Наричайся до вѣку, тѣмъ повелѣвавший: ||
 И здѣ мя воведоша в цвѣтную ограду,
 Да насыщуся плодовъ сущихъ в райскомъ саду.
 Что хошу, в Едемѣ вся ми невозбранна,
 От всѣхъ древесъ снѣдаю плода прензбранна.

Гласъ с небесе ко Естеству

Слиши, Натуро людска, се ти завѣщаю:
 Да не вкусиши плода в древа средѣ раю;
 Ибо аще на него простреши десницу,
 Умреши; по семъ дамъ тя в адскую темницу.

Естество

Гласъ твой реченный свише должномъ сохранить,
 От древа премудрости не дерану вкусити.
 Сей плодъ мнѣ завѣщаея, Саваофту Богу
 Избранъ, ибо имѣетъ в себѣ тайну многу.
 Смертию за снѣдъ его вѣчною прещаетъ,
 Узми и темницею мене устрашаетъ.
 Правда, что красно зракомъ, сердце влечетъ к себѣ,—
 Не вотще возлюби е Царствующий в небѣ;
 Сила в немъ превелика добраго и злаго
 Вину знати—се дѣло Бога Единого.

Безумно азъ сотворихъ пред*) завѣщанием,
 Что не вкусих: спитал бимъ моимъ познанием,
 Какова в нем доброты тайна сотворенна,
 Чимъ мнѣ... Азъ Его твар есмь опечаленна:
 Не видалъ одинаго плода.**) сили
 Поставивши мя царемъ над рукъ своихъ дѣлы;
 Скорблю, скорблю до зѣла, но трепещу гласа,
 Да не приму за дерзость смертнаго ужаса;
 Уста бо мнѣ горня глаголаша сия,
 Яко иматъ смертъ прийти за преступство тѣя.
 Лутше мнѣ заповѣди Господня хранити,
 Нежели плодъ той зядши темницу терпѣти. ||

л. 3.

Л а к о м с т в о

Радуйся, о госпоже райска сада красна!
 Почто такъ унываешши скорбя ужасна?
 Измѣнися твоя твар, устнѣ очервленни,
 Печални очи темніи в млеку измовенни.
 Не тебѣ ли радостну быти подобаетъ,
 Егда все создание тебе послушаетъ?
 Ти чотирма стихиѣ мирскими владѣшъ,
 От нихъ сосданна еси, в себѣ я имѣшъ,
 Бисѣри,**) сребро, злато, всякие утвари,
 Тебѣ, подобну Богу, принесенния в дари;
 В Едемѣ, что хоцещи, можещи творити:
 Никто ти не возбрани сихъ плодовъ вкусити.

Е с т е с т в о

Не вѣси, что глаголешъ; о семъ печалѣю,
 Яко сей плодъ снѣдати власти не имѣю.

Л а к о м с т в о

Кто ти сие завѣща?

Е с т е с т в о

Гласъ с небесе речеса,
 Да нань отнюду десница моя не прострется,

*) Въ рук. „пед“.

**) Здѣсь чернильное пятно.

***) Въ рук. „бесѣди“.

Ибо аще бимъ его дерзнуло коснути,
Имамъ во вѣки смертию тяжкою уснути.

Лакомство *)

Праздніе ты словеса, слышу, устрашаютъ,
И бездѣльнымъ трепетомъ сердце ти смущаютъ.
Откуда, **) что се с мирѣ ново—Смерти взяся?
Ми токмо тварь первая от Бога создася.
Смерть ни бѣ, ни естъ, тако не будетъ во вѣки,
Жити будетъ человѣкъ, якъ Ангеловѣ лики;
И нынѣ мало что от Ангелѣ естъ умаленный,—
Аще снѣсть плодъ, то будетъ Богу соравненный. ||

Естество

Удобіе естъ слонцу темнымъ мракомъ бити,
Нежели человеку Богу ся сравнити.

Невоздержаніе

Древо се презбранно тую имать силу—
Кто его снѣсть, вѣсть вину Божиихъ судьбъ цѣлу,
Познаетъ вещь созданну, бившу, ***) по семъ сущу,
Мимомедшу, во времена послѣдняя грядущу.

Естество.

Аще сице, познати вся тая желаю,
Но завѣщанный гласъ мнѣ велми разсуждаю.

Невоздержаніе

Того ради реченни биша гласи къ тебѣ,
Да не равну честъ з Богомъ имѣши въ небѣ;
Ибо аще, Госпоже, токмо съ той плодъ снѣла,
Давно бисъ подобная всему****) Богу била.

*) Рѣчи Естества и Лакомства спутаны въ рук. переписчикомъ, но путаница сейчасъ же была замѣчена и исправлена замѣтками (тоу же рукою и гѣми же чернилами) на поляхъ; печатается согласно исправленію.

**) Въ рук. „отнюду“.

***) Въ рук. „бивши“.

****) Вѣроятно, должно было бы быть „во всемъ“.

Естество

Аз ся доумѣваю, что право вѣщаешъ;
Давши древа, „на едно“, реклъ, „да не дерзашъ“.

Лакомство

Аще вся не возбранна,*) то едно ничтоже:
Вина за него такая бити не возможе.

Невоздержание

Не сумнися, другинѣ, но скоро тецѣмо,
Завѣщаннаго плода сладко вкусемо.

Естество

Совѣсть**) мнѣ возбраняет закон преступити.

Лакомство

- Аще не снѣси его, лутше ти умрѣти. ||
л. 4. Что еси за царица, кая твоя хвала,
Егда ти не возможно снѣсти плода мала?
Красенъ ест, добрый во снѣди, сладокъ, доброзраченъ,
Прежде снѣди гортани паче сотовъ смаченъ.

Естество

По глаголу твоему умислихъ вкусити,
Но не дерзну нанѣ моей руки подносити.

Невоздержание

Готовам ти, госпоже, аз на всяко дѣло,
Токмо не сумнящися вкушай плода смѣло.
Мнѣ завѣщанный плодъ днесъ едина радость сняти,
Ибо Невоздержанние обща всѣхъ есмъ мати.
Принесохъ вождельвнний***) плодъ, достоинъ вкуса,
Яждь радостно, Госпоже, без всяка примуса.

*) Въ рук. „возбраня“.

**) Въ рук. „совѣтъ“.

***) Въ рук. „невождельвнний“.

Явленіе 2-е.

Ревност Божая ярится, яко попрагна заповѣдь Господня, и взивает Справедливости, да разсудит тяжест преступленія, еже сложивши на вѣси, за тяжест безаконія, Отмищенію Божию повелѣвает изгнати из рая, которое Отмищение вручает на пагубу вѣчную.

Ревностъ

Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ:
 Уничижена его заповѣдь премнозѣ.
 Аще кто от небеснихъ снѣ сотворилъ би,
 То до зѣла Вишняго велми разгнѣвилъ би; ||
 Но вѣкая твар мерская, от праха созданна,
 Дерзне что от нея ест заповѣдь попрагна.
 Жалость дому моего снѣде мнѣ утробу;
 Предамъ незаконницу смертну адску гробу.
 Не благо ли ей Милость Божая сотворила,
 Что персть земну мало чимъ Ангель умалила?
 Созданную вовеле до прекрасна рая,
 Да тамо пребуваетъ, всякий плодъ снѣдая;
 Вѣнча ю вѣнцемъ царскимъ, полнимъ благодати,
 Даде в десницу скипетр, даде перстень злати,
 В одежду нетлѣннѣя облече прекрасну,
 Бисер на вию вложи, всю твар яснѣ;*)
 По сем ей велѣ в рай всѣхъ плодовъ вкушати,
 Едина премудрости древа не дерзати,
 Глаголя неложными усти от небеси:
 От древа премудрости плода да не яси,
 Ибо в той день, вонъ же нанъ десницу простреши,
 Внезапно смертию во вѣки умреши.
 Обаче не вѣруяй словесем реченнимъ,
 Приложися безуума скотомъ несмысленнимъ,
 Снѣде плодъ беззаконія з древа завѣщанна,
 За что заповѣдь Божая дозѣла попрагна.
 Увидитъ окаянна, же за дерзост тую
 Предам ю безднѣ адской на вѣки живуую,
 Упою стрѣли гнѣву мерзкой ей утробѣ,
 Мечъ снѣсть мяса з ей глави, затвору ю в гробѣ;
 За дерзост, за преступство, за непослушание
 Претерпит во тмѣ кромѣшной горко стенаніе.

*) Какое-то слово, видимо, пропущено.

Менша вина—видимый свѣтъ искоренити,
 Нежели заповѣди Бога не хранити.
 За что печална естем, сердце мнѣ горѣетъ,
 Истая мя жалост, вся плот во мнѣ тлѣетъ;
 Прочее утробу да ся не снѣдаю,
 Справедливости Божая, на помощь тя чаю. ||

л. 5.

Справедливость

Кая вина, что моеи помощи требуешь?
 Измѣнися твар твоя и сердцем сѣтуешь.
 Печал твою услышахъ, гласи болѣзненни;
 Рци, чимъ*) твоя состави тяжцѣ уязвленни?

Ревность

Разгори ся огнь велми у сердцу моему зѣло,
 Яко завѣтъ Господень уничиженъ цѣло.

Справедливость

И кто ест заповѣди Бога нехранивий?
 Не вѣсть ли, яко таковъ не пребудеть живий?

Ревность

Естество человекъ, з блата сотворенно,
 Образомъ, подобием Божиим почтенно.
 Сему Милость Божая, духомъ оживленну,
 Вручи Едемъ, даде власть оживотворенну,
 Да вкуситъ всѣхъ овощей всякихъ древесъ рода,
 Точию одинаго да не дерзнетъ плода;
 Но Невоздержаннемъ на мнозѣ прелщений
 Отверзи законъ Бога, з небесъ извѣщенный.

Справедливость

О дерзости велши, неизглагоманна!
 Тако ли чрезъ злого твар заповѣдь**) попрагна!
 Не вѣси, что не изволилъ Ангелъ пощадити,
 Понеже не хотѣша завѣта хранити?

*) Въ рук. „имъ“.

**) Въ рук. „заповѣ“.

Но низверже ко адской глубокой долинь,
 Гдѣ до вѣку мучать ся, страждуще донинѣ.
 Колми паче сию тварь, Ангель умаленну,*)
 Должно предат в адску вѣчну геенну, ||
 Гдѣ не престаёт горко по вся дни ридати:
 Мусить зду дерзость слезнимъ струемъ омивати.
 Богъ добро во милости ест неизреченный,
 От мерзкой твари нынѣ велми раздуженный;
 Ярость от гнѣва горить за дерзость безстудну,
 Отмщение грѣхъ ея в мечу обоудну.
 Глазь Его разяренный, яко глазь от грома,
 Молния суть слова уснама рекома;
 От очей страшныхъ пламен обохъ истощает,
 Руцѣ омити в кровѣ злобной твари чаёт.
 И кто жъ таковъ гнѣвъъ страшный может утолтити?
 Развѣ равен в Божествѣ ярость укротити.
 Прочее твари дерзост изложу на вѣси,
 Кая ест злоби тяжест, добрѣ да увѣси.

Отмщение

Чия мѣру преходить злоба превелика?

Справедливость

Твари новосозданной—грѣшна человѣка.

Отмщение

И кое зло сотвори?

Ревность

Нѣст наглаголати:
 Попра законъ и дерзну Бога поругати.

Отмщение (ирится)

О треклята, трекляга! Что за зло тако
 Сотворило? Гнѣвъъ во мнѣ вознѣтило, яко
 Семъ кратъ седморицею ражденну печи,
 Ибо ярости ради не вѣмъ что рещи.

*) Въ рук. „умоленну“.

Не такъ яростно море корабль пожираетъ,
 Якъ гнѣвъ велкий сердца мнѣ утробу снѣдаетъ;
 Не таковымъ Везувий огнемъ разгорѣся, ||
 л. 6. Якъ мнѣ сердце, завѣтъ бо Бога разорися.
 Человѣка Естеству мерску не довлѣло,
 Же ся му з ласки Бога весь Едемъ вручило,
 Но за нужда касать ся что би древу святу,—
 Тѣмъ агублю, предамъ аду, иждену прокляту,
 В мерзку ея утробу вонзу моя стрѣли,
 Изсѣку мечемъ вию з крѣпкой моей сили.
 Пойду искать вслѣдъ ея, гдѣ ся обрѣтает.

Ревность

Се доселѣ благий плодъ в раю снѣдает.

Отмщеніе

Иткождо (sic) жалѣеть злое сотворивши,—
 Не гризеть ея совѣсть, вишня образивши.
 Пойду, пойду яростно, преступницу тую
 Предамъ князю тми адску на муку страшную!
 Гдѣ еси, окаянна? Что ся не являешъ?

Ad paradisum vindicto)*

Естество

Крию ся, иж мя гласомъ жестокии глашаешъ.

Отмщеніе

Кто ти повелѣ завѣтъ Бога разорити?

Естество

Невоздержаніе ми тѣ даде совѣти.

Отмщеніе

Дажь, мерска, вѣнецъ царский, скипетр, перстенъ златий!
 Велѣ ты Справедлиивостъ Геенѣ предати.
 Бѣжи, неситая душе, гради, некосненна!

*) Замѣтка на поляхъ.

Pellit a paradiso)*

Отсетѣ милость Бога не будет явленна.

*Sermo vindicti ad Luciferum.**)*

Князю тми преступницу отдати сню,
Же попра законъ Бога,—смири ея вию. ||

*Lucifer ad commilitones suos ducit.***)*

Друзи, госпожу сню любезно приимѣте,
Ланцух на вию, нозѣ и руцѣ вложѣте.

Явленіе 3-е.

Отчаяние Естества чловѣческаго со Плачемъ горко ридает, яко изгнанное и поверженное до ада отнюдъ не получитъ прощенія; чесо ради пощет ся убити; се внезапно излодитъ съ небесе Надежда, такожде ликъ Ангелскій слышитъся утѣшая Отчаяние со Плачемъ и въщая имъ неместно, яко воскоръ избавление пошлетъ Господь Естеству чловѣческому такожде и Благодать укрѣпляющая по Надеждѣ тою въщает.

Отчаяніе

Попра Естество завѣтъ, чловечее—Бога,
За що прииде на не казн ****) совишише премнога;
Дерзне на плодъ завѣщанъ простерти десницу,
Того ради предасть ся в подземну темницу.
Не разсуди же силни Божии совѣти,
Имъ же воспяти не могутъ премудри отвѣти;
Тѣхъ безумно Естество не сохрани цѣлихъ,
Пре то нынѣ ридает во безднахъ разсѣлихъ,
Откуда не изийдет на премногие лѣта,
Поки станет до вѣку видимаго свѣта.
Первие солнце, луна не будутъ свѣтити,
Также звѣздъ лѣпота не будетъ ся зрѣти,
Первие води морски будутъ изсушенни,
Гори в низки удоли стануть претворенни,

*) Тоже. Обрѣзано переплетчикомъ; уцѣлѣло: „а раг.....so“.

***) На поляхъ. Ремарка относится къ предыдущему стиху.

***) На поляхъ.

****) Въ рук. „каз.“

Негъли Естество мое, адови врученно,
 Будет от узъ вражнихъ когда освобожденно.
 Чесо ради сѣтую, ах! скорблю дозѣла!
 Почто мя тма смертная прежде не покрила? ||

л. 7. Чему мя бездна морская живо не пожерла,
 Или гора твердая о камен не стерла,
 Нежели нынѣ живщу в адѣ страждати,
 Вмѣсто райскихъ веселий во вѣки ридати?
 Уви мнѣ, окаянну, уви болѣзненну!
 Кто утѣшит Натуру, терпящу геенну?
 Проклят день, Естество ми вонже сотворенно!
 Проклят часъ, вонжем свишше оживотворенно!
 Лутше ми острымъ мечем сердце сквозь пробити,
 Нежели живущему геенну терпѣти!
 Падѣте на мя, гори каменѣ, падѣте,
 В прах мя той, з негоже есмь созданный, сотрѣте!
 Небеса, молниями зволте мя убити:
 Прочее тоя казни не могу терпѣти!
 Поти Натури страждати, поки будет Бога;
 Уви мнѣ! времена суть без числа премнога!
 Прочее не стерплю—сим себе убию,
 Да пронзет оружие сквозѣ мою вию.

Плачь Натури людской

Уви мнѣ, болѣзненну! Сердцем униваю,
 Егда неистерпиму скорбь воспоминаю.
 Погибе, ах! погибе создание умно,
 Сотворивши в Едемѣ з лакомства безумно.
 Увы, болѣзненну! Ти, дераости проклята,
 Тебе ради Натура зубомъ адским ята.
 Откуда, ахъ!*) навѣки изийти не може,
 Поки будешъ во мирѣ царствовати, Боже.
 Кто мнѣ горкихъ слез води, кто пламенѣ кирницѣ(?),
 Бимѣ в нихъ могль утопити скорбния зѣницѣ?
 Окиян, море чермно, даждь ми своя струя,
 Да в них омю скверну, по вся дни сѣтую! ||

Но аще бы отверзли небеса своя хляби,
 Омити ся та скверна могла нѣкогда би.
 Гди би со мною тязко всѣ твари ридали,
 Аще би и Ангели слези истачали,

*) Въ рук. „азъ“.

То би за ту дерзость Богъ не бил ублаганнй,
 Ибо щедроти Его в гнѣвъ удержанни,
 Затворися утроба милости пресвята,
 Благодать от челоувѣкъ во вѣки отпята.
 Почто свишше милости болѣ да не чаеъ,
 Но всегда во адской безднѣ прегорко ридаетъ.
 Уви ей, уви нишой! Что здѣ разсуждаю?
 Умираю от скорби, сердцем ся снѣдаю.

Пѣни на небеси.

*Carmina concordantia**).

Престань ридати, Болше сѣтовати,
 Злѣ опечаленна!
 Гласъ ти с небесе Радость принесетъ:
 Будешъ потѣшенна!
 Скорбь твоя в радость Претворися, в сладостъ,—
 Что ся усумняешъ?
 Богъ богатий Во благодати—
 Да нанъ уповаешъ!

Надежда с небеси является.

Чесо, Отчаяніе, себе убиваешъ?
 Почто со Плачем Милость Богу разсуждаешъ?
 Не вѣси, яко Богъ щедр, в милости богатий,
 Причтеть Естество падше ко первой благодати?
 Се ново вамъ небеса славу повѣдаютъ: ||
 л. 8. По горкой скорби сладку радость возвѣщаютъ.
 Силенъ во всяко время скорбнихъ потѣшати,
 Силенъ всегда заблудшихъ на путь наставляти.

Отчаяніе.

Вѣмъ, яко силенъ, по твар з ада свободити—
 Вишь той: мусѣль**) би Богъ себѣ самъ противним бити

Хоръ.

Любви ест Бога Всегда премнога
 К роду челоувѣка.

*) Отмѣчено на поляхъ.

**) Въ рук. „мусѣль“.

Я его спасти З адской пропасти,
Разсмотри от вѣка.
Естество видѣ Во адской бѣдѣ,
Что терпитъ пленици;
Явля щедроти, Сниде с висоти
Зъвести зъ темници.

П л а ч ь

Сладки суть гласи, но вѣру тѣмъ яти
Немощно: зволнил би Богъ себе поругати.
Неложно рѣша Бога уста пресвятия:
Не зийдетъ ми Естество за дерзости тия.
Сего ради печално в слезахъ утоаю,
Сѣтую, от болѣзни прегорко рیداю.

Cantus idem prior: Престанъ ридати.

Н а д е ж д а.

Слишана ваша болѣзнь, плачь и ридание, ||
Пройде сквозъ небеси горко степенание.
Се тебѣ по печали радостъ возвѣщаю.

П л а ч ь.

Рци, какимъ ты именемъ азъ да нарицаю?

Н а д е ж д а

Азъ не надѣющимся есмь Надѣяние,
По печали приношу всѣмъ радование.
Посланнамъ и ко тебѣ сия глаголати:
Будетъ Естество падше во первой благодати;
Милосердие в Бога с престола сниде,
Да падше Естество на небеса возиде;
Его же ради много постраждетъ во плоти,
Крестъ, гвоздие, смерть тяжку возприметь з охоти,
Положитъ ся во гробѣ животь умерщвленний,
Би мертвъ падши*) билъ образъ оживотворенний.
По семъ воскресетъ, яко женихъ от чертога,
Естеству царский вѣнецъ дастъ на лѣта многа.

*) Въ рук. „впадши“.

Плачь

Вѣруемъ словесемъ симъ, но будетъ жалѣти
Поки на тваръ свободну не будетъ глядѣти.

Благодать укрѣпляющая.

Видь что посѣщеніе Божіе ко тебѣ:
Серцемъ вамъ унивати отнюдъ ест не требѣ.
Искушенни есте, якъ злато во горнилѣ,
Вѣштитеся вкратцѣ о Божней силѣ.

Пѣніе Ангелское.

Торжествуй в узахъ, Натуро сѣдяще:
Избавленіе придетъ некосняще,
Бо придетъ во вечеръ плачь, граде скоро радость,
Горкія слези претворятся во сладость;
Милосердный Богъ, являяй щедроти,
Сниде отяти тваръ з адскія работи, ||
л. 9. Еже возведе ко горному Сиону
Дастъ первой части на главу корону.

Явленіе 4-е.

*Авраамъ жертву приноситъ Господеву, Исаака сына своего закаляетъ,
но Ангель запрѣщаетъ Аврааму, да не простретъ руку на благопослушлива
Исаака.*

Авраамъ.

Создавшій мя во время от брѣнія Боже,
За се възблагодарити мой языкъ не може.
Что въздамъ во всѣхъ, яже мнѣ суть данна?
Азъ отъ Тебе и вся вещь—вѣмъ, же естъ созданна.
Аще бымъ принесли Тебѣ отъ скотовъ даръ нѣкий,
Твоя суть скоти, ихъ же мѣютъ человѣки;
Аще отъ тука земна и хлѣба пшенична—
Той отъ Тя человѣку во свѣдѣ данъ въ лѣта вѣчна;
Винограднія жертви никако требуешь,
Ибо тому благодать отъ Себе даруешь;

Аще бимъ от воздуха далъ Ти криляѣ птицы,
 В работѣ твоя мѣют от Тя человекѣ;
 Аще бим от пустыня принеслъ нѣка звѣра*),
 Не благоприятна Ти будет та**) офѣра.
 Злата, сребра никако приемлешъ;
 Кому и Ти далъ еси, от того отемлешъ.
 Самое дыхание жизни от Тя данно,
 Отняти духъ мой от мя Тебѣ невозбранно.
 Ти далесъ мнѣ во мирѣ ни от кого бити,
 Ти можешъ мя, гди зволишъ, нища умертвити.
 Реклъ еси: „да будет свѣтъ“,—слово то бистъ дѣлом:
 Дунуль еси духомъ в землю—бистъ чловѣкъ тѣломъ.
 Стихия, моря, поля и дуброви
 Твоей ради крѣпости быша, ради слави. ||
 Что зряще, не вѣмъ, кую дам Тебѣ офѣру:
 Не имам токмо крѣпку во сердци моемъ вѣру.
 Но Каннову жертву не зъволилесь вняти—
 Отъ мя сердце смиренно, молю, рачъ приняти.
 Авеля смиреннаго восприялесь дари—
 Что лутше принесу Ти азъ***), рабъ, в лѣта стари?
 Смирни, ливана, злата—ничтоже требуешъ,
 О пчелнѣмъ медѣ сладкомъ никако непщуетъ.
 Сего ради не вѣмъ азъ, что Ти принестъ мѣю;
 Яви мнѣ,—на Тя мою возложихъ надѣю.
 Самъ ся Тебѣ, Боже мой, во жертву приношу,
 Прими мя, якъ дар Авеля, смиренно Тя прощу.

Слово Божие ко Авраму с небеси.

Внуши, Авраме, гласъ ко тебѣ реченный:
 Да дастся Исаакъ во жертву, сынъ твой возлюбленный:
 Той мигъ благоприятна от тебе офѣра,—
 Вѣмъ, что велика твоя ко мнѣ вѣра.

Авраамъ.

Рабъ твой, Господи, Твоего послушаю гласа,
 Что реклъ еси: олтар Ти творю сего часа:

*) Въ рук.: „нѣка звѣр звѣра“.

**) Въ рук. подописано: „т“.

***) Въ рук. „зъ“.

Не косня дамъ Ти во жертву Исаака сина,
 Аще имѣю его точию едина;
 Богъ бо зволилъ ко мнѣ, пряху, глаголати,
 Откуда вѣмъ, яко есмь в Твоей благодати.
 Что есъ повелѣлъ, пойду исполнити истѣ.
 Зру, яко Ти живеши, Боже, на сем мѣстѣ.

Авраамъ ко рабомъ глаголетъ.

Шествуйте в путь со мною, раби послушливи,
 Принести жертву Богу нинѣ умисливий;
 Самъ рече ко мнѣ, рабу, да дар Му дамъ нѣкий,
 Его же нѣкто принесъ между человѣки. ||

Рабы.

- л. 10. На послушание ти ми, раби, готови:
 Что велишь, господине, творим безъ отмови.

Авраамъ ко Исааку.

Со мною, Исаку, хтѣи ся потрудити,
 Да вѣси, яко жертву Богу приносити;
 Отвѣща Самъ на дари творимия вняти;
 Будешъ ся приносимим от мя приглядати.

Исакъ.

Отческо веленіе что кажетъ творити,
 Синъ твой благопослушливъ долженъ исполнити.
 Аще бимъ не сотворилъ, не мѣй мя за сина;
 Ти мнѣ первая слава, ти радость едина.

Авраам.

Всегда съ билъ отчу волю смиренно творящий;
 Зроднен в твоемъ ко Богу огонь сердцу горящий.
 Гряди по мнѣ и прийми нуждая ко дару,
 Яже возлагать будем Богу на олтару:
 Огнь и дрова возложи на рамо отроче,
 Уздриши Создателя. Но шествуй охоче.

И с а к ъ.

Скажи мнѣ путь твой, отче, да иду по тебѣ,
 Дрова нося, мечъ—не вѣмъ, якой се потребѣ:
 Не мѣмъ бо что отнюдъ Богу во жертву дати,
 Ибо не взяхомъ от стадъ з собою овчати.

А в р а а м ъ.

Не скорби, Исааче, твори же велѣнна:
 Богъ узрит овча себѣ—вещь се неотмѣнна:
 На сем мѣстѣ азъ, чадо, слышахъ гласъ Господень,
 Яко ты Богъ приняи мѣет в дар угодень. ||

И с а а к ъ.

Сего ради должно ми дрова соложити,
 Здѣ бо мѣеть ся Богу честь сооружити.
 Во жертву ся принести азъ*) невозбраняю,
 Радостно вию мою под твой мечъ скланяю.
 Жертву Богу приятну вѣрю мя бити,
 Попеже Исаака вели мя убити:

А в р а а м ъ.

Дажь руцѣ, преклонь главу, очи воздѣй к небу—
 Се закатаешися Вишнему на потребу.

И с а к ъ.

Твори, отче, глаголи свишше завѣщанна!
 Даю днес себе на смерт Богу невозбранна.

А в р а а м ъ.

Должно мнѣ завѣщанни обѣти сполнити,—
 Токмо звол под мечъ, чадо, главу приклонити.

А н г е л ъ с ѣ н е б е с е.

Не простри, Аврааме, руки на отрока,—
 Завѣти чрезъ мя посла Богъ, якъ чрезъ пророка.

*) Въ рукописи „азъ“.

Видѣ превеликую въ сердцу твою вѣру,
 Того ради з рукъ твоихъ принять ту офѣру.
 Агнца принеси въ даръ, Исаака мѣсто,
 Приятенъ будетъ Богу, слово се есть исто.
 Ти же за принесенъ даръ Богу превеликий
 Будешь отцемъ до вѣка во многи язики,
 Ихъ же число узриши, яко звѣздъ небеснихъ
 И якъ пѣску морскаго,—вѣруй зъ словъ нелеснихъ.

Авраамъ ста рушонъ.

л. 11. Пред Величеством Твоим упадаю, Боже,
 Зру же, творить безъ Тебе не могу ничтоже. ||
 Запрещающа Твоего послушаю гласа,
 Его же слыша*) бѣхъ вес исполненъ ужаса.
 Якъ велиши, ничтоже сотвору отроку,
 Вѣмъ бо его во юности суца безъ пороку.
 Почто востани, чадо, шествуймо до дому.
 Что ты приносихъ во дар, не вѣщай нѣкому.

Явленіе 5-е.

Продание Иосифово братией во землю чужду.

Братъ 1 глаголет.

Слово имамъ, братия, ко вам глаголати,
 Еже зволите обще вси пилне разсуждати:
 Се отческий наслѣдникъ, любимий первенецъ,
 Сновидецъ доброарченъ, прегорды младенецъ,
 Рече, что ему мѣемъ вси поработати,
 Послѣдня господиномъ первым нарицати.

2 братъ.

Не буди то, даби онъ, послѣдний всѣхъ суци,
 Первенство мѣлъ надъ нами, болѣ лѣтъ имущи:
 Совѣтуймо, что нинѣ оному сотворимъ,
 Да болѣ безчестия нимъ себѣ не творимъ.

*) Въ рукъ „сlishахъ“.

3 братъ.

Убиймо окаянна безчестия ради!
 У отца для него ми не мѣем отради;
 Болшие, ему аще продолжатся лѣта,
 Безчестие, срам, гонбу будемъ мѣти у свѣта.

4 братъ.

Что мѣємо дѣлати, болѣ не коснемо,
 Но скоро окаянна смерти предадѣмо:
 Познает, что то дѣло старшим ся ругати,
 Когда убита кажемъ звѣрем во снѣдь дати.

5 братъ.

Нѣчто смертна отроку сему сотворѣмо,
 Но его в сей дубравѣ нигдѣ соблюдѣмо:
 Онъ ходя по дубравѣ, не вѣдуще пути,
 Мусить и ради глада зла смерть постигнути. ||

Братъ 6.

Вѣмъ азъ ровъ глубочайший, води не имущи:
 Да вовержется отрокъ, хлѣбъ несущий;
 Послѣждь случится кто от чуждей strani,
 Може бить за нѣкия сребрники проданий.

Иосифъ.

Посла мя к вамъ, братня, отецъ возлюбленный,
 Хлѣбъ от мя да примете во снѣдь принесенный;
 Тужу азъ не видя вас чрезъ дни в дому многи,
 Почто не возгнушахся сея ко вамъ дороги;
 Гдѣ любезно обще всѣхъ от сердца цѣлую,
 Что здру здравих, честь Богу даю не малую.

Братъ 1.

Тако ли ти, тако ли ти дерзашь сни своя казати,
 Же якъ бисмо мѣли вси тебѣ работати?

Не буди то! лутше би слонце не свѣтило,
 Нежли бы ся се дѣло исполнити мѣло!
 Тѣбѣ послѣднѣйшему бы честь била перва,—
 Никако би значала во свѣтѣ исперва,
 И днесь того не будеть, ибо тя убиемъ,
 Плоть во свѣдъ звѣремъ дамо, кровь твою иалиемъ!

Иосиф.

В ваши днесь свободь придохъ невообразно руки,—
 Не мѣю, чимъ бранить ся от напрасной муки.
 Что хотите, творите по сердцу своему,—
 Творцу воздасте отвѣтъ и отцу моему;
 Отчу сотворихъ волю, яко сами вѣсте,—
 Злая мнѣ за благая почто сотвористе?
 Аще юнъ есмь, но готовъ з рукъ ваших умрѣти:
 Вѣмъ, что коса младие посѣкаетъ цвѣти.

Братъ 2.

Учиши ли насъ студъ терпѣти? сней*)
 Дерзости ради словесъ дамъ тя в руцѣ алие.
 Братий бы болша тебе честь ти воздавала,
 Не будет то, наша би низверглася хвала.
 Нетерпяще прочее, реченно творѣмо—
 Тунеядца отчаго смерти предадѣмо! ||

л. 12.

Братъ 6**).

Яко рѣхъ, не убимо, но в ровъ возверзѣмо:
 Серца на время ярость, молю, отверзѣмо.
 Приключить ся странствуяй никто в чужди страни,
 Може битъ сей отрочищъ за сребро проданий.
 Кая бо користь будеть, аще го убиемъ?
 Сребро лутше нам взяти, ничто бо имѣемъ.
 Ибо в дубравѣ живемъ, пасуще вся стада,
 Доволно мѣем млека, тая намъ отрада;
 Не имѣемъ***) намъ откуду купити—
 Продаймо го, зволмо ся токмо согласити.

*) Въ рук. „сие“.

**) Въ рук. „з“.

***) Въ рук. бѣлое мѣсто, на которомъ должно было бы стоять пропущенное слово.

Б р а т ь 3.

Не коснящи зла раба во ровъ вовержимо,
От убийства ся на часъ мало воздержимо!

Б р а т ь 4.

Гряди бес коснѣннѣ, рабе окаяннѣи,
Жес не убить, моли ся, да бисъ билъ проданий.
Снийди во ровъ, гдѣ будешъ во вѣки сидѣти;
Отча лица отселѣ нечай болѣ арѣти.

Б р а т ь 5 до измаилтянъ глаголетъ.

Откуда шествуете, люде чуждей страни?
На кое дѣло есте во нашъ град прислани?

И з м а и л т я н и н ь 1.

Нужда нас к вам принесе, что много не мѣем
Вещей, ихъже купити у вас ся надѣем:
Злата, сребра, каменѣи имѣемъ доволно,
Токмо пищи, одежди достат неудолю;
Бисери привозимо з чуждия граници,
За тихъ добре мзду беремъ от вашей десници.

Б р а т ь 6

Не купите ли у нас отрочища млада,
Его же обрѣтохом тающа от глада?
Се ни сѣдит нама во ровъ возверженный,
Да не будет во дубравѣ от звѣрей снѣденнѣи.

И з м а и л т я н и н ь 2

Добре есть, зволте его нам изявити,
Что за цѣна, хотѣйте истно возвѣстити.

Б р а т ь 1

Изиди! се пойдеши до чуждия страни,
Ибо измаилтяномъ будеши проданий. ||

Adducit et dicit)*

Имѣши отрока видомъ доброзрачна,
Юна, здрава, зъ возрасту доселѣ безбрачна.

Измаилтянинъ 3

Коль много восхощете зъ рукъ занѣ наю ваяти?

Б р а т ѣ 1

Двадесятъ сребренниковъ изволте намъ дати:
Мний ни болии никако отъ васъ восприимемо.

Измаилтянинъ 1

Иже рѣсте, за него такъ вамъ даемо.

Б р а т ѣ 2

Возми его! Дажь ризу, болшѣ да не ридашь!
Отселѣ лица отча зрѣти да не чаешь.

Б р а т ѣ 3.

Продахомъ Юсифа, но ко отцу пришедши,
Что речемъ вопросившу, гдѣ отрокъ изшедшии?

Б р а т ѣ 4.

Не видѣхомъ, речемо, но имѣемъ ризу,
Не вѣмъ чию: лежащу обрѣтохомъ**) иншу:
Тую всю принесемъ ко отцу окровленну,
Юже далъ Юсифу, отъ звѣря снѣденну.

Б р а т ѣ 5

Добри совѣтъ. Ко отцу скорѣе грядемо,
Ризу омоченную во крови несѣмо.

*) Замѣтка на поляхъ.

**) Въ рук. „обратихомъ“.

Явленіе 6-е.

Іяковъ, принявшіе ризу проданнаго Іосифа, ложнѣ отъ братій окривавленную, лишения Іосифова прегорко ридаетъ.

Іяковъ на одрѣ лежащій:

Ахъ, мнѣ престарѣлому, на одри сѣдящу,
 Никогда сиянія солнечнаго зрящу!
 Не могу отрокъ моихъ лицомъ къ лицу зрѣти,
 Почто печалень мушу по вся дни скорбѣти.
 Все на послушаніе синове пойдоша,
 Откуда тугу мнѣ сердца нанесоша.

Синъ 1

Не скорби, родителю,—се приидохомъ къ тебѣ;
 Давно у тебе бихомъ, зрѣти ты намъ требѣ.
 Безъ тебе намъ вся сладка горкая биваютъ,
 Ижъ на ты очи наши не всегда взираютъ. ||

л. 13.

Іяковъ

Все ли есте? Іосифъ гдѣ мой возлюбленный?

Синъ 2.

Не вѣми,—въ тебе бѣ, отче, оставленный.

Іяковъ

Азъ его ко вамъ послахъ носящаго пищу;
 Не случи ли ся бѣда нѣка отрочищу?

Синъ 3.

Мы, отче, собирающе стада твоя в поли,
 Знаишлисмо ризу нѣку раздранну наполи,
 Кровию по нѣкоторихъ мѣсахъ окривавленну:
 Явѣ се естъ нѣкому отъ звѣря снѣденну,—
 Юже шедше къ тебѣ з нами принесохомъ
 Сице, яко лежащу в поли обрѣтохомъ,

Лежащую раздранну, нѣгдѣ окрвавленну,—
Знатъ зъ человѣка в поли от звѣра звлеченну.

Іаковъ.

Трепетъ обня ми сердце: что се глаголете?
Молю вас, да ту ризу ко мнѣ принесете.

Синъ 4.

Познай, отче, аще се риза твоего сына,
Яже бѣ лежащая на поли едина;
Сию обще обрѣтше принесохом к тебѣ,
Да вѣси, что синовну любовь мѣшъ*) к себѣ.

Іаковъ ридает.

Риза сына моего! звѣрь снѣде и лютий!
Явѣ одежда творить лежаща на пути...
Увы мнѣ, престарѣлу! Что сотвору нынѣ?
Смерти затворите мя во гробной долини!
Зайде свѣтъ очей моих: Іосифъ прекрасный,
Една надежда моя, паче свѣтилъ ясных,
Гдѣ обитаешъ нинѣ, чадо возлюбленно?
Проклятъ звѣрь, что ты млада растерзаа зубами!
Да придетъ нанѣ нагла смерть предъ всѣми вами.
Азъ паче нареку мя отъ звѣра лютѣйша,
Же послахъ ты в далеку путь, отрока юнѣйша. ||
Твоей смерти вина есмь, Іосифе любий,
Участником до вѣка буду твоей згуби!
Но за сей грѣхъ, небеса, облакъ отверзѣте,
Молниями совишше нинѣ мя убиеете.
Лутше ми во подземния мертву пойти страни,
Нежели живущему в сердцу терпѣти рани.
Онъ моей бѣ старости крѣпкий жезлъ единый,
Аще и мѣлом многи прежде него сини;
Онъ мое прибѣжище, онъ моя надежда,—
Нинѣ не имамъ его, токмо естъ одежда.
На его руку имѣлъ мой животъ скончати,

*) Въ рук. „мѣшъ“.

Леч зволила его смерть прежде сего*) взяти.
 Лѣй з очесъ, Рахил, слези, мати возлюбленна:
 Сина твоего мѣшъ от звѣрей снѣденна!
 Не терплю ужъ прочее, сам мнѣ смерть сотвору,
 Или да утоплюся в лезномъ очесъ мору.
 Гори, на мя, велие каменѣ, падѣте!
 Якъ Иосифа, мене сице умертвѣте.
 Нѣсть жития моего, уже совершися—
 Почто же в тѣлѣ моемъ душа утаися?
 Пойду во гробъ с тобою, отрочище младо:
 Когда жить бисть**) треба, умираешъ, чадо.
 На мя, звѣри дубравни, зуби обратѣте,
 Мене зѣвши смертномъ затворѣте.***)
 Иосифа, в юности, аки кринъ, цвѣтуща,
 Напрасна смерт постиже в отшествни суща,—
 На мене гнѣвъ, о Боже, Твой да ся наллет.
 Посли руку совишше, мечъ мя да убьет,
 Ибо от слезъ дотолѣ в мирѣ не почию,
 Донелѣ ся смертною перстю не покрию.

Явленіе 7-е

Милость Божая Любве ради исшедшая является, нося вся орудия страстей, их же восприняти щедрот ради хоцетъ, даби спасюся от пльненія Естество; того ради со тщанием градет ко Голговъ, да тамо на крестѣ житие скончает. ||

л. 14.

Милость Божія

Услишася глас Естества стелящій,
 Пройде сквозъ облакъ вопль горко гласящій;
 Сѣтует адскимъ зубом угризенна.
 Но да до конца не будетъ снѣденна,
 Богъ кроткій****), щедрій, добръ во благодати,
 Твари созданной не хтѣ во снѣдъ дати.
 Милосердие от горня Сиону
 Во мир мя посла спасти ону,
 Ея же ради орудия сия
 И болша прииму страсти пресвятия;

*) Въ рук. „его“.

**) Въ рук. „бить“.

***) Очевидно, въ этомъ стихѣ пропущено какое то слово, можетъбыть „во гробъ“.

****) Въ рук. „кроткій“

За дерзость на плод завѣщанный десници
 Восприиму на ся тяжкия пленици;
 Во мѣсто древа, в Едемѣ свѣденна,
 Рука мнѣ будет к древу пригвожденна;
 Что нога зволи на пути алом стати,
 Кресту моя дамъ нозѣ приковати;
 Что завѣтъ попра Естество безумно,
 Казнь за не приять азъ изволю умно.
 Ничто мя сия устрашаютъ скорби,
 Никако в бѣхъ ти Естеству ест борби(?),
 Ибо в темници страждет болѣаненно,
 За що мнѣ сердце ест опечаленно.
 Скорбно стащаетъ з очесъ слезно море:
 Разсудѣмъ како—о горе му, горе!
 Милости прося, сѣтуя ридаетъ,
 Тяжчайшимъ воплемъ небеса пронзаетъ,
 Да кропятъ правду, уже обѣщаша:
 Вся о немъ пророкъ реченная стаща.
 Сего ради азъ во мир есмь посланно,
 Да не будетъ в конецъ Естество погранно,
 Еже всѣхъ Творецъ зволилъ восприяти,
 Би за ту дерзость возмогль пострадати. ||
 Велю*) мнѣ творить, что миръ хошетъ, злости,
 Сокрушай ми всѣхъ составовъ кости,
 Почто вмѣню ся агнцу незлобиву,
 Не глаголющу стрегущимъ противу;
 Дамъ моя плещи, нозѣ поорати,
 Плоти состави велю раздирати,
 Всю кровь со плоти, якъ морская струя,
 Ради милости стощу не сѣтуя;
 Плюющимъ на мя дамъ тваръ невозбранно,
 Заушающимъ и бьющимъ ранно
 Ни единого изреку отвѣта,
 Любезно прииму безчестіе свѣта;
 Острый сей вѣнецъ возложу на главу,
 Падшій бы образъ перву принялъ славу;
 Губу исполню**) оцтомъ напоенну,
 Излю воду в сердце сокровенну,
 Ею же экверну всю твари омию;
 Самъ же, спасаая работну ей вию,

*) Въ рук. „вели“.

**) Вѣроятно, вмѣсто „исплю“.

Послѣжде древу дамъ ся пригвоздити,
 На крестѣ животъ зволю совершити.
 Не косня убо, что рѣхъ словесами,
 Граду к Голгоѣѣ творити дѣлами.

Явленіе 8-е.

Побожностъ ищетъ Милости Божія, и нескоро обрѣтше, гласъ с небеси к ней въцаетъ, да грядетъ ко Голгоѣѣ; тамо ю обращъ на крестъ между скорбна ангелскимъ ликомъ) животъ скончавшую, юже обрѣтше и сама под крестомъ ради болѣзни умираетъ.*

Побожность.

Слишахъ ревностъ, слишахъ гласъ жениха,
 Нова на сердцу бѣ нѣка утѣха;
 Нинѣ же не вѣмъ, гдѣ ю искати мѣю—
 В жалю млѣю.

Рци сладкий глаголъ, скорбной изаявися,
 Любовь до сердцу къ тебѣ возгорися, ||
 л. 15. Ейже згасити вся не могутъ рѣки—
 О, огонь великий!

Пойду**) искати многими стезями,
 Камо шествова Любимый стопами;
 Аще обращу святы Его слѣди,
 Избѣгну бѣди.

Пойду на стогни, пойду на калуги,
 На распутия, непроходѣни луги,
 Взищу и в селѣ, взищу и во градѣ—
 И сердцу отрадѣ.

Чи на торжищи, Милости, стоиши?
 Или на пути странствуяй косниши?
 Яви мнѣ гласъ Твой, азъ Тя ожидаю—
 Прихода чаю.

Прочеіе молю ви, небеса, рцѣте:
 Гдѣ Милосердный коснитъ, возвѣстите!
 Узавленна есмь любовию зѣло—
 Страждетъ все тѣло.

*) Повидимому, должно быть: „между скорбна ангелска лика“.

**) Въ рукописи „пойди“.

Гори со холми и древесъ дубрави,
 Болѣаненной мнѣ дадѣте гласъ правий—
 Не тамо ли ся Щедрий обрѣтаетъ,

Въ васъ прехождаетъ? ||

Граду ко граду,—ви ли рдѣте, тщери,
 Не у васъ ли здѣ Женихъ на вечери
 Радостнѣю вина чашу исполняетъ,

Благъ пиръ снѣдаетъ?

Или в вертоградъ пойду заключенный:
 Не тамо ли ся мнѣ Богъ возлюбленный,
 Пася во кринехъ, всѣхъ криповъ краснѣйший

И шипковъ бѣлѣйший?

Или во Канъ на брацѣ витаетъ,
 Вкусное вино в водѣ претвараетъ? ||
 Ейже аще бымъ спила одну чашу,

Огнь в сердци агашу.

Чили к Затхею, праву мужу, снийде?
 Или ко Симону на трапезу прииде?
 Отнюдъ не могу стезъ его поняти—

Гдѣ Го искати?

Кто ми*) дастъ крилѣ скоры голубинѣ?
 Полещу прудко по морской пучинѣ,
 Пойду по горахъ, витая якъ птица,

Скорбна голубица.

Се уже ся день мало накланяетъ,
 Милосердный мнѣ нѣкто ся являетъ;
 Что ся криеши, Свѣте очесъ ясный,

Женише красный?

Наконецъ не вѣмъ, кого вопрошати,
 На якомъ пути имамъ Тя искати;
 Точию умру, изливши слезъ море—

Смутной мнѣ горе!

Пространнихъ небесъ красная свѣтила,
 Мою надежду на васъ положила:

Гдѣ Женихъ обитаетъ?

Жаль мя снѣдаетъ!

Гласъ с небесе.

Гради к Голгоѣ,—се Твой Возлюбленный
 Мертвъ виситъ и нагъ на крестъ пригвожденный.

*) Въ рук. „ли“.

Сего бо ради изволил умрити—
Смертию хошет вес миръ оживити.

Побожность

Градет къ Голгоотъ, гдѣ, уздрѣвши Распята между скорбными Ангелами, ридает.

Такъ ли в Канѣ вкушаеши брака, ||
л. 16. Весь не имѣяй доброты ни зрака?
Или во кринѣхъ тацѣхъ ли пасеши?
Смертию страждеши!
Такъ ли Тебе Сионская тщери
Жениха красна мѣша на вечери,
От ихъ же руку спилес смертну чашу
За дерзость нашу?
Боли не терпя Твоей смерти зрѣти,
Зволю при стопахъ здѣ Твоихъ умрѣти,—
Нехъ покриетъ зраненну дозѣла
Смертна могила.

Ангель 1.

Ридаемъ Творца нестерпимой смерти,
Желаемъ равно здѣ при Немъ умерти—
Но нама смерти сие возбраняет,
Яко по трехъ днехъ воскреснути мает.

Ангель 2.

Пре то изволил язви воспрियाи,
Би могль язвленну тваръ уврачевати;
Врачество будетъ то на лѣта многа,—
Востанетъ, яко женихъ отъ чертога.

Ангель 3.

Истоци всю кровь з пресвятаго тѣла,
Бы ся в ней мерзка тваръ людска омила,
Иже паче крин*) будетъ убѣленна,
Дастъ ся ей перва одежда спасенна.

*) Въ рукоп. „крил“.

Ангелъ 4.

Ко древу руцѣ даде приковати,
 По нейже муки паволи плотъ взяти—
 Тающъ мукою челоуѣкъ сотворенный
 Во кратцѣ будетъ а ада свободженный. ||

Ангелъ 5.

Вѣнецъ терновий возложи на главу,
 Хотя Естеству дати перву славу.
 По трехъ днехъ его вознесет*) ко слауѣ,
 Даяй вѣчности вѣнецъ его главѣ.

Ангелъ 6.

Нозѣ суть пре то ко древу прикути,
 Поне Естество ста на мераскомѣ пути;
 Сими ногама сотретъ Амалика,—
 Се ѱ приспѣваетъ побѣда велика.

Ангелъ 7.

Испусти духъ святъ, вся ся совершиша,
 И яже вѣщанна чрезъ пророковъ быша.
 Едно тимъ духомъ должно сотворити—
 Мертву людску тварь оживотворити.

Явленіе 9-е.

Иосифъ со Никодимомъ распятаго и умершаго на крестѣ снимаютъ и у вертоградѣ полагаютъ в новомъ своемъ гробѣ, с погребателнымъ Ангелскимъ пѣниемъ болѣзненнымъ, и отходятъ. Послѣжди приходитъ сонмище еврейское, запечатльваетъ гробъ и утверждаеъ крѣпкою кустодіею, да не возмутъ И ученици коцию.

Никодимъ.

Потщимся, Иосифе, дѣло сотворити,
 Зволмо мертвѣца сего плотъ в гробѣ положить.

*) Въ рук. „вознесе“.

Іосифъ.

Градѣмо предъ еврейскимъ родомъ сокровенно,
 Да не будетъ снятъ го съ креста возбраненно.
 Вся спира кустодію велитъ твердо дати,
 Не допуститъ отъ креста нѣкому и взяти. ||

л. 17.

Никодимъ.

Прежде тѣхъ стражей тайно скоро поспѣшаймо,
 Ко погребенію же мѣсто избираймо.

Іосифъ.

Есть вертоградъ моемъ гробъ новъ иссѣченный,
 Въ немъ же не бѣ никтоже зъ мертвецѣвъ положенный,—
 Сего мертвца страннаго во немъ положѣмо,
 Плащеницею честно всю плотъ обвяжѣмо.

Никодимъ.

Кою плащеницею, Боже, Ты обвию?
 Кія исходу отъ насъ пѣсни пѣти мѣю?
 Величаемъ усердно пресвятія страсти,
 Чаемо ся Тобою во вѣкъ вѣковъ спасти!

Іосифъ.

Не въ гробъ желалъ бимъ Тя, Боже, положить,
 Но въ сердцу когда бимъ Тя возмогль вомѣстити!
 Аще ли адѣ плотію лежишь погребенный,
 Весъ животь отъ Тя нинѣ мира исполненный.
 Что востанешъ отъ гроба преславно, азъ чаю,
 Побѣдиши смерть ада—на Тя уповаю;
 Даси человеку животь во безсмертной славѣ,
 Первый погибшій вѣнецъ будетъ мнѣ на главѣ.
 Вѣнцемъ и насъ вѣчности соизволь вѣнчати,
 Одесно Тебе въ царствѣ сподоби престати.

Сонмище еврейское. Евреянинъ 1.

Законнопреступника уже смо убили,
 Се его наша равнн въ гробъ затворили.

Жидъ 2.

Нехъ лежить, но помнѣте, что онъ живъ говорилъ,
 Яко би по трехъ дняхъ з гроба востати мѣлъ;
 Которая говурка же б ся стала нѣколи,
 Не хороше, встид би бил ходити до школи. ||

Жидъ 3.

Добре ви, вес кагалъ нашъ, сие разсудѣте,
 И печати крѣпкне на гробъ положѣте.

Жидъ 4.

Я жычу, що би добро воиновъ наняти,
 Хочъ би пришло им за то добрую мзду дати:
 Ученици его всѣ пишно поглядаютъ,
 В ночи его викрасти и сховати мають.

Жидъ 5.

Скоро, что маем творить, сие и чинѣмо:
 Печат на гробъ крѣпку зверху притиснѣмо.
 С кагалу иди борао сотника прохати,
 Що бы зволил воиновъ и сотню намъ дати.

Жидъ 6.

Послани мя к вам, воини, вся наша кагали,
 Да бисте ся на службу всѣ не одмовляли;
 За то вам дамо плату, что будетъ достойно,
 Тилко со оружием идѣте вѣи(?) за мною стройно.

Воинъ 1.

В чом вопрошаете, в том вам служитъ готови.
 Се шествуемъ с вами спѣшно без отмови.

Жидъ до воиновъ.

Воини, просимо вас зо всѣмъ свимъ кагали,
 Що бисте добре того мертвца пиловали;

Мовимо вам не жартом—всѣ то слишат люде;
Лихий годъ, якъ онъ встанет, и нам и вам буде.

Е п ѣ л о г.

Неизреченну муку страждущаго Бога
Изрекоша вократцѣ дѣйствія немпога.
Аще бисмо Ангель усти глаголали,
Нѣкогда бисмо Божих страстей описали.
Нѣко токмо явихомъ плачу исполненна,
Якъ за дерзость Натура адови врученна,
Посем—яким образомъ крайня Милость Бога,
Ея ради изшедша, истерпѣ премнога,
Потом умре на крестѣ, якъ сами вѣсте,
Снята з древа; схованну во гробѣ видѣсте.
О печали! Создател, за тварь уморенний, ||
л. 18. Бы бил мертвийи челоувѣкъ к жизни возвращенний!
Сего еднакъ воскрешша не за часи многа
Изявимо сходяща, яко от чертога,
Иже связавши Ада сокруши отцами,
Низведе вѣчности ихъ вѣнчати вѣнцами.
Но которое дѣйствіе во дни торжественни,
Молим тя, слншателю, будь з любви явленний;
В нинѣшнем явленіи аще зло что зриши,
Яко благоразуменъ, просим, да простиши.

ЧАСТЬ II.

Образи торжественна от гроба востанія Господа, избавленія Естества челоувѣческаго со прочими праотци з адекой темниці по разореніи адова царства содержать.

Антепролог*)

Смерт царствующая со князем тми величаются, ихъ же Побѣда Христова область раздрушаетъ.

С м е р т ь

Кто есмь? Откуда взяхся? Кто мя сотворивий?
Не единъ хочет знати, крѣнку мя узрѣвший.

*) Въ рук. „антепролог“.

Сила Бога создавши перва человекѣка,
 Сотвори мя вторую того жъ дне от вѣка;
 Его моей в той же день крѣпкой даде власти,
 Аще би завѣщанъ плодъ снѣлъ от древа сласти;
 Но ти глас завѣщанный изволилъ поспрати,
 Не внимая реченным, дерзнулс плодъ урвати,
 Зато и азъ уморих, и з живущими всѣми
 До днес азъ умерщвляю руками моиими.
 Сама точию в миру есмь царица силна,
 Моей держави область во вѣкъ непредѣлна;
 Что хочу, з человекѣчим житнемъ сотворю:
 Тому дамъ лѣта долга, сего во гробъ затворю;
 Честный, сильный, богатый, нищий и убогий— ||
 Единого моменту падет мнѣ под ноги.
 Царства красна земная по мѣрѣ славима
 Лишатся лѣпотѣ со богатствемъ всѣма;
 Би в едно ся вся сила мерзкая собрала,
 От еднаго замаху в часѣ би пропала.
 Будучи всемогущѣйша, ничогом лишена,
 Вся бо мнѣ тварь мирская во область вручена.
 От праотца почавши, ажъ до сего время
 Умерщвляю косою человекѣчес племя.
 Силы моей трепещуть в мирѣ цари славни—
 Мною заключенци в гробъ прахомъ нищим равни;
 Предрагия зриваю под глави корони,
 Скипетра отбираю, спровергаю трони;
 Силу акъ Самсоновъ, вождовъ прекрѣпчайших,
 Или якъ Голнаетовъ, зрастом величайших,
 Единим смертоносним вѣтромъ скореняю,
 Самих во смрадном гробѣ вѣчне заключаю.
 Гдѣ твои, Ксерксе, вон? Александре,—слава?
 Не ви ли прахомъ*) мерзким, бивши миру слава?**)
 И до днес ся велможе мене устрашают,
 От коси бо моя якъ димъ исчезают.
 Трепещѣте, людие, се слышасте слово:
 Жало коси моя на вашъ каркъ готово;
 Ни единъ не избѣгнетъ от руку мою —
 Положу всѣхъ на мари силою своею.

*) Въ рук. „братом“.

**) Вѣроятно, должно было бы быть „глава“.

Аще всегда плодъ людей от алчби снѣдаю,
 Нѣкогда совершенѣ себе пасищаю;
 Не могу ся чловечимъ тѣломъ утучити,
 Мушу щодня любъ стара, любъ млада убити.
 Явѣ се увидите, когда всяка чина
 Убию—царя, князя, жида и пѣмчина,
 Положу ихъ на мари—на се токмо зрите,
 Что видящи, моя сила трепещѣте. ||

л. 19.

Явленіе 1-е.

Апостоли собравшиися цѣлованіе послѣднее творят Милости Божией в гробѣ положенной, сътующе; которых воины, смертию и м претящи, вон изганяют. По сем являється Ревность матерняя, возбуждающа от гроба Милость Божию; уже потышают Ангелския скорбныя на небеси гори, яко востанетъ внезапно.

Апостоли творятъ цѣлованіе.

Петръ

Творим цѣлованіе послѣдное Тобѣ,
 Да умрем*) гдѣ с Тобою, прими нас ко Себѣ.

Лука

Мертвня оживляяй, нинѣ мертвѣ лежиши,—
 Чесо ради насъ скорбнихъ здѣ не умертвиши?

Клеопа

Наслаждах учений твоихъ азъ, Владико!
 Молчиши, Слово Отца,—чудо се велико.

Іяковъ

Плотию здѣ уснувий, плоть умершвляя свою,
 Да умрет и по плоти вкупѣ брат с Тобою.

*) Въ рук. „умрет“.

И о а н ъ

Возлегши ми*) на перси, прием время страсти,
При Тебѣ да возлежу,—вѣмъ, можешь мя спасти.

Воини устремляются на Апостоли отходящая.

В о и н ъ 1.

Болне приходити к намъ да не дерзнете:
Умертвим вас—смертию от меча умрете.

Ревность матерняя

Возбуждает ото гроба Милость Божию.

Се третій день болѣзненна, стражду сердцем, ахъ! зраненна.
Ти ли, Жизни, умираешь? Почто смерти мя лишаешь?
Рци мнѣ, мертвий, глас единый, заключи мя в смертной сѣни!
Не такъ небо глаголаше, когда Ты мнѣ возвѣщаше:
Нарече Ты ангель царемъ, жизни, смерти господаремъ,— ||
Ти же мертвий погребенный, камением приваленный,
Долшаго сна что вкушаешь, что мнѣ сердце уязвляешь?
Реченная Семеона собишася слова она:
Мечъ остръ сквозѣ сердце пройде, егда на страст Богъ
твой пойде.

Нинѣ третій день по страсти—время ест мя скорбну спасти!
Что мнѣ сердце уязвляешь? Что обѣтовъ не сполняешь?
Мѣлес встати не за многа дни, як жених от чертога,
Но доселѣ почто спиши? В востаніи что косниши?
Се воскресни и спаси мя, от болѣзни исцѣли мя!
Спилес страстей горких чашу, ушилес ся за скорбь нашу.
Снижди з гроба шумень, силенъ: от мертвих ранъ миръ
исцѣлен,

Пора мертву**) оживити, царствующу смерт убити!
Южъ востани, моя слава, живущих в мири главо!
Псалтир, гусли днес востани, уврачуй ми в сердцу рани,
Рци единъ глас возжелѣнный, яви зракъ Твой мнѣ нетлѣнный!
Не пойду зде азъ от гроба, плачем стенет мнѣ утроба.

*) Въ рук. „мя“.

**) Въ рук. „мертву мир оживити“.

Солнце аще потемляет, посем свѣтлый зракъ являет,—
 Ти не свѣтишь почто, Фебе? Душа терпит мракъ бес Тебе.
 Южъ востани з гроба красна, здѣ блисни нам, луче ясна;
 Востокъ, сѣвер весь Тя чает, югъ и западъ весь Тя ожидает,
 Горнихъ наведу небесъ сили,—зрѣти Тя всѣ вождельни.
 Ти доселѣ что косниши? Яко мертвецъ что лежиши?
 Сниди, яко от чертога—утолится скорбь премнога.
 Отци вси во адѣ вси ридаютъ, пришествия ожидаютъ:
 Очи пора слезни втерти, время сняти ихъ от смерти.
 Спѣвши скоро, некосненно, молятъ Тя вси умиленно;
 И азъ молбу Ти приношу: раз гробъ, Тебе прощу.
 Больше не могу глаголати, слезъ не имамъ большъ ридати,
 Токмо рекши глаголъ нѣкий, да не живу со человекъ,
 Мертва паду се при гробѣ, погреби мя здѣ при Тебѣ.

Хоръ на небеси поетъ.

Что умираешь? Что горко сѣтуешь?
 Или крѣпости Вишняго нещущешь?

Востанетъ слава,
 Патриархъ глава, ||
 Во воскликновеніи;

л. 20.

Истошитъ гроби, яко побѣдитель,
 Смерть здѣ убьетъ живота Хранитель,
 Ада разоритъ,
 Всю тварь свободитъ,
 Сушу во плѣненіи.

Се градетъ некосненно, животъ всѣмъ даруя,
 Отиметъ з очесъ твоихъ прегоркихъ слезъ струя
 Токмо ожидай,
 А милости чай,
 Ревности материя!

И н н ы й х о р ъ .

Воскресни, всѣхъ Животе, востани—что спиши?
 Мертвий миръ оживити большъ да не косниши.

Тварь в адѣ ридаетъ,
 Востания чааетъ—
 Зволь же слези втерти!

Явленіе 2-е.

О пени Ангелском со многим ужасомъ Милость Божая встаетъ от гроба, такожде и многая тълеса мертвих; суцей потрасенной земль, воскрешающим смятении воими, аки мертви падиши на землю, чрезъ много времени лежатъ.

Милость Божая.

Кто Миѣ во гробѣ дѣет многи труды?
 Ти Мя гласи возбуждаютъ всюди.
 Уснухъ сномъ чуждимъ, но Бога десница
 Днес возбуди мя, бим з ада темница
 Свободил мертво Естество челоуѣка,
 Страждуще во узах многи дни от вѣка.
 Ти же, Ревности матерня, при гробѣ
 Что скорбишь, печал терпи на утробѣ?
 Милость Божая тебѣ ся являю, ||
 Скорбную велми матер потѣшаю:
 Прими радость, свѣтоносную шату,
 Веду*) ты в цареку чертога полату.
 Свѣтоносния низложи одежди:
 Явися Милость твоя надежди.
 Смерт попрахъ, попрах, плѣнних, ти же умираешь?
 Отселѣ смерти в мирѣ не познаешь.
 Зрѣхъ во вертоградѣ велми ты болящу,
 Видѣхъ под крестом прегорко слезящу;
 Како мечь страсти сердце**) пробуждает,
 Се до днес язва что не исцѣляет.
 Гради, гдѣ красны***) восклицаютъ лики,
 Купно ся тѣшат небеса з челоуѣки;
 Теци всюду в мир, а побѣду смерти
 Прославляй славно, яжем дерзнул стерти.
 Се знаменіе крѣпости оная:
 Ниспровержеса княз мира покоя,
 Притупих жало смертносна яда,
 Связапну живу послах Смерть до ада.

*) Въ рук. „веде“.

**) Въ рук. „серцем“.

***) Въ рук. „красну“.

Видя побѣду, изйди оттуду,
 Проповѣждь Бога востаніе всюду,—
 О сем, Ревности, тебе умоляю:
 Другом моим рци, яко их варяю
 Во Галилеи—тамо Милость Бога
 Обращуть; преиде скорбь от них премнога.

Ревность матерня.

Преиде и от мя тое скорбно время,
 Болѣзней тяжкихъ днес низложи бремя:
 Доселѣ яко душа бѣхъ безъ тѣла,
 Донелѣмъ Тебе, Животе, узрѣла.
 Источихъ з очесъ слезъ велико море,
 Бысть мнѣ на сердцу нестерпимо горе;
 Но днес по скорби водворися радость ||
 л. 21. На сердцу—зрещи кто возможетъ сладость?
 Не такъ небеса веселять свѣтила,
 А ни здравіе оживляетъ тѣла,
 Якъ мя зрѣніе твое сотворило
 Радостну, когда*) днес ся мнѣ явило;
 Всѣхъ одеждою скорбей совлеченна,
 Днес веселия в ризу облеченна,
 Ибо тая ся мнѣ Милость являетъ,
 З нею же жити душа моя чае.
 Отселѣ скорбно время покидаю,
 Воскресеніе да в мирѣ вѣщаю!

Милость Божая.

Теци и повѣждь востаніе всюду,
 Азъ мою крѣпость изъявляти буду.
 Не вотще зволих по страсти умерти—
 Свободу падший образъ з вѣчной смерти.
 Вигждь мертвихъ тѣла, что животь приаща,
 Иже во гробѣхъ многа лѣта бяша.
 По сем ко Аду пойду заключенну,
 З основанием потрясу геенну,
 Князя тми велю окови связати,
 Праотець мусить з геени мнѣ дати.

*) Въ рук. „когда“.

А д ъ.

Горе мнѣ, друзи! Отднес реченним внемлѣте,
 Ланцухи, двери ада крѣпко заключѣте!
 Хоцет воскресший свою явити державу,
 Нашу же разорити всю адскую славу!

Явленіе 3-е.

Сонмище еврейское, пришедши ко гробу, || обрѣтает камень отвален и стражиєвъ аки мертвих лежащих; на нихъ единодушно устремляются; по маломъ времени воставши аки от сна, воини въцаютъ, что яко спя воста со многимъ ужасомъ. Евреи прочес, да не промчѣтся слово се в народѣ, дають имъ мзду, да вопрошающимъ отвѣцаютъ, яко намъ спящимъ украдоша Его ученици.

Е в р е й 1.

Что лежите, пняици; лихо бѣ вамъ у живуть!
 Где ся подѣвъ мертвецъ той, который лежавъ тутъ?
 Мовилисмо—стережѣтъ, всѣ то чули люде;
 Якъ онѣ встане, лихий годъ намъ и вамъ тутъ буде.
 Хороший то калавуръ—лежитъ якъ убитый!
 Мусѣли не стерегши цѣлую ночь пити.
 Ходѣмо на сотника—нехай ихъ скарасть,
 Албо признамиѣи при насъ в трумну повкидаетъ.

Е в р е й 2.

Соромъ намъ теперъ великъ з всѣмъ нашимъ кагали!
 Миѣ ся бачитъ, же смо днес на вѣки пропали.
 Якъ онѣ всталъ, будутъ в него вѣрнати язици;
 Якъ умножать ся, будутъ на свѣтѣ велици.

В о и н ѣ 1.

Трудовъ намъ не дѣлайте, невѣрни еврен,
 Но реченнимъ вѣруйте от совѣсти всеі.

В о и н ѣ 2.

Воста, яко спя, з гроба со многимъ ужасомъ;
 Ми падши от страху лежимъ къ симъ часомъ.

Како не ужасатся, гди гром небеса даша,
 Земля поколѣба, мертви в гробовъ всташа?
 Свѣтло когда узрѣхомъ воставша от гроба,
 Падохомъ, якъ мертви, в нас смятятся утроба.

Ев р е и 4.

Слухайте, голубонки, хоче би онъ востал,
 Говорѣть, же намъ спящимъ нѣкто его викралъ.

В о и н ъ 3.

Нужда намъ несправедно слово глаголати!
 Мусимо у сотника истинну сказати.

Ев р е й 5.

Не бойтеса сотника: ми и перепросим,
 Еще му что красного зато поприносим.
 И ви от нас дар сей днес в грошами возмѣте, ||
 л. 22. Же спящимъ ктос его вкрал, предъ всѣми кажѣте.

В о и н 4.

Что велите, будемо тако глаголати,
 Тилко зволте в народѣ его поискати,
 Поймавши второй лучшей предадѣте смерти.

Ев р е й 6.

Якъ залапемъ, будемо не такъ бити, терти,
 Токмо повторе просимъ: скажѣть, же го вкрани,
 Когда вас будутъ люде, гдѣ онъ есть, питали.

Явленіе 4-е.

*Петр горко рыдает, яко трикрати отвержеся Христа, аки не зная
 Его бити.*

Уви мнѣ, о уви мнѣ! Возридаю како,
 Како ли восплачуся, прегрѣшивши тако!
 Исуса отвѣргохся, зная Его Бога,
 Бога и Человѣка! О грѣха премнога!

Нинѣ боязни ради— „не вѣмъ человѣка“—
 Трикрати отвергохъся, видѣвйй от вѣка.
 Испустѣте, небеса, росу благодати,
 Окамененно возмѣть сердце умягчати!
 Потщѣтеся и рѣки излити кирницѣ,
 Иссохшія напоите в очесах зѣницѣ,
 От них же слезящія изшедше потоки
 Обилно*) окян глубокий.
 Тебе молю, первое во благодати море,
 Грѣховное достойно дат оплакат горе.
 Любви моя, Исусе, любих Тя трикрати,
 Трикрати отвергохся в Каяфи пред врати.
 Дать еси овецъ паству, да пребудуть**) цѣли,
 Би имъ не одолѣли хищънихъ волковъ сили.
 Но на мнѣ премогаша. Азъ, ахъ! погибаю,
 Егда Тя человѣка воскрешша не знаю.
 Восплачтеся, язици: азъ възлх ключа в небо, ||
 Да вамъ е отвергаю,—но не буду, се бо
 Симъ ключемъ во геенну себѣ воходѣ твору.
 На сущинѣ истопохѣ не истопленъ в мору!
 На сем камени церковь Богъ хотѣ создати,
 И сей твердо во вѣки в лѣпотѣ снати,—
 Но се азъ сокрушихъ ся в пѣсокъ разрушенный,
 Мало ничто при огни сядящъ искушенный.
 Уви мнѣ, что слезних рѣкъ не имам толико,
 Да возмѣру пред Богом, согрѣших колико.
 Сия ли подобаше воздаяти Богу,
 Богу и Человѣку за любовь премногу?
 Кляхъся сопострадати Господу моему,—
 Се кол неистинствую словеси своему!
 Бурниі от странъ вѣтри нападоша зѣло,
 Твердо абие вѣри сердце запусѣло;
 Основанно***) на пѣсцѣ страха Іудейска,
 Отъ грѣха пред Богомъ и человѣки мераска,
 Се уже от болѣзни тяжцѣ уязвленно,
 Затвердѣ въ утробѣ, аки умерщвленно.

*) Въ рук. пропускъ (чистое мѣсто для не разобраннаго, повидимому, переписчикомъ слова).

**) Въ рук. „предадутъ“.

***) Въ ртк. „основанну“.

Ахъ, душе, отверзися! Что спиши? Востани!
 Прилпи покаяния плястра до сей рани.
 Язва твоя язвою Христа изцѣлѣет,
 Его же благодати пластирь ти довлѣетъ.
 Алекторъ возглашаетъ—се днес приближися,
 Треклятвенное грѣха слово всѣмъ явися;
 Отверженныя сего кто уже не знаетъ,
 Егда во тмѣ грѣшаща свѣтъ миру являеть?
 Горе мнѣ, имже соблазнъ лютѣ дастся миру!
 Кто мнѣ нинѣ поможетъ в злой падежи сиру?
 Покрийте мя, облаци, покрийте мя, гори,
 Земнныя, падѣте, расцѣлины, скорѣ,
 Ратунокъ предстательства да во вас окрию,
 Яже на сердци язву грѣховну омию.
 Ту горко восплачуся грѣха лжива,
 Дондеже обратится Милость Бога жива. ||

л. 23.

Явленіе 5-е.

Геніушъ Марии Магдалины ищетъ прилѣжно Господа во вертоградѣ, ей же являеться Милость Божая во образѣ вертоградаря, которая послѣжде исто от нея познаеться; такожде повелѣваетъ Милостъ Божая, да возвьститъ Петрови ридающему, яко первой приятеиъ благодати ради горкихъ слезъ.

Геніушъ Магдалини.

По печали к радостной мнѣ сердца отрадѣ,
 Пойду искатъ Господа в красномъ вертоградѣ.
 Бѣ во гробѣ затворенъ, се третій день нинѣ;
 Зрѣхъ, гдѣ и полагаша, плачуща единѣ.
 Утѣшу ся узрѣвши мертво его тѣло,
 Облюю е воными мастей драгихъ цѣло.
 Прочее не медляще граду въ ограду,
 Мертва узрю Господа средѣ винограду.
 Ти, мертвая опоко, даждь ми камень жизни!

It ad sepulchrum)*

Сей мнѣ во главу крѣпку до вѣчной отчизни.

*) На поляхъ.

Ангель 1 у главн.

Не скорби, сѣтующи въ слезахъ многихъ, жено:
 Нѣсть здѣ, по воста,—рѣхъ ти, Магдалено.
 Се судар, иже лежа на пресвятѣй главѣ,
 Ризу взя нетлѣнная воскресшии во славѣ.

Ангель 2.

Мнѣ повелѣ воставшии у ногу сидѣти.
 Да грядетъ въ Галилею, кто го хочетъ зрѣти:
 Тамо Его обрящетъ, по пути ходяща,
 Или гдѣ хочетъ узрѣти чуднѣ ся являща.

Магдалена.

Стезю мнѣ кто покажетъ по правому пути?
 Кто мнѣ дастъ въ вертоградѣ Его постигнути?
 Рцѣте, красніе древа, цвѣти блазѣ, рцѣте, ||
 Кто Господа от гроба взя, мнѣ возвѣстѣте.
 Аще, вертоградару, ти взялесъ онаго,
 Рци мнѣ, да плоть облию мастми неживаго;
 Азъ возму и в новомъ положу ковчезѣ,
 Точию гдѣ сокровенъ, изяви мнѣ стезѣ.
 Болше вопрошати ти слезна не престану,
 Терпящи неисцѣлну в серци моемъ рану,
 Донелѣ не обрящу Господа своего.

Вертоградарь.

Азъ желанія язвю утолю твоего.

Магдалена.

Молю тя, не зволъ болей скорбей прилагати!
 Гдѣ сокрилес Господа, потщися сказати.

Вертоградарь.

Сей, Иже во вертоградѣ глаголетъ с тобою,
 Сотворитъ тя*) отити в радостномъ покою.

*) Въ рук. „ся“.

Магдалена.

Вертоградару благий, вѣщай глаголю правий,
Да получу ту радость, юже общавий.

Вертоградар.

Марис, како гласа Моего не знаешъ?
Почто Мене Самаго о Мнѣ вопрошаешъ?
Азъ есмь, иже словеса глаголю с тобою,—
Радостну твору ты днес отити в покою.
Иди в мирѣ, проповѣждь востание всюду,
Скорбь Апостоль утоли прегорку оттуду.
Рци Петрови такожде, да Мене варяет,
Перву милость чрез слези свои получает.

Магдалена.

л. 24. Не такъ радостна весна цвѣти украшенна, ||
Не тако Аравия златом исполненна,
Или по волнахъ море тишину приавши
Веселиться, яко азъ Тебе оглядавши!
Ти однес моей жизни вѣчная отрада,
Ти мя возмешъ на царство до вишняго града.
Отступиша от мене горкия печали,
Стремленія водъ сладких окрестъ мя обяли.
Не познаю, что ест скорбь, но что вѣчна радость:
Лучше Твоє зрѣніе, нежели мира сладость;
Жизни моей не инно токмо Ти начало,
Ибо, Милости Бога, стерлась смерти жало.
Отднес побѣдителя буду Тя гласити,
В мир Твое востание иду возвѣстити.

Вертоградарь.

Теци, другомъ проповѣждь з гроба Мя воставша,
Да вѣруютъ Мя в садѣ к тебѣ глаголавша.

Магдалена.

Шествую со тщанием ко веси и граду,
Благовѣщу Господа зрима въ вертограду;

Обще да веселиться з ученикъ началний,
Отселѣ да не будет болѣ печальный.

Глаголь Марнинъ ко Петрови.

Видѣхъ в садѣ Господа воставша от гроба;
Рече мнѣ, да не болит болшъ твоя утроба:
Отверженне твое з сердца ти прощает,
Къ первой тя благодати своей приобщает.

Явленіе 6-е.

Милость Божая освобождает Естество человеческое з ада со прочими праотци и возводит его от земли на небо, дая ему первый благодати вѣнецъ со радостными Ангелскими пѣніем. Послѣжде Адъ ярится, яко разоренно его царство и узники изведени; но изшедшая съ небесъ Побѣда || Христова князя тми крѣпко связуетъ, седмоглавнаго змѣя обезглавляет, рукописание приемлет и раздираетъ, самаго же предаетъ гееннѣ огненной, гдѣ паляшеся ридает, ликъ же Ангелский на небеси торжествуетъ.

Милость Божая.

В узахъ Натуру услышахъ стелящу,
Ко мнѣ день и ношь прегорко гласящу,—
Цора з темници ону свободити,
З уязъ разрѣшити.
Не могахъ отнюдъ почити донинѣ,
Зволили с небесъ в живот благостинѣ,
Бя же ради Милость в мир послася,
Дабнъ спаслася.
Иже воспріятъ неслетными муки,
Давшися з любви в нещедрия руки;
Умре за мертвихъ, но смерть умертвися,
В жизнь превратися.
Граду и честиѣ Натуру з отцами
Свобожду, скорбной первими вѣнцами
Увѣнчу главу, возведши ко жизни
Вѣчной отчизни.
Изведу старцовъ, в отклани сѣдящихъ,
От небесъ всегда милости просящихъ,
Имже жизнь первую, аки рѣчну струю,
Во вѣкъ дарую.

Скипетръ Естеству погибши держави
 Дамъ во десницу, ону древней слави
 Сподоблю бити участницу благу,
 Мѣвши чест драгу.
 Посажду нинѣ сѣдящую долѣ
 На царскомъ в небѣ со мною престолѣ,
 Лѣпоту красотъ и превѣчну славу
 Зложъ на главу.

*It ad infernum et educit Naturam**)

Изиди, скорбна, з адскія темници!
 Тя ради Милость рабскія пленници ||
 л. 25. Претерпѣ, да бисъ било освобожденно,
 З узъ разрѣшенно.

Е с т е с т в о .

Благодару, Милости, тебѣ, превелика:
 Чрезъ тебе потребися мнѣ печалъ толика!
 Страждахъ здѣ за преступство з велѣнія Бога,
 За се мнѣ дается днес благодатъ премнога.
 Но аще би мнѣ пришло здѣ во вѣкъ ридати,
 Никакоже могло бимъ Бога благати,
 Аще не ти, Милости, намъ з любви явленна,
 Спасла бисъ человекъ до ада вверженна.

Милость Божая.

Подаждь десницу, на древо простерту;
 Змя, тя звездша, узришь главу стерту;
 Симъ знаменнемъ во моеи десници
 Сотрохъ пленници.
 Зъ долной темници ко горнему Сиону
 Шествуйте скоро, къ небесному трону,
 Ибо васъ зравни з Ангелскими лики
 Богъ, человекъки.

Хоръ Ангелскій.

Торжествуй, ликовствуй, Натуро преславна!
 На весь свѣтъ многихъ лѣтъ слава твоя явна!

*) На поляхъ.

Днес Ангелъ лики с преславними гласи
Честъ твою славят на вѣчные часи.

Милость Божая *въмчаетъ Естество.*

Приими корону вѣчной благодати,
Изволь в десницу сей скипетръ принять;
Съди одесную мене посажденна,
Возвеличенна!
Ви же, праотци, аще человекѣци,
Равни будете, яко Ангелъ лица; ||
Сидѣте окрестъ престола Бога:
Се вам мада многа.

А д ъ *яритъся.*

Кто днес мою державу хочет разорити?
Князя тми кто царствие жаждет расточити?
Никако сия буди*), нбо мою силу
З адскими свои**) други днес воздвигну цѣлу;
Пошлю на се дерзнувша змиа седмоглавна,—
Отгуду мя познають крѣпка, силна, славна,
Егда змиемъ побѣжденъ падет мнѣ под ногу,
Терпя неисцѣлний студъ и язву премногу.

Побѣда Христова *до Ада глаголет.*

Доколѣ будеши ся, княже тми, гордѣти?
Доколѣ не престанешъ Вишняго хулити?
Или не вѣси его прехраброй держави,
Яко сотрет роги ти гордящейся глави?

А д ъ *до Побѣди глаголет.*

Ти ли хоцещи стерти моя горди роги?
Падешися побѣжденъ змиеви под ноги!
Аще вѣмъ ты, Вишняго посланну Побѣду,
Но ти, змию, отмсти ей за мою обѣду,
Дерзани на окаянну ярости зо всеи
Помстися мужественно обѣди моеи.

*) Въ рук. „буду“.

**) Въ рук. „свое“.

Побѣда со змиемъ бореться.

Видиши, окаянне, что Божия сила
 Через мя тя, супостате, в смерть обезглавила.
 Познаешъ, лжи отче, что Вишняго хулити,
 Егда связанъ въ гееннѣ будещи горѣти.

А д ъ.

О лютѣ мнѣ, князю тми, ниѣ побѣжденну!
 Во вѣкъ связанний буду терпѣти геенну!

Побѣда до Ада глаголетъ. ||

л. 26. Дажь вю горделиву: се тя крѣпость Бога
 Велит связат в окови на лѣта премнога.
 Гдѣ твоя, Аде, крѣпость? гдѣ твоя побѣда?

А д ъ

Бѣда!

Побѣда.

Гдѣ, треклятий убийцо, смертоносно жало,
 Иже острием своимъ весь мир заражало?

А д ъ

Пропало!

Побѣда.

Днес мнѣ ты сила Бога в крѣпки даде руцѣ.

А д ъ.

Къ муцѣ!

Побѣда.

Гдѣ рукописание завѣщанна древа?
 Кто ти даде, прелестне? Не треба бѣ...

А д ъ

Ева!

Побѣда.

Отдаждь е! Азъ отдам і моему Владицѣ,
Велѣвшу ти вложити на вию пленицѣ.

А д ъ *отдастъ рукописаніе.*

Прими! Се азъ еже взях, тое ти вручаю,
Точию болшѣ ты прийти ко мнѣ да не чаю.

Побѣда.

Отселѣ не будеши писанія брати!
Велѣ е Бога Милость наполи раздрати,
Тебе же Справедливость осуди в геенну,
Да терпиши казнь вѣчну в пламенни огненну.

Хоръ Ангелский.

Плѣни Крѣпость супостата воскрешшаго Бога,
Тми адския связа князя на лѣта премнога.
Торжествуйте, человекѣци, з адскими сили
Плѣняеми: ваша узи днес ся раздружили.
Побѣжденый прежде бивший мира побѣдител,
Низвержесе его царства крѣпкая держава,
Воскрешшаго прославися во вѣхъ концехъ слава.
Гдѣ побѣда твоя, Аде, гдѣ ти жало, Смерти?
Ваша зволил Побѣдитель оружія стерти.

А д ъ *палящесе въ огни ридает.*

Нинѣ моя держава уже разорися!
Се моя крѣпости сила низложися!
Единъ бѣхъ на востоцѣ свѣтлая денница, ||
Но обят мя адская мрачна днес темница;
Скипетромъ бѣхъ доселѣ царскимъ господствуя,—
Обяша мя се окрестъ пламенныхъ водъ струя.

Мнѣ бѣ челоуѣкъ в область на вѣки врученный,
 Лечъ чрезъ Милость воскресша Бога свободенный.
 Чрезъ мя прелщенъ бѣ еще прежде во Едемѣ,
 За се го Справедливость Божая даде мнѣ;
 Но Милость къ падшему роду превелика
 Извлече з рова адска грѣшна челоуѣка,
 Мене же, князя мира, Крѣпости связала
 И в геенну навѣки мучиться послала.
 О горе мнѣ, горе мнѣ, въ огни страждущу!
 Кто угаситъ пещь сию, пламенемъ дышущу?
 Поки Богъ Богомъ будетъ, поки станетъ свѣта,
 Пети мнѣ въ огни страждатъ чрезъ вѣкъ вѣковъ лѣта.
 Проклятъ день в него же есмь з нѣчого созданний!
 Проклятъ часъ в него же есмь в геенну посланный!
 Лечъ поки в пламени семъ азъ буду горѣти,
 Дотолѣ не престану Вишняго хулити:
 Понеже преступника отъ мя зволлилъ взяти,
 Якъ неправедна Его буду нарицати.

ЧАСТЬ III.

Явленіе 1-е.

Три добродѣтели: Вѣра, Надежда и Любовь градутъ ко гробу, несущи со собою ароматы благовонія, и пришедше къ гробу видятъ камень отваленъ и ангела сѣдѣща и глаголюща к нимъ, яко нѣсть здѣ, но воста; послѣжди являється сама Милость Божія; которіе вѣщаютъ Апостоламъ, яко видѣхомъ Господа востаща.

Вѣра. ||

- л. 27. Несумнѣнну изявляхъ вѣру мя любящу,
 Шествовахъ во путь его всегда мя глаголящу,
 Каковъ убо путь жизни; мнѣ то измѣнися,
 Бивши правая стеза каменемъ покрися;
 Но вѣмъ несумнѣнно азъ, что к намъ глаголаше,
 Крѣпости своя сила егда всѣмъ являше,
 Что можетъ отъ камене воздвигнути чада,
 Можетъ стоштити гроби, изпроверсти ада,
 Силенъ отверсти очи тмою помраченнимъ,
 Животъ дати можетъ в гробѣ затвореннимъ;

Словом крѣпокъ возможе миръ второй создати,
 Глаголомъ Господнимъ гори отъ мѣстъ преселати;
 Рекий слонцу, да станеть отъ бѣгу своего,
 Да не просвѣтитъ мира свѣтлостями всего,—
 Творитъ повелѣнная, послушаетъ гласа.
 Но сия творяхъ прежде, до нинѣшна часа:
 Лежитъ во гробѣ положенъ животомъ владѣя.
 Иду къ гробу, да вижду,—Онъ моя надѣя;
 Обмню миромъ драгимъ свято Его*) тѣло,
 Токмо мнѣ камень тое возбраняетъ дѣло;
 Лечь на помощь, другинѣ, ко мнѣ приступѣте,
 Послушанне мертву равно сотворѣте.

Надежда.

Како лишени есмо свѣта доброзрачна!
 Почто не зримо твоего лица, свѣте, вдячна?
 Зашелъ еси отъ очесъ нашихъ, краснѣе Тебе!
 Витаешъ въ мрачныхъ странахъ,—скорбь въ сердцу
 безъ тебе**).

Надѣяхомся тебѣ свѣтла всегда зрѣти,
 Ясностей твоихъ луча мѣла намъ свѣтити,—
 Почто же угасоша? Се ихъ крове рѣки
 Залияше текшия зъ крове превелики.
 Но и слонце аще ся во мори купаетъ,
 Посемъ свѣтозарное изъ утра сияетъ;
 Твоя же***) сокришася въ земной тмѣ свѣтила,
 Гробная ихъ темница мракомъ приодѣла. ||
 Но пойду ты и въ мрачномъ гробѣ оглядати,—
 Точню насъ любезно сонзволъ прияти;
 Плотъ мертву помажемо миромъ драгимъ мастей,
 Нещадно уязвленну во время тяжкихъ страстей;
 Еще аще и мертво, но азъ ся надѣю,
 Что отъ него благія дари пріятъ смѣю.

Любовь.

Грѣю любовію, сердцемъ униваю,
 Изъ очесъ многослезни струя изливаю,

*) Въ рук. „стаго“.

***) „бе“ отрѣзано переплетчикомъ.

***) Въ рук. „ше“.

Что животе во гробѣ вижду заключенна,
 Чрез котрого мнѣ жизни врата отворенна;
 Пламением палюся милости великой,
 Не могу з сердца звергти толикой.
 Аще съжду . . . *) или молбу дѣю,
 Всегда его мертваго на очесахъ мѣю;
 На пути, на стогнищах, такожде во градѣ
 Стоитъ мнѣ пред очима спящий в вертоградѣ.
 Нинѣ со аромати ко нему градѣмо,
 Тѣло вонями мастей мертво намастѣмо.

В ѣ р а.

Добро дѣло и благо родит добродѣтел,
 Юже сердце содержит, любви вомѣститель;
 Там нас возбуждает, а къ мертву шествуемъ
 И плот его пресвяту з страхомъ да цѣлуемъ.
 Токмо нам возбраняет некрѣпкая сила,
 Не видя, якъ би з гробу камен отвалила.

Л ю б о в ь.

Кто отвалит нам камен, имже свято тѣло
 Еврейское сонмище в гробѣ запечатлѣло?
 Велми бо бѣ неудобъ нашими руками
 Носимим, токмо Крѣпость Божая судбами
 Ниспроверже, иже в день страсти пресвятия
 Сокруши якъ шкляннїя камени престаия (sic). ||

л. 28.

Н а д е ж д а.

Сердце творит утѣху, нѣ би що вѣщает
 Новаго, егда ко гробу ити возбуждает.
 Не косняще градѣмо—благое се дѣло
 Сотворѣмо, обливши мастми свято тѣло;
 Обращемо нѣкїя на пути текущих,
 Умолим, да пособлят нас некрѣпких сущих,
 Или воином нѣку маду восхощемъ дати,
 Не возбранят з каменя рѣшити печати.

*) Въ рук. пропускъ: чистое мѣсто.

Добродѣтели пришедши ко гробу глаголютъ)*

Л ю б о в ь.

Кто отвали сей камень? Гдѣ здѣ положенный?
 Не ти взял намъ его, юноше блаженный?
 Драгое мѣемъ миро на мертваго тѣло,
 Да е на не возлинемъ**),—наше то ест дѣло***)

Ангелъ отвѣщаетъ Благодатемъ.

Нѣсть здѣ, но яко силенъ, дни три исполнивши,
 Воста крѣпкий от гроба, камень отваливши,
 Никакоже раздруши печати, но цѣло
 Остави,—пройде чрезъ гробъ свято Его тѣло.
 Тецѣте в Галилею, тамо И узрѣте,
 Аромати вонніе з собою несѣте;
 Не требуетъ ароматъ паче вонь пахнуций:****)
 Онъ ест благовоніе з собою имущий.

Милость Божая.

Радуйтеся, и паки—восприимѣте радость!
 Печал да претворится во благую сладость.
 Ищите мертва мене, но како мнѣ бити:
 Азъ бо хощу смертию весь мир оживити.
 Яко мене видѣте, другом моим рцѣте;
 Иду в Галилею,—тамо мя узрѣте. ||

Н а д е ж д а.

Видѣхомъ днес Владику, от гроба воставша,
 Красна, свѣтла, воннаго, паче лучъ сиявша,
 Иже к нама глагола отческое слово;
 Зрѣти И око ваше да будетъ готово.
 Тецѣте в Галилею—сия реклъ к намъ гласи,—
 Узрите И неложно не за долги часи.

*) Обрѣзано перешлетчикомъ; осталось только „глаго“.

**) Въ рук. „возлинешъ“.

***) Въ рук. „тѣло“.

****) Въ рук. „пахнущихъ“.

Явленіе 2-е.

*Петр со Іоаном текут ко гробу, но пришедши вѣсть такожде при-
емлют от ангела, яко „воста, се варяеть ви во Галилеи“.*

Петръ.

Кто ми даст крилѣ, яко голубинѣ?
 Воалещу окрест всего свѣта нинѣ!
 Взищу заблудшій наставника драга,—
 Ибо заблудих, искушенъ от врага.
 Кто мя наставит на первый путь правій,
 Не отринет мя от древнїа слави?
 Иже воставши преславно от гроба
 Реклъ, да мнѣ плачемъ не тает утроба,
 Посла вѣстники то мнѣ глаголати,
 Яко время южъ от плача престати,*)
 Ибо воскресе всемирная радость,
 Претвори горких слез в благоую сладость.
 Днес гдѣ Тя взищу, ввес мир**) исполняя?
 Яви мнѣ зракъ Твой, инним ся являя!
 Вѣмъ, жемъ невѣрством от Тя отриненный,
 Нинѣ чрезъ милость к Тебѣ привлеченный;
 Не оставлю Тя, надеждо едина,—
 Приймешъ мя паки, яко отецъ сина.
 Се в Галилею ко Тебѣ шествую:
 Аще узру Тя, болѣй не сѣтую,
 Ибо чрес Творца день в ноц вомѣняю,
 Когда на Тебе, свѣте, не взираю. ||

л. 29. Ти же лучами свѣта всесвѣтяща
 Просвѣти въ мрацѣ грѣховнимъ лежаща!
 Вѣрую, что Онъ безконечна жизни,
 Мѣветъ в руках ключъ до вѣчной отчизни,
 Его же мнѣ даст, да азъ ним двер праву
 Вѣмъ отверзаю во вѣчную славу.
 Но—о безумства!—***) людей в жизнь пушая,
 Себѣ мъ затворил дверь безсмертна рая;
 Аще би не Богъ, яко ключом, дровомъ
 Отвераль ихъ пинѣ, азъ бы кита чревом

*) Въ рук. „прести“.

**) Въ рук. „ми“.

***) Въ рук. „от безумства“.

Адска пожерти во вѣки в гееннѣ,
 Яко отступникъ, мучилъся*) в бездннѣ.
 Лечь любви ради грѣшна чловѣка
 Умре даруя всѣмъ животъ от вѣка;
 Нинѣ воскресе—к жизни мя взываетъ,
 Первую паству всѣхъ овецъ вручает.
 Впервих еднакъ самъ азъ, Пастир благий,
 Иду по Тебѣ, есмь бо без дѣлъ нагий;
 Облечеши мя во перву одежду,—
 На Тя з юности возложих надежду.

І о а н ѣ.

Всегда съ Ісусом бѣхъ до крестной смерти;
 При мнѣ Животъ мой изволи умерти.
 Днес же воскрешша—или в отчет лонѣ
 ꙗ Ангеловъ полки ликуютъ исконѣ?
 Чи разбойника в красенъ рай воводитъ?
 Чи отцевъ з ада преславно ниводитъ?
 Или со Отцемъ сѣдитъ на престолѣ?
 Чи торжествует гдѣ на землѣ долѣ?—
 Не вѣмъ, Его же в горнем прежде градѣ
 Видѣхъ, якъ агнца суца в вертоградѣ.
 На живот грядитъ взять мене при собѣ,
 Яви мнѣ Божество в чловекѣ особѣ;
 При страсти в садѣ молитву творящий
 Взя мя, да бим зрѣлъ потъ крававий точащий; ||
 Гди в Канѣ воду в вино претворивий,
 Ни одной чаши сладости вкусивий,
 Во веси пасху гди з нами вкушаше,
 Преданія мнѣ тайну возвѣщаше;
 На тайной сердце мнѣ даде вечерѣ,
 Скрытых сокровищъ отверзе мнѣ дверѣ;
 При смерти Матцѣ вручи мя за сина,—
 Сей азъ в печали**) бѣхъ радость едина;
 Днес же видяще, что воста преславно,
 Прежде ко гробу текохъ—всѣмъ се явно,—
 Но не обрѣтох надежди моея—
 Пойду искати окрестъ землѣ всяя.

*) Въ рук. „мучиться“.

**) Въ рук. „В сей азъ печали“.

П е т р ъ.

Яко рече намъ на гробъ сидящий,
Тецѣмо во путь нама предлежащий.

І о а н ъ.

Ради милости, не вѣмъ что творити,
Ни яко пути Его предварити.
Огнь любви в сердцу якъ пламень палает,
Зрѣти воставша на семъ мѣстцу чаеть;
Пламенной любви Онъ моей *)...
Алчную душу избавить от ада,
Его же терплю, что не зру воставша,
Плот на вечери минѣ во снѣдь давша.
Якъ елень пойду на источникъ водный
Исуса искать в мѣстца непроходни.

П е т р ъ.

Кто зрещи може, кол много, кол крати
Зрѣти И зажду, Его же пред врати
Злѣ отвергохъся! Но, Любви премнога,
Вѣмъ Тя, воскресий, Человѣка и Бога;
Егда Тя узру, тое признат мушу,
Не за Тя, но Ти далесъ за мя душу. ||
л. 30. Азъ же опока якъ трость колѣблема,
От вѣтра мала окрестъ обемлема,
Весь сокрушихся, но Твоя зѣница
Утвердила мя, якъ в мори десница.
Се не отступлю никогда от Тебе,
Яви мнѣ зракъ Твой, прийми мя до Себе.

І о а н ъ.

Скорѣ не медля, реченим внимаймо,
В Галилею спѣшно поступаймо.

*) Рнѣмующее слово не написано; вѣроятно, д.б. „отрада“.

Явленіе 3-е.

Лука со Клеопою шествуютъ во Емаусъ, иже во образъ страннаго являетсяъ Милость Божая, творящая далечайше ити, но умолима, да возляжетъ с ними, яко путъ далекъ есть, и приметъ пищу, по отшествіи послѣжди познавается во преломленіи хлѣба.

Л у к а.

Се идемъ во Емавусъ—что же глаголати
Будемъ къ себѣ на пути? О чомъ вопрошати?

К л е о п а.

О томъ азъ глаголати хотѣлъ бимъ съ тобою,
Еже отнюдъ не можетъ познатися мною:
Что то бистъ во дни тия во Ерусалимѣ,
Неслишанна отъ вѣка, непознано всѣми?

Л у к а.

О чомъ воспоминаешъ, хощу и азъ знати;
Егда ли что новое мѣнешъ глаголати?

К л е о п а.

Новое, якоже бо рекохъ, неслишанно,
Нѣединимъ отъ пророкъ доселѣ вѣщанно;
Месію бо пророци приити предрекоша,
Временемъ, вонже приде, зѣло насъ смятоша, ||
Ибо ничто же явѣ о семъ извѣстиша,
Когда ли сие будетъ—въ чемъ насъ усумнѣша;
Разумѣхомъ Ісуса Месію быти,
Его вослѣдъ ходяще истинну узрѣти,
Обаче отъ народа Онъ естъ поруганный,
И соборъ апостоловъ Его естъ разгнанный.

Л у к а.

Добрѣ ти глаголеши, и азъ мислихъ снѣ,
Что убо собишася еже во дни тия.

Се коль мнози идохом во слѣдъ Его скорѣ,
 Преходяще вертепи, мора, холми, гори;
 Онъ же ко нам сладкня глаголи вѣщаше
 И яже о пророцствѣ небесном учаше.
 О преславния зѣло и страшния вещи!
 Угасивий Петровой жегоми огонь тещи,
 Толь различнѣ страждущихъ всюду исцѣливий
 И пять тысяцъ народа хлѣбомъ наситивий,
 Се во поруганіе проданъ іереомъ,
 Затворивий книжникомъ уста и евреомъ.

К л е о п а.

И кто би (рци истинну) чудеси толику
 Не вѣровал, видящи силу в Нем велику?
 Ми убо раазумѣхом, яко спасти прийде
 Израиля*), истинно от небесъ изийде;
 Но на крестѣ висѣща, от всѣхъ оставленна
 Видѣхом, от народа со блатомъ смѣшенна.
 Не безъ вини книжници вошь не вѣроваху,
 Аще науку Его и слова слишаху.

Л у к а. ||

л. 31. Пожди мало и слиши, что глаголют жени,
 Страха у гроба Его нова исполненни,
 Иже глаголют Его уже жива бити,
 И нас во Галилен хочетъ предварити.

К л е о п а.

Ко мнѣ тако прийдоша вѣсти равно сия,
 Яко воста от гроба—о преславни дни тия!
 Нѣции от Апостоль тако Его зрѣша,
 Ибо воскресша жени предомъ возвѣстиша;
 Но мнѣ мнисься, яко вещь тая неудобна,
 Да би воскреслѣ, провергши каменія гробна.

Л у к а.

Многихъ от пророкъ древнихъ гроби затворили,
 Ни едина воставша отци наши зрѣли;

*) Въ рук. „израя“.

Исусу же востати от смерти толикой
 Не возможно болѣзни ради превеликой:
 Весь бо бѣ ажъ до костей з тѣла обнаженный,
 Посем пробит копием на крестъ воздвиженный;
 Тамо умерший, з креста в гробѣ положися,
 Тяжчайшимъ каменiemъ зверху привалися;
 Отнюду же востати—непонятно*) дѣло,
 Но несказително воскресло би тѣло.

Милость Божая.

Камо градете и что к себѣ глаголете?
 Словесъ вашихъ всю тайну мнѣ да речета.
 Азъ бо такожде нѣки реку ко вамъ гласи,
 Яже слишахъ отъ многихъ в тѣ преславни часи.

К л е о п а. ||

З писаний, глаголахомъ, тайни сокровени,
 Яже отъ пророкъ быша прежде предречени,
 А наипаче писанна о Божемъ Синѣ,
 Иже чудеси творить—о вещи единѣ!—
 Слѣпихъ, хромыхъ, немощныхъ словомъ исцѣляше,
 Встати з гроба Лазару умершу веляше;
 Но онъ зависти ради на смерть бѣ преданный,
 На крестѣ распятый, мертвъ в гробѣ захованный;
 Нинѣ же нѣци нама**) гласи тыя рѣша,
 Что в мирѣ воставша отъ гроба видѣша.

Милость Божия.

Како Тому не востать, что животь даруетъ,
 Многихъ отъ одра смерти чрезъ слово врачуетъ?
 Слѣпихъ, хроми, немощнихъ з грѣхомъ исцѣлени,—
 То чтожь не мѣлъ востати в гробѣ положенный?
 Писмена, отъ Мойсея о Немъ провѣщанна,
 Собышася, отъ прочихъ пророкъ обѣщанна;
 Ви же, о несмысленни, невѣрства сполненни,
 Косни сердцемъ, что есте такъ окамененни?
 Не тако подобаше Христу пострадати,
 Внити во славу свою, прочиимъ жизньъ дати?

*) Въ рук. „непонято“.

**) Въ рук. „нами“.

Азъ же Его увидѣхъ, тое вамъ вѣщаю,
Ваше невѣрство в вѣру добру претворяю.

Л у к а.

Вѣруем, точно зволь с нами шествовати,
О Его востаніи сладцѣ звѣстовать.

Милость Божая.

л. 32. Прочим то градомъ повѣмъ несумѣнно, ||
Яко зрѣхъ воставшаго з гроба непремѣнно.
При Немъ мнози мертвии восташа от вѣка,
Принявши первий образъ иста человѣка;
Не такъ ли подобаше Христу пострадати,
Умершу же от гроба в третій день востати?
О томъ возвѣщу в веси, ко нейже шествую.

К л е о п а.

Молю тя, повѣждь вся мнѣ, гдѣ Му послѣдствую,
Донелѣ И обрящем! Ти же не трудися,
Обляжи мало с нами, день бо преклонися.

Милость Божая.

Никакоже, но иду во весь предлежащу.

Л у к а.

Утружден приими пищу, сердце веселящу;
Далекъ путь ест: днес тамо пріити не поспѣемъ,
Утру, солнцу воставшу, тамъ ся быть надѣемъ.

Здѣ всядут)*

Должно Ти тыя хлѣби намъ благословити,
Ти бо сподобилеся воскрешшаго зрѣти.

Милость Божая.

Пріймѣте хлѣбъ человѣка сердце укрѣпляющъ:
Дая живот, мѣю хлѣбъ, весь миръ наснищающъ.**)

*) Замѣтка на поляхъ.

**) Послѣ этихъ словъ Милость Божая становится, очевидно, невидима.

Л у к а.

Нѣтъ здѣ, но поиде нама сопутьшествовавий,
Многа писма о Христѣ воставшем вѣщавий.

К л е о п а.

Возри на преломленіе хлѣба: се колико
Прежде смерти Христовой бѣ намъ толико! ||

Л у к а.

Истинно Онъ Месія, от гроба воставий,
О себѣ бо писанна вся нам сказавий,
Наченши от Моисея вѣща вся пророки,—
Что их Месія сконча, слишах тѣ вироки.

К л е о п а.

Воистинну бѣ сердце горящее наше,
Егда слово на пути к намъ глаголаше;
Рече бо, что сія вся треба пострадати
И внѣйти в славу Христу, з гроба востати,—
Тѣ вещи собишася, яко сами зрѣхомъ,
И Его з гроба воставша, хлѣбъ ядша видѣхом.

Л у к а.

Некосня возвратимся воспят от сего пути:
Можем Его пред градомъ нѣгдѣ постигнути.
Ему же яко раби к ногамъ припадѣмо,
За невѣжество в пути милости просѣмо.

Явленіе 4-е.

*Побѣда Христова торжествует на небеси з Ангелскими лики между
четырма животными, яко свободенно Естество и связанъ княз мира,
страждущій в пламени огненномъ. ||*

л. 33.

Побѣда Христова.

Мнѣ паче всѣхъ достойно днесъ торжествовати,
Со свѣрилми и гусльми гоине ликовати:

Да вострубят мнѣ нинѣ велегласни лики,
 Пѣсни вся соложивше мудри челоувѣки;
 Да восклицают мнѣ днес Давида тимпани,
 Яко побѣжденъ ест врагъ востающій на ны;
 Пойте мнѣ днесъ пѣснь красну, Сионскія дщери,
 Отверзох бо преславно адска царства двери;
 Плещѣте мнѣ, Сионя дщера, восплещѣте,
 Пѣснь побѣдную многим часом воскликнѣте,
 Величайте мя, дніе, времена и лѣта,
 Прославляйте мя всего днесъ, людіе, свѣта!
 Вертогради мя нинѣ да вѣнчают цвѣти,
 Земни звѣри и водни да играют кити!
 Да благолистовни мя древи*) осѣняют,
 Благоплодовитіе мя да насищают!
 Земля з небом, мнѣ ся днесъ совеселѣте,
 Звѣзди, луна и солнце днесъ и ноцъ свѣтѣте!
 Тварь гласна и бездушна, красно воспѣвайте,
 Всемощна Бога силу в вѣкъ прославляйте!
 Преславно убо даде на враги побѣду
 З злимъ Голиядомъ цару Сионску Давиду. ||
 Тѣмъ з землею и небомъ днесъ аз торжествую,
 Над врагом бо чрез силу Бозку ликовствую:
 Побѣдих супостата, на мя ся яраца,
 Предах его гееннѣ, огнем и паляща;
 Седмоглавному змию прегордія роги
 Смирих, крѣпко поправши онаго под ноги.
 Тѣмъ Крѣпкому в бранех хвалу возсилаю,
 З чотирма животнима Его прославляю.

Животное первое.

Живій во вишних в небесномъ чертозѣ,
 Слава ть смирившу змя зла под позѣ!
 Миръ з благодатми твари принесесея,
 Вражда на бранѣ Тобою падесея,
 За що Ти хвала**)— бренними язика
 Молимъ, да будет з несчисленни лики.

*) Въ рук. „двери“.

**) Въ рук. „хвалу“.

Животное второе.

Аз твар созданна должна Творцу пѣти,
Его десницу возблагодарити:
Крѣпку побѣду давшу Христомъ слава!
Сотресе горда Люципера глава.
Днесь со Естествомъ купно торжествуймо,
Як Спасителю всѣ благодарствуймо. ||

л. 34.

Животное третье.

Славлю во вишних живуща Владiku:
Даде ти крѣпост на врага толику,—
Побѣжденъ плѣня всю твар чловѣка,
Палитъся в огни, страждуще до вѣка;
Естество паки в царскія полати
Внїде, принявши в руку вѣнецъ златий.

Животное четвертое.

Буди чест, хвала воскресшому Богу,
Что паде гордїй Люципер под ногу,
Людска Натура ему же ест взята,
Котора в перву благодать принята,
З адской темници в небесномъ чертозѣ
Ликуеть свѣтло, чтя Бога на мнозѣ.

Явленіе 5-е.

Милость Божая урочуетъ немощнаго, повелѣваетъ ему взять одръ, которому соборище еврейское по благодарствїи многи пакости творять, изганяют его вон.

Милость Божая.

Снидохъ*) на землю ради страстей чловѣка:
Ему да дастся през мя помощь превелика. ||
Не вѣдал би, что милость, что суть благодати,
От кого би во нуждахъ помощи прохати,—
Но щедръ, милосердъ, кротокъ и долготерпящїй**)
Посла мя, да урнить свѣтъ чловѣкъ во тмѣ спящїй.

*) Въ рук. „снидохомъ“.

**) Въ рук. „благотерпящїй“.

Нѣмихъ да будутъ устнѣ право глаголати,
 Хромихъ да будутъ нозѣ право шествовати,
 И всякъ призывай мя во своей потребѣ
 Приметь тую благодать, юже имамъ в себѣ.
 Азъ бо Милости ради болна человекъ
 Немошь прияхъ,*) да будетъ в здравіи до вѣка:
 Жити ему даруя, прияхъ*) смерть за него,
 Закобъ оному вручихъ до царства моего.
 Отселѣ не оставлю в мирѣ болѣзненна,
 Немошю на одрѣ суца уязвленна.
 Иду безъ коснѣнія во вся конци, страни,
 Уврачуя всякъ недугъ, болѣзни и рани.

Н е м о щ н ы й.

Помилуй мя, Милости Бога превелика,
 Лежащаго на одрѣ чрезъ лѣта толлика!

М и л о с т ь Б о ж а я.

Почто на одрѣ лежа милости просиши?

Б о л н ы й.

Здравъ да буду, что мнѣ сія сотвориши. ||

л. 35.

М и л о с т ь Б о ж а я.

Можеши ли вѣровать, сотвору то дѣло?

Б о л н ы й.

Вѣрую,—помилуй мя, страждетъ бо все тѣло.

М и л о с т ь Б о ж а я.

Се здравъ будь, возми одрѣ твой, гряди вслѣдъ за мною.

Б о л н ы й.

Шествую днес по тебѣ здоровою стопою!
 Откуда Ти похвалу принесу, мой Боже?

*) Въ рук. „прияхомъ“.

Всяка созданная вещь хвалит Тя не може.
 Аще бимъ Ангелскими глаголаи язики,
 Сия Тебѣ похвала даръ не превелики;
 Аще ли кто от древнихъ пророковъ восталъ бы,
 Дѣйствія щедротъ Твоихъ не изглаголаи би.
 Ти обща всѣмъ Милости еси неизреченна,
 Во Тебѣ бездна щедротъ во вѣкъ сокровенна,
 Черезъ Тебе диханіе перва тваръ приняла,
 Юже десница Твоя зъ нѣчого создала;
 Ти завѣтъ преступивша праотца изгнави
 По семъ приняли его до первія славы,
 Умерша челоуѣка бисъ могъ оживити,
 Самъ, мой Животе благій, зволилеси умерѣти;
 Недуги нашихъ страстей на ся восприялеси,
 Ти немощну челоуѣку крѣпку цѣлбу далеси.
 И азъ бѣхъ во болѣзни лѣтъ много лежащій,
 Не имѣхъ челоуѣка, на одрѣ стѣнящій, ||
 В купель да воверзетъ мя, гди цѣлби би время,
 Бимъ низвергъ всѣхъ страданій тяжчайшее бремя,—
 Ти же, милости ради челоуѣкомъ бивій,
 Не чрезъ ходатай ангель недугъ мой сцѣливій,
 Но Ти самъ, Господь Богъ мой, в милости богатій,
 Велѣлеси болѣзненну мнѣ з ора востати.
 Сего ради гряду в путь, гряду некосненно,
 Нося одрѣ, славлю всюду Тебе непрѣмѣнно:
 Ти мое чаиіе, Ти жизни податель,
 Всѣхъ даровъ естеси моихъ щедрій Благодатель!
 Пою Ти, дондеже есмъ, в вѣкъ Тя славити буду,
 Дѣйствія Твоего силу в мирѣ повѣмъ всюду;
 Тридесять и осмъ лѣтъ бѣхъ на одрѣ лежащій,
 Ни от кого помощи мало содержащій,
 В единомъ Ти же часѣ, Врачу благосердній,
 Явилеси на мнѣ ницѣ даръ премилосердній;
 Слово Твое истинно, крѣпостъ всемогуща,
 Ибо нимъ воздвиглеси мя ели жива суца;
 Се здравъ есмъ, но велѣлеси южъ несогрѣшати:
 Горша первихъ послѣднѣя той мѣветъ страдати.
 Вѣрую тимъ словесемъ, исполню обѣти,—
 Болѣ мя врагъ не прелститъ хитрими совѣти;
 Славлю Тя, Славо моя, воставша от гроба!

Твоей ради милости горит мнѣ утроба! ||
 л. 36. Славил бим Тя паче всѣх, но недоумѣю
 *)
 Претворися, листвіе дубравно,**) в языки,
 Да возгласишъ даръ Бога, мнѣ данъ, превеликій!
 Ви, в нощи свѣтящии красніе свѣтила,
 Сотворѣтеся удобнимъ перезъ до чернила,
 Море буди черниломъ, Ти, пѣску, руками,—
 Не опишешъ чудъ Бога, ставшихъся дѣлами.
 Но аще би реченна вещей вся ся стали,
 Щедротъ бы Твоихъ, Боже, вѣчтоже списали.
 На всякъ час хвалю Тебе, хвалю яко Бога:
 Явился на мнѣ милост от Тебе премнога.
 Отднес Тя ажъ до смерти буду прославляти,
 Жизни да сподобишъ мя, одесную Тя стати.

Ж и д ъ 1.

Кто ти—лихий годъ!—велѣ одрише носити?
 Для чого ти не хочешъ соботи хранити?

Н е м о щ н і й.

Иже мнѣ адравіе зволилъ болящему дати,
 Той в шабасъ мнѣ повелѣ одръ з собою взяти

Ж и д ъ 2.

Давно онъ беззаконникъ суботи не хранитъ,—
 Да будетъ лучше от нас неглидавно (sic) битъ.

Ж и д ъ 3.

Слухай дуракъ: онъ—грѣшникъ, цѣлити не може,
 От его руки здоровъ былъ еще никтоже;
 Отца и матер его всѣ добре знаемъ,
 В школѣ и тектоповимъ синомъ нарѣцаемъ.

Н е м о щ н і й.

Аще грѣшникъ, но Богъ алихъ отнюдъ не слухаетъ,
 Токмо кто дар от Него благодати мает. ||

*) Пропускъ въ рукописи: чистое мѣсто для одного стиха.

***) Въ рук. „дубравно“.

Ж и д ъ 4.

Даждь чест Богу во вѣки, онъ ты неисцѣливъ:
Жадного онъ лѣкарства не знаетъ и не вмѣвъ.

Ж и д ъ 5.

Извольмо ему плястри на плоть положить:
Лучше в нашей руки, нижъ в его будет жити.

Н е м о щ н ѣ й.

Врачевствъ не требую: здравъ, крѣпка во мнѣ сила;
Чест даю Тому, Ижъ мя сотворивши цѣла;
Его во всѣхъ язицехъ прославляти буду,
Благодат, крѣпост, силу в мирѣ повѣмъ всюду.

Ж и д ъ 6.

Убиймо окаянна,—будет народи смущати,
Же ему далъ здравіе, предъ всѣми казати:
Обачимъ, что по немъ пойдутъ вся народа сили,—
Посемъ би ся кагали наши всѣ не разорили!

Я в л е н і е 6-е.

Зритель Божественныхъ тайнъ видитъ на престолѣ Агнца по закланіи, грѣхъ ради человеческихъ, чест от силъ небесныхъ приемлюща, предъ нимъже двадцать четири старци, падше на лица своя, „святъ, святъ, святъ“ восклицаютъ. Послѣжде Милостъ Божая ликуеть на небеси, ейже хори ангелскіи благодарствуютъ, яко спасе Естество от работи вражія и первой причте благодати, славы.

З р и т е л ѣ.

Мислящу мнѣ о вещехъ, на небѣ созданныхъ,
Чуждуся, что зрю много еще не познанныхъ; ||
л. 37. Егда же сокровенныхъ силу смотрѣхъ долѣ,
Явися мнѣ спящій Агнецъ на престолѣ,
Побѣди знаменіе при себѣ имущій,
Яко новоизбранный с користою грядущій;
Ему же ангелскія сили воспѣваху,
Такожде старци чест му Бозку приношаху,

Достойнъ, глаголюще, грѣхъ ради закланній...
 Богатство, хвала такъ прилична ест дѣлу;*)
 Поем вси живущіи усти единими,
 Святъ, святъ, святъ, восклицаютъ гласи пресвятими.
 Азъ же ся чуждихъ мнозѣ о славѣ толицѣй,
 Юже зрѣхъ в горномъ, в земном и в живущом лицѣ.
 Тую честь, хвалу, славу явѣ извѣствую,
 Ангель глас услышаний всѣмъ благовѣствую.
 Побѣди волка хищна**) Агнець незлобивый,
 Умертвившу праотца смерть крестом убивій:
 Не будетъ смертнимъ жаломъ челоуѣкъ угрызати,
 Связанна бо имѣеть в гееннѣ ридати.
 Тѣмъ ю Агнець плѣнивій в небеси ликуетъ,
 З двадесятъ четирма старци славно торжествуетъ.
 Бѣ бо прямо стригущимъ, аки нѣмъ, безгласенъ,
 Реклъ закалающимъ глас ни еден ужасенъ;
 То терпеливно понес ради челоуѣка,
 Даби му жизнь даровалъ Пребившій до вѣка. ||
 Мертв бѣ во мѣненіи (sic) заповѣдь поправши,
 Стражда казнь лѣта многа, по вся дни ридавши,—
 Доселѣ не престалъ би в пламенѣ жаждати,
 Аще би не рачилъ крови пити ему дати.
 Естество страсть Принявшій свободы з темници,
 Сотре врата адская, раздрѣши плѣницѣ,
 Неблагодаренну посемъ возведе к Сиону,
 Посади украшенну близъ Своего трону,
 Гдѣ ликуяй со Агнцемъ, свѣтло веселяся,
 Предъ лицомъ Его смерти нѣ ада бояся,
 Но зъ Агнцемъ побѣдившимъ сѣдитъ на престолѣ,
 Безстудному воздавши мечъ Врачу оттолѣ,
 Котраго в миріи сиде аки рожу красно
 Избодаху остріемъ, давши казнь напрасно;
 Лечъ Агнець зло воспріятъ в чести уязвленній,
 Челоуѣкъ Богу-Отцу би билъ возлюбленній;
 Его же Отець благій одѣявши***) в шату
 Нетлѣнія, на вію далъ ему гривну злату;
 Тамъ животъ присносущній всюду истекаетъ,
 Радость вѣчная з сердца всегда проникаетъ.

*) Повидимому, здѣсь сдѣланъ пропускъ.

**) Въ рук. „хищный“.

***) Въ рук. „одѣяши“.

Градъ не требуетъ луни ниже когда солнца,
 Которое всего мира обтѣкаетъ конца:
 Агнецъ Божій свѣтильникъ тму тамъ прогоняетъ,
 Свѣтъ Божества Своего для всѣхъ изливаетъ;
 Отъ Его же престола жизни бѣгутъ рѣки,
 Веселятъ градъ Божій, в немъ и вся человѣки. ||

л. 38. З побѣди тѣмъ тѣшится прегорня силы,
 Яко впои силу в немъ огненнiя стрѣли,
 Врага ихъ сотре, уби, поверже подъ нозѣ
 Святъ Агнецъ: пойте, старци, в небесномъ чертозѣ!

Ликъ ангелскiй.

Ради грѣхъ заклан, Агнче незлобивiй,
 Честь, хвалу прiйми, крестомъ смерть убивiй!
 Побѣдительная Тебѣ воспѣваемъ:
 Святъ, святъ, святъ! По семъ Тя прославляемъ!
 Помощъ Вишняго во Твоей десници
 Даде Ти крѣпость спасти тваръ з темници;
 Ликуй пресвѣтло в небесномъ чертозѣ:
 Паде силнiй князь днесъ подъ Твоя нозѣ;
 Вѣнцемъ побѣди Отецъ Тя вѣнчаетъ,
 Силу, честь, хвалу Богу вручаетъ.

Побѣдительная)*

Море, стихiя, воздухъ со звѣздами
 Твоего торжества свѣтлѣетъ зарами!

*Побѣдительная**)*

Луна златiе в полни стелитъ роги,—
 Слава, торжество!—яко рабъ, подъ ноги!
*Побѣдительная Тебѣ***)*

Явленiе 7-е.

Милость Божая со ангелскими хори ликуеть.

Кому днесъ торжественнѣ ликоватъ естъ требѣ,
 Яко Милости, которая торжествуетъ в небѣ?

*) Замѣтка на поляхъ.

***) На поляхъ.

***) Тоже.

Не тако Давидови, пришедшу от брани,
 Приличествуют дочерей сіонских органи, ||
 Не тако Сауловъ, сотворшему рати,
 На златотканых должно бисть играти,—
 Не тако, да падется Ерихон во стѣни,*)
 Нуждни суть Израилю труднія**) премѣни,
 Яко мнѣ паче всѣхъ тѣх поют в неисчетни вѣки,
 Должно да мнѣ всѣ торжествуют***) лики.
 Пойте мнѣ з прешедшими^{o)} будущія^{oo)} лѣта,
 Пойте без всякаго мнѣ времена отвѣта,
 Пойте лѣта всякіе части предо мною,
 С осенью зима, лѣто со весною!
 Пойте бившіе в оних роди и будущи,
 Любви Божей преславно торжества даючи!
 Паче же воспѣвайте, всѣ ангель собори,
 Имже со мною купно в небѣ данни двори:
 Ви мнѣ торжествованія гласи восклицайте,
 Торжественну над враги мене прославляйте:
 Богъ мнѣ даде тми князя ногами попраги,
 На змію, на скорпію дерзко наступати!

Хор ангелскій.

Ликуй, Милости, в безконечни вѣки:
 Тя прославляем, ангелскія лики,
 Яко в десници крѣпкая сила
 Врага убила.

Милость Божая.

Крѣпкая з всемогущою в руку моею сила
 Черезъ моя врагъ преславно руки побѣдила;
 Десница Господня в крѣпости возможе,
 Тая положи врага на смертное ложе. ||

л. 39.

Хор ангелскій.

Слава десници Вишняго и силѣ,
 Изрившой врозом смертнія могилы,

*) Вѣроятно „ерихоновы стѣни“.

**) Вѣроятно „труднія“.

***) Въ рук. „должествуютъ“.

^{o)} Въ рук. „пришедшими“.

^{oo)} Въ рук. „в будущія“.

Котріе прежде на твар людску били
Бран восносили!

Милость Божая.

Давши з злости на твар врагъ огнем люта гнѣва,
Даби била нещадно соженная жива,
Но Богъ распаленія гнѣву его плами
Неиспитанными си угаси судбами;
Моей сожженни сугъ топири(?)
Горяше огнем в геениѣ без мѣри:
Бозтво Его влечеть мя в небесни полати,
Иже Капитоліумъ могутъ ся назвати.

Хор ангелскій.

Убо преславно и преторжественно
В Капитоліумъ входи немедленно,
Иже есть небесъ прекрасни полати,—
Торжествовати!

Ангели Милости Божей поють на небеси.

Ангель 1.

Пречь, дерзости вражія, стужающа нама!
Попра ты Милость Божа силними ногама!
Не будетъ ся отселѣ князь мира гордѣти:
Связан во адской мусит геениѣ горѣти.

Ангель 2.

Велми стужающа супостата сила
Сотресе, Побѣда и Божія плѣвила.
Тѣмъ славим Милости Бога превелика:
Спасла есь от узъ адскихъ грѣшна чловѣка. ||

Ангель 3.

Хвала неизреченна живущему горѣ!
Изчезне, яко малий дим, супостат воскорѣ
От лица вѣрнихъ чловѣкъ, иже на них били
Ради ярости злія мечѣ наострили.

А н г е л ь 4.

Благословенно всюду имя Бога буди:
 Избави всего мира от пагуби луди,
 Иже со ангелами проставляють на вѣки
 Живущему на небеси побѣду Владики.

А н г е л ь 5.

Буди честь, хвала от нас всесилному Богу:
 Низведе з безни вѣчной плѣннену твар многу,
 Юже низведши з ада посади при Себѣ,
 Давши згибшую перву ей одежду в небѣ.

А н г е л ь 6.

Буди прославлен во вѣкъ, молим ангель сили!
 Крипости врага мерзка явѣ ся плѣнили:
 Человѣкъ сущій во безнѣ, з трудом освобожденній,
 На вѣчную до царства радость введений!

А н г е л ь 7.

Милости Бога Вишна любви превелика,
 Прийми честь, хвалу от нас, спашша человѣка,
 Которій равно в горнем ликует*) Сионѣ,
 Сѣдя честен, во славѣ, при владичном тронѣ!

Е п и л о г ѣ.

*Благодарствуетъ благоразумному слушателю за прилѣжное слушаніе,
 при семъ прощенія проситъ за вся въ дѣствіи прегрѣщенія. ||*

л. 40. Всяка вещь созданная свой конецъ имѣет,
 Когда ей остатная година приспѣетъ:
 Кровавій Марсъ аще всегда жаждетъ крови лити,
 Иногда во мирномъ зволитъ покою пожити;
 Корабль, вѣтромъ носимій по морской пучинѣ,
 Припливши мирно стоитъ при брежной тишинѣ;
 Вода аще з естества ест непостоянна,
 Иногда земнимъ берегомъ стоитъ удержанна.

*) Въ рук. „ликуетъ“.

Сице дѣйствіе наше, вократцѣ изявлено,
 По силѣ нашей от нас есть южъ совершенно,
 Гдѣ первіе страждуща изавихом Бога,
 По сем вставша от гроба, яко от чертога,
 Изведшаго Естество з ада со отцами,
 Его же в небѣ вѣнча вѣчныхъ благъ вѣнцами,
 Князя тми крѣпко связа побѣду вѣнчая,
 Смерти сокрушивши жало жиань в мирѣ являя.
 Сія же внимателнѣ изволилѣ слышати,
 За се ти подщяхомся благодарствовати;
 Но вѣ что не всякому мняся неугодна (sic),
 Почто ты, слышателю, молим, благородна:
 Прегрѣшеніемъ нашимъ соизволъ простити,
 Дѣло просто премудримъ разумомъ покрити,
 Ибо и солнце аще з естества свѣтлѣеть,
 Видимъ часто, от ношнихъ что мраковъ темнѣеть,—
 Колми паче чловѣчій умъ несовершенній
 Живетъ невидѣнія тмою помраченній: ||
 Сего ради, аще что прегрѣшихомъ мало,
 То да вѣси, по силѣ чловѣчей ся стало;
 Почто же вторицею просимъ ты усердно:
 Преступленія наша прощай милосердно.

IV.

Пасхальная драма*).

л. 1.

Прологъ.

Торжеству главизна, Ангел милост собистя, N.**)! Индѣ пророчествіемъ, индѣ знаменіемъ, индѣ примѣромъ, всемирнаго нинѣшнаго радованія мимошедшихъ вѣковъ предизвѣствовашесе событіе, нинѣ же отъ глубини премудрости Божія и отъ сокровенныхъ въ предвозвѣщеніи ея тайнъ зъ пророчествія въ состояніе, отъ знаменія въ событіе, отъ примѣровъ въ совершенную произійде истинну: тогда бяше благовѣстіе спасенія нашего, нинѣ же событіе, тогда начинаніе, нинѣ совершенство, наконецъ еже прежде за преступленіе казню бяше, симъ нинѣ спасеніе сбysesя по всей земли, и смертное сотворися животомъ вѣчннмъ; что мы въ распеншагося насъ ради и воскресшаго и спасеніе содѣявшаго посредѣ земли славу и честъ дѣйствіемъ умислихомъ вкратцѣ явити, тоцію всеблагопріятнѣйшаго къ оному нашему дѣйствіюваше слуха и доброхотства тре(буемъ)***).

Явленіе 1-е.

Мудрость мира сего.

Кто мя не блажит, кто не будетъ чтити?
Можетъ ли миръ сей такова явити?
Царіе, князи, нищій и богатій,
Мною имѣютъ вѣкъ себѣ всезлатій.

*) Изъ сборника № 163, представляющаго рядъ тетрадокъ печатныхъ и рукописныхъ XVIII вѣка, переплетенныхъ вмѣстѣ. Текстъ предлагаемой драмы—черновой автографъ неизвѣстнаго автора—составляетъ 19-ю тетрадку, писанную небрежною южно-русскою скорописью начала XVIII вѣка. Заглавія пьесы въ рукописи нѣтъ.

**) Обращеніе къ слушателямъ или зрителямъ.

***) Край листа съ концами нѣкоторыхъ строкъ обгннлъ.

Азъ царица миру, всѣмъ бо владѣю,
 Богатство и славу в десници имѣю;
 Митрами многих упещраю главы,
 И всѣхъ достойнихъ вѣнцемъ крашу слави;
 Нищихъ в богатство, богатихъ отъ силы
 В силу провожду. Рците мы, предѣли
 Мира сего, что не тако дѣйствую:
 Всякъ то истинну рече*) бытъ непщую.

Б у й с т в о .

Всѣе гордишься,—какъ ты нарицати?

М у д р о с т ь .

Мудрость всего мира, изволъ мя познати.
 Ты же кѣмъ посмѣхъ? отвѣщай ми вскорѣ!

Б у й с т в о .

Азъ Буйство; Богомъ, царствующимъ горѣ, ||
 Избрахся в проповѣдъ новой благодати
 И Мудростъ мира сего вничтожати.

М у д р о с т ь .

Рците мы, молю, кто бо посрамленну
 Слѣша Мудростъ Буйствомъ и уничтоженну?
 Иди отъ лица, отступити отсюду!
 Азъ себѣ в глаголь равна искатъ буду.

Р е в н о с т ь Б о ж а я .

Долго ли ты себе будешъ возносити?
 Азъ отъ Бога посланна тебе вничтожити.
 Богъ бо буяя мира избра нинѣ,
 Да вничтожатъ Мудростъ зъ Его благостинѣ.
 Ты убо, Буйство, приими властъ надъ нею:
 Богъ ти повелѣ владѣти землею;
 Ты же отиди отъ насъ посрамленна,
 Нами бо будетъ земля просвѣщенна.
 Градѣмъ на проповѣдъ во вся концы мира,
 Да благодати новой прояснитъ вѣра.

*) Вѣроятно, „речет“.

Явленіе 2-е.

Еллиниство.

Рците ми, молю, многи бо сѹт нинѣ
 Вѣри на земли, но коей единѣй
 Нам придержатис, молю глаголюте
 И научѣте!
 Ти еси Ветхост, ти Новост завѣта:
 Ти нинѣ чтишся, сей искони свѣта;
 Тебе ли нинѣ уже почитати,
 Ветхост ли взяти?

Ветхость.

Многих слышасте спасаемых мною,
 Ветха завѣта вѣрою благою,—
 О тебѣ не вѣмъ, ест ли гдѣ таковій
 Спасенъ чрез новій
 Законъ. То бы аз лучше тебѣ тако
 Совѣтовалъ, да держишся ти всяко
 Старозаконства Моисеева зѣло,—
 Благо бо дѣло.
 Не вси ли спасли ветхих пророци,
 Мойсей, Ілія и инни отроци?
 Не дошли ли тѣ небесна чертога
 Въ лѣта премнога?
 Убо совѣтъ мой буди ти во благо:
 Знай Саваоѳа Бога Единаго,
 Пади на землю, Ему помолися,
 И прослезися.

Благодат Новая.

Стой, человекъ! Что се ти твориши?
 Или рожденна Христа не помниши, ||
 л. 2. Что онъ во мирѣ, или каковое
 Сдѣла чудо? Се ли не новое:
 Слѣпыхъ просвѣти, хромимъ же скакати,
 Нѣмымъ глаголат, глухимъ же слышати

Словом повелѣ, напоследокъ убо
 Мертвихъ воскреси; тысящми сугубо
 Более всѣхъ добръ; человѣкъ спасенній
 Имъ сотворися отъ вѣчной геенни.
 В старомъ завѣтѣ гдѣ чуда такова?
 Повѣждь правду: вся не сѣ ли се нова?
 Аще же ви мнѣ, Новой Благодати,
 Не хотите в сем самой вѣри яти,
 Азъ зъзову Вѣру, да придетъ к намъ сѣмо,
 И что та речет, вѣру ей имѣмо.

+ *)

Се она грядетъ. Точію молчѣмо,
 Наставитъ на правъ путъ насъ испросѣмо.

В ѣ р а.

Добръ твой совѣтъ ест и блага розмова:
 Вѣтха щезоша, вся же сѣ днес нова.
 И ви убо, старци зъ всѣми юношами,
 Имѣть ей вѣру, да будете с нами
 Учасници битъ новой благодати,
 Юже намъ даде Христосъ Богъ распяти.
 Днесъ сомнѣніе всяко отложите,
 Христу Господу поклонъ воздадѣте,
 Аще хотите яко орелъ бы(ти)**)
 Обновленній, юнъ, и со Христомъ жити.

Е л л и н с т в о .

Добръ, Госпоже, твору некосненно:
 Сокрушъ Идоли при тебѣ явстве(вно),***)
 Еже велиши, приклонше ти гла(ву),***)
 Готовъ умрѣти за Распята сла(ву).***)

*) Между строчками въ рук. поставленъ крестикъ, что должно было, повидимому, означать появленіе на сценѣ Вѣры.

***) Конецъ строки отгнилъ; дополняю на основаніи рѣшмы.

***) Тоже.

***) Тоже.

***) Тоже.

Ветхость.

Аще покаюс, может ли пріяти
Мене Христось Богъ къ новой благодати?

В ъ р а.

Токмо вѣруй, будеши спасенній!

Ветхость и Еллинство.

Раби, Владико, твои утверждени.

В ъ р а.

Благодарѣте Христа, Царя слави,
За милост Его, преклонивше гл(ави),*)
Яко зъ невѣрства сотвори вас в....
Въ благих.....**) ||

Явленіе 3-е.

В ъ р а.

Инніи щитятся богатством безмѣрним,
Инніи храбрством славни избилним,
Инніи цвѣтут во мудрости зѣло,
Протчіи в чести превозносят дѣло;
Мнѣ же не буди вяцшаго что чтити,
Ниже во иннѣм чем себе щитити,
Точію въ крестѣ оном уповаю,
И в нем надежду мою полагаю.
Сей ест моя чест, сей и моя слава,
Щит, оружіе; сим крушится глава
Ангеловъ темних; сим величается
Родъ человѣческъ и прославляется;
Смертній в живот оним превосходит,
Грѣшним спасеніе крест во правду родит.

*) Тоже.

**) Уголь листа отгниль.

Душа грешная.

Cantus.

Уви мнѣ, о Боже, кто ми днес поможе,
 Грешной, окаянной?
 Оставих Тя, Бога,—за злая премнога
 Ах! мнѣ, отчаянной!
 (Зе*)млю оскверних, людіи раздражих,
 (Н**)ебо погубих, во всем изгубих,
 Ахъ, обезумихся!

Nos loquitur anima peccaminosa:

Кто ти днес, грешной, подаст совѣтъ здравіи?
 Кто подаст руку помощи мнѣ, явѣ
 Погибающей? Друговъ бы просила
 Или сосѣдъ, но и сих раздражила:
 Родивших прошу, но тѣ прогнѣванни,
 Наложих бо им сердечніе рани!
 Злоби аз полна, се всѣх удалихся:
 Во правду горша или скотом приложихся (sic).
 Гдѣ та лѣнота, гдѣ премудрост явна?
 Гдѣ подобія истост Христу равна?
 Гдѣ Его образ з всѣми добротами?
 Попрах премерзска и злобна ногами!

Cantus.

Уже отчаянна. Злобою попоранна,
 Не имам надежди!
 Обнажихся грѣшна, не буду утѣшна,
 З райской одежды!
 Пойду въ пропасть прямо, аще не вѣм камо,
 Да тамо изчезну, и тую полезна
 Буду смерть имѣти!

Loquitur:

Уне ест въ правду раз бѣдной умрѣти,
 Неже тысящми на всякъ день болѣти. ||

*) Уголь листа отгниль.

***) Тоже.

л. 3.

В ѣ р а.

Не отчаевайся спасенія, грѣшна,
 Своего, Душе, но буди утѣпна:
 Уже бо Христось, пострадавїй за ни
 И на сем крестѣ распростерїй длани,
 Давъ радост вѣчну, даде и вход рая,
 Гдѣ ликуй, живот вѣчной провождая.

Д у ш а.

Благая се вѣсть, ею же зродила
 Вновь ти мя, Вѣро! Чим бы удовлила
 Азъ тебѣ за вѣст, Богу за избаву?
 Вѣчнѣ воздаю чест, хвалу и славу.

В ѣ р а.

Убо торжествуй, Душе, въ вѣчни вѣки
 В небесномъ чертозѣ зъ всѣми человекїи!

Явленіе 4-е.

Р а з б о й н и к ѣ.

Мира вся конци, прилѣжно внушите!
 Вся страни земля, торжество начнѣте!
 Се бо вси нинѣ начатки сполненни
 Радостей прежних и въ одно сочтенни:
 Тогда вси токмо вмалѣ ликоваху,
 Нинѣ совершенство оная прїяху;
 Тогда точію о Христѣ слїшали,
 Нинѣ же Его благодат прїяли;
 Тогда чудишася о чудеси Бога,
 Днес чудящимся радост ест премнога;
 Тогда рїдаху о умершемъ Бозѣ,
 Нинѣ Его ради радуются мнози;
 Тогда святъ зъ грѣшнимъ идяху ко аду,
 Нинѣ же идутъ въ райскую ограду.
 Егда страдавїй на крестномъ семъ древѣ
 Даде со всѣми Адаму и Евѣ

Свободу с ада, жруща людій всяко,
 Егда умерій Христось Господь тако
 Съ торжеством воста, яко токмо гласу
 Слишану бившу абіе съ ужасу
 Враг въ пренсподних геенни вселися,
 Душа же з ада во рай преселися,—
 Доселъ бяху врата затворенни
 Рая, доселъ стражем утвержденни;
 Грозній Херувим доселъ стрежаше,
 Пламенним мечем доселъ страшаше;
 Нинѣ же всяк страх и трепеть отяся,
 И свободній входъ райскій даровася:
 Всякъ невозбранно гради днес до раю,
 Токмо покайся грѣховъ,—впредь желаю. ||

П о к а я н і е.

О, Царю вѣковъ неисповѣдимій,
 Ісусе Христе, от всѣх сій славимій,
 Умерій за грѣхъ, болѣзновавъ за ни,
 За грѣхи мира простер своя длани,
 Воскресшій нинѣ тридневенъ от гроба,
 По тмѣ днес свѣта явлшися оздоба!
 Покаяніе всуе даешъ миру:
 Убѣгают мя, и никто же вѣру
 Мнѣ днесъ не емлет. Что бо мнѣ творити,
 Боже милости, изволи явити.

Р а з б о й н и к ъ.

Не бойс: без тебе въ мирѣ ни единій
 Не насладится райской благостини!
 Се тебѣ и ключъ вручаю от рая,—
 Пущай всякаго в оній разсуждая:
 Кто тя возлюбит ума простотою,
 Вѣчно во царствѣ будет со тобою.

П о к а я н і е.

О Боже мира, христіян утѣха!
 Даждь мы во людех жит не без успѣха,

Дажь мною рая вратом отвертися,
 И всѣмъ христیانом во оном спастися,
 И дабы уже отселѣ мя чтили,
 И мною во рай безвредно вступили.

Явленіе 5-е.

Благовестіе.

Слези от очесъ вси нинѣ отрѣте,
 И плач на радост весьма предложите:
 Вѣхости болѣзанъ души и тѣлесну
 Отложше, пріймѣте новую небесну
 Вѣсть благодати, з небес низпосланну,
 Господем Христом мене вама данну.
 Повелѣ ми Богъ благовѣствовати
 Всѣм вамъ торжество новой благодати;
 Даде ми силу Богъ, да исцѣляю
 Въ немощи сущих и да збогашаю
 Нищих, убогих богатством от неба.
 Грядет и пріймѣт, чого кому треба.*)

л. 5.

Хромій ползая.

Потщис, Госпоже, ялмужну мнѣ дати!

*) Послѣ этого зачеркнуто:

Хромій ползащій.

Вскори, Госпоже, ялмужну мнѣ дати,—
 Аз за тя Бога буду въ вѣкъ благати.

Хромій на деревянцѣ слѣпого веде и оба глаголютъ.

И нам что подаждь з своей милостинѣ.

Благовѣстіе.

Аще хочете здрави бит отиннѣ,
 То сего у мене первіе просѣте;
 Ползая и хромляя, воскорѣ скачѣте,—||
 Воскорѣ, реку именем Распята
 Христа Господа и Творца всесвятя!
 Ти же, от роду слѣпому имущій,
 Вѣруй, что крестом застаешъ видущій.

л. 4.

Благовѣстіе.

Азъ ты сотворю здрава исхождати.

Онъ же хромій.

Добрѣ, госпоже, аще будетъ тако.

Благовѣстіе.

Токмо ты вѣруй, спасенъ будешъ всяко.

Хромій.

Вѣрую, токмо вели мнѣ востати.

Благовѣстіе.

Востани, здравъ во вѣкъ, Бога прославляти!

Прокаженній.

Видю, что тебе Богъ даде намъ врача,
Время бы было мнѣ престати отъ плача;
Денно-нощно бо въ слезахъ утопаю—
Ратуй: погибаю.

Нагота.

Вспомоществуй мнѣ убога, Госпоже!

Благовѣстіе.

Сей тебѣ даръ отъ Бога, небоже!
Убо вси дадутъ славу Христу Богу
За толикую милость Его многу,
Возгласятъ Его вси милосердна бити,
И вся дни жизни не преставте чтити.

Всѣ глаголютъ.

Слава Ти, Боже, Царю превеликій!
Буди Милосердъ надъ нами во вѣки!

Зачеркнутая часть діалога переработана въ концѣ, на листахъ 5—6-мъ, откуда и вношу въ текстъ на свое мѣсто.

Благовѣстіе.

Вѣмъ твою вѣру ко Христу и Богу,
 Сего ради здравъ буди попремногу,— ||
 Отселѣ токмо престани грѣшити;
 Азъ посланна васъ всѣхъ предочистити,—
 Очищаю тя во імя Отца, Сина
 И Духа, Бога во Троици Едина.

Н а г о т а.

Вспомоществуй мя убога, Госпоже!

Благовестіе.

Се тебѣ дар от Бога, небоже!

Н а г о т а.

Богъ ты мнѣ посла нага приодѣти,
 Студ бо мы бѣше во людех ходити;
 Нинѣ же тѣшус наготу покривій,
 Благодаря Бога, что такъ милостивій!

Благовестіе.

Убо вси дадѣтъ славу Христу Богу
 За толикую милост Его многу, ||
 л. 6. Возгласѣт Его вси милосердна быти,
 И в вся дни жизни не престанте чтити!

В с и р а з о м.

Слава Ти, Боже, Царю Превеликій!
 Буди милосердѣ над нами во вѣки!

Благовестіе.

Градѣте со миром, Творца прославляя,
 И в милость Его здравствуйте вповая.*)

*) Послѣ этого въ рукописи стоит ремарка: „Епиплогъ“; текстъ эпиплога однако не написанъ,

л. 4.

Явленіє 6-е.

Милосердіє.

Горе вам лють, горе нестерпимо,
 Сушим въ невѣрствѣ, всегда несходимо!
 Уви!—будете вѣчнѣ восклицати
 И погибати.

Иже распята Христа небрегоша,
 Вѣчнѣ в гееннѣ, ах, вѣчнѣ шезоша!
 Или не знасте, кто ваш сотворитель
 И искупитель?

Забисте Правду, Истинну вмертвисте,
 Сим же самимъ всѣхъ вѣрнихъ оживисте,
 Христосъ бо Богъ всѣхъ, имущій мертвенно
 Тѣло тридневно,

Воста бо нинѣ з гроба торжественній
 Мир, Христосъ Господь, вѣрнимъ всѣмъ явствен(ній)*,
 Воставши плачь всякъ премѣни на ра(дост)**
 И вѣчну сладост.

В невѣрствѣи же азѣ окамененни
 Гинут во вѣки, надежди лишенни,
 Вѣрніи же вси тѣшатся во вѣки
 Со Ангелъ лики.

Торжествуй, земле! Ликуйте, вси гори!
 Холми и поля, възиграйте воскорѣ!
 Дубрави, гласно, и лѣси, шумѣте,
 Честъ воздадѣте!

Моря и рѣки, всякіе бистрини,
 И во островахъ живущіе крини,
 Источники вси, потоки, всеспѣшно
 Гласѣте утѣшно!

Словомъ рекущи со землею води,
 Небо со свѣтомъ, и всякихъ птицъ роди,
 Солнце с луною и с звѣздами красно,
 Сіяйте ясно! ||

Се бо вашъ Творецъ страда болѣзненно,
 Егда имѣсте и ви ураненно,

*) Конецъ строки отгнилъ; допояняю на основаніи рими.

***) Тоже самое.

Ахъ, лютѣ сердце в час оногo смерти,

Ею же Онъ стерги

Врага потщася, вас же ликовати

Сотвори нинѣ з своей благодати,—

Убо вси ви днесъ вседушно славѣте

Христа и чтѣте!

Ти же, человѣче, кровію скупленній,

Не радостен ли в час сей торжественній?

Убо з бездушной и безгласной твари

Многи Богу дари,—

Что начнеш дѣлат? еще умолкнеши

И слова в хвалу не изглаголеши?

Но ти паче всѣхъ от сердца глубини

Воскликни нинѣ!

Аще бездушна твар днес воспѣвает,

Почто разумна твар умолкивает?

Колико сили возможеш имѣти,

Потщис гласити!

Ти ли умолкнеш? Но будет ти срамно:

Нѣмота речет, глаголь молчит явно;

Дебри, глубини воспѣвают гласно—

То ли не ужасно?

Убо, человѣче, во вѣкъ слави Бога,

А от Его тебѣ дастся радост многа:

Тебе бо ради пострада от вѣка,

Да тя, человѣка,

Возведет в чертог небесній слави,—

Что сбистся нинѣ во мирѣ сем явѣ:

Сочета с ангелъ непрестанни лики

Во вѣчніе вѣки.

Воспойте нинѣ всесладко днес, хори,

Вводя человѣки въ небесній двори,—

Пойте, глаголю, всему миру втѣпши

Всесладкіе пѣсни!

Царство Натури людской,

прелестію, ею же смерть царствова над непогрѣшившими, разоренное, благодатію же Христа Царя слави, терновим вѣнцемъ увяденнаго, паки составленное и вѣнчанное, смутним же дѣйством в киевских Аeiнах, под властію пресвѣтлаго тривѣнчаннаго сущих, от благородних російских младенцовъ извѣщенное. Року вон же Христос Царь славы разоривий адово царство 1698*)

Прологъ.

*Извѣствует, како Натура людская, во Едемъ царствующая, царство свое погуби, како бист радостна царствующой смерти и како на первое царства райскаго возвратися**) достояние.*

Богъ, прежде вѣкъ царствующи во вѣки вѣка,
 На образ свой сотвори в часъ человѣка,
 Составивъ***) и царствіе пресвѣтлаго рая,
 Да человѣкъ в нем царствует весело играя;
 Повелѣ царством райским ему обладати,
 А на яблоко едемско рукъ не простирати.
 Натура человѣча, змниним совѣтомъ
 И ласкательним милости прелщена привѣтом,
 И симъ: „будете бози“ прелщена обѣтом, ||
 Простре руку на древо и коснеся древу,****)
 И тако царску в ран погуби породу.
 Ах, царица райская по роскошной волѣ—
 Уви! Уви!—данна есть прегоркой неволѣ,
 За злобноносящую зла преступства руку

*) Рукопись № 144, южнорусскаго письма начала XVIII столѣтія.

***) Въ рук. „возрастися“.

****) Въ рук. „состававъ“.

*****) Вѣроятно, должно стоять „плоду“.

Предадеса в тяжкую уз темничних муку,
 Идеже трисѣянна зрѣти не возможе
 Свѣта лица Твоего, Цару вѣковъ, Боже.
 Но еще смертельными связанна окови
 И в глубокие ада воверженна рови,
 Вѣчнѣ би не свободна пребиваше тамо,
 Аще бы ю Христово пришествие—ато...*)
 Не свободи оную кровавыми рѣки.
 Вся сия како биша, здѣ возвѣстит наше
 Дѣйствие; токмо буди вниманіе ваше.

А К Т Ъ I.

Сцена 1-я.

Титцифер видян, иже Сынъ Божи Натурру людскую на себе приимет и возвеличит, возбуждает на бран ангеловъ, хотя равен быти Богу, но гордию его ангелъ Михаил побѣждает.

Азъ есмь всѣхъ звѣздъ небеснихъ свѣтлѣйша Денница,
 Всевидящаго Бога едина зѣница,
 Азъ есмь чиновъ безплотнихъ крѣпкий воевода,
 Избраннѣйши изъ всего ангелскаго рода;
 Азъ ангелску воинству есмь архистратигомъ,
 Которое под моимъ воинствуетъ игомъ; ||
 л. 2. По моему разуму вся содѣлавааетъ,
 Дѣло моя волѣ всегда исполняетъ.
 Мнѣ сущу старѣйшинѣ в небесномъ дворѣ
 Чест, славу, хвалу даютъ ангелскіи хори:
 Моей острогѣ умной мудри херувими
 Чудягся, огнени ю любятъ серафими:
 Областъ имѣю сѣсти и межи престолы,
 Паче господствѣ гдѣ естемъ господствнемъ волѣ;
 В сили мужественнѣйшии надъ саміе сили,
 Властителными власти превосхожду дѣли.
 Началствію моему и что жъ суща начала?
 Началствую паче всѣхъ первѣйши зъ начала.
 Аще естъ и архангелъ, но и то ми естъ равенъ,
 Иишии отъ архангеловъ не естъ тако славенъ,
 И Михаилъ Архангелъ понѣ ми достоинъ.

*) Слѣдующій стихъ, видимо, пропущенъ.

М и х а и л ъ.

Азъ есмь Цара архангелска недостойни воинъ.

Л ю ц и ф е р.

Добрѣ ти глаголеши: азъ бо достойнѣйши;
 Ти разумѣеши, что паче ты честнѣйши;
 Честнѣйший есмь, красенъ, добр, нѣст во мнѣ гординѣ,
 Мене слушаетъ всякой, вси ангелъ години,
 Той мою великую величаетъ славу,
 Яко старѣйшинѣ свою преклоняетъ главу:
 Что множаетъ Богъ велий предивные тайни,
 Моему видѣнью изяви нетайни,
 Ибо преждевѣчнѣ мнѣ откри совѣти,
 Что на престолѣ райскомъ имѣетъ сидѣти
 Человѣческа Натура, якъ дражайше золото.
 И кто видѣ въ чести прахъ, пепелъ, червь, благо? ||
 Можетъ ли тля съ свѣтомъ, а ноцъ со днемъ жити?
 Огнь и вода вкупѣ безъ вреда пребити?
 Будутъ сия, когда Богъ на престолѣ райскомъ
 Посадитъ человѣка въ величествѣ царскомъ,
 Которому недостойно въ толикой битъ чести,
 Никтоже бо съ правдою не смѣшаетъ лести.
 Азъ есмь токмо достоинъ райския держави,
 Яко въ себѣ*) содержу всѣ ангеловъ слави;
 Нѣст во мнѣ жадной лести, вся правда со мною,—
 Сого ради возмогу съести и съ Тобою,
 Боже, на престолѣ; свѣтъ есмь и бо Денница,—
 Лѣпо, да мя обийметъ Божая десница.
 Прахъ, пепелъ, червь нѣстъ подобенъ блату:
 Хошу да мя Богъ мѣетъ равна драгу золату;
 Треби ему садити мене на престолѣ,
 Тако бо угожденно будетъ моею волѣ.
 Аще же Онъ моего не вознесе рога,
 Сие и на самага простру рудѣ Бога.

*) Въ рук. „в селѣ“.

Hic ostendit unguis)*

Ви токмо зволте моя здравія совѣти
 Все единодушно днесь скоро исполнити.
 Ти первый, Михаиле, что на сие слово?

М и х а и л ь.

Твоих совѣтовъ мое сердце не готово
 Исполнити, понеже всѣмъ нам не суг здравн,
 Яко лже глаголивин, суетни, неправн.

Л ю ц и ф е р.

Что, что ти глаголеши?

М и х а и л ь.

Се глаголю тако:

л. 3. Богу противитися не возможет всяко ||
 Созданіе, и что Онъ единъ уставляет,
 Тому ся всякъ человѣчій рабъ не спротивляет:
 Жестоко есть противу остра рожна прати,
 Побѣжденъ есть хотяя ся со лвомъ крипкимъ брати.
 Богъ что хочет, то творит: вся во Его власти,
 Идеже би не владѣл, нѣст таковой части;
 Волю иматъ человѣка, якъ Богъ и Владика,
 Уставити цара и господа велика
 И надъ нами.

Л ю ц и ф е р.

А то что, дадимъ мою вию
 Человѣку преклонилъ? Я его подбию
 Подъ мое владѣніе! Ангелскую силу
 Возбужду на брань, бо естъ подъ моею крилу;
 Человѣчну Натуру возму въ сии руцѣ,
 А въ царственной роскоши горкой предамъ муцѣ.
 Ангели, мнѣ послушни, мѣйтеся до брани:
 Поставлю во вишнихъ мой престолъ и презъ рани!
 Егда ли намъ не лучше, ангелскому лику,
 Въ небѣ господствовати земну человѣку?

*) На поляхъ.

Ангель противний.

Ей, лучше, Люциферу, и ми утверждаемъ,
Тому же Михаила гласу не внимаем.

Ангель добри.

Добръ таковой всегда слухати поради,
Котрая в себъ жадной не имѣетъ зради!
Внимаем ми глаголом Михаила здравим,
Скланяем и ушеса ко совѣтом правим.

Ангель противний.

Яко то не имѣеть рада архангела:
Сего чловѣка садит вижше над ангела.

Ангель добри. ||

Внимайте: не онъ садит, Сила Всемогуща,
Сія на престолъ райский чловѣка ведуща.

Ангель противний.

Так ест, но и то, честнѣйшии, разсудѣте дѣло,—
Духъ ли ил чловѣкъ имѣющий тѣло?

Ангель добри.

То дѣло разсуждати умъ изнемогает,
Котрое сам Богъ своим умом разсуждает.

Ангель противний.

И сие намѣрители умом не глубоко,
Что Божие ангела преносит око.

Ангель добри.

Безумный твой глаголь. Нас созда того ради
Богъ, да не отмѣтает з своєю огради.

Ангелъ противний*)

З коя то огради? Гдѣ насажденна?
Славою, роскошею ест ли исполненна?

Ангелъ добри.

Ограда—само небо славно и роскошно.
Возийти же на Божий престолъ намъ немощно.

Ангелъ противни.

Почто возийти не мощно? Мощнѣ ли праху
Летѣти по воздуху ко горнему даху?
Ми духъ разсиплем его, вознесемъ сами,**)
Идеже в Люципером царствоват имами.

Ангелъ добри.

Не хвалися, но бойся, не шатайся всеу:
Гордия твоя борзо снийде во адъ буе.

Ангелъ противни.

Снийде в сердцу наши не имѣет гордини, (sic)
Взийдем на вишни престолъ нынѣшной години.

Ангелъ добри.

Глаголем, яко воскорѣ снийдеши до ада,
Всегда вас гризуща, невиспающа гада.

Л ю ц и ф е р . ||

- л. 4. Я, я до ада снийду? Возийду на небо!
Возийду вишше облак, узрите вси се бо,
И престолъ позлащенный на горѣ висоцѣ,
Верхъ звѣзд, постановлю при Самаго боцѣ
Бога сил Саваоа.

*) Въ рук. „добри“.

**) Въ рук. „слави“.

М и х а и л

Люциферу ражу,
 Не дерзай*): низринет тя Богъ и твою стражу
 Разсиплет; во ад слава и с тобою спадет,
 Веселие отидет, червь ти во покровъ придет!
 Образ Божий чловѣка нареклъ еси блатом,—
 Ко адским, пепел, гной, червь, поползеши вратом;
 Змию, аспиде глухи, во пекелну яму
 Поползеши, будеши на руку и раму
 Двигати желѣзные тяжкне оковн,
 Не скипетръ**) златъ; адска тма смѣрит твоя бровн.

Л ю ц и ф е р.

А то что изрекль еси, ангеле безумний,
 Во глаголах, совѣтъхъ твоих малоумний!
 Возйду, Вишнему равен на небесех буду,
 И тамо во свѣтлостехъ на вѣки пребуду.
 Кто яко Богъ?

М и х а и л.

Кто яко Богъ вѣчни? Святая
 Святых! Богу противится ерес проклатая.

Сцена 2-я.

Всемогущая Сила Натуръ людской, с небесъ утъмчанной, царство райское, роскошь и волю вручает, от древа же въдуца зло и добро ясти възбраняет.

Всемогущая Сила.

Вся могу, разумѣю, вся вижду, вся знаю,
 Всемогущая Сила аз ся нарицаю.
 Единому Бозтву всесоединенна,
 От нераздѣльной Троици ни нераздѣленна, ||
 Тричисленному лицу, Богови Едину,
 Хвалою и славою равно честна вину;

*) Въ рук. „держай“.

**) Въ рук. „скинешь“.

Я Богом, а Богъ мною все что начинаем,
 То со собою вкупѣ всегда завершаем:
 Воли, ума, совѣта и единой власти
 Есм, никогда могу от Его отпасти
 Мисли, Цару Богу и горѣ и долѣ
 Царица соцарствую на вишнем престоѣ:
 Не имат моя битность конца ни начала:
 И конецъ и начало велика и мала
 Вещь имѣет от сего*) вседержавна перста;
 Ей же, нам во бытие врата суть отверста.
 Первое всѣхъ созданий небеса создаста
 И землю мои руцѣ, свѣту и тмѣ даста
 Бытїе; именовалъ свѣтъ з днемъ доброзраднимъ,
 Тму назнаменовалъ ноцнимъ видомъ мазнимъ.
 Тогда зданихъ ангеловъ услышати гласи,
 Возхваляющии вся во вѣчные часи.
 Второе, сооручихъ твердь звѣздогорящу,
 Ноцъ просвѣщающу, во мрацѣ лежащу;
 Твердь сия раздѣляетъ кришталниа води,
 Напаяющия животниа роди.
 Третее, от моихъ устъ вѣтри повѣнуша,
 Собрася вода в сонмѣ, и явися суша.
 Сушу землю нарекохъ, водниа состави—
 Моря, прорасти земля цвѣтоносниа трави,
 Древа плодовиите и тучниа класи,
 Одѣвающии себе аки главу власи.
 Четвертое, устроихъ велицѣ двѣ твари,
 Свѣтозарна небесе красниа утвари:
 Тие ноцнимъ и дневнимъ временемъ владѣютъ, ||
 л. 5. Солнце, луна имена сицева имѣютъ.
 Пятое, велѣхъ морю, да изведетъ кити,
 Имже и глубынами завѣщахъ владѣти;
 Моимъ повелѣниемъ от моря глубока
 Пернатъ птенецъ изидетъ во мѣста висока.
 Шестое, составихъ плодъ коегождо звѣря,
 Живущаго во селѣхъ пространаго мира.
 Посемъ взяхъ персть отъ землѣ и создахъ разумну**)—умну
 Человѣку Натуру, звѣра безумну—умну.

*) Въ рук. „всега“.

**) Въ рук. „разумни“.

Мнѣ вожделѣнна вси от перста возданна—зданна—
 Людска Натура, паче тебе несозданна—зданна,—
 Твар благолѣпнѣйша по виду моему—твоему,—
 По образу як Богъ украси своему—твоему;—
 Духъ Божий оживи тя, много приими ухомъ—вчухом!—
 Сила моя укрѣпи, се слыши слухом—духомъ!—
 Насадих веселие едемскаго сада—рада!—
 Ограда ест радости того вертограда—рада!—
 Изгнах горда ангела из райскаго края—з рая,—
 В том Натуру людскую вомѣстити маю—рая:—
 Хощу, будет царица в Едемѣ от поля—воля,—
 Владѣти царством райским ест то ей доля—воля.*)
 Созданна от мене Натура чловѣча!

Н а т у р а.

Чаю твоей милости, стоящи здалеча.

Всемощная Сила.

Прийди сѣмо, Натуро, прийди, возлюбленна:
 Будеши на престолѣ райском посажденна.

Н а т у р а.

Повинуюся Тебѣ, всесилна Госпоже,
 Аще и нѣсмъ достойна той чести, о Боже.

Всемощная Сила.

Даждь ми персть, любимице, а иди со мною.

Н а т у р а. ||

Обемлю, лобжу стопи и иду с Тобою.

Всемощная Сила.

Се имаши престолѣ райскѣ, взийди нан и сяди.

Н а т у р а.

Будь благословение твоя поради.

*) Поставленныя между тире слова приписаны на поляхъ: это—„эхо“.

Всемогущая Сила.

Посли, Небо,*) воскорѣ царску диядиму:
Людскую увѣнчаю Натуру любиму.

Н е б о.

Указ твой, Всемогущая Сило, исполняю,
И царску диядиму возми—посилаю.

Всемогущая Сила.

Се ты царска вѣнчаетъ от небесъ корона,
Благословит Господня рука от Сиона.

*Manus benedicit de coelis.**)*

Натуро чловѣча!

Н а т у р а.

Что, Всемощна Сило?
Кое ми повелѣваешь сотворити дѣло?

Всемощная Сила.

Естес уже, Натуро, райская царица:
Благослови ты с вишних Божая деспица,
Имаши рая красна царство пребогато,—
Блюди, дабы от тебе не было отнято;
Волю, Роскошь под твоя покоряю нозѣ,
Роскошуй, веселися, радуйся о Бозѣ.

В о л я.

Воля емь от разума всемошнѣйша Силы,
На вся дѣла данна ти под царские крилѣ.

Р о с к о ш ь.

Роскош мя мѣшь, тѣшся на всякое время,
Не отягчит тя буди скорби, плачу бремя.

*) Въ рук. „в небо“.

***) Ремарка на поляхъ.

Всемогущая Сила.

От всяка древа красна, в рай насажденна,
 Да будут, велю, твоя уста наслажденна;
 З древа же, еже знати добро и лукаво,
 Не яждь,—тако бо твое царство будет здраво; ||
 л. 6. В онъ же день аще снѣси, царства отпадеша,
 Что более—горкою смертію умреша.
 Помни снѣ, а храни даннѣя завѣсти.

Н а т у р а.

Готовам яко раба оная хранити.

Сцена 3-я.

Злость Люциферова на Натуру людскую в рай царствующую шатается и гласит Прелесть, да вкушение заповѣданнаго древа прелестит Натуру.

З л о с т ь.

Что аз? От кого приидох, кое ми ест дѣло?
 Лютим всѣх злостей огнем гору, киплю зѣло.
 Свою же да угашу чужим плачем жажду,
 Вибухаю на землю злохитрую вражду.
 Засѣваю на сердцахъ жестокии твари,
 Плевели, родящи гнѣвотворни свари;
 Сѣю на всякой плоти великіе гнѣви,
 Аки ратай сѣмена на оранной нивѣ.
 Я то тяжкосердие розношу, досади,
 До смертельной злосливих побужаю звади;
 Я то злоби, распр и битвѣ и горких ран пани,
 Я земненный почу кругъ до кровавой брани.
 Начальнѣйша вина есмь смертоносна бою,
 Мати, корен и глава страшнаго разбою.
 Я то огнем и мечем вся пустошу страны,
 Не уврачевания отвораю рани;
 Пекельное жилище зѣло ми спокойно:
 То мое хранилище, там ся маю гоино.
 Сердце Люциферово, оно мнѣ обителъ,
 Которого низвергъ во ад наднебесный жителъ. ||

З сердца Люциферова аз*) тогда смотрила,
 Когда**) вѣла Натуру людску Божя сила.
 Ай! достойна ли бист она вѣнца пренебесна?
 Ол вещь, паче всѣх вещей разуму чудесна!
 Люцифер мой сожител, приятел сердечни,
 Всего дѣла моего хранител безпечни,
 Духъ чистъ и созданіе красно, велелѣпо,—
 Ему бит цару райску не било би лѣпо?
 Натура чловѣчка ест ли лѣпотнѣйша?
 И паче Люцифера еда ли честнѣйша?
 Злуплю, здеру вѣнецъ царскъ з людской Натури,
 Не удержатъ райские, не сохраниятъ мури;
 Низрину со престола того труппа гнила:
 Крѣпкая моя крѣпка злосливая сила;
 Сокрушу ей главизну от семи руками,
 Поперу, убю в землю моими ногами,
 Разору, распровергу райское господство,
 А ю самую отдам в пекелное родство.
 Маю я добрый способ, як ю уловити
 И якіе на ню закинути сѣти:
 Сѣт моя—мудра Прелест, любима другиня,
 Пекелних смопийцовъ роскошна богиня.
 Та прелстит ю, что вкусит завѣщанна древа,
 И тако ю до царска***) запровадит черева.
 Прелест, Прелест, Прелести! Стан пред очима!

Прелест.

Се послушлива стою, Злости, пред твоима.

Злостн.

Пойди, прелсти Натуру, молю ти, ласканми,
 И урви завѣщанный плод твоима дланми. ||
 л. 7. Совѣтуй пресладкое яблоко бити снѣди,
 Им же ей прегоркне уготовишь обѣди.

*) Въ рук. „ад“.

**) Въ рук. „тогда“.

***) Д. б. „адска“.

Прелест.*)

О чом мя молитъ твое злосливое слово,
Лстивое ми сердце то справити готово.

Сцена 4-я.

Прелест Натуръ людской советует плод древа заповѣданнаго добр бити во съѣд, его же Натура ясти изволяет, и тако гласомъ со небесъ престрашенна, царствія райскаго отпадаетъ.

Н а т у р а.

Что еси, и откуда? и что зде твориши?
Чего без моей волѣ такъ смѣло ходиши?

Прелест.

Хожду, удивляюся сему мѣсту элачну,
Хожду, велми чуждуся древу доброзрачну;
Зру тя, царицу райску, царство твое красно,—
Но что всѣм не царствуеш, се ми ест ужасно.

Н а т у р а.

И како не царствую? Всѣм аз обладаю:
Его же хочу древа, того и вкушаю.

Прелест.

Се древо плодоносно в твоей царской власти,—
Почто ж его не смѣешь добра плода ясти?

Н а т у р а.

Ай! Всемогущая сила твердимн уставы
Завѣща ми, а храню судби ея прави;
Рече бо: не вкусиши, ни ся му**) коснеши,
Древу оному, ибо смертію умреши.

*) Эта ремарка въ рукописи пропущена.

**) Въ рук. „пу.“

П р е л е с т.

Не бойся, не умреши: завѣт Всемогущой
Сили не одержит, вѣр ми глаголющей.

Н а т у р а.

Како ж ся разумѣет, повѣжд да узнаю. ||

П р е л е с т.

Слухай, царице райска, аз та викладаю:
Видѣ Всемощна Сила, яко тебѣ оцѣ
Отверзутся, и будешь в мудрости глубоцѣ,
Соравнишся Богу, зло, добро вѣдущи,
Егда со древа того будеши ядущи:
Вѣрен ест сей глаголѣ мой,—рече того ради.

Н а т у р а.

Поколѣбахся умом на твои виклади.

П р е л е с т.

Стой неподвижно*) умом; тое егда снѣси,—
Вижь снѣд, кол красно яблоко,—вся сия увѣси.

Н а т у р а.

Зру плод от внѣшних быти прекрасной плоти,
Внутрнии же не знаю, что суть его соти,
Горкие или сладки.

П р е л е с т.

Аще отвнѣ драги,
Колми отвнотр, царице, явлат ти ся благи;
Явѣ свѣтовѣднѣйше злато ест от вреди,
Порфировиднѣйши внутр шипок паче преди.

Н а т у р а.

Вѣмь, но древо виѣ злочно, внутр бивает гвило;
Мед сладок, и что в нем ся жало утаило.

*) Въ рук. „неподжно“.

Прелест.

Дераай,*) не сумнися, се яблоко не таково,
 Якъ мед**) сладок со жалом, яко древо ово;
 Есть як копка: внѣ драго, внутр еще дражайше,
 Виѣшним видом сладкое, внутримъ же сладчайше.

Натура.

Аще таково, добрѣ, принеси ми сѣмо.

Воля.***)

Вели, царице, Натурѣ.

Прелест.

Роскоши, ходѣмо!
 На, возми плод, Роскоши, и царици подажд.
 Человѣческа Натуро, не умреши, яжд, яжд!

Воля.

Се имаши плод древа.

Натура.

Добра ли ест вкуса? ||

л. 8.

Прелест.

Добр, добр!

Воля

Имаши волю, вкуси без муса.

Глас небя.

Натуро человѣческа! Почто вкуси яди?
 Почто завѣтъ преступилес? Но ими виклади!

*) Въ рук. „держай“.

**) Въ рук. пропущено.

***) Въ рук. „Прелест“, видимо по ошибкѣ; или, быть можетъ, что-либо пропущено.

Сцена 5-я.

Гнѣвъ Божий на) Натуру людску, преступившую заповѣдь Всемоцной Силы, зѣло ярится и молнію с небесъ низводитъ, его же Милость Божая благает, но Истинна Суд Божий принуждает на отмицение, и Натуру людскую внѣ рая изгнати Декрет**) повелѣваетъ Херувиму.*

Г Н Ъ В Ъ Б О Ж И Й.

За дерзость, за лакомство, за преступство збуру,
 Винищу и потреблю людскую Натуру,
 И нѣст иже изметъ ю от моею руку;
 Пошлю огненны стрѣли з напруженна луку.
 Ей Всемоцна Сила почти красотою,
 И образа своего одѣ добротою,
 А она таковъ образ оскверни грѣхами:
 Омию тую скверну кривыми рѣками;
 Ей Всемоцная Сила восхотѣ создати
 И волюби всѣм сердцемъ, як дщер свою мати,
 Она же любовь сию отверже от сердца:
 Смерть будет ненависти местник и мордерца;
 Ей Всемоцная Сила постави в велицѣ
 Слави, велелѣпнем пребист наколицѣ,
 А она безчестиемъ почадова Бога:
 Внѣтъ самой отворится во нечесть дорога.
 Хождаше во богатствах всяких изобилно,
 Доволство во роскоши имѣяше силно,— ||
 Тое тепер безмертно погордѣ богатство:
 Отож за то наплю нан вѣчное робаство.
 Бѣ обладателница неизмѣрна мира,
 Лѣтающа, ходяща и пловуща звѣра;
 А понеже той власти спротивися Творцу,
 Мене увѣсть, своего спротивоборцу;
 Даде ей Божа Сила в Едемѣ свободу
 И благопоспѣшную во жизни свободу,
 Толиких же даяний быст неблагодарна:
 Сего ради найде нан непогода марна.
 Херувимской мудрости причасница бяше,
 Умудраше ю свято дихание наше,—

*) Въ рук. „на“ пропущено.

**) Въ рук. „предкрет“.

Измѣни толикъ разумъ и волю неистову,
 Затми несмыслена буйства умной мысли брову.
 Всемогушая Сила созда двѣ свѣтилѣ,
 Даби во дни и в нощи Натурѣ свѣтили
 Людской,—та же Божія отвержеся свѣта:
 Затвору ю в темници на многие лѣта.
 Волю в рукахъ держати не умѣ зажиги,—
 Не удобно в райскихъ обителяхъ жити:
 Буде же рабско жити, в неволѣ стѣняящи,
 Смертномъ на тѣлѣ своемъ желѣза носящи.
 Плодъ наситительный от райска винограда
 Ввесъ во снѣдъ предложенъ бистъ, не било ей глада,—
 Почто жъ завѣтъ преступи неситое чрево?
 Возалчется на мнозѣ, зане яде древо.
 Всемогушая Сила, якъ зѣницу ока
 Храни людску Натуру, и орла висока
 Свойстви покри своя благости крилы,— ||
 л. 9. Достояна ли бистъ тоя отъ Всемошной Сили?
 Раскаяся Богъ, яко созда челоувѣка,
 Что его Натура бѣ во злобахъ велика.
 Посла мя, Гнѣвъъ Божий, да отмщу обиди,
 Предамъ Людску Натуру в неноснии бѣди.
 Возшумѣте, небеса, прѣстрашними гремя!

Deus e coelis tonitrua et fulmi...)*

Сосжѣте молніями мерскія содоми!
 Хошу, на челоувѣчку Натуру падѣте,
 Законопреступницу в пепелъ обратѣте!
 Тажко азъ разгнѣванна на людскіе злости
 Челоувѣка, хояща во стѣяя непросты.
 Со мною и Всемошна равна Богу Сила
 Розярился на людску Натуру дозѣла.
 Не буду умилный челоувѣкомъ доселѣ,
 Донелѣже на смертнойъ почиетъ постелѣ.
 Не умолятъ плачевны челоувѣчскіи гласи,
 Ажъ поки в адскіе не снѣйдутъ тараси.
 Мечъ мой молниелучный снѣстъ отъ сего часа
 Грѣховни Натури челоувѣчской мянѣса,
 Упою стрѣли моя во твоя гортани,
 Отступнице отъ Бога, смертни приѣмешъ рани.

*) Ремарка на поляхъ; обрѣзано переплетчиомъ.

М и л о с е р д и е.

Стуй (sic), умилосердися, Гнѣве Божи прави,
 Не погубляй Натури, юже Богъ создави,
 Остави согрѣшившой, падшую помилуй,
 Судом ю скарати, Гнѣвъ Божи, присилуй.

Г н ѣ в ъ.

Добре, но и Суд Божи так будет судити,
 Иж не схоцет без казни ей отпустити.

Сарга Гнѣва Божия. ||

Суде Божи, который не на лица зриши,
 Но право, а не ложно вся вини судиши,
 Молю, осуди людску Натуру так смѣлу,
 Иж простре руцѣ свои на Всемощну Силу.

С у д ъ.

Як же то „простре руцѣ“? Еда ли в ланиту
 Вдари? Или зауши? Не медли отвѣту.

Г н ѣ в ъ.

Сама да отвѣщает; ти рече—удары.

Н а т у р а.

За едино яблоко тѣ на мя потвари!

Г н ѣ в ъ.

Потвари то, потвари? Уста завѣщаша
 Всемощной Силѣ плод, а твои руцѣ взяша!
 Вѣжд се, что завѣт Божи цѣл не сохранили
 Ест то в уста вдарити, купно заушити.

М и л о с е р д и е.

Правда, взяша ей руцѣ яблоко завѣщанно,
 Но что ж? Ей Прелест прелести, той рукама данно.

И с т и н н а.

Аще и тако ест, но ясти и не ясти
 Волю имѣ; когда же от яблка снѣст части
 Заповѣданнаго, то завѣт попра дерзко,
 И тако Богу Силу обезчести мерзко.

Г н ѣ в ъ.

Сего ради молю тя, справедливый Суде,
 Винной Naturѣ людской да скоро казнь буде.

И с т и н н а.

Суде Божи, декретуй, изжени из раю
 Naturу челоувѣчку: аз повелѣваю.
 Нехъ за снѣ сладкия Едемскія снѣди
 Снѣсть во погѣ лица хлѣб свой и понесет бѣди. ||

л. 10.

С у д ъ.

Декрете Божи, читай Истиннѣ угоду.

Д е к р е т.

Юж Natura людска не снѣст райска плоду:
 До того Херувим ю изженет из рая,
 Да будет внѣ сѣдяще плача и ридая.

Х е р у в и м ъ.

Бѣжи, окалнная, грѣшная, особо!
 Полкнула еси Едем, несита утробо!
 Отселѣ не вниидеши, изгнана отсюду:
 Аз, херувим, Едемских врат хранит буду,
 Донелѣ же двер Святъ не отвержет снѣ
 Ктос, претерпѣвъ за тя страсти пресвятия.

Сцена 6-я.*Muta.*

Вулканъ в пеклъ уготовляетъ вериги, ими же Невоя Натуру людскую, изгнанную з рая связуетъ и в темницу отводитъ.

Неволя.

Даждъ нозѣ, заблуждшия от истина пути.

Связуи нозѣ)*

Более да не блудятъ, ужами свяжу ти.
 Простри руцѣ, согну ти, лакомая Ево:
 Больше их не простреши на райское древо.
 Преклони невоздержни от яблка гортани:
 Воздержанию тѣсни научатъ кайдани.
 Горѣ руцѣ поднеси, стягну ти и бедра:
 Уже не утолетѣютъ от роскошна ведра.
 Иди з свѣта в темницу, юже слѣпия ночи
 Темными слезми твоя запорошатъ очи.

*До темницѣ отводитъ **)***Сцена 7-ая.**

Плачъ Натури людской ридаетъ падения, || изгнания своего з царствія райска, ему же и ангели смутнимъ пѣніемъ з небесъ соболѣзнуютъ; но Благодать Божая пришедиши плачъ утоляетъ.

П л а ч.

З рая четыре текущая рѣки,
 Источѣте ми воды слез велики,
 Слезное море!
 Источите ми кровавихъ слез токи,
 Фѣзонъ, Геонъ, Тигр и Ефрадъ глубоки!
 Горе, мнѣ, горе!

*) На поляхъ.

**) На поляхъ.

А н г е л и.

Кий глас во мирѣ райскихъ рѣкъ вивает?
 Кто по всей земли зѣло разливает
 Слезиня води?
 Что за вѣтръ слезини такъ подноситъ волни,*)
 Ижъ велми ими колѣблетъ вся волни
 Ангеловъ роди?

П л а ч.

Нехай утопу во слезахъ во вѣки,
 Нехай не жию между человекъ
 Въ тяжкой печали!
 Обтечите мя, слезиня потоки,
 Точащися въ сердечной опокъ,
 Твердой надъ скали.

А н г е л и.

Кто стенаниемъ движетъ небо съ нами?
 Кто угашаетъ зѣльными слезами
 Небесъ свѣтила?
 Коего рода, во мирѣ жиюща,
 Неподвижною твердою движуща
 Толика сила?

П л а ч.

Есмь неутолимъ Плачъ людской Натури,
 Утопающей во грѣховной бури,—
 Кто жъ поратуетъ?
 Уви мнѣ! Уви! Не иматъ отради! ||
 л. 11. Дажде ей помощь, небесные гради:
 Смерть гробъ готует!

А н г е л и.

О, грѣховни нещасни потоки,**)

*) Въ рук. „водни“.

***) Въ рук. „потоки“.

В них же оловом погразают стопы
 Людской Натури!
 О, нещасливо наступило время!
 Кое так тяжело и нежно бремя
 Топит ю в бури?

П л а ч.

Ах, тяжело бремя—яблоко завѣщанно,
 Натури людской в вѣки навязано
 Лести руками!
 Тое як камен в бездну погружает
 И лакомими оной засипает
 Гортан водами.

А н г е л и.

О, почто ж прият прелести змиини?
 Почто подступи под дресеса сѣни
 Завѣщание?
 Прелест и древо било обродити,
 Котрого плоди мѣли утопити
 Навязанние.

П л а ч.

Ах мнѣ, горе мнѣ! Плачте, плачте, очи,
 Плачте всѣ дние, плачте и вся ночи,
 Плачте вся ночи!
 Временотворни, плачя о мнѣ, свѣте!
 Уми небесни, мнѣ соболѣзнѣте
 Скорбними гласи!

А н г е л и.

Плачем ми, плачем, небесни хори,
 Все ангелски ридаем собори
 Людску надежду:
 Свѣт часоносний плачем заливаем,
 Во сердца наша твоего здихаем
 Сердца мятежу.

П л а ч.

Весна з цвѣтами, тучно лѣто с класи,
 Осѣнь з гроздием, а зима со часи
 Хладними, плачи!
 Луно полная, плачу к нѣмѣни ||
 Людской Naturѣ райские отмѣни,—
 Утоли плачи!

А н г е л и.

Людску Naturу и стихия сами—
 Огнь, воздухъ, земля и вода—со нами
 Горко ридайте!
 Птенци, звѣрие, дрова плодовити,
 Такой отмѣни, и морские кити,
 Всѣ соридайте!

П л а ч.

Райские рѣки, лийте моя слези,
 Идѣ же вапш проходатся стези
 В пространомѣ мирѣ!
 Промийте жалемѣ очи мирянину,
 Да зрит на людской Naturѣ отмѣну
 Плачем без мѣри.

А н г е л и.

Гдѣ твой, Едеме, властителний жител?
 Райские звѣри, гдѣ повелитель?
 Раб ест на волѣ.
 Ридай, Едеме, плачете, звѣри рая!
 Жител вашъ плачет, в темници ридае,
 По райской волѣ.

П л а ч.

Бист прежде рая прекраснаго пани,
 Роскошь и Воля в ей руцѣ дани
 Быша от Бога,

Нинѣ же—ахъ, жаль!—подана во юзи,
Аки рабою владѣють недужи,*)
Болест премнога.

А н г е л и.

Лѣпо намъ, хору, во свѣтѣ сѣдящу,
Людску Натуру, в темницѣ лежащу,
Оплакивати.
Богъ бо такого кохаеть от сердца,
Котри в желѣзех бѣдна страсотерпца
Звикль посѣщати.

П л а ч.

От свѣта во тму, от жинани ко смерти
Та преселися, что дерзну простерти
На древо руцѣ.

А н г е л и.

О, о, Прелести, злаго змия жало!
Лакомству мати, печалям начало!
Вижд, чим играет: ||
л. 12. Навяза людской Натурѣ на вия
Легкое яблоко—бремена тажки,—
Ох утопает!

П л а ч ѣ **)

З его же чтири токи випливают,
Мои двѣ рѣки до того впадают
Роскошна раю!
.....***) моих слез великих води,
Яже погубих, совозращу плоди
Сладкому раю.

*) Въ рук. „неужи“.

**) Въ рук. ремарка пропущена.

***) Слово не поддающееся прочтению.

А н г е л и .

Прорастят плоди источники слезни,
 Натуру людску изнесут из бездни
 Горких ридани;
 Точию тебѣ, горкому,*) плачливу,
 Ко Создателю—Богу милостиву
 Требѣ ест аваний.

П л а ч .

Плачете Натуру людску, вси люди!
 Уви мнѣ, уви! Несказанни труди
 Терпит в темници,
 Во пучинѣ бѣд лютих углебает,
 Твоей помощи, Содѣтелю, чаест:
 Подай десници!

А н г е л и .

Десница Божа—Милости то дари—
 Людской Натурѣ датис як твари
 Скоро готова;
 Токмо лий слези, Плачу невтолимий,—
 Згасишь горащий гнѣвъ неутолимий
 Бога Егова.

Благодать Божая.

Престани юж от плачу слези проливати,
 Престани паденія Наури ридати:
 Обѣити истошилес слезния потоки,
 Ими же наполнилес ввес свѣт ей широки.
 Взлияся и в небо вода слез велика,
 В ней же Наука втопит адска Амалика,
 Втопит—есмь излиянна Божа Благодати,—
 Сама же заплинет в рай паки царствовати:
 Сего ради от плача горкаго престани. ||

П л а ч .

Изведи из глубини слез, прими за длани.

*) Въ рук. „горкаго“.

Сцена 8-я.

*Злост благодарствует Прелести, же Натуру людску прелестила на
окушение древа заповѣданнаго.*

З л о с т.

Га—га—га! Цѣлую тя, Прелести послыхо,
 Всего пекелна кола любима утѣхо,
 Обемлю тя усердно, лобизаю длани,
 Кланяюс ти до ног, милостивая пани,
 Же с того щос собрала добраго ми жнива,
 Злаго людской Натурѣ наварила пива;
 Тѣхъ твоих цнот, Прелести, нигди не забуду,
 Рознесу твое имя хвалами повсуду;
 Нех же слышат твою чест вся ония лонца,
 Котрими огнистя перуть кони солнца.
 Где Егр, Борей, где Зефир, где Аквиля вѣет,
 Там мой глаголѣ славу ти похвалми разсѣет.
 Идеже вход выходит,*) заход западаеть,
 Полудей возносится, полунощ смирает,
 Там твоя чест, Прелести, прославится**) мною,
 Прославила бо еси мене Злостъ тобою.
 Многи слави языки твой язык лестивий,
 Моим языком злосливим слави ти сквапливий.***)
 Тис радост Презерпѣнѣ, радость и Плютона,
 И тобою ся тѣшит в пеклѣ Тизифона,
 Торжествуетъ Алепто, рада и Мегера,
 Танцует невоздержно аксиоска (sic) сфера;
 Випудилас Орфея всяк плач из геени,
 В котрой не слышатся плачородни трени;
 Плавлет во радости сердце Танлково,****)
 Не алчет веселия, имѣет готово.
 Зизиф каменодвижей не працуе нинѣ;
 Адские веселятся, ликуют богинѣ. ||
 л. 13. Ляхезис и Атропос и Клото при смерти;
 Белѣди ако води радост разливают,
 Дай нѣмфи пекелние во ней ся купают.
 Рад, рад и Люципер, я смѣюся зѣло.

*) Въ рук. „вход“.

**) Въ рук. „прославися“.

***) Въ рук. „скваплиий“.

****) Sic. Вѣроятно, Танталово.

Га—га—га—га—га! Тепер же мнѣ мило,
 Тепер же ми як масло помазало груди!
 Вся от радости растаюся уди!
 Пеклу тепер торжество от твоих рукъ приде,
 Ими ж Натура людска из рая изийде.
 Люциперас як на два тузи посадила,
 Гди Натуру людскую сладким яблком зила.
 Егда снѣде Натура плод, тобою даний,
 Тогда Люциперу*) бист уготовани
 Обѣд изобилен радости кипящий,
 На котромъ со мною пласал онъ многащи:
 Отворилас ему двер до радости края,
 Егдас людскую Натуру отвергий из рая.
 Бѣхом во веселии тогда превелицѣ,
 Егда извержену вела ко темницѣ.
 Але тогда найпаче Люципер скакаше,
 Егда с плачем ангелский лик горко ридаше.
 О, заправди, Прелести послыхо, велие
 Пеклу, Люципери, мнѣ естес веселие.
 Чго пекло, Люципер и я вожелѣла,
 Твоя нам, о Прелести, сооружи сила.
 За котории труди всѣ дякуют мѣле
 Пекелни жителѣ твою славу смѣле,
 По всем вселеном крузѣ всегда разглашают,
 До рости же в пекло много запрошают.

Прелесть

Скоро до услуг моя вся труди приимѣте,
 З того же, что сотворих, всѣ ся веселѣте**)

Сцена 9-я.

*Отчаяние***) Прелест нѣкогда же надѣятися || Людской Натурѣ от Бога помилования. Но Милость Божая, Вѣрою и Надеждею его побѣдивши, Натуру людскую, в темницѣ сѣдящую, о свободенни увѣнчат.*

Отчаяние.

Згрѣши людска Натура кол много, кол крати,
 Егда Божию дерзну заповѣдь попрати;

*) Въ рук. „Люциперо“.

**) Въ рук. „всѣ веселѣте“.

***) Очевидно, пропущено сказуемое.

Сего ради горе ей з своїми*) грѣхами,
 В ран падшой и спадшой в геенске ями.
 И вѣм вся слиша, та же радость самому
 Люциперу, Злости и пеклу цѣлому:**)
 Натура чловѣческа упала у клюби
 Темничные, горшие паче лвових зуби.
 Нѣкогда не изидет з темничнаго кита,
 Поки Богъ Богомъ будет, поки станет свѣта.
 Там уже зѣло будет во муках страждати,
 О свободжени же а нѣ помишляти:
 Первѣе солнце згаснет, звѣзди потемнѣют,
 Первѣе свѣтозарнии небеса истлѣют,
 Первѣе вся стихия будут в едном лѣтцѣ,
 Неже людска Натура изийдет з темницѣ;
 Мощнѣе вкупѣ бити лѣту со зимою,
 Мощнѣе огнь сочтений зрѣти со водою,
 Мощнѣе нош со днем видѣти, вещь странну,
 Неже волнѣ Натуру людску отчаянну.
 Скорѣе истощатся источники во морѣ,
 Скорѣе непроходна во путь пойдут гори,
 Скорѣе камения возглаголят стѣни,
 Неже ю помилуют Бога благостинни:
 Яко не помилуют, оттол знати треба, ||
 л. 14. Же з нея пекло тѣшитя, а плачут с неба.
 Но чесо ради ест всѣм пеклом посмѣянна?
 Згинетъ вѣчными часи, ищезнет во адѣ,
 Уже ктому не жиет во Едемском садѣ;
 Погубленнаго рая жалѣти держае,
 Егдас второй в немъ власти сподѣвае.
 Ридал—видѣхъ,—ридал Плач чловѣчой Натури,
 Но вотще: нех ридае, нех всядет на мурѣ,
 Юж не отридае, что долженъ***) господину,
 Котри Натуру навѣки в темницу укину.
 Ридалъ—видѣхъ,—ридал Плач, но почто ридаше?
 Почто плачевним воплем небесъ приглашаше?
 Нехай день и нош ридае—вопл, молва то тщая,
 Ни един с небесъ снийде, тую утѣшая.
 И како приjde с небесъ радост, утѣшител,

*) Въ рук. „воими“.

***) Въ рук. „сѣлому“.

***) Въ рук. „делженъ“.

Идеже и сам плачет болѣзненно жител?

З юдолѣ веселіе, з желчи не идет сладость,—
Тако и от плачу небесъ не сплывает радост.

Слиши, людска Натуро, слиши и смутися,
Болшим днес, неже прежде, плачем прослезися,
Яко в той темницѣ на вѣки*) мучишь,
Милости ж Божой отнюд не получишь.

В ѣ р а.

Кто ти, о беаумнѣйший, сие неистово
Ко Натурѣ чловѣчой глаголеши слово?

Н а д е ж д а.

Кто ти на вѣкъ оную во тмѣ затворяеш,
А Божию от ней милость удаляеш?

О т ч а я н и е.

Вѣчну людской Натурѣ погибел мя знайте,
Имя Отчаяние мое нарицайте.
Вас же триех, кто есте, рцѣте, вопрошаю. ||

М и л о с т ь Б о ж а я.

Аз ти за обонх тѣх сама отвѣщаю:
Если людской Натури помощ поне знами,
Бога помощника ей крѣпка имами.

О т ч а я н и е.

Кто ест уже погибшой помагати смѣя?

М и л о с т ь.

Аз, Милость Божя!

В ѣ р а.

Аз, Вѣра!

Н а д е ж д а.

Аз, Надѣя!

*) Видимо, пропущено „ся“.

Отчаяние.

Затикаю ушеса: вѣтръ, смѣх—вашѣ гласи:
 Згибшой не поможете во вѣчные часи.
 Ти, Вѣро, ти, Надеждо, грѣшной не поможеш;
 Ти же, Милости Бога, як помощи можеш?
 Гнѣвъ Божи, Истинна, Суд, Декрет правосписный
 Изгнаша ю з рая на вѣкъ во край тѣсний.
 Егда една тим чтирем можеш одолѣти?
 Ужасно ест самому з многими ся прѣти.

Милость Божая.

Что ти, Отчаяние, празно глаголеши?
 Божей моей Милости почто небрежеш?
 Виджд: Гнѣвъ Божий укрочу, Суд умилювую,
 И с тѣми же угожду Декрет и скаую;
 Видиш, что свѣт солнечний на ввес мир сияет,
 Так и Милость Божая всѣм ся подавает.
 Аз изведу з темници плачливую душу
 И, да ю помилует, Бога сердце варушу.

Отчаяние.

Нѣст мощно ти, Милости, сего сотворити:
 И сам ся себѣ Богъ будет противити.

Милость.

Нѣст мощно по твоему мниманию злomu,
 По Божию же мощно разуму благому.
 Вѣришь ли речениям моим, Вѣро?

Вѣра.

Вѣру! ||

л. 15.

Милость.

Приими крестъ—знаменне твоей вѣри, мѣру.
 Ти же, Надеждо, что ко сим?

Надежда.

Ей-ей, ся надѣю.

Милость.

Прийми ж и знамение—мою котву сию.
 Стойте, Вѣро, Надеждо, непоколѣбими,
 Крѣпко уержденни знаменми своими,
 Вѣруйте, надѣйтес моему обѣту,
 Иж Натура людская преидет з тми*) ко свѣту.

Отчаяние.

Юж сут тия глаголи: грѣшница во свѣтѣ
 Из темници отшедша не будеть ходити.

Милость.

Горѣ та знаменія ваща поднесѣте,
 Амалика лживаго скоро побѣдѣте!

*Cadat hic Desperat**)*

Вѣра.

Побѣдихом, Милости, лжива супостата!

Милость.

Тецѣмо ж торжественно пред темнична врата!
 Там Натура чловѣча знамение прийметь,
 Же ю Избавление з темници изнмет.

*Eant ad carcerem.***)*

Милость.

Чловѣчка Натуро, сѣдящая в сѣни,
 Даю ти, Милость Бога, розгу от милостини—
 То тобѣ знамение от будущей жизни.

*) Въ рук. „тим“.

**) Ремарка на поляхъ; обрѣзано переплетчикомъ.

***) На поляхъ.

В ъ р а.

Вѣруй!

Надежда.

Надѣйся!

Милость.

Внидешь до райской отчизни!

Н а т у р а.

Вѣрую, надѣюся, иж вниду о Бозѣ,
Твои же, о Милости, лобизаю нозѣ.

Х о р

оглашает милосердна быти Бога над Натурою людскою.

О кто ж исповѣст, як ест Богъ богати
И во милости и во благодати? ||
Людской Натурѣ, яже днес отпаде,
Днесъ милость даде,
Преврати гнѣвъ свой во любов велику,
Божю Милость посла къ человѣку;
Нинѣ юж кипит огнем любвѣродним,
Не гнѣвохлодним.
Свѣт—Богъ правдиви во своею дѣлу
Уподобися солнечну свѣтилу:
Яко бо солнце заход и всход мѣет,
Так и Богъ дѣет.
Зайде Он тогда, егда разярился
Взийде же нинѣ, гди уласкавися;
Людску Натуру облиста свѣт в ноци
Божой помощи.
В плачи, Натуро, не пребуди косоно:
Восия ти Богъ—солнце свѣтоносно;
Тое развѣет твоя непогоди
Слезния води.
Богатъ во благости, Боже достовѣрни,
Отчаянием лживим неизмѣрни,
Безчислена Тя во милости знаем,
Пѣснь ти спѣваем. ||

АКТЪ II.

Сцена 1-я.

Злостъ Люциперова, слышащи Милосердіе Божіе надъ Натурою людскою оглашенное, паки ярится и гласитъ Неволю, да Натуру людскую предастъ в работу фараоновъ.

З л о с т.

Жестоко оружіе въ сердце мое вниде,
 Когда ми вѣсть такова во ушеса прииде,
 Якби Вѣра, Надежда и Милость отъ вишнихъ
 Мѣютъ извести людску Натуру отъ нижнихъ:
 Огнемъ сѣрчистимъ моя ражжеса утроба,
 Егда уарѣхъ стоящихъ у темнична гроба
 Посланиковъ небеснихъ; но стржа естъ острожна,
 Грѣшницу зъ тми ко свѣту извести не можна.
 Милость вотще трудися, Вѣра ни во что же,
 Надежда естъ суетна, ни в чомъ не поможетъ.
 Добрѣ бо заключенна темничными врати,
 Ихъ же и всему небу не мощно сломати.
 Милость ю знаменіемъ своимъ утверждаетъ,
 Возвратится знову в рай обѣщаваетъ,—
 Се нѣстъ мощно и Богу силну сотворити,
 И кто жъ возможетъ адску силу сокрушити?
 Розку та преступница пріяше масличну,
 Чауши воспріяти жизньъ райскую вѣчну,—
 Прииметъ невмирающий червь, огонь невчасимий,
 Когда ю Люципер нашъ прииметъ, другъ любими.
 Остри терны*) в рукахъ оной вижду, не маслину:
 Се взятъ болѣзни горкой знаменіе вино.
 Всегда будетъ желѣзны остроги мучима,
 По колющихъ нещадно гвоздѣхъ влачима; ||
 Добрѣ же ти свобода вниде в моя слухи,
 Блюсти я крѣпко буду пекелными духи.
 Нехай здѣ и вся сили небесния приидутъ,
 Безъ успѣха, безъ славы со встидомъ отидутъ.
 Тяжко естъ желѣзными ужи обложена,
 Но тяжчайшими будетъ окови язвленна,

*) Въ рук. „терну“.

Яростію Неволі распалю состави,
 Немилостію разжу вся ей злія прави.
 Неволя фараону, египетску пану,
 Даст Натуру, в юдеях лютому тирану;
 Тако будет на вѣки тяжко работати:
 Увижду, кто ю дерзнет от уз свободжати.
 Неволе! о Неволе! Другине любима!

Злост гласит Неволю; Неволя приходить)*

Н е в о л я .

На что мя глашаеши? Стою пред очима.

З л о с т .

Молю тя всеусердно: се сотвори дѣло,
 О нем же ся все пеклю возрадует зѣло.

Н е в о л я .

Кое? Повѣжд, да знаю; сотворит готова.

З л о с т ь .

Хощет Натуру Милость свободит Егова;
 Но ти намѣреную препни сию волю,
 Во образѣ юдейском возми ю в неволю
 До люта фараона: нехай як волами
 Працует Натурою вданною жидами.

Н е в о л я .

Рада повелѣнное сотворю воскорѣ;
 Не воздвигнет Натура очес своих горѣ.

*) Замѣтка на поляхъ.

Сцена 2-я.

Спящу фараонови Фортуна является, предсказующи власт и мѣти над Израилем, зъ чого фараонъ возбужденый гетманом своим тѣшится || (Л. 17) со велможи, воими, и в тим) Неволя приводит Израилья и в роботу египтяном предает.*

Ф о р т у н а.

Спит чловѣкъ, но Фортуна не смѣжает брови;
 Една златом, другаго дарует окуви.
 Аз, Фортуна, дарую тя златомъ,
 В славѣ и владѣнии сажду*) пребогатом.
 Ибо народ еврейски в твоя днесь полати
 С Неволею приведу тебѣ работати.

Г е т м а н ъ с о в о и.

Востани, фараоне, востани! Что спиши?
 Ни ли какову печал на сердцу носиши?
 Веселися, монархо: панство ти ест цѣло,
 Твое блюсти здравіе ест то наше (дѣло).***)

Ф а р а о н ъ.

Возиграся сердце мое велми в сие время,
 Совлече скорби з себе каменное бремя;
 Да сорадуется мнѣ вся моя полата,
 Да веселится купно держава богата,
 Паче же ви, велможи, тѣштесь со мною,
 Радостью ся мнѣ исполнат благою.

В е л м о ж а 1.

Всегда ми з твоей здравой веселимся глави,
 Тебѣ здравствующу вси есми здрави.

В е л м о ж а 2.

Тѣшимся з твоей ласки на всяку годину,
 Но хощем настоящей радости знат вину.

*) Очевидно, пропущено „часѣ“.

***) Въ рук. „снжду“.

***) „Дѣло“ въ рук. отсутствуетъ, но легко дополняется по смыслу и въ виду предыдущей речемы „цѣло“.

Ф а р а о н ъ.

Та ест моей радости настоящей вина,
 Та паче всѣхъ веселша приде ми година,—
 Небо аще по вся дни дѣет ми благая,
 Многоцѣнно богатство в десницу влагая,
 Но*) нинѣ найпаче сприяша бози,
 Когда ни народи кланяются мнози: ||
 Кого Нептун морскими частует волнами,
 Кого Марсъ насыщает кровавыми слезами,
 Кого найвижши Ювиш**) громи поражает,
 Чия Бореашъ в коли кости собираеть,
 Кто в брани поносит различныя бѣди,
 Кто ся за Фортуною гонит за край свѣта,
 В нуждѣ же пребывает, в нуждѣ кончит лѣта,—
 Аз над всѣхъ есмь,—щастливост, власт моя такая... ***)
 Глава неужавленна жадною бѣдою.
 Мнѣ и в дому сѣдящу Фортуна во длани
 Приводит, покарает далекия страни,
 Крѣпкую силу мою прославляет всюду,
 Господемъ и еврейску сотвори мя люду;
 Сотворит бо ми нинѣ, сѣдящу на тронѣ
 И спящу на пресладком Морфеуша лонѣ,
 Та явися богиня з словеси такови:
 Вели уготовати зельзныя окови,—
 Придетъ народ еврески в твоя днес полати,
 Неволею приведен тебѣ работати.

В е л м о ж а 1 и 3.

Радостна ти, Фортуна, вѣсти предсказаше,
 Яже да исполнится, жичит сердце наше.

В е л м о ж а 2 и 4.

Не ложніе Фортуна во снѣ даетъ обѣти:
 Градет уже Израил, ****)—рад на него зрѣти.

*) Въ рук. „не“.

**) Въ рук. „Iovisz“.

***) Повидимому пропущены слѣдующія двѣ строки.

****) Въ рук. „из рая“.

Неволя

Израиля Неволя приводит до фараона.

Сей род богом противный привожду, Неволя,
Да твоя нимъ владѣет и рука и воля.

Ф а р а о н ъ.

Отдаждь я египцяномъ, да сотруть им роги;
Свяжи руцѣ и нозѣ, предаждь в труды многи.

Неволя

Рабы фараоновы, жидов сих свяжѣте,
Въ тяжкую работу з собою поимѣте. ||

л. 18.

Зде египтяне жидовъ вяжушь.

Сцена 3-я.

Моисеви овца пасущему Богъ является во купинѣ огненной, заговѣщающуи ему люд Израилски от фараона извести.

Исход, глава 2.)*

М о и с е й.

Что сие видѣние страшно и ужасно
Художеству моему явися напрасно?
Вяжду огнем купину горящим палиму,
Но от пламене зѣлна никако вредиму!
О чудо, паче чудес всѣх неизреченно!
Пойду, познаю ли таинство се явленно.

Богъ—Слово.

Глас Божий з-за купины.

Моисей!

М о и с е й.

Кто еси? Се аз, раб, владыко.

*) На поляхъ.

Богъ—Слово.

Не приближайся: зриши таинство велико.

Моисей.

Зрю, Господи.

Богъ.

Изууйже сапогъ твой от ногу,
Когда хоцещи познати благодать премногу.

Моисей.

Велика се благодать, странно чудо зрѣти,—
Токмо*) сие сотвори, хоцу разумѣти,

Богъ—Слово.

Богъ Авраамовъ, Исааковъ явих сию тайну,
Да подам Израилю милость мою крайню;
Ти же да сотвориши, что Аз завѣщаю.

Моисей.

Гласа Твоего, Боже, раб твой послушаю.

Богъ—Слово.

Услишах людей моих в египеской муцѣ,
Со воплем в небо ко Мнѣ возносящих руцѣ:
Сего ради явихся, да тамо идеши,
Да их от фараона руки изведеш.

Моисей.

Како мною самим се может ся собити?
Не возмогу Египта един побѣдити!

Богъ—Слово.

Воззови со собою Арона левита,
И от Бога ко фараону шествие творита. ||

*) Послѣ этого слова, видимо, пропущено „кто“.

Аз буду и на пути и в Египтъ с вами,
 Моими фараона побѣдиш словами.
 Аще ли не восхоцет люд мой отпустити,
 Дам ти чудеса свишше его ужасити.

Моисей.

Се аз иду Господи.

Богъ.

Иди мужественно,
 Да сѣмя Авраамле будетъ освобожденно.

Сцена 4-я.

Моисей со Аароном молят фараона, абы имъ Израиля отпустил, чесо ради и жезл во змяя претворяютъ, который фараоновихъ змиевъ, такожде з жезловъ) волсви претъненьхъ, пожиратъ, не хотящаго ся фараона ко молению ихъ чудеси преклонити, имими знаменми отъ небесъ устрашаютъ, первенцовъ умерщвляютъ, и тако Израиля изведши**) преводятъ Чермное море, в немъ же гонителъ фараонъ со вои своими потопленъ.*

Фараонъ***)

Откуда прийдосте? что за люде такови?
 Чесо ради Израиль прииде со окови?

Моисей.

Аз, Моисей, се Ааронъ з Амореиской страны,
 Къ тебѣ, фараонови, отъ Бога послани.

Фараонъ

Чесо ради?

Моисей

Да люд****) сей Богови угодний
 В землю Хананейскую отпусти свободний.

*) Въ рук. „жеалом“

***) Въ рук. „извести“

****) Въ рук. ремарки нѣтъ.

****) Въ рук. „да юд“

Фараонъ

Кто ест Богъ ваш, его же послушаю гласа*)?
 Аз ему не есмь должен ни едина власа.
 Не вѣм Бога вашего над собою власти,
 Немошно на мя его велѣнію пасти;
 Не отпущу з Египта израилска люду;
 Аз господь, азъ властител весма ему буду.

Ааронъ.

л. 19. Виджд Бога Израилска въ небѣ и здѣ суща, ||
 Им же ти сотвореній, и вся твар движуща.
 Нѣст мощно противитися рабу господевн:
 Кую силу имѣют противъ вѣтров плеви?
 Не противися, царю, Вишняго десници,
 Пред Ним же вся трепещут ангелстии лица;
 Сей ти завѣщает своя отпустити
 Людѣ—Себѣ во пустыни требѣ сотворити.

Фараонъ

Что ви обращаете раби моя сия?
 Рабе, ко дѣланію неволну возми я,**)
 Наложн на вня их неудоб носимо
 Бремя, да идут злія помисли ихъ мимо.
 Рекох, яко вашего Бога лож не знаю,
 Ни ко завѣту Его разум прекланяю.

Моисей

Вся земля и небеса Бога чтутъ правдива,
 Вся твар знает, и хвалит всяка душа жива.
 Познай и ти створеніе своего си Творца,
 Поработай Вишнему, не буд богоборца.
 Отпусти люди Его с твоея держави;
 Аще не отпустиши, гнѣвъ ниспослетъ на ви.

Фараонъ

Гнѣвъ Его ничто же мнѣ может одолѣти,
 От гнѣва сердце мое не имат болѣти!

*) Въ рук. „часа“.

***) Въ рук. „невозму возмня“.

Не пуцу Израиля з моя десници,
Дондеже знамения не узрат зреници.

М о и с е й.

Крипкий Богъ во дѣлех своих вся творит, елика
Восхоцет; знамения узриши велика:
Аароне, возми жезл сей, верзи пред цареву
Лице, и в нпу шлот претвори се древо.

Жезл вземлет Ааронъ, и тако отмѣняет: ||

Видиши, фараоне, жезл сей неживущий?
Бога благодатию,—вижд сей змий ползущий!

В е л м о ж а.

Повелѣ, Фараоне, мудрцем здѣ предстати
И подобно людей сих чудо показати.

Ф а р а о н ъ.

Призовѣте я сѣмо.

В е л м о ж а.

Раби, близ стоящих
Пригласѣте нам волхвовъ, чудеса творащих.

Г е т м а н ъ.

Волсви, и ви таково чудо сотворѣте:
Мойсея и Аарона дѣло побѣдѣте.

В о л х в ъ 1.

Чудо таково и ми взаем вам сотворим,
Жезли древняни во змия претворим.

Ф а р а о н ъ.

Верзѣте я на землю: аще будет тако,
Постидятся колѣно Израилско всяко.

Волхвъ 2.

Аароне и Моисею, жезли в руках зрите—
Такови сут змиеве, яко ваша мните.

Ф а р а о н ъ*)

Видите волхвовъ моих чудеса подобна?
Тѣхъ ради люд пустити—вещ ест неудобна.

М о и с е й.

Видимо, но волшебна сут чудеса сия.
Змию нашъ, глаголю ти, воскорѣ пожри я!

А а р о н ъ.

Видиш, Бога нашего кол предивно дѣло?**)

(Ф а р а о н ъ)

Не отпущу з Египта Израилска люду:
Аз господь, аз властитель весма ему буду.

А а р о н ъ.

Аще ти Израилский люд не отпустиши,
Горкия на ся***) казни с небесъ узриши;
Не дадут ти помощи мудрци твоя лживи,
Потребит тя от земля Саваоѣ правдивий, ||
л. 20. На дом и люди твоя страшни послеть гради,
Одождить огнь и духъ бурень, и ядовити гади,
Побіет ввес Египет от человек до скота,
Сожет, в градѣхъ и селих не будет оплота.
Изморит раби твоя стари и младенца,
Погубит и ссущаго всякаго первенца.
К Тебѣ, Боже Всесильный, воздаем сердца наша:
Дажд на тия казн, иже люд твой удержаша!****)
Первородни в Египтѣ измори отроки,
Да познает Тя Бога фараонъ жестоки!

*) Ремарка въ рукописи пропущена.

**) Слѣдующій стихъ, риѣмующій, отсутствуетъ; нѣтъ и обозначенія, что далѣе говоритъ фараонъ.

***) Въ рук. „вся“.

****) Въ рук. „утверждаша“.

Блесни молния, дажд глас грома ужасна,
Да печал фараона обидет напрасна!

Моисей и Аарон руцѣ возносятъ в небо,—падаютъ за отроки на зем.лю.) Здѣ небо молнію, громи, град, гадъ дають.*

Ф а р а о н ъ.

Престани, о Моисею, до неба волати,
Престани убийственный град на мя спущати!**)
Вижду Бога вашего крѣпость всемогущу,
Вижду силу, землею и небомъ движущу.
Возми людъ Израилскій отъ моей держави,
Градѣта во-своеси изъ Египта здрави.

А а р о н ъ.

Аще отпустилъ еси, вели отпустити:
Не мощно естъ связанну по путехъ ходити.

Ф а р а о н ъ.

Раби, людъ Израилскій скоро разрѣшите!
Се уже есте волни: во мирѣ градѣте.

И тако раби развязуютъ жидовѣ. По отшествіи жидовѣ паки разярится:

Что яко повинухся Израилску Богу, ||
И в свою Израиля отпустихъ дорогу?
Много зла сотвори мнѣ: измори вся люди,—
Гнавѣ постигну родъ его, разсѣку на уди.

Фараонъ бѣжитъ за жидами и в мори тонетъ.

Сцена 5-я.

Злость Люциперова, видяци Израиля отъ работи фараона освобождена, ярится на Моисея и Смерть царицу надъ Натурою уставляетъ.

З л о с т ь.

Волхвъ Моисей, что я вижду, волшебными чуди
Египетски дерзну устрашити люди;

*) Повидимому, что то пропущено.

***) Въ рук. „смуцати“.

Устрашу его и аз—пожди тилко мало,
 Не будет его болшей чудо волхвовало!
 Неволя Израиля даде фараону,
 А онъ того*) во свою прият оборону.
 Пожди токмо, Моисею, пожди токмо мало:
 Люд прежде Израилский взях в руку силну
 И вовергох в работу египетску зълну,
 А онъ его извлече! Почекай, Мойсею,
 Болшъ ему не поможеш мишцею твоею.
 Израил, во Египтѣ работѣ угоден,
 Днес ест благодатию Моисея свободенъ,—
 Узрит твоя болшъ, Мойсею гугнивий,
 Которими ся почтет благодарно дивий!
 Взях Моисея**) с-под воскрилия фараона шати
 Израиля: но что потом назначати
 Имѣет ли, егда ли, чим? Мойсей извѣщает,
 Же и людска Натура бит свободна мает,—
 Никакоже! Уставлю над нею госпожу
 Смерть, посажу на престол оную, умножу
 Заболест, избию вся Мосея пророки, ||
 л. 21. Возаиются от Смерти крвавими потоки:
 С-под области же Смерти не изийдет она,
 Так як изшедлъ Израил от рукъ фараона.
 Будет в той темници в болѣзни ридати,
 Нѣкогда умирая, всегда умираати.

Сцена 6-я.

Смерть, царствующая от Адама даже до Христа, смертельными Грѣхами на престолѣ почтенна, областію же над людскою Натурою величается.

С м е р т ь.

Возведенна***) на престолѣ, посажденна вама,
 Царствовах и царствую даже от Адама:
 Той во мир воведу, и есмь мира пани,
 Вся конца в област мнѣ през него дани.
 Мнѣ то Азия служит, Европа голдует,
 Америка, Африка всегда услугует,

*) Въ рук. „тою“.

**) Вѣроятно, д. б. „Взя Мойсей“.

***) Въ рук. „воведенна“.

Выходом, югом, заходом, полнощю владѣю,
 Царствія, княженія в сей длани имѣю;
 Нѣмаш такого панства, где бим я ніе била,
 Нѣст имже господством Смерти не владѣла.
 Царие и князи, пани и велможи
 Мнѣ, царици, княгинѣ, пани и госпожи,
 Покараются, служат, должно работают,
 Пред сим престолом в землю чолом ударяют.
 Аз всѣх людей во мою привлечу державу,
 Всѣ моему смертному подлѣгают праву;
 Аще бы мя и хотѣл кто от земна роду,
 Даби мнѣ не подлѣгал, просит освободу
 Нѣсть мощно: прозба его неспорна и тщая,
 Коринта раскопует сего испрашая!
 Нехай силе на окуп золотие гори—
 Не откупится, будет на смертном позорѣ; ||
 Нехай мнѣ камением свѣтит многоцѣнным—
 Не прийму той свѣтлости, за тое присѣним
 Очерню его сѣни смертоносни мраком
 Так, же не будет зрители нѣгди свѣта зраком!
 Крипкие разораю твердини и гради,
 Тренещуть мя мужіе старии и млади;
 Младенцев яко шипков коса посѣкает,
 А як травно биліе старих подтинает;
 Гди такие шлевели терном исторгаю,
 И пшеницу оную през искореняю,
 Связавши в смертніе потреблю гроби,
 Аки в дебр огненую. Нѣсть таковий, кто би
 Того мнѣ забронил смертелнаго жнива:
 Нѣким, точию мною, свѣта зжнется нива;
 Ни един человекъ моей не избѣгл власти
 В пути бѣгством,—отнюд мусит мною пасти.
 Скора есмь, би во концех свѣта постигнути,
 Котрий би моей власти хотѣл избѣгнути;
 Немаш мѣстца такого на земли и в мору,
 Еже би без моего стояло дозору;
 Страни вся предо мною сердцем одолѣвають,
 Ни от кого тих ся сил юж не сподѣвають.
 Сим страхом и Натурѣ будет сердце тлѣти,
 Поки буду на вѣки землею владѣти;

Ибо людска Натура приде в мои руки,
Аще и Мойсеомъ ест от египетской муки
Избавлена: владѣю и керую ею,
Господствую, як пани рабою своею.

П и х а.

Пануй, царице, на вѣк! Моя ти ест сила:
Смирйй чловѣчу Натуру дозѣла...

Здѣсь рукопись обрывается.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко.

ТОМЪ I—XXII.

Содержаніе неофициальныхъ отдѣловъ.

I ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Очеркъ Государственной дѣятельности и частной жизни Перикла, *П. И. Люперсольскаго*.—Философскіе этюды А. А. Козлова. *Н. Я. Грота*.—Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича*.—О землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова*.—Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго*.—Исслѣдованія въ области греческаго мѣстоименія. *А. В. Добиаша*.

II. ТОМЪ (распроданъ).

Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. *Н. Я. Грота*.—Нѣсколько поправокъ къ тексту Горація. *Г. Э. Зенгера*.—Первобытныя славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. I, 1. *А. С. Будиловича*.

III ТОМЪ (распроданъ).

Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. *П. И. Люперсольскаго*.—Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова*.—Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.). *Н. А. Лавровскаго*.—Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ *Р. А. Фохта*.—Патмосскія схоліи къ Демосѣену. *П. В. Никитина*.—Первобытныя славяне. I, 2. *А. С. Будиловича*.

IV ТОМЪ Вып. I. (Ц. 75 к.).

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана *А. С. Будиловича*.—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Осамъ“ *Р. О. Браднта*.—Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горація. *Г. Э. Зенгера*.

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій. I. *Н. Я. Грота.*

V ТОМЪ (распроданъ).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *П. А. Адриянова.*—Психологія чувствованій. II. *Н. Я. Грота.*—Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Ѳ. Брандта.*

VI ТОМЪ (распроданъ).

Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Лавровскаго.*—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*—Первобытныя Славяне. II, 1. *А. С. Будиловича.*—Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*—Новыя догадки о порченнѣхъ чтеніяхъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Критическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Пароенія. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. *І. А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ (распроданъ).

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о реформѣ логики. I. *Н. Я. Грота.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція. *Г. Э. Зенгера.*—Вышія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа *А. А. Мусина-Пушкина.*—Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа *Жиро.* Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя.*—Памяти Гоголя. Матеріалы для бібліографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева.*—Разборъ сочиненія Шушерина о жизни дѣятельности патріарха Никона. *М. А. Казминскаго.*—Францискъ Ладиславъ Челяковскій. *В. Н. Шамраева.*—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. *Н. И. Иванова.*—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. *А. Я. Никольскаго.*

VIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. *Р. Ѳ. Брандта.*—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова.*—Памяти В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. *П. А. В. Добіаша.*—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича.* Переводъ *Н. В. Шлякова,* подъ редакцію *Р. Ѳ. Брандта.* I.

IX ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова*.—Эниграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Зенгера*.—*P. Terenti Afrī Eunuchus*. Съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. *І. А. М. Фогеля*.—*M. Tullī Ciceronis Laelius de amicitia*. Текстъ съ объясненіями. *П. А. Адрианова*.—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича*. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. II.

X ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова*.—*P. Terenti Afrī Eunuchus*. *П. А. М. Фогеля*.—*Миклошичъ*, Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. III—IV.—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Θ. Карскаго*.

XI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Грамматическія наблюденія. *С. Н. Жданова*.—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И. Соколова*.—*Миклошичъ*, Срав. Морфологія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. V. *Titi Livi ab urbe condita lib. XXX*, съ объясненіями. *А. М. Фогеля*.—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, *Я. Денисова*. *Н. Ф. Фоккова*.

XII ТОМЪ (распроданъ.)

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребницкаго*.—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова*.—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. И. Лилеева*.—Матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. *М. И. Лилеева*.—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности. (I) *Е. В. Пятухова*.

XIII ТОМЪ. (распроданъ.)

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. *А. В. Добіаша*.—О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича*.—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III). *М. И. Лилеева*.—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пятухова*.

XIV ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Замѣтки по греческому синтаксису. (Очеркъ симасіологіи глагола).
А. В. Добіаша.—*M. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute*, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Лилеева.*

XV ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Гимназія Высшихъ Наукъ Кн. Безбородко (1820—32). *Е. В. Пытугова.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист. Фил. Института Князя Безбородко (1875—95).—Замѣтка о библиотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ Библиотекѣ Института. *Е. В. Пытугова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу. *Е. В. Пытугова.*—О картинной галлерей Института. *И. Г. Турцевича.*—Нѣжицъ въ началѣ XIX в. *Н. М. Бережкова.*—Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н. Бережкова.*—Культь Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. С. Карскаго.*—С. С. Бобровъ. *С. Н. Брайловскаго.*—Мифологія Слова о Полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*

XVI ТОМЪ (Ц. 3 р. 50 к.)

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова.*—*И. А. Левицкій.* (Некрологъ) *М. Н. Бережкова.*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библиотекъ. *М. Н. Сперанскаго.*

XVII ТОМЪ (Ц. 3 р. 50 к.).

Душевное настроеніе Фридриха Великаго во время Семилѣтней войны. *Е. Н. Щеткина.*—О шестой пѣснѣ Энеиды Вергилія. *А. А. Брока.*—Культь Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в., т. I (критическое изслѣдованіе источниковъ). *В. В. Качановскаго.*

XVIII ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Научная цѣнность христіанскаго знанія. Свящ. *А. В. Лобачевскаго.*—Начало академической свободы въ западной Европѣ. *В. К. Пискорскаго.*—Объ одной историко-политической запискѣ временъ присоединенія Крыма. *М. Н. Бережкова.*—*Notemica.* *С. Н. Жданова.*—Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа. *В. Ф. Бурзи.*—Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ

въ первые три вѣка римской имперіи. *И. Г. Турцевича.*—Н. А. Лавровскій. *А. В. Добіаша.*—Описание рукописей бібліотеки Института. Подъ ред. *М. Н. Сперанскаго.*—Изъ исторіи сербской литературы. *В. В. Качановскаго.*—Что такое филологія и каково ея значеніе? *А. В. Добіаша.*

ХІХ ТОМЪ (Ц. 1 р. 75 к.).

Описание рукописей бібліотеки Института, окончаніе (см. XVIII томъ „Извѣстій“), сост. *М. Н. Сперанскій.*—Религія Лукреція. *А. А. Брока.*—Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи. Приложение (см. XVIII томъ „Извѣстій“). *И. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв., выпуска II, части I-й стр. 1—90. *М. И. Лилеева.*—Задачи исторіи античныхъ литературъ. Вступительная лекція *М. И. Мандеса.*—Памяти *В. В. Качановскаго.* *М. Н. Сперанскаго.*

XX ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Отчетъ о дѣятельности временной „Гоголевской“ комиссіи, составилъ *И. А. Сребницкій.*—Памяти *Н. Е. Скворцова.* *Г. В. Малеванскаго.*—Объ источникахъ афинскаго права. *Б. Ф. Бурзи.*—Новооткрытая „Буквица“ Досноея Обрадовича. *К. О. Радченка.*—Малоизвѣстное сочиненіе Евеміи Зигабена, трактующее о богомилахъ. *К. О. Радченка.*—Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ. Быв. студ. *А. И. Солнцева.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

XXI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Описание рукописей библ. Приобрѣтенія 1901—1903 гг. (см. XVIII и XIX томы „Извѣстій“). Сост. *М. Н. Сперанскій.*—Школьный вопросъ въ древней Греціи. *Б. Ф. Бурзи.*—О краснорѣчии у древнихъ Еллиновъ. *А. И. Покровскаго.*—Въ память проф. *П. А. Люперсолевскаго.* *М. Н. Бережкова.*—Недуги нашего учебнаго дѣла. *Н. Е. Скворцова.*—О введеніи въ Исторію Греціи проф. *В. П. Бузескула.* *А. И. Покровскаго.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

XXII ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Описание рукописей библ. Приобрѣтенія 1904—1905 гг. (см. XVII, XIX и XXI томы „Извѣстій“) Сост. *М. Н. Сперанскій.*—Неизданные штемпеля на ручкахъ греческихъ амфоръ, описалъ *Б. Ф. Бурзи.*—

Отличительныя черты классическаго міровоззрѣнія. *И. И. Семенова.*—
Къ вопросу объ основномъ характерѣ древне-еллинскаго государства.
А. И. Покровскаго.—О почетныхъ должностяхъ римскихъ императоровъ
въ городахъ въ первые три вѣка имперіи. *А. А. Мартова.*—Филоло-
гическіе этюды и замѣтки. *И. Г. Турцевича.*

XXIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Памяти М. И. Соколова. *В. И. Ръзанова.*—Одинъ изъ учителей
Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинскій). *М. Н. Сперанскаго.*—Изъ слободской-
украинской старины. *В. И. Саввы.*—Филологическіе этюды и замѣтки
(продолженіе см. XXII томъ Извѣстій). *И. Г. Турцевича.*—Элія Аристида
Панегирикъ Рима. Изд. *И. Г. Турцевичъ.*—Лукіана, Какъ надо писать
исторію. Перев. *А. А. Мартовъ.*—Памятники драматической литературы,
Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. Изд. *В. И. Ръзановъ.* (часть 1-я).

Историко-филологическій Институтъ Князя Безбородно въ Нѣжинѣ. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. (Ц. 1 р.).

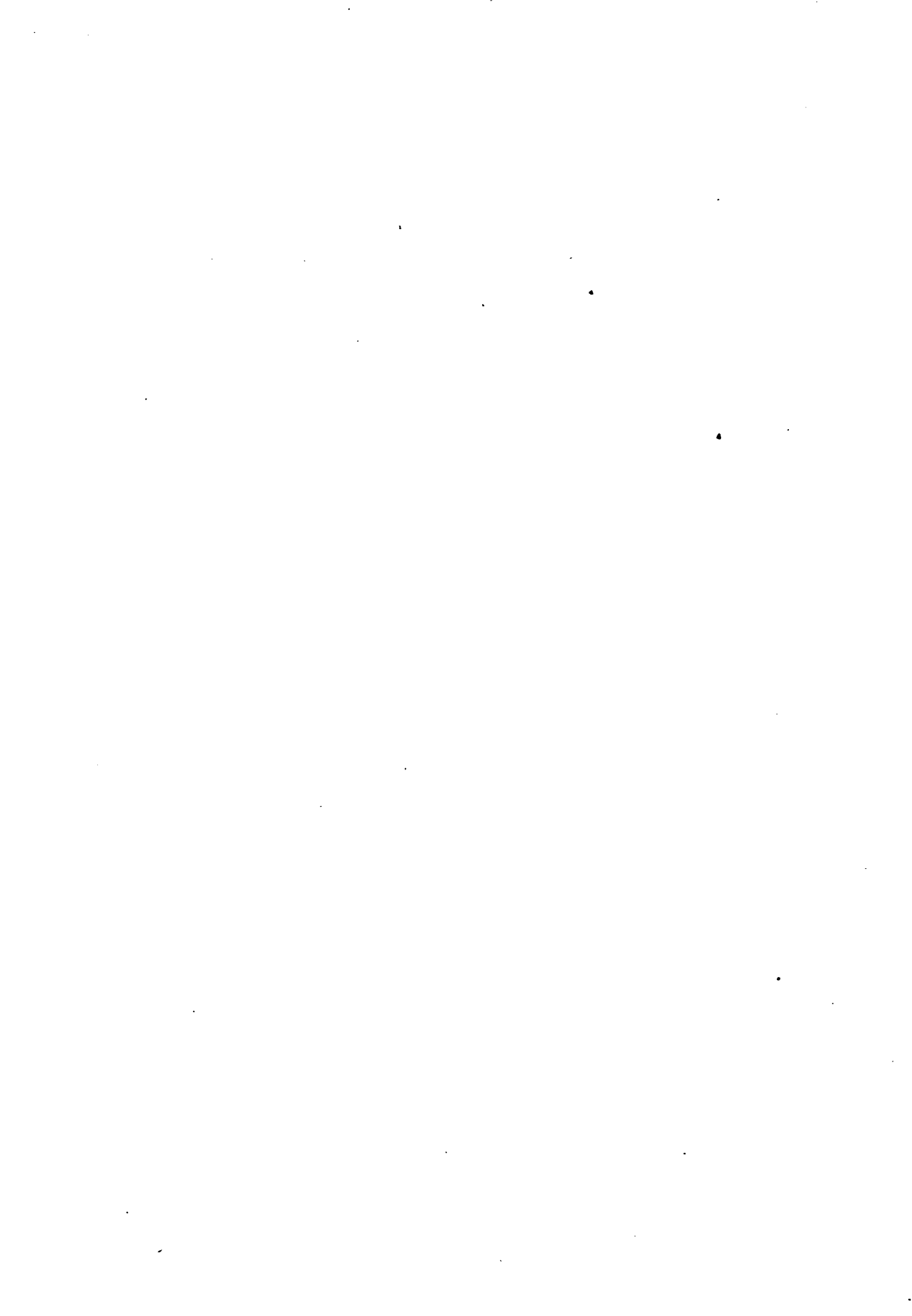
Гоголевскій Сборникъ (Юбилейный). Изд. состоящей при Истор.-Филол. Инст. Гоголевской Коммисіей подъ ред. М. Сперанскаго. Кіевъ. 1902 (Ц. 2 р.).

1) *М. Н. Сперанскій*: Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. В. Гоголя.

2) *И. А. Заболотскій*: Н. В. Гоголь въ русской литературѣ.

3) Гоголевская Выставка.

4) *И. А. Сребницкій*: Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи Высшихъ Наукъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ КИЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1906 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомитъ публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлію, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій Университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты и библиографическіе указатели для учащихся.
6. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборъ диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертациі.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полныя курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части: 1) — о ф ф и ц и а л ь н у ю, протоколы, отчеты и т. п. — 2) н е о ф ф и ц и а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — *критико-библиографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣню выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели. библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюдений и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1907 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими или къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же), или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ*.

